Валерий

ЗОЛОТУХИН

На плахе «Гагарки»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"На плахе «Таганки» — уникальный по своей откровенности и драматизму документ, повесть о небывалой популярности любимовского театра в 60-80-е годы, история его раскола и заката, рассказ о его звездах — В.Высоцком, А.Демидовой, Н.Губенко, Л.Филатове, о Юрии Любимове и Анатолии Эфросе. О чем бы ни писал В.Золотухин — о взлетах и падениях Учителя-Мастера, об ошибках Друга-соратника, заблуждениях Друга-соперника, слабостях партнеров, — он всегда искренен и честен перед ними и самим собой.

- Валерий Золотухин
  - ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
  - МИЗАНТРОП 1987
  - ИРБИС — ЗНАЧИТ СНЕЖНЫЙ БАРС 1988
  - ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ
  - ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАМЫ — МАТРЕНЫ ФЕДОСЕЕВНЫ
  - ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ РАЗГОВОР С ДЬЯЧЕНКО
  - «Стряпуха» Софронова и «Гамлет» Шекспира
  - ВЗРОСЛЫЕ ОЛЕНИ, КАК ПРАВИЛО, ПРОВОДЯТ ВРЕМЯ В ОДИНОЧЕСТВЕ
  - «НЕ БРОСАЙ ТАМАРУ, СЫНОК...» 1989
  - «ЖИЗНЬ ЕСТЬ ТОЖЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ САМОГО ТВОРЦА»
  - «ГДЕ ВЫ БЫЛИ 21 АВГУСТА?» 1991
  - Я — ПАВЕЛ I 1992
  - «ЧТОБ ЗА ПОЛГОДА СТАТЬ ЖИВАГО, ОН ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТАЩИЛ ЖИВОГО» 1993
  - БЕЗ ПОВОДЫРЯ 1994
  - ВСЕХ ДЕНЕГ НЕ ЗАРАБОТАЕШЬ, А ПРОПИТЬ МОЖНО ВСЁ 1995
  - «СЕКС МНЕ НЕОБХОДИМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ» 1996
  - И НЕТ КОМПЕНСАЦИИ ЗА СТОЛОМ!
  - СПИНОЙ К СПИНЕ — ЛИЦА НЕ УВИДАТЬ 1997
  - ПРОСТИ МЕНЯ, ГОСПОДИ! 1998

Валерий Золотухин
На плахе Таганки

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Дневники артиста Театра драмы и комедии на Таганке Валерия Золотухина уже частично публиковались и получили разноречивые отклики. Хотя такого рода документы обычно предаются гласности после смерти, В. Золотухин нарушает традицию. Дело в том, что дневник для него не только самый близкий друг и собеседник. Он рассматривает его и как литературное произведение, из которого что-то использует как подсобный материал для еще более заветной «зеленой тетради», что-то выделяет как имеющее самостоятельную ценность. В этом смысле он и сам в постоянных сомнениях и творческом поиске. Конечно, некоторые, наиболее откровенные и интимные страницы дневника могут кого-то шокировать. Автор это понимает и находит своей «откровенности» разные объяснения, порой в свою очередь способные вызвать не меньшее удивление: а вот назло вам разденусь и явлюсь в чем мать родила, а там уж как хотите судите-рядите...

Дневник можно рассматривать и как исповедь, но не ту, что доверяют священнику и богу, а — всем людям. Почему? Наверно, потому, что В. Золотухин — артист и писатель. А эти профессии предполагают необходимость не только очищения, а и сопереживания, то есть аудиторию, где отпущение грехов, а может, и суд происходят на миру, перед внимающей тебе публикой. Во-вторых, дневник В. Золотухина — это и мемуары, где их автор наряду с фиксацией событий быстролетящего времени обращается и к прошлому — воспоминаниям о детстве в алтайском селе Быстрый Исток, трудным и запутанным судьбам своих родителей, братьев, сестер, взаимоотношениям с любимыми, с которыми, и прощаясь, не расстаются...

Но, конечно, в центре повествования — феномен знаменитого Театра на Таганке, его фантастической популярности в 60-80-х гг., последовавший затем раскол — своего рода зеркальное отражение трагедии, переживаемой страной, то есть драматическая судьба Храма, ставшая уже фактом истории. С этим связаны и раздумья автора о своей проклинаемой, но без которой нет житья профессии, и порой нелицеприятные оценки коллег и партнеров, и высказывания, часто весьма наивные, о политических событиях в стране, хотя политикой В. Золотухин не увлекается, и, если и участвует в силу разных причин в каких-либо «тусовках», чувствуется, что ему это не по душе, ибо он весь в себе, в своих противоречивых переживаниях...

Но о чем бы ни рассказывал автор дневника — о взлетах и

падениях Учителя-Мастера, об ошибках Друга-соратника, заблуждениях Друга-соперника, слабостях партнеров, — он всегда искренен и честен перед ними и самим собой. Отдельные его суждения о человеческих качествах коллег, родственников и знакомых могут показаться резкими и обидными, но только учтите при этом, что ни к кому так не строг автор, как более всего к самому себе, любимому. Конечно, любимому, автор это прекрасно осознает, но такова природа актерского ремесла, а затем повествователь и сам хорошо знает, что тщеславие — один из самых распространенных пороков творческой личности. Задумайтесь, однако, а на чем держится нищая жизнь актера — не на тщеславии ли, не на жажде ли славы и признания? Потому он и судит, и клянет себя, и кается, и впадает в отчаяние, то есть занимается тем самым самоедством, рефлексией, без которой ну никак не может русский человек.

Возможно, кто-то обвинит В. Золотухина в зависти, свойстве, которое человек обычно скрывает от окружающих. А тут нате вам, искренне признается — завидовал В. Высоцкому... Но сколько в этой зависти — как это ни парадоксально — и любви, и преданности, и восхищения! Так, может, это называется иначе?

А затем, В. Золотухин — человек верующий и нередко вспоминающий библейскую заповедь «не судите, да не судимы будете», которую следует понимать лишь в смысле милосердия и прощения, как к другим, так и к себе. Как истинно русский человек, автор этого уникального документа не страшится согрешить, но и не боится покаяться. Потому в своем дальнем сибирском селе Быстрый Исток он на свои средства и пожертвования сочувствующих его идее строит храм как символ отпущения своих грехов и прегрешений ближних. Хотя сам понимает, что и в этом, возможно, есть оттенок гордыни и тщеславия. Но какой строитель, возводя храм, не думал о том, что одновременно строит и памятник себе? А вообще-то смирение и гордыня всегда идут рядом. Такова уж человеческая природа. И это тоже надо понять...

Может быть, поэтому, публикуя свой дневник, автор более всего рассчитывает на понимание. А понять — значит простить.

Что еще сказать? Наверное, дневники В. Золотухина вызовут неоднозначное к себе отношение. Их легко разругать — автор же сам постоянно подставляется. Перед нами обнаженное сердце, душа нараспашку, по определению автора — «беззастенчивая правда». Поэтому критик, взявшийся за перо с намерением изничтожить книгу, должен помнить об этом, а еще о том, что автор нередко и сам на себя наговаривает. Скажете — зачем? Ну так дневник-то русского человека!

МИЗАНТРОП 1987

У актеров на Таганке
Есть особенность осанки
И особенность судьбы:
Доказать Руси, Европе,
Что театр наш — не холопий
И актеры — не рабы.

Первые некрепостные
Из актеров Совроссии,
Вы — Любимова птенцы.
Был театр такого рода,
Как внутри тюрьмы — свобода.
Вы — таганская порода,
Бунтари и сорванцы.

На дощатой плахе-сцене
Рвал Высоцкий грудью цепи
И лучился заводной,
Легкий, звонкий, без натуги
Золотов, нет — Золотухин,
Золотистый, золотой...

Экспромт Е. Евтушенко
в зале театра
на 50-летие В. Золотухина.

25 июня 1991 г.

8 октября 1987 г. Четверг

По болезни Полицеймако <Полицеймако Мария — актриса Театра на Таганке.> отменено «Дно». Будем играть «Мизантропа». Господи! Спаси и помилуй. Еду в театр брать характеристику для Америки. Чушь.

Расстроил меня Глаголин <Глаголин Борис — режиссер и долгие годы секретарь партбюро театра.>, а Тамарка <Тамара — жена В. С. Золотухина.> очень и очень обрадовала — ей статья понравилась, она даже прослезилась, и больше об этом, про

статью, писать я не буду. Тамарка уже получила загранпаспорт, заплатила пошлину, ждет визы... и в Париж. А я отвез в Госкино подтверждение на характеристику.

Баслина <Баслина — актриса театра.> опасается за меня в театре — резкое неприятие позиции Губенко <Губенко Николай — в то время главный режиссер театра.>, смелое чересчур выступление и пр., «так ты можешь стать в театре изгоем».

17 октября 1987 г. Суббота

Ой, как хочется, особенно прочитав карякинскую, просто шедевральную публицистику, записывать и нынешний художественный совет, и разговоры «бесовские» Филатова <Филатов Леонид — актер театра.> Леньки, которого сегодня срочно ввели в худсовет. Пойду-ка спать я... Лечиться надо мне. Но худсовет был смешной.

— Ты все норовишь насолить Леониду, — говорит мне Глаголин.

— Я ему уже насолил давно, но другим совершенно...

Фурсенко хотят отдать в мою пельменную; надо или заканчивать эту болтовню, или заняться всерьез. Кстати, Николай очень легко (или, чего хуже, равнодушно) принял мою статью. А я-то ожидал, всю ночь не спал сегодня, готовился к речам, ответам. Все вышло совсем не так и в результате — гаже, потому что для них всех это — не отвечать, делать вид, что ничего не случилось, не помнить, не выяснять отношений и пр. Скорее всем слиться и тем самым весь грех поделить на всех.

Филатову я сказал:

— Я пока не могу выходить с вами на сцену. Мне совесть, память перед А. В. <Анатолий Васильевич Эфрос — в 1984-1987 гг., во время пребывания Ю. П. Любимова за границей, главный режиссер Театра на Таганке.> не позволяет этого делать. Но все равно придется... шесть спектаклей... В спектаклях это как бы работа, а «Дилетанты» — это добровольное содружество хоббийных начал. Пусть пройдет 25 января, оно должно закончить этап консолидации и нашей «перестройки».

18 октября 1987 г. Воскресенье

Хотел съездить в церковь, хотел... хотел... но стал «молиться телу» (Солженицын).

Зачем я звонил вчера Крымовой <Крымова Наталья — театральный критик, вдова А. В. Эфроса.> по поводу статьи в «Комсомолке» с возмущением и обещанием, что немедленно буду действовать, и расшифрую имена, и смою пятно с театра, и пр. Теперь стих и не знаю, что делать, и совесть и душа болят. Эти

объясняют просто — они теперь обвиняют во всем Любимова, обещал-де приехать, не приехал, обманул, а мы не сориентировались (главное тут «не сориентировались») и понаделали глупостей, готовя ему встречу подобными демаршами. И тут для них важнее, что сориентировались все, в том числе и те, кто остался. Демидова <Демидова Алла — актриса театра.> объясняет это так: «А куда бы мы могли уйти, какой бы театр взял нас?» Да, многие, конечно, не смогли бы устроиться никуда, поэтому вдвойне предательством было их бросать и думать только о себе, о своей пресловутой несовместимости с Эфросом. И уж никто их не понуждал на оскорбление и зарифмованную нецензурщину... А обстоятельства... Обстоятельства не извиняют — человек волен в выборе.

19 октября 1987 г. Понедельник

Да, вот так... Сегодня ответственнейший «Мизантроп» по фестивалю театра «Дружбы». Публика — по пригласительным. От Москвы три спектакля — «Так победим», «Собачье сердце» и «Мизантроп». Надо сегодня так сыграть, чтоб премию или диплом дали... Яковлевой <Яковлева Ольга — актриса театра.>.

Голоса нет. Губа верхняя поражена паршой какой-то, лихорадка у правого уса и т. д. Однако, господа заседатели, это не последний еще день Помпеи.

США откладываются, самое раннее — это 8 ноября, но поездка вообще под вопросом. Так, значит, еще раз я съездил в Америку.

Господи! Молю тебя, пусть как можно лучше пройдет сегодняшний спектакль во имя памяти Анатолия Васильевича Эфроса, царство ему небесное. Пусть Оля получит какую-нибудь премию за роль свою, пусть их души соединятся в этом спектакле. Мне не нужно ничего, клянусь в искренности своей детьми своими. И никакой тайной мысли.

Позвонил Иван <Бортник Иван — актер театра.>:

— Я тебя люблю! Играй, паскудина, в самых лучших традициях, играй! Играй! Играй!

Глаголин:

— Когда я вхожу в театр и вижу, что на одной сцене идет «Мизантроп», а на другой — «Зори», спектакли, поставленные совершенно противоположными, разными режиссерами, в разных манерах, меня охватывают безотчетная радость и гордость нашего существования.

20 октября 1987 г. Вторник

В результате спектакль, как говорит Хвостов <Хвостов Борис — режиссер театра.>, прошел замечательно и в том драматическом ключе, которого всего больше добивался режиссер. Ну и слава Богу! Не спалось после такого напряжения, а сегодня «Дом» возник, у Смехова <Смехов Вениамин — актер театра.> бюллетень. Когда у меня плохо, я звоню прежде всего партнеру, у него же поставлено по-другому: он сразу сообщает в дирекцию. «Я так живу» — называется.

Ладно. Самое страшное, вчерашнее, — позади. Что за профессия, не перестаю удивляться. Сначала страшно — потом хорошо.

21 октября 1987 г. Среда, мой день

С каким-то благоговением и чувством теплым выслушивал я вчера младшую опять же Кондакову, об издании в «Современнике» моего избранного, листов на 20. Сделать заявку и придумать такое же гениальное название, как «Печаль и смех моих крылечек». Вспомнил, как мы это придумывали с Тамарой, тепло...

И подумал, пока сдам рукопись, то ведь допишу же я свою злосчастную главу под условным названием «Родословная», но теперь, недавно, недели две назад, подумал: да хрена ли мне антимонию разводить, а не вместить ли в эту главу всю мою жизнь? И остальные рассказы комдива вкрапить в ткань главы, как бы в гостях в День Победы и пр. И будет у меня конкретное обязательство, и честное слово — напишу.

С Наташей мы поговорили. Такое ощущение, что она успокоилась и не надо мне будет шибко суетиться разоблачать преступников без конца. Они наказаны.

— Филатов говорит, что они зря полезли с этим «Современником», что это история некрасивая и пр.

— Кому это он говорит?

— Людям...

А мне он говорит другое — что-де там особенного. Не сориентировались. Это они не смоют никогда. Их спасти может публичное покаяние, как Раскольников на площади, но ведь они этого не сделают никогда. Потому что — трусы...

Господи, прости. Сколько можно нам за них отмываться! А с них как с гуся вода...

Теперь я собираюсь на крестины Андрея Краснопольского. У «Морозко» меня будет ждать кума с машиной. Вот ведь прах человек — больше всего в этом деле меня кума интересует, да еще с машиной. Прости, Господи!

«Дом на набережной» вчера так расстроил, как будто с кем-то

в смятую постель пришлось ложиться. Штейнрайх <Штейнрайх Лев — актер театра.> очень смеялся точности моих выражений — «сдвинута мебель чуть-чуть, да?».

Кот Тимка наблюдает туман из окна.

В любом случае надо истребовать рукопись из Барнаула — и у меня полный, готовый объем.

Андрюшку мы окрестили каким-то ускоренным методом, орал он безумно, всего боится, особенно купели. Бабка-прислужница сказала, что это его бес не пускал и т. д.

Райисполком. Встретился я с Крикухиным и компанией. Жалоба Волиной <Волина Галина — общественный деятель, доверенное лицо В. Золотухина.> вернулась к ним из Моссовета, они ужалены — администратор несуществующего кафе... Документов наших в глаза не видел тов. Крикухин. Новостройку... вряд ли под пельменную... Запутали меня окончательно. Короче, после моего визита вызвали они Катюрину, она позвонила Волиной.

— Объяснять ничего не буду, документы все отпечатаны. Крикухин их видел. Как вы меня подвели своей жалобой, как после этого работать!

— Вы собираетесь уходить?

— Никуда я не уйду, а вы что, обрадовались? Все будет в порядке. Вас утвердят, и помещение вам это отдадут.

— Что это за Антонина такая?! Что она скрывает?!

— Валерию нужно доверенное лицо.

— Вот ты, Галя, и будешь доверенным лицом!

Ох, Галя, Галя!! Энтузиазм недюжинный и умение трагическое писать жалобы — это хорошо, но нахлебаешься с такими попутчиками.

Но пельменную я открою!

Никак не можем с Полокой <Полока Геннадий — кинорежиссер, постановщик к/ф «Интервенция», где играли В. Высоцкий и В. Золотухин.> договориться на продолжение вокального фильма. То отпустит, то притянет.

История. На «Гамлета» пришел Михалков-старший и с ним солидная «бобровая» пара. Она в роскошной валютной шубе. Любимов посоветовал шутя: разденьтесь у меня в кабинете, а то еще сопрут. Когда пришли одеваться после спектакля, шубы не оказалось, сперли-таки шубу. Переполох, позор, конфуз!

— Ну, теперь-то вы понимаете, что «Гамлет» — это трагедия?

Замечательно!

Тамара несколько дней в каком-то хорошем духе. В руках у нее я подолгу видел книгу о. Дудко «О нашем уповании». Она, говорит, читала ее даже Сереже. Беседы замечательные. Господи,

как хорошо, что есть такие на Руси подвижники, мученики и просветители.

О чем я думаю?

1) о пельменной;

2) о главе «Родословная, или Моя жизнь», которая должна вылиться, быть может, в повесть-исповедь. И заключить собой — комдивские рассказы и серединную жизнь, жизнь на сегодняшний день;

3) о музыкальном продолжении, т. е. о фильме-монографии на 6 частей;

4) о том, что дачу надо или обложить, или обить внутри;

5) что-то застучало в машине... ехать к Демидову;

6) Сережа получил за контрольную по русскому «4», завтра контрольная по математике;

7) Денис <Денис — старший сын автора.> наконец-то сдал гармонию;

8) отправить в Париж Тамару;

9) похудеть — по-моему, уже начал...

24 октября 1987 г. Суббота

— Шок, понимаете... Вот не было литературы, и вдруг появился «Один день Ивана Денисовича». И здесь: не было театра — и вот театр! — Это Зиновий Гердт о спектакле Додина в Малом драматическом театре «Звезды на утреннем небосводе» по пьесе Галина. Спектакль великолепный! Я всячески старался, уговаривал себя, чтоб он мне не понравился, нет — победил театр, актерская самоотверженность, сверхотдача при природных талантах актрис. Четыре блистательных актрисы сразу, вместе, в одном наборе. Все это завидно. И сразу вопрос: могу ли я так, есть ли у нас в театре такой потенциал?

Смотрели вчера помещение — оно «замечательное», как раз под наше дело, затопляется раза два-три в год по колено канализационными водами вот уже 8 лет подряд. И что с этим делать — никто не знает. Что же нам, продукты, муку, мясо и пр., поднимать на метр на стеллажи? А гниль, запахи, сырость и пр.? Морозильные камеры там удивительно просторные и мощные. Переделки, по-моему, минимальные, ставить печи, котлы и мойку-стол. И запускать производство.

На час отключили свет — обед остался недоваренным, копченая курица в духовке недоразогретой, пишу дневник при колеблющемся пламени свечи. Тамара пошла за Сережей. Вся электроника, часы, магнитофон, приемник — все мертво. И тишина. Я люблю или полюбил снова эти сидения дома, оказывается, бури магнитные были в эти дни, страшнейшие

туманы — вот почему хотелось пораньше лечь спать и вообще ничего не делать. Как это я заставил себя вчера оторвать задницу от дивана и поехать в театр? Калягин с Глушенко, Смоктуновский, Гердт, Юрский, Демидова, Арбатов, Менглет. Почему грустно?! Почему тоскливо?! Почему-то мечтается, что в пельменной у меня будет отдельный кабинет, с пианино, с разными портретами, с фотографиями Чуйского тракта, Сростков, Иркутска и пр. Неужели я стану опять театралом и забуду про пельменную?

Я не против Израиля, пусть Ю. П. живет в этой обетованной земле. Но вот что странно. Он так любопытно срежиссировал свой побег, что все ему сочувствуют, все так или иначе на его стороне, до того все «патриоты». Поступил человек неординарно, и уже его поступок вызывает уважение, кроме как у меня. Мне это глубоко несимпатично.

25 октября 1987 г. Воскресенье

Господи! Прости и сохрани! Был в церкви. Помолился за Тамару и Сережу. Дениса вспомнил и себя не забыл. Причастился, хотя и не исповедывался. Ну да Господь про нас и так все знает. Просил Бога, чтоб вернул мне талант, чтоб сподобил меня на написание «Родословной» моей, а то ушел от меня талант и не возвращается. И вернул чтоб смирение мне! Вот и сегодня — сыграю я Находку <Находка — персонаж из спектакля «Мать» по М. Горькому.> беспрекословно, оттанцую и отпою.

26 октября 1987 г. Понедельник

Молился-то молился, но поехал в Некрасовку, взял два номера «ТЖ» <«ТЖ» — журнал «Театральная жизнь».> взамен на два своих буклета. Такой день вчера бездарный, только что в церкви был... Нет, еще репетировал с Леной.

Потом повезли меня с поэтом Левитанским Юрием Давыдовичем на спектакль студии «Пять вечеров». Боже, какое убожество, а разговоры у них... Про какие-то исследования, вот там, дескать, просто спектакль, а у нас вроде того что исследование и этим вроде того что никто, кроме них, не занимается. Действительно, искусством можно либо заниматься, либо о нем разговаривать. Ривкин Семен Аркадьевич! Ладно.

27 октября 1987 г. Вторник

Тамара возражает устраивать киносъемку у нас в квартире.

— Вот когда про тебя будут снимать, еще можно подумать, а здесь еще и вранье — видеомагнитофона у нас нет, и что это за дешевые показы...

О Высоцком надо очень строго снимать, не вдаваясь в лирические воспоминания, сопли, слезы и пр. Покойник этого не любил. А Сатуновский хочет еще, чтоб сын Высоцкого, Никита, читал письма его, записи дневниковые о нем... Я против. Сколько вообще у коллег амбиций. Говорухин <Говорухин Станислав — кинорежиссер, друг В. Высоцкого.> тянет, водит за нос, истинных причин своего отказа (произнести свои же слова, что написал) не объясняет и в кадр не торопится. Туров <Туров Виктор — кинорежиссер, постановщик многих фильмов, где снимался и для которых писал песни В. Высоцкий.> после дня рождения вообще заявил:

— Я первый его открыл, мне все обязаны, а теперь — все друзья его (Высоцкого), кроме меня! — Мат-перемат. — Пусть приезжают в Минск, я им там устрою съемку!..

Каждый из них, я думаю, хочет сделать фильм о Высоцком сам и по-своему. Ради Бога! Каждый думает и уверен, что только он имеет монопольное право на Владимира Семеновича и пр. Конкуренция у гроба закончится не скоро.

Крикухин замотает меня, и в конце концов я откажусь от кооперативной идеи — так он рассчитывает. Райисполкомы обязывают — вот в чем дело! — заниматься нами, частниками, нэпманами. И они занимаются так, что всякая охота и энтузиазм пропадают.

«Пера я не сложу из-за бытовых пустяков...» О. Мандельштам.

Нобелевская премия присуждена Иосифу Бродскому. Надо составить для Сережи библиотеку современных писателей с автографами. Виктор Некрасов передал мне книжку — автографа нет и писателя уж нет, веселого, выпивающего человека.

Взять автограф у Бакланова Григория Яковлевича. «Сибиряки» мои — Сергеев, Буйлов и др. — отличились в «Книжном обозрении», Карлсона в тунеядцы записали, Чебурашку космополитом обозвали. Высоцкий, по Сергееву, оказывается, не состоялся ни как актер, ни как певец, ни как поэт, а из Пастернака не надо делать суперзвезду. Черт знает что... Вот гласность до чего моих земляков довела, всю глупость обнаружила, да это даже и не глупость, это что-то нечто за гранью обычной грамотности, а они похваляются романами... «вы, дескать, помните, в первой книге моего романа...», и все высказались в этом духе. Хороши, нечего сказать.

28 октября 1987 г. Среда — мой день

Спокойствие, только спокойствие, дело житейское. Ну и что, что Госкино уговаривает слетать в Корею на 10 дней с фильмом «Чичерин». Ким Ир Сен просит очень. «Ну и что, что с 22 ноября — Америка и с вами по нашей линии все в порядке. После Кореи

полетите в США...» И вот я думаю: не помешает ли Америка Корее? Бортник смеется надо мной.

С горлом плохо. Кондакова говорит, что после статьи в «Московской правде» об издательствах «Советский писатель» и «Современник», где директоров ловят за руку, что они издают друг друга, идти пока никуда не следует, пусть поутихнут страсти, тем более что Фролов в Индии и т. д. Съемки сегодня у Сатуновского нет, и день свободный. Тамара спросила, почему я роман не пишу. Вчерашний фильм — «Поезд в Голливуд» — я про это все знаю, и давно. Жалко, что еще не написал. А вообще вся жизнь моя, да и человеческая, — это поезд в Голливуд, мечта, надежда... ожидание чуда — хороший фильм. И актриса — явление, выдающаяся девка... Мы разъедемся с Тамарой — я в Корею, она в Париж... здесь будут хозяйничать теща и кот Тимка-Тимофей. Ну и Сергей. Он остался вчера один, безропотно и без слов лег и уснул. Пришли — тихо, спокойно, на полке-вешалке Тимофей дежурит. Во сне сегодня я с Игорем Петровичем все выяснял, кто толще, жирнее из нас. Сантиметром талии друг другу измеряли, и у него оказалось в талии меньше... Очень я был расстроен, проснувшись, обнаружил, что не так я в самом деле уж и толст, а уж по сравнению с Петровым просто тростинка.

Утром Тамара спросила:

— Ты почему не пишешь роман?

Я ничего ей не смог ответить. «Не пишется» — это ведь не ответ.

Завтра премьера «Матери». Дай-то Бог. Сережа получил три четверки. «Я ревел. Правда, я в себя ревел. Без слез». Что же Леонову дать на выставку В.С.В.?

29 октября 1987 г. Четверг, вечер

И вот настал этот день — премьера «Матери». Хочется, чтоб все прошло удачно, чтоб голос звучал, и у партнеров тоже. И назавтра чтоб осталось что-то.

Коснулась ли меня перестройка? Нет, никаким образом, мне перестраиваться не в чем...

Париж, звонил Никита <Трушин Никита — эмигрант, диссидент.>. Марина <Влади Марина — вдова В. Высоцкого.> выпустила книгу — полно обо всем, стриптиз. И про пьянку, и про наркотики и пр. Он удивляется, почему она про ребенка от Иваненко <Иваненко Татьяна — в то время актриса театра.> не упомянула. Если уж следовать избранной ею логике, надо было идти до конца... «Нет, что ты, это совсем другое дело. Володя ребенка не признавал, делал вид, что его не существует и на словах это подтверждал... Раз нет и нет... чего ей-то, Марине,

лезть в это дело? Мало ли кто от кого нарожал...»

Как должен чувствовать себя человек, про которого говорят и он слышит это — «побочный сын Шаляпина», «прижитый от Сталина мальчик». Лучше, конечно, звучит «внебрачный сын Горького» — «внебрачный» лучше, чем «побочный». А ведь Иваненко может и написать, и ей помогут, и ничего в том сенсационного не будет. Наркотики? Подумаешь! Эдит Пиаф и пр. У Марины сын чуть было не увлекся. К чему я пишу это перед премьерой? Да так, чтоб отвлечься.

Звонил вчера Тамаре ее первый муж Дима Воробьев. Три дочери у него — Палаша, Маша, Анна.

Господи, благослови. Прости и помилуй!

А «Мать» прошла хорошо. Но грустно мне необыкновенно. Никак не начну я писать, а надо бы снова по три страницы назначить... Что меня отвлекло? Дневники мои, в них я погряз и застрял, чтение их меня затормозило — я и дневники не читаю, и роман не пишу.

30 октября 1987 г. Пятница

К 13.00 в «Московский рабочий». Нина Семеновна Буденная взяла для альманаха «Чистые пруды» «Нину Ивановну», предлагают заключить договор на книжку, не на сборник, а на книжку. Могу написать про кино, только про кино.

«Юность». Машинистке Ире в перепечатку два рассказа. Но самое главное дело дня — в русском сувенире. Купили с Тамарой 3 шкатулки за 128 рублей для реализации в Париже.

1 ноября 1987 г. Воскресенье

Ничто не должно помешать в воскресенье пойти в церковь, разве что болезнь. Слава Богу, я не поддался лени и в храм заехал — просил Матерь Божью, чтоб она перед Сыном слово замолвила за меня и вернула мне его расположение. Раньше в писаниях моих был Бог, потом он меня покинул, и его место в душе заняли суета, бабы, пьянки и пр. Надо вымолить у Господа прощение и упросить, чтоб вернулся ко мне и не покидал меня.

Вышла в «Огоньке» моя книжечка «Земляки». Славная книжечка, и уже вчера я занимался приятным делом — надписывал и дарил, в основном участникам «Мизантропа». Землячка С. вчера крепко, видать, выпивши была, текст едва выговаривала, внешне, конечно, было мало заметно, но дух шел отменный. Жалко девку, дарование у нее есть, данные богатые. Что-то сломало ее. Вот и зауважаем потом девок экстремистских,

вроде Андрейченко Натальи, что рвет и мечет... Зачем так распускаться, так не следить за собой, за своей душой, за телом своим.

2 ноября 1987 г. Понедельник

«Уважаемый Леонид Анатольевич! <Фролов Леонид — директор издательства „Современник“.> Третьего дня принес мне мальчик-пожарник книжку мою для автографа — „Печаль и смех моих крылечек“. Где взял, спрашиваю. В валютном магазине на Кропоткинской, стоит 1 рубль 20 коп. — в валюте около двух долларов. Я в магазин. „Книжки поступили полгода назад, торопитесь брать, осталось совсем немного“. — „Ну да, — говорю, — надо сперва валюту купить, а потом уж свою книжку“. К чему я это? Нельзя ли повторить тираж. Сколько я ездил по стране — везде спрашивают: „Где купить вашу книжку?“ Тираж ведь был смехотворный, хотя заявок было, я знаю, очень и очень. Да и урезана книжка была в связи с именами Любимова и Высоцкого. Время расставило многих по странам и кладбищам. Мне жалко эту мою книжку, я хотел бы вернуться к ней. Помогите.

С уважением В. Золотухин».

Вчера выступление в ДК МИСИ с поэтами, издававшимися в «Современнике». Какое убожество воинствующее! Приехал домой поздно. Подсунула Тамара журнал «Наш современник» со статьей Элизы Дубровиной. Господи! Надергано цитат и подведена черносотенная дремучая, бескультурная, но кроваво-топорная черта.

Демидова: «Меня просили тебя уговорить... я тебя понимаю, тебе не хочется со Смеховым, с Филатовым выходить, но ведь надо когда-то соединяться... объединяться...»

Жатва комплиментов за книжку.

3 ноября 1987 г. Вторник

Я хочу в Корею, чтоб отдохнуть и пописать там, о чем думаю. И это понятно — Гоголь в Риме «Мертвые души» писал. Вдали от дома — думается о нем и пишется. Я в Милане довольно много и симпатично в результате размышлял об А. В. Эфросе и обо всех нас.

7 ноября 1987 г. Суббота

Губенко истерически кричал, что я отлыниваю от решений вопросов театра, келейно пишу о театре, издаю книжки и т. д. и т. п.

Как жить в Корее и в самолете — выпивать или не выпивать? Как получится, говорит Витька Семенов <Семенов Виктор — актер театра.>, но с собой коньячку надо взять, а как в номере случайно выйдет вечер...

14 ноября 1987 г. Суббота. Пхеньян

Поздно вчера вернулись из Джунжина. Ехали целый день в скверном поезде, пятнадцать часов. Там ночевали и выступали в консульстве, дарил книжки огоньковские. Много было вопросов ко мне, и я отвечал, как думал, про Любимова. Я преклоняюсь перед генералами, которые не предают своих маршалов, — так вот, я не могу знать всех причин и потому не могу судить... Деньги, кажется, я все пропил, да и нечего тут покупать. Чем аукнется мне эта поездка — черт его знает, сильно хорошо выпили в баре до самолета и в самолете. Я купил чеплажку водки за три доллара из 11 мне причитающихся и тем гордился, что вот, мол, вам, крохоборы, глядите, как надо жить и пр. Купец дурацкий.

21 ноября 1987 г. Суббота

«Энергичные люди» Шукшина, предлагают Аристарха. И уговаривают. Боже мой! А компания-то какая — Гафт, Невинный, Кочетков, Сатановский. Какое же мастерство мне надо будет проявить. А время... а сроки...

22 ноября, 1987 г. Воскресенье

Приехал в час ночи, напился лекарств. Встал поздно, ловлю себя на том, что все время думаю о моей парижской жене. Как она там, моя королева. В Пхеньяне много было разговоров о Шацкой и Тамаре. Шацкая — красавица, а Тамара — королева и т. д. Арнис обижался, что я его прибалтом называю.

— Я — латыш.

— Ну да, ты — латыш. Но ведь и прибалт...

Шугаев — вот кто мне нужен для поступления в Союз. Надо выйти на него. Поговорить, выяснить обстановку и просто объяснить ему.

Написал Шугаеву, послал ему заказным и книжечку. Что ответит, интересно, и ответит ли?!

23 ноября 1987 г. Понедельник

Миленький мой! Ты велела не звонить, и я не звоню, не потому что это дорого, а потому что боюсь тебя не застать, и когда ты узнаешь, ты очень расстроишься. Я так уж по тебе соскучился, так хочется обнять тебя, я очень тебя люблю и хочу, чтоб все у нас благополучно закончилось, я имею в виду жизнь. Занимаюсь тем, что надписываю свои книжечки, вкладываю их в конверты, заклеиваю и отправляю. Сегодня был дома у Володи Захарова, режиссера, на репетиции «Энергичных людей». Среди слонов Кочетков, Сатуновский, Иванов и я, моська, даже жена у меня слониха — Люся Кудрявцева из Художественного театра доронинской половины. Кстати, был я сегодня у Натансона, и он мне понравился. Если Доронина утвердит мою кандидатуру, то я, наверное, буду сниматься у них.

24 ноября 1987 г. Вторник

Родненький! Видишь, как мы слышим друг друга! Ты не выдержала и позвонила. Я уже спал, у нас был уже второй час ночи, но я понял, что это звонок от тебя, что это звонит Париж. К Наташке пришли гости, тебе стало нестерпимо скучно и тоскливо, ты спустилась вниз и зашла в автомат. Скучно тебе там, скучно... Только с Никитой Трушиным тебе и хорошо, это самый лучший человек, с которым ты познакомилась в Париже. Он любит Олю Яковлеву, только о ней и говорит.

Я никогда никого не любил так, как тебя, моя Тамара, и никогда никого так не ждал, ни по кому не тосковал, как по тебе, моя несчастная жена, а может, счастливая? Не всякий муж жену в Париж провожает.

Теперь я повторил текст и молю Бога, чтоб послал нам всем удачи в сегодняшнем спектакле — спектакль будут снимать для Союза театральных деятелей. Принято такое решение: снимать для вечности спектакли выдающихся режиссеров. Начали с «Мизантропа». Ну, дай-то Бог. Как-то не надо бы думать об этом, чтоб коленки не дрожали, голоса почти нет, но, может, это к лучшему — не будет обычных моих белых, крикливых, наглых нот. Прочитал новеллу Кайюа «Понтий Пилат» — забавный выверт, мучения Пилата. Эпилог. В эпилоге — Христос не был распят, христианство не состоялось как религия, и история рода человеческого пошла совсем иным путем. Совсем не тем, что пересказал Пилату друг провидец Мардук-иудей, что в видении своем и Рафаэля с Бодлером, и монголов, стоящих у стен Киева и Вены-Дунайской, обозрел, и многое другое, но ничего этого не было, потому что Христос был помилован Пилатом и не распят.

3 декабря 1987 г. Четверг

Весь мир постыл. Не надо же все неурядицы переносить на Тамару. Однако почему она так мало занимается сыном и он растет очередным обалдуем. Тот с меня тахту требует, в снятую комнату, на ту кровать он не умещается, видите ли. «Я люблю с комфортом»! Хоть справку наконец-то в ГАИ вчера взял. «Энергичных людей» потерял, Натансона потерял... Зато жену встретил по-человечески: читал дневник ей, как ждал я ее и плакал... Господи! Доведет же змей проклятый! А встретить бы да не напиться, а? Слабо?! Наглость — сестра гражданственности. Особенно у женщин.

Я столько отправил заказных писем с «Земляками» и ни от кого звонка не получил.

4 декабря 1987 г. Пятница

Звонил несколько раз Полока. Когда обсуждали сценарий Сапожникова <Сапожников Сергей — композитор, музыкальный критик.>, я был настроен на правду-матку. Как уж Полока подвел разговор, но я ему так же резко сказал, что Володя никакого отношения к написанию письма Брежневу не имел. Он мог наверняка принимать участие в разговорах, обсуждении плана и т. д., но к самому тексту он не прикасался, и я не могу ничего процитировать «от Высоцкого» из письма... Но он его подписывал и под каждым моим словом того времени он подписаться мог, не читая. Значит, это и его слова и, если вам нужно это для чего-то, то, конечно, цитируйте от имени В. Высоцкого.

Полока испрашивал у меня как бы разрешение, благословение на эту акцию. Факт, что Высоцкий обращается: «Дорогой Леонид Ильич! Мы гордимся результатами Вашего труда» и т. д., Полоке прежде всего нужен сейчас для престижа «Интервенции», для защиты ее. Миллионы почитателей В. Высоцкого, безоговорочно верящие и любящие его, преданнейшие и благодарные ему за каждую его песню, поверят и цитате из письма и поймут — как В. Высоцкий относился к «Интервенции». Из Одессы слух пополз вонючий, что Высоцкий в результате был недоволен картиной или собой в картине. Второе возможно, и это я помню, но к картине в целом он относился хорошо. Вот такие пироги.

Бортника в черном свете Марина в книге выставила как одного из тех, кто способствовал вольно или невольно ускорению приближения кончины В. В. А Крымова записала его в убийцы Эфроса. Не много ли жертв у Ванечки? Или сам он жертва людских наветов?

5 декабря 1987 г. Суббота

Что может быть большим счастьем для настоящего художника? Прижизненная слава или память потомков? И того и другого Лемешеву не стать занимать. Слушайте голос Лемешева, и вы обретете очищение и покой, душевный восторг, желание и силу делать дела добрые. И благословение на дела и желания добрые.

Что же мне делать после всех этих рецензий алтайских? Бросить, что ли, совсем писать. Горшенин рассказ «Иван, поляк и карьера» назвал замечательным. «По-моему, вообще очень хороший, точный, прямо-таки в шукшинских традициях рассказ». Шукшинские традиции никому не дают покоя из живущих за Уральским хребтом. А я хочу писать не как Шукшин, а как Битов! Тогда что?!

6 декабря 1987 г. Воскресенье

Какая-то не на шутку война разыгрывается вокруг Кузькина. Можаев <Можаев Борис — писатель, автор повести «Живой» с главным героем Кузькиным, которого в спектакле на Таганке играл В. Золотухин.> прет на Губенко, и главный аргумент — «Золотухин рвется, готов за полторы недели восстановить, а ты упираешься! Чего ты упираешься?» Теперь Губенко меня в угол загоняет и берет за глотку: «Восстановите до 1 января. Пожалуйста, меня все равно не будет до этого времени в театре. Ты гениально играл. Партитура у тебя вся в голове». Не видел, но покупает.

Какая партитура? Я же все время на сцене! Какая партитура у главного исполнителя, кроме своих забот, еще может быть! Я же не видел себя со стороны, последние репетиции были в 1976 г. А закрутил интригу Борька и хочет всех сшибить лбами. Возникла у Боровского <Боровский Давид — главный художник театра.> идея пригласить Любимова на восстановление спектакля.

Это же неприлично ни тому ни другому. Какова наглость, да нет, каково бесстыдство, да нет, да это не укладывается в нормальные рамки... А какие панегирики пропел Филатов в коротенькой сопроводиловке к портрету Губенко!

«Лидер». Неужели эта лесть Николаю как-то может понравиться? Что ни слово, то стыд... А ведь «ТЖ» мне предлагала написать, и опять я Леньке насолил. Все можно! Я — гений, ты — гений. Судя по некоторым высказываниям, артистам это пришлось не по душе. А уж что он Владимира приплел в таком свете! Ну, Леня! Ну, Леня! Каково? Каковы порядки? Актер о главном режиссере, еще ничего не сделавшем... Боже мой! В какую дыру он его-то толкает, Николая? Ну что это такое? Помилуйте, это что — всерьез?

7 декабря 1987 г. Понедельник

Вечер. Чуть было не отправил грамотному читателю из Иркутска и опять редактору С. М. письма. Да одно письмо другое зачеркнуло. Больше всего во всей беседе В. Конкина <Конкин Владимир — киноактер.> задело, как и многих других, что я Высоцкого великим поэтом назвал. А, пусть думают что хотят, все, начиная с Распутина. Высоцкий — великий поэт, и время уже сказало свое слово.

8 декабря 1987 г. Вторник

Горбачев с Рейганом подписали договор, и день этот войдет в учебники по истории. Факт грандиозный и счастливый. Были с Волиной у Перова Стан. Ивановича. Дал нам несколько адресов Севастопольского района. Смотрели помещение пустого магазина. Огромное, сухое, там театр можно организовать. Спецы говорят — дорого обойдется.

Губенко поставил вопрос ребром: поскольку «Мать» едет в Испанию, то едет тот состав, который восстанавливал спектакль, что означало — ни Бортник, ни Шаповалов в сборную не попадают. Ванька взвился. Ему тем более обидно, что только накануне мы, обсуждая эту проблему, как-то единодушно решили, что Коля не посмеет и заикнуться, а Коля посмел. Потом его Глаголин уломал, и он сказал: «Тогда пусть играют и в Москве».

10 декабря 1987 г. Четверг

Что мне делать с моим кооперативом? Да по такой жизни разве можно что-нибудь сообразить?

Сегодня «Мизантроп», и придет Натансон. Как-то умудриться бы хорошо сыграть и понравиться ему на предмет Феди. Бог поможет мне. Главное — сыграть.

Кефир с сухариками — весь мой завтрак. Хочется похудеть, но энергию не терять. Удержаться бы сегодня от выпивания в машине, которое сулят мне продавщицы после спектакля, к дому подъехав. Удержаться бы и до Нового года сухим остаться.

Швейцер <Швейцер Михаил — кинорежиссер. В его т/ф «Маленькие трагедии» по А. С. Пушкину В. Золотухин сыграл Моцарта.>. Я ничего не записал о его вечере 5-го декабря в к/т «Родина». Были Смоктуновский, Юрский, Семина, Калягин, Трофимов и я. Я рассказывал о пробах на Моцарта и как меня встретил Иннокентий и сказал:

— Видел... отвратительно. Так нельзя... он гений. Как вы да я... Да-да, я — эпоха, и я всегда говорю правду, а вы не обижайтесь...

Все смеялись, и он тоже. Потом сказал:

— Вы замечательно говорили, Валерий.

Вообще вечера Швейцера проходят ужасно ординарно, не изобретательно и скучно. Никто не может ему их сочинить, сфантазировать. Все нужно делать самому — две-три зажигательные идеи, и весь вечер засверкал бы. И я, и другой, и третий, все должны делать свое сами — вечера, статьи, рекламу и пр.

Доронина. Как в жизни пересекаются неудобно пути. Натансон предложил роль. Роль не моя, но интересно тем более. Все зависит от Тани Дорониной. И вот на вчерашнее собрание приходит начальник из нашего профсоюза и приносит анонимную телегу, писанную на нее в ЦК, в Комитет партийного контроля, и подписанную... мной, Абдуловым и Багиняном. Никто из нас троих бумаги этой в глаза не видел. Письмо о возмутительной бесхозяйственности в нашем садоводческом кооперативе. Собираются деньги. Столбы на электричество завозили два года, три года они валялись. Сгнили, теперь их стали вкапывать и будто бы неправильно — провода ведут к источнику, который не может вырабатывать или передавать электроэнергию. И во всем этом, вплоть до «куда же деньги ушли?», обвиняется коммунист Доронина. И я должен коротко изложить свое мнение. Мне очень хотелось бы, чтоб на даче скорее было электричество, — это и свет, и телевизор, и тепло. Но еще больше мне хочется сыграть Федю... то есть не портить с Таней отношений. Когда-то она очень тепло отзывалась о моей прозе и чем черт не шутит — не придется ли мне проситься к ней на работу в ее МХАТ. Я написал все, что соответствует истине: «Письмо не читал, не писал, не подписывал. Сам факт подделки подписей — криминал». И подпись. И все-таки, если бы не Федя, я бы сделал добавление, что электричества, дорог и воды до безобразия долго нет. А уж кто там виноват? Психологический этюд перед «Мизантропом».

Сбылась моя мечта и надежда — я получил от В. Распутина замечательное письмо, писанное им, видимо, в хорошем расположении. Книжечку мою он перечитал в первый же вечер на даче. Мал золотник, да дорог. Сетует, что мне мало удается писать. Вот, говорит, Евтушенко — тоже актер, а пишет, и много. И про мою пельменную он знает. Написал В. Распутину. Волина с жутким сожалением говорит, что Валентин включается в компанию Бондарева, Белова, что у него, чьи безупречные талант и совесть были примером чистоты и гармонии, стали все чаще звучать нотки антисемитизма, великодержавно-шовинистический настрой; откровенное неприятие нынешней молодежи, ее увлечений, ее музыки переходит всякие этические нормы, а ведь

молодежь, хотите вы или не хотите, — наше завтра! Надо с ней работать, но не презирать и не отталкивать. Бондарев и Белов, который просто свихнулся на своем антисемитизме, тянут Распутина как знамя, и он, как ей кажется, подписал статью в «Правде» не читая... иначе он нашел бы какие-то иные слова и мысли о молодежи и пр.

16 декабря 1987 г. Среда, мой день

Позорные дни — с понедельника и по сей день. Похороны Серенко <Серенко Анатолий — актер театра.> окончились в кафе грязной руганью с Филатовым. Стыдно. Написал извинительную записку Леониду, теперь жду время, чтоб с «Юностью» в Загорск поехать.

Позвонил Филатову, и легче стало.

25 декабря 1987 г. Пятница

Два подарка — два письма-отклика — Распутина и Шифферса <Шифферс Евгений — режиссер, литературовед, богослов.>.

Шифферс: «Посему, еще раз, по „Землякам“ не только порхал, но прочел от и до, и считаю хорошей прозой, и советую так вот и писать дальше, хотя, конечно же, смерть любимых не будет уж слишком часто кормить нас, грешных, для творчества, а?»

26 декабря 1987 г. Суббота

Зависти были полные штаны у меня. Хотя за все, что говорили лауреаты, за все те пустые мысли и слова, медали бы у них надо было отобрать «взад». Янковский, в бабочке, в дымчатых очках, подпрыгивал и показывал кулак, как это делает Марадона, когда забивает гол. Показывал он знак победы своим, а нам — как бы хрен в нос. «Нам» — это присутствующим артистам Таганки. И опять я вспомнил Кузькина и Любимова.

Я видел весь материал «Нехорошей квартиры». И мне это пришлось по душе, трогательно. И судьба, мое прикосновение к Булгакову, и вполне скромное и вполне достойное дело — защита музея, созданного горожанами. Этот подъезд мне стал родным не только надписями, рисунками и тем, что здесь ходил когда-то гениальный интеллигент, но еще и потому, что меня согревали там самогоном и человеческим теплом, которого не хватает ни дома, ни в театре, ни в автомобиле. Все это я пишу, торопясь, на «Матери».

27 декабря 1987 г.

А книжка «Четыре четверти пути», по-моему, хорошая. Хорошая, что говорить. Будут лучше, но эта хорошая, в ней я его живого кое-где нахожу и слышу. У Говорухина, по-моему, хорошо.

И сам составленный из концертных разговоров текст Владимира совсем не плох, толково соединены разрозненные,

разновременные куски.

30 декабря 1987 г. Среда, мой день

Отправил в Дом инвалидов Хильме в Воронеж посылочку: чай «Бодрость», шпроты, сгущенное молоко, печенье, тушенку и пр. мелочь вместе с журналами. Бедная моя землячка по санаторному детству.

«10 дней» идет. С Тамарой помирились и стали жить.

31 декабря 1987 г. Четверг

Заканчивается год. Год потерь. Начался он со смерти А. В. Эфроса. В июле умер отец. На сердце грусть и печаль светлая. Опять и снова хочется плакать: одиноко, хотя мои родные дома и стряпают.

В 1987 г. мы были с Тамарой в Париже… хотя и врозь. Был я в Италии, в Милане и Венеции. Напечатал «Похоронен в селе». И вышла книжечка в библиотечке «Огонька». После 20-летнего заключения вышла на свободу «Интервенция». Господи! Главное живы, здоровы и в хорошей форме сейчас.

Скоро мы ее начнем портить.

ИРБИС — ЗНАЧИТ СНЕЖНЫЙ БАРС 1988

6 января 1988 г. Среда, мой день

Помирать скоро, а как-то неохота, потому что не сделано ничего. А что и сделано, только позорит и без того бездарную жизнь, ложную жизнь. Подражательную погоню за двумя дамами — славой и юбкой.

8 января 1988 г. Пятница

Нужно написать две странички, чтоб спасти полосу в «Советской культуре» о Высоцком. Что написать, из какого пальца высосать? О спектакле, которого пока нет, и что будет 25-го — неизвестно. Написать о Лужниках. Но это все не про Высоцкого, а про нас вокруг Высоцкого. Что, собственно, нужно написать, какое слово молвить, чтоб спасти себя и полосу. Может быть, Гармаш <Гармаш Татьяна — журналист.> мне поможет?

12 января 1988 г. Вторник

Накануне до двух ночи сидел — писал заметку в «Советскую культуру». «Духовной жаждою томим...» — очень собой гордился, могу же заставить себя работать допоздна. Какая-то интересная пропозиция намечается. Собираюсь я в Америку. Вот позвонил мне Досталь, он все разузнал и радуется, будто сам едет — Лос-Анджелес, Чикаго, Сан-Франциско, Вашингтон и пр. Коммерческая поездка с песнями и плясками. Мы с Гурченко. Что мне, гитару брать, что ли? Да был бы я просто в голосе, а там разберемся. Ну что ж, Америка так Америка!

Завтра годовщина А. В. Эфроса. На художественном совете решили, что минуту молчания перед «Вишневым» объявит Дупак <Дупак Николай — директор Театра на Таганке.>. Крымова просит, чтоб это сделал я. Дупак возмущен и обижен. «Я для Анатолия Васильевича и на Бронной, и здесь сделал гораздо больше, чем она. И пусть они кончают эти козни и интриги». Я считаю, что, конечно, директор это должен сделать. Пусть уж Наташа не обижается. Но звонить я ей по этому поводу не буду, тем более есть волевое слово Николая. Ни в коем случае, только директор.

13 января 1988 г. Среда. Театр

Вернулись с кладбища от А. Эфроса. Год пролетел. Играем в его память «Вишневый сад». Народу было мало.

Сережа вопросы задает философские, еще не продрал глаза, в кровати как столбик (в Рузе), будто всю ночь мучился вопросом и ждал, когда рассветет.

— Мама, а что такое ядерная зима? Она будет? Она будет, потому что люди обозначили ее словами. Раз дали имя, это будет...

Есть имя, значит, это осуществится. Усы надо бы сбрить, но Сатуновский пробил полный метраж для картины «В. В. — киноактер» и надо будет еще сниматься, а тут Натансон текст кинопробы прислал. А когда мне пробоваться. До 25-го не успею, а после 25-го отгулы и Америка. Не менять же Америку на «Аэлиту».

15 января 1988 г. Пятница

Битов Андрей — писатель первоклассный. Читаю «Пушкинский дом».

«У тебя кто-то был», — мне сказали, мне все говорят... А я сказала: «Я знаю». Сволочи. Кто же это мог сказать? И про что? Лидка, наверное. Она видела меня в метро, я кого-то ждал, чтоб провести вечер... «если не дождусь, тебе позвоню». И не позвонил, значит, дождался.

Хочу купить фотоаппарат. Поеду в Америку, наснимаю Гурченко в Чикаго, проявлю и напечатаю. Будет память.

Обидело, что на Гос. премию Куняеву ответил в «ЛГ» Евтушенко, а не я...

Мерзкое Ванькино сообщение — Губенко прокалывают шины. Показал он Ивану конверт, где кармашки сделаны. Николай обозначен как «убийца Эфроса», а «остальные места можете распределить сами между своими подручными».

Идет репетиция «В. В.».

— Николай! В такой же серый, пасмурный день Эфрос мне показал подобное послание с иголками в замке машины и квартиры. Что ты обращаешь на это внимание?..

— А как не обращать?!

— Не знаю.

23 января 1988 г. Суббота

Жизнь остановилась. Тотальное положение — вся страна, кажется, готовится денно и нощно к 25-у, к 50-летию Владимира. Господи, спаси и сохрани человеческое обличье наше. Вчера был хороший прогон. Я расчувствовался, пошел к Губенко в кабинет.

— Благодарю тебя...

— За что?

— Труппа не ошиблась в выборе главного.

Да, он молодец, и, конечно, лидер, и, конечно, главный. Он объединил нас, он не только восстановил сделанный Любимовым спектакль, он вычистил его, добавил великолепное свое — монумент — детей и пр. А главное — личный его пример работоспособности, а о таланте и говорить не приходится. Вот такие мысли накануне второго прогона.

Сегодня вышла моя статейка в «СК» «Духовной жаждою томим...» — в соседстве с замечательной статьей Кречетовой, и я этой публикацией во всех смыслах — а их там, как мне кажется, много — доволен, хотя и сидит во мне «мохнатый, злобный жлоб».

27 января 1988 г. Среда, мой день

24-го чуть не сгорели в Лужниках. Венька признался, что оставил включенным фен в душевой парной. Слава Богу, что пришла и — удивительное дело! — нашла меня Дели-Адель, гречанка из Баку, в 47-й комнате, где Венька учил Евтушенко, Рождественского и Вознесенского, как надо разговаривать с народом о Высоцком. Она фанатик В. В., принесла мне, «брату Высоцкого», целую сумку подарков — коньяк, пахлаву, гранаты, и все это понес я в нашу актерскую комнату, открыл, а войти не могу — черный дым в душевой, как в топке, бушует пламя. Я вбежал и открыл кран у еще не загоревшейся раковины. Думаю: залью хотя бы пол, но потом дошло, что вода спокойно уходит в сток. Прибежали пожарники, затушили быстро, но прокоптиться я успел изрядно. Пришел домой черный с лица. Тамарка: «Как ты устал, ты посмотри на себя — глаза ввалились», а когда я стал умываться, обнаружилось, что это всего-навсего сажа. Утром с головы тек деготь. А выступление прошло довольно сносно, хотя были моменты, что свистели Градскому, кричали «на мыло!», подсвистывали Вознесенскому. Вообще я обнаружил странную неприязнь к нему со стороны толпы. Это обнаружилось и на открытии мемориальной доски.

— Где вы были при жизни, Вознесенский, почему не помогли?

Андрей робко произнес:

— Я помог...

Но начальник сказал ему:

— Не уподобляйтесь.

Что же сказал я? Выступивший без бумажки, без подготовки, вместо заболевшей Демидовой. Она в Лужниках раза два запнулась в стихе и посчитала все наше выступление лажей. Хлопали ей мало и жидко; мы, надо сказать, подставили ее, не надо было ей начинать, и читала она стихи серьезные, не острые, как у меня, — «Черный человек». Так что же я сказал, когда упало

покрывало с доски (очень здорово выполненный Рукавишниковым — треснутый колокол и орущий рот Высоцкого в профиль). Я связал праздник 50-летия с годом 1000-летия крещения Руси. Для каждого культурного человека это великий праздник, и если мы будем следовать примеру духовного подвига В. В., то к 2000-летию крещения Руси она действительно станет могучей и обильной. Это дерзкая мысль имела успех у народа. И Никита Любимов <Любимов Никита — старший сын Ю. П. Любимова.> показал мне большой палец и угостил просвиркой, когда мы после сидели с Адель в кафе. До открытия Иван, Адель и я поднялись к Нине Максимовне <Нина Максимовна — мать В. Высоцкого.>. Я выпил кипятку — замерз шибко и перенервничал. На кладбище была такая тьма народу, что нашу жалкую процессию под руководством недалекого, но славного Дупака развели на части. Мы выходили с кладбища, а театр группами все еще пробивался к могиле. 24-го ездили с Сережей в театр за билетами и встретили Марину, которая подарила театру статую Володи скульптора Распопова. Так замечательно установился он во внутреннем дворике театра, как будто еще при жизни Володи, еще когда проектировали новый театр, будто уже тогда, почти двадцать лет назад, предусмотрели место для посмертной фигуры В. В. Я объяснил Сереже, что Марина — это жена, вдова В. В.

— А которая она?

— Ну та, красивая, с которой я целовался. Она одна была из женщин, не помнишь?

— Нет, я в ноги смотрел. — Но дома, еще не успев раздеться, уже кричал матери на кухню, кого он видел в театре.

25-го перед спектаклем Коля сказал небольшую речь, и статую осветили. Тень на стене оказалась настолько живой, будто Владимир вышел на «Гамлета».

Перед началом нашего действия страстно политично, несколько долго ораторствовал Евтушенко. Он высказал общее возмущение театра и общественности тем, что афиша с фамилией Любимова не пошла в расклейку, запрещена неким Беликовым, по странному совпадению однофамильцем чеховского героя, но и в действиях подобным — «как бы чего не вышло». Говорил о том, что он, Евтушенко, во многом не согласен с тем, что наговорил Любимов за границей, но он художник, не политик, человек эмоциональный, горячий. Нельзя умалчивать его значение как создателя театра, который двадцать лет назад говорил о том, что теперь разрешено говорить всем. Из лучшего, гениального спектакля, «Кузькина», вышли потом все спектакли и фильмы, посвященные деревне. Этот спектакль необходимо восстановить и показать народу и пр.

Наше поэтическое действие бесконечно прерывалось аплодисментами. Аплодировали и артистам, и стихам. Я работал не лучшим образом, но хотя бы чисто. Слишком большое напряжение выпало на мою долю. Утром ведь я еще на рынок ездил, купил 50 штук гвоздик за 60 рублей, потом помчался в «Юность» и отдал Ирине в перепечатку рукопись.

После спектакля Николай преподнес всем участникам по самодельному буклету о спектакле, истории его создания и по плакату, пригласил всех участников в кафе на а-ля-фуршет. Я передал коллективу слова Марины, что спектакль стал гораздо сильнее, что она очень благодарна артистам и театру.

28 января 1988 г. Четверг

История с Гамлетом, рассказанная мной в рязановском фильме, вызвала бурную реакцию у зрителей. Они склонны меня осуждать.

Вот записка: «Из работы Э. Рязанова о Высоцком узнала о Вашей работе над Гамлетом. Неужели 16 лет дружбы с таким человеком для Вас прошли бесследно? И сейчас Вы бы выполнили приказ любой ценой?»

Ну, во-первых, я не сыграл Гамлета. Это был все-таки больше сговор с Любимовым, чтоб привязать Владимира к театру крепче, но это одна сторона, а другая...

А почему нет? Сейчас, когда я понимаю, что жизнь творческая по возрасту, силам и пр. подошла к той черте, когда такая роль уже ушла безвозвратно, я думаю: а почему мне было бы не попробовать ее сыграть? Почему я пощадил его самолюбие, а он мое — нет? Ведь уж если друг — так, пожалуйста, играй, я уже сыграл, играй ты, более того — я тебе помогу и расскажу все закоулки роли. Идеальная модель дружбы предполагает такие взаимоотношения... Тем более и главное, что идея исходила не от меня, и уж на кого он был обижен в первую очередь, так это на Любимова, что тот позволил назначить второго исполнителя и т. д.

2 февраля 1988 г. Вторник

Надо включать телефон, ведь помещение дали для пельменной.

6 февраля 1988 г. Суббота

Я получаю угрожающие письма, что я поставлен на ножи, что квартира моя сгорит вместе с моими щенками, что сдохну я от ножа и пр. За Высоцкого — смерть. Что наклепал Рязанов в этом эпосе и куда завела меня моя искренность и желание что-то

рассказать неординарное о В. В.? Почему Смехов взял на себя такую миссию — выговорить своими устами, что Высоцкий до смерти не простил этого актера, осмелившегося репетировать сыгранную В. В. роль? Что это за бред? И что мне делать? И вот В. Яворивский из Киева пишет: «Много нюансов того времени вскрыла передача: смело смонтированы куски с Золотухиным, рассказ матери, цветы на кровати. На очень длинные кадры уже никто не жалел пленки» и т. д. Что за мысль в словах — «смело смонтированы куски с Золотухиным»? Что это значит?

Вчера звонил Глаголин — успокоить и поддержать, чтоб я не обращал внимания. Дупаку приходят письма на меня, а Глаголин говорит, что я был единственный искренний человек и говорил хорошо. Что это? И вправду стало страшно жить. Ведь дураков-то сколько, сунут финку в спину или трахнут по башке молотком... из-за того, что я не сыграл вовремя Гамлета. Да, евреи сделали мне большую услугу. А я-то как радовался, что вышел из всей этой юбилейной кампании, из всего кликушеского воя достойно-нормально. Я убежден, что по чести так оно и есть. Но какой-то туман напущен Рязановым сильно, и он пугает. И какая-то образовалась обида на весь мир. Какая-то вопиющая несправедливость.

Сегодня «Вишняк», но идти в театр неохота. Во-первых, чудится почему-то свист, гнилые яблоки, а во-вторых, провокация. Страх. Неужели один страх? Невозможность ничего никому доказать.

Мрак в душе, сплошной мрак, в чем дело? Чем все это можно вышибить? От «Мизантропа» завтрашнего я отказался. «Дно» тоже не буду играть, в театре ждет меня много гнусной почты. Подвели-таки меня евреи.

Господи! Спаси и помилуй нас, грешных, до чего же люди так злы, грубы и отвратительны! Не уйти ли мне из театра? Все это еще под впечатлением мафии из «Спрута», совсем тошно.

Почему Тамара доводит Сережу до слез, а он ее — до истерики? Почему они не могут заниматься идиллически, как бы мне этого хотелось? Ну вот, надо собираться на Голгофу, да чего уж я так дергаюсь? Звонила только что Швемер из Челябинска, тоже успокаивала и ругала Рязанова. Нет, дерьмо всколыхнулось сильно, и я еще хлебну, конечно...

7 февраля 1988 г. Воскресенье

Да, против этаких плевков и обвинений устоять трудно. Из всего потока брани два письма, в которых содержится истинное понимание моего признания, а в общем получился — бисер перед свиньями, по-другому не скажешь. Конечно, Рязанов добавил

своим монтажным локтем много для кликушествующей публики, ищущей конкретных виновников, затравивших гениального поэта, а тут совсем рядом и искать не надо, сам признается, что доставил обиду кумиру, ну, так ату его!.. Но не виноват я ни перед Богом, ни перед Володей, и уж тем более перед воинствующим войском защитников покойного барда. Где они были, эти защитники, при жизни... Теперь, когда издали, напечатали, поставили памятники, легко об этом вопить...

Уходить из театра — это бегство, хотя видеть мне многих не хочется, а уж Смехова... И надо все-таки делать зарядку и приниматься за «Годунова». Думаю, из потока этой клеветы, грязи, несправедливости, что принесет мне еще немало страданий и мук, надо найти чистый и достойный выход, не впадать в уныние и панику. Дьяченко <Дьяченко Борис — в то время актер Театра на Таганке.> прав — это естественный расчет за правду. «Ты единственный, кому было чем поделиться наболевшим, и ты поделился, и получил за это».

«Русофилы, — говорит Алексеева <Алексеева Адель — литератор.>, — на твоей стороне. Но страсти вокруг тебя кипят...»

Нравственное уравнение публикой было решено в пользу В. С., а оно решения не имеет.

8 февраля 1988 г. Понедельник

Впрочем, я ведь знал, отправляясь на съемку к Рязанову, о чем я буду рассказывать, — о Гамлете. И я подозревал, какое негодование вызовет это мое откровение, другое дело — приспело ли время для таких откровений, не оставить ли их на посмертный час?

«Рязанов вас приложил... Человек не побоялся открытой правды, рассказал, как это было... но культуры общения нам не хватает, не хватает терпимости. Нравственный хаос...» Большинство увидели меня в непристойном свете, а уж кто там виноват — поздно разбираться.

Теперь надо решать с книжкой в «Современнике» и «Сов. писателе».

26-го в издательстве «Книга» состоялась премьера книги «Я, конечно, вернусь». Не приглашен. В авторах не значусь. Что это значит? Крымова не звонит, и мне понятно. 23-го вышла газета, где Любимов, Губенко и она... в одном контексте, рядом. И я желаю Губенко и иже с ним удачи... А в зал она не приглашена. К тому же 13-го, в годовщину, я не послушался ее совета, и перед «Вишневым» говорил Дупак. Все это дает ей основания думать, что мы опять окончательно в разных компаниях. Выбросить меня

из книжки она вряд ли успела, тем более что материал мой впрямую связан еще и с Эфросом. Могло ее раздражать и то, что в рязановском сериале я опять повторил историю с Гамлетом и как бы продал информацию в два издания. Хотя я ведь не знаю, как она восприняла мои откровение и растерянность и провокаторство Рязанова. Так что вывод один — замолчать, готовиться к «Годунову» и писать «Родословную», пока действительно на ножи меня не поставили.

Пропала из дома книга Марины Влади. Грешу на Ваньку, больше некому. Нет, это не так. Кажется, мы сейчас с Тамаркой разобрались: она привезла две книжки Влади. Одну отдали Каневскому, другую — Ольге М. Что мы ищем, чего не теряли? Господи, прости и помилуй.

9 февраля 1988 г. Вторник

Страсти в театре кипят вовсю. «Создается комитет в защиту Золотухина», — шутит Ванька. Смирнов собирается выступать на партийном собрании и требовать от Карабасов (?) объяснений, за что так избили (пока еще морально) Золотухина и театр. Кто дал право Володарскому заявлять, что Володю в театре не любили и пр. А «группа мести» из Иванова шлет угрозы мне. Господи! Спаси и помилуй нас, грешных.

Ездили с Иваном в издательство «Книга». Подержали в руках сборник «Я, конечно, вернусь» с нашими воспоминаниями, заказали по 25 экземпляров. Уникальное подарочное малоформатное издание не произвело на меня впечатления.

Губенко час по телефону говорил с Любимовым, с Катей и даже с Петей. Николай свободно владеет английским и был в Вашингтоне в центре внимания, так что министр Захаров быстро стал не у дел, не нужен и был лишен короны. Вот тебе и Колька! Молодец. Завтра в 11 собрание. Любимов высказал горячее желание приехать осмотреться, и Катя говорила с Николаем, и даже Петя, и тоже на английском. «Нехорошая квартира» существует, казалось, всех пересажали, все перерезались, переженились. Подъехал — окна, весь этаж в темноте, дом весь в лесах, но подъезд открыт и «музей» существует с этими картинками. И слава Богу...

20 февраля 1988 г. Суббота

Ну, начнем еще одну новую жизнь. Вчера был очень хороший «В. Высоцкий». Болотова сказала, что я работал как бог... как будто лег на амбразуру и за того парня... «Я виновата перед тобой». Я понял чем — она недооценила мои актерские ресурсы. А накануне было много интересного в театре. Коллективный

запой, срыв спектаклей, снижение в категории Антипова и Бортника, а я прошел по лезвию ножа. Впрочем, чем хвастаюсь. Развесил тексты Гришки по стенам и ушел в запой. Хороший, почти эфросовский разговор с Губенко. Так разговаривают, когда поверяют душу друг другу. Он говорил, что ему трудно, и зачем все это ему нужно. Он знает о болезни моей жены, а Жанна <Болотова Жанна — киноактриса, жена Н. Губенко.> у него с таким же диагнозом лежала у Блохина и чем кончится — неизвестно, а я предаю ее, моего любимого человека, ради чего? Она сутками ждет меня... «Я сейчас два года мог бы быть рядом с ней, два года до нового фильма, я бросил любимую работу, для меня театр — дело совсем неизвестное, новое с этого кресла...» Я говорил о своей верности ему, так же как я был верен Любимову, Эфросу, что жизнь моя здесь, в этом доме, в этих стенах, прошла, и я им желаю добра и благополучия. Расстались мы умиленные разговором, а на следующий день грандиозный скандал его с Бортником, который напился во время репетиции. Я говорил Николаю о шапке Монамаха: уж коли взял — решай и с нами жестче... Потом Николай выделил свою машину, написал записку Ивану, с просьбой не подводить очень ответственный спектакль, и я утром привез Бортника в театр, и он хорошо работал. А мой милый Назаров <Назаров В. А. — кинорежиссер, постановщик к/ф «Пакет», «Хозяин тайги», «Пропажа свидетеля».> прислал трогательный литературоведческий разбор моих рассказов в «Земляках», на 12 страницах бисерным почерком. Я с нетерпением ждал, когда он наконец доберется до комдива. «Зато уж „Комдив“... Уж не знаю, каким манером упрятана его пружина, и прет меня по рассказу по большому неразмежеванному полю к той, последней березе. Рассказ всем хорош, до слез хорош, и слеза не от „трогательности“, а от правды. И еще он тем хорош, что ты пишешь не о себе, не от себя, а про другого человека — это важный шаг в писательстве; мне кажется, ты оторвался от самого себя и как славно полетел, как сильно! Дай-то Бог».

Вот так сказанул Назаров!

22 февраля 1988 г. Понедельник

Начинаются репетиции «Годунова». Благослови нас, Господи! Идет репетиция, и я пишу письмо матери. Приглашаю родню на открытие пельменной, куда обещали прибыть Распутин и Астафьев, а также телевидение и даже западная пресса.

23 февраля 1988 г. Вторник

Трогательно поступил вчера Николай.

— Валерий, у тебя сегодня очень ответственный спектакль,

иди отдыхай.

И я пошел домой писать письма, звонить и пр. Сколько же у меня времени уходит на эти ответы трудящимся. Но сократить круг, обрезать эту страсть...

Бортник живет в прелести обольщения своей персоной. Откуда такая бесстыжесть и трусость? Извинится — и снова наглость, смелость якобы, после первого стакана. Куда он уйдет и что он может выкинуть? Николай боялся, что он может не явиться 19-го на спектакль.

Потом вспомнил про пельменную. Куда я влезаю! И что там Галя наработает? Нет человека умного и грамотного, мыслящего инженера.

С утра прочитал статью О. Кучкиной «Кто сохранит спектакль» и закипел теперь уже из-за несправедливого и лживого упрека в адрес Н. Губенко. Да, он не принимает безоговорочно спектакли Эфроса, но он ведь не снял ни одного из репертуара. Она призывает сохранять спектакли одного мастера, а ему ближе идея сохранения спектаклей другого мастера?! Он ведь из гнезда Любимова, чему тут удивляться и что преступного здесь. Повторяю, он ведь не трогает спектаклей мастера Эфроса, и я готов в бой. Но теперь уже на защиту Губенко.

А Ваньке статейка вполне справедливой кажется... Неужели достаточно меня приласкать? «Ты для него — святое, для тебя он сделает все», — сказала мне Болотова. Так неужели достаточно меня похвалить, приблизить к себе, прилюдно советоваться со мной и тем самым поднимать мою голову как бы до своей, неужели этого достаточно, чтобы я стал лизать лапу новому хозяину?! Но это ведь не так. Какого нужно набраться мужества и как зажать в себе все, чтобы здороваться и выходить играть со Смеховым!

Нет, не надо отвечать ни Рязанову, ни Кучкиной. А если отвечать — работой. Какие, интересно, рецензии на «В. Высоцкого» появятся?

Мне надо замолчать. Ответ мой Фомину <Фомин В. С. — учитель автора.> сегодня из этой серии будет последним. Форма, физическая и душевная, должна стать ответом на всю хулу и несправедливые упреки. Быть может, Гришка Отрепьев станет последней ролью моей на театре. Завтра я должен подписать договор на аренду помещения и начинаю заниматься вплотную пельменной. И хватит сомнений.

Сегодня с утра позвонила Волина, расстроенная, и сообщила, что зам. СУ сказал ей: «А мы вам можем отказать». Тогда позвонил я сам Александру Влад., он удивился, что я председатель кооператива, и уже мне звонил домой (что мне

лично нравится). Завтра в 9 с Галей мы у него. А вопрос его был следующий: «Можете ли вы платить нам аренду с марта месяца?» Из какого кармана? Юридически я не компетентен в этом вопросе. Быть может, и можем — в кредит.

25 февраля 1988 г. Четверг

Сегодня вот еще договор об аренде сумей подписать так, чтобы тебя не надули. С нами хочет сотрудничать мужик из «Тигриса», мне кажется — это дело верное, во всяком случае, он много чего знает. Надо с ним потолковать. Ну, Господи благослови!

Я вернулся из СУ в хорошем настроении, черт возьми. Хотя убил меня внешний вид моего заведения, похожего на длинный зеленый вагончик, да и место среди огромных зданий гостиницы и сугробов, в стороне от проезжего тракта, хотя рядом метро «Каховская». Но сейчас у меня другие мысли и планы. Здание разборное, перевозное, а начнем работать — там видно будет... Почему-то Воронежцев спросил: «А где у вас кабинет будет, а то мы можем выделить вам комнату в нашем здании». Сейчас Галя там осталась ждать проект договора. Все почему-то считают, что помещение мне нужно, чтоб там эстраду какую-нибудь запустить. Я пельмени делать хочу.

28 февраля 1988 г. Воскресенье

Как мне не хватает Эфроса. Боже мой! Я стараюсь заглушить в себе грустные мысли, я стараюсь подчинить себя общему настроению. Я хочу слиться с коллективом и встать вровень со всеми, чтоб было как когда-то. Но разве возможно это? Что за жизнь прожил мой отец, что за жизнь проживу я? Хоть бы мальчишкам своим чего-нибудь привить, оставить доброе, нормальное, человеческое. Вот я приеду в Испанию, вот я встречусь с моим учителем Анхелем. Что он скажет обо мне, что он думает о жизни здесь и там? Быть может, он что-то написал.

10 марта 1988 г.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Дорогой Николай Лукьянович! Прежде чем читать мою объяснительную, хорошенько изучите эти «документы», которые я получаю ежедневно пачками (а телефонным звонкам нет числа), и Вы поверите, что душа у меня не на месте — я боюсь за своих «щенят», боюсь за свой дом, боюсь за то, как бы мне не плеснули соляной кислотой в глаза, как обещают это сделать некоторые «группы мести» из Иванова и Ленинграда. И все это спровоцировано моим генетическим врагом, Р., и некоторыми моими коллегами. Но честь свою я как-нибудь отстою и сам. Оболгали в который раз, а теперь уже и телевизионно (270 миллионов) Театр на Таганке. И театр молчит. Более того, я с ужасом нахожу фамилии моих коллег во главе с Р., защищающих Э. В., злополучную пьесу которого отвергли Ю. Любимов и худсовет как пасквиль и корзину с грязным бельем. И он, конечно, не забыл этого нам, а мы забыли! Генетический враг опаснее массового, потому что его действия непредсказуемы. Я впервые в жизни сталкиваюсь с клеветой — с клеветой продуманной, рассчитанной, где пущены в ход имена Любимова, Эфроса, а теперь уже и Высоцкого. А уж используя это имя, можно обосрать и весь Театр на Таганке.

Так вот, дорогой Николай Лукьянович, душа моя не на месте. А что делает русский человек, когда его душа не на месте? Напивается, потом болеет... потом чувство вины и, как ни странно, ДОЛГА ведет его на место преступления (в театр), он кается и т. д. Но душа при этом на место не возвращается долго. Что делать? Не знаю. К тому же у жены не очень ладно с ее здоровьем. Поэтому накажите меня: не пускайте в Испанию, мне будет спокойнее. А там, глядишь, и на все четыре стороны меня отпустите восвояси, выпустив «Годунова». Годунова я хочу сыграть — дело чести и памяти. Все.

С уважением В. Золотухин.

P. S. Не надо показывать эту объяснительную моим коллегам, кроме, разумеется, Н. Губенко и Б. Глаголина, выносите решение сами.

11 марта 1988 г. Пятница

Свою неготовность к репетиции вчера подменял я излишним усердием и нарушил голос. Извинился перед коллегами: «Простите меня, ребята, простите, люди добрые...» — и меня простили. И репетицией в конечном итоге остался я доволен. Прочитал Дупак объяснительную. Он чуть не прослезился,

вспоминая, как его семью осаждал цыганский табор: чем только не грозили, и это были страшные дни, и ружье на него наставляли, и пр. ужасы. Расстались мы, отечески обнявшись, и он спрятал мое «творение» ночное в сейф.

Теперь иду снова к Николаю на репетицию, пообещал ему, что буду знать все. И действительно учил вчера текстуру весь вечер, не знаю, улеглась ли.

9-го на репетиции заплакал на сцене, подбежали Николай с Валерой. «Ну, что случилось? Ну, видишь, как ты ослаб». Это верный, хотя, может быть, и случайный диагноз.

А какой-то шибко хороший человек из Донецка замечательную статью написал, и так он меня славно защитил от всех евреев, и очень здорово про юбилей — по всем прошелся элегантным шилом своего ума.

Эпопею с покупкой столовой надо бы записать. Чуть было нам не всучили учреждение с крысами, с самовозгоранием, закрытое санэпидемстанцией и пр.

Расстроился репетицией — так готовился и нравилось, так импровизировал, но не нравится это Губенко. Он хочет, чтоб мы повторили то, что у него в «телевизоре». Так это ведь было-то 7 лет назад, уж нет такого голоса, пропил, прокурил, прожил. И это обескураживало — нет, это не то.

Издательство «Современник». Познакомился с худ. редактором Алишер. Книжку будет оформлять Ульянова Елена Михайловна. Кроме того, что она дочь Ульянова, так она еще замужем за сыном Маркова. Фролов и гл. редактор подписали свои бумаги. Тираж поставили 100 000. С настроением я вышел хорошим.

Шапку Мономаха надо нахлобучить сразу, а не вертеться с ней перед зеркалом. Хочется сказать это Губенко. Этот образ очень понравился Сапожникову. «Хорошо сказано, образно, уже записано, поди». Нет, но сейчас запишу.

12 марта 1988 г. Суббота

Гармаш позвонила. Группа молодых из «ТЖ» собираются ответить статье Смехова, где он превозносит Любимова и об Эфросе говорит как о режиссере второго сорта. Что, собственно, и возбудило мой и без того воспаленный портвейном язык кричать Болотовой, что я его зарежу. Он манипулирует фактами, подтасовывает их под свою версию правдами и неправдами. Над этим надо посмеяться, только смех может разрушить эту высокопарную муть. Или коллективное письмо СТД.

13 марта 1988 г. Воскресенье

Пять минут он (Губенко) разговаривал с Венькой об Окуджаве, а я стоял рядом и думал: взглянет или нет. Не взглянул. Он просек, что я иронизирую над ним.

14 марта 1988 г. Понедельник. Испания. Мадрид

Я сказал Алле: «У вас с Николаем мозоли от роли, а у меня их нет. Я всякий раз с какой-то огромной радостью, азартом произношу этот гениальный текст и от него заражаюсь». Ну, не получилось. Но это не надолго меня огорчает, в другом монологе в другом повороте пушкинского скачка я настигну и свое вдохновение.

На крови двух выдающихся современников Венька строит храм своего общественного значения.

Я сейчас встречусь с Анхелем <Гуттьерес Анхель — педагог ГИТИСа, режиссер.> — какой будет эта встреча? «У нас сегодня борщ. Хорошо, да? У Люды вечером работа, у меня класс... Ну, посмотрим».

Волнуюсь ужасно, книжки подписал, пластинки — Володину и свою сказку приготовил — что еще?! Только бы никто не привязался, вроде Ивана, а тут у Щеблыкина <Щеблыкин Владимир — актер театра.> какое-то к нему дело о постановке явилось. Так что Дупак, Боровский... Всех, наверное, Анхель будет встречать, вожжаться и пр. Ну, что будет, то и будет.

15 марта 1988 г. Вторник

— Валерий! Люда пошла провожать девочку, через полчаса она придет, а я должен побыть немножко дома, меня может вызвать министр, а потом мы пообедаем вместе в китайском ресторанчике. Я, вы, Дупак, Боровский и Губенко. Вы не возражаете? Ну, позвоните через полчаса.

Договорились. Встреча с Анхелем, его домом, женой и дочкой Сашенькой для меня была счастливой. Анхель много рассказывал, и все истории одна другой невероятнее, особенно встреча с Родиной, с деревней, где он помогал хромому пастуху. Многие живы, только состарились, ведь ему было лет 5-6. И в той церкви, где он помогал звонарю бить в колокола детства, через 40 лет он крестил свою дочку. Людмила пела русский романс «Гори, гори, моя звезда»... И все, конечно, плакали. Мы ходили пешком по Мадриду, он рассказывал, я был так захвачен услышанным, что не замечал города, как будто это был все тот же Собиновский переулок или квартира Рогожского Вала. Мы долго через весь город ехали в его район, очень дорогой район считается, на автобусе, я громко хохотал над его поворотами судьбы... Приехали к нему, в 9-миллионную квартиру — три комнаты, две

ванных. Шикарный по нашим понятиям кирпичный дом, с портье, кодами и пр. Квартира в кредит. Ну и что? Я порадовался его устроенному быту, вспомнил его комнатенку на Молчановке, однокомнатную на Авангардной. Я рассказал, как меня за искренность мою отдал на растерзание толпе Рязанов...

Да, я пришел к выводу, что в интервью особенно искренничать не надо. Я теперь не даю интервью, если хотите, говорю, я напишу то, что думаю, сам, на бумаге. Потом мы ели борщ, пили хорошее вино и опять говорили, говорили...

Анхель очень переживает за нашу перестройку, за Горбачева, все выспрашивает:

— Ну, как вы думаете, есть надежды... Что будет, если уберут Горбачева? Один человек против всех реакционеров — сталинистов, брежнистов и прочих мракобесов!

Анхель:

— Удивительно, да. Золотухин в Мадриде ест борщ...

Удивительно, что я у Анхеля дома, в замечательной квартире, в полнокровной семье, где есть жена и дочь.

Люда ушла на занятия, а мы коротали время в кафе, за кофе, мне Анхель еще и коньяку какого-то невиданного взял и рассказывал о своих последних днях в Союзе, как над ним издевались, как не отпускали, как прорабатывали на бесконечных собраниях.

— Зачем вы едете в Испанию?

— У меня там мать.

— Да ладно, мать, раньше не было матери, теперь мать.

— Мать была всегда, кроме того, там моя Родина.

— Родина ваша здесь. Не та мать, что родила, а та, что воспитала...

Анхель рассказывал, как уже в Мадриде каждый день под дверь мастерской, где он жил у друга, ему совали листки с изображением черепа и угрозами: «Убирайся в СССР, комшпион, а то убьем!» и пр. А в СССР его считали агентом ЦРУ, его видели с Любимовым, Максимовым и др. Теперь Анхель добивается от министра здания для своего театра и не без оснований надеется на нашу помощь...

Потом мы встречали из школы Сашеньку, такую прелестную, ласковую девчушку. Анхель без ума от нее. Мы поехали в консерваторию в класс драматического искусства, и я попал в ГИТИС тридцатилетней давности. Те же отрывки, тот же разбор, замечательная атмосфера кропотливой работы — учения. И что я хочу сказать: революционер-одиночка вернулся к себе домой как бы, но не изменил себе даже в быту, в работе по своей профессии.

— Страна еврейская... — говорит Анхель. — Там, в России,

ребенком вывезенному, издалека казалось: Испания... засилье евреев и арабов. Со времен Сервантеса и, может быть, раньше, конечно, раньше, как только золото из открытой Колумбом Америки стало прибывать в Европу, чистота крови стала покупаться за деньги — и вот жид уже испанский дворянин, у него титул, у него власть...

— Диктатура в Испании заменила души холодильниками, одеждой, вещами. Диктатура в России принесла народу страдание и нищету. А только страдание создает предпосылки для духовной жажды... А испанцам не дали пострадать, вот в чем их беда. Я не люблю испанцев, они ничего не хотят видеть, знать. Правительство разрешило даже невинные наркотики молодежи употреблять, лишь бы она не думала, глядела бы свои синие сны под марихуану и не лезла бы никуда.

Анхель рассказывал и о том, как они на пароходе ночью отплывали из Испании под бомбежкой. Как их встретили в Ленинграде, как они кричали: «Да здравствует Сталин!»

Сейчас в Москве решается вопрос со зданием для пельменной. А мне она уже, кажется, не нужна совсем. И даже для сюжета, мне надо свой сюжет закончить.

Анхель:

— Я с этой страной прожил самые трудные годы и по-своему, чем мог, приближал перестройку, ставя прогрессивных писателей, борясь с рутиной в искусстве, борясь с рутиной и ложью в святая святых — учебном заведении, где готовят деятелей театра и кино.

16 марта 1988 г. Среда, мой день

Маслов Алексей попросил политического убежища. Зашел ночью с девушкой, чего-то собрал, сказал Щеблыкину: «Жди, я скоро вернусь» — и шагнул в полицейский участок. В 8 утра газета уже сообщила о свершившемся, указав при этом на причастность его парижских друзей. Анхель рассказывал, как и почему Андрей Тарковский ненавидел Кончаловского, как две недели жил у Анхеля и они спали на одной тахте, как по первому звонку Андрея приезжала Терехова — «она очень хорошая», Рита... она успокаивала его. Как Андрей приехал к нему окровавленный — жена Лариса ударила его канделябром по голове... Говорили о том, сколь много в «Рублеве» христианского невежества и православной путаницы, незнания, неграмотности.

Теперь я смотрю корриду — сколько же они быков убивают, куда мясо девают?

А что с Масловым? Действительно, где он? Из комиссариата он ушел, не оставив никакого документа. Звонила его мать — он не собирался оставаться, взял одни трусы, не взял смены, сказал:

«Через неделю вернусь». У него больные почки, отец полковник и два брата — близнецы. Закомплексованный, он перенес сложную трепанацию черепа, отчего волосы перестали расти совсем.

Сегодня день рождения Шацкой — 48 лет.

17 марта 1988 г. А число мое...

Прилетает Любимов. Его «прибег» как-то клином вышиб «отбег» Маслова.

Теперь жду Люду, чтоб бежать по магазинам. Так я и не посмотрю Испанию, просижу опять в номере за дневником, перебирая наши даты. Почему-то подумал: а не повлияет ли Маслов на мое переиздание? То, что он театру сильно навредил, это ясно, долго пускать не будут, а мы уж губы раскатали — Лондон, Греция, Канада...

Думал — попишу в Мадриде повесть. В общем, и пишу ее. Все беспокоятся за Славину <Славина Зинаида — актриса театра.>, как она поведет себя, увидев Любимова. Женщина она у нас психованная — кинется со сцены на грудь и всю малину испортит. Как поведут себя журналисты, в конце концов как мы себя поведем, и главное — шеф и Катя. День сегодня ответственный, но число 17 — число мое, и да сохранит меня Иисус Христос от зависти, злости и лукавого.

20 марта 1988 г. Воскресенье

Вчера были беседа Любимова с труппой и репетиция. Кажется, отошел шеф — разговорился со мной и Кузькина вспоминал. Спектакль прошел хорошо, шеф выходил в конце на сцену, вызывал Губенко, Боровского, Буцко <Буцко Ю. М. — композитор, автор музыки к спектаклям «Мать», «Гамлет». >. После спектакля — семейный снимок. Любопытно, как отнесется советская действительность к факту присутствия Любимова и такой любви к нему со стороны труппы.

С Анхелем неважно как-то все получается, у него ориентация на начальников наших, у жены — на подруг, и я остался в одиночестве. Потом, конечно, Смехов включился, и мне горько, что Анхель не знает моей беды и наших отношений. Он тоже попал под обаяние прошлой Таганки и всех помирить хочет. А так не выйдет, ведь будет Москва и будут разговоры.

21 марта 1988 г. Понедельник

Так и не удалось с Любимовым поговорить, но у него и не было желания со мной беседовать о жизни. Он, да и я, понимаем сложность и не шибкую приятность такого разговора — вот она и вылилась в последней реплике.

А до того он говорил:

— Для того чтобы режиссеру на Западе выжить, нужно ставить как минимум 5 спектаклей в год... Надо много работать, здесь я научился работать по-другому... поэтому я выжил... Правда, и на «Таганке» «Мастер» сделан за 45 репетиций. Но была подготовлена вся техника — ходил занавес, отлажена была кран-балка... Театр в мире в плачевном состоянии. В Америке, например, театра нет и нужды в нем нет. Они могут взять любой шедевр, записанный на видео, и прокрутить у себя дома...

Все время хотелось спросить: «А зачем вы тут „выживаете“, а не живете дома, где есть и театр, и нужда в нем, да и с голоду не помрете. Ну, не будет „Мерседеса“, хотя почему!»

«Советский режиссер хочет вернуться в СССР» — с таким подзаголовком вышли газеты, и как — этому я свидетель — окрысилась Катерина: схватила газету, стала выговаривать Юрию:

— Они всегда были б...!

— Ну что ты хочешь от прессы... во всем мире она такая, лишь бы платили.

Шеф мне на программке написал: «Валерий. Побойся Бога!»

Боже мой! Какая безгрешность! Он думает, раз поселился в Иерусалиме, значит, с Богом по корешам. Ни тени сожаления, ни намека на раскаяние или чувство вины... Опять кругом прав, остальные все дерьмо. Откуда-то выдумал чудовищную историю, как выкидывали чиновники «Дубинушку». Кому он это говорит, кому лапшу вешает, мудрости в нем не прибавилось, хотя часто говорит о возрасте и библейские мотивы вплетает в речь.

Шеф вышибает, на мой взгляд, землю из-под ног у Николая, говоря: «Я вообще не представляю, как можно играть такую роль и одновременно режиссировать, — это невозможно». Понимаю — к тому, чтобы Николай сделал все возможное для его 10-дневного приезда в мае на выпуск «Бориса».

22 марта 1988 г. Вторник

Проект закона о кооперации. Галина в восторге. Отвалили нам помещение в 600 кв. метров. Нет там ничего, кроме метров, ни туалета, ни хрена... Все надо делать самим. Чертаново. Надо искать людей.

На партбюро сегодня обсуждалось наше с Ванькой поведение — пьянство в Толедо. Итоги гастролей подводились. Губенко предложил задержать нам звание: Ивану — «з.а.», мне — «н.а.». «Ничто другое на них не подействует». Было вновь заявлено, что Иван разлагает коллектив. Губенко готовит, по-моему, себе плацдарм для избавления от Ваньки и меня. Но в первую очередь — от Ивана.

О какой-то ненависти некоторых к нему и театру, к тому, что сделано за 24 года, он говорил вчера перед репетицией. «Лично для меня то, что произошло в Испании, — это счастье, встреча с Любимовым — это счастье, не знаю как для кого. Я получил полномочия быть автором восстанавливаемых спектаклей... И даже если случится, что Ю. П. приедет, главным режиссером будет Губенко... Эгоцентризм некоторых, противопоставление себя коллективу... это не созвездие талантов, а братство, на этом замешен театр».

Какая, в сущности, демагогия. Ну какое братство со Смеховым у меня может быть?

25 марта 1988 г. Пятница

Ну и жизнь у меня. С утра по кооперативным делам. Галя наивно полагала, что Федоров нам даст экономиста-бухгалтера, только зачем своими кадрами торговать! Так вот... сидели мы у Федорова на Кропоткинской, и разворачивал он перед нами картину удивительную, но мрачную в своей изворотливости и сложности экономических законов: деньги, деньги... желательно иностранные... Чертаново Северное... бесперспективное дело... кто пойдет к вам завтракать и обедать, они все разъезжаются по работам. Они же вас первые и обгадят. Срочно искать помещение — двухэтажный заколоченный особняк в центре, только в центре. 600 метров в Чертаново пустить под производственные мощности... цеха... пирожки, выпечки, полуфабрикаты у метро «Варшавская», «Каширская», «Чертаново» — лотки, тележки, обязательно торговля цветами, откуда надо брать начальную прибыль. В порядке демагогии, а мне кажется, это и была его главная цель, намекнул: а не открыться ли вам под эгидой Кропоткинской? Монополия к этому придет неизбежно, если не задавят саму кооперацию как идею.

«Человека можно найти, но платите с завтрашнего дня 700 р. наличными. Где их возьмете? А кто будет работать бесплатно, с нуля начиная дело» и т. д.

Золотухин — это серьезно, это пробивная сила. Райком, горком, Моссовет... Прочим вы не должны заниматься, и не ваше это дело. Выбивайте помещение в центре — мой совет.

Он открыл ресторан, наверху отделывает гостиницу, и магазин продуктовый собирается открыть. 300-400 тысяч дохода он уже имеет. Акула! Так мне стыдно было и за себя, и за Галю, которая такие наивности, граничащие с глупостью, говорила. Кое-где я ее пресекал. Наверное, он подумал, что мы идиоты. Ну, Золотухин — имя, ему и не надо, а зачем он эту дуру тянет в дело? Она даже раздеться не могла, пальто снять, потому что не

успела одеться в приличное. И с такими кадрами Золотухин хочет делать бизнес! Федоров выведал все у нас, тем более что сам живет в Чертанове. Галя ему еще про клуб сказала, про кафе... Он приберет и это к рукам скорее, чем мы можем представить себе. Для того и позвал нас. Думаю, что его люди уже пущены по следу. Он натуральным, бессовестным образом надул нас, как безмозглых котят. На стенах у него висят картины, на каждой цена — 700-800-900 руб. — 10% его с выручки. Мясо везет из Белгорода, цены в день меняются по пять раз, цены на рынке вздернул...

— А вы задались задачей накормить Северное Чертаново... Зачем? 120 тысяч общепитовских ворюг... пусть они этим занимаются, это их прямая обязанность. Я не могу найти поваров... у них за 70 лет у всех без исключения выработалась воровская психология, и они не виноваты... мы их такими воспитали, более того — родили. Берите домохозяек, людей с неиспорченной психологией.

Ульянова Лена:

— У меня вчера был плохой день, сверлили зубы, и ваше произведение спасло меня. Нет, это не комплимент, в самом деле — читая вас, я забывала боль.

26 марта 1988 г. Суббота

Глаголин:

— По-моему, Филатов и Смехов перебирают...

Губенко:

— А Золотухин не добирает...

Без перехода, так просто... оппозиция на оппозицию, «ты сам дурак». Какое-то нехорошее чувство закрадывается у меня к Николаю, а так как это флюидно, значит, и у него ко мне. Что за причина породила это? Ну не пьянство же толедское — спектакль-то был сыгран, а по части Ивана даже лучше как будто, Любимов говорил.

Может быть, самое потрясающее впечатление от Любимова — это когда он лег на пол между креслами в театре на Машкин плащ и стал ей показывать упражнения от радикулита — ноги тянет, задирает ножницами вверх в стороны, бедрами вращает, животом крутит — великолепная форма. За ради показухи это ведь не сделаешь, не хватит ни сил, ни возможностей. Легок, спортивен, весел в 70 лет, что и хотел доказать. И доказал.

27 марта 1988 г. Воскресенье

Вчера на квартире у нас было собрание членов кооператива «Алтай». 4 часа мы трепались. Многое перемололи. Харламов

Олег мне понравился, думаю, если он всерьез возьмется и поверит в успех, дело может выгореть. Борис смешно рассуждает, но тоже, кажется, соображает в основном, как воровать, как на муке делать деньги. Но какие это деньги — рубли медные. Однако завтра надо идти по начальству, время пришло, иначе ничего не выгорит.

Репетиция с Трофимовым, келья.

Губенко:

— Валера! Я люблю тебя, я не мыслю театр без тебя! Без тебя «Таганки» нет, но я и тебя без театра не представляю! Скажи, что мне делать с твоим недугом? Какие меры пресечения применить к тебе, к Ивану? Хотя я вас не смешиваю в одну кучу. Всем известно, что случилось в Испании. Мы с Дупаком в отчете должны это указать... Не знаю, доложила ли Нат. Вас. министру, она сегодня должна была докладывать ему...

Обнимался Коля, целовался и действительно растрогал меня своими воспоминаниями, а может, сыграл так.

29 марта 1988 г. Вторник

Любимов: «Дублер всегда сидит в зале и ни разу не выходит на сцену. И часто он бывает сильнее, но контракт — вещь жесткая». Я попросил жену прочитать 46 страниц из дневников, посвященных Высоцкому, с тем условием, чтобы на полях она оставила свои пометки, свое отношение к нравственно-этической возможности их опубликования. Она написала: «Мне все нравится».

Амелькина <Амелькина Лариса — врач-стоматолог.> по телефону прочитала мне только что вышедшее в «Известиях» интервью с Любимовым в Мадриде. Потрясающе!! Это хороший, добрый знак! Он теперь, конечно, приедет к выпуску «Годунова». Надо быть в форме. Надо накопить энергию, голос и силу! Неужели еще будет праздник на моей улице?

30 марта 1988 г. Среда, мой день

Я даже не догадывался и не подозревал за собой то обстоятельство душевное, какое случилось со мной, когда я узнал и услышал об интервью Ю. П., напечатанном в вечерних «Известиях», — я счастлив и полон восторга и каких-то надежд. С чем они связаны? С Борисом Годуновым ли, с Кузькиным. Первые слова Любимова, которые в Мадриде были: «Здравствуй, Федор». Если правда то, что он репетировал встречу с каждым персонально, то фразу эту он для меня заготовил в Тель-Авиве. Рассказ про Капицу-Кузькина во время репетиции сцен тоже не случаен. От счастья случившегося хочется плакать. Хорошо, что

мои спят, тихо в квартире, только китайский будильник, привезенный из Хельсинки, тикает, да шебуршит холодильник. И что из того, что меня не примут сегодня в писатели? Мы сыграли «Годунова» под началом Любимова. НО!! Теперь надо ждать реакцию на интервью самого Любимова, в особенности на редакторские комментарии. Вернее, даже не Любимова, а Катьки — это раз, и потом, конечно, Максимова и К<198>. Они поднимут сейчас страшный антилюбимовский вой за фразу, что он не ставил никогда политических условий, не имел политических целей, а только творческие. А Максимов только и имел в виду политическую дискредитацию советского строя и власти большевиков.

Как бы там ни было, опять поднимется шумиха — да какая! — вокруг имени нашего игрока, Юрия Петровича Любимова. Уважаю!!

Катерина (рассказывал Варпаховский <Варпаховский Андрей — художник.> Боровскому) в Америке при свидетелях сказала: «Юрий Петрович! Вы умрете, а мы с Петей останемся». В том смысле, что подумайте о нас, оставьте нам средства к существованию. Ее, наверное, тоже можно понять. В СССР она ни жить, ни работать не может.

31 марта 1988 г. Четверг

Всерьез задумал я писателей подготовить к моему вопросу. Сейчас поеду к агенту № 1, Алексеевой Адели, со списком, выпишу из справочника телефоны и адреса и всем разошлю книжки и записки. Адели оставлю «О Высоцком» из дневников.

Гаврилов Эдик, режиссер, позвонил вчера, предложил сценарий. Я уж совсем позабыл и думать о кино — и вот предложение. Совсем было пельменной собрался заняться... Кстати, волшебнице-землячке Валентине Григорьевне, что замечательной выпечкой меня потчевала в дивизии, надо бы дозвониться и взять ее в пельменную.

Это же ведь какой-то сон — только что позвонила Инна Александровна из Московской писательской и сообщила, что я вчера прошел бюро и она меня поздравляет. А я с утра и вчера стратегический план составляю! Господи, благодарю Тебя, Ты услышал молитву мою, я вчера стал писателем! Членом!

Скарятина говорит, что взяла за жабры Романовского и Черниченко, «которые вас зарубили», сказала: «Что вы наделали?» — И они покаялись, главное, сказали, что были не правы.

Сейчас я буду играть «Мизантропа». Господи! Пошли мне легкости, скорости и спокойствия. В «Московских новостях»

Венькина хроника. «Таганка» в Мадриде и наша тройная с Анхелем фотография — Венька в центре обнимает нас. Он нагло повязывает кровью, он беспардонно шьется ко мне в компанию, получается — я с ним заодно. Что же делать? Как отмежеваться? Он Любимовым как надежным щитом прикрывается, всякая его личная увертка списывается на его якобы борьбу за любимовское дело.

«Законопослушный» — хорошее слово, точно определяющее суть моего поведения.

Сережа предложил мне выручку: дал какую-то картонку с красным кругляшком, велел загадать желание, разорвать пополам и кинуть обе половинки разом через левое плечо. И я загадал. Раньше я на женщин заказывал желание, теперь — на утро завтрашнего дня: встать должен — и три страницы в повесть. Я ведь теперь писатель, а настоящий писатель работает по 10 часов в сутки.

«Двойная нравственность». Защищая Любимова, который в его и ни в чьей защите не нуждается, он тем самым как бы обретает для себя право судить другого. «Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех...» Как нам не хватает в жизни мужества почаще вспоминать для себя эти строки, для спасения своей души — исчезла из нашего бытия скромность, и вот уж мы действительно превратились в разбушевавшуюся чернь и заняли места-посты, нам не принадлежащие, захватили журнальные страницы и овладели общественным мнением, заставили о себе разговаривать. На популярности имени Любимова строим узковедомственную концепцию собственного популизма.

4 апреля 1988 г. Понедельник. Внуково

В статье надо обязательно про пельменную написать, с какого только боку эту тему зацепить и как ее увязать, но обязательно... «Таганка» должна стать кладбищем». Ну, не из-за трех же не выпущенных спектаклей уехал Любимов!!!

В интервью он неосторожно сообщил, что не готовился к отъезду, взяв только самое необходимое. Сейчас идет сбор информации. Но «голоса» сообщили, что Любимов возвращается в Союз. Они провоцируют его на ответ. Как поведут себя Максимов и К<198>? Надо бы Никите написать, позвонить. Вот я ему на этом интервью в «Известиях» и накатаю. Посадка.

4 апреля 1988 г. Ялта, г-ца «Ялта», № 381

По радио и в газетах все чаще говорят о частном секторе на примере Китая. Может быть, в самом деле, выпрямим искривления, хотя бы поколение зачнем новое, с новым

мышлением, с ориентированным на обогащение, а не на бедность. 2-го была хорошая репетиция «Годунова». Нас с Алкой шибко Губенко хвалил и все вокруг. Я был счастлив и доволен собой, хотя огромное количество спектаклей постоянно держит связки в поврежденном состоянии, но ничего.

Я задумал марафон трезвости — до выпуска «Годунова». Сегодня 15 дней, как я не беру спиртного в рот. Выдержу ли?

Зиму эту я не видел — просмотрел, пролетал... сначала в Корею... в Мадрид... в Ялту... в Эстонию с Тамарой. Очень в этом смысле юбилей В. В. все перекрыл. Много дней в темноту унес он и нервов. Будет долго вспоминаться истерия юбилейная в январе 1988 г.

Читая эту книгу, да и не только... я думаю с ужасной тоской: что же за жизнь прожил мой отец, в каком страхе, в какой слепоте, в каком трагическом заблуждении... И сколько жертв на его счету, как он тщательно все скрывал, даже пьяный ни в чем таком партийном не проговорился, а мать и родню шелеповскую называл подкулачниками. Верил ли он сам в это? Верил, почему нет?!

8-я, неоконченная симфония Шуберта... Да что за черт, где я ее слышал, почему знаю эту музыку почти наизусть? Напоминает балет Чайковского. Нет, фрагментами она звучала в «Павших» в пантомиме.

Ефремов погубил уходом «Современник» и развалил приходом МХАТ, теперь уже не только фигурально. Защитники говорят: нет, не развалил, нечего уже было разваливать — не поднял, скажем мягче... Ну, давайте скажем мягче.

Портрет Эфроса я вынул и поставил перед собой. Оказался он у меня в «дипломате» нежданно-негаданно, однако, как мне кажется, — это знак.

Филатов — Волиной:

— Он бездарь, местечковый режиссер. Единственно, что я хочу, — скорейшей его смерти физической. Он поссорил нас, лбами столкнул актеров Таганки и лишил заработка мою жену.

Я переспросил Волину: может быть, он лишил Шацкую работы? «Нет, я хорошо помню, он сказал „заработка“. Ну что это? Откуда и почему такая ненависть?! Желание смерти!! Господи! Да слышишь ли Ты меня!! Неужели Ты не направишь мое перо, мою хилую, тощую мысль к действию, к какому-то справедливому началу?! Ведь через месяц с небольшим после этого разговора Анатолия Васильевича действительно не стало!!

6 апреля 1988 г. Среда, мой день

Прессом давит, гнетет обязанность, долг — написать статью.

Надо, надо... Спектакль показался на этой сцене странным — не мог я ни тон верный поймать, ни в пространстве уютно себя чувствовать... Зрители на носу. Не привыкли мы к таким площадкам, особенно после Европы. Откланявшись, обнаружил я Лакшина, сидящего с костыльком на сцене. Поздоровался со мной он за руку. Спектакль они с Паперным не могут принять ни в таком оформлении, ни в таком исполнении. Гаев — еврей, Фирс — еврей и Лопахин — еврей, не говоря о Шарлотте и оркестре. На большом пространстве декорация играет, а тут... падает вся бутафория.

Дьяченко сюжет мне подарил.

Испанист с другом по пришвинскому маршруту, где-то на Севере, потеряли все. Без продуктов и средств передвижения попадают на дебаркадер к мужику Саше. Один как перст и много водки. «Была у меня жена и дочка, теперь нет ни жены, ни дочки». Пил он сильно, а жена говорила: «Саша, я от тебя уйду». И не мог он справиться с этим недугом. Как получка — друзья: «Пошли, Саша». Он шел и напивался, домой являлся без получки и без одежды подчас. Она все говорила: «Я тебя, Сашенька, оставлю — не могу так жить». И вот опять получка и опять друзья: «Пойдем, Саша». — «Нет, не пойду». Нечеловеческого сопротивления оказалась сила его, которую он противопоставил своим соблазнителям — и устоял. Пошел домой, счастливый, и в мечтах, как его жена трезвого встретит, как обрадуется и как им хорошо будет и умилительно до слез. И зашел он в магазин и купил бутылку с мыслью: «Ну, выпью стопку перед обедом для аппетита и снятия стресса». Купил, в карман засунул. Заходит домой, его жена встречает, видит — трезвый. Она заплакала от счастья, кастрюлю борща наварила, суетится около него, а ему эта бутылка мозги-то жжет, куда бы ее деть, не открывать же перед ней, не портить праздник. Отлучилась она от стола зачем-то — он бутылку быстро вынул, зубами пробку сорвал и в кастрюлю всю вылил, пробку в карман, бутылку катнул под кровать куда-то. Приходит жена, наливает, он ест и хмелеет, она понять ничего не может, понюхала кастрюлю, оттуда пары... и заплакала она. Собрала она вещи, дочку, и когда очнулся он — нет никого, а ведь 15 лет прожили.

Сюжет северный, простой. Казаков Юрий мог бы написать.

7 апреля 1988 г. Четверг

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАМЫ — МАТРЕНЫ ФЕДОСЕЕВНЫ

К Машке пойду сегодня на день рождения и запомню разговоры — интересно, о чем шеф заботился. Катя просила ее узнать, как распорядился Никита вещами, которые вывез из квартиры. «Фамильные вещи». «Да-да, — говорила Маша, — я сама думала: э-э, нет, я в эти дела влезать не буду ни за какие коврижки». В Париже Маша несколько раз разговаривала с Максимовым и поняла, что «он Петровича держит вот так... Все гастроли, все контракты устраивал ему Максимов, давал дотацию и пр. Страшный человек... Я спросила Ю. П. о письме, он сказал, что подписал не читая».

Волина с Олегом были на комиссии по кооперативным делам, вышли совершенно раздавленные и оплеванные. Никакой пельменной району не нужно — запах, и высокое начальство там живет, — а нужна культура, стриптиз или Театр на Таганке. Все надо начинать сначала. А Федоров уже простер свои щупальца. С Катоменко разговаривал, и последний относится к нему с большим уважением. Наверняка Федоров, зная всю их продажную психологию, пообещал вознаграждение за помещение.

10 апреля 1988 г. Воскресенье. Пасха!

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ РАЗГОВОР С ДЬЯЧЕНКО

Дорогой Боря! Ваши взаимоотношения с Аллой дошли до физической ненависти, до несовместимости. И тут у тебя — тупик. Защитить мне тебя очень трудно, потому что, по общему мнению, ты играешь плохо, хотя весьма стараешься. Драматизм и подчас трагедия нашей профессии заключаются в том, что словами свой «образ» не защитишь. Аллу не исправишь, и уж коль она кривится (а она — великая), психологически разберись, она же не в пионерском кружке самодеятельности, она чуть ли не каждый год в Париж ездит. А Эфроса нет, и судьба спектакля в ее руках. Новый главный далеко не поклонник спектакля, по всей видимости, он и тебя не «отметил» в своих кадрах. Так, например, Певцова <Певцов Дмитрий — актер театра.> он отметил и Яцко <Яцко Александр — актер театра.>... Что делать? Алла предлагает кандидатуру Беляева, и, если он согласится (а по-моему, он может это сделать), — он убьет тебя. Или два состава. Что делать? Взывать к этике, к человеческим качествам, но ведь она думает прежде всего о спектакле, она надеялась, думала, что ты разыграешься, «наберешь» и т. д. Этого не произошло, к сожалению, по ее словам. Я не могу с нею не согласиться — вот в каком я положении.

13 апреля 1988 г. Среда, мой день

Полтора часа сидел у Катоменко. Крепкий, молодой красивый комиссар, никакая ему пельменная не нужна, ссылается на дедов-пенсионеров микрорайона — они не дадут сделать ничего, а вот литературный салон — это интересно. Я ему про пельменную, он мне про Пугачеву, разный взгляд на перестройку. Такая тоска. Выхода я не вижу. Остановились на том, что я должен встретиться с народом, поговорить с дедами, с жителями этого микрорайона. Контингент очень тяжелый, все руководители жалуются.

14 апреля 1988 г. Четверг

Любимов, говорят, заявил, что ни по каким частным приглашениям он не поедет, что он не мальчик. Пока не будет официального приглашения, что он едет работать, восстанавливать свой запрещенный спектакль, пока там Демичев

у руля... Быть может, все это и не так, но уж очень похожа версия на его характер и всегдашние заявления. Оформление может утонуть, погрязнуть в среднем звене. Горбачев, по словам Губенко, дал указание Захарову этот вопрос решить, а министр лег в больницу и поручил это Грибанову, тому, что флаги нам и знамена за перевыполнение плана всегда присуждал при Эфросе, поздравлял с победами на БИТЭФе и в Париже, в установленном порядке на Таганке после отъезда Любимова. Кто будет нам помогать?! Сроки у Любимова зависят от контрактов его, если не 8-го, то, считай, никогда. Западная пресса поднимет вой — Любимова не пустили на родину!!! Это удар по авторитету Горбачева и перестройки, по демократизации и гласности. А чиновники могут затянуть, и виноватого не сыщешь. Что делать? Обратиться к Ульянову? Но интересно, как он настроен, и более того — он может на словах посочувствовать, пообещать, но внутренне ведь он обижен на Любимова, что тот просто впутывает его в свои дела. Тут еще генеральные обязательства перед покойным Эфросом, и он, конечно, помнит.

15 апреля 1988 г. Пятница

Любимов. Жукова говорила с ним, интересовался про меня, «как этот оболтус пьет...». Так про всех — про Феликса, про Ваньку... Ходил в посольство, поставил все печати и т. д. Он абсолютно уверен, что его впустят. Оказывается, после него Рейган должен появиться в СССР. Думаю, испугаются функционеры западного воя. Затаимся — будем ждать.

19 апреля 1988 г.

Неверные версии весьма опасны, потому что невероятно живучи и, как правило, отвечают низменным качествам общественного темперамента. Так общественный темперамент долго и активно изыскивал виновника ранней гибели Высоцкого и этого виновника с великой помощью Э. Рязанова обнаружил в лице Театра на Таганке и Золотухина, который смел претендовать на роль Гамлета, хотя бы и по приказу начальства. Что любопытно, после почти четырехлетнего перерыва, когда я уже давно расстался с мыслью сыграть Гамлета на сцене Театра на Таганке, в Польше, на гастролях в городе Вроцлаве, куда В. В. прилететь не смог по причине великого нездоровья (в это время он лежал в парижском госпитале), Любимов вызвал меня и спросил:

— Знаешь ты текст Гамлета?

— Ну и что? — ответил я вопросом на вопрос.

— Давай попробуем: ночью порепетируем, а завтра вечером

сыграешь.

— Это самоубийство, Ю. П., даже если я расскажу весь текст. Мы же не в Рязани (почему-то я привел именно этот резон), где я на худой конец, если не Гамлет, то хоть «хозяин тайги». А здесь Высоцкого ждут.

Мне не хотелось бы каждую из версий в отдельности брать и перетолковывать из той же самой осторожности, что моя версия кому-то покажется более правдивой, чем версия Смехова. Я вообще хочу в этом смысле предостеречь нынешних летописцев от поспешных выводов, осуждающих актов и протоколов, даже если эту версию распространяет и поддерживает всяческими правдами и неправдами главный герой, и виновник в надежде превратить ее со временем в легенду. Летописец или присяжный писарь? Это две большие разницы, как говорят в Одессе. Чтоб в стремлении прослыть летописцем мы не оказались в роли присяжного писаря того или иного деятеля, так как добру и злу внимать равнодушно мы не научены, не то воспитание. Мы всегда более корысть личную блюдем, даже пиша как бы и кровью. Оттого мы с такой легкостью моральные традиции человечества обзываем «ветхозаветными пословицами» — да будет еще раз нехристям известно, что ни в Ветхом, ни в Новом завете пословиц нет, а есть заповеди, которые даже Заратустра повергнуть не смог.

В Испании, когда труппа предстала перед своим императором с потрепанными знаменами, но, как старая гвардия, готовая к любому сражению, самому безрассудному (да простят меня мои коллеги), я вспомнил слова Смоктуновского о том, что Эфрос спас честь «Таганки». И если есть по определению Смоктуновского школа «Таганки», так она в ее монолитности в трудные моменты, но отнюдь не в хамстве и попирании чужих авторитетов. Парадокс — так осуждаемый С. поступок Эфроса, что он принял руководство театром, сохранил для Любимова (для советского театра) его труппу. Одних он удержал властью гл. режиссера (а почему, собственно, нет?), других завоевал работой. Честь и хвала ему за это! Так нет, мы в угоду одному создаем неприглядную, порочащую версию поступков другого. Зачем? Одним из активнейших противников идеи, что после Любимова «Таганка» должна была бы превратиться в кладбище, был Эфрос, как художник забывающий о своих личных амбициях, если дело касалось спасения культурных ценностей. Так давайте же и мы свои личные обиды оставим при себе и не станем выдавать их за всенародную скорбь, за серебро всенародной слезы. Редколлегия «Театра» — это кружковое сознание, команда со своим цветом масок, со своим списком хвалимых и хулимых имен, по

определению С. С. Аверинцева. Иначе как понять — Смелянский предпринимал робкие попытки ревизовать творческое наследие Эфроса, но тут подвернулся Смехов, елейными ссылками на прошлые спектакли Эфроса прячущий свою ненависть. Как понять — подписчики журнала еще не получили, а им уже разжевывается смысл подвига Смехова. Ну как же не кружок! Кружок ведь не один же Смелянский, там Шуб и Швыдкой, а за всеми — Салынский, какие все звонкие фамилии.

20 апреля 1988 г. Среда, мой день

Посвящен он был кладбищу. «Березка» на том же самом месте. Я как-то был приятно удивлен, что, оказывается, написал правду в эпизоде с валютным магазином. Все давно позабылось. Полтора часа ходили по кладбищу, нашли камень Булгакова, что, по преданию, с могилы Гоголя — «учителя» по той же линии. Напротив цель нашего посещения — к Шаляпину и Папанову. У Папанова прослезился я, Тамара попросила цветочек возложить, чем-то шибко запал мне в душу этот человек, так мне его жалко стало, так он был мне симпатичен и люб. Царство ему небесное.

Получил писульку от Алексухина <Алексухин — сосед по даче.> — распорядителя: навоз завезен, теща «унавожена». Хочется лето растратить на дачу — подвергнуть себя изгнанию, законопатить в Посеево свою жизнь, может быть, и дневники туда забрать.

23 апреля 1988 г. Суббота

«Борис Годунов» — вчера дошли до конца вчерне. Теперь будем гнать сначала и «делать роли».

24 апреля 1988 г. Воскресенье

Вечером я был на потрясающем действе: 14-15-летние дети играли Сталина, Берию, Тухачевского, рассказывали о зверствах сталинского времени и лагерей. Это дети, это в школе. Боже мой, есть надежда, что страна выживет. Окуджава — такое впечатление, что мы в белоэмигрантском клубе.

А сегодня опять репетиция «Высоцкого» — театр растерял свои гражданские позиции, театр не помогает Горбачеву. Если победят иные силы, для многих из нас найдется место в лагерях. «Духовность, духовность!» — кричит и взывает Николай. Он в ужасе от «Доброго» <Спектакль «Добрый человек из Сезуана» по Б. Брехту.>. Нервничает, ожидая Любимова. «Я не Юрий Петрович! Если так будет продолжаться — самоустранение первых исполнителей, болезнь ног-рук, срывание голосов, — я напишу записку, что ушел туда, откуда пришел... Если вам не

дорого то направление, что завоевано этим театром, который значением своим перекрыл Станиславского, Мейерхольда, если вы этого не понимаете, не видите со стороны...»

27 апреля 1988 г. Среда, мой день

Прогон «Годунова». Голос порвал и ногу потянул. В сцене у фонтана задохнулся, но физически вытяну я и эту роль. Не ослаблять тренировок. Даже на день-два развязывать нельзя ни в коем случае и не поддаваться уговорам Ваньки и голосу хандры. Любимов мне снился сегодня, а вчера — Тамаре. Может быть, оттого, что я много вчера говорил о театре, Любимове и Эфросе. Снилась мне его встреча в СССР, где-то уже в театре... Ликование, крики «ура!». Я подбежал.

— Здравствуйте, Юрий Петрович.

Улыбка вмиг сошла с его лица, и холодно-угрюмо он ответил:

— Здравствуйте! — Именно «те», а не «уй». Я сильно расстроился и подумал во сне: «А я вас брошу к е... матери, и с „Годуновым“ зачем мне калечиться?»

В институте рефлексотерапии тоже помнят Любимова, главврач говорит, что он льняную простыню унес. Так, может, нечаянно? Нечаянно можно хлопчатобумажную прихватить, а лен... Это человек разбирается. Тогда дефицит с постельным бельем был. А он ушел от Целиковской. Как вы думаете, снабдила она его постельным бельем перед его уходом к молодой жене?

Шацкая просит порепетировать с ней «Фонтан». «Зачем, Нинка, тебе это надо?»

А Ванька вчера с Астафьевым виделся. К Полоке его не впустили. «Они поняли, что я поддатенький. Они правы, в общем-то, хотя могли просто сказать: „Не приезжай“. Астафьев меня, оказывается, знает, видел „Родню“. Я напоминаю ему его деда. В общем, было замечательно. Жаль, что я был зело борзой. Сегодня мы увидимся с ним в 19 часов в Белом зале Дома кино, так что вот такие дела».

Родители В. В. затеяли борьбу против перевода и издания книги М. Влади. Нина Максимовна замордовала Петю <Леонов Петр — завлит театра.>. «Вы (театр) равнодушную позицию заняли, не помогаете нам». Наивные люди старой формации. Информация об алкоголизме, о наркомании и о том, что они не такие-сякие, а сякие-такие, пролилась на многие страницы. И тем, что они будут раздувать этот пожар, они только хуже сделают своей репутации как прижизненной, так и посмертной. А переводит книгу дочь Севы Абдулова <Абдулов Всеволод — актер МХАТа.>. Ну, конечно, Марина наблюдает, авторизует. Выплыла еще одна жена Володи Высоцкого — первая, законная,

Изольда. Какой Владимир был мужик в этом смысле нетрепливый, я о ней ничего никогда от него не слышал, просто никакой информации...

Мне не дают покоя мандарины в детстве. Зимой, в бураны, в непроходимость и непроезжесть, мы обнаруживали под подушкой с братом мандарины и колбасу. Это было тогда таким естественным. Неестественным, чудовищным мне это обнаружилось только сейчас, когда мой 82-летний отец зарыт и не воскреснет. Дело в том, что мы были дети партийной номенклатуры, верхушки районной. Какая же предусмотрительная эта партия была. Она своих членов — нет, не всех, власть на местах — снабжала продуктами, несмотря на тощий трудодень и вечный пост в других домах. Так партия ставила себя над народом, над толпой. И в духе этом росли и дети. Почему наша мать не работала? Она была начальникова жена, освобожденная, так сказать. Во, елки зеленые, о чем я думал сегодня, играя «Дом», и как я на себе ощутил сегодня удар перестройки: нет Демидова <Демидов Владимир — работник автосервиса.> — и ты в углу. Колодки сменить передние — я день потерял: поставив машину в 9.00, взял в 17.00. Что значит не по блату! Да как не по блату — загнали-то по блату. Это уж она простояла в цехе, потому что никто не подталкивал.

У нее такие возможности человеческие — изучать язык, учить этому языку сына, вообще заниматься своим и его образованием. Ну что со мной — я конченый в любом случае. Даже если вдруг поселится в один прекрасный миг в меня громадная энергия деятельности умственной, я все равно вынужден буду играть, заниматься колесами для автомобиля, бегать за рублем — эти заботы ей чужды, она избавлена от них. Почему не поселить себя в мире прекрасного и с собой не прихватить Сережу! Нет, куда проще жить одурманенной, на продавленном диване лежать и калеку из сына выращивать, подобие отца — неграмотного уродца. Она выбрасывает бутылки пустые в окно, хочет обмануть, оставляя для меня на видном месте бутылку с остатками водки (воды), но по ее ошалевшим глазам и бессвязной речи я до рюмки в 25 грамм могу сказать, сколько она вылакала и сколько осталось в той бутылке, из которой она пьет и которую прячет.

30 апреля 1988 г. Суббота

Горбачев встречался с Пименом и дал высокую оценку миротворческой деятельности Православной церкви, отметив, что 1000-летие крещения Руси — дата великая для России.

5 июня (назвала Лена Соколова) — предполагаемая дата еврейского погрома. Кто эти слухи распространяет? Это день

Крещения!

Я сегодня показывал Сереже помещение, где предполагалась наша пельменная, смотрел превосходное здание сгоревшего клуба, кафе, в котором ни одного посетителя, кроме подруги буфетчицы. Кому это надо, чтоб здесь ничего не было, кроме стола заказов? Собаки на сене — ни себе ни людям...

Сила есть, воля есть, а силы воли — нет.

1 мая 1988 г.

Сегодня «Мизантроп». Днем мы втроем были на Кунцевском кладбище у Эфроса, свежие цветочки поставили в банки. Как-то разглядел я наконец, где он успокоился. С Трифоновым <Трифонов Юрий — писатель, автор романа «Дом на набережной», по которому поставлен спектакль в Театре на Таганке.> они глядят друг на друга, через могилу — Арбузов. Господи! Царствие небесное вам, милый Ан. Вас.! Я постараюсь сегодня играть, я всегда стараюсь, однако для Альцеста требуется особая система трагического настроя. А я нервничаю. Сегодня еще по телевизору эта муть субботинская. Говорю «муть», а сам думаю: вдруг Тамара скажет «ничего!» — и я буду счастлив.

Нет, Тамара сказала:

— Плохой фильм, ужасный сценарий. Ни одного живого слова, все правильные. Ты должен быть дальновиднее...

Но зато звонил Гоша, звонил Броднев, еще звонили — им понравился.

2 мая 1988 г. Понедельник

Ночью Матрене Ф. сделали операцию и удалили грибообразный аппендицит. Температура стала падать. Господи! Спаси и помилуй нашу матушку. Надо же, в каком возрасте он настиг ее.

Так мне не хотелось звонить Полоке! Каждый разговор стал в тягость — все считаем, кто кому больше должен. Но Полока был деловит, спокоен, сообщил то же самое — он пишет сценарий, на три четверти готово, отдает на машинку. Он не может никуда выходить, ни с кем общаться, а завтра — «раз у тебя свободная первая половина, сходи к Тараненко (и в мою бытность было так, то есть все граждане фильмы про себя пробивали сами) и держите меня в курсе».

Мы опять ездили на кладбище, теперь уже в Переделкино к Пастернаку, зашли к Чуковскому. Почему-то я раньше не обратил на это внимания, а нынче «заело»: много места, мощное укрепление, фамильный участок, и сделано со вкусом и большой лавкой. И люди идут, идут...

Сильно, до кровоподтеков на левой половинке, избил вчера Сережку, потом говорил «прости, сынок!», и плакали оба и все втроем. Оттого, что не по нотам играет, не смотрит в ноты совершенно. А мальчишка музыкальный. В общем, нервная жизнь.

«Стряпуха» Софронова и «Гамлет» Шекспира

После вчерашнего кино не хотелось утром просыпаться и вставать, включать телефон и ждать сочувствующих звонков доброжелателей: «Что ж это вы, друг Высоцкого, в таком дерьме снимаетесь? До чего же вы дожили и так опустились». И я подумал: Володя начинал в кино с Пчелки у Софронова, а кончил Дон Гуаном у Пушкина, а я? «По келиям скитаюсь...» Читая «Живаго», я понял, светом озарилось сознание, что Губенко не сможет быть главным. «Я бросил любимую работу (любимое дело), кино, — часто повторяет он. — Кино — промысел куда более благодарный». Если в нем еще подфартило.

3 мая 1988 г. Вторник

В театре выходной день и завтра тоже.

Волина:

— Ой, Валера! Спасибо тебе огромное за фильм... так здорово... Удивительный фильм... И ты там такой прекрасный... Такой роли у тебя не было, такого характера. Какие-то черточки были в разных ролях. Твардовский... на Новодевичьем, там, где Коненков, рядом с Коненковым. Для меня в жизни Твардовский так много... Ведь я по нему диплом защищала, у меня есть его книжка с автографом. У него были падения, но это были падения другого порядка... как человек и поэт он шел в гору... Возьми меня с собой на кладбище. Мне обязательно надо к нему попасть, я обязана ему многим...

Сегодня хорошая репетиция «Годунова» — голос у меня звучал. Вчера целый день превосходное радостное настроение, оттого что Жукова сообщила: Любимову дали визу. Поехать в военкомат я с тобой не могу, у меня новое задание — дозвониться до Ю. П. А сегодня как снег на голову — визу задержали по техническим причинам, а Коля уже телеграмму послал. Но, кажется, все обошлось. Завтра последний разговор с Ю. П., и Николай будет инструктировать коллектив, как вести себя и т. д.

«Утром он встал другим человеком». Как часто я слышу и читаю эту фразу. Вот и у Пастернака прочитал. А я-то думаю, почему каждый день я скорее хочу лечь спать. Да потому, что так скорее придет утро, то самое утро, когда я проснусь другим человеком. Как я хочу проснуться однажды другим человеком. Нет, не молодым и резвым... А просто не ленивым. Вчера, уж разобравшись ко сну, сидел минут 10 на кровати, решая —

слабомне сейчас сесть за стол и мелким почерком гениального человека на трех страницах изложить историю, как я посылку сдавал и как внес нравственный раздор между двумя клиентками-старушками. Одна пропускала меня без очереди и позвала на этот подвиг другую, а та — ни в какую.

— Вы нам так много добра делаете, хоть что-то для вас сделать.

Пахло молодым тополем из окна. Вдруг та, что уступила мне свою очередь, стала помогать другой, уж совсем неприспособленной старушке заворачивать и заклеивать посылку. В ответ:

— Дай Бог, чтобы вам всегда помогали, как это приятно, что тебе помогают, сама бы я ни за что не справилась, кто это придумал — самообслуживание...

Затем моя благодетельница увидела, что какой-то мужчина сдает посылку вне очереди.

— А почему вы без очереди?.. Ведь никого народа, можно было бы и подождать.

Мужчина стал показывать удостоверение участника войны.

— У моей хозяйки давление нулевое, я бы подождал.

Теперь другая старушка стала поправлять свою нравственность:

— Сдавайте спокойно, не волнуйтесь...

— Я бы постоял, да у меня жена больная ждет...

— Ничего не случится с вашей женой за три минуты.

— Не обращайте внимания, спокойно оформляйте.

А всему виной я. Так когда же я утром встану другим человеком?

6 мая 1988 г. Пятница

Нет, не проснулся я и сегодня другим человеком. Но опять — 30 поклонов не сгибаясь в коленях, две минуты стояния обязательного на голове, дыхательная зарядка — 75 спокойных вдохов и выдохов через носоглотку. 75 — это цифра, до которой дожить бы мне хотелось.

На рейке, на рейке
Вертелась канарейка.
Рейка сопрела -
Канарейку огрела.
Огретая рейкой
Отпела канарейка.

Этот стих сочинил я для Сережи на выговаривание буквы

«эр».

А теперь вперед — и горе «Годунову»!

7 мая 1988 г. Суббота

Отче наш! Иже еси на небеси! Боюсь и писать что-нибудь. В эти часы решается вопрос визы. Самый страшный сон — Любимов приходит в наше консульство за паспортом, а ему говорят:

— Вам отказано во въезде на Родину!

Что с ним будет!!! Какое чудовищное измывательство, ведь у него на руках билет и телеграмма Губенко (чихнул кто-то — приедет наш дорогой странник), с заверением, что виза получена и все в порядке. Сообщите рейс, встречаем и пр. Через два часа после первой, разрешающей, в Штутгарт ушла телеграмма другая: «Задержать исполнение».

Репетиции вчера практически не было — Николай сидел на телефоне, с которым творилось что-то неописуемое. Телефонистки с междугородки заявили в конце концов: не звоните, такого телефона не существует. Дозвонились до Израиля, Катя не договорила фразы — связь была кем-то прервана. А она сказала: «Я не могу отпустить Юру одного...» Наконец соединили с Любимовым. Коля повторил ему все самые обнадеживающие слова. Любимов просит вызвать Катю. Они в Испании договорились о приезде его одного. Оформление Кати по частному приглашению займет еще два месяца. Под разрешением Любимова стоят две подписи членов Политбюро, не хватает третьей — Горбачева. Боже мой, какая идет борьба, игра и черт его знает что еще... Боюсь звонить в театр, все равно туда надо ехать — смотреть «Федру». Симонова Евгения Рубеновича встретил. Приехал с дамой на просмотр несостоявшейся «Федры». «А я вас тут видел в „Мизантропе“. Очень вы мне понравились... Это было талантливо. Вообще правильный спектакль. И, представьте себе, захожу в букинистический — лежит „Мизантроп“ 1912 года издания, я покупаю его за 10 рублей и вдруг обнаруживаю, что это не 1912, а 1812 год, с вложенной программкой, где Альцест — Щепкин. Это первый Мольер в России, перевод не помню чей. Я в комиссионку — сколько это стоит? Две тысячи!!»

Странное дело — я поправляюсь на глазах, настроение от этого еще гаже. Что такое — не могу ни читать, ни писать, ни думать... Свалим все на ожидательный момент Любимова-»Годунова».

9 мая 1988 г. Понедельник

«Мизантроп» — шефский. Почему?!

Любимов в Москве! Мы встретили его в Шереметьево. Белого коня достать не удалось, но швейцарское радио было, да и наш Ракита заснял на видео. Но на зеркале у меня портрет Анатолия Васильевича, и надо этот шефский спектакль для воинов сыграть хорошо. Господи! Благослови нас на удачу и чтоб голос не сорвать, сбереги меня, Господи, для «Годунова»! И моим партнерам пошли удач и здоровья.

— У тебя месячник здоровья?!

— Да, Юрий Петрович.

— Можно работать?!

— Да, Юрий Петрович!

Встреча была суматошная. Ю.П. кричал:

— Не разбейте водку в желтой сумке!..

10 мая 1988 г. Вторник

Объявил семье, что я сегодня встал другим человеком, поэтому им надо быть начеку и не удивляться моим неформальным поступкам.

Солженицын встретил Ю. П. словами: «А вы знаете, какой сегодня день? Ровно 12 лет назад после нашей с вами встречи меня забрали в Лефортово».

Ю. П. ночевал у него, и хозяин был весьма приветлив и любезен. Он знает все... Он знает, где и как я себя вел в какой ситуации и пр. А разговор о Солженицыне начался с телеграммы, которую А. И. прислал Любимову на 70-летие. Там было сказано, что «это Бог вас надоумил выбрать для жительства Иерусалим. Именно не Париж, не США, а Иерусалим». Ну, он человек глубоко верующий... хотя по другим сведениям закоренелый или, как говорят, убежденный антисемит, исходя из христианской идеи и пр.

16 мая 1988 г. Понедельник

Скорее бы уж он уезжал. Ничего хорошего не произошло, сплошной «спектакль в спектакле» и пользы для меня ни на грош. Это, скорее, разрушительный визит, чем созидательный. Ну и, конечно, не выдержал я, это скверно. И пил много зачем-то. Тамарка до сих пор валяется, и, как всегда, Иван рядом и со стаканом. Отказывается играть «Дно», с Николаем у них чуть до драки не дошло. Обиделся Губенко на «Ленинииану». Из книг Н. Губенко. Это глупость, конечно, дикая. Но Николай циничен и не настолько умен, хотя достиг он многого. Я после лекарств своих обычных, сегодня в основном 2-й акт, он весь мой. Господи! Проноси, не дай сорвать окончательно голос, не дай обиды на руководителей и партнеров, чтоб достойно из ситуации выйти, и

прости меня, сохрани нас — мою Тамару, Сережу, Дениса. Сейчас поеду в театр.

Сон мне снился, что я весь растерялся, все из моего «дипломата» сыпалось, где-то даже машину свою потерял, а ехал как будто со съемки.

18 мая 1988 г. Среда, мой день

По этим нервным коротким записям я потом соображу, как говаривал Эфрос, свою нынешнюю жизнь. Прихожу с репетиций от общения с гением Любимова совершенно опустошенный и как бы несчастный. Но с затаенной внутри бомбой медленного разрушения. Когда-то мне это важно было и я часто повторял себе: «Только бы не озлиться, иначе потеряешь талант и самоуважение». К этому я возвращаюсь и сейчас. Вчера у меня день был сравнительно легкий, но сегодня судьба рассчитается со мной... как-то. «Береги, Валерий, голос», — говорит мне внутренний мой голос. А все остальное — от папы с мамой и от Бога.

В очередной раз заполнил я анкету на звание. И опять хотел залупиться, дескать, сколько можно, это унизительно в конце концов. Ну и что и кому я этим докажу?!! Себе?! Ах, себе! А себе я звание хочу добавить. Вот и пиши свою автобиографию в сотый раз и не вы... И напишу, а вдруг простят мне мадридское пьянство и звание прибавят, а это уже большая надежда на два метра и «холодильник с гвоздями». Одна забота, чтоб в будущем выделили землю на Кунцевском кладбище. Ни на Ваганьково, ни на тем более Новодевичье не рассчитываю.

Гребенщиков Юра помер от руля машины поэта Межирова. И узнаю я от людей, что ведет себя Межиров не как «коммунисты, вперед!». Машины, например, уже нет, разобрал, утопил... А явился он в милицию только через неделю после того, как сбил... Версию шока проводит в жизнь. И только почти через два месяца, когда вся актерская Москва собирала деньги на дорогое лекарство, он через подставных лиц стал предлагать жене деньги. Да ну его к черту, в конце концов. А Веня Смехов и здесь отличился: подсказал для него хорошую характеристику своего коллеги — «это-де алкаш-актеришка, и сам виноват, сколько их таких Мармеладовых по Руси таскается».

Я не пишу ничего о Любимове, потому что все это будет неправда — на репетиции идет сплошная оперетта, показуха, игра в усталого гения и стрекот камер. А что я ждал? Ну конечно, если бы он меня хвалил и подбадривал, мое автономное настроение было бы удовлетворено и был бы я на верху блаженства... Но этого нет, и оттого я нервничаю и вину хочу на публику

перенести. Но объективно, отбросив личные амбиции, нет достоинства, строгости. Начиная от его выкрика на «В. Высоцком»: «Он не мочился — это точно!» Все окрашено этими его вздрюченностью и эпатажем. Сам он это оправдывает так: я человек озорной, старый и к тому же впал в детство, мне простительно.

Привязался к моему тембру — «Лемешев и Козловский сразу. Садишься на свой горловой регистр». А так как он меня много ругает публично, можно предположить, чтоон говорит в окружении Смехова и Филатова. И молва по Москве пущена, я так думаю, такого смысла, что Золотухин без присмотра в дерьмо превратился. Вот с какими мыслями я собирался на репетицию и в прогон вечером пойти. Спаси меня, Господи!

Я долго ждал его, и настроение у меня гнусное. Неужто он добился своего и лишил меня таланта на этот день. Я ловлю себя, что я боюсь, что я не получу удовольствия даже от произносимого текста. Царица небесная, помоги, спаси и помилуй, благослови меня! Господи! Пощади!

19 мая 1988 г. Четверг

Я говорил, что, кроме вреда, ничего эти репетиции мне не дают, а такого счастья, что случилось вчера на прогоне и после, я не испытывал давно. Я перешагнул через себя и взял какой-то важный барьер. Я выполнил почти все, что просил меня Любимов (удалось), и теперь говорят: Золотухин первым номером, Любимов очень доволен им.

Да он мне и сам говорил:

— Ну, ты чувствовал сам, как зал сразу реагирует на конкретность?

Сабинин <Сабинин Александр — актер театра.> говорил о сложнейшем фантастическом рисунке партитуры, «и, что самое поразительное, ты это выигрываешь с легкостью невообразимой». Все дело в том, что все были свидетелями этих мучительных, унизительных уколов, и казалось, что психологически и морально мне просто не подняться. И вот результат. «Кордебалет не ожидал, хор рукоплескал и был восхищен. Ты один из всех, кто выполнил его замечания». Ночью я слушал соловья и встретил ежа на дороге. Соловей выщелкивал и высвистывал, казалось, в мою честь, и сегодня рано утром помчался я провожать шефа.

— Здравствуй, Валерий!

Мы поцеловались на прощание, и он мне сказал:

— Ну, восстанавливайся... в смысле Кузькина.

Демидова ужасающие, немыслимые вещи поведала мне. Пьяная Кузнецова подошла к ней перед началом сцены «у

фонтана» и сказала: «Ты бездарь, ты интриганка, ты пользуешься связями» и т. д. и т. п.

— А я и так-то самоедством заражена и тут думаю: может быть, она права.. А Славина — мне это рассказали девочки из ее окружения — задумала уничтожить меня физически. Достала книгу черной магии и в спектакле Уильямса по действию вливает мне воду в ухо. Так однажды, говорят, она влила мне воду, которой омывали труп.

Это что же такое, Господи! Это трудно представить себе в бреду и чаду, в современном-то мире, в современном-то театре! Ой, батюшки-светы!!! Мне так стало жаль ее, что захотелось укутать, как младенца, и защитить на своей груди в прямом смысле.

В сцене она надела на себя столько нарядов из кожи, лис, тюля, юбок, ремней, блях, что я потерял ее задницу, запутался, где сиська, где меховая шапка. Краска Любимова — высморкать две ноздри и вытереть пальцы о майку — выстрелила аплодисментами. Я доказал ему, что не разучился ни работать, ни играть. В каждом публичном разговоре он говорил: доказывай себе и другим необходимость восстановления «Кузькина». В «Кузькине» есть темы вечные и, кроме того, там ряд блистательных актерских работ, что бывает не так часто. Зачем же ими разбрасываться? Значит, театральная задача на будущий сезон передо мной поставлена, а приехать работать он собирается (объявил на публике) в середине января и на длительный срок. И, конечно, все его пребывание было сплошной белый конь... Публикация в «Московских новостях» — потрясающий провидческий документ. Слава Богу!! Мягкой тебе посадки в благословенном Иерусалиме, дорогой наш шеф. Написал письмо Горбачеву — вот над этим-то документом и работали Филатов с Губенко 16-го числа, когда Леонид закрывался у Петьки, а Губенко, по рассказам Веньки, читал его под столом... прячась.

На Рогожской под сплошными портретами Филатова сфотографированы Губенко, Болотова, Филатов, Щацкая, Смехов, жена, девица из университета и корреспондент. Это был обед в моей бывшей квартире. «Я радуюсь, великородный витязь, что кровь его с отечеством мирится». Хочется петь и валять дурака. Вот, а еще говорят — смиряй себя молитвой и постом. Постом у меня не выходит, ни половым, ни столовым, а молюсь регулярно и завсегда... конечно, формально часто... но в Бога верую как умею.

20 мая 1988 г. Пятница

В «Литературной России» наконец-то первая рецензия Н.

Кондаковой на спектакль «В. Высоцкий», по-моему, очень хорошая. Как-то коллеги отнесутся к статье и к тому, что она меня процитировала? Да хрен с ними, как бы ни отнеслись. Хочется написать Любимову письмо, сказать «спасибо» и объяснить ему, чтоб он не слушал, что ему плетут про меня. А то, что ему плетут и не так все преподносят и толкуют, в этом нет сомнения.

Теперь... что писать, что читать? В голове каша. Ждал Любимова. Теперь буду ждать премьеры «Годунова» и рецензий. Вот, однако, где разделятся мнения, вот где пища для словесных баталий, и тут уж при нынешней-то гласности и публикациях черно-белых мнений, под видом взгляда на спектакль, сводиться будут личные счеты.

Мне не дает покоя сюжет: мандарины под подушкой. Он должен быть обязательно связан с отцом и Толькой Лаптевым.

Губенко невесел сегодня на репетиции с утра. Какую-то вступительную эпитафию странную произнес:

— Благодарю всех за помощь... и даже материальную, один бы я не знаю, как справился бы... все вели себя нормально. Ну, за редким исключением.

Я опять попал в это исключение. 12-го за мной приезжали Глаголин и Ефимович <Ефимович Александр — главный администратор театра.>, а 14-го Дупак и Ефимович. Я сделал любопытное психологическое наблюдение, которое хочу осмыслить и сделать для себя какие-то важные выводы. Как все были покорны и безропотны в отношении всего, что говорилось Ю.П. и делалось им (странно, а чего он другого мог ожидать и сам меня просил: это надо вытерпеть, весь этот павлиний период протерпеть, у меня много раз возникало желание уйти со сцены и не возвращаться никогда). Я даже не понял, в общем-то, что он хочет сказать, куда речь клонит. Может быть, для него был неожидан мой приезд в аэропорт, может, больно пронзило его административное функционирование при Любимове и распущенность Бортника. Он приедет в январе, выпустит «Живаго», сделает еще один новый спектакль. План расписан им на 5 лет — контракты. Вроде того — «а чего же я мучиться буду с вами, ради чего, собственно, терпеть от вас?».

22 мая 1988 г. Воскресенье

Почему-то решил написать Губенко, отправил письмо, а через некоторое время пожалел — не поймут ли меня так, что я подлизываюсь.

«Дорогой Николай!

Мне показалось вчера из твоих слов перед репетицией, что тебя одолевает червь сомнения, разочарования, подозрительности или еще что-то из нашей театральной бодяги происшедшего. Говорю клятвенно: все это тебе удалось сделать за какие-то полгода благодаря твоему огромному таланту и человеческому статусу («В. Высоцкий», «Годунов» и, конечно, приезд Ю. Любимова), все это выше человеческих сил. В обычном смысле это подвиг, как нравственный, так и художественный. Он позволяет тебе еще долго смотреть на мир, на нас и на себя с высоко поднятой головой. Прости меня за пьянство, это мое горе, но к делу и к тебе это отношения не имеет.

Поклон Жанне. Обнимаю.

В. Золотухин».

«Правду, исчезнувшую из русской жизни, возвращать — наше дело». А. Блок.

Кино, кажется, прочно и бесповоротно забыло про меня. Три сценария, от которых я отказался, — один хуже другого. Неужели я уже все сделал, что мог?! И заниматься мне только собственной монографией?

23 мая 1988 г. Понедельник

Опять тревожно на душе, а все ведь объясняется просто: я боюсь спектакля, боюсь сыграть его не по той схеме, что удалась мне 18-го. Надо научиться обманывать свое вдохновение, не так затрачиваться, думать о другом... молиться — единственное спасение...

Я закончил первый «тайм» без ощущения стыда. Однако «келья» прошла без вдохновения, а после «корчмы» — аплодисменты.

Демидова:

— Зорская сказала, что ты играешь гениально.

Это-то и страшно. Теперь бы закрепить хоть бы процентов на 50 то, что делал на прогоне. Господи! Пошли нам несуетности внутренней, коллеги мои дорогие!! Давайте жить мирно, пошли вам Бог мира и душевной благодати! Помогите и вы мне!! Говорят, сцена «у фонтана» прошла лучше! Может такое быть — не может такого быть!!

Куда лучше-то!!

Алексеева потрясена, как Генрихом в грузинском спектакле.

— И Губенко тебя хорошо оттеняет своей мудростью. Я не курю, а тут вышла и закурила. Это Шекспир. Много льешь на себя

воды, это грубит. А от сцены «у фонтана» я ждала большего.

24 мая 1988 г. Вторник

И еще вчерашний спектакль показал, что при разумном образе жизни я с физикой справлюсь: уравновешу дыхание, распределюсь и пр. И, может быть, научусь играть его без напряжения — играючи, что называется.

Только что позвонила Муза Б.:

— Звезда первой величины... Вы интересней всех... Вы лучше всех... Я не все поняла... костюмы... На самом деле вы несравненно лучше всех. Зал оживлялся, когда появлялись вы. Нам говорили, но мы думали — подумаешь... Там и Губенко, и... но мы убедились, что это так — несравненно выше всех. И Оля вам просила передать. Очень интересный спектакль, говорит, хотя я не все поняла (скорее, не все приняла; это Найденова-то «не поняла»!).

Алексеева:

— Нерв спектакля ты, но и Губенко тебя хорошо оттеняет...

Еще снилось, что я целовал руку Любимову, провожая... Вчера смотрели «Федру». В самом деле, к Цветаевой это не имеет отношения, и меня больше всего беспокоили пластические цитаты Демидовой из «Федры» в «Фонтан» или наоборот. Как-то мне неловко было. А в общем, зрелище красивое, для души холодное, но кому-то ведь это будет очень нравиться. Бенефис Демидовой. Алла рассказала, как одна актриса перед выходом в «Годунове» сказала ей, что она бездарь, голый король, фуфло и чуть ли не под зад ногой, а тут еще бенефис — «меня просто на мелкие кусочки разорвут». Славина умеет, как начальница, войти в зал последняя и первая встать и выйти.

— Вдохновенная ложь, — сказала она про «Федру».

Губенко пожал мне руку и поблагодарил:

— Это между нами.

Тамара меня спросила потом, за что он меня так нервно благодарил. Но я не раскололся. А благодарил он меня за письмо.

Аксенов написал статью о предательстве Любимовым дела эмиграции, что он пошел на поклонение к советской власти и пр. — А этот... злопамятный, не подписал мне на звание, надо же... — Бортник про Кольку.

Прожив в такое страшное время жизнь, рядом с такими личностями, как Капица, сами мы не укрупнились и личностями ни в искусстве узком своем, ни в человеческом плане не стали. Почему? На что ушло наше (мое) время? На репетиции. А теперь оно уходит на репетиции репетиций. Вечный экзамен на артиста.

Что, интересно, в этой аксеновской статье написано? Не

касается ли там он фамилий и действий Н. Губенко как главного провокатора любимовского приезда, раз. И второе, ведь наверняка Николай и К<198> убедили Любимова написать письмо Горбачеву, которое он сам разослал членам Политбюро и руководителям страны, письмо наверняка с благодарностью за разрешение въезда и размышлениями о судьбах эмиграции. Много, много любопытного. Николай нервничает, мало что говорит, но что-то нервничает. Какие-то он «пилюли» глотает.

26 мая 1988 г. Четверг

Ну вот, кажется, я к Петрозаводску готов. Освободил сегодня день от театра и все сделал, купил билет, заехал к Катерине. Ее не было, мать она сегодня хоронит. Повозил Тамару по рынкам, магазинам, в общем — готов. Голос звучит. Гитара настроена. Странный спектакль вчера был, впервые не хлопали Ивану, и он несколько обескуражен был, обижен на публику и сказал в результате, что спектакль прошел неважно. Я возразил ему. Вышли — колесо спущено. Подошла Демидова. «А мне вчера два прорезали, ножевые дыры». — «Это вам, Алла Сергеевна, за „Федру“, худсовет, бенефис и пр.». Демидова говорит, она не верила, что Эфросу из мести резали шины. По словам Розова, теперь она убедилась в этом сама. Ах, Алла Сергеевна, то ли еще может разгулявшаяся чернь?!

Анекдот. КГБ пишет письмо в комитет по ценам: «Просим снизить цену на водку, а то народ протрезвел и спрашивает: ...А где царь?..»

27 мая 1988 г. Пятница

«Арктика» подтвердила свое название — ну, холодно же... и укрыться нечем. Стою в Ленинграде, ем творог, и думаю, как я люблю Тамарку, и не представляю, как я мог бы жить без нее.

Собрание, оказывается, бурно закончилось. Дьяченко, белый от волнения, стал призывать жить в мире. Хвостов поднял вопрос о статье Смехова, Филатов пошел на защиту. Николай сказал, что спектакли Эфроса ему не нравятся, но они идут и это не значит, что свое мнение он превратит в решение снять их. В результате он опять сказал, что уйдет, если не изменятся отношения внутри и к делу... «Это ваш театр» и пр. Замечательно, что я не был на всей этой говорильне и ругани. Славиной напомнили, что это Эфрос выхлопотал ей «народную».

28 мая 1988 г. Суббота, г-ца «Карелия», № 514

Благодать какая-то в моей душе. Во всем, конечно, виноват «Годунов». Теперь я, как скупой рыцарь, трясусь над всякой

бумажкой, где упоминаются Любимов и Театр на Таганке. Особенно умиляет меня фотография Любимова в «Вечерке». Весьма подробная информация для знающего человека. На переднем плане, например, стол для «президента», красной икры на черный хлеб намазано в палец толщиной, фрукты, соки и пр. Любимова трудно даже разглядеть и узнать — в позе нестеровского пустынника, калики перехожего... На пианино маски Васильева, Золотухина, Филатова. Что он держит в левой руке? Над ним портрет первого режиссера театра Плотникова, Ю. П. в неистовом каком-то порыве... Эфрос остался за кадром, не уместился в эту композицию, а жаль.

Рощинская фраза понравилась мне своей внутренней информацией, выходящей шире и глубже по смыслу, чем на глаз: «Я видел, с какой радостью и самоотдачей работали на сцене актеры, оставшиеся единомышленниками Ю. П., несмотря на шестилетие мучительной разлуки».

«Мишку Шифмана» читал, что в контексте израильского гражданства Любимова обретает дополнительный смысл. Сегодня попробую в пушкинский этюд «Молитву» вставить и какие-то слова найти по случаю великого праздника 1000-летия принятия христианства на Руси. Надо бы православный храм посетить и приобрести иконку. Мой «Спаситель» остался в бушлате Самозванца. Хоть меня, как Гришку, предают анафеме, однако «Спаситель» всегда у сердца. А до храма дошел я. Хотя у четырех жителей разных возрастов спрашивал, какая дорога ведет к храму, вразумительно объяснить никто не мог. Только четвертая — молодая девушка. А на подходе к церкви остановила старушка блаженная. Стала мне про Христа рассказывать, какие добрые, чудесные дела он сотворял. Ведь как-то люди видят друг друга. Сегодня родительская суббота, а завтра Троица, и пойду я в церковь к 10 часам, на службу...

Денис на вопрос Фурмана <Фурман Рудольф — ленинградский актер, продюсер.>, дома ли Леонид Алексеевич <Филатов.>, сказал: «Папы нет дома»!!! Хотя Рудольф представился ему как друг Валерия Сергеевича. Рудольфа это задело. Задело ли меня? Да, конечно.

29 мая 1988 г. Воскресенье

Троица, а я в храм не пошел. Рейган в Москве, сейчас кортеж приближается к Кремлю. Как чувствует себя наш Миша? Вчера «Время» передало информацию о Любимове. Сегодня телевидение и радио занято Рейганом.

Прочитал второй номер «Нового мира» с «Живаго». Что-то я чего-то не понимаю: или слишком грамотный стал, или наоборот.

Вкуса я не улавливаю в этой литературе — головой понимаю, как замечательны метафоры, описания снега, пара, леса и пр. Но чтоб убивать человека за этот роман? Никак в толк не возьму. Но... надо дочитать.

8 июня 1988 г. Среда, мой день

Еще один раз начинаю жизнь новую. Господи, прости и сохрани... и благослови на жизнь новую! Что делать? Надо жить.

9 июня 1988 г. Четверг

Эти затянувшиеся роды — «Годунов». Страшно до чертиков — результат запоя и семейных забот. Вчерашний «Фонтан» с Аллой вселил надежду, что к премьере наберу форму.

Пропустил службу в храме Крестовоздвиженском. Все не так

11 июня 1988 г. Суббота

Таганские премьеры в «Вечерке», обзорная статейка — хроника, так сказать, нашей жизни. Замечательный предпремьерный материал.

Готовы ли вы к премьере, Валерий Сергеевич? Я по натуре трус, и ни о чем ни говорить, ни прогнозировать не хочу. Слишком счастливые мгновения пережил я 18-го, чтоб сейчас быть спокойным. Я много авансов получил... Что я завтра вспомню из наставлений Мастера? Куда поведут меня память и талант мой? И просто проявится ли он завтра? Спросил у Сережи:

— Сынок, как я буду завтра играть?

— Ты будешь играть, как репетицию «На дне».

— Это хорошо или плохо?

— Это хорошо...

— Очень хорошо или хорошо?

— Нет, хорошо, но не очень, потому что я ничего не понял.

Вот и пойми, как я завтра буду играть. На все положить драму России. Николай прав — о Боже! Кто будет нами править? А вообще надо про все забыть и помнить — кто ты! И зачем тебя мать на свет родила, был ли в моей жизни более ответственный день? Были дни, но они были защищены спиной Любимова, на которого и списывалось все. Завтра будет ясно: выиграем ли это сражение мы без него. Хотя ведь написано, что «вся театральная Москва присутствовала на репетиции».

12 июня 1988 г. Воскресенье

Ничего, ничего, ничего... помирились, куда нам деться-то, куда деваться-то, милые люди. Что-то будет сегодня. Как много поставлено на этот день, какой долгий путь к нему лежал и не

хочется лажануться. Нет, хочется быть, не скрою, первым артистом в этом спектакле. Меня так все приучили к этой мысли. Так не окажу я страха, но...

Господи! Смири мою гордыню и дай легкости, скорости и радости существования. Больше ни о чем я не прошу. Первую свечку поставил я о здравии Любимова, потом — за упокой душ Пушкина и Эфроса. Вернулся и поставил о здравии Матрены, Тамары, Сережи, Дениса. Про отца забыл. Возвращаться поздно было. Молился я и за моих партнеров — дай им Бог удачи всем сегодня, всем, всем, всем, — от вельмож до нищего слепца. Посели в сердце моем благодать, Господи, и прощение всем, и меня чтобы простили все. Прости меня, Господи, сохрани и помилуй.

13 июня 1988 г. Понедельник

Если в Москве все, как у них, то мой лайнер «Ил-86» с Тамарой и Сережей на борту должен быть в разбеге... Ну, Господи, благослови мои души родные. Ночь после премьеры я не спал ни капельки, все пел от восторга. «Ох, да растворите вы мне темную темницу...» Я счастлив опять, в этот раз Тамаре очень я понравился, все дело понравилось, а я больше всех, всех моложе, всех легче и талантливее. Что мне еще нужно для счастья? А играл я не лучшим образом, хотя первой польской сценой доволен был в «Фонтане», но от нехватки сил кураж не пошел... Но, в общем... нормально. Теперь я так волноваться не буду. Это же черт знает что — даже заплакал дома от волнения за спектакль. Принимали, по-моему, здорово, хотя публика была холодная, надменная, грамотная и пр. Самая трудная публика. Теперь будем ждать, что газеты и журналы про нас наболтают. После нашей сцены с Демидовой — овация громоподобная должна быть, а эти суки молчат. Тамара обиделась. Очень ей спектакль понравился, так горячо и долго она его вспоминала, что я заснуть не мог, а ехать надо было за рулем во Внуково. Ну, ничего. Теперь надо наладить холостяцкий мой быт — режим, чтобы из формы не выйти, а вернее, войти в нее как можно надежнее. Надо звонить Буцко и отказываться. Из-за голосонестояния. И Ю. М. меня понял: «Я верю вам. На спектакле были люди, которым я верю. Вы им понравились в актерской работе и Губенко... О спектакле спорят, а это уже хорошо, значит, будет успех».

Не зря я дозванивался до Гармаш — совершенно очевидно определилась платформа противостоящей стороны:

«С Любимовым ничего не произошло, каким был, таким остался, с чем уехал, с тем и вернулся, иначе он не восстановил

бы по-старому спектакль 6-летней давности. Но у него было 7-8 репетиций. Кому это важно? Он ничего не предложил. Найден сильный ход — песни Покровского, но они расшифровывают смысл дополнительно, выручают артистов и тем обнажают их слабости. Любимов задал ход прекрасно. Но потом прием топчется на месте, скачет и не развивается... доска — прекрасная деталь... иллюстрация и главное — нет Бориса, есть сытый, толстый Губенко. На сцене два артиста — ты и Демидова. В сцене „у фонтана“ много шутовства. В решении нет глубины, прочтения...»

Вчерашний день — приговор!!!

Эфрос про «Серсо» сказал — «позавчерашний день». Правильно. И итальянская газета сказала про Васильева то же самое. Но разве в этом дело? Более того, в некоторых местах явно ощущается, что Любимов в растерянности и не знает, что делать дальше. Вот так судят про нас в другом стане. Я предчувствую жаркие схватки на полях театральных сражений. Есть где разгуляться — спектакль дает повод для различных толкований и столкновений. А и хорошо. Сегодня Глаголин спрашивал меня о некоторых персонажах «Кузькина» — кажется, идет распределение и готовится приказ.

16 июня 1988 г. Четверг

Лучший спектакль сезона — «Годунов»!!! Вот такие итоги критиками подведены. И это все называется — пришел, увидел, победил Любимов. Боже мой. Это же какое счастье нам, ему, Таганке, и какой прилив желчи это вызовет у ефремовых и пр. Недаром они замышляли письма против его приезда.

По приглашению Панкратова-Черного побывал в ресторане Дома кино, встретился с Ю. Моисеевым, который пытается поступить во ВГИК на сценарный факультет. Два дня нет от Тамары звонков, думаю — не дозванивается. Каждый день отправляю я ей по весточке-открыточке. Если почта возит письма аккуратно, это значит, каждый день она должна от меня получать привет. Думаю — это ей радость доставит и покой. Думаю-то я думаю, а может быть, все не так.

Никита прислал из Парижа Библию! Не изъяли, не задержали. Времена удивительные — храм в Царицыне заложили в честь 1000-летия крещения Руси.

17 июня 1988 г. Пятница

Потом репетиция — ни шатко ни валко. Встретил Болотову: «Ты дивно играл прошлый спектакль, дай я тебя поцелую... У тебя бывают разные варианты... в этот раз был тот, что мне по душе

больше всего».

Ездил за батарейками — чудеса. В такой державе, в столичном магазине нет плоских батареек. Что же это такое?! А два часа назад севернее Джезказгана приземлился космический аппарат с космонавтами!! Уму непостижимо, а магазин электротоваров просто закрыт по техническим причинам, у них там залило все, затопило, сказали мне милиционеры. Два дня небольшого дождя, и канализация вышла из строя, или не была она в этом «строю».

О Русь! Храни себя, храни!

Как-то я незаметно дожил до того, что сына в армию провожаю. Нинка заплакала и убежала в гримерную со словами: «Ну вот, я так и знала...» До меня дошло, что она, оказывается, не безразлична к судьбе сына, что она его, оказывается, любит, болеет за него, страдает, что она, оказывается, мать, как всякая другая, как моя мать мне — так она мать моему Денису... Это открытие для меня было, как маленькая молния, озарение, я увидел Нинку по-другому... Я увидел, что ей уже 48 лет. Бог мой!!! Ей, конечно, слава Богу, как с Ленькой повезло, и теперь она только переживает за сына. Это мне было по сердцу, это мне было приятно. Надо же, Нинка, оказывается, мать, у нее есть сердце, и она вовсе не снежная королева.

Сережа ведет дневник: а будет ли мне писать письма с «фронта» Денис Валерьевич?

19 июня 1988 г. Воскресенье

День вчера был посвящен Троице-Сергиевой лавре. Помолился я святым мощам преподобного Сергия Радонежского, героя русского, духовника Димитрия Донского. С его благословения пошли войска русские на поле Куликово. Испил и воды святой в часовенке, и постоял перед палаткой-усыпальницей семейства Годуновых. Первоначально захоронены были они под папертью Успенского собора. Почему под папертью? Спрятаны были, что ли? Долго бродил я по ризнице, лицевым шитьем наслаждался, восхищаясь синодиком Ивана Грозного в пуд весом.

Иконостас рублевской школы.

Смехова вчера я видел. Ах, Веня, Веня. Как же можно с такой болтовней представать перед зрителями Театра на Таганке. Можно, конечно, читать свои вирши, но не больше двух-трех, ведь люди деньги платят. Человек набирается наглости держать свою персону два часа перед народом. Это хорошо, что я посмотрел, это определило мое решение — не выползать в подобном жанре...

21 июня 1988 г. Вторник

Мне кажется, пока у меня вчерашний спектакль был лучший, на мой взгляд, так. И поэтому день рождения у меня удачно по настроению складывается. Были Харченки <Харченко Владимир Петрович — хирург, обладатель «Золотого скальпеля» (США).>, Чайковская и опять Кондакова. Хорошо, что Харченки не стали меня ждать, а то я бы поехал и выпил, а так я сухой, принял лекарство на ночь и спал, и голос, кажется, поправил несколько. Соберется у меня небольшой сабантуй и, кажется, исключительно девичник. Младшая Кондакова отравилась вчера, и поэтому решено собраться на моей холостяцкой кухне. Господи! Помоги мне провести это мероприятие достойно. В мой день расцвел жасмин под окном. Демидова акварельку мне свою очень симпатичную подарила. Идут последние психологические приготовления к встрече гостей.

Денис едет в Курск, в музыкальную команду, и это хорошо.

Купил на рынке 6 отбивных, помидоров, огурцов, черешни, две бутылки «Золотого шампанского» и два коньяка по 250 г. В общем, чем-нибудь закусим. Боюсь, не успею напиться, а хочется врезать.

Денис закончил училище, дня этого я ужасно долго ждал и боялся, однако все кончилось благополучно. Слава Богу!

Купил я на рынке черешни и три ветки жасмина. У меня в Москве под окном в день рождения жасмин расцвел, а живу я на первом этаже, так что мой жасмин, считай, к тебе в гости пришел или, по-другому, ты ко мне, в мою квартиру, в общем, что-то в этом роде.

Концерты-встречи прошли замечательно, голос звучал, я пел «Ой, мороз, мороз» лихо и вольно.

3 июля 1988 г. Воскресенье. 7 утра

Конференция, которую так ждали большевики, прошла совершенно мимо меня. И сейчас надо понять, что же она принесла, какие идеи и кто победил — в чем смысл ее был и чем грозит дальше.

5 июля 1988 г. Вторник

Северное море отравлено, гибнет, тюлени выбрасываются на сушу и умирают стадами от воспаления легких... а я думаю о тебе. Море-океан заражено необратимо, в нем размножаются в геометрической прогрессии ядовитые водоросли, а мы из воды вышли, гибнет, умирает Земля, оптимисты окончательный срок дают в 70 лет, пессимисты — в 30, а мне плевать (к стыду своему и ужасу). Меня страшит во всем этом только то, что я больше никогда не увижу тебя и кричу тебе во всю мою сорванную

«Годуновым» глотку: «Ах ты, милая моя, ах ты, моя милая...» и т. д. — весь набор.

12-го я лечу в Южно-Сахалинск помогать Штоколову. Леонов Е. П. лежит с инфарктом в Гамбурге.

12 июля 1988 г. Вторник

Ну, слава Богу, закончился этот страшный и, может быть, благословенный сезон.

На спектакле ЧП — посох попал в зрительницу, выбил стекло в очках, рассек щеку. Кажется, замяли... Николай не показывает, что огорчен, шутит, смеется, это маска его. Накануне он приезжал ко мне, видел мое состояние, говорил Жанне:

— Он не сыграет...

— Это не тот кадр. Этот кадр может все, и ты сыграл, и сыграл замечательно, — сказала мне Болотова.

Виделся с Анхелем в Москве.

— Вам очень повезло, Валерий, с того момента, как вы приехали в Москву, и продолжает везти. А там ни о чем ни с кем нельзя говорить, никому ничего не нужно. Есть театр, есть хорошая природа, есть хороший зритель. Не теряйте вы этот ориентир. Я видел два спектакля. В жизни театра XX века такого явления не было и не будет. «Высоцкий» — это не спектакль, а объединение родных сердец человеческих. Это смерть Высоцкого вам помогает. В мире такого явления не было. Это уже ансамбль, религиозный ритуал. Это особенно видно, когда приходишь из мира материального. Вы все прекрасны, потому что вы как один... Я вижу эту чистоту человеческую. Все мы состоим из глупостей, и я, и вы, и Маркс, но, кроме глупостей, мы еще талантливы. Бог нам прощает глупости и падения, а красота наша остается. Это энергия, которая двигает мир. Духовность космическую красоту создает. Боятся этой силы, и я на улице, а у меня нет лаборатории, нет театра. Ванька не только цареубийца, он еще и крышку от унитаза разбил.

13 июля 1988 г. Среда

Часто по ночам до меня доходит ужасающая драма моей жизни — во что я превратился. Вот Анхель. Люди потратили на нас, на меня лично в Испании массу денег, времени, внимания, тепла, а я фактически бегаю от них, не могу со своей Тамарой организовать им обед, прием, пригласить их к себе. Черт знает что... Я уж думаю, не поговорить ли с Людкой, как с женщиной, и не дать ли просто для Саши 100 р. на какой-нибудь подарок. Надо сделать хоть этот пусть дурацкий, но жест. Что же мы за свиньи такие. Я понимаю наши запойные щедроты. Но людьми-то мы

когда-нибудь будем становиться? А Наталья, слава Богу, билет в Париж достала сама, теперь помочь бы ее маме Марине Ивановне в Рузу путевку достать. Как же мне повернуть свою жизнь, неужели беды все от водки и от Тамары?! Да нет. Сами виноваты. Надо заводить автомобиль и ехать к Анхелю. Какие великие слова он сказал вчера о театре, о спектакле «В. Высоцкий». И что мне Смехов, снедаемый комплексами и завистью. Господи, что же он не может успокоиться! И, вместо того чтобы сказать, что он не имеет права на сольный вечер, что это профанация, позор и стыд, я ему говорю: да все нормально, только программу надо разнообразить, а не читать только свое, и прочие дурацкие советы, когда совет один: он не имеет права на собственный вечер, на выход, на внимание, на время зрителя. А он все перемалывает историю с «Гамлетом». Двое отказались, а третий, известный своей двуличностью, согласился. Боже мой, Боже мой... А я надеюсь, что вечность нас рассудит. Да будет ли эта вечность вообще, коли жизнь на земле заканчивается. Это не письмо, это сумасшествие — «твоя, купающая красного коня». Рискнул позвонить сам, дозвонился, но увы... На месте человека, купающего красного коня, не оказалось. Где человек? И что с ним случилось? Дело ведь не в том, что приготовить и чем накормить, а в человеческом отношении, в нормальной человеческой благодарности за добро. Анхелю и просто интересно посмотреть, как мы живем, какой у меня быт, и Губенко посмотрел, как мы живем, увидев кучу пустых бутылок и пьяных хозяев.

У Чехова: «Мало ли что и про что говоришь иногда, чтобы не обижать».

У Смехова: «Что бы ни говорить, как бы ни говорить, лишь бы оскорбить, облить помоями».

Ночью я написал по эскизам текст государственного документа на имя министра культуры Испании о создании центра театра-школы в Мадриде, и Анхель наутро был в восторге. Шадрин принял этот документ без единой поправки, связался с министерством культуры, звонит Швыдкому:

— Неужели мы не решим этот вопрос? Ну, я вычеркиваю министерство... да шучу, шучу, свяжись с министром. Я отдаю срочно на машинку и тебе на подпись.

Анхель от радости чуть дара речи не лишился. Так только в Америке бывает или в Японии... Потом мы составили еще один документ — договор о приезде его театра в Москву. «Какие дела мы сделали, Валерий!» и т. д.

Так я счастлив, что хоть как-то реабилитировал свою голову и душу перед моим учителем, и много рассказывал о себе и театре. А машина мчалась в потоке со скоростью 80 км в час, я только

успевал поглядывать в зеркало и переключать скорость. Господи! Благодарю тебя!

15 июля 1988 г. Пятница

До меня вчера дошла простая, но, кажется, точная мысль, я ведь не смогу работать на даче... у меня все материалы здесь под рукой — дневники, письма, словари, книжки. А там день и ночь труба ерихонская — теща...

16 июля 1988 г. Суббота

— Откуда же у тебя взялась эта идея? Кому вырвать язык или выколоть глаза?

Он осторожно вставлял вопросы ей, зная, что прямого ответа на них не получит, но ему было достаточно и одного слова оброненного и как бы к сути отношения не имеющего, однако догадку подтверждающего.

— Вот так пришел знакомый мой и говорит: «А вы знаете, что у вашего мужа большой роман?» Разве твой знакомый скажет о тебе?

— Ага, значит, это твой знакомый?

— Наш, да какое это имеет значение, ведь это есть... любовь, любовница. Ах, как хороша!

— Нет, это имеет значение. Одно дело, когда Бортник пришел и сказал, что у него 32 любовницы и наконец-то любовь в аэробике. И совсем другое дело, когда нарушен закон о тайне переписки. Как это? Ну есть такой и международный, и человеконравственный закон: никто не имеет права читать чужие письма, рукописи, дневники. И если этот закон какой-нибудь стороной нарушается, это наказуется. И мало ли что и для чего написано, или с чьих слов записано, или от первого или от третьего лица...

В общем, мерзость. Она нарушала клятву, данную кровью, — никогда в дневники В. С. не лазить. И я опять остался с разобранной душой — влезли ко мне в душу, точат ее. А в результате нравственный верх за ним и можно оскорбиться и не разговаривать, в сторону ее не поворачиваться, на вопросы не отзываться — пусть хоть всю ночь плачет и курит. Думаю, надо сбежать сегодня в Москву. Лампу вчера не зажигал — так на меня это открытие, что она лазит в дневники, подействовало. Зачем она делает это? Что она хочет выяснить, чего найти? Ведь сюда сброс идет всяких отходов, выговоришься, отругаешься, отлаешься в бумагу-жилетку-тряпочку — и хорошо. Легче жить становится.

Вот что написала Тамара:

> «Валера, прости меня (в который раз!). Но понятие закон о тайне переписки — это скорее государственно-судебное понятие. И, наверное, конфликты по поводу нарушения этого закона о тайне между мужем пишущим и женой любящей были всегда, и не мне приводить эти примеры. Но прости...
>
> Ты немножко солгал по поводу разбитого стекла в торшере и твоего порезанного плеча, и я «залезла» в твой дневник. Ну и что ж, получила удар. И страшно было, и больно, и невыносимо. Но поверь, Валерочка, я не заглядывала в твой дневник с тех пор, как, помнишь, ты застал меня спящей у раскрытой тетради. Поверь мне! Но дело не в этом. Ужасно унизительно и бесконечно больно быть обманутой и нелюбимой. Я не знаю, как мне быть, как мне жить. Поступай как хочешь. Но поверь мне, я не буду тебе мешать, приставать, говорить, заглядывать в глаза, ждать твоих ласк, плакать, смеяться и т. д. Это безнадежно. Разлюбил одну, полюбил другую... Что же здесь поделаешь. Прости меня, мой милый, прости. Я люблю ж тебя, кто ж виноват, что так получается в жизни? Но умоляю тебя: не молчи — это невыносимо. Напиши уж тогда, коли говорить не хочешь. Прости. Т.».

И что? Нравственный верх за ней. Вчера, глядя на мою маску, она сказала:

— Милый мой! Как ты запылился! — И мягко отерла мое гипсовое лицо, и стало на секунду мне хорошо, а потом я отогнал теплоту от сердца — она оборачивалась холодом к Ирбис. Что мне-то делать? И будет ли девочка?!

Первая жена — от Бога, вторая — от мира, а третья — от дьявола. Нет, не одну страницу моего романа прочитала Тамара. Она прочитала много. Все она прочитала. И, если будет девочка, я вспомню Маренго.

Она временами выходила на веранду плакать. Но я ведь тоже плачу, оттого что не могу без Ирбис жить. Но я не могу и без Тамары жить. Кажется, лет 15 назад я что-то похожее записывал.

Каким образом разрушить в 47 лет этот налаженный быт — стоит машина, стоит дача, внизу ругается с кем-то Сергей. Ему еще долго расти, растут вишни, растут яблони. «Я думала, мы вырастим Сережу и умрем вместе, что же ты наделал, Валерочка». Так оно и будет, Тамара. То, что мы умрем все.

17 июля 1988 г. Воскресенье отдай Богу

А знаешь ли ты, мой милый барс, что я тебя боюсь. В самом прямом смысле — я боюсь твоей молодости, твоей красоты, твоей безукоризненной речи. Не испорченного ни манерностью, ни кокетством, ни жеманством твоего ума, твоей легкости. У тебя удивительная речь и по дикции, и по тому порядку слов в предложениях простых и распространенных. Я боюсь твоего совершенства. Даже не так, я боюсь, что ты скоро разочаруешься во мне и перестанешь любить, или я так быстро буду стариться от ревности, что ты бросишь меня скоро. Если бы я чуточку был увереннее в себе, я бы вспомнил про Маренго и разорвал ошейник. Даже если бы твой ошейник мне помешал, я перегрыз бы и его. Но я не уверен, что ты будешь любить меня после того, как ты все потеряешь, а что приобретешь взамен, какой титул, какую корону? Так и потечет у нас жизнь параллельно. Где-то будет жить артист Золотухин, по странному обстоятельству бросивший пить, по просьбе Ирбис.

Исплакался в церкви — молился за обоих, и душа рвалась на части. Тамару батюшка попросил покрыть голову платком.

А плакал я о том, чему не суждено свершиться, и только память останется о ней, что бросил пить.

Швыдкой в «Советской культуре». Что это за словоблудие и страшный повтор в названии «Пространство трагедии», это кто-то посмеялся над ним. Под таким названием была рецензия в «Московской правде», но куда интереснее и талантливее. А здесь и терминология взята у Велихова напрокат. Я понимаю, почему я сижу взаперти у телефона, с закрытой дверью. Все надеюсь, а вдруг позвонит Ирбис?

Анхель уезжает завтра. Утром у Шацкой прощальный завтрак.

19 июля 1988 г. Вторник

Проводили вчера Анхеля с семьей в Мадрид. Обедали у Шацкой, туда и позвонила Ирбис и спросила:

— А почему — Ирбис?

— По кочану.

— Не груби... почему — Ирбис?

— Иди посмотри в энциклопедии.

— Иду. — И повесила трубку.

Неужели обиделась?

Потемнели у баньки стены, Покосились у дома крылечки... Вот еще для рассказа тема, Вот еще одна Богу свечка. Где хрустальные реки синие Васильковыми бредят искрами, Имена такие красивые, Даже если Исток, то Быстрый.

От рецензий на «Годунова» неприятный, досадный осадок —

тенденция прослеживается четко в отношении группы Любимова, и потому, зная мою конфронтацию, хвалить они меня не будут. Впрочем, радуйся тому, что грязи не льют. Уж он им дал материала, пищи и слов с лихвой на репетициях. И хочется Гаевскому <Гаевский Дмитрий — театральный критик.> сказать: «Эх, Дима, Дима...» А впрочем, пошли они все... «Жалко только волю да буланого коня». Напишу сейчас письмо Л. А. и переменю печаль на радость.

20 июля 1988 г. Среда, мой день

Не надо отклоняться от первоначального замысла. Ирбис влетела в жизнь, в сюжет, она поможет мне, моя м-м-милая; как я скучаю, как тоскую, как люблю ее. И — от всего тошнит. И все-таки «Родословная», а все остальное — притоки. Надо ложиться спать, утро вечера мудренее.

Зачем я оставляю открытым дневник? А вообще-то невозможно, нельзя с женой жить и писать, невозможность остаться одному, возможность быть всегда подсмотренным и прочитанным угнетает, бесит, не дает покоя.

21 июля 1988 г. Четверг

Как это скверно и тошно, что я не могу быть один. Всегда в общежитии с кем-то — с женой. Сидит, читает, и я не могу ничего делать, раздражает все. Как я не дождусь, когда уеду в Венгрию, уж я не говорю о Волгограде, пребывание в котором совпадает с началом Успенского поста.

Я хочу, чтоб стекольный шрам на плече сохранился на всю жизнь, как память твоей заботы и прикосновения рук твоих ласковых и умных. Мне надо над рукописью думать, а видишь ли ты, чем я занимаюсь. Но у меня одна надежда. Поскольку рукопись связана с ранее написанным рассказом «Похоронен в селе», а село это в Венгрии, и могила моего героя Вани Зыбкина там, я еду в Венгрию. И надеюсь его могилу братскую большую найти, посетить и фотографии сделать. Думаю, это посещение даст мне дополнительные эмоции и идеи новые к осуществлению моего замысла, поэтому я не очень переживаю, что ты не отпускаешь меня, и я держусь за тебя, как черт за грешную душу. Авось да милует меня Господь когда-нибудь и пошлет вдохновение и разум.

Мне хочется написать о выставке импрессионистов, где мы бродили уже влюбленными и между нами были тайны, как у маленьких, только начинающих любить, но не знающих еще, как им быть, как вести себя — а так можно говорить, а так смотреть не грех?

Слушай! Играет гармошка, и бабы поют частушки!!! Что это? Есть еще разве? Странно, даже сердце заходило, есть еще где-то гармошки в России и кто-то еще знает частушки. Сегодня праздник и народ гуляет. Ах ты, черт возьми, как хорошо! «Мудрость жизни христианской в том и заключается, чтобы не быть требовательным к людям». Свящ. Ельчанинов.

22 июля 1988 г. Пятница

Чтоб ей было хорошо. Все, что происходит теперь с его организмом и телом — всюду и везде присутствует потайная мысль: чтоб ей было хорошо. Пьет ли козье молоко, чтоб сила была, чтоб ей было хорошо — ведь надо же не 47-летним, а 27-летним быть. Для этого он грецкие орехи с медом употребляет, чтоб ей было хорошо. Для этого он водку бросил пить, чтоб ей было хорошо, чтоб она еще раз, еще несколько раз сказала ему со стоном:

— Спасибо! Какой же ты мужчина сладкий. Мне никогда не было так хорошо...

Он сжигает себя на солнце, чтобы загар скрыл синюшность ног его, чтоб, если случится раздеться на Волге, то перед ней, молодой оленихой, ему не было бы так стыдно за свой возраст далеко не юный. Он комплексует и компенсирует. Что-то, кажется, начал я сегодня писать — куда все повернется, не могу и предположить даже...

23 июля 1988 г. Суббота, дача, утро

Мне только не надо злиться и раздражаться на Тамару, она-то ведь, бедняга, ни при чем. Она вдруг нет-нет и заплачет, потому что видит в моих пустых для нее глазах тоску по другой. А скрыть я не могу, не умею и не хочу. Поэтому, как только она затрагивает эту тему, я в воду и уплываю далеко.

— Валера! Ну не мучайся, уезжай к ней. Я тебя отпускаю, я же вижу, что ты не хочешь меня видеть, отворачиваешься от меня постоянно. Я раздражаю тебя своим присутствием, каждым словом, каждым прикосновением. Иди к ней... Разлюбил одну — полюбил другую, еще лет на 15. Для тебя это срок роковой, через 15 лет тебе надо поменять коней. Но я-то тут при чем? Беда в том, что я только тебя люблю. Как хорошо прочитать иногда старые письма.

Господи! Спаси и помилуй меня, грешного! Господи, пошли спасение и спокойствие духа, талант покинул меня, вот в чем дело, и я компенсирую потерю его в любви к Ирбис.

Но Тамару нельзя оставить одну, надо спуститься к ней, успокоить ее и попробовать прогнать печаль. К портрету Набокова

пришпилил я бабочку и шмеля. Бабочка четвертый день приколота и, как только рядом зажужжал, барахтаясь, тщетно стараясь соскочить с иглы, шмель, она зашевелила усиками и крыльями затрепыхала. Она услышала похожую агонию рядом. Не похожи ли и мы с Тамарой на эту пару, к одному столбу пригвожденные, и как бы ни пытались огрызаться или достать друг друга зубами или пинками, сколько бы ни лягались, от столба этого, из хомута-ярма одного освободиться — не в нашей власти.

Не быть требовательным к людям — да, это трудно. Куда как проще не быть требовательным к себе, в чем мы и преуспеваем весьма гораздо.

Тамара насобирает горсть земляники и несет мне: тебе надо, кушай, кушай, у тебя молодая девушка... Какую-то форму идиотизма все это принимает, или приняло, или начинает принимать. Тамарка все чует...

Что-то должно случиться, и справедливость должна восторжествовать. Смехов и Филатов (Славина больна) должны быть наказаны, они должны понести ответственность за свои слова и поступки. Я читаю дневник и вновь и вновь поражаюсь Эфросу. Сколько там было чистого, правого дела! Чем она мне отольется? Чем бы она ни отлилась. Я благодарю Бога, что это случилось. Хоть пить бросил, хоть стало перед кем-то стыдно. Теперь, что бы ни делал, озираюсь на Уфу. Господи! Пошли ей здоровья и спокойствия душевного. И все-таки, когда я прихожу на пруд, я ловлю на себе любопытные взгляды — вопросы. Почему он здесь, в разгар съемочной страды, его что, больше уже не снимают, он что, вышел в тираж? Ведь ни одного киноартиста на дачах, кроме Золотухина. Он что, надоел, не нужен никому... так, мне кажется, обо мне думают люди. И признаться, мне неловко делается, потому что все это похоже на очень большую правду.. Главное — участвовать! А я — не участвую, вот в чем драма. Но я пишу, пишу, и я действительно напишу...

25 июля 1988 г. Понедельник

День памяти В. С. Высоцкого. Зайти поклониться на кладбище и к Нине Максимовне.

На почте ждала меня радость. И как это я вдруг учуял? Раз что-то кольнуло, и кто-то сказал: «Иди! Иди на почту, пока не закрылась. Сегодня воскресенье, и твоя почта работает, а завтра у них выходной».

Я пошел. И вот тебе раз. Много звонков я вчера сделал, но никто мне не сказал про «Солдатушек», кроме матери Матрены Федосеевны. Ну и Полока, которому, как он говорит, звонили

интеллигентные люди и говорили, что программа удачно составлена...

С Олегом в Ждановский райисполком — к Попову В. А. Беседа многообещающая, сегодня мои коллеги по кооперативу должны отвезти необходимые бумаги. Но почему-то не тревожатся они моей подписью.

Проехали по Ульяновской, смотрели особняки заколоченные, вот бы взять...

Ревность. Нет, не тогда Тамара ревновала, когда скандалила, поливала Шацкую, называла белой молью и прочими официантскими эпитетами, всякую оскорбительную чушь про нее и меня выискивая и подбирая. Нет, то была, как я теперь понимаю, ревность к плоти. Шацкая вызывала в ней активное неприятие, хотя умом и глазом Тамара не могла не понимать, что та красавица и большинство скажет: да, вот эта красивая, белая, высокая, и на нее только слепой не обратит внимания. И тут Тамара занималась соперничеством, так сказать, визуальным — при моем молчании, иронии и т. д. И другое совсем, когда она вдруг поняла, что я влюбился. Все эти пути-перепутья страсти, привязанности, поиски и нахождения немыслимых подчас путей для слияния тел, ей эти взлеты и падения знакомы, она через это прошла со мной же, когда я был еще «Шацкий» и даже «Сабельников». И вот тут, мне кажется, она поняла, что я влюбился, и, если это запустить, это может затянуться еще на 15 лет. И она заплакала. Она поняла, что скандалом вряд ли это исправишь, разумом она дошла. Она, скорее, стала сходить с ума, и это для нее был верный знак — сигнал, что тут беда... это не исправишь, не разрушишь. Она стала чрезвычайно внимательна и чересчур заботлива. А уж с салатами совсем до чудного наивно, она соревнуется с «молодой и красивой», изобретая все новые и новые компоненты для салатов. Но и это не главное. Она преобразилась — такая чуткая, ласковая, деликатная. Что это? Откуда? Она не хочет отдавать меня никому. Она не скандалит, не шумит — она действует интуитивно, по-звериному и совершенно безошибочно.

Я наблюдаю за собой и что-то замечаю. Опять мне хочется написать письмо Ирбис, но я не могу этого сделать, пока не напишу Тамаре, жене. И вот я пишу жене, должен и пишу. Я пишу это письмо крупным шрифтом 4 часа, а Ирбис закончила работу и дома уже.

Боль по Эфросу не утихает. И чем больше успехи любимовского дела, и мои в том числе, тем острее чувство несправедливой кончины, внезапной и безвременной Анат. В. И здесь никакие слова не помогут, он не ответит спектаклем, чем,

собственно, единственно и может быть защищен от ударов судьбы и критики режиссер.

29 июля 1988 г. Пятница, поезд

Ну вот, стало быть, мы в Венгрии, на территории военного городка. Как бы так действительно научиться, чтоб каждый новый день каждое новое обстоятельство воспринимались как провидение, как подарок судьбы, и научиться радоваться этому. И быть веселым.

31 июля 1988 г. Воскресенье

Нет, этого нельзя допускать, чтоб день без строчки. Вчера столько было времени свободного.

ВЗРОСЛЫЕ ОЛЕНИ, КАК ПРАВИЛО, ПРОВОДЯТ ВРЕМЯ В ОДИНОЧЕСТВЕ

Чем старее, тем я становлюсь все замкнутее, все скучнее. Надо изобрести мне заменитель спирта. А то я так совсем разучусь с людьми общаться и разговаривать. Я с большим трудом нахожу слова для разговора с людьми, в основном отделываюсь междометиями, предлогами. Ничего и в то же время как бы многозначащими: «да-да», «ну-ну». Тут сотни случайных оттенков, интонаций, и получается, что я как бы и разговариваю с человеком, не обижаю его необщением. От отчаяния, от сознания бессилия своего перед листом бумаги, от физиологического ощущения своего ничтожества разделся я и лег в постель, зарывшись лицом в подушку и задернув голову одеялом. И что же я такой несчастный, и где же оставил я свой талант? Ведь правде надо, говорят, иногда смотреть прямо в глаза... Ведь то, что я в Венгрии с этими странными людьми, называющими себя актерами, артистами, творческими людьми, ведь то, что я в разгар съемочной страды с ними, говорит о том, что я банкрот, меня никуда не пригласили, ни в одну приличную компанию, а если бы пригласили — разве был бы я здесь?! Я освободил время для повести и отдыха? Допустим, это почти правда. Но тогда пиши... а ты уткнулся в подушку лицом и думаешь об Олеге Дале, Высоцком и Миронове, которые ушли 40-летними... Олегу не было и 40, Андрюше — 46. Какая тут, в сущности, разница?! И ты думаешь о своей красавице, а ведь все твое тщеславие от обладания молодой красавицей удовлетворится, когда ты ею похвастаешься в Доме кино, в театре, перед друзьями и недругами... Выставишь ее напоказ — вот какая девушка меня любит, а мне плевать. Ирбис, барс снежный, у моих ног и т. д. Эта девушка плечо мне зализывала, гады. Вот ведь какие мелочные подвиги тебя занимают. Ты до слез хочешь лечь в пыль, в мягкую пыль, в горячую, ласковую пыль своего детства, так видишь себя на Увале сидящим в ковыле и смотришь, как за рекой, за Обью, на той стороне, за бором, садится солнце, и ты поешь. «Воды арыка текут как живые» — это ты в лавке поешь, понимая, что свидание сегодня не состоится, ты не можешь удрать с покоса, а если и сможешь — как доберешься до села и рано утром обратно. Но самое страшное, что и Ирбис состарится, и ты не захочешь видеть, даже представить не захочешь ее лицо в морщинах. Но тут тебе пришла спасительная мысль, вычитанная тобой у о. Ельчанинова, что ведь и это — гордость, то же обращение внимания на себя,

эгоцентризм, только под другим видом. Смиренному и простому не придут в голову ни мания величия, ни страдания от своего ничтожества. Видишь, как хорошо — смириться и стихнуть, смиренный и простой человек — хороший человек. Эта мысль успокоила меня, так как никакой другой не было, я поднялся, помолился, улыбнулся и побежал в бассейн. И нечего завидовать Тынянову — сказано о тебе «хвост кометы Шукшина», и удовлетворись.

«Арабский конь быстро мчится два перехода, и только. А верблюд тихо шествует день и ночь». Саади. «Гюлистан».

Он вдруг с такой очевидностью увидел себя за стойкой своей пельменной, а ее беременной (непременно беременной), принимающей заказ от англичан и других иностранцев. Ведь она прекрасно владеет английским и французским языками! Он был счастлив. Он победил в любовном поединке за Снежного барса 30-летнего югослава, хотя тот был трижды серб и дважды молод. Но беременна она была от владельца пельменной и беременна девочкой, непременно девочкой. В углу на фортепьяно бренчал Денис, странно покашивал глазами на живот молодой мачехи, второй на его веку, и чему-то улыбался. В самозабвенности игры, в самолюбовании и страсти любовного пиршества, в купании, нескончаемом купании красного коня — разве возможно заметить, что конь захромал, что жизнь одному из двух нацепила аркан, свитый из бытовых веревок — болезни жены, детей, страданий ближних от их счастливых объятий. Они не могли нацеловаться, он не мог надышаться ее чистотой. Чистота была не от парфюмерии, так пахла Ева, то есть не источала никакого знакомого или незнакомого аромата — она была чиста, как воздух после грозы, как вода, которую пьют лошади и новорожденные. Она, конечно же, вернет ему талант. Но что-то отберет взамен. И тут — страх.

2 августа 1988 г. Вторник

Молитва, масло в рот, зарядка. Мед, вода, лимон. Бассейн. Бритье. Кофе. Дневник. После купания вечернего хорошо спалось. Взрослые олени, как правило, проводят время в одиночестве — как это замечательно верно. Взрослый олень блаженствует, когда он один, это эгоизм высшего порядка. Он любит самого себя. Только. И удовлетворяется этим. Он созерцает себя и природу. Он только с ней в контакте — с травой, ягелем, водопадом и летом, солнцем и луной, стужей и редким теплом. Чем суровее обстоятельства, тем больше гордости во взгляде оленя.

Денису написал «Молитву» А. С. Пушкина, Тамаре — открытку и еще кой-кому, не скажу что, это секрет. А повесть или

рассказ я напишу. Спасительный ход есть — прорезать повествование дневниковыми записями о Высоцком, но и еще можно подумать. Однако лучше единую его, Владимира, судьбу из дневников прорезать. Ход меня может спасти, он будет держать повествование на плаву. Даст свободу мозгам. Потом можно будет и отказаться от дневников, вынуть их механическим путем. А можно и так завязать, что хрен вынешь.

Сабельникова-то Женя, оказывается, в Америке давно, считай 7 лет?! Женю узнаю. И вовсе не бросил ее Худяков, а, наоборот, познакомил ее с американцем, он оказался миллионером, красивым, высоким и молодым. И Женю тайно узнаю — аркан накинула. Молодец, молодец! А я, дурачок, ничего-то не знал, и никто не сказал. А ведь как-то звонил же я ее сестренке Сашке. Она теперь и Сашку потянет в Штаты... Ну, баба... Дочку с собой, разумеется. Дай-то Бог ей счастья, думаю, не совсем ей там сладко — как же профессия и подруги, родители и Родина? Там должен развиться ее поэтический дар, у нее было замечательное чутье к слову, она словотворила... «Выраненок ты мой, да чей только подберенок станешь» — это ведь ее изобретение. Надо письма ее оставшиеся перечитать. Боже мой, Боже мой! Женя в Америке! Господи! Пошли ей покоя, счастья, здоровья и творческой радости. Надо ей написать. Как узнать ее адрес?

Яковлева <Яковлева Александра — киноактриса.> открывает ресторан «Александра», просит неделю у нее поработать. Попросила дневниковые записи о В. В., почитать дал. А что?

Шенгелая училась с Шукшиным на параллельных курсах, играла с ним в отрывках, вспомнить смогла, как у него желваки на лице ходили — так он ненавидел интеллигенцию: и как ему Ромм М. И. список литературы составил для прочтения и самообразования, да как ходил он в гимнастерке с ремешком.

Рассортировал, отобрал фотографии для Нины Ивановны. Написал ей короткую информацию о посещении могилы И. И. Зыбкина. Слова получились сухие, корявые, никаких эмоций, слез или нахлынувших чувств я не испытал при этом, как-то неловко. Может быть, огорчился изначально, когда не увидел тот памятник первый, трогательный... как будто обманули меня в чем-то. Конечно, все это моя «игра», «поза», но тем не менее... Ждешь от себя какого-то волнения, страдания, а его нет — так, формальное, деловое обрядовое посещение, для галочки в графу «благородство, чуткость, памятливость, совесть». И у коллег не вызвало это абсолютно ни малейшей заинтересованности — куда поехал Золотухин, на какую могилу, что он там написал про это? Горько. Разговоры только о шмотках, о магазинах.

6 августа 1988 г. Суббота

Яковлева Саша в восторге от дневников. «Так живешь, живешь и не знаешь... ты совсем открылся для меня по-другому. Зауважала... И о Высоцком я много поняла... Люська-то, Люська хороша... Я думала, знаешь, как и многие, что Марина — это шмотки, бабки, заграница, а она вона что... (А что?) Она (Люська) не поняла, кто с ней рядом, что за мужик, как с ним надо обращаться».

Бедная Саша совсем ни... не поняла.

«Возлегши локтем на Кавказ» — это Ломоносов, а «оттолкнувшись ногой от Урала» — это Высоцкий. Ну и что? Ломоносов точно не читал Высоцкого, но и что Высоцкий знал Ломоносова — вовсе не факт. А если факт — опровергаемый.

Розенбаум ведет атаку на авторитет Высоцкого. Поливает Окуджаву. «Вся молодежь моя... 24 000 — аншлаг» и пр.

Он доиграется. Найдется какой-нибудь очередной Рязанов и развернет любовь и гнев толпы в сторону Саши: ишь ты, на Высоцкого посягнул, тоже мне возомнил себя Сальери очередным. Рязанов ведь надсмеялся над всеми, меня он так в жертву толпе бросил, а поиздевался-то он над мнением народа. Ах, друг Высоцкого, я покажу, какой он друг, и толпа легковерная закричала в кромешной злобе: «Ату-у Золотухина!» О Розенбауме я слышу такое не первый раз. Зачем ему это? Или такой он дурак, или ему лавры Куняева покоя не дают.

Не дает покоя решение, мечта, идея — плюнуть в лицо или дать публично пощечину... В этом ничего нет хорошего, что я сиднем сижу в номере и не шатаюсь, к примеру, по Парижскому кварталу или там по Рыбацкому бастиону — я всем говорю, что я это все видел сто и больше раз, а сам ни черта не видал и видеть не имею желания. Отчего я не имею желания видеть в Будапеште Парижский квартал? Оттого, что я видел Париж?! В Париже я был, этого не отнимешь, но видел ли я Париж?! Нет, я просто ленивый и не любознательный. Мне больше доставляет удовольствия и радости прочесть страницу тыняновского романа или записать какую-нибудь приблудную мыслишку.

Ложись, Валерий Сергеевич! Спокойной тебе ночи, время ты провел хорошо в этой Мадьярии. Сформулировались какие-то идеи, теперь не отпускать от себя рукопись ни на день, что-то хоть по слову вносить в зеленую тетрадь, чтоб хоть на глазах она была, заглядывать в нее. Приеду — к ...матери стол пересортирую, все постороннее спрячу, оставлю зеленую тетрадь и необходимые дневники.

У меня осталась от отца только ложка складная. Я вспомнил

его лоб, мертвое лицо, тело в пиджаке, покрытое простыней. Потом — на простынях волокли мы его, тяжелого, в другую комнату для положения в гроб. Колыхали и трясли его безжизненного — это все глазам было ново, таким отца я не видел никогда. Помню его в сапогах, галифе, могучего, в гимнастерке, туго по животу стянутого скрипучим офицерским ремнем, раздражавшего до бешенства мать тем, что часами держал перед лицом маленькое карманное зеркальце и вырывал из ноздрей волосы. «Все красивым хочет быть», — шипела мать. Теперь он год, как в земле. Мы ведь с отцом никогда не понимали друг друга. Мы были натянуты, как чужие... Его больше интересовали Брежнев или Хрущев, не говоря о Сталине, чем собственный сын. Потому мне, например, так трудно говорить с Денисом. Я не знаю, не умею с ним говорить, я только воспитываю, воспитывал, так сказать, да и то прописными истинами.

Павлов Виктор Влад. канистры вина везет: «Серый монах», «Токай» и пр. А девушкам моим только дай. Как я благодарен тебе, м-м-милая моя Ирбис, что ты мне запрет на спиртное наложила.

Я не похудел, может быть, чуть-чуть поправился из-за ночных ужинов. Единственно, кто может спасти от лишнего жира — Ирбис, снежный барс. Но я и его боюсь.

Теща продала ведро огурцов на 4 рубля, и купила за 3 безмен. Это первый и великий шаг возврата к капитализму, к частной собственности, к выполнению продовольственной программы! Одной ногой теща уже в кулацком болоте. Надо ехать к Комкову, директору, дарить ему авторучку с голой бабой с запахом и выбивать из него окна-блоки. И немедленно обкладывать дачу. Немедленно. А помидоры!!! Это же черт знает что?! Я не поверил глазам своим — огромные, ровные и красные, такие, что на рынке в разгар сезона по 6-8 рублей кг! И много! Ну не... твою мать?! А картошка — с двух кустов полведра по 13 крупных и по два мелких клубка. А облепиха!! Боже мой! Лето на редкость урожайное.

Звонил вчера в Междуреченск — мать на дачу уехала, это большое дело, значит, оклемалась окончательно Матрена Ф. Дай-то Бог.

Смоленская была вчера «Одигитрия».

Рубероид просят привезти, загородить ворота от зайцев. Они, черти, яблони у меня пожрали. В. К. их залечивал, обмазывая глиной и обматывая тряпкой. Весь участок обнесен сеткой, так они в ворота. Не пропустим зайца-врага на личный участок, пусть питается в колхозных полях, в бесхозяйственных угодьях.

И вот я еду в Волгоград. Меня провожала жена, которая вот уже 14 лет любит меня и удивляется этой неслыханности от себя.

— Четырнадцать лет назад мы встретились — я увидела тебя на лестнице гостиницы «Театральная».

— Я видел тебя раньше и заприметил.

— Да, я тебя тоже видела... я терпеть тебя не могла. Когда видела по телевизору, я думала: ну что за мерзкая рожа! И вот надо же... Ты вошел в мой номер и остался. Директор дал мне отдельный номер, поселил. Поэтому меня в группе все ненавидели. Но вот пришел другой мерзавец и закрыл за собой дверь на ключ... Ты хоть помнишь, как ты грубо свалил меня, снял с меня трусы, а я и не пробовала сопротивляться? А Маша учила меня, как вести себя с Г., а после вышла за него замуж. Маша — не растеряша...

У Чивилихина: «Горе от ума» не было напечатано и не увидело сцены при жизни автора, но было «опубликовано» 40 000 рукописных экземпляров.

«Напечатано» и «опубликовано» — тут вон как повернуто замечательно. Не синонимы, оказывается, эти слова. Действительно, как я не догадался раньше, — у Высоцкого не напечатано, но опубликовано в миллионах км магнитной пленки. Значит, и переписано на бумагу. Значит, осталось в веках, пока существует наверху интерес к нашим векам. Наверху, что у Бога. Пока существует интерес к Высоцкому, есть надежда, что будут помнить и о тех нас, кто в его свет попал так или иначе. Как бы мне хотелось поближе с Распутиным побыть. И вот уже мечтаю, как я лечу в Иркутск, нахожу его. Поселяюсь где-нибудь рядом и наблюдаю, говорю и дышу его воздухом. Так, глядишь, за чужой счет и проберемся в бессмертие. Взял с собой на изучение в Волгоград «Державина» В. Ходасевича.

Японцы, глядя на нашу жизнь: «Мы думали, что вы отстали от нас на 10 лет, а вы, оказывается, отстали навсегда».

13 августа 1988 г. Суббота. Поезд. Уфа

Я уже много шлялся по свету и много видел гор — от Магадана до Якутии — Бурятии — Алтая — Кавказа. Но впечатление от гор, скал, осознанное, четкое представление, материально воплощенное, возникает из рассказа Толстого «Кавказский пленник». Все горы оттуда — от Жилина и Костылина, все горы такие, какими прочитала мне о них моя мама.

Ох, как это все непросто!! Мы, конечно, уйдем из Венгрии, мы должны уйти, не вечно же нам стоять... но как быть с могилами нашими — 45-го и 56-го годов. Нам что, брать их оттуда,

перезахоранивать в России, на Украине, в Израиле... Или сровнять с землей и забыть? Для нас это святое — память, а для старых венгров-немцев-чехов и пр. — напоминание, им эти обелиски колют глаза и души, тревожат, вносят дискомфорт, раздражают, да и место занимают. Как быть? Мы уйдем, и они тут же реставрируют капитализм! Зачем мы им мешаем? Мы ведь сами убедились, что социализм — это злодейство и нищета, нищета и кровопролитие. Так давайте уйдем! Уйдем, но сначала у себя вернем честные, конкурентные экономические отношения, а не соцсоревнование. На Алтае погибающее, брошенное село спасли созданием кооператива «Искра». Идея моя: с братьями организоваться, но осуществили другие. Предложить Алексухину в садово-товарищеском обществе «Актер» кооперативную ячейку создать. Для подвозки удобрений, вывозки мусора, очистки туалетов, обеспечения саженцами, химикатами, стройматериалами, керосином и пр. Сложиться и купить у Комкова грузовой автомобиль, арендовать транспорт. А сколько может каждый участок сдать картошки? По мешку, по два, вот за то и помогать. Мешок с каждого участка — 100 мешков. Про что я толкую, когда мне про «Родословную» думать надо. Нет, не избавиться мне от частнособственнических мечтаний.

В Царицыне я не буду ничего предпринимать самостоятельно — буду действовать затаенно, пусть действует Ирбис, я буду выжидать и беречь голос. Но сил на девочку жалеть не стану. Такая подлая хитрость у меня — угодить, ублажить женщину, а зрители — черт с ними. Они так легко дурятся, они не разглядели в действиях Р. колоссальнейший подвох. Он мою искренность сделал ключом к фильму-скандалу; я подсказал ему решение своим душеизлиянием.

Елена Ивановна Коковихина, моя учительница, мой корреспондент, историк, директор школы, воспитатель (пусть член партии, но это ведь не обязательно замена души партийным билетом или атеистической догмой) говорит:

— Что это такое! Отметили 1000-летие крещения... Широко, громко, на весь мира, да? А сколько денег ухлопали?!

Что с чем она меряет... Еще год назад о праздновании мало помышляли, все искали, под каким соусом, а теперь по поводу денег упрек у атеистов возникает. Речь о спасении, о возвращении нравственного климата — и деньги!

— Храм заложили. Во, дали! А квартиру моему Олегу до сих пор построить не можете.

Комдив, ты пережил столько ранений, столько пыток перенес, от инфаркта спасся — чего ты боишься? Сталина!! Портрет его

так и висит у тебя на стене со времен войны. А ведь если серьезно — ты его именно боишься! Ведь это он посеял страх у людей. Ты одной ногой в могиле, все, что ты заслужил, все с тобой — а ты боишься рассказать мне о себе правду, ты говоришь придуманную о себе героику, привычную и расхожую, вычитанную или подслушанную.

Выдумать и написать тоже надо уметь, ты мне ведь не скажешь правду о евреях-связистах даже за порнографическую картинку, за ручку с голой девкой. А мне надо это знать! Также мне надо точно знать, как ты наказал того капитана, эсэсовца, что допрашивал тебя... Расскажешь? И как мне действовать — с магнитофоном или на память свою надеяться. Памятливость у меня еще есть. Есть. С «магом» ты будешь себя сдерживать, хотя все рассказы у тебя давно сработаны. И все же штришки, детальки, междометия и прочие мелочи подчас дают такую расшифровку, о которой не подозреваешь.

Великолепная характеристика Панина, данная Бортнику: был человек умный, умел быть смирным, когда надо, и дерзким, когда можно. Какая поразительная характеристика Ванькиного поведения!!! Но я, выходит, еще умнее: я умею быть смирным, когда надо и не надо, и не бываю дерзким, когда можно, потому что это-то самое противное и мерзкое — «когда можно», когда сойдет.

И кто этот «некто» из моего окружения, занимающий высокое положение? У меня нет ни окружения, ни тем более того, кто занимал бы высокое положение.

Не Горбачев же, который забыл про меня, забыл про «Мизантропа», забыл, как он хвалил меня Эфросу и вспоминал Алтай. Где мое звание, для присвоения которого так торопили меня с документами? После Горбачева из моего окружения самое высокое положение занимает Губенко.

Он искал компенсации за свою усредненную карьеру и нашел ее в беременности молодой красавицы. Путь Любимова?! А потом с этой красавицей уехать в Париж, доказав родство с Никитой Трушиным!! Роман, не имеющий завязки, почвы и развязки. А развязка должна быть кровавая, иначе — какой смысл начинать.

Любопытное животное человек: он всегда знает, как ему может хорошо житься, какой он участи избранной и судьбы высокой достоин. Он знает и верит в это. Он только в одно не хочет верить и думать — как ему могло бы сейчас быть плохо!! Что его десять раз могло бы уже не быть... что у него мог быть дебил ребенок, а жена эпилептик или алкоголичка, что сам он

мог быть трижды сифилитиком, и не знает, не ведает, что, быть может, он болен СПИДом.

24 августа 1988 г. Среда, мой день

Теперь я, кажется, дошел. Ситуация взаимоотношений между Любимовым и Губенко-»Годуновым» была в 1982 г. резко другая. Тогда Любимов никак не мог его повернуть на человека, роль в смысле. Он его не устраивал во многом как исполнитель. А в этот его приезд я дивился, что он его так стал щадить, весь запал выпуская в меня...

День отлета Ирбиса и меня на Камчатку. Потихоньку собирается чемодан, дорожная кладь и пр. Укладываются рукописи — удастся ли сделать хотя бы то, что начато было в Венгрии.

Самолет. Я принял димедрол, но слышен запах пищи — на то был и расчет. Благодаря Ю. В. Яковлеву мы летим втроем, со Штоколовым. Яковлев замерз. Не простудиться бы на свежем воздухе в самолете. Проболтали с Ю. В. — до чего он приятный человек и собеседник. Хотел написать письмо, но не собрался с мыслями, да и темно было. Остался час, Яковлев читает сценарий. Рассказал, что Галя Пашкова сильно кололась последнее время.

— Мы камчадалы... Двадцать один год живем.

— Как вы там живете?!

— Прижились...

Хороший ответ, хорошее слово. А у моря не понравилось. Фурман и Анисимов летят спецрейсом, спецсамолетом. Почему-то их рейс считается основным. Как бы они не опоздали.

26 августа 1988 г. Пятница

Нет, это черт знает что! Деньги мы уже получили, и не маленькие. Но не станем обольщаться, надо эти 34 штуки отпахать качественно, но голос сохранить.

В прекрасной компании я оказался — Штоколов, Яковлев. Боже мой! Моя скромная персона теряется среди мастерства и любви народной к этим двум. В Волгограде, может, и пожалеет меня редактор, но центральная печать может ударить по мне с удовольствием: сторонники Любимова — за Эфроса, поклонники Эфроса — за триумф и белого коня Любимова. Но самому надо сидеть тихо-тихо и не принимать никаких решений. Не писать в газеты и не читать их.

— Будет непростительно, Юрий Васильевич, если мы не искупаемся в гейзерах, не сфотографируемся, не поднимемся к

вулканам. Неужели мы только и будем говорить об икре, лососях и пр. Мы погибнем в этом меркантильном окружении!

Ну вот и второй день прошел, опять я набираю Москву, и опять она не ответила. Вплоть до того, что загадал: кто из них первой позвонит, с той и буду жить.

27 августа 1988 г. Суббота

Однако надо думать о прозе и помнить, что Распутину «очень жаль», что он видит ее редко.

28 августа 1988 г. Воскресенье

Елизово. Второй день по пять концертов. Вчера выдержал. Да поможет нам Бог! Ни писать, ни читать в закулисье невозможно. Все разговоры про икру и баб.

Алексей Мокроусов — замечательный 22-летний корреспондент. Долго мы с ним говорили, спросил, почему я вожу с собой Петрова-Водкина. Правду я ему не сказал. Дал дневниковые записи о Высоцком, это произвело на него ошеломляющее впечатление.

Ездили на Паратунку — термальные источники, три бассейна.

1 сентября 1988 г. Четверг. День знаний

Видел во сне Горбачева, в украинской косоворотке, с галстуком на голой шее. К чему бы это?

Икра очень пригодится Тамаре, если она соберется в Польшу. Да и просто банок пять Евгении подарить замечательно было бы, окажись она только здесь. Вот и получается, что 60 банок — это не так уж и много.

Написал Денису и Адамсону. Денису послал рассказ летописца о Борисе и Глебе. Написал: «Я хочу, чтобы у вас с Сережей была дружина сыновей и хор дочерей». Мысль же тайная была следующая. У Владимира были сыновья от трех жен. Ярослав изгнал Святополка, который погубил его братьев Бориса и Глеба, а последние были по матери Ярославу не кровные, мать у них была болгарка, а не Рогнеда. Так и Денис с Сережей — братья по отцу и защищать друг друга должны, и родства держаться, и крепить его. Такая тайная мысль об укреплении рода золотухинского. Не будет большим открытием сказать, что, если и от третьей матери родится сын, он будет принят в дружину. Эта информация для Тамары. От дневников ее теперь не оторвать все равно, пусть пытает себя, мучает моими фантазиями, коль такая любопытная и не смиренная.

2 сентября 1988 г. Пятница

В книжном магазине стоит огромный кирпич — «Дневники» Н. Д. Мордвинова. Перелистал, посмотрел. Кому это интересно? Кто его помнит? Кто знает? Зачем он это писал?! Для души, для работы, душа у него трудилась, это правда. Но вот стоит этот исповедальный «кирпич», и я думаю... И мой «кирпич» когда-нибудь вот так встанет на какой-нибудь полке, в далекой, заброшенной Богом дыре. И снова всплывает зацепка: в моем «кирпиче» нет-нет да и промелькнет имя Высоцкого, и уж ради этого «кирпич» мой какой-нибудь чудак купит для своей библиотеки. Будет искать дорогие имена.

5 сентября 1988 г. Понедельник. Самолет!

Ну мыслимое ли дело — шесть тысяч триста семьдесят пять рублей везу я чистыми. И еще икры 61 банка, 10 банок чавычи, 5 банок крабов и 5 упаковок замороженных крабов. Да, не попали мы в долину гейзеров, обидно. Никто нам не сумел помочь. Все вспоминают Брежнева.

— Вот в те времена это было очень просто. Полторы тысячи списали бы, и все, а сейчас — экономия топлива, отчетность...

8 сентября 1988 г. Четверг

Через час мы должны оказаться в Новосибирске. В моей Сибири уже будет вечер.

9 сентября 1988 г. Пятница. Новосибирск

Губенко — интервью... «А вот что касается нравственной атмосферы в театре, то она была действительно из ряда вон заболочена. Экология отношений была запятнана всеми теми болями, обидами, страстями, которые коллектив переживал последние пять-шесть лет. Сейчас, мне кажется, в этом смысле положение улучшается, и это единственное, на мой взгляд, что оправдывает мое присутствие здесь. Ведь дело в том, вы меня поймите правильно, что я влюблен в свою профессию кинематографиста, я знаю все ее слагаемые, я хочу заниматься этим. Мне не раз Любимов предлагал поставить что-нибудь самому, но у меня к этому не лежала душа... Так складывается наш следующий сезон, что пока реальной возможности для этого нет».

Комментарии, как говорится, излишни. Главного режиссера у нас по-прежнему нет.

Пресс-конференция в Новосибирске. Стыд-позор на всю Европу, и виноваты мы. Глупее и завиральнее редко бывает. Они

спросили: «Почему вы не привезли „Бориса Годунова“, а мы ответили: „А у вас нет горячей воды, мы приехали работать, а не отдыхать, создайте нам условия“ и т. д. Но ведь у них в квартирах тоже нет горячей воды, чего мы на них-то нападаем. В ответах (Эфрос — Любимов — „Скрипка мастера“) столько лжи, что опять тоска и виселица. Да, мы виноваты, мы плохие, что не сняли Высоцкого в „Пугачеве“, в „Гамлете“, в „Преступлении“. Но теперь мы приобрели хорошую высококачественную технику и снимем наших живых актеров, оставим для потомков. Ну, бред! На х... потомкам мы?!

— Валерий! В прошлый приезд вы убедительно говорили, что вы и Высоцкий друзья. Как же случилось, что вы своему другу не уступили в его просьбе. Я имею в виду «Гамлета». Это как-то не вяжется со словом «дружба».

Господи Боже ты мой! И здесь меня настиг этот вопрос. Лучше бы его задать Любимову, который за два месяца до смерти В. В. заставлял меня в Польше играть «Гамлета». А потом я уступил просьбе Высоцкого и Гамлета не играл. Теперь жалею. Не знал, что такие страсти вспыхнут вокруг такого простого и для театра обычного дела, как второй состав. Он существует даже в космонавтике. Дублеры он называется. К сожалению моему и по своей слабости характера, я дублером Высоцкого не стал, о чем, повторяю, сейчас жалею, потому что уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.

Филатов:

— Дай я отвечу... — И он что-то потом запальное в мою защиту говорил, но сбился на Пугачеву, на скандал в гостинице и смял свое выступление.

А потом мне пришла записка: «Валерий, не обращайте внимания на упреки в Ваш адрес по поводу „Гамлета“. Нас не волнуют внутритеатральные и личные отношения актеров. Мы Вас любим за Ваш талант. Не расстраивайтесь».

По выступлению с «Банькой» — зритель трудный, настороженный. Однако скандеж, аплодисмент плотный. Ленька читал свою сказку превосходно, но вот записка: «Вы почему считаете, что в Сибири не читают журнал „Юность“ и не смотрят телевизор? Зачем повторяться? Неужели больше нечего сказать?»

«Тов. Смехов! Удивлены... Не ожидали, что с таким театром произойдет такая примитивная встреча. Как мы ждали, волновались от предстоящей встречи с вами. Простите, но сегодня вы проявили неуважение к нам, зрителям. К таким встречам надо готовиться... Могли бы заменить встречу спектаклем, но, видимо, не захотели. Настроение испорчено. Потерявшие к вам веру зрители».

Коалиция (Петров, Смирнов, Кузнецова, Комаровская) обвиняет Дупака в чем попало, что он вор, мебель всю увез себе на дачу. Хотят выбрать директором Петрова. Что это? Ночью звонит Дупаку пьяная Кузнецова и говорит мерзости подсудные... До чего дожили? Вслед за ней — Гарик. Они что, доводят его до инфаркта? Кузнецова отказывалась лететь в Новосибирск. Славина на вопрос Дупака «что случилось?» заявила: кочерга не летит. Славина в самом деле залупилась из-за Греции и что Демидова в Италии с Губенко. Боже, Боже... В какой гадючник превратился весь театр. И Губенко еще что-то вякает о том, что экология взаимоотношений стала улучшаться? Да что ты, Коля?! В том-то и дело, что стало хуже. Ни Любимова нет, ни Эфроса — все позволительно, все шавки подняли голову.

И что это за гастрольный буклет — на первой странице замечательный отдельный Филатов? Что он представляет? Какой театр? Свою сказку, театр одного актера? При чем тут Таганка? Какие-то границы есть?

10 сентября 1988 г. Суббота

С матерью поговорил. Слышно замечательно, она одна. Ездили на новой машине, пока сухо, к отцу на могилу, цветы посадили, березу...

Раньше таганская униформа была дешевая — вигоневые свитера черные, потом — кожаные пиджаки, теперь — вареные костюмы, что подороже кожи будут. Может быть, невольное подражание иерусалимскому шефу?

11 сентября 1988 г. Воскресенье

Вчера вечер провел у них — Филатовых-Шацких. Ленька читал свои стихи, а потом рассказывал, цитируя, пьесу по М. Салтыкову-Щедрину. Показывал убийственно смешно. Я хохотал так, что позвонила горничная — нарушаю покой жильцов. Я люблю их, и Леньку, и Нинку. Мне с ними хорошо, хотя я абсолютно не согласен с Ленькой все по тем же злосчастным пунктам: Эфрос, Любимов и пр.

12 сентября 1988 г. Понедельник

Радость еще отчего главная — современная драматургия не подвела. Фраза Любимова запомнилась мне с великой радости первопрочтения совершенно правильно и с тем смыслом, который я хотел услышать, узнать. Вот она: «А что же мне делать, если мне кажется, что Золотухин играет лучше, чем Губенко? Я смею считать себя лучшим специалистом в режиссуре и в работе с актерами, чем вы». У Сережи умер попугай, которого он нашел на

улице. Я им говорил: повесьте объявление и отдайте. Не послушались. Сережа из-за него чуть кота не прибил, но кот совершенно ни при чем был. И вот умерла птичка.

Вчера Петр Леонов занес альманах «Современная драматургия». Говорили о гастролях, «Годунове», Любимове, а Петя смотрел на портрет Эфроса, стоящий на моем столе вместе с иллюстрацией Петрова-Водкина и Денискиными фотографиями. Энтузиазм моей защиты Эфроса относится еще и к тому, что всегда хочется встать на защиту слабого. Почему-то так казалось мне всегда. Любимов не нуждался и не нуждается в этом, а Эфрос нуждался. Может быть, я тут ошибся. До меня только что дошло, что передо мной — Обь, что это та дорога, та вода, которая от моего дома течет, от Быстрого Истока, и по ней я могу на Родину уплыть. Это та вода, которая вчера еще омывала Быстроистокскую пристань, те берега, на которых мы родились, выросли и влюбились. Это странное такое чувство и состояние очень конкретное, материальное.

С матерью никогда так долго и хорошо при встрече не разговаривали. Она одна, и я один, и от трубки ее не отнять, не оторвать.

По городу идет шум: приезд прославленной «Таганки» — позорище. Что-то часто поминают Филатова с его телесказками, байками и невразумительными ответами. Что говорят про меня?

Иваненко:

— Две трети труппы разочаровались в Губенко. То, что к нему подходит «фашист», — это все знали. Но чтобы так расходились слова с делом! Он отшвырнул от себя верящих в него людей...

На что они рассчитывали, бедолаги!! Ведь ясно как Божий день — кто бы ни пришел, они играть уже не будут никогда!! Они думали, что Коля — спасение от Эфроса? Господи! До чего же наивные, если не сказать «дурные» люди.

15 сентября 1988 г. Четверг

Это что, Ирбис с дочерью атаку на мою кандидатуру начали:

— Тебе нравится твоя фамилия?

— Да, нравится.

— А Золотухин — эта фамилия тебе нравится?

Подумала.

— Нет.

— Почему?

— Это золото и шелуха.

Сегодня должен прилететь из Германии в Москву Губенко, а 17-го будет здесь. Не радует меня перспектива его приезда,

однако он будет здесь один, вне окружения Филатова и Смехова, и я надеюсь о многом поговорить с ним, во всяком случае, прочистить его мозги в отношении моих воззрений и нравственных позиций в театре.

Быть может, дам ему дневники. Быть может. Меня обидело его отсутствие на моих концертах. Он обещал быть на 21 час и не пришел. Провожал Филатова. Они думают, что Филатов — звезда «Таганки». Он — звезда, но в другом созвездии. Но визит этого «немца» неприятен мне — уж очень он деловой и держится вдалеке. Да Бог с ним, что мне до него. Вон какая беда! Драган. Мифический серб, очевидно, в Союзе, и должен появиться в Москве. И Ирбис рвется к нему на свидание. Впервые всерьез я глянул на свое отражение в зеркале и понял, что серб, над которым я смеялся, — это, может быть, неодолимый, серьезный молот. Ах ты батюшки мои! Это же точный мой прогноз. И заметался Валерий Сергеевич, пойманный в ловушку ревности. Поневоле вспомнишь Тамару и посочувствуешь, и пожалеешь. Ах ты мать твою перемать! То-то писем нет, у нее не хватает сердечных ресурсов на двоих.

17 сентября 1988 г. Суббота. Число мое. Новосибирск

Клуб Высоцкого открывает сегодня улицу его имени, просят, чтоб я ввернул 4 шурупа.

Очень хорошая была последняя встреча в «Прогрессе».

В дождь завернул шурупы на доме, с которого начнется улица им. В. Высоцкого. Читал стихи, потом хорошо говорил Дупак. Почему-то не было Веньки, хотя он в городе. И закончились мои гастроли в Новосибирске. Отыграл нормально. Первую половину проиграл, вторую где-то выиграл, но и вправду «последний бой — он трудный самый».

29 сентября 1988 г. Четверг

Третий день в Бобруйске. На первом выступлении вызвала Москва. Я — народный артист РСФСР. Господи! А напугали: вызываем к телефону. Благодарю тебя, Господи! Кажется, отработаю без особых голосовых потерь. Завтра рано утром самолетом в Москву.

1 октября 1988 г. Суббота. Междуреченск

Мама хороша была. 80 лет через полгода, с утра до поздноты опять на ногах, опять сплошные готовки, от плиты не отходила, а мы пили то водку, то коньяк, перешли на брагу и курили. Полный набор убийственных средств. Но об этом мы вспоминать будем добром... Повидались с родней, и это хорошо. Были у отца на

могилке, почистили ограду, мать себе место там уготовила, все идет по странному плану, не нами составленному. Черт бы их всех побрал! Зачем я с этой идеей завязал взаимоотношения: кооперативное дело мне не по зубам, я не делец и не руководитель. Тем более в звании «народного».

3 октября 1988 г. Понедельник

Кроме страшных перелетов, концертов и утех всяческого рода, неприкосновение долгое к дневнику объясняется еще и тем, что в него заглядывают и читают и он не принадлежит душе моей как исповедник, как тайный друг и попутчик во всех поворотах жизни. Подсматривают за мной в скважину, постоянно меня разоблачают. И мне тошно.

Почему до сих пор не зарегистрирован наш кооператив? Почему дело уперлось в гаранты? По закону можно без них обойтись. Хорошо, если они есть, а если их нет — не беда. Ал. Ефимович загонял Волину, а документы все вернулись ко мне на стол. Теперь для того, чтобы я стал кооператором, за меня, выходит, должны поручиться Ульянов, Губенко, Дупак. Чушь какая-то!

Любимова не будет в Греции, и это расхолаживает уже здесь, думаешь: а не выпить ли? Но слово данное держит. Хочется написать в дневник что-нибудь такое, чтобы заглянувший в него и прочитавший о себе утратил бы навек преступное любопытство.

500 рублей я матери оставил, чтоб она имела как бы полную независимость, уж до того счастлива она этим подарком была. И всем чего-то в дорогу раздаривала. Даже Куприяновичу досталась отцовская вышитая украинская косоворотка. Отец ее никогда не носил. Мать говорит: положено вещи, оставшиеся от умершего, живым раздаривать, память сохранять.

4 октября 1988 г. Вторник

Будет мой кооператив вступать в контакт с вновь организуемой фирмой ИНТЕР-ТЕАТР-КУВЕЙТ. Кажется, это спасение для «Контакт-культуры» и для всех. И не нужно мне к Ульянову обращаться.

Расул Гамзатов: «Присвоение вам высокого заслуженного звания является поводом выразить вам свою благодарность за радость, которую вы доставляете всем своим высоким искусством. Ваш Расул Гамзатов».

Утром думал: неужели Распутин и сибиряки не поздравят? Неужели не знают? Из Алтайского отдела культуры Ломакин прислал телеграмму и ждет на Шукшинских чтениях. Что же это такое? Звонков 15 из разных кооперативов — выступить,

выступить, выехать и пр. Сколько же этих концертных кооперативов развелось?

Как сохранить «Мизантропа» с Яковлевой? Спектакль нельзя отдавать на сторону, этого ни с нравственной, ни с производственной стороны театру делать нельзя и не нужно. Но во многом Оля права, я на это почему-то смотрю более трезво и реально. Спектакли надо играть и тем доказывать верность мастеру и живучесть его искусства. Это и сам Эфрос говорил, это его слова, его факты и аргументы против ухода Шаповалова, Смехова и др. Кто явится арбитром в этой ситуации? А если гл. режиссеру не нравятся спектакли Эфроса? Просто не нравятся и все, по искусству не нравятся. И что ему делать с этим, коль он главный художественный арбитр и судья над продукцией, идущей на сцене? Мы его об этом просили и голосовали за него единогласно. А теперь, видите ли, Иваненко заявляет, что 2/3 труппы разочаровались в нем. Повода для разочарования Николай пока еще не дал. Этим поводом может послужить только его собственная продукция. Но в производство ее он вас вряд ли пригласит.

5 октября 1988 г. Среда, мой день

К Харченко иду сегодня в 16.30. А с утра к Дупаку. Какое единодушное неприятие моей подруги, как они ее называют, — Демидовой. Конечно, своими заявлениями, что ей не с кем играть, она расшевелила дерьмо, и тут надо было ей быть осторожнее, но ведь и ее довели. Одна Славина, за ней Кузнецова чего стоят... Другую бы на месте Демидовой давно кондрат хватил, или бы сбежала она куда глаза глядят, а она еще вкалывает и плюет на эти укусы. Но и сама жахнула из гаубицы. Ох, бабы, бабы...

Базар-вокзал у Жуковой. На мою затею смотрит смеясь, несерьезно. Просит открыть театральную школу, а не пельменную, не понимает...

Тоска от себя, от путаной своей ситуации. Культура неделима. И тот, кто хочет отделить меня или от меня Любимова или Эфроса, поделить на ваших и наших, делает глупость и ошибется, жестоко просчитается.

Крымова о Любимове после моего монолога о неделимости культуры:

— Мне ведь это непонятно. Казалось, что бы сделал другой человек? После двух-трех часов, как прилетел, позвонил мне. Ну мало ли что он там про Ан. Вас. наговорил, написал, но ведь нас долгие годы связывали узы взаимной выручки, взаимного внимания. Он знает, как я к нему относилась, как писала о

театре, как меня выгоняли из журнала «Театр». Есть смерть, которая все расставляет и расставит, и есть прожитая жизнь. Что его так переменило?

Она ждала звонка от Любимова, который ее обвиняет в смерти А. В., потому что уверен — она редактировала идею прихода Эфроса на «Таганку». Это он мне сам сказал, как обычно, проходя верхнее старое фойе. И потом он наверняка опасался со стороны Наташи выпада: а не пошлет ли она его куда подальше или еще чего хуже?! Да мало ли!! Нет, звонить он не думал, вот если бы она захотела, она могла появиться в ВТО, случайная встреча могла кинуть их друг другу в объятия — горе мирит людей. Или плюнула бы в лицо — и тогда это на весь мир и на всю жизнь.

Любимов приезжает с Катей и Петей. Не хочет жить в гостинице, хочет жить в квартире. Вчера об этом Дупак говорил Жуковой.

— «Таганка»? От «Таганки» подальше. «Таганка» — место двусмысленное.

— Что это значит?

Любимов:

— Это место кровавое...

«От „Таганки“ подальше»... Хорошо. А зачем вы туда пошли и Эфроса пригласили, — сразу начинаю защищаться. Нет, все не просто. Сразу поднимаются со дна души вся боль и муть.

Крымова:

— Что это за художник, который панически боится режиссерского столика? Который ни разу за все время не сел за режиссерский столик?

Губенко она не любит. Я начинаю его потихоньку защищать. Он стоит того, за полгода, неправда... Он много раз сидел и сидит за режиссерским столиком. Да, он, кажется, многого не знал про Эфроса, его сбили его «мюраты». Но, кажется, он по-человечески начинает что-то соображать, умнеть. Крымова тут же иронизирует:

— Ну, если Губенко поумнел... ну, если он умнеет...

7 октября 1988 г. Пятница. День Конституции

Челентано чинит часы, Жан Маре сочиняет духи, Жан Габен разводил коров, -

@B-ABZ

и все это не мешало им быть превосходными актерами. Сапожников Сергей сочинил к басне С. Михалкова «Цепочка» музыку. Записали фонограмму. Позвонили Михалкову — и к нему, чтоб понравилось, чтоб похвалил. Принял нас в прихожей,

дальше не пустил. Стояли мы и любовались его мятым пиджаком на вешалке со Звездой Героя и депутатским значком.

— Этот рок я ненавижу, считаю его вредительством, это распространилось как зараза, чума, СПИД... А Леонтьева я бы посадил в тюрьму... Ничего не понял, а где текст? Тут нет такого текста...

— Это ваш текст! Может быть, спеть?

— Под рояль... Да что-нибудь нежное, романс... Народ! Разве это теперь народ?!

Чем-то ему народ последний очень досадил, достал. С большим непочтением отозвался о народе лауреат, Герой Труда. Его народ давно расстрелян, убит, повешен, сгнил. А он живет. А вообще-то стыдно. Два пожилых человека стояли в прихожей, как два холуя, показывая свое сочинение, слова в котором разобрал он со второго раза. Что-то в этом было глупое, гадкое, чудовищно смешное. Хохотали мы потом безумно...

8 октября 1988 г. Суббота. Борт самолета

Беспокоит левая сторона горла. Мы отправляемся в Грецию через Болгарию.

Демидова:

— На тебя такую бочку Любимову накатили. Катя в тебя молнии метала. Не знаю, удалось ли мне ее в чем-то убедить...

11 октября 1988 г. Вторник

Как хороша была бы заграница, когда б не надо было думать, на что потратить драхмы! И не просто потратить, а с большим толком. Кошмарные заботы. Но об этом я уже писал и в Югославии, и в Париже, и в Варшаве, и в Милане, и в Мадриде. Теперь — Афины. Осознаю ли я то место на глобусе, где нахожусь, откуда пошла, где зародилась вся культура европейская? Эллада...

Мне нравится Николай. Определенно нравится, хотя мы до сих пор, кажется, ощупываем, ревнуя, друг друга. Он легок, весел, умен и в разговоре серьезном, и в трепе за столом. И это поднимает мое настроение, хотя сам я ужасно грустный.

«Театр — история одного поколения» — мысль, принадлежащая Товстоногову, и очень верная.

— Валерий, — говорит Николай, — сколько мы еще просуществуем?

— Год!

— Что так мало? Впрочем, надо еще и год прожить...

За «Кузькина» страшно. Страшно, как сложатся наши взаимоотношения с Любимовым. Вести от Демидовой не радуют

меня и в душе червя поселяют. Не дай Бог появятся раздражительность и озлобление. Но победим мы это, как и всегда, смирением.

Нет, дорогой мой Коля, он хочет и настаивает, чтобы я играл в «Бесах». Уж кого он мне даст, это неважно, но поработать с ним необходимо душе и телу. Он — учитель, как ни крути-верти. Голос у него был хороший.

Губенко вчера был в посольстве.

— Лишил Ю. П. гражданства наш всеми уважаемый К. Черненко. А у Ю. П. сын. Он хочет обеспечить ему безбедное существование. Для того чтобы Ю. П. вернулся, ему нужно вернуть гражданство. А вернув себе гражданство и работая в стране, которую он не покидал, сможет ли он получить за свой труд столько, чтобы обеспечить сыну и жене в будущем безбедное существование — вот так теперь стоит вопрос.

Коля не свои же постулаты выкладывает. Безбедное существование сына!

Юрий Петрович меня любит. Я смотрю на фотографии, где он мне показывает, как играть, а я вижу через эту фотографическую эмульсию, что он любит меня. Он взял себе в жены работу. Он жестокий человек, но это его качество проявляется прежде всего в его отношении к себе самому и, уж естественно, оно не может не распространяться на других. Если человек жесток по отношению к собственной жизни и судьбе, как от него ждать снисхождения к другому!!! Он в жутком чемоданном режиме, если он не будет работать, он погибнет от тоски. Да простим ему его поиски и оставленных им близких его и друзей. «А он, мятежный, просит бури...»

А музыка у греков аж прямо душу вынимает, какая-то вся наша, православная, русская. Пение мелодичное, что называется, душещипательное, женское, как Россия.

А он ставит «Мастера и Маргариту» в театре у Бергмана. Как, интересно, примет его эта прославленная труппа, капризная и звездная. Она ведь, должно быть, воспитана на других принципах, на других ценностях, в другом психофизическом режиме. Оставляет ли Любимов после себя какие-либо записи, наблюдения, размышления? Как хочется заглянуть в его душу. Но он ее скрывает тщательно, он не забывается в игре и не приоткрывает маску.

Из письма О. Пащенко.

«Вейнингер покончил с собой, и в книге есть предчувствие этого страдного конца. Он любил Христа и

христианство, но Христос для него был лишь религиозный гений, лишь великий основатель религии. Он видел в еврействе ту же злую силу, что и в женщине, а подвиг Христа видел в победе над еврейством, и ждал он нового религиозного гения, который опять победит „еврейство“, заразившее всю нашу культуру. Навстречу новому еврейству рвется к свету наше христианство. Человечеству снова приходится выбирать между еврейством и христианством, гешефтом и культурой, женщиной и мужчиной, родом и личностью, неценным и ценностью земной и высшей жизни, между Ничто и Богом».

Вот такой кусок я процитировал…

— Ты очень грустный, мрачный, угрюмый даже! Что случилось? — Губенко за завтраком.

«Дорогой Юрий Петрович!

Целый день хожу со слезами на глазах, и руки мои дрожат от волнения и счастья! Я счастлив, услышав от Вас, что надо работать и репетировать в «Бесах». Это значит — подан мне знак, что я не лишен Вашей милости, Вашего расположения ко мне как к профессионалу, принадлежащему Вашей команде. Так было всегда. Лучшее, что я сыграл, сделано с Вами, и я отдаю себе в этом полный и трезвый отчет.

Люди наговорили Вам про меня дурное. Не собираюсь ни оспаривать их, ни оправдываться. Время и история Театра на Таганке рассудит нас. Одно скажу: нельзя, недопустимо, прикрываясь Вашим именем, топтать другого. В этом я стоял и стою до конца, и эти разногласия не между Вами и мной, а между мной и некоторыми из моих коллег.

Их обвинения в моей беспринципности мне смешны. Любимов и Эфрос не те два стула, когда можно сидеть на одном, на другом или между. Это два явления одной культуры, которая, как известно, неделима. И ни Смехову, ни Золотухину, ни Генсеку Горбачеву не дано их судить и рассуждать в праздности и озлоблении, кто из них какое место занимает (не по чину, матушка), тем более желать во имя преданности одному физической смерти другому. Да-да, было, не удивляйтесь. Говорю Вам об этом первому. И если я согрешал против Вас словом, то в пылу полемики и раздражения, в силу

обстоятельств. Простите меня. Позволю напомнить в связи с этим слова Иисуса, сына Сирахова, ст. 14: «Расспроси друга своего, может быть, не говорил он того, а если сказал, пусть не повторяет того».

Ст. 16: «Не всякому слову верь».

Ст. 17: «Иной погрешит словом, но не от души, и кто не погрешил языком своим».

Особенно важно последнее — кто не погрешил словом? Я считаю себя Вашим учеником, я пришел к Вам из Театра им. Моссовета, где проработал всего один сезон. И 20 лет работы с Вами — это и есть мои профессиональные университеты. И, что бы ни случилось, кровная эта связь измениться уже не может, это — данность. Я молюсь за Вас и семью Вашу. Кланяюсь Катерине, привет Петру Юрьевичу. Парень большой, уже и величать пора. Храни Вас Господь!

С уважением и любовью В. Золотухин».

13 октября 1988 г. Четверг

Я никогда не любовался обнаженным женским телом, некогда было. И не скажу, чтоб не попадались тела красивые, но всегда был какой-то изъян (для меня), которого я стеснялся (за нее), и я старался глаза отвести, и мне хотелось, чтоб девушка чуть-чуть оделась. Или морщины, или дряблость, или вытянутость одной части и приплюснутость другой, или груди маленькие, или груди большие... Не хочу перечислять, вдаваться в эти детали и подробности, одно скажу: когда раздевается Ирбис — я обмираю. Хочется, чтоб она никогда не одевалась, хочется позвать людей и показать — смотрите, как это чудесно, замечательно сделано, смотрите, смотрите, это все настоящее, это все мое и... о Боже...

Читайте, читайте, все читайте и завидуйте.

Я хочу дописать этот любовный роман и изведать, испытать материал, потому что другого может не быть, а хочется успеть до какой-нибудь операции... по болезни и старости.

15 октября 1988 г. Суббота. Греция, Афины

Вечером ужин у посла. Владислав Семенович обогрел меня при партнерах и коллегах, говорит про мою роль:

— Грузины («Генрих IV») и вы в Самозванце — мировой уровень. У вас огромная энергия, я вас знаю, я экстрасенс. И то, что у вас сейчас спад — это закономерно. Огромный взрыв будет у вас, вы это себе еще не представляете. Вы не знаете себя. У вас все впереди. Кажется, что уже все есть, все произошло, все случилось. Нет, все впереди, верьте мне. В вас заложен потенциал

невероятной силы. Вы сильный человек.

— Со слабостями к слабому полу.

— А что, это необходимо. Греки относятся к этому с пониманием. Они считают, что у мужчины должна быть для здоровья, для того, чтоб у него был стимул, чтобы он мог творить и работать, молодая пассия. Необходима. Жены относятся к этому с пониманием. Меня это очень привлекает в них. Для них мужчина — все, глава и пр. Посмотрите на президента, на его любовницу — 72 и 34. Как вам? По-моему, хорошо. Для политики, может, это плохо, но зато авторитет у низшего и среднего сословий. Наши жены относятся к этому без понятия и понимания.

Послиха меня поцеловала. Подарила нам по сумке с бутылкой. Я все-таки успел всучить ей «Земляков». «Владиславе — с любовью». Всегда, когда я надписываю, боюсь наделать ошибок в русском языке.

Сон. Будто бегу я в метро, в трусах... Гимнастика. И никто не обращает особенного внимания. Но вдруг прицепилась одна женщина — дескать, хулиган, нарушение этического спокойствия граждан. «Кто такой?» — Вытащила блокнот, стала записывать мои исходные данные, почему-то красными чернилами. «Пишите, — говорю, — народный артист, и не мешайте мне работать». Во сне назвался я народным артистом. Прошлой ночью видел Дениса и Володю В. во сне. Сексуальные сны не снятся мне. Это меня тревожит, какое-то нездоровье, действительно упадок.

О религии говорю, размышляю, хожу иногда в церковь, заглядываю в Евангелие, молюсь по утрам и перед выходом на сцену, но все это — и частое знамение крестное, и поминание Бога — делается только для того, чтобы хорошо сыграть (а значит, во благо себе, своему комфорту), хорошо спеть, ловко написать что-то. Посредством и с помощью Иисуса Христа, покровителя моего, выторговываю я себе земные удобства, но не помню поступка за собой, чтоб я отказался от чего-то во имя, чтоб я пострадал действительно во имя, чтоб я кому-то помог действительно во имя, а не для себя только набирал очки на чашу добра: вот-де, Господи, добро делаю, бескорыстно делаю. Короче, я не делал и не делаю никаких движений, угодных Богу, чтоб это хоть в малой толике нарушило мой комфорт. Так удобно, паразитически устроился я с Верой своей, страдать истинно я не хочу и не умею — избегаю. И в том, что я сейчас говорю, пишу об этом, есть опять гордыня — я ведь горжусь собой, какой я искренний, как я себя бичую. Вот корень зла, корень не-веры

моей.

Как жалко, что я не путешественник по натуре. Ведь где я побывал: в Акрополе у Парфенона — Парфена — девственница — чистота — целка непорочная. Такая эта была Афина(они делают ударение на последнем слоге). Оливковое дерево, которое растет с тех времен, когда Афина ударила своим копьем и появилась олива, древо мира. Купил карту Акрополя, рядом с планом Иркутска это будет смотреться. Паломничество надо совершать с любимой. Совсем по-другому, в другой эмоциональной перспективе воспринималось бы это. Праздник души и тела, сознания и подсознания. Однако малообразованному сердцу и голове эти величественные камни кажутся мертвецами и не оживают при самом красноречивом комментарии — надо знать, надо изучать с детства

Эллада — Греция — Византия. Наш духовный, культурный прародитель. Как хочется затащить на эту священную гору мою Тамару, Сережу, Дениса. Надо основать род, клан, родить надо девку, она соединит моих парней любовью к сестре младшей, и назову я ее Ольгой.

Шаповалов гуляет по Греции, почти не просыхает. Зачем его Николай взял? Чтоб репетировать с ним? Глупость. Чтоб тот заменил его в случае потери голоса. Отговорка. Скорее, он покупает его, чтоб тот все-таки ввелся в «Годунова». Николаю это нужно, он еще несомненно поиграет и свалит, что называется. «Высоцкого», он уже заявил, будет раз в месяц играть. «Это не спектакль, это семейное, святое». Демагогия. Николай надеется, что, если повяжет Шопена <Шаповалов Виталий (в дружеском кругу — Шопен) — актер театра.> подарком, круизом в Грецию, отдыхом замечательным да еще и денежно-вещественным, у того совесть заговорит. «Мы специально тебя в Грецию взяли, а ты...» Но разбудить и Шопена не так-то просто.

17 октября 1988 г. Понедельник. Мы покидаем Афину<$Esize 8 {up 20 back 25 prime}>

Счастье заключается в том, чтобы кого-то осчастливить. На холме Акрополя я видел себя с Ирбис и Тамарой. Я понимаю Альцеста: «Чтоб я гордиться мог, как любовь моя вас дарит благами земного бытия». Я плачу. Да, я не общественный человек, я эгоист, одиночка норный. Я подозреваю, что верность очень близка к гордости. Ведь Эфрос, в сущности, был очень гордым человеком, он знал секрет, он им владел, этим секретом, он хотел открыть, отомкнуть Таганку. И он бы ее отомкнул, он бы развернул любовь к себе, но слишком сильна была привязанность, мистическая привязанность и вера труппы в отца, в хозяина, в

Любимова.

Николай — человек действительно нежный и заботливый. В туалет ко мне пришел с анальгином, искал лекарства для моего живота. Сам же сказал: «Хватану виски!» Почему-то хочется ему удачи пожелать.

Гнетет меня еще очень сильно Курск и то, что будет перед Курском, — встреча с Тамарой. Она полгода почти не видела меня. Крым — Волгоград — Харьков — Камчатка — Новосибирск — Новокузнецк — Эллада — Курск — Бобруйск. Самое главное чуть не забыл. Мне жалко ее невероятно. Жена моя хорошая, несчастная моя и любимая.

Николай с видимым удовольствием похвастался, что был сегодня в церкви, 20 минут посидел, свечку поставил.

Ну и молодец.

Цитирование хороших отзывов о себе — вот уж действительно чем богаты мои дневники.

18 октября 1988 г. Вторник

Меня нельзя одного пускать ни в какую заграницу. Стыдно, стыдно, надо выучить хоть пять фраз на английском языке — и я в Европе свой человек.

19 октября 1988 г. Среда, мой день

А грех мой страшный как раз против 7-й заповеди — я люблю замужнюю женщину и сам женат. И дети — там и тут.

Губенко — температура 39<198>, расстройство желудка. Заставили его с Антиповым Шопена вытащить на сцену. Шопен как будто за взятку приехал, ни текста, ни мизансцен не знает, а через месяц играть.. Что же тут-то Кольку так подставлять! Эхе-хе-хе-хе...

22 октября 1988 г. Суббота

Написал письмо Пащенко, лягнул и Распутина невзначай. Ну, в самом деле, как в темной бане собрались они мракобесничать в Иркутске, перед миллионной страной глупости говорить.

Увидел вчера у Николая шрам аппендицитный и вспомнил, как мы с Шацкой приходили к нему в больницу, что рядом с театром. Помнит ли об этом Николай? И как он относился к нам, любопытно! Поговорить с ним сердечно, без задней мысли не удается. Хочу передать Жанне строчки — любопытно, что скажет Жанна, какое мнение обо мне возникнет у нее. Хотя, с другой стороны, к чему?

26 октября 1988 г. Среда, мой день

А в Москве дела гнусные — на волне былой славы Дмитрий Певцов, Мальчиш-Плохиш. Конечно, это все дело рук К. и Х. Многим не по шерсти, что Любимов на коне и «Годунов» признан лучшим спектаклем сезона. В «Советской культуре» укусы появились. Теперь нападают прямо на Губенко, что он не ставит спектакли, а восстанавливает, а Филатова и Смехова встречают аплодисментами после истории в «Современнике». Не тебе судить, сопляк, и мешать все в одну кучу. Сами разберемся. И про пьянство осветил сполна, и про саботаж главным исполнителем спектакля «На дне». Это Дима Ванечке припомнил речь его на паспортном контроле по прилете из Испании.

7 ноября 1988 г. Понедельник

Замечательный ответ Кости Щербакова Певцову в «МН». Просто и убедительно. Что бы я делал на месте Певцова? Кто его успокаивает?

8 ноября 1988 г. Вторник

Вчера на «Годунове» был Вайда. Зайдя в кабинет Губенко, я застал их за беседой о предполагаемом сотрудничестве, чтобы Вайда сделал постановку. Губенко сетовал на труппу, опасаясь, что окончательно распадется. Вайда о Европе: «В Европе работать в театре негде, можно наколоться на дилетантов, на самодеятельность». Оговаривали название.

«Терпи, нетерпеливое сердце!»

Разговоры с Хвостовым о Певцове, Смехове и Яковлевой, и все неприятные. Хвостов убежденно мне заявляет, что у Певцова вся правда и все возмущены! Истины в этом театре не добьешься. Надо замолчать, замолчать и писать.

31 октября 1988 г.

«Ну, здравствуй, друг мой. 11 утра, дорогой! Всю ночь сегодня в поезде Москва — Белгород писала я тебе мысленно это письмо. Сколько убедительных, на мой взгляд, слов сочинила! Да ведь все без толку. Ты ведь все равно ничему не внемлешь и внимать не будешь. И зелье это дороже тебе и меня, и детей. Как же я была счастлива и горда тобой, какой пьедестал ты себе этим воздвиг бы: „Сказала моя повелительница-распорядительница: „Не хочу, чтобы ты пил!“ Помолился, поклялся именем твоим Богу, что не прикоснусь губами к спиртному никогда, и все“. Не надолго же тебя хватило. А я верила тебе больше, чем себе, честное слово. Ты ведь и меня таким образом на свой пьедестал этот взгромоздил, и ох как больно сейчас с него падать!

Я ведь люблю тебя — я боготворю тебя и все твои грехи и

достоинства».

13 ноября 1988 г. Воскресенье

650 000 — таков объявленный тираж книги Марины Влади с правом переиздания. Это значит, все издательства (Воронеж и пр.), как «Мастера и Маргариту», переиздадут эту книгу, наводнят ею страну, и наконец-то удовлетворится обывательское любопытство. Без единой купюры.

С утра сегодня обещал Косте Желдину пойти с ним на прием к Жуковой. Похлопотать по обмену квартиры, а заодно замолвить словечко о здании для пельменной.

Вечер. День был полезный. Жукова обещала помочь со зданием для пельменной, ну и, разумеется, обменять Косте квартиру.

16 ноября 1988 г. Среда, мой день

Прочитал «Роман летел к развязке» — Ивинская о Пастернаке. Судьба, жизнь, любовь. Жалко, ужасно обидно, что она не родила ему. Проклятое время, выкидыш... Боже, Боже мой! Все огромное, талантливое, кажется, в чем-то и с твоим романом жизни перекликается, и ищешь, тщетно, может быть, аналогии. Ах Боже, Боже мой! Полдня говорю «люблю» одной, полдня — другой. Вру напропалую, спасает Кузькин. Принесли билет и командировку в Норильск.

18 ноября 1988 г. Пятница

В «Юности» публикация о работе над спектаклем «В. Высоцкий». Какое-то неприятное ощущение, как от не очень чистой игры. И вот беда — тогда позволительно и Певцову говорить.

«Когда меня изгнали из СССР...» — вот эта самая противная для меня фраза в любимовском построении оправдательного слова. Он пытается внушить, и многим он мозги запудрил, что его якобы выдворили, выслали из России. Как ему хочется, чтоб было, как у Солженицына! Зачем? Меня тошнит от его интервью — «все не так, ребята...». И очень много слов говорится о высокой художественности спектакля «Живой». Ах ты, беда какая! Какие же векселя оплачивать скоро придется! Как мне противны эта шумиха, показуха. Неужели без них нельзя обойтись?!

Ведь куда правильнее и честнее было бы даже такое: «Стало невыносимо жить, работать, я покинул СССР под первым предлогом, лишь бы не видеть, не слышать, не участвовать». Ведь так оно и есть... чем глупостями добиваться лишения гражданства.

Валерий! Чего ты себя распаляешь?! Оставь ты этого старика в покое, пусть он играет как умеет. Важно что? Чтоб приехал, чтоб был здоров, чтоб был в форме и выпустил хороший спектакль. Время всех рассудит и все разложит по полкам.

Томление и грусть. Все собрались вокруг моего стола. Тамара читает письма Набокова, в который раз перечитывает «Дар». Я завидую. Сережа болтает, вычитал, как делать деготь.

21 ноября 1988 г. Понедельник. Аэропорт Норильска

Встретили меня там отменно — Дом Высоцкого в Норильске.

27 ноября 1988 г. Воскресенье

К/т «Высота». Кооператив «Кит».

Записка: «Какое отношение вы имеете к кооперативу „Кит“? Мы заплатили по 2 руб. 50 коп. Вам от этого что-нибудь перепадет?»

Перепадет обязательно. Особенно за рассказ о Ельцине, как он хотел помочь перестройке — завалить страну мясом, взяв 34 млн. долларов у США.

В «Советской культуре» подбор писем в защиту Любимова и «Годунова».

«Вести себя раскованно с дураком рискованно» — это мой случай с Рязановым. Одни мыслят, другие цитируют.

Шевелев Илья Нисонович, профессор из Алма-Аты, прислал мне свою книжку «Афоризмы». Есть и мне косвенный совет:

«Развод в 30 лет — неприятная реальность, в 40 лет — неблаговидный поступок, в 50 лет — подлость, в 60 лет — глупость». Где-то мои намерения к подлости склоняются. Сейчас попалась мне на глаза фотография Крицкой Ларисы — роман четвертого и пятого курса ГИТИСа, прерванный внезапной женитьбой на Шацкой. Чего жалко, так это того, что у нас с Шацкой не было романа. Роман обязательно должен быть. Быть может, он-то и есть то, что составляет основу, сердцевину, суть любовного дела, интриги. Так все быстро вспыхнуло, потом свадьба и хорошая жизнь 4 года, а потом... романы мои бесконечные довели Нинку до ручки и до Филатова. После фотографии Крицкой наткнулся я на письма Жени Сабельниковой и узнал по строчке поэтическую душу Жени. Замечательный был роман. Но роман, не закончившийся женитьбой.

«Московская правда» — «Троянский конь у ворот „Таганки“. Нина Велихова с дерьмом Певцова смешала. Бедный мальчик! Чем больше в его адрес серьезных слов, тем выше он в собственных глазах — расшевелил-де улей. Вот и так ведь багаж популярности наживается. Сочувствующих у него и тайных, и

явных много — по разным причинам и поводам, я думаю. А уж вне стен театра и подавно. Думаю, если бы не грядущий приезд Любимова и не будущее распределение в „Бесах“ и у Губенко, число открытых голосов против нынешнего худ. руководства было бы куда больше. И никому тут ничего не докажешь, все аргументы не принимаются заранее — с момента назначения в главные Губенко нет самостоятельной работы. И что мне делать — архив свой хранить вне дома?! Лет 13 назад передо мной вставала та же проблема. И я хотел дневники свои сестре Тоне отвезти. Кому теперь?

Ей известны все мои тайны, которыми жива моя душа, еще не совсем лишенная мало-мальски поэтического воображения — Ирбис, красный конь, ладьевидная радость. Почему я разрешаю над этим смеяться? Ну, конечно, она оскорблена ужасно. И я подлец, очевидно. Да не очевидно, а подлец. Но что мне делать, если я влюбился.

Остановил меня вчера гаишник.

— Ваше удостоверение, Валерий Сергеевич... Ах, Валерка ты, Валерка...

— А что я сделал?

— Сейчас я тебе, Валерка, объясню, что ты сделал. Ты, Валерка, не с той полосы выехал. И когда ты, Валерка, перестанешь нарушать, а? С той полосы вправо поворачивать надо. А? Как же так, Валерка, когда же ты правила выучишь!! Что там у вас в театре интересненького идет? «Солдат и Маргаритка» идет? «Мастер и Маргаритка» и «Иван Грозный»... А, «Борис Годунов»! Я двадцать лет вас останавливаю всех, и Любимова останавливал, и вашего хрипатого наркомана, не люблю я его... не любил. Значит, ничего интересного у вас нет, а чего к вам тогда народ прет? От нечего делать?! Ах, Валерка ты, Валерка... Ну спой мне, Валерка, «Мороз, мороз» и езжай, да больше не нарушай, береги себя.

29 ноября 1988 г. Вторник

Сегодня после спектакля пресс-конференция. До чего же я не люблю это занятие!

3 декабря 1988 г. Суббота. Самолет

Марк Захаров. На вечере 23-го я спрашивал, получил ли он мое письмо.

— Нет, точно нет, у меня это как-то зафиксировалось бы.

— Письмо на вашу статью о Тихонове.

Так вот, Захаров открывал театральный фестиваль, говорил

со сцены этого прославленного и многострадального театра. В словах могу быть не точен, но смысл следующий. Говорил, какая новая энергетика заложена в «Годунове». Любимова назвал не только великим режиссером, но и выдающимся общественным деятелем. Это было новое в характеристике Любимова. Марк — умный и хитрый. Характеристика художника как общественного деятеля имеет две стороны. Любимов, особенно последнее время, именует себя только художником и от политического театра открещивается. А Марк как бы напоминает: «Да нет, дорогой товарищ, популярность ваша лежит как раз в области возбудителя общественного спокойствия, именно как политического интригана». С другой стороны, Любимову должен весьма импонировать статус человека-борца, «сахаровость» бунтаря против партийного, коммунистического удушья. Все переплелось, как в ленте Мёбиуса.

А самолет летит. На пресс-конференции запустил я в массы мысль: «Почему от Губенко ждут какого-то театрального манифеста, от его первого спектакля? Все выдающиеся режиссеры начинали с неудачи. Ну и что, Тарковский — „Гамлет“, Панфилов — „Гамлет“? Не нужно ставить „Гамлета“. Все ждут: вот поставит спектакль Губенко — вот тут-то мы его и потерзаем. Он художественный руководитель, он вообще может не ставить спектакли. Ульянов ведь не ставит, он сам поставил такое условие, хотя мне говорили, что это труппа так поставила вопрос о худруке. Короче, я дал Губенко разрешение на провал и вообще отпускную от постановки. Это Николай четко оценил, заметил, во всяком случае. Велихова в своем письме говорит о беспрецедентной смелости и справедливости суждений Любимова о положении в стране и обществе периодов культа и застоя. Да разве это не может не взволновать самолюбие остальных театральных деятелей! Ведь он оказывается ОДИН и САМЫЙ-САМЫЙ. Как же, как же, а мы что, получали премии и награды, звания и ордена? Мы что, ничего не делали, не были смелыми? И ответ Смелкова про то же самое. Все смешалось, все перепуталось и с этим ударом по Эфросу. Театр дошел до такой жизни, что билеты на новые спектакли, поставленные уже не Любимовым, продавались в кассах метрополитена в нагрузку к другим, более интересующим зрителя. Да, я это слышал сам и был ранен. Но сам Эфрос на кассу театра смотрел иначе, вот в чем вопрос. И тут правых или виноватых нет. И в моей статье „В границах нежности“ об этом сказано. Но факты — вещь упрямая. Однако с этим ударом по мертвому Эфросу душа моя ни справиться, ни согласиться не может. Или не хочет? А-а-а, самого себя, кажется, изловил.

5 декабря 1988 г. Понедельник

До Швеции хорошо бы к Комдиву попасть и историю с евреями записать бы, да заодно про Сталина выспросить. Какая перестроечная беседа может быть за столом в день его семидесятилетия!! Какие тезисы, какие споры?!

Ивану дали звание. Слава Богу!

12 декабря 1988 г. Понедельник. Стокгольм

Встреча с Ю. П. Любимовым прошла спокойно, деловито. Шеф мало останавливал и был совершенно другой, чем в Мадриде и особенно в Москве. Предвещает ли это хороший спектакль?

13 декабря 1988 г. Утро вторника

Николай что-то задумал. Такое впечатление, что он закусывает удила, с труппой у него начинается внутренний конфликт в присутствии Любимова. Каким будет Любимов сегодня?! Вчера он был добреньким Дедом Морозом.

14 декабря 1988 г. Среда, ах ты, батюшки, мой день!

Писать, писать, все писать. А дело-то вот в чем. Английская опера «Ковент-Гарден» дала Любимову полную отставку. Его версия — как всегда. «Они надоели мне, я устал от них». Неделю назад он получил телекс о том, что его увольняют. 11 декабря вышли газеты на всех языках цивилизованного мира. Для западного деятеля это означало бы полное банкротство, крах профессиональный, безработица. К тому же позорная. Все это сообщила мне переводчица, которая работает с ним уже три года. Вы опять на первой полосе скандала, Ю. П. Контракт у него был на три постановки. Одну он сделал довольно успешно, а за вторую выплатили они ему гонорар, но от услуг его отказались. Он уволен, и формулировки для западного мира скандальные. Надеялся он на поддержку директора, но тот его не поддержал. Мы думали, что шведы, пока он здесь, не будут печатать эту информацию, но это не в правилах западной прессы.

В русскоязычной израильской газете накануне отъезда я прочитал беседу двух журналистов, Семена Чертка и N. Там вообще заронено одно поганое семя не только для Любимова, но для всей 20-летней «таганской» жизни. Разговор начинается с обмена мнениями о «Добром», которого он поставил — перенес на другую сцену, в другую страну, в страну с иной судьбой и другим народом, воспитанным совсем на других, свободных культуре, слове и пр. И, допустим, слова Брехта, обращенные в

зал: «Если городом правят несправедливо — город должен восстать!» — в стране фашизма-сталинизма-большевизма звучали как призыв к восстанию, и публика понимала, о чем идет речь, и эмоционально взрывалась. Те же слова, с поколениями габимских <«Габима» — израильский театр, созданный в свое время Е. Б. Вахтанговым.> артистов, звучат просто... Театр подтекста, искусство подтекста, иллюзий — и рядом открытое искусство вечное — Солженицын, Максимов, Владимов, Шостакович, Ростропович. И когда наступила гласность, искусство подтекста потеряло смысл, а вечное осталось... Наше искусство, чем мы гордимся и чем были сильны, называется таким образом временным и не получает пропуск в вечность.

А спектакль вчерашний прошел хорошо. От шефа я услышал то, чего и хотел: говорят, я был в ударе, хотя «Фонтан» я уронил. Играл невнятно для себя, хотя шел упорно к серьезу и в этом, кажется, достиг определенного успеха. Хотя что-то случилось с дыханием, я все никак не мог вздохнуть нормально, желудок поднялся к горлу. «Время мастера ушло вместе с мастером» — фраза, вставленная Крымовой, имеет под собой определенную правоту. Шефу нужен успех, не скандал, а успех. «Евгений Онегин» — это был страшный провал. Русская опера — и натебе.

15 декабря 1988 г. Четверг

Что-то произошло со мной вчера — впервые за 25 лет работы я разозлился на своих партнеров и попер против своей актерской, профессиональной совести нервно болтать текст, выстреливать, выпуливать. В результате говорят, что я спас вчерашний спектакль. На все это мне наплевать, но Демидова, конечно, фрукт. Она кладет партнеров под себя разными методами, демагогией, какой-то актерской болтовней, выходя на свои сольные куски, абсолютно не слушая, не слыша партнера. И вот написал я ей сегодня с утра письмо. Отдам ли? Но, кажется, надо.

> «Дорогая Алла Сергеевна!
>
> Происходит весьма странная ситуация, мне уже неудобно и перед коллегами. Одна история с хвостом лисьим чего стоит! Любимов делает замечания Вам (это еще с тех времен) — Вы относите их ко мне. О своих недостатках я знаю больше, чем кто-либо, но... Любимов просит меня помочь Вам: «Заставь ты ее заговорить по-человечески, сдерни ты ее со странных ее интонаций, как это делал мой учитель Щукин со своими партнерами („Клянусь вам Богом и детьми!“ — „Нет, Шуйский, не

клянись!“). На это я ему, естественно, говорю, что мне, дай Бог, со своими заботами справиться, зная, как болезненно реагируют артисты на поучения своих коллег. Вы же ко мне постоянно с претензиями: то это не так, то то по-другому. Твердите мне постоянно о ритме, в котором я, как мне кажется, тоже что-то соображаю. Но, как видно, под этим термином мы разное разумеем. Вы понуждаете меня (зачем?) идти супротив моей природы актерской (и человеческой, кстати), которая лежит в стихии игры сегодняшней (а думать надо было вчера), и я начинаю соображать: угодил ли я демидовскому ритму. Я не пребываю в эйфории от своего исполнения, но предпочитаю не говорить об этом. И потом, делать поучения партнерам можно, конечно, но достойнее все же обращать внимание прежде всего на самого себя и „ложиться“, в хорошем смысле, под партнера, а не наоборот. Тогда выигрыш будет обоюдный. Если мы разрушим наши человеческие взаимоотношения, нам будет тошно выходить на сцену, и тогда пиши все пропало. Я люблю Вас, поэтому пишу, а не выясняю отношения на сцене.

И не выливайте ледяную воду на мою потную башку, пожалейте — у меня впереди огромная дистанция.

С приветом В. Золотухин».

Теперь мы разрешим важный вопрос: отдавать ли ей это письмо, поможет ли оно или разрушит оставшееся — играть она по-другому не может, не умеет, значит, опять залупится в защиту-нападение. И тогда проиграю я и оба. После Финляндии отдам.

Так, теперь вышли первые рецензии — «триумф», «сенсационный театр», «самое выдающееся событие минувшего театрального года». А Любимов не пришел на вчерашний спектакль. Думаю, что не отпустили Катя с Петей, он их тоже не видел два месяца. Здесь ничто не мешает ему часами с Петей по-русски общаться. Но наши решили — стыдно ему стало после вчерашней репетиции. «Маргаритки» — клише. А я думаю, и какая здесь, в сущности, кроется мысль: сколько в результате минувшего года сделал Николай для воскрешения имени Юрия Любимова как в Москве (главное), так и за рубежом (Мадрид, Афины, Стокгольм). И ведь это еще только начало. Когда время топит Любимова (не без его собственной помощи), Николай один, как Атлант, на плечах своих мощных держит этот гибнущий «Титаник» под псевдонимом «Таганка». В буквальном смысле для воскрешения и очищения имени, чем, собственно, и разозлил

многих.

Вместо симпозиума я написал письмо Демидовой. Вместе с письмом Бондаренко, народного артиста из Ялты, где он пишет:

«С Демидовой я не знаком лично, но, посмотрев ее на сцене, мне стало все абсолютно ясно. С Высоцким я подружился в Ялте и очень хорошо знаю от него лично, что ему устраивала Демидова. Но это на ее совести. Я в это не вмешиваюсь. Характер у Высоцкого тоже... можно желать лучшего».

Вместе с вышеуказанным письмом это уже серьезное обвинение. Ну да Бог ей судья.

Несмотря на мою взнервленность и серчание на партнеров (Николай шумел в антракте на артистов, на всех без исключения: «Обтуристились!»), голос у меня звучал не хуже, чем в первом спектакле. Если сегодня не поврежу (может быть, уже вчера это случилось; скажется это только, когда пойду в «келью» сегодня вечером), то, может быть, Стокгольм я проскачу, а это уже победа. Четыре спектакля подряд — это скажу вам... Как Николай выдерживает?

15 декабря 1988 г. Четверг

Во какие слова! Это что же такое получается, что действительно «вины отцов не должно вспоминать»! Тогда вся эта идея с мемориалом жертвам террора — выдумка законников?! С ума сойти!! Нет, я думаю, не стоит Демидовой это письмо показывать, это вроде как я над ней становлюсь, я ее вроде как унизить хочу, смирить... А не лучше ли самому вспомнить о смирении и помолиться Богу за нее и за себя. Кого теперь исправишь в таком возрасте и при том, что она находится в конфликте со всеми.

А завтра, если что... Завтра закрытие, и наверняка будут Любимов, пресса и пр. И снова захочется отдохнуть. Но где вот сейчас девушки гуляют, смотрят Стокгольм? А я «от отроческих лет по келиям скитаюсь», по номерам и, запершись, пишу!..

Шацкая — странно! — не была ни на премьере, ни на репетиции «Мастера». Вообще не появляется на глаза. Я понимаю — друзья, путешествия, магазины. Но ведь есть и человечьи проявления. Странно, странно, и хоть я видел ее во сне и был счастлив за нее, что у них с Ленькой будет ребенок, я радуюсь, что разошелся с ней. Счастлив ли я с Тамарой? Был, конечно. Сейчас какой-то странный период. И не Ирбис, да простит она меня, виной тому. Я сам. А кто же еще? Я приучил Тамару к спиртному, еще когда она была замужем за одним из своих мужей. Из-за меня случались у нее припадки эпилепсии, из-за меня нажила она себе полипы и попала под нож Харченко... Все я!

Это уже Годунов...

Нет, я не пытаюсь себя оправдать, но она же ничегошеньки не сделала, чтоб от чего-то избавиться, чтоб поправить здоровье свое и тем укрепить дом и постель. Нельзя же объяснить все несчастья одной только моей половой распущенностью, как это именуется в судебной медицине.

16 декабря 1988 г. Пятница

Я не отдал письмо, и вовремя пришедшая мысль о смирении спасла меня — мы с Аллой как ни в чем не бывало. Попросил я не лить на меня воду — она справилась о моем здоровье, нет ли у меня температуры, и все покатилось путем, и нет у меня к ней уже никакой обиды. Второй акт целиком смотрела вся семья Любимова. Игралось мне, как кажется, более-менее удачно, хотя не хватало голосовых мощностей. После спектакля шеф был в хорошем, деловом настроении, сделал пару предложений: мне — надеть парик, Алле — по существу сцены. Катя в очень хорошем расположении, ласкова и разговорчива со мной. Петя очень плохо или совсем не говорит по-русски, Николай общался с ним по-английски. Шеф доволен, что Катя добра и вежлива со всеми. Николай спросил, когда завтра забрать чемоданы у них, чтоб отправить с багажом театра, а потом со смехом:

— А когда будем переезжать из Иерусалима?

Катя:

— Ну, вы очень спешите!

В общем, взаимоотношения, как мне кажется, с семьей улажены. Катерина чувствует, что СССР ей не миновать, аренда дома в Иерусалиме закончилась 15 декабря (1000 долларов в месяц), им надо до Москвы где-то прокантоваться, ему еще лететь в Лондон закрывать свои дела — и в Москву, в Москву... Но Петя в Союз не хочет, не говоря о Кате.

18 декабря 1988 г. Воскресенье. Хельсинки

Провожая, дали нам шведы по бутерброду, бутылке пива и пластинку с песнями Высоцкого в их исполнении.

Вечер. Прилетел в 17.00 Любимов и, бросив чемоданы, понесся в театр. Записывали с 18.30 до 24.00 световую партитуру. Теперь видно, что у него гора с плеч свалилась. Рецензенты хвалят Мастера, а «артисты до уровня его требований не дотягивают».

20 декабря 1988 г. Вторник. После завтрака

Борис Глаголин:

— На Петровича я не могу смотреть. Каждое слово вызывает

во мне злость, раздражение. Вчера включил лампу, дирижирует вами, потом увидел, что его не снимают, — сник и лампу выключил. Все играет, играет... И то, что он писал в КГБ, — для меня это сейчас абсолютно ясно. Если бы было что-то, меня, по моему положению парторга, вызвали бы и спросили. Меня за 20 лет никто ни разу ни о чем не спросил. Значит, они все знали от него самого, и ему было многое позволено, и все это была игра.

Вчера на пресс-конференции вопрос о «Ковент-Гардене» был ключевым, как рассказывают. До того шло обычное интервью, а как дошло дело до «Ковент-Гардена» — зажглись все лампы, заурчали все теле— и кинокамеры, защелкали все фотоаппараты. Про шведских артистов в «Мастере»: «Я не жалуюсь, как доктор на своих пациентов».

Куда он едет? А куда ему теперь ехать? Ему надо скорее цепляться за Москву. Ну, поедет он в Венгрию показывать Петю родне, восстановит и там что-нибудь, вроде очередного «Мастера» или «Обмена». Коротенький контракт, быть может, и возьмет.

Губенко:

— Начал читать то, что ты дал мне, с огромным интересом, но вчитываться не стал. Надо думать и некогда...

А раз начал — значит, прочитает. Этот материал притягивает.

Переписка Маяковского с Брик заставит меня, кажется, полюбить Маяковского и прочитать его. Он нежнейший мужчина. Вся его животно-звериная символика весьма по мне. И у меня ведь есть мой Ирбис.

Долго перелистывал я книжку у «русского» прилавка. Набокова нет. Много Высоцкого.

Приходил Николай, справлялся о моем горле. Так я его напугал, что он всю ночь повторял текст Самозванца, представляя в роли Бориса Шопена. Ничего, как-нибудь с Божьей, и только с Божьей, помощью доиграем мы эту игру.

21 декабря 1988 г. Среда, мой день

Шеф много суетится, энергично проводит все «пятиминутки», как будто хочет показать, что ему вовсе не 70 с лишним лет, и совсем не похож на того, каким мы увидели его в Швеции. Он соскучился по собственным замечаниям, когда он может говорить без переводчика, показывать.

Демидова:

— Я не могу зависеть от твоих импровизаций!

А позавчера — так плохо еще никогда не играли, и тут-то ее шеф и похвалил. Ужасно фальшивая дама. Говорит, распространяется, пишет книжки о партнерстве Высоцкого, а Бондаренко свидетельствует, как она его доводила в том же

«Гамлете». В этом деле надо быть осторожными. Мы не знаем, что и как Володя говорил про нас другим, и тут мы можем наплести сеть из паутины. Потому что «монах трудолюбивый», он же время, сплетет и расплетет все до полочкам, и мы можем оказаться голыми королями. Володино суждение или частный разговор нельзя принимать как абсолютно, единственно верный взгляд...

Мне как-то обидно, жалко, что Жанна не приходит в театр на наши рауты, встречи... Или она болеет, или вправду они поссорились. Ее совершенно не видно, не слышно. В принципе это замечательно, что жена главного не мозолит глаза и уши. Но, с другой стороны, не комплекс ли это?!

Ю. П.:

— Играл ты прекрасно. Только не ори! Когда ты завопил «Тень Грозного!..» — я аж испугался.

— Это была проверка.

— Какая проверка?

— Проверка организма. Выдержит или не выдержит. Выдержал.

— Ну, сегодня выдержал. В общем, дело не в этом. Не пей так много. Ты уж немолодой мужик...

Это он мне на прощание, после того как израильские посол и послиха вознесли меня до небес Иерусалима. Я успел ввернуть, что мы мечтали побывать с гастролями в Израиле. Любимов: «Мы об этом много говорили и, кажется, договорились». Целовались мы и с Катей, похоже, она была счастлива.

Играли сегодня блестяще. С букетом цветов, раздетая Катя побежала посла провожать до улицы. Для нее посол Израиля важнее нашего посла в сорок раз. Пошли они все в дыру! Дело в том, что я сегодня счастлив, ведь сегодня последний, 7-й спектакль этой дикой дистанции. И я закончил его блестяще. Благодарю Тебя, Господи!

Тепло и грустно, по-моему, чуть дело до слез не дошло, попрощался с нами шеф.

— Жду с вами встречи в Москве. Много накопилось злобы, обстоятельства сложились у нас трагически. Во многом зависело не от нас с вами. Но эти два спектакля, «В. Высоцкий» и «Борис Годунов», произвели, на мой взгляд, очень важную для нас с вами работу... Они как-то объединили и дали надежду, что, может быть, еще что-то можно успеть сделать. С Рождеством, с наступающим Новым годом! Здоровья всем...

Губенко:

— Ну что, Валерий, мы можем друг друга поздравить, выдержали... Есть еще ресурсы в организме.

— Есть, Коля. Я третьего дня испугался не на шутку, но Бог

спас меня.

Любимов (в прощальном слове):

— В свободные минуты, хотя у меня их почти не бывает... как говорил у нас Гамлет, я размышлял, что со мной и с нами произошло...

Все-таки размышлял, думал. Его отношение ко мне резко переменилось, во многом, конечно, благодаря смиренному, примиренческому моему письму, опущенному в почтовый ящик в Курске, а написанному в Афинах. Это Бог меня надоумил. Вообще в Афинах думалось благодарно.

22 декабря 1988 г. Четверг

Власова Г. Н.:

— Ты играл вчера ге-ни-аль-но! Это был лучший твой спектакль из всех. Любимов сказал мне: «Прекрасно играл».

Ну вот, а мы не сговаривались. Это потому, что я кое-что понимаю. Про Аллу я не могу этого сказать. Для имени Любимова мы тоже кое-что сделали.

А у меня два спектакля подряд в душе и сердце звучала фраза Ионеску: «Быть в ладу со своим ремеслом». Так вот вчера я особенно был в ладу со своим ремеслом.

Маяковский носил письма Лили Брик в «оттопыренном боку», я вожу письма Ирбис с собой в водонепроницаемом, пуленепробиваемом пакете.

Мы едем вместе с Дупаком в одном вагоне, в одном купе. Это замечательно. Будет возможность и пописать, и почитать. И с Николаем поговорить. Теперь успокоиться и начать думать о московских делах. Отправил письма любимым.

Хорошо сострил Смирнов: «Мы ездим, а он (Любимов) скитается».

23 декабря 1988 г. Пятница. Утро в Суоми

Любимов хотел купить в Швеции «Мерседес», а Коля должен был бы его перегнать, если Жанна разрешит.

25 декабря 1988 г. Вторник

Все и во всем привыкли обвинять, подозревать Дупака. Тележка с чемоданами привезла к другому вагону чужой чемодан — и в этом усмотрели вину Дупака. А он все оправдывается, все взывает:

— А тот (Любимов) мне два пальца подает, не может простить, видите ли, что я работал с Эфросом, ну надо же... Лучше бы мне не возвращаться с Бронной...

В театре в эти дни тоже звонко. Кулевская (дублерша

Яковлевой) в больнице, Яковлева из театра ушла и не придет, «Мизантроп» заменен «Тартюфом», Кузнецова с Погорельцевым отказались играть, а Дупак все-таки спектакль назначил — в результате срыв спектакля. Не допустить к вечернему представлению — неправильное, горячее, поспешное указание. Пришлось увещевать и Галину, и Николая: «Это противоправное дело, пусть играют, а завтра разберемся». И это решение было правильное, хотя я и приехал в театр и подстраховал.

На Евгению Семеновну, жену Семена Владимировича Высоцкого, упала сосулька и убила.

Жена Марка Розовского погибла в автомобильной катастрофе.

21-летний сын Маши Лемешевой (девочка в розовом в ГИТИСе) упал с балкона и разбился насмерть.

Последние две смерти пересказала мне Наташа Тарнапольская, которой, к счастью, мы купили билеты в Париж на 1-е января. Всем этим занимался вчера, в день нашего приезда из Хельсинки.

Звонил Певцов — я не согласился играть 27-го Пепла. От него в «Живом» надо избавляться. Не надо, чтоб они с Любимовым встречались. Любимов читал всю прессу, и может разразиться, вспыхнуть такой скандал, что мои коллеги разорвут Диму в клочья. Сегодняшний срыв спектакля — удар по театру, сильный удар по Дупаку. Зря он связался с этими идиотами, которых, впрочем, и обвинить не вправе. У Погорельцева больна бабушка, Кузнецова в стрессе... и не в себе от злости, зависти и пьянства. Уход Яковлевой, скандал в «Московской правде» с «Троянским конем», неуправляемость ситуацией — все в вину Дупаку поставят. Да еще он накричал на Галину Н. А та: «Я вам не девочка, чтоб так со мной разговаривать!» — И бросила трубку.

А мне все хуже и хуже.

26 декабря 1988 г. Понедельник

Последняя трудовая неделя старого года начинается.

Страшная трагедия в Армении произошла. Такого землетрясения не было еще. Зарубежные страны помогают, вся страна отчисляет рубли пострадавшему народу. Мародерства, грабежи, убийства.

Алексеева:

— Показывают Филатова два часа, а Золотухина нет ни в жизни, ни на экране. Нет, я раньше к нему хорошо относилась, а тут... Он разоблачается, раскрывается полностью. Этот рационализм, напор, самоуверенность даже там, где он не прав.

Таких сейчас много. А таких, как Золотухин мой, человек тонкой души... Они редки и всегда были в большой цене. Мы смотрели, несколько человек, и у всех сложилось такое мнение, такое впечатление.

Она, конечно, бальзам мне в душу влила, хотя я и смотрел передачу несколько мгновений, но в позитуре, якобы распеванности и свободе, дохнула на меня с экрана невыносимая для меня манера, неприемлемая форма существования, выявления, проявления. Черт его знает, может, и не прав, но, ей-богу, зависти нет ни капельки. И не хотел бы я таким быть. Смирение — вот чего нет и в помине, надо положить замок на уста свои. Что-то в этом есть ужасающе неприятное, наглое.

27 декабря 1988 г. Вторник

Большая, интересная, ужасно драматическая передача о Шифферсе. Я многое знал, но жил своей деловой и внешне счастливо-благополучной жизнью. Не углублялся, не вникал, функционировал на поверхности, добивался невольно званий, известности, печатал какие-то повестушки, рассказы. Жил значительной жизнью — пил вино, любил женщин, гулял, пел всякую ерунду и не совсем ерунду. А где-то в кресле сидел удивительный, гениальный человек и мыслил, и жил куда «живее», чем мы, барахтающиеся в этой тине, которая нам нравится. Мы эту тину часто принимали за нирвану. Вот такая чепуха и глупость.

Шифферс и Шнитке. Они очень похожи и лицами, и энергией излучения, и оба добрые, несмотря на жестко произносимые, оформленные в слова мысли свои, суждения. Нет, они не озлобились, они не проклинают время потопное, не смирились. Нет, они ему противостояли своим активным в себе житием. Аввакумовское мужество. Это люди не суетливые, «смертию смерть поправшие»...

Вчера — репетиция, разочарования и нахождение в коллегах (и, очевидно, в себе) признаков очередных и неотвратимых симптомов разложения, какой-то старческой капризности, брезгливости. И весьма малого достоинства при кажущейся защищенности и отстаивании своей крепости-мнения.

«Дети одного райка — Михалков, Филатов, Райкин-младший».

Губенко:

— Прочитал твои записи. Очень интересно, потрясающе. Сколько раз себе говорил: записывай каждый вечер. Но ведь ты рискнешь это опубликовать. Оставил Жанне, но страшно... Ужас какую жизнь прожили, жуть.

Я так понимаю, что это только часть, связанная с Володей.

28 декабря 1988 г. Среда, мой день

Губенко:

— Я мечтаю о том, когда я смогу с тобой выпить...

Это делает мне честь, пьяным он меня видел, значит, я не произвожу скучного или скотского впечатления в этаком виде. Я всем говорю комплименты и добрые слова.

Уходит год. Турник был сделан Макаровым для поддержания формы, снятия лишнего жира. Это была мера для подготовки формы к приезду Любимова, к Самозванцу. Можно сказать, что я выиграл это сражение. Когда я умру, я попрошу написать на камне такую эпитафию: «Он жил в ладу со своим ремеслом».

Как бы я хотел встретить Новый год, как Гоголь! Сижу я трезвый за письменным столом и пишу в «зеленую тетрадь», хорошо бы художественное сочинение. И у меня получается! Но тут по радио-теле кто-то из вождей начинает говорить про уходящий год, и меня зовут к столу.

— Выпей, Валерий Сергеевич, за уходящий год, за год «Годунова» и Ирбис, за то, что остались живы, за то, что здоровы дети наши! — И я выпиваю рюмку и, пока не брякнуло двенадцать, бегу дописывать неоконченную фразу, и дописываю ее удачно.

Но тут бьют куранты, и меня опять от письменного стола зовут к обеденному и говорят:

— Выпей, Валерий Сергеевич, за год приходящий, змеиный год, твой год гада, чтоб был он для нас не хуже прошедшего! — И я выпиваю и молю Бога, чтоб все было хорошо и чтоб простил Он мне мои прегрешения и пролил милость свою на семью мою.

Выпил бы я еще один бокал и всю ночь бы писал. И тогда можно было бы рассчитывать, что в 1989 г. я что-нибудь напишу-таки и закончу. Вот как я мечтаю встретить Новый год.

Как говорил И. Карамазов: «Если вздумаю в пропасть прыгать, то прыгну обязательно вверх тормашками, по-русски». Это мне советуют по поводу пельменной действовать с размахом.

29 декабря 1988 г. Четверг

День вчерашний был занят ожиданием аккумулятора и подготовкой к вечернему прослушиванию. Оно состоялось и, мне кажется, было полезным. Проходило оно в кабинете Любимова — помогали мне бюсты-шаржи Мейерхольда и Станиславского и моя кукла, Водонос. Три с лишним часа я кувыркался с большим для себя удовольствием: читал Рубцова, Пушкина.

— Если бы, — говорю, — не вы, стал бы я так выворачиваться

перед этими старушками.

— Стал бы, может быть, хотя и не с такими энтузиазмом и вдохновением и не в таком объеме. Но ведь ты честный мастер, ты все делаешь на полную катушку. Кто-то написал за твоей спиной на стене: «Берегите Любимова, потому что он, слава Богу, сам себя не бережет». Так вот и вы, В. С., себя не экономите.

При выходе из кабинета девочки-секретарши встретили меня возгласами: «Нам сейчас позвонили и сказали, что по ТВ, по литературному видеоканалу, была большая передача о „Годунове“, и какой-то немецкий театральный критик сказал, что лучше всех в „Годунове“ играл Золотухин. Вы представляете — на всю страну!» Девочки «болеют» за разных артистов, они спорят, ругаются, интригуют.

31 декабря 1988 г. Суббота. 20.36

Интересно, год Змеи 1989-й, минус 12 — значит, 1977 год был тоже моим годом? Что же было в нем? Заглянем в дневники.

Это был год «Дребезгов», год скандалов с Шацкой, год выхода книги в «Молодой гвардии», год встречи с Распутиным, год сидения моего на даче в Корае, в Междуреченске, год выхода спектакля «Мастер», год гастролей театра в Париже, год разгара романа моего с Тамарой и, кажется, разгоравшегося романа Шацкой с Филатовым. При всей кажущейся неустроенности года много выпито, мало написано в дневники, что потом я отмечу в другом дневнике. При всем том год был продуктивный, нельзя жаловаться ни на «дракона», ни на «крысу», ни на «свинью». Сделано в нем, вернее, реализовано в нем то, что было задумано раньше. Мы выпили по три рюмки водки, закусили салатами, я вернулся к дневникам. И 1977 год был годом «Анны Снегиной», записи песен и текста, где я каждой строчкой звал Тамару.

«НЕ БРОСАЙ ТАМАРУ, СЫНОК...» 1989

11 января 1989 г. Среда, мой день

Я в Красноярске, в № 313. Как съездишь за границу, так сразу развратишься и не возьмешь в очередной вояж мыльницу с мылом.

12 января 1989 г. Четверг

По дороге в К-45 с большой пользой поработал над текстом «Живого». Даже настроение поднялось, так и хочется услышать от Любимова: «Ну что ж, Валерий, время пошло тебе на пользу».

На обратной долгой дороге думал о Шукшине, Высоцком, о себе. Шукшин попал в друзья Высоцкого. Для меня это странно. За 16 лет работы и общения я никогда не видел их рядом. Не слышал о том, что они встречались. Вгиковские общения, безусловно, быть могли. Но, зная, как тогда относились его старшие друзья к Высоцкому, вряд ли стоило в дальнейшем именовать их друзьями. В 1969 г. вышел «Хозяин тайги». До того был «Лакей». В «Хозяине» снимался парень с Алтая, и Шукшин не мог не слышать об этом. Допускаю, что он недоуважива тогдашнего Можаева, а они, в свою очередь, Васькины рассказы недооценивали. Допускаю, что, если он и видел «Хозяина», он ему был активно противен. Да, но там его друг Высоцкий, который, в свою очередь, друг Золотухина, а Золотухин из Быстрого Истока, той самой пристани, того самого причала, который Макарыч никак не мог миновать. В то время это был, может быть, единственный путь до Барнаула или еще куда... Он был дешевле и доступнее железной дороги. Другого транспорта, кроме гужевого и полуторок, нет... Обо мне писали много, особенно после «Бумбараша». На премьере в Доме кино, по словам Заболоцкого, был и Шукшин и отозвался о моем полупьяном заявлении: «Алтайский дурачок».

В 1973 г. выходит «На Исток-речушку» — этого он мог не читать. Одно ясно, когда мы столкнулись в дверях гримерной и сидели по разным углам и гримировались, кто-то должен был к кому-то подойти первым, и, ясное дело, это должен был сделать я. Но почему? Да потому, что он ведь тоже знал, что я знаю его как земляка, писателя и актера. Я обижался, что он не приглашает меня в свои фильмы. И в театре у нас он не был, а Гамлета играл его друг Высоцкий. Он, говорят, был только на «Деревянных конях», в то время он что-то стал писать для театра.

Я не могу поверить, что он был в восторге от Лебедева. А был ли он на «Гамлете»? Не слышал. Во всем этом видится мне какая-то чепуха. Весьма допускаю, что ему (Шукшину) были какие-то мои проявления в обществе малоприятны и даже более. И все равно это ни о чем серьезном не говорит.

Володя к концу жизни компанию себе сочинил из друзей: Шукшин, Тарковский, Тодоровский...

13 января 1989 г. Пятница

Моя пьяная откровенность и бахвальство донжуанское, мои дневниковые эксперименты, опыты над живыми людьми, кроме страдания, ближнему ничего не приносят.

17 января 1989 г. Вторник. А число мое. У Астафьева в Овсянке

Надо все записывать по горячим следам, но даже у меня это не получается. Я видел, как подъехал Астафьев, как без шапки, с седой головой, поднялся он на крыльцо гостиницы. Я засуетился, стал быстро обуваться не на ту ногу, потом подумал, что он зайдет в номер, — не стал до поры убирать со стола тетрадь и перо. Дескать, пусть увидит, что артист успевает писать-графоманить — но звонок снизу, и я понял, что мне надо лететь по всей форме к простому, но не всем доступному писателю.

Как ходил он по Овсянке, ключи от дома забыл. Хвастался или просто рассказывал.

— Зачем ты елки сажаешь, они окна загораживают.

— Пока загородят, я помру.

— Зачем березы сажаешь, на них не растет ничего.

— Вырастет, книжка вырастет.

Подошла соседка в плюшевой, вытертой жакетке.

— В. П., я к вам обращаюсь. Заступитесь за меня — разгородили огород, колодец делают. Колодец бросили — вода тухлая оказалась, а огород не загородили, собаки всю смородину помяли. Я несколько раз обращалась, я ведь одна, как мне справиться. А он говорит: «Возьми брус да закрой». Я лопату еле поднимаю. Закройте, раз разобрали.

— Ладно, ладно, скажу.

Зашли на почту, заплатили за телеграмму. В библиотеку. Ну, тут, видно, гордость его, уголок «Астафьев — детям». Хороший, теплый уголок, выставлены книжки, крупно написан краткий биографический экскурс.

Проезжая вдоль Енисея, он обронил:

— Вон там маму нашли.

Мать у него утонула, оказывается, а я не знал. Сестра

разбилась со скалы, туристку все из себя выделывала, мать не отпускала, спрятала снаряжение, как чувствовала, так она в форточку выскользнула, и вот на вторые сутки нашли с перебитым позвоночником, в больнице умерла.

К двум теткам заехал. У любимой Августы я прослезился: старухе 81 год, слепая, на ощупь моет пол... Идет к Вите, а сама на развешанное белье натыкается, отводит его от лица руками, глаза не видят и не мигают.

— Ты все бегом, Витя, все бегом. Помру, а ты не узнаешь... Но я погожу умирать.

— Погоди, погоди, я тут тебе с лекарствами деньжат положил. А то, поди, налог уж подошло платить. Заплати налог, а то скажут: померла, а налог не заплатила, схитрила. Вот эти большие таблетки, — дает ей пощупать, — от сердца, эти, поменьше, — от давления... Ну, поехал я...

— Когда заедешь?

— Дня через четыре.

— О, а что так долго, давно не был...

— В Москву летал.

— Да слыхала, слыхала, все летаешь, ругаешься...

— Нет, теперь стал хвалить всех. Маяковский-засранец и Ленин — все, оказывается, хорошие были.

Весь этот разговор, все наше присутствие в доме любимой тетки сопровождалось музыкой Бетховена и брехней кобеля, который порезал себе морду о консервную банку — обе щеки в крови.

А вот памятник нашей глупости. «МАЗ» с накрененным кузовом. В кузове треугольные бетонные глыбы, которыми избивали Енисей, прежде чем захлопнуть капкан и придавить его, как зверя с перешибленным хребтом, чтоб затих навек. Он и затих. Только недобро несет от воды промозглостью. Енисей дышит смрадом, под шкуру лезет, в мозг пробивается — жалуется на ушко, кто понимает. Громадина плотины закрыла даже солнце, а в стороне волок корабли перетаскивать — несметно-дорогое сооружение, ненужное. На руках дешевле перенести. Потом могилы. Дочь Ирина. Чугунная литая ограда с вензелем «А», пятиствольная семья берез, кажется, В. П. для себя отмерял эту площадь. Помянули. «Спи, доченька, прости, доченька». Помолились за упокой старики. Сходили к тетке, к дяде — по цветку красной гвоздики бросил Астафьев на белый снег.

А сегодня три фильма, один лучше другого: «Госпожа тундра», «Эта долгая зима», «Русский узел». На последнем плакал. Поветник, Гребенников, Распутин, Балашов. Русские люди. Об этом потом еще думать и думать. «Соберемся все». Так и звучат у

меня в ушах и душе слова, глаза, взгляд, особая интонация, с которой Астафьев повторял: «Соберемся все». И звучала в словах великая надежда писателя на лучший исход, надежда, вера в русского человека, что мы можем выжить, сохранить себя, культуру... если соберемся все в Сростках.

Русские люди умеют объединяться в трудные минуты, а минута сейчас трудная до невозможности.

Нравственный урок получил я от Красноярска, от климата, от людей. Теперь мне надо закончить хорошо гастроли, чтоб не испортить впечатления, которое, по-моему, со знаком плюс организовалось, не спустить колки, не ослабить нерв. Господи! Дай мне силы отработать два концерта в ладу со своим ремеслом, со своей актерской совестью.

18 января 1989 г. Среда, мой день. Самолет

В «Правде» письмо против «Огонька» в защиту Бондарева, подписанное Астафьевым, Алексеевым, Беловым, Распутиным, Викуловым, Проскуриным, Бондарчуком. Открытое письмо Бондареву в «Огоньке» я не читал. Там же они защищают от «Огонька» и Рязанский форум русских писателей — это там было?!

Белов. Его поведение и высказывания, его озлобленность... За какое милосердие он ратует? Балашов в фильме «Русский узел» в косоворотке малиновой. «Дети, вырастете — не ходите работать на этот завод, он портит нашу природу-мать. Девочки, вырастете — не ходите работать на эту фабрику, она испортит вас» — ведь тоже какая-то бесовщина на другой лад. Хотя трогательно, патриархально, но... квасно-огарочно-сально. Русское закончилось в 17-м году и началось советское — это прекрасно-точно.

— Мы посмотрели театр Золотухина, большое вам спасибо! — Так говорила дама из отдела культуры.

Поверим ей. «Черного» читал с тростью и в белом кашне. Кто в одной программе совместит авторское, личностное, исполнительское, чтецкое, вокальное? Никто. Я не знаю себе равных в этом деле. Я себя испытал и на физическую, и на художественную прочность.

22 января 1989 г. Воскресенье — отдай Богу

Начнем с того, что отдадим его А. Д. Сахарову.

Сахаров. Когда мы приехали с Тамарой в Дом кино (9.45), там была огромная толпа народа, выстроившаяся в очередь к двери. Было несколько видеокамер, фотокоров. Люди бывалые просили не давить, не давать повода провокаторам, не устраивать анархии и беспорядка. К половине десятого белый зал, говорят,

был полон. Инициаторы собирали на листочках дополнительные подписи с полной записью паспортных данных. Я тоже записался, тем самым, быть может, впервые, проголосовал честно и впервые сознательно выполнил свой так называемый гражданский долг.

25 января 1989 г. Среда, мой день и день рождения В. Высоцкого

Поезд из Ленинграда. Концерт вчера прошел замечательно. Я пел «Реквием» Шнитке с Анисимовым. Лебедев Е. А. потрясающе пел. Ведьму изображал. Голубкина!!! С Любимовым встретились на кладбище у В. Высоцкого. Потом поехали с Иваном к Нине Максимовне, потом в «Прогресс» за книжками Марины. Подловили ее и обеспечили свои книжки автографами. Спектакль, а-ля фуршет — валюсь с ног.

26 января 1989 г. Четверг

Господи! Спаси и помилуй мя, грешного... Вчера не было Семена, как все называют отца В. В. Переживает, не может без тети Жени. Чуть было не случилась и вопиющая бестактность. На сцену стали вызывать Нину Максимовну, что само по себе замечательно трогательно, но тут же кто-то крикнул: «Марину! Марину!» Запомнил какого-то бородатого, черного человека, стоящего над ней и клином рук показывая, вбивая ей в темя — дескать, вот она... Марина перепугалась этого действия и поспешила из зала.

Стефанович предложил поехать в Америку с концертами — 300 долларов за концерт, за 10 — 3000 долларов. Губенко весь спектакль думал и ругался. Впереди же Греция, а 21 день в Америке — это же месяц. Что они делают? Они платят артистам по тысяче за концерт и выдергивают их из работы.

Влади вторую книжку издает, книжку рассказов сестры Милицы, и тоже хочет потом издать ее здесь. 50 или 100 тысяч она дает на музей Высоцкого. Прекрасно.

29 января 1989 г. Воскресенье

Был в церкви. Поставил свечки, помолился о здравии мамы (читая вчера верстку, я плакал о ней), Тамары, Можаева и Любимова. Отца помянул. Всем я обязан матери своей, Матрене Федосеевне.

В верстке ошибки... так расстроился вчера. В «современниковской» книжке «Дребезги» расклейка без трех важных страниц текста. Это уже непростительно автору. Как же я тогда вычитывал верстку?! Пьяный был, что ли? Заметила эту несуразность Тамара. Она вычитывала верстку, сверяя с

«алтайской книжкой». Что теперь делать — не знаю. Репетиции Кузькина пока сильно не огорчают, шеф выговаривается. Завтра начнет 2-й акт, и вот там меня ждет нервная работа. Писать не могу — перед глазами на столе верстка, расстройство. Тамара говорит: не сокрушайся, все к лучшему: добавил про Высоцкого, вовремя обнаружил «пропажу» текста. Надо все делать тщательнее.

Сегодня вечер Н. Богословского. Господи! Не дай шибко обос...

6 февраля 1989 г.

Любимов сказал: «Молодец, сегодня лучше играл». Похвалил и Аллу.

Не хочется идти в Дом кино 8-го на встречу с Любимовым. Филатов поторопился сказать мне, что по этому поводу ему звонил Губенко. Мне он не звонил. Швыдкой вертит эту рулетку, и он не хочет, чтобы я был рядом с Любимовым — они ведь все будут снимать и наверняка спросят об Эфросе, и будет, может быть, скандальчик, а мою позицию они знают и знают, как я могу ответить и за Эфроса, и за себя.

11 февраля 1989 г. Суббота

Губенко сегодня после прогона:

— Гениальный спектакль! Я практически видел сегодня впервые, у тебя прекрасная, потрясающая работа.

А я дрожу и такие пустые и тревожные дни переживаю. Нет, они заполнены работой на сцене. Все-таки я продвигаюсь в роли, это я чувствую, но за общее состояние переживаю.

Параллельно где-то Сапожников пишет фонограммы музыкальных пьес, которые должны будут войти в фильм «Полчаса с В. Золотухиным», ругается с режиссерами, с музыкальным редактором.

12 февраля 1989 г. Воскресенье

За Любимовым я не записываю, не был я на худсовете, где решали вопросы репертуара. Господи! А то он без вас не знает, что ставить, к чему он больше готов и что быстрее. «Вот Филатов со Смеховым решат, что ставить, а мы сыграем» — так я шучу. Не был я и в Доме кино, не шибко был нужен. И правильно сделал, что не пошел — деньги зарабатывал на ул. Санникова, 40. Писарчуков за Любимовым навалом, и мое перо лишнее, да я и не могу ничего писать, когда готовлюсь к сражению. Отмечу: Любимов вспомнил свой приезд десятидневный и как бы оправдывался, один на один, разумеется, почему он так

измывался надо мной одним, и как я вытерпел, выдержал этот публичный позор и издевательство, глумление. И как он благодарен, что я ему простил это и «отомстил» работой. «Да что там говорить, я знаю — когда ты трезвый, ты работаешь как лошадь». Я поставил во здравие его сегодня свечку, дай ему Бог здоровья и сил. Что теперь делать? Обиды мешают дело делать, а если мы не будем дело делать, кто его за нас с ним сделает. Так что, «Нина Шкатова, зови иностранца и давайте работать» — так я публично веду себя. И в шутке есть оправдание моего поведения. Хочется взять гитару и попеть, а — сильное несмыкание и боль в горле. Вот так!! Надо плакать, плакать, плакать. Чтоб хорошо играть, надо быть страшно несчастным человеком. Тогда рассказ о корове засветится радостью непредсказуемой, счастьем явного приобретения, видением реальнейшим. «А человек так жаден...» — это о Шацкой. Поговорил о каких-то кассетах и сердце заболело — как они портятся, как они возвращаются не в том качестве. Да не буду я у вас никогда ничего просить! Ой, Господи, аж слезы выступили, что же это за человек-то такой, ой-ей-ей-ей-ей... И кому это она говорит?! И о чем?

Злополучная страсть — это ведь не только водка, но и женщина?!

Я устал, я хочу посидеть дома, я никуда не хочу ехать, я хочу отдохнуть от людей, от машин, от общества. Дайте мне добежать эту дистанцию. Ведь тут в самом деле судьба моя решается — станет ли 23 февраля «для русской кисти первым днем»? Ведь мне перед покойным Володей стыдно будет, какие он слова говорил о Кузькине моем, как он хотел мне удачи, как он шел меня пьяненький целовать через всю сцену и упал на обратном пути. Боже мой! И как хочется в таком настроении услышать голос Ирбис: «ТЕБЯ ВЕДУТ МИЛОСЕРДНЫЕ И МУДРЫЕ РУКИ ГОСПОДНИ СКВОЗЬ УЖАС И ТЬМУ, И КОНЕЦ УЖЕ ВИДЕН ТВОЕЙ БЕДЕ».

Может быть, Любимову перед разговором дать конверт с гонораром?! Он легче согласится на халтуру. «Мы понимаем ваше иностранное положение, а так как официально вы у нас в смете не заложены, мы произведем вам оплату через музыкальный кооператив». Сыграть в игру, им предложенную.

Ну вот, надписал книжки в библиотеку Овсянки. Большое дело сделал. Теперь бы еще самому Астафьеву написать. Хотел на балалайке поиграть — оказывается, струна порвана давным-давно. Надо бы на манер Астафьева составить иконостас небольшой из прабабушек, бабушек, отца-матери, братьев, сестер и друзей ближайших. Это просто необходимо, чтоб больше уж не быть безродным.

Со страхом, но с жутким интересом читаю я карандашные наброски своего романа-исповеди в «зеленой тетради». Нет, господа присяжные заседатели, из этого мусора-сора должны произрасти цветы моей прозы. Только надо сыграть Кузькина и сесть за роман, конечно, после недельного запоя. Почему-то жду (впервые) заграничных гастролей, может быть, потому, что это Греция!! Там, в той комнатенке-номере, с окном, выходящим во двор, на железную крышу с огромным количеством голубей, на неудобном мягком стуле с фанеркой, выпиленной рабочими сцены, мне хорошо думалось. Там я сочинил письмо Ю. П. Любимову. Там я мечтал написать роман «Ирбис». Милая моя, что будет с нами? С тобой? Нет, конечно, я не пройду мимо тебя, я уже не прошел. Тамара знает и про крест, и про венчание! Откуда? Знает, что письма твои я ношу с собой в кармане пиджака, как носил Маяковский письма Л. Брик, чтоб всегда можно было любое прочитать. Я лишен права на тайну. Меня оскорбляют грубые люди. Сами себя и нас с тобой, мой ладьевидный Ирбис, толкают в пропасть. Кто-то (назвался приятелем) звонил из Ленинграда, а мне мерещится: уж не твой ли верный, любящий муж?

Можаев сказал, что я стал играть гораздо лучше, чем прежде. Если ему верить, это уже победа. «Да не хвали ты его!» — прервал Любимов. Хвалить артиста — это его прерогатива.

Надо съездить в издательство «Детская литература», где рисуют картинки к моей книге. Сегодня с утра я тщательно вымылся. Надел чистое белье и поехал в церковь, поставил свечки, помолился, поплакал. В общем, как-то день я Богу отдал.

И решили мы с Сааковым <Сааков Евгений — режиссер телевидения.> «купить» Любимова за 100 рублей в конверте. Не сочтет ли он это за провокацию? Как бы нам тут дров не наломать! Что-то меня это сейчас вдруг начало беспокоить. Господи, спаси и помилуй! Завтра начинается последняя рабочая, предпремьерная неделя, за которую, собственно, и должен родиться спектакль. В нее надо уложиться, но не шибко стараться,

Сижу, жду Любимова — предупредить о конверте. Господи! Спаси и помилуй меня грешного! Помоги нам завтра Любимова снять на начало, и меня с ним. Моя идея, мой текст, моя режиссура, авось что-то сляпаем неординарное с Сааковым. Одной репетиции Кузькина они наснимали 40 минут, а надо выбрать из этого минут восемь. Гадко на душе и неспокойно. Но что я комплексую? Любимов говорит: «Ты хорошо играешь» — и гладит по головке в буквальном смысле! Что же я боюсь-то всего?! Надо о. Александра почитать, в церковь сходить, у Бога милости выпросить.

100 р. Любимов взял, положил в задний карман, все говорил: «Может быть, лучше где-нибудь расписаться?» — «Нет, вы иностранец, мы не имеем права» — играем в какую-то... Но идея заплатить — счастливая идея. Боже, спаси и сохрани нас! Ни Саакова, ни Сапожникова дома нет — знать, заняты молодцы фонограммами. Ну, дай Бог.

Любимов с необыкновенной легкостью выполнил все просьбы режиссера, но в реплике не удержался и ввернул по-своему:

— Все халтуришь? Выгнали меня — ты пел... Приехал — снова поешь...

— Ю. П., повернитесь на камеру!

— Ну что вы, как я могу встать спиной к такому артисту!

16 февраля 1989 г. Четверг

Доволен ли я вчерашней съемкой фильма-концерта? Первой половиной — да, то есть интервью и танго Остапа (мое закадровое пение). В спешке снимали Северянина, как-то неловко чувствовал себя с жестами, с движением. Не возникло какого-то оригинального образа, решения — так, первое попавшееся. Жалко. Так нельзя, надо заранее продумывать весь номер.

Переполох, ЧП на съемке — украли кинокамеру. На секунду ассистент отвернулся, и камеру умыкнули. Перекрыли все входы и выходы, вызвали милицию с собакой. Полчаса жуткой паники, а у меня и позора: в театре появился вор... Пришли за мной — что делать? И тут разрешилось: пошутил гл. режиссер Губенко, прихватил ее с собой в кабинет — «не отдам, пока не принесете счет за электроэнергию». По-своему он прав. Но к вечеру навалилась тоска — спасу нет! Голова разболелась. Уныние и страх. А чего я боюсь?! Ну даже в том качестве, которое присутствует в «Живом», — уже хвалят. А боюсь я стать счастливым и довольным. Боюсь стать спокойным и благополучным. А не будет страдания, боли — не будет и роли.

Утром вчера на проходной Любимова встретил.

— Что делаешь?

— Халтурю. — И диалог продолжается.

Весь день они заседали с Губенко и Боровским. Уходили из театра вечером, разъезжались тоже вместе.

Губенко:

— Думали, как тебя раскрепостить. Как отменить крепостное право.

Любимов:

— Я тоже стал жить по твоему методу. Когда 8 часов репетиций, утром и вечером, а между нами два часа перерыва, я быстро пешком, машину не беру, иду в гостиницу в сауну,

плаваю... Ни в коем случае не ложусь — и снова на репетицию.

Это он меня настраивает на то, чтобы я от него легкой жизни, послаблений не ждал.

— Ты хочешь, чтоб я его от «Пушкина» освободил?! Я понимаю, что ты выше, но все-таки нет, не дождешься! — резко возражал он Можаеву. — А глотка у него луженая, когда надо...

Они вчера, очевидно, еще и роли распределяли. Интересно, куда я попал, в «Скупого» или в «Моцарта»? Моцарта он не даст, разве что вторым составом. Да мне все равно на сегодня. Ну, Господи, дай мне силы додержаться до 23-го!

17 февраля 1989 г. Пятница

Вот кончится «Кузькин» — поживу на даче, буду писать роман. Я этот жанр не люблю — большой рассказ или маленькая повесть, а когда все сложится вместе, то и получится дом моей жизни. Надо одеваться на «Кузькина».

18 февраля 1989 г. Суббота

Что мне сказать себе в утешение? Не печалься, Валерий! Держи свое ремесло, не суетись, моли Бога, чтоб послал удачу партнерам и тебе! Через 25 лет мир погибнет, и, если нам суждено дожить до того дня, проживем остаток с молитвой и верой.

19 февраля 1989 г. Воскресенье

Я только вернулся с «Годунова», завез домой Виталия с Леной Дроздовой, как звонит Губенко. Выразил свое восхищение моим трудом и в то же время соболезнование, сочувствие:

— Так работать нельзя, тебе надо отдохнуть, помрешь — и мы все будем виноваты.

У него ужасно сложное положение. Он все время подвигает Любимова на возвращение гражданства — тогда пусть берет театр и выполняет все свои прожекты: отделиться от государства, создать кооператив, сплотить «наполеоновскую гвардию», выгнать Дупака, «гвардейцам» платить по 1000 рублей, а половину труппы выгнать, снять «Мизантропа», «На дне», «Маленький оркестрик».

— Мы только что договорились, что это последнее восстановление «Живого», а «Преступление» пусть восстанавливается факультативно. Смотрю — вывешено объявление, что собираются участники «Преступления». Я сказал: «Ни в коем случае, только новая работа, „Маленькие трагедии“ или „Театральный роман“. Ты-то сам как? Он тебя хочет занять, надо вывешивать распределение.

Я сказал:

— В распределение я хотел бы попасть, а играть не буду.

Но сегодня утром я перезвонил Николаю и сказал, что это глупость моя димедрольная (я вчера за столом заговариваться стал) и в распределение меня включать не надо. У Кольки ситуация самая неприятная.

— Шеф не хочет терять заграницу, театр он брать тоже не хочет, но хочет оставаться фактическим руководителем. Я сказал ему: «Так не будет, пока я главный режиссер, и вернут ли вам театр в этой ситуации?!» И тут я почувствовал, как вся кровь бросилась ему в лицо. Он готов был сорваться на скандал со мной, но сдержался...

Кольку в этой ситуации надо поддержать всячески. Если он не хитрит, то молодец.

— Ну, давай, типяра! — так «благословил» меня Любимов на прогон.

Приехали из Дома кино, где смотрели всей семьей «Тарзана», две серии. Замечательный, благородный фильм. Теперь надо придумать, как день закончить. А с утра были в церкви, опять же всей семьей.

В Доме кино подошла ко мне Ольга, бывшая Трифонова.

— Не удивляйтесь если к вам подойдут, обратятся с просьбой написать воспоминания о Юр. Вал. Трифонове. Это наш сын Валентин.

20 февраля 1989 г. Понедельник

— Говорят, ты вечерний хорошо играл? — сказал мне вместо «здравствуй!» Любимов.

Господи! Я ставлю свечки о здравии его. Господи! Не лишай меня ремесла моего!

Любимов:

— Валерий утомлен, неважно с голосом, но он стал играть глубже, мудрее...

Я рассказывал, как встретил генерального директора племенного конного завода, который был у нас сельскохозяйственным консультантом по «Живому». Вообще день плохой, тяжелый, неприятный. Рамзес <Джабраилов Рамзес — актер театра.> сорвался с тросов, узел развязался. Если бы это случилось, когда его подняли в небо, он убился бы и действительно ангелом стал. Бедняга!

21 февраля 1989 г. Вторник

Прогон прошел на удивление удачно. Вчера сильно хрипел и очень поник, а сегодня с утра укололся. Любимов шепнул, когда по залу проходил: «Хорошо ведешь, не снижать».

Небо и земля по сравнению со вчерашним прогоном.

22 февраля 1989 г. Среда, мой день

Надо посвятить его литературным проблемам. Съездить в издательство, поклониться корректорам, дать им билеты на «Высоцкого», чтоб наконец-то вычитали они мою верстку. Потом в издательство «Детской литературы», поклониться и дать им билеты на «Живого», чтоб поскорее иллюстрации сделали. Судя по всему, книжка запаздывает к Шукшинским чтениям. Да, в общем, это не так существенно, но хотелось бы. Главное — внести все исправления и дополнения.

Завтра день, из-за которого, быть может, и родила меня Матрена Федосеевна. Отстою завтра в церкви всю службу и с Богом.

27 февраля 1989 г. Понедельник

Я дал согласие репетировать Дон Гуана. С моей стороны было бы верхом неприличия отказываться от работы с Любимовым, когда он того просит. Я слишком многим обязан ему всей судьбой моей, так что ж теперь... На афише «Кузькина» он написал мне: «Дорогой Валерий! Пусть все быльем зарастет! Твой Любимов». Так вот, пусть все зарастет, а мы сработаем с Божьей помощью еще один образ. Жалко, что будут опять проводить параллели с В. Высоцким. Но сегодня надо отыграть «Живого».

28 февраля 1989 г. Вторник

Во вчерашних «Известиях» довольно приличная рецензия «Сказ о правдолюбце Кузькине». Вся история многострадального спектакля. Это, конечно, пока еще не рецензия, это пока информатика о спектакле, режиссере, театре, общая, обзорная, хвалебная. Я опять назван Теркиным и Иванушкой-дурачком, других определений для меня рецензенты не находят. Ну да Бог с ними! Тут для меня важен сам факт того, что легенда себя оправдала, что «Живой» по-прежнему современен и как факт театрального выстрела, и как факт политического, проблемного действа. Все остальные частности прилагательны. Гаранин-средний говорит, что это еще интереснее, чем было 20 лет назад. Будем в это верить.

Мне продлили бюллетень до 3 марта. Мы сидим за столом. Семь лучших артистов, надо полагать: Шацкая, Бортник, Демидова, Филатов, Антипов, Сайко, Золотухин.

Последний год перестройки! Мужайтесь, ребята! «Память» с царскими знаменами шла на могилу Брусилова. Говорят, они уже разбились на «пятерки». «Долой тель-авидение! Даешь русское

телевидение!»

— Оставайтесь, Ю. П.! Поможем, чем можем, похороним на Новодевичьем!

Какая разведка у евреев! Как они распространили фотографию Насера на унитазе! Как они шуруют золото, бумаги, летят в Америку, туда-сюда! Тебе ни один еврей впрямую ни на один вопрос не ответит. Это поразительно!

В издательстве вчера говорят о «Годунове», что спектакль — глумление над русским народом. Почему? А вдруг это так? Такое мнение распространено, особенно среди русских писателей. Что это?!

Любимов. Что же в нем за бес сидит? Сидит, репетирует, и энергия из него хлещет, а меня спрашивает: «Чего съежился, заболел?» — «Нет!!»

2 марта 1989 г. Четверг

Любимов:

— Думал я, думал, ребята, целый день выходной... «Театральный роман» надо дописывать. Я решил запустить «Самоубийцу». Столько ролей потрясающих! Есть нравственный долг, который... Думаю, что это вернее — параллельно... Буду многостаночником. Я направлю работу на Гришку Файмана, на одного валить все не надо. (Значит, Подсекальников — Шопен? А кто еще?) С «Трагедиями» надо делать чистую разводку.

3 марта 1989 г. Пятница. Утро, возможно, туманное

Я попросил у Любимова разрешения одеться в синюю кофту и голубую рубашку, и он мило согласился. Я поцеловал телефон.

И был лучший, как сказал Любимов, «самый живой спектакль из всех „Живых“.

5 марта 1989 г. Воскресенье, отдали Богу

Ваганьковское. Были у Миронова. Молодая пара.

— Смотри, смотри, вон Золотухин!

— Да ты что, он же еще живой!!

— Да вон он на тебя смотрит...

— Да я тебе говорю, что он живой еще!

С утра были в церкви. Я опять ставил свечки Любимову, Можаеву, Тамаре, маме, сыновьям и за упокой отца и Юры Богатырева.

Сумасшедший из Павлова Посада приволок две картины в подарок женщинам, Марине Влади и моей любимой. Картинки довольно симпатичные.

«Валерочка!

Ты, должно быть, понимаешь, как тяжело мне писать

это письмо. И это хорошо, что понимаешь. Я не виню тебя, видит Бог, в своих мучениях. Я сама устроила себе этот ад, сама и утешать себя должна. Все, что я делаю сейчас, — преступление. И даже то, что я не могу без тебя жить, — очень слабое оправдание. Достижение собственного счастья за счет несчастий других — не лучший путь к блаженству. «И мальчики кровавые в глазах...» Рушу и твое, и свое, закрыв глаза на все. Точнее, наплевать на все. Но это было возможно, когда маячила хоть какая-то надежда на «вместе» и пока я была уверена в тебе. Теперь — финита ля комедия.

Ты обманывал меня во всем. Абсолютно. Сначала эти клятвы не пить. Потом — самое главное: «Вот отыграю Кузькина, заработаю денег... Тамара — практически здоровый человек... После вшивания и будем думать...» Ну, а после — самое забавное, эксперимент с Наташей. Это можно было бы простить тридцатилетнему, а сейчас это грязь.

Ну и последнее. Пока была надежда (а ты постоянно ее питал во мне, да и сейчас пытаешься поддерживать), я жгла за собой все и горда была этим. И это называлось любовь, и все делалось, рушилось и создавалось во имя любви. И уж так меня воспитали — не могу делать что-то вполсилы и не до конца, лучше уж вообще не браться. А ведь если известно, что будущего у нас с тобой нет, то отношения эти называются по-другому. А я — не Наташа и ни при каких условиях ею не стану, надеюсь, Боже упаси. Так вот, порядочные люди такие отношения прекращают. Я, по-видимому, не очень порядочный человек, потому что мне невероятно трудно прекратить даже то, что есть. Я люблю тебя и умру от тоски. Но я не могу больше так жить, мучить себя и других. Просто я поняла, что «подвиг» не в том, чтобы летать к тебе на два дня, а в том, чтобы отказаться от этого во имя других. Смогу ли?! Ты закрыл меня для всех, кроме себя. Ужас!

Господи, сколько комнат в этой гостинице видели эти слезы!! Скоро она вся пропитается этой сыростью. Нет, не успеет! Отдам ли тебе это письмо? И когда? Но неужели ты так бессердечен, лицемерен и лжив, что держишь меня, заранее зная, что никогда у нас с тобой ничего не будет?! Я не могу, не могу в это поверить... Если не тебе верить, то кому? И ведь я, идиотка, совершенно серьезно задумала рожать тебе ребенка, когда ты меня заверил. Бред какой-то... Еще никогда в

жизни я не была в такой унизительной ситуации. Но, видимо, нужно пройти и через это. Главное — не упасть и не повредиться в рассудке. Что дальше будет — не знаю. Письмо у тебя, раз читаешь. А если оно у тебя, значит, я все решила. И не будет больше писем и звонков. Господи! Дай мне силы!»

Любимов:

— Мы готовим проект, как нам отделиться от государства, быть самостоятельным местом, приказом.

Антипов:

— Как церковь!

Приехал Губенко. Его прогнали, чтоб не мешал работать, потому что идет прогон.

И, может быть, рожден-то я мамой моей для дня 23 февраля, дня премьеры «Живого».

Дети Высоцкого хотят подать на Влади в суд за клевету. Не пил он, бедный, не кололся, безгрешен был и чист как агнец. Наивные! Никита-то ладно, артист... Но Аркадий казался мне парнем самостоятельным и умным.

9 марта 1989 г. Четверг

Звонил Астафьеву — 20-го обещал быть в Москве и прийти на спектакль. Книжки библиотека получила. В. П. выразил удовлетворение — многие обещают, а не присылают.

После 8-го марта все собрались. Этот день я отмечу в блокноте. Благодарю всех. Долго мы слушали Ю. П. о западном театре.

18 марта 1989 г. Понедельник

Оказывается, оправдан Павлик Морозов — не отменена статья о недоносительстве.

Все эти Проскурины, Алексеевы подводят базу, что Платонов — явление случайное, ничего не приносящее обществу. А Набоков вреден — обнажает уровень... Сразу становится понятно, кто есть кто.

Все в речах Любимова не случайно. Он настаивает на свой точке. И отсчитывает эти точки с юности, под микрофон переосмысливает публично свои поступки, свою биографию, человеческую и художественную. «Сверхзадача — убедить себя. Нет другого хода. Искусство трудно — критика легка. Попробуй взять характерность».

14 марта 1989 г. Вторник

Сегодня съемка «Живого». Англичане: нам это нужно. Известно это давно, полторы недели. Болтовня надоела!! Хотите снять наш спектакль — пожалуйста.

Ю. П.:

— Я не знаю, как вы воспитывались, Саша. Выпишите себе эту музыку и по размерам уложите. Не бойтесь максимально обнажать мысль.

Любимова заинтересовала моя идея о пельменной. «С Дупаком не связывайся, трепач. Надо подумать, это может быть интересно».

Неужели мне придется лететь в Котлас за бумагой? А нужен-то всего один вагон — 40 тонн хорошей бумаги для моей книжки. Нужно мне написать о «Кузькине» и Трифонове.

15 марта 1989 г. Среда

Ну и что? Вывел я вчера Р. из зала? Поставил я условие, что играть не буду? Да нет, конечно. А после? Его жена меня целовала, а он, мой генетический враг, обнимал меня, говорил, что это и 20 лет назад был бы лучший спектакль. А шел с опаской... Но это тот единственный случай, когда «не возвращаются к былым возлюбленным» — не оказалось истиной. И я улыбался и благодарил, и по... мне были все прошлые страдания. А ведь я мечтал в лицо ему плюнуть за то, что он из меня сделал, как говорят в народе, «самого опасного друга Высоцкого».

16 марта 1989 г. Четверг

День рождения Шацкой, цветы купить ей, что ли? Что ей написать о «Живом»? «Не Шацкой — Беатрис».

Я вырос в одной комнате с теленком, поросенком и курями под печкой русской. Что меня пугает Алексухин запахом грядущего свинокомплекса, затеянного Комковым? Были бы свиньи...

Буряков. Гнусная статья, полная вранья. «Роль Самозванца репетировал Высоцкий, рисунок на него. Играет Золотухин... да, талантливо, но рисунок на другого артиста». Вот б...!

Ю. П.:

— Человеку 72-й год. Интересно мне так работать?! Нет, мне стыдно пускать молодежь, которая хочет посмотреть, как я работаю, а я не могу... Английские артисты самые работоспособные. Давайте считать, что мы играли Шекспира. Театр Шекспира условный, он писал: «лес, река». Пушкин опирался на Шекспира. Этих критиков вообще не надо пускать в театр.

— А кто же нас хвалить станет?

— А тебе надо, чтобы тебя хвалили? Жди, когда я тебя похвалю.

— От вас дождешься!

— Я знал, что ты так ответишь, для этого и сказал. Неправда, пару раз я тебя похвалил.

— А я в дневнике размножал.

18 марта 1989 г. Суббота

Вчерашний разговор с Демидовой.

— Валера, сядь на минутку. Ты знаешь, мне сейчас Петрович (Любимов) врезал за Марину, что я слишком вульгарная, и он прав. Но ты понимаешь... ты подыгрываешь... и мне...

— Алла, я слышу эти разговоры от тебя с 1982 г.! В грехе, совершенном вдвоем, каждый отвечает сам за себя.

— Ну, тогда извини.

— Да нет, ну что это... «Мне врезал Любимов, но виноват ты»!

Думаю, что она обиделась. Наверное, она думает, что я, оглушенный успехом «Живого», уже ничего и никого не слышу.

В связи с вышеизложенным придется все-таки ей стокгольмское письмо отдать. А вздрючен был я рассуждениями Бурякова.

Во-первых, идиотизм, но потрясает и оскорбляет вывод. «И Золотухин хороший актер. Сильный актер. Но Золотухин — актер, а Высоцкий — явление». Что это за проституция, при чем тут Высоцкий и зачем это сопоставление? Сейчас начнется репетиция «МТ», и надо как-то в Дон Гуана заползать. Вместе с Демидовой.

Телеграмму в «Неделю» я все-таки послал. Быть может, не совсем красивую, но...

> «Уважаемая редакция!
>
> Пока кто-то напишет, а Вы опубликуете ответ на полемическую статью В. Бурякова «Живой», мне бы хотелось, чтобы В. Буряков через Вашу газету извинился передо мной. В. Высоцкий не только никогда не репетировал и не создавал рисунка роли Самозванца, но и не мечтал о том. В «Борисе Годунове» Высоцкий хотел играть Бориса, и играл бы его, но смерть помешала. В. Высоцкий умер в 1980 г., а спектакль репетировался в 1981-1982 гг. Зачем или для чего подобная фальсификация, «за-ради жареного»? Честно говоря, я устал от того, что кто-то постоянно пытается меня столкнуть с В. Высоцким лбами».

— Ю. П.! Опять скажут, что тень Высоцкого мне покоя не дает, что я его роли копирую, а вы еще из швейцеровского фильма музыку берете.

Я предложил вставить голос Высоцкого из «Дон Гуана».

— Идея хорошая!

— Но мне нужен второй исполнитель.

Вспомнили абзац Бурякова.

— Но он явление в поэзии, а ты — в прозе.

— Зачем, Ю. П., вы вступаете в эту пошлую игру?

— Прости.

26 марта 1989 г. Воскресенье

Были на выставке Шемякина — это какой-то гигант невероятной силы, но мне недоступный.

А вечером я посмотрел «Интервенцию» и тоже порадовался. Нет, что-то в жизни сделано, кроме детей.

27 марта 1989 г. Понедельник

Репетиция. «За сладострастие!!»

Первый раз слышу такой тост. А по мне, это замечательный тост, если не ханжить и не усложнять человеческую природу.

28 марта 1989 г. Вторник. Утро, дома

Ответ на телеграмму я из «Недели» получил гениальный. Еще более запутывающий вопрос, который в юриспруденции выеденного яйца не стоит. Вместо того чтобы обратиться за разъяснением к хозяину, к постановщику спектакля, он обратился за поддержкой к Володарскому и Туровской. Но я телеграмму давал, собственно, из-за последней фразы, и она напечатана и прочитана. А вся абракадабра Бурякова развеется временем. И умным ответом. Кто-то должен защитить «Таганку».

Спектакль «Годунов» прошел мощно. У Беляева пошла носом кровь. Вызвали «Скорую». Спектакль он доиграл.

Глаголин:

— Вы доиграетесь. Нельзя играть по 30 спектаклей в месяц.

Умер Лиепа — инфаркт. К вопросу о нагрузках. А Полока говорит: «Борис меня огорчил. Пустота, ничто за этим не стоит. Нарушена логика жанра, ну и получилось ни то ни се».

Объяснился с Демидовой. Извинился — был-де раздражен, не в своей тарелке. «Нет, вы правы, каждый действительно должен отвечать за себя. Я не знала об этой статье...»

В «Московской правде» на День театра фотография из «Живого» с подписью: «Сцена из премьерного спектакля МХАТа на Тверской». Звонил редактору Любимов: «Ну ладно, я иностранец,

но Доронина вам этого может не простить». Обещали извиниться.

Я вспоминаю то время, 21 год назад. В театр я приходил рано, за час до появления всех артистов. Березка с домиками уже стояли. Реквизит разложен по местам. Рабочие подготовили сцену к прогону спектакля. Она была пуста. Одинокая фигура маячила меж берез. Это был Любимов. Он держал в руках мой реквизит, ковыль-траву, и бросал ее в то место, где она должна была точно втыкаться и замирать в безмолвном освещении. При этом Любимов крестился на поднятую на березе золотистую колоколенку. Он был один. Он был коммунист. Он молил Бога, чтоб новый министр пропустил в жизнь «Живого», дважды запрещенного прежним министром, которая говорила, что «с этого началось в Чехословакии (события в Чехословакии совпали с репетициями нашего спектакля), и вас за этот спектакль судить всех надо». Но новый министр, Демичев, оказался еще бдительнее первого и отпел наш спектакль чужими руками и устами (в буквальном смысле!) и постановлением, которое предписывало спектакль закрыть, декорации списать, чтобы возврата к этому спектаклю не было никогда. Этот день не стал буквально «русской кисти первым днем», и я вспомнил покойную бедную бабку в Вишняковском храме.

Любимов:

— Так вот, спектакль репетируется. Теперь я тебе могу точно сказать, как надо играть. И, пожалуйста, сыграй так. А то ты играешь ни два ни полтора. А это хуже всего.

— Стих требует воздуха, строфы — широты...

Сон. Камин. Половина — идет снег, а половина горит. Снег идет и не тает. В камине дует, сугроб, и полыхает пламя. Театр замечателен тем, что в нем все можно, только надо придумать форму.

Шацкая о Дупаке:

— Я одна против него голосовала.

Золотухин:

— Он тебе одной дал две квартиры.

Вся репетиция прошла под знаком чтения моих дневников. Хохоту, хохоту! Надо ставить «Театральный роман», — заключил и не один раз повторил Любимов.

30 марта 1989 г. Четверг

Губенко:

— Я поздравляю вас, Юрий Петрович! Моссовет продлил вам квартиру до 1989 г.

Любимов:

— Бабушка в католической вере, а мама по Старому завету

жила. Когда я прочитал и углубился в «Доктора Живаго», то понял, что я — христианин. И всем, даже жизнью, обязан христианству.

— Валерий! Тебе дополнительная нагрузка. Надо привлечь Ваньку, Леонида, людей, владеющих пером, по мотивам «Записок покойного», а у нас авторы — замечательные покойники: Булгаков, Трифонов, Абрамов.

— Олег Ефремов избегает меня, потому что писал: он не понимает, почему вокруг «Таганки» столько шума и восторгов.

Вот характер: ему Ев. Симонов плакался, интимные вещи рассказывал про жизнь свою и театра Вахтангова, а Любимов «по всему свету».

31 марта 1989 г. Пятница

Любимов:

— Такое впечатление иногда, что наш народ махнул на себя рукой.

1 апреля 1989 г. Суббота, утро, кухня, мои спят

Любимов:

— Тебе, Валерий, надо витамины принимать, ты так много работаешь. Вот там, у них, есть такие чесночные ампулы — с утра две проглотил, они всю кровь очищают. Обязательно принимай витамин С. Мне с вами приятнее репетировать, чем там, но тяжелее в пять раз.

Матери моей Матрене Федосеевне через неделю 80 лет исполнится.

4 апреля 1989 г. Вторник

Перед репетицией мини-собрание в комнате отдыха. Губенко заявил, что из-за саботажа трех ведущих артистов, Бортника, Золотухина и Демидовой, он вынужден оставить театр. Любимов: «Вишневый сад» — средний спектакль без концепции, разрушающий эстетику данного театра, вредный. Разделил Бортника и Золотухина. «Он ведет репертуар и работает как лошадь».

Демидова попросила Н. Н. объяснить слово «саботаж». Ряд обвинений в адрес Демидовой, но это по-другому называется — саботаж есть саботаж. В общем — тоска. И опять мой старый вопрос: зачем кокетничать с шапкой Мономаха? Ему хочется смыться из этого дерьма, но смыться так, чтобы обставить это причинами вескими, свалить все на обстоятельства. Это подло. 8-го собрание общее, скандальное, очевидно, Губенко будет ультимативное заявление делать.

У меня вообще какие-то резкие подозрения по сегодняшнему заявлению Николая. Такое у меня впечатление, что он снова решил с театром завязать. К тому же Филатов ему в том союзник. Мне кажется, во-первых, они не верят в шефа и в возрождение чего бы то ни было. Потенциала они не видят ни в Любимове (все его опыты за границей, судя по видео, не сулят ничего хорошего), ни в труппе.

Я не понимаю, куда клонит Коля? Выходит, Любимов берет театр, становится его руководителем — значит, ему возвращают гражданство!! А Коля умывает руки и хочет сделать это как можно скорее?! Ленька хочет ставить кино. Они, мне кажется, расстанутся с театром после «Маленьких трагедий». А Любимов заражен идеей «Театрального романа» на судьбе «Таганки».

5 апреля 1989 г. Среда, мой день

Продолжение размышлений, ночное бдение. Поиск конфликта такого, чтобы оставить груз виновности на партнере, в данном случае на театре — труппа, директор и пр. И тут годится все, как равно и подогревать все, — и то, что Любимов не находит места для самостоятельной работы Губенко, и пьянство Бортника-Золотухина. Но ведь, я думаю, и Любимову самое время взбрыкнуть и смыться. И еще надо снимать Жанну, писать сценарий, делать кино. А выяснять, кто в театре главный, тянуть глупые обвинения на Демидову, высасывать из пальца конфликт с ней... Ну, не нравится вам «Федра», Бог с ней! Ведь пригласили ее на флорентийский фестиваль — отпустите с миром.

6 апреля 1989 г. Четверг

Я прочитал протокол заседаний худсовета, с партбюро и месткома, по поводу хозяйственной деятельности Дупака. Чего Коля Губенко добивается — не могу понять! По-моему, этот документ — шедевр мракобесия, узкомыслия, узколобия артистов. Злобное нежелание понять, хотя бы сделать попытку вникнуть в заботы и труды другого, уж не говоря о полном неуважении, наплевательском отношении к личности директора, да просто к человеческому организму. Они запретили ему строить, например, культурно-театральный центр на Таганке, гостиницу, концертный зал в церкви (в рабочем порядке можно было отказаться от концертного зала, но хотя бы привести благовидный предлог, если уж вы говорите: «Дупак кощунствует»). Как будто он это делает для своей семьи! Дупак реорганизует площадь или за счет доходов театра, или за счет заработков артистов. Этот документ надо опубликовать — это верх ханжества, негосударственного взгляда на вещи. В конце

концов, у каждого человека есть хобби. Губенко кино любит снимать, а Дупак — строить. Ну и что?

Губенко хочет стать директором при Любимове. Такую версию Ракита Ивану выдал. А Ракита, имеющий дело с подслушивающей и снимающей аппаратурой, может ошибиться не намного.

Мне надо поменять образ жизни, например, записаться в бассейн с Сережей. Тамара: «Не до бассейна». А завтра надо сходить в церковь с утра, помолиться, а то что-то душа заскорузла и много грехов накопилось.

Надо что-то придумывать, так жить скучно. Пельменная рухнула. Ну ее к черту! С другой стороны — не пишется. Вот загадка. А не пишется потому, что не пишу.

Генерал Михайлов — кто такой?

7 апреля 1989 г. Пятница.

Любимов репетирует «Доброго». Замечательно.

13 апреля 1989 г. Четверг

Собирается уходить Дупак — откровенная травля.

А с утра опять разговоры о том, кто разваливает театр. Актеры?

— Это риторический вопрос, и ответ на него вы знаете сами.

— Он один на весь мир такой, Шнитке. Что о нем говорить!

— Представьте: на Красной площади стоит стол, а вокруг бродят Сталин, Ленин... Вся кремлевская стена зашевелилась, воскресли и разломали.

14 апреля 1989 г. Пятница

Любимов хочет устроить скандал с «Вечеркой». Нарушена хронология — Эфрос принял театр в марте, а Любимов лишен гражданства в июле-августе. «Я соберу иностранных журналистов и устрою скандал».

17 апреля 1989 г. Понедельник

Возникла идея назначить на Скупого и Сальери Гафта, но потом Ваньку все-таки включили в игру. Губенко отказывается в этой игре участвовать. А что делать?

Моя крестьянская безропотность.

Странно, но моя семейная канитель дает мне силы репетировать, дает эмоциональную палитру. Что это? В самом деле — безбожная профессия, дьявольская. Господи, спаси и помилуй! Дай легкости, дай скорости!

19 апреля 1989 г. Среда, мой день

Сегодня «Живой» — помоги нам Бог! А вчера Панин на стакан словил и 200 руб. на гараж выманил.

Очень тяжелые времена, физические нагрузки велики. Бортник снова не пришел. Любимов предлагает подать ему заявление самому. Дупак заявил, что он уходит — в таких условиях, с таким к нему отношением он мириться не может. Я считаю эту акцию против старого директора вопиющей безнравственностью.

21 апреля 1989 г. Пятница

Кто-то меня сглазил. «Не я», — говорит Любимов. А сам, узнав, что Ленька ложится в больницу, показывая на меня, сказал с восторгом: «Но он ведь не ложится?!» А теперь у меня правая связка по краю кровоточит. Нельзя по телефону даже говорить. Короче — не играю сегодня «Годунова» и отменен «Живой» 23-го. Пойдет в день юбилея «В. Высоцкий». Это даже лучше. «И я там каким-то краем задет», — сказал Любимов.

По случаю грядущего юбилея театра всем алкоголикам объявлена амнистия!! Но по поводу Греции какие-то у Ивана подозрения существуют. Какая же это тогда будет амнистия?

27 апреля 1989 г. Пятница. Сцена

Что мне взять в Грецию? Какую поклажу?

«Гитлер, Лысенко, Иосиф — вся эта помесь и есть Сальери».

— Как вас потрясло, что сделали с Эфросом, — так меня потрясло, что вы не явились на юбилей, хотя бы на час! — первое, что мне сказал Ю. П.

И тут до меня дошел весь смысл их священного гнева. Как со мной разговаривал Филатов! Бог мой! По какому праву? А теперь ясно — всех возмутила моя анкета, и я подкрепил это неявкой. Анкета моя — вызов. Я знал, что напишут и какие ответы приготовят мои коллеги, и не ошибся. Как будто под копирку. Ванька говорит — твои наиболее независимые ответы. А славословий хватает.

Любимов:

— Вы человек пишущий, умный. Вы со мной очень лихо разговаривали из Парижа, так разговаривали, что ого-го!..

«Умный» про меня — это впервые за 25 лет, это новое.

— Коля отпихивает. Воротит морду и никого не слушает. Я так разочаровалась в нем. Доработать до пенсии, а подработать я найду где. Пусть работает с кем хочет. — И это говорит кто! Боготворившая его Вера Гладких, старая, добрая театральная крыса-реквизитор.

После ленча шеф совершенно в другом настроении. Наверное, убрали Дупака. Какие-то приняты решения, устраивающие обоих.

30 апреля 1989 г. Светлое воскресенье

Христово воскресение!

Мы летим в Афины. Самолет выходит на взлетную полосу.

Губенко:

— Ты что, всю жизнь будешь посредником Бортника? Два дня ни Любимов, ни я не можем ему дозвониться. Сам он почему-то позвонить не может, то есть я знаю почему. Это ведь твоя инициатива, а не его.

Приедем с гастролей — будем разбираться с ним, чего сейчас говорить. А мне надо настроиться писать, писать, писать...

Аллергия на коллектив. Дупака выпирают жестоко и беспощадно. И я подумал, хотя гоню эту мысль: а не подать ли вслед за Бортником заявление об уходе и мне? Игра сыграна, сыграл Кузькина, состриг купоны, теперь бежим... Но об этом говорят совсем люди разные: и Гладких-реквизитор, и Глаголин-советчик.

На бедную, мертвую голову Эфроса каких только не льется домыслов и клеветы! И в каком это контексте все преподносится! «Вступил в сговор с Гришиным». Да если б он вступил в сговор с Гришиным, то он в первую голову пролил бы кровь на Бронной и взял реванш над Дуровым и Коганом, а не удалился бы, оплеванный и дерьмом обляпанный, с Олей-пассией.

А Колины заслуги, как организатора, велики. «Благодаря ему я здесь», — сказал мне Любимов, когда я вдруг вспомнил и спросил: «А почему мы не играли 23-го „В. Высоцкого“?» — «Это Н. Н. решил. Хотите — спросите у него. Он руководитель. Я не смел настаивать — благодаря ему я здесь».

Глаголин слышал такую фразу от Любимова: «Он (то есть я) сорвал нам 25-летие, он саботировал, не играл спектакль, напился и не явился вообще».

А Колины заслуги велики. Он улучшил «В. Высоцкого», он собрал «Годунова» и выдрессировал круг. Если бы не он, то есть не его энергия, потраченная на приезд Любимова, не видать бы мне «Живого» как своих ушей.

А на вопрос вчера в Ярославле — почему я не ушел из театра вместе с Филатовым, Шаповаловым и Смеховым — надо было ответить так: «Они не верили в возвращение Любимова, а я верил и ждал». Кстати, Ванька тоже в возвращение не верил, и в письме к Горбачеву его подписи нет.

Поэтому я говорю себе: «Не лезь в бутылку, старик, не лезь в

бутылку! Бери ноги в руки и дуй до горы — учи и шлепай Дон Гуана, это и будет твой ответ лорду Керзону. Твое дело играть и сгонять лишний жир».

А вдруг они сейчас прилетят с Ванькой? Может такое быть!! А почему нет? Я почему-то верю в сокрушительность Губенко. По билету Дупака привезет он Бортника. Хотел поделиться с Борисом этой мыслью — нет его, поехал встречать начальство.

1 мая 1989 г. Понедельник. Афины

Прочитал 17 страниц Замятина. Что-то могучее и ошеломляющее мне предстоит прочитать. От самой первой страницы — шок.

В 11.00 Губенко всех собирает в театре.

Я недоволен состоянием голоса, хотя в Ярославле, отработав два часа, пел «Мороз» звонко. Что такое?! В Афинах думаю все-таки отдохнуть... «10 дней» практически первый зонг, первый выход с гармошкой, мои песни трудные, а потом семечки. После «Годунова» и «Живого» это курорт. Но не будем загадывать.

Любимов опять повторил, что он и Н. Н. были категорически против этих гастролей, но «мне сказали, что коллектив этого не поймет, только поэтому вы здесь».

Эта игрушка-диктофон, кажется, у меня хорошая. На довольно приличном расстоянии пишет, и разборчиво. Надо научиться пользоваться ею, чтоб техника трудилась, а не простаивала на полках, не пылилась. А сейчас приехал я от замечательных девушек — сестер старушек, куда повели меня Катя и Лида. Накормили нежнейшим козленком и только что выжатым чистым апельсиновым соком. Девушки пили водку и вино, и старушки почти не уступали, пустились в танцы, в вальсы и чисто и грустно пели русские и советские песни. Оля была командиром в семье, когда приехали из СССР в 39-м г. Под бомбежками строили дом — люди вокруг смеялись, а дом и сейчас стоит. Купили участок и начали строить. Ох ты, Господи! Проводили меня до остановки. Оля сунула мне 500 драхм на мелкие расходы. Так я начал свою жизнь в Афинах — первый день пролетел на халяву. Да какую, еще и денег дали!

Николай Н. перед разговором поинтересовался, как мы устроились. Я поделился впечатлениями от тараканов. Любимов подтвердил, что в Средиземноморье все насекомые увеличились в 50 раз.

2 мая 1989 г. Вторник

Что он несет по телевизору (и некоторые восхищаются?!), что он нес опять в посольстве вчера, все ищет какого-то стрелочника

— «мы еще выясним, из-за кого мы привезли к вам сюда это развалившееся старье!». Стыдоба! Стал изображать Брежнева: «Не приходя в сознание, Костя Черненко, мой камердинер...» Кому он пудрит мозги? «Хватит Афганистана с вас...» Для кого он это говорит?! Для Максимова Володи? Мы-то тут при чем? Чего ты нам глаза тыкаешь Афганистаном? «Вы довели страну, вы довели театр...» Когда я вообще прекращу диалоги с ним?!

Не знаю для чего, но Николай очень хвалил мое выступление (стихотворение «Королева», из вагантов) в посольстве:

— Это что, ты импровизировал или у тебя это отработано? Но здорово, спасибо!

— Да, по самому краю прошел, — поддакивал ему Венька.

Я не был приглашен вчера на прием к Милене Меркури, министру, — это вообще нонсенс. А уж секретаря парторганизации Глаголина вообще игнорируют.

— Ты, Боря, помог расправиться с Дупаком, теперь они расправятся с тобой. Со мной, пока я в форме, у них расправиться руки коротки, да я и не боюсь их. Примут в СП, я подам заявление о переводе меня на разовые.

Жалко, что я впутался в игру с «МТ», за это надо отвечать, то есть надо сыграть хорошо, и это долг чести, перед Любимовым прежде всего, несмотря на всю скотскость положения. Но актер за главную роль и отца родного продаст, «ради красного словца не пожалеешь и отца». Ради красного словца Любимов перевирает всю свою биографию.

Шеф наблюдал за мной, как я реагирую, а я — за ним. Кажется, мы остались довольны друг другом. Над Фарадой он смеялся до слез, снял очки и долго вытирал глаза платком. Сегодня пресс-конференция.

Это поразительно, как Коля любит командовать и распоряжаться. Ефимович пьет чай, а Коля полицейским тоном:

— Господа артисты, автобус подан и ждет вас!

В автобусе:

— Завтра автобус на пресс-конференцию. От отеля «Король» в 11.45, от отеля «Есперия» пешочком...

Зачем ему этим заниматься?! На кой ляд ему это администрирование?! У него же штат послушников. Везде сам! Сам за все! Сейчас на пресс-конференции попробую двойную запись, пером и на пленку. Что верней окажется? Ясно — перо.

Какая поразительная связь. «Огонек» опубликовал рассказ Замятина. Публикация из запасников Богуславской. Богуславской с Вознесенским вместе 1000 лет. В романе «Мы» много Вознесенского. Андрюша поет о Пастернаке, а ворует у Замятина.

Милена Меркури говорит про нас. Любимову на ухо

переводят.

Любимов:

— За чрезвычайное гостеприимство теперь нам надо расплачиваться своими очень старыми спектаклями. Так случилось, что я не участвовал в переговорах, я бы изменил репертуар... Н. Н. очень много сделал для того, чтобы я был здесь на премьере «Годунова» и «Высоцкого».

Губенко:

— Два года жизни потратил на возвращение Любимову гражданства и уверен, что так оно и будет.

Любимов, уходя, Машке, явно для меня:

— Да почему я должен изгаляться перед вами?! Я восемь человек не могу собрать на репетицию. То одного нет, то другого. Да что это вообще, о чем вы думаете, что вы себе позволяете... по отношению ко мне?! Я это почувствовал еще на «Живом»... К вам это не относится, нет, Маша. В этих вопросах я очень жесткий, очень жесткий. Нет-нет...

Я невольно оказываюсь в роли подслушивающего их личный разговор, но она говорит тихо. Потом он видит меня и повышает звук, чтобы я слышал все отчетливо.

Любимов поставил мне на вид выступление с «Королевой». Ну, рассказал анекдот, но потом должен был сделать что-то серьезное, сказать: «В стране такое творится, а мы все делаем вид, что ничего не происходит». Боже мой, а сам-то что он нес, уж лучше бы анекдоты рассказывал!

3 мая 1989 г. Среда, мой день

До начала четвертого сидел Любимов у Додиной. Весело выпивал, весело ел. Говорили все много — худсовет какой-то. Значит, было и в самом деле не по гипотенузе, а по двум катетам.

Вместе с репетицией Любимов успевает все объяснить, доказать.

— Мы с Николаем Николаевичем были против этих гастролей. Поэтому я заявил: если поедет Дупак, моей ноги в Греции не будет. То же самое я скажу господину Критасу, что есть авторское право и репертуар надо согласовывать с автором, то есть со мной. Но господин Критас, как тень отца Гамлета, от меня прячется. Я это наследство принял от Дупака и расхлебываю его. В театре есть экстремистские группы, которые были бы рады избавиться от меня. Им было бы спокойней жить и заниматься «кувейтами» и своими делами.

— Я считаю такие беседы перед премьерой полезными. Потому что они возникают спонтанно. Вы знаете, с какими лозунгами солдаты расправлялись с демонстрантами? «Это вам за

вашего Сталина!» — и саперной лопаткой по голове ребенку. «Это тебе, сука, за твоего Сталина!» — и сапогом в живот старухе. Во!! Кто их научил и чем опоили этих молодых головорезов?

Вот под эти мелодии еврейских кварталов мы и репетируем премьеру.

Мне хочется скорее закончить эту счастливую и противоречивую тетрадь. Тетрадь, в которой записаны репетиционно-премьерные дни «Живого». Так и назовем эту тетрадь — «Живой».

Начал я ее 15 декабря 1988 г. в Стокгольме. 4 месяца она писалась, да разве писалась? То гастроли, то пьянки. Но была завязка крепкая, и даже на премьере «Живого» я не выпил, а сел за руль и уехал с Тамарой домой. И это было правильно. Но потом начались срывы за срывами, и закончилось все омерзительным апрельским грехопадением. Теперь надо набраться сил и подвиг «Маленьких трагедий» осуществить. Или погибнуть.

Я не ожидал такого успеха «Живого», он меня оглушил и ослепил. И я потерял ориентацию. Но все же устоял на ногах, хотя с радикулитом. И не пишется. Да разве может писаться, когда душа и голова вместе с сердцем фанфарами забита была?! И до сих пор.

«Только ради вас приехал».

Надо сходить послушать, чего он опять остановился и о чем морализирует. Ну, чего злиться-то теперь, ну приехали, ну деваться-то некуда. Так давайте хоть радость друг другу устроим.

Почему шеф злится и поносит Критаса заодно с Дупаком? Я так полагаю, что в планах Критаса семья Любимова не была предусмотрена. Все переговоры шли через Госконцерт, а как могут граждане Израиля поехать за счет СССР?! Только за счет принесенных в жертву граждан СССР, которые после «10 дней» будут отправлены домой. Гостиничные и суточные расходы, им причитающиеся, пойдут на оплату Любимова и семьи. Никакого гонорария Критас Любимову, разумеется, дарить не собирается, тем паче что он (Любимов) обидел Дупака, к которому, как я понимаю, Критас питает уважение. Вот и нет у нас ни автобусов, ни культурной программы. И сколько бы ни говорил шеф об авторском праве — в контракте это не записано. Все дело рук Коли Губ.

4 мая 1989 г. Четверг. Утро

Любимов, в антракте:

— В общем, молодцы, подтянулись. Каждый спектакль нужно

так играть, а не только за границей. Накладки со светом я должен завтра устранить и спектакль дотянуть. Гастроли не организованы, рекламы нет... Идет пасхальная неделя. Многие еще не вернулись в город. Поэтому мало народу.

Он плясал с нами на улице, подпевал. Видит Бог, я люблю его, что делать?! И как жалко, что я ему доставил такое огорчение на 25-летие. Прости меня, дорогой Ю. П. Прости меня, Господи! Избавь меня от злополучной страсти!

12 января в Красноярске я записал: «Так и хочется услышать от Любимова: ну что ж, Валерий, время пошло тебе на пользу». И я эту фразу, подобную и еще лестнее, услышал от него; он мной гордился, а я оскорбил его и своим отсутствием, и анкетой, которая выплюнулась из-за постоянной внутренней полемики с моими коллегами. И, если не лукавить, от некоторых жестоких определений в адрес Эфроса и периода его руководства театром. Это несправедливо вопиюще. Потом расправа над старым директором — к чему?!

Но тут не лезь, в этих делах Любимов человек жесткий, неумолимый. Характер унять и подчинить его обстоятельствам он не может, не хочет, не будет — даже сделает все наоборот.

Любимов требует, чтоб советник по культуре немедленно связался с Критасом и чтоб Критас нашел срочную возможность встретиться с господином Любимовым. Или с представителем фирмы. Похоже, нас все послали и глядят со стороны, чем все это кончится. Министр не знал, какой репертуар мы привезли. А ей плевать, у них другие порядки. За все платит Критас, он и заказывает музыку. А наши-то вид делают, что не понимают.

Тамара говорит: «Твоя лучшая роль — Мизантроп». Читая про Т., я вспомнил... у меня защемило сердце, я ахнул от реальности — неужели я больше никогда не сыграю сцену с Селименой-Яковлевой? Какое блаженство, какое счастье я испытывал в удачные дни! И этого уже не будет! Не будет никогда! И этой нежности уж более не суждено вновь произрасти во мне? Неужели я никогда более не выскочу на авансцену и кому-то конкретно не скажу: «Я знаю, что любовь не терпит принужденья, непредсказуемо ее возникновенье. Насильно, как ни тщись, увы, не будешь мил...» Ох, какая жалость! И не увижу глаз моей удивительной партнерши?!

За «улицу» Любимов похлопал меня по спине и сказал «спасибо». Мы наладим взаимоотношения работой. Тренирую стук на «10 днях» и под него текстуру укладываю. Сейчас придет Никита со стимулятором — лекарь поневоле.

Господи! Как мне хочется сыграть «Мизантропа» с Олей Яковлевой! Господи, сделай что-нибудь!!

Не потому, что спектакль старый, не хочет возить «10 дней» Любимов. А потому, что он был за красных, а теперь за белых. «Били буржуев на разных фронтах!» — пою я, а он мне в ухо: «Зря били!»

6 мая 1989 г. Суббота, после завтрака

Губенко:

— Заканчиваю гастроли и ухожу из театра в свое любимое кино.

Любимов:

— «Театральный роман» будет не о каком-то МХАТе, а о нас с вами.

Он часто говорит о «ТР». Ему хочется поскорее отделаться от «МТ».

7 мая 1989 г. Воскресенье

С галерки вчера крикнули министру: «Что же вы принимаете такой театр в курятнике?» Милена не ответила, сказала: «Давайте лучше поприветствуем гениального Любимова». И тут же в антракте состоялся маленький митинг. Венька все это опишет в «Московских новостях». Он день и ночь строчит отчеты. Губенко, по-моему, и взял его как собственного корреспондента.

Богина от Кузи передала: Филатов в окружении Горбачева едет в Индию. Это значит — я должен покрыться чешуей от зависти и кусать себе локти — как мой сокроватник высоко взобрался. Теперь и думать нечего его достать. Так я, по их мнению, должен переживать. И я переживаю — в Индии хочется побывать.

Опять Любимов про Критаса и Штреллера:

— А как Штреллер нас вперед ногами вынес со спектаклями Эфроса?

И тут я все-таки впилил:

— Он не один десяток вперед ногами вынес. Он такое молол...

— При чем тут «молол», он — великий мастер.

— Я говорю не о его делах, я говорю о его словах.

— Да разве можно артиста судить по словам! Артиста можно судить только по его делу, по тому результату, что мы видим на сцене. Мало ли что артисты говорят!

Собственно, ради этого откровения я и намекнул на то, что Штреллер много молол, и не исключено, что и про вас, уважаемый мэтр. Я думаю, Любимов понял, что молоть надо осторожно.

8 мая 1989 г. Понедельник

Я не знаю, что за тип Любимов, но это великий человек, это великий характер. Нет, он так просто не отдаст свой театр, свое прошлое, настоящее. Он как проклятый, прикованный Прометей, по 7 часов не вставая из-за пульта, репетировал, и действительно репетировал, внося новые и новые коррекции.

Это уму непостижимо! Сколько сил, терпения, а значит, любви. Любви! Без нее у него бы ничего не получилось, он бы выдохся и сдох. А он все пять спектаклей выходил с нами на улицу, плясал, пел. Он тащил своим примером нас не хуже, чем своей волей, фантазией и режиссерской нагайкой. И труппа встала вчера перед ним, аплодируя, и я с таким чистым и благодарным сердцем, как никогда, любовался им и рукоплескал. Пантомимистка преподнесла ему букет гвоздик.

Он сказал:

— Мне это очень дорого от коллег получить. От зрителей мы привыкли, а от своих получить — это...

18 мая 1989 г. Четверг

Накануне Любимов угощал меня икрой и сыром с барского стола, спросил: «Сколько ты дней не пьешь? Только честно! Три? Ну вот, на тебя приятно смотреть».

Горбачев с Филатовым в Китае, вот куда прыгнул Ленька!

24 мая 1989 г. Среда, мой день

Я ждал, хотел записывать, а он (Любимов) даже не намекнул на радость возвращения ему гражданства СССР. Значит, не в радость ему этот акт половой. Формулировка — «по просьбе». И все молчат.

25 мая 1989 г. Четверг

Началась битва на съезде. Но что мне до нее. Господи, спаси и помилуй меня грешного! ГАИ — 21-й км покоя не дает. Как мне справиться с ними?

Очень смешной рассказ N., почти анекдот:

«Пригласил он мою подругу, журналистку. Сводил ее в ресторан, привел домой, постелил постель, легли. Он ее всю вылизал, обсосал, как они называются, эти... лекальщики, лакальщики, лекалы... Она говорит: „Савва, мне ты сделал хорошо, а себе... сам-то как... ты же сухой... не кончил“. Савва: „Чтоб я на тебя еще и сперму тратил? Я и так потратился достаточно!“ Вот как — спермы глоток на девочку пожалел...»

Губенко советовался, спрашивал: можно ли соглашаться на два-три спектакля в день. Дополнительный гонорар получаем и

на троих делим. Согласился, семь бед — один ответ.

Губенко говорил о неготовности «МТ», о том, что не надо торопиться выпускать. Он будет говорить с Любимовым...

Любимов:

— Свиньи родятся без глаз, коровы — без ног. Какие же дети могут получиться?! У женщин берут подписку, чтоб они не рожали. У родственников их не прописывают, и они возвращаются в свои зараженные места.

Вчера похоронили Товстоногова. Ушел на 76-м году замечательный мастер. Царство ему небесное! И о нас, «Таганке», успел доброе слово сказать. Господи! Как не хочется падать с «Маленькими трагедиями», но, кажется, это придется сделать.

«День шестого никогда» — пришли гранки. По первому прочтению немного расстроился, какое-то неудобное, некомфортное ощущение, но сейчас успокоился. Нормально. Эта корявость имеет свой смысл. Пусть будет так. А вообще-то можно с этого света уходить. Лучшего я ничего не сыграю, да и не хочу. Сына бы еще одного родить и внуков дождаться. И все дела мои земные на этом закончить можно. Что может помочь мне в Дон Гуане? Трезвое понимание, что это простая ординарная, ежедневная работа, что это не подвиг Самозванца, что это не кузькинская вершина. Это рядовая, черная работа, которую надо выполнять честно, в меру отпущенного для этого мероприятия таланта. И готовиться к провалу и нехорошим рецензиям — смешают они с дерьмом меня. А те, кто обрушился на меня за Гамлета, восторжествуют. «И он смел претендовать на роль принца Датского!» К этому надо спокойно подготовить свою голову, сердце, душу, ум. Я делаю это ради Любимова, я ему многим обязан, и я разделю с ним успех и неудачу, и свою и его. Я, наверное, выпью сегодня с Фоминым. Хочется проститься с учителем славно. Димка отвезет. Или такси заказать? Но выпить надо. Фомина я люблю и обязан ему многим. Поводырь!

Любимов резко начал утро. По мнению Демидовой, Катя узнала и недовольна решением президиума о гражданстве. Мне же его настроение показалось результатом беседы с ним Николая о неготовности и преждевременности премьеры.

5 июня 1989 г. Понедельник

Чуть не забыл, что Денису завтра 20 лет. Это уже серьезно.

После первого акта шеф сказал: «Лучше, намного лучше». Потом был банкет, и Любимов с Катей были мрачны. Петька сказал, что у них дома итальянская еда — она вкуснее.

После этого все трое покинули банкетный зал. Утешал я себя все эти «премьерные» дни тем, что выпивал и играл Дон Гуана.

Если я выпивши его играю, то трезвый тем более...

8 июня 1989 г. Четверг

Что меня ждет в Москве, в театре? Надо с Любимовым контакт наладить. Я знал, на что шел.

Губенко успокаивает меня:

— Хорошо, Валерий, в самом деле хорошо! Наглей, наглей все делай — и будет еще лучше.

Уж куда наглей: Золотухин — Дон Гуан!

9 июня 1989 г. Пятница

На рынке человек, продающий курагу, сказал, что вчера вечером киргизы начали войну с таджиками. Так, кто следующий?

Втянут Россию — и понеслась новая гражданская. Господи, не карай ты народ мой! Сотвори, и примири, и подскажи выход к хорошему, хорошие пути.

Совершеннейший сумбур в голове — как и где провести отпуск, что делать, что писать главным образом. Надо за июнь с писаниной разобраться.

Но что делать, если я был занят Кузькиным и Дон Гуаном?! Или это не засчитывается? Я сделал фильм про себя и про песни! Ну, покажут осенью, ну и что? Если Любимов не выкинет чего-либо.

Что я суечусь? Завидую, что Ленька будет снимать фильм по своему сценарию, а у Шахназарова играть царя нашего последнего.

Ну и дай Бог ему удачи! Зато у меня есть грустный мальчик Сережа, у меня есть душа, еще не совсем заросшая мхом... Я еще держу ремесло в руках, и мне повинуется мое тело.

Еще Бог не забыл про меня. Значит, мне жаловаться и горевать нечего. Надо работать и быть веселым. «Сохраняйте веру в себя при самых плачевных обстоятельствах — всегда будете в хорошем настроении».

Губенко хочет постепенно сдать театр Любимову, а тот не хочет брать.

Желдин по поводу Губенко:

— Вы театр 60-х реабилитировали, этот театр кончился, вам из него надо уйти.

«Пригласить в другое помещение». «Сохранить для русского искусства». «Чистка Авгиевых конюшен». «За три месяца он впервые сел в свое кресло».

10 июня 1989 г. Суббота

Ну вот. Мать с Тоней не приедут, не собираются, а я вздумал планы свои с их приездом связывать. Думать надо. Они еще купили дачу — тесовый дом трехкомнатный, стол точеный. Мать боится — в Москву увезу. Она рада-радешенька, чуть ли не пляшет у телефона. «На природе побываю — вылечусь. На диване лежу — на портрет твой гляжу, супротив на стеночке. Книжечку возьму твою почитаю, газетку разверну, где тебя хвалят, а ты там так напиваешься, я ведь горжусь тобой. Не надо, сынок».

13 июня 1989 г. Вторник

В театре идет бурный худсовет — обсуждают уход Губенко. Выскочил совершенно потерянный, панически расстроенный Ефимович: «Он уходит! Что это такое? Сделайте что-нибудь!!» Нет уж, теперь делайте вы. Надо было для этого выкручивать руки Дупаку! А Коля уходит вовремя... для себя. Биографию себе он сделал — великий гражданин, положил два года на возвращение гражданства Любимову. Теперь давай, дядя Юра, запрягайся по 24 часа в сутки и вытаскивай свое детище. А то тебе за границу хочется, а то тебе заграничной пищи не хватает и условий жизни... Так, дорогой мой, все здесь к твоим услугам, и над тобой не только Демичева, а и Дупака нет.

11-го были в Барановичах. Отказались работать на этом дурацком стадионе — холод, ветер. Мы вернулись бы калеками. Вместо того мы сидели у меня в номере, пили коньяк и давали Веньке урок морали и нравственности. Но с Веньки как с того гуся вода, и больше ничего. Хоть согрелись коньяком и какой-то славной бастурмой или ветчиной. Обратно ехали все вместе, в одном купе. Я на верхней полке.

Это ничего, что я кручу своей жизнью так, что непонятно, чем я в ней пребываю и как гляжусь со стороны. Бог со мной. Со мной ли? Хотя с другой интонацией записано это... «иронически подан Золотухиным Дон Гуан» — вот и все, что я заслужил от критика за свою игру. Но еще не вечер. Еще не сыграл я свою игру. Завтра попробую. Спектакль оценивается по первым откликам как явление художественное. Это главное. Я ведь и шел в него, зная, что не сорву славы дополнительной, а исключительно за-ради Любимова. Помог ли я ему? Не знаю, но как умею, так и играю, по-другому будет завтра. Господи, сподобь! И партнеров моих.

Вечер. Смотрели «Последний император». Гулял. Звонил. Волнуюсь перед завтрашним днем. А чего волнуюсь? Вперед и с песней понаглей, да повеселей, да позадиристей-похулиганистей. Подумаешь, не Боги горшки... И дуй до горы. Говорю то, во что сам не верю.

15 июня 1989 г. Четверг

Нас обокрали. «Маленькие трагедии» продолжались дома. Но настроение гадкое из-за спектакля, роли и пр.

Приехали домой — квартира на цепочке. Позвонили, покричали: «Мама!» Я понял, что это кража. Побежал за дом к окну кабинета-спальни — окно настежь. Пошел в милицию напротив. Много приехало милиции, старшина залез в окно, впустил в квартиру — видео на полу, в шубный шкаф не лазили. Собака довела до Профсоюзной. Мы выложили грабителям все на блюдечке, оставив фрамугу в кабинете открытой — свежий воздух нужен. Взяли магнитофон, кассеты, деньги, где обычно они у нас лежат, злато-серебро, магнитофон «Тошиба», адаптеры. Не так жалко, как мерзко и противно на душе. Мы их, очевидно, спугнули. Ничего, конечно, у нас не застраховано — Тамаре все некогда домом заниматься. Хорошо, я днями отнес 2000 в кассу. А на душе осадок от Гуана, от разговора с Тамарой, Таней Гармаш. «Ваня понравился, Лена очень понравилась, очень понравилась ваша сцена с Лаурой, очень». После первого акта меня хвалила Галина: «Лихо работаешь!»

22 июня 1989 г. Четверг. Цюрих

И над постелью висит Ирбис. Ну надо же, а?! Судьба. Леопард? Господи, спаси и сохрани!

23 июня 1989 г. Пятница, отель «Флорида», № 409

18-го я отменил премьеру «МТ» — шел «Борис» без меня, я гулял. День рождения встретил в самолете, между Любимовым и Губенко. Год сумасшедшей жизни и в театре, и в личной ситуации, и в стране. Грядет мой апокалипсис. «Годунов» — самый трудный спектакль для меня. Как-то незаметно мне исполнилось 48 лет. Как-то так незаметно, что обидно, черт возьми.

Накануне отъезда звонил мне из санатория Дупак. До того жалко мне мужика и нас, пешек в этой ситуации.

Привычки. Дурные они или хорошие, мне жаль с ними расставаться. Я люблю женщин, люблю остроту обладания, свидания, риска, преодоления страха, стеснения и пр. Я люблю пить портвейн и растворимый кофе. Люблю дерзить начальству и люблю смирение. И болтаюсь между тем, кто я есть, в кого играю и кем хочу казаться.

Ирбис — это снежный барс. Над кроватью висит леопард или гепард. Но это, в общем, неважно — из той же породы.

Маслов! Ну... смешно! Появился сбежавший в Мадриде Леша

Маслов! Прилетел или приехал посмотреть спектакль. Похвально. Ностальгия? Или показать нам: мол, ребята, я в полном порядке. Костя высказал забавную версию: сын полковника КГБ просто заброшен таким образом внедряться в Европу. Талантливый актер, выучит языки и лет через 5 выйдет на связь.

24 июня 1989 г. Суббота, утро. Цюрих

— Вы хорошо играли, — сказал Любимов на поклонах.

Прием был ошеломительный. Зал огромный, битком набитый.

Это бред какой-то, а не жизнь. Хороший бред. Принесли книжки, в том числе Алешковского и Оруэлла. А читать мне некогда, мне надо проехать весь путь от гостиницы «Заря» до Загорска, потом обратно и проснуться 19 июня 1988 г. Я плачу, потому что покупаю то, что у меня украли 14 июня, в день премьеры «МТ».

На пресс-конференции Любимов ни словом не заикнулся о своей труппе, которая, как бы там ни было, служит ему раболепно. Другого слова не скажешь. Разве при другом была бы такая безропотность со стороны всего театра во время расправы над Дупаком. Это что же такое... В том числе и с моей стороны. Только в спорах с ними я защищаю Дупака, а практически... Сказал ли я открыто на худсовете, что заявление Дупака об уходе вызвано возмутительным к нему отношением со стороны руководства и приближенных к нему?

Ну, вот и кончен бал. «Хорошо играл», — сказал мне Любимов и хлопнул по плечу. Вот ради этих слов и подобных живешь, и смысл твоего подвига — в них. Говорят, будто бы сегодня спектакль прошел лучше, хотя голос мой слабо звучал, не было вчерашнего металла. «Das ist fontan» — эта шутка мне удалась, и шефу понравилось. Наши выпивают прощальный стакан вина. Я попросил воды, налили из-под крана. Но здесь такая роскошная, вкусная холодная вода из-под крана, что... хорошо. Ванька весь спектакль торчал в театре — вот манера, ждать халявного стакана. Нет, я не хочу с ним ездить, назойливая муха. А сегодня, говорят, он опять в 4 утра поднял весь отель, матерился и орал в номере. Что же это за наказание! И потом выясняет, почему одним сходит с рук, а другим...

Это унизительно, когда за тобой следят, ловят за руку, как мальчишку.

25 июня 1989 г. Воскресенье — отдай Богу

Губенко записал Ванькину матерщину в автобусе на пленку.

Это документ зверский, в любой момент можно дать любому послушать (Жанне), и для Ивана это может скверно кончиться. Ванька говорит, что он и меня записал, но я в самолете объяснялся ему в любви (а ты меня любишь, Коля?) и говорил, что ему нужно уходить. Обсуждал и Любимова, впрочем, все это...

Господи, дай нам мягкой посадки в Москве! Первый раз из-за границы не везу никаких подарков. Мысли радостные путаются с тревожными, неопределенными. Болтаюсь я по жизни и изменить себя не могу. Все думаю теперь о большой удаче, что предрекла мне Полицеймако как компенсацию за ограбление. И подумал: а может быть, это моя повесть «21-й километр»? Если так — я согласен. Надо думать, отрешиться от всего и писать, писать, пока острота чувств не исчезла. Я сильно звенел, проходя через магнитный контроль на таможне. Девушкам нашим я объяснил это явление так: «Это завсегда я звеню... потому что я больной, больной, больной, яйца медны, х... стальной». Это объяснение пришлось им вполне по душе, было видно по их довольным красивым, молодым, «малышевским» лицам.

Я был поражен и сражен первым Алкиным спектаклем — злая, крепкая, крикливая, резкая. Но я не мог видеть этого со стороны и не знал, хорошо ли это. Вчера она играла обычно, и я услышал реплику Любимова: «По направлению это вернее» — ему эта энергетика по душе пришлась. Теперь она читает «Русскую мысль» от листа до листа.

26 июня 1989 г. Понедельник

Кстати, в аэропорту дали мне газету «Московский комсомолец», где сообщалось о краже в квартире Золотухина. «У таких людей нельзя воровать дважды», «он любим народом» и просьба к ворам: все мне вернуть. Трогательно. Теперь отбою нет от сочувствующих звонков.

27 июня 1989 г. Вторник. Поезд

Я боюсь за безнадзорный почтовый ящик сегодня. Наделать он может непоправимое. Хотя вчера состоялась резкая беседа: «Не читай письма, не адресованные тебе, не слушай чужие телефонные разговоры, не читай чужие дневники, и беда минует тебя. Ты с Шацкой разошелся, потому что она много знала о тебе». Очень может быть. Ах, так? Ну, ловите в другом месте. Это, конечно, не оправдание моих преступных действий против семьи, но и семья, как сказал Заратустра или Магомет, первый враг человека.

Барановичи, № 520. «Горизонт»

«Очарованный странник». Дошел-таки я вчера до Поплавской.

— Зачем тревожите вы мой прах? То, что вы хотите, я играть не буду.

— А что вы хотите?

— Князя, и только князя.

Долго говорили, она мне высыпала мешки больших и маленьких фотопроб — здесь вся картина. На князя утвержден Ростоцкий Андрей. Условились. После сегодняшнего худсовета, по приезде моем завтра, мы созваниваемся и либо говорим друг другу «до новых встреч», либо назначаем на 29-е видеопробу. Думаю, интуитивно знаю — худсовет категорически отвергнет мою кандидатуру, а Ирина найдет, что мне сказать, чтоб не обидеть мое самолюбие. Либо, скорее всего, назначит пробу, чтоб убедиться и потом не жалеть и сказать: «Не вышло и показывать худсовету не стоит». А ролька славная, давно в кино я не играл и хорошо бы в игру вступить, а главное — по срокам идеально. Может быть, эта та самая удача, о которой Машка говорила.

28 июня 1989 г. Среда, мой день

Ходили с Тамарой, хотели отпечатки пальцев снять — сыщика на месте не оказалось. Потом к начальнику вневедомственной охраны — квартиру на сигнализацию поставить.

Мимошедшее время.

Николай не становится Борисом?! Нет! Борис должен стать Николаем, так вот...

13 июня 1989 г. Четверг

РУСЬ ДАЕТ НАКАЗ СОВЕТУ: КАГАНОВИЧЕЙ — К ОТВЕТУ! (Из записки, присланной мне на концерте, где зашел разговор о том, как был взорван храм Христа Спасителя).

Замечательное это занятие — чтение своих писем Тамаре. Вообще это клад, там много дневникового материала. Например, как я играл во втором акте Керенского за Высоцкого. И роман у нас с Тамарой был сногсшибательный. Как мы с Хмельницким и Ноной Терентьевой ездили в Ворошиловград, и он ее учил читать стихи с голоса, а учитель он известный... «Завтра, — говорил, — буду учить ее петь». И везде спрашивал первым делом: «Где буфет?» Как тот еврей, что, прибыв на позицию, первым делом осведомился: «А где здесь плен?»

18 июля 1989 г. Воскресенье

Что же это такое? Не едет Распутин, не едет Астафьев, Белова не отпускают с сессии. А все из-за Егора Исаева, который возглавляет всю шайку. Бондарчук опять с семьей. Коля Бурляев — автор «Современника». Это мне на хвосте сорока Ащеулов принес с утра. Ищу Крутова, чтоб вручить наше корявое, безграмотное письмо. Звоню в Электросталь.

Как мне было страшно сегодня ночью — оказывается, я не хочу умирать, оказывается, я не хочу стареть. Во как!

Симпатии привлек давно
Артист театра и кино.
Талантлив, звание имеет
И ведь еще писать умеет.

Ал. Иванов

Быть может, я сделал какое-то полезное дело сегодня? Я отдал наше письмо Коротичу, и он обещал поставить его в номер.

18 июля 1989 г. Вторник

Всю ночь под впечатлением прочитанного интервью с Дыховичным о Высоцком — высокоумно, остроумно, самостоятельно, просто великолепно. Я узнал Володю, живого, нормального, со слабостями и «сильностями». Глаз у Ивана потрясающий и изъяснение точное, легкое, образное. Молодчина! Куда нам (особенно Веньке) со словесными выкрутасами, к образу В. В. отношения не имеющими, ничего не говорящими.

Арабская пословица у Шаламова: «Не спрашивай — и тебе не будут лгать».

19 июля 1989 г. Среда, мой день

В некоторых церквах служили панихиду по убиенному царю и семье его. В Соловках, на выставке истории его... Ленин во главе. Нет, вынесут россияне этого дядю из Мавзолея — грядет новая гражданская.

Получил пакет из Электростали, книжка должна получиться весьма достойная, иллюстрации смотрятся великолепно. Самое большое уродство психики — тщеславие. Я думаю, как мне построить применительно к Шукшину свои выступления. Какой костюм взять? Хочется сказать так: здорово, земляки! Потому что мы все сегодня в этот час на этой земле — земляки, земляками нас сделал В. М. Ш., его великое искусство, его Сростки, его Катунь, его земля от Владивостока до Кавказа,от южных гор до северных морей. Писатель рождается каждый раз, когда страницу его книги открывают новые глаза.

От энергии правды и непримиримости В. М. Ш. загорелось много сердец. Его биокольцо продолжает снабжать положительной энергией тех, кого оно выбирает. Его душа, его разум сейчас наблюдают за нами, и прав Распутин, говоря, что постоянно есть чувство вины перед ним, что мы что-то не сделали

важное, хотя обещали и порывы были.

И, если мы позволим изуродовать Катунь, нам не простят потомки, и мы будем виновны перед памятью Шукшина.

Это я пищу в самолете, рядом В. А. А. Мы летим в Барнаул.

4 августа 1989 г. Пятница, дача

Пикет с моей революционной речью и частушкой о коммунистах еще может аукнуться мне.

В Междуреченске были на могиле у отца.

Мой Сережа (Циолковский мой) начертил примерную схему конструкции своей будущей лодки, на которой он собирается отправиться в кругосветное путешествие Волга — Каспий. Два весла железных он уже сделал из обрезков жести, что пошла на крышу. В этих каких-то недоделках, в этом временном жилье и есть для меня смысл дачного пребывания, дачной жизни, суть и смысл которой составляют огород и сад. Или уж это я оправдываю то, что у меня не сложился такой дом двухэтажный, каменный, отделанный и пр., как у Евенко, к которым мы на ужин приглашены.

Были с Сережей в бане!

6 августа 1989 г. Воскресенье — отдай Богу

Почему я плачу? Да потому что засело:

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо...

Когда, сидя за замечательным столом вчера у соседей наших дачных, я рассказывал, как мы с Тамарой в Кижах рыбачили, а после парились в бане, я вспоминал, как она тайно приезжала в Междуреченск и мужики ее парили крапивой (на ноги жаловалась). Так вот — все на свете повторимо. Может быть, оттого, что человек от себя уйти далеко не может и повторяется спирально. Я возненавидел это слово «спираль». И еще я думал вчера, глядя на моего голенького сыночка Сережу, как он жарится в парилке с шапочкой на голове, потом в ледяной бассейн, потом бегом под горячий душ, намыливается, сморкается... Я на миг подумал, что это уже было со мной, а сегодня догадался — это было с Денисом, таким же маленьким, в междуреченской бане. Те

же тазы, те же краны с горячей-холодной — все на свете повторимо, только с разницей в 10 лет.

У Сережи сегодня праздник — первое причастие. Батюшка Михаил спросил имя его, верит ли он в Бога и кушал ли он сегодня. На все вопросы Сережа ответил верно. Действительно, это даже чувствовалось по духу из него — голоден человек. А причастился — запил разбавленного вина, крови Христовой — и закружилась, заболела голова у него. Сейчас у него грустное настроение, чем-то хочется развлечь его, потрафить ему чем-то. У меня же праздник, ну поедем, поищем какое-нибудь озеро. А дождик закончится, поедем? Может быть, еще и оттого грустит человек, что узнал — в Москву мы его не берем.

— Какой хозяйкой могла бы ты быть, когда я все это начинал.

— Нет, я там жить не буду, я это не люблю, не умею и не собираюсь этому учиться.

Как она, бедная, зарыдала у меня на коленях — безутешно, горько, просто забилась в рыданиях. Потом я ее умывал. Кое-как успокоилась. А разговор перед этим был такой, что захотелось ей тут быть, жить и что-то делать. А мне все хотелось спросить: «Да почему же ты не хотела тут жить и делать что-то, когда у нас все было хорошо? А теперь-то что делать, когда поломано, порушено, наговорено?»

«Все, кто держит пчел, 14 августа должны прийти в церковь. Все должны знать, что до 14 августа свежий мед есть нельзя. Приходите с медом, будем освящать мед, ульи и пчеловодческие принадлежности». Я подумал, это как же — ульи-то тащить в храм? А если их больше десятка? На тракторе их везти, что ли?

7 августа 1989 г. Понедельник

Кажется, я выговорился в письме очередном и лихорадочном. Я никогда не был верным мужем. Зачем я требую этого от других?

Бася — странное животное. Она, как собака, ночью живет на улице, а днем приходит в дом есть и спать на своей бараньей шкуре.

8 августа 1989 г. Вторник, заканчивается

Держу в руках свою книжку и не знаю — радоваться или нет. Издана потрясающе, но что за тексты, как они придутся. Читаю один раз — отвращение, читаю второй — нравится. Один и тот же текст по-разному.

16 августа 1989 г. Среда, мой день

Вчера занимался дневниками, комментариями, что подготовила Буденная. Но даже в таком виде их нельзя печатать,

тогда уж действительно выбьют окна и изобьют или чего хуже сделают. Тогда и впрямь «в глушь, в Саратов» или Уфу прятаться.

Сайко:

— Куравлев просил не забыть и поцеловать тебя за выступление на Шукшинских чтениях. Несколько раз просил не забыть и обязательно тебя расцеловать.

«Вез я девушку трактом почтовым...» Остановил гаишник, узнал. Потом сам заводил мне машину, у которой капот не открывается и клемма у аккумулятора отходит. Давил на капот, кое-как вскрыл — я опаздывал немыслимо.

Губенко:

— Извини, скажу не очень остроумно. Но мне наконец-то удалось разбить семью Бортник-Золотухин. Скажу, что сделал это сознательно...

Коля не знает, что тот и другой в завязке.

20 августа 1989 г. Воскресенье. Эдинбург

Короткий сон, зарядка, умывание, еда... Когда видишь такую красоту — зеленое пространство, волнующуюся рожь или пшеницу (отсюда не разобрать), поднимающуюся в гору девчонку или старушку одинокую (трудно понять), — хочется многое начать сначала. Нет, не с самого начала, а... Вот тебе и «а». А откуда? С какого места твоего пути ты бы хотел его повторить? Отвратительный рогожский период. Даже сейчас, когда я захожу в эту квартиру № 106, на меня что-то наваливается и хочется бежать. Но кто виноват в этом?! Нинка? Ее жадность? Вряд ли... Скорее, мои пьянство и б... Роман с С., роман с Сабельниковой. Я все испытывал судьбу, все опыты над собой творил, утверждал себя среди баб. Съемки, «Стрелы» и, наконец, Тамара. Но ведь и Сережа, которому сегодня 10 лет и который сразу разобрался в видеосистеме и настроил ее моментально, — смышленый, нормальный парнишка. Распущенность, невоздержание — вот основные страшные гидры, сожравшие мою душу, мой талант. И маюсь я бесплодием писательским, потому что не приучил себя работать, а так... лишь бы говорили. Потому и наказание последовало — книжка тощая, старая, да к тому ж ублюдочная, с такими позорными огрехами типографии — торопились сделать мне приятное. А я-то сижу, коньяки с ними распиваю. Так что ж? С рогожской жизни начнем все сначала? Не будет Сабельниковой (не согласен!), не будет С. (не согласен!) и не будет Тамары... Тем более Сережи!! Да за-ради него, если поднять все документы, и случилось-то все. Значит, все остается как прошло, даже и вместе с Ирбис. Не ной, самый большой грех — уныние! Никогда не поздно остановиться, оглядеться и начать все сначала, то есть не

пить, воздерживаться, молить Бога об отпущении грехов и делать дело, предназначенное тебе судьбой, без излишнего тщеславия.

Зам. директора Театра на Таганке
Ефимовичу А. М.
Главному режиссеру театра
Губенко Н. Н.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Убедительная просьба предоставить мне отпуск за свой счет с 15 октября по 30 октября нынешнего года для поездки в Австралию по линии патриотического общества «Родина» для проведения творческих встреч с нашими соотечественниками за рубежом.

Гулял немножко. Никакой это не злак, это просто высокая, сухая трава, а горы дикие специально оставлены в центре города. Скалы, газоны, чайки, асфальт идеальный, левосторонние машины, порядок, традиции — культура. Обидно за Россию. Обидно за Родину свою многострадальную. Неужели сами виноваты или на все воля Божья? Как ведешь себя по отношению к Богу, так и он относится к тебе.

Губенко пока положительно отнесся к моему заявлению по поводу Австралии. До 15 октября Любимов доделает «Пир», раза два сыграем, Николай в октябре уезжает на месяц в Штаты — значит... а-а, так вот он еще зачем Шопена потащил. Он хочет все-таки ввести его в октябре. Шопен под присмотром (а куда ты денешься?) Любимова и сыграет Годунова. «Высоцкого» не будет. У меня один «Живой». Два раза сыграю в октябре — и хорош. Так что страна Австралия может спокойно у меня получиться.

Губенко:

— Я знаю, ты общался с Дупаком...

— Нет, он мне звонил, но мы не встречались с ним.

Мне только что сообщили, что сегодня Дупак вышел на работу. За время своей так называемой болезни счетчик его автомобиля накрутил не одну тысячу километров, он объездил сотни инстанций и пр. Он официально назначен директором культурного центра на Таганке и при этом еще хочет сохранить за собой театр. Я знаю, он собирал рабочих, чтоб они выступили в защиту его и просили не уходить с поста директора.

Лежал и вдруг подумал: может быть, и не зря я живу на этом свете. Дерево посадить?! Я сад посадил, свою антоновку грызу, свою вишню, облепиху, смородину, малину ем. Детей родил. Хотел бы дочку еще, Олю. Ну, что ж... Хорошо ли, что отец нас от разных матерей нарожал? Кто из нас счастлив-то?

Из театра ушел Дьяченко. Это значит, что 2-го сентября «Вишневый» идет последний раз. Так оно и будет. Заноза Любимова вырвется обстоятельствами. На этом можно считать эпоху Эфроса на «Таганке» канувшей в Лету.

Вчера к концу утомительной репетиции из Лестера прилетел Любимов. Я успел ему шепнуть про Австралию. «Ну, посмотрим». Сегодня премьера. Господи, пошли легкости, пошли скорости и коллегам, и мне! Любимов улыбчиво-вежливо, с наклоном головы и корпуса, поздоровался за ручку со мной, целоваться я не привык ни с кем. Это тут же компенсировали Жучка и Антипов. Надо сохранить на двух первых спектаклях голос. А там уж как Бог пошлет.

Любимов:

— Дорогие господа артисты! Мы находимся с вами в одной из самых театральных стран. Здесь про это дело знают все. Денег на искусство госпожа Тэтчер не дает, все держится на меценатстве. Этот фестиваль еле-еле держится за счет города, за счет людей, заинтересованных в том, чтобы в городе проходило ежегодно такое культурное мероприятие. Они видели все, и удивить мы их можем только ансамблем и настоящей отдачей, настоящим общением, оценками обстоятельств. Так что, как говорится по-русски, давайте не ударим в грязь лицом.

Он в Лестере ставит спектакль «Гамлет» памяти Вл. Высоцкого. Программа спектакля с «похоронным» портретом Владимира. Все на продажу? Нет, здесь это выглядит по-другому. Это раздвигаются границы славы нашего поэта и актера. Если вдуматься, это замечательно. Немножко «на продажу» есть, конечно, но совсем немножко.

Впереди спектакль. Я не делал сегодня большую зарядку, чтоб не устать, но — удивительное дело! — который день чувствую себя утомленным. Четыре спектакля подряд! И за те же суточные, что у всех остальных моих коллег.

Мерещится мне, мечтается мне моя жизнь на даче. Примут меня авось наконец-то в союз писателей, в театре буду играть только три спектакля (а «Чума»?). Буду доделывать внутренности своей загорской берлоги, топить печь и писать рассказы. Так хочется пожить. Потом подует зима, повалит снег, я надену валенки, возьму лопату и буду откапывать и топтать дорожки. Заведу собаку и кошку. Это что-то уже из Мамина-Сибиряка началось. Какое-то Зимовье. А как же ездить зимой в театр? Да никак. Уйти, на хрен, совсем. Зажireть окончательно и спиться.

Надо срочно развязаться с этим романом! Они мне не могут простить, что он назвал меня в анкете своим лучшим другом. Не ему, а именно мне они не могут простить. Так уж человек

устроен. В частности, Сева Абдулов, да и Ванька тот же. Уж не говоря о Володарском, который ему землю подарил под дом.

Принял предложение Николая съездить завтра на природу, на ферму какого-то шотландца с квартетом им. Шостаковича.

24 августа 1989 г. Четверг

А мой день, среда, не подвел меня. Компенсация 100% за предыдущих петухов, и профессию снова не хочется менять.

Сидоренко читает мою испорченную книжку, а Николай вчера спросил: «Нет ли у тебя сувенира какого-нибудь, твоей книжечки? Если нам хозяева понравятся, надо ведь что-то подарить».

Матрена: «Не бросай Тамару, сынок. Как была здорова — любил, а стала болеть — не нужна стала. Это нехорошо, сынок».

27 августа 1989 г. Воскресенье

С утра бурное обсуждение израильской проблемы — ехать или не ехать. Кашу заварил Любимов. Но евреи после возвращения ему гражданства СССР отношение и к нему, и к Таганке, кажется, переменили. Теперь они принимают Малый, Ленком и пр., а нас с января перебрасывают на май-июнь, на фестиваль. Неделя пребывания, два названия («Мастер» и?..), 5-6 спектаклей. Условия, как во всем мире, — 25 долларов суточных и все. В Израиле Петьке жить и Катьке жить пока. Конечно, Любимову будет неприятно, что «Таганка» в Израиль не едет, но мы (худсовет) решили отказаться от таких гастролей, мотивируя несовпадением производственных планов театра с временными и финансовыми условиями данного фестиваля.

«Габима» ушел в сторону. А Любимов, оказывается, никогда и не был худруком «Габимы», он был там рядовым режиссером. «Добрый» (раскритикованный) и «Закат». Была у него разумная мечта — «Таганка» в Израиль, «Габима» на «Таганке». Но времена и ситуация резко переменились. И теперь ему худо. Он нигде не нужен, получается. В СТД от «Таганки» в глазах рябит, если у нас страны мелькают, как спицы в колесах. Что о нас думает секретариат СТД, он ведь в эти гастроли достаточно рублей и валюты вложил. А впереди ФРГ и пр. Говоря сейчас по телефону с Любимовым, Губенко сказал, что гастроли прошли блестяще. Ну что ж, пойду прощаться с Эдинбургом, которого, как и Стокгольм, я, в сущности, не видел.

Я прогулял 4 часа и, в общем, с Эдинбургом познакомился. Поразили волынщики в парке, у подножия замка. Теперь Эдинбург я буду вспоминать по этим клетчатым юбкам, по этому пищанию волынок, и Эдинбург уж не будет мешаться у меня с Цюрихом.

Доел полбанки свинины с картошкой, которую поставил утром варить, да забыл про нее в связи с еврейским вопросом. Кстати, Жучка снова было начала:

— А что делал Дупак десять дней в Израиле?

— Да при чем уж теперь Дупак...

— Нет, я хочу раскрутить это с начала!

— Дупак там был до того, как Любимов принял советское гражданство.

И эта моя реплика, кажется, просветлила всем мозги. А то опять было хотели на Дупака всех собак спустить. Как ему помочь, черт возьми! Нельзя же стоять в стороне. И есть предчувствие, что в связи с новыми гражданскими обстоятельствами Любимов не захочет осложнять себе жизнь внутренними проблемами, скажем, борьбой насмерть с Дупаком. Зачем? Или же как раз наоборот. Без конфликтов он себе жизни не представляет и хоть тут, да будет воевать. И это ему дает повод перед собой и Катей искать прикрытие, работу на стороне. «Странствующий гений», как его называют в рецензиях. «Знаменитый театр знаменитого Любимова». А аплодисменты мы «вымаливали», по выражению Демидовой.

Как бы мне хотелось в жизни иметь жену-хозяйку, чтоб шила, вязала, солила, чтоб дачу, огород блюла. Рассказ М., как она банки закручивала и забыла добавить уксус (потом их пришлось вскрывать и снова закручивать — плохая примета), привел меня к такой тоске. Вчера Лукьянова мне вставила резинку в куртку, дома бы мне этого не сделали. Миксер-комбайн, с трудом и по блату добытый, пришлось с радостью (чтоб место не занимал и глаза не мозолил напоминанием) подарить Волиной — Тамаре не хотелось заниматься соковыжиманием, возни много. И все вроде чепуха, а осадок-досадок неприятный. Где-то вся эта досада лежит в отстойниках души до времени, и стоит маленькому камушку бытовой ситуации (а они на каждом шагу — от пыли на полках до еще до сих пор не вставленной зубной пластины у Сережи) попасть в этот омут, как вся муть поднимается, будто черти в ней веревки крутят, и успокоиться долго не может. И ты не находишь себе места и только призываешь себе на помощь всякие успокоительные примеры, вроде того, что это, Валера, не более как «парадокс сверхзначимости». Не терзай себя, иди еще погуляй по Эдинбургу.

Раздобыть песню «Вез я девушку трактом почтовым». Помню, красиво звучала она в спектакле покойного (Господи!) Георгия Александровича. Странно, я вспомнил сейчас: кто-то у меня спросил, кто же это мог быть, надо бы высчитать после того как узнал о краже. А ДНЕВНИКИ НЕ ВЗЯЛИ... Это ведь действительно

самое ценное, что в этой комнате-кабинете для человека перспективно мыслящего могло быть.

А роман пишется, пишется... Мечты о хозяйке — это ведь тоже страница романа. Отдельно надо прослоить главы рассказами Сережи и о Сереже. Так и писать — Сережа. Сережа рассказывает, Сережа рисует, Сережа пишет.

Он у меня спросил:

— Папа, а зачем в твоей книжке я нарисован маленький? Ведь про меня там ничего не написано.

Тамара:

— А ты Сереже книжку напишешь?

В 9.15 собирает Губенко для сообщения. Он остается, сегодня к нему подлетает Жанна. Они будут тут и в Глазго свои фильмы казать.

29 августа 1989 г. Вторник, аэропорт Хитроу

Выяснил у Губенко вопрос о Дупаке.

— Нет, Валерий, я с ним работать не буду. И Петрович не будет, он это на последнем собрании заявил однозначно.

— Перемирия быть не может, и для тебя это вопрос решенный?

— Да!

— Ну, все ясно.

Да, теперь все ясно и мне. Дупаку надо уходить и нечего теперь уж мутить и без того мутное болото. Вставать на защиту Дупака?! Каким образом и во имя чего? Ну не хочет эта жена спать с этим мужем, ну что тут поделаешь! Насильно мил не будешь. Профсоюз не поможет в вопросе эрекции и осеменения. Что делать? Красиво уйти. Не уходить же им. Та же ситуация, что была с Коганом.

Дупак жаждет разговора, всех обзванивает, я от него бегаю. Но надо и сказать ведь что-то. И разговор состоялся. Взял у профессора спирта для Куприяныча. Сбор труппы. Речь Губенко. Приказ управления о назначении Дупака генеральным директором центра с освобождением от обязанностей директора Театра на Таганке.

13 сентября 1989 г. Пятница

Почему заходится сердце, когда я вспоминаю, как стоял я около родительского забора, около моих тополей, которые вымахали за эти почти сорок лет под небеса? Я вспоминаю, как смотрел от артезианского колодца на школу, на стадион, по которому бродили все те же телята, а из колодезного чрева по трубе железной и деревянному желобу через определенный

промежуток текла студеная вода, и я мочил ноги и умывал лицо. А с крылечка внимательно и долго, не моргая, наблюдала за нами старушка. Хотел я проникнуть в зрительный зал моего клуба и не смог. Те, у кого ключи, куда-то уехали, а мальчишки, чинившие свою технику, даже, кажется, и не узнали. Так вот эти воспоминания вчера помогали и мешали мне играть Глебова.

23 сентября 1989 г. Суббота

Разговор в ресторане гостиницы «Волгоград».

— Почему вы так не любите Высоцкого?

— Откуда у вас такие сведения?

— Для волгоградцев это очевидно.

Я повернулся и ушел.

24 сентября 1989 г. Воскресенье

Надо подать заявление и уйти из театра от Бортника. Или написать ему какое-то письмо коллективное и повесить на стенку. Разговор с Ванькой может быть только мужской, а я на него не способен. И это соседство квартирное, с ним, куда от него деться?!

25 сентября 1989 г. Понедельник

6-7 декабря в киноцентре предполагается провести мои творческие вечера. Для этого делают с меня шарж, должны сфотографировать для афиши, для рекламы. А я должен подумать над программой.

Сестра Лены Соколовой, Ирина, после «Живого»:

— Вы гениальный актер! Вам не в этой стране жить надо!

Вот так!! А я русский актер, я только здесь и «гениальный». А жена говорит, что я средний актер. Как после этого ее не бросить?

Израильтяне в восхищении от «Живого», и от Кузькина в частности. А финны взяли «Высоцкого» и «Дом на набережной».

Глаголин:

— Валера! Я ужаснулся на худсовете, как вы с Губенко ненавидите друг друга! Какие вы разные и непримиримые, хотя внешне все вась-вась, все нормально. Но противостояние страшное.

Кто такой Юрий Карабчиевский?! Потрясающая повесть о Маяковском!! И о всех нас.

26 сентября 1989 г. Вторник

Около двух часов стоял в очереди — рубахи стирать. Через полтора часа голос приемщицы на весь мир: «Золотухин последний, за Золотухиным не занимать!» А пропустил меня

интеллигентный человек, которого последним обозначили, отобрав у него белье. И каждый, кто приходил, потом спрашивал: «Кто с рубашками последний?» Толпа хором: «Золотухин последний!» На это я про себя думаю: «Дотерплю, ибо в Писании сказано: кто был первым, станет последним, а последний станет первым. Сегодня у нас Золотухин последний? Пусть будет так».

Филатов загремел в больницу. Пневмония. Что ж это делается?! Шацкая говорит — недели две, пока всего не обследуют. Он лежит в отдельной палате, где есть вторая койка, и Шацкая договорилась, что она там будет жить. Вот это любовь! Если это действительно две недели, то как же «Пир»? Без Леньки его выпускать не будут. А потом я улечу в Австралию, а без меня, я надеюсь, тоже выпускать не станут. Как же быть? Пусть выпускают «Преступление». Эту идею надо Николаю подсунуть, посеять. Сам Николай сегодня улетел в Копенгаген. И будет 1-го! 28-го «Годунов» пойдет с Шаповаловым и со мной. Дай Бог Шопену... Когда-то я с народом ходил к нему. Шопен, сыграй Годунова! Час пробил! Сегодня отменили «На дне», отменил его Николай еще вчера, думаю, не без подачи Бортника. Филатова увезли ночью. Разваливаются организмы вместе с театром.

29 сентября 1989 г. Пятница. Липецк, гостиница «Липецк»

В «Современнике» мне Карелин, Джавадян, а потом и Фролов (вошел) предложили добавить в книжку несколько листов и через год издать с исправлениями ошибок, с теми же иллюстрациями, но другим объемом и, может быть, под другим названием.

И я пообещал начальникам добавить 8 печатных листов, имея в виду дневники, «Зыбкина» и «Театральный роман». Обещал сдать к 15 октября. Просил никого не наказывать. «Да, вы сами во многом виноваты. Но замечание мы вынесем, выговор не будем объявлять, а замечанием обойдется».

30 сентября 1989 г. Суббота. «Липецк», № 317

> «Уважаемый Валерий!
>
> Извините уж меня, но я вынуждена написать Вам. Как Вы уже догадались, пишет Вам Татьяна Павловна. Обращаюсь потому, что надеюсь на добропорядочность и зрелый ум, иначе писать бы не стала. Думаю, что Вы поймете меня, как поняли бы свою мать. Конечно же, Вы знаете, что у Л. хороший муж. Прекрасные, на редкость любящие родители мужа любят Л., как любили бы единственную дочь, обожают внучку. К. для них в жизни все, особенно для бабушки. Она ее вырастила с первого

дня ее появления на свет, т. к. Л. училась в университете на 2-м курсе и через 10 дней после родов убежала на занятия. Бабушка не работала (ей сейчас 54 года), а тогда была еще молодая, полностью посвятила себя воспитанию внучки и поддержке детей, Л. и В., так как обе учились очно. Ни Г. Ф., ни К. не мыслят жизни друг без друга. И вот ваша связь. Она все перевернула в их жизни. Л. бросает мужа и дочь и несется из края в край страны за Вами. На работе берет в счет отпуска и носится за Вами. Л. унижается, ищет квартиру и т. п. Это ужасно! Я не сплю ночами напролет, я схожу с ума. Я очень переживаю за их семью, с моими болезнями желудка я долго не протяну. Уже похудела на 4 кг за каких-то 6 лет. Поймите меня, умоляю Вас, она не будет Вам хорошей женой, разница в возрасте плюс оставленный ребенок (а К. ей никто не отдаст, да и она сама не оставит бабушку Галю), я тоже на суде буду за то, чтобы девочка осталась с отцом, с бабушками. Поймите, что развалится здесь семья и с Вами ей не станет хорошо, а бабушка Галя сказала мне как-то: «Если что, я выброшусь с 7-го этажа, я жить не буду». Поймите, скольким людям будет плохо, а Вам двоим навряд ли будет хорошо. Я мать и знаю свою дочь. Она не будет Вам хорошей женой. Она легкомысленная очень и влюбчивая, а в жизни эти качества не лучшие. Прошу Вас, если она дорога хоть немного Вам, оставьте ее. Мне стыдно перед родителями В., они так стараются для нее, они боготворят ее. Не рушьте их семью. Вы умный человек. Ну, скажите ей, что Ваш сын сказал: «Если что, то я уйду из дома или стану наркоманом». Что угодно скажите, но, умоляю, верните ее в семью, откройте ей глаза на то, что В. хороший муж и отец девочки. А Вы, Вы встретите женщину посерьезнее, одинокую, и она будет Вам верной женой. А я буду молить Бога, чтоб Вы были счастливы, если, конечно, Вы решили оставить и эту семью.

Не обижайтесь на меня, пожалуйста, а попытайтесь быть на моем месте, представьте, что все хорошо в семье и вдруг все переворачивается и рушится, и все это с Вашей дочерью. Вот если бы моя старшая дочь встретила или Вас, или еще кого, я бы не стала так терзать себя, а, наоборот, была бы рада, т. к. у нее муж недостоин ее порядочности. Она умница, серьезная, чистюля, трудяга, за эту я бы только рада была, а Л., прошу Вас, оставьте.

Найдите, что сказать ей, сошлитесь на сына, на кого угодно, но сделайте это ради матери, ради меня, как бы сделали для своей мамы. Это она от избытка свободного времени так ведет себя, свекровь освободила ее от всех забот, от Ксенечки. И муж дал слишком много воли. Прошу Вас, не зовите ее за собой. Вы ставите ее в плохое положение и на работе, и перед нами, родителями. Если она Вам дорога, прошу Вас, оставьте ее!

Спасибо Вам за лекарства для меня. Позвоните мне.

Я могла бы послать письмо на театр, но боюсь — вдруг кто прочтет и скомпрометирует Вас невольно.

Т. П.».

2 октября 1989 г. Понедельник

Утром съемки «Бориса» для Би-би-си. Дали в конверте по 30 фунтов английских. Это что-то замечательно новое.

9 октября 1989 г. Понедельник

После Ярославля заехали в «Минск», взяли шампанского. Я повел машину сам. Это безобразие. Нельзя. Нельзя, выпивши, за руль браться. А сегодня «Годунов». До моего отъезда меня выжмут, высосут. Не сорвать бы сегодня себе голос. Надо поберечься.

11 октября 1989 г. Среда, мой день

Вы думали, я провалюсь в этой роли, а я опять сыграл — так мне Любимов помогает на репетиции обрести уверенность и воздух для полета.

19 октября 1989 г. Четверг. Сидней

Просто так — Сидней, Австралия. Ощущения, что я на другом континенте, нет — капстрана, как Швейцария, как Англия, как даже Греция. За неделю было событий до черта. 12-го премьера и слова Любимова: «Молодец... Ты, положа руку, спас положение...» Вот так. А сын его Никита шепнул заговорщически: «Ты всех переиграл». В общем, я праздновал победу. Пил шампанское, заехали за коньяком. Потом к нам с Иваном и Ракитой.

На стр. 157 книги Марины Влади есть и моя фамилия в числе тех, кто не завидовал В. Высоцкому. Но вообще странный слог, непривычный — я понимаю, почему она может вызывать такие неадекватные реакции читателей.

20 октября 1989 г. Пятница, Сидней

Клуб Хакла. Идет репетиция — свет, радио. На этот концерт

все евреи основную ставку делают.

Но и репетиция ничего не обнаружила. Как пойдет и что мне делать?

21 октября 1989 г. Суббота. Сидней, Русский клуб

Что можно сказать за вчерашних евреев? Они принимали нас потрясающе, хохотали, всё понимали, и есть надежда, что они в какой-то мере спасают наше положение. Я вспоминаю Тамару, которая говорит, что в жизни ей помогали только евреи. Работал я вчера около часу, и мои партнеры были благодарны мне. Генерал Завеса Аркадий сказал, что я забил всех. Ну, дай-то Бог! Концертмейстер Мэри так наложила в штаны, что вместо Каретникова играла мне похоронный Шопена. Ну раз, думаю, ошиблась — нет, во всех четырех вступлениях она упорно играла свою музыку, глядя в правильно записанные ноты. А радист отключал мне микрофон, думаю, сознательно, потому что я поволок шнур, прикрепленный липучкой, и прокомментировал: «Капиталистический, выдержит!» Генеральный консул сидел в первом ряду, но к нам не зашел, послал секретаря, который как-то меня проигнорировал, а может быть, я его. Как бы там ни было, рожа была жеребячья и успех огромный и радостный. Иное дело — белогвардейцы. Русский клуб, люди, родившиеся вне СССР, проблем наших не знающие, монархисты. Как-то будет с ними и что делать им. Бог с ними... Некому отчет давать. Лишь бы голос звучал, а он вчера зазвучал только на гавайском вечере, где я пел «Ой, мороз», «В тот вечер я не...» и, что больше всего поразило, «Во субботу». Казарма гудела до 5 утра. Я в рот не беру спиртного и выгляжу героем после аэрофлотовской пьянки, которая была обусловлена успехом «Пира» и словами Любимова о Дон Гуане. Вот я и праздновал победу, хотя еще рано, рано... Надо развить и закрепить, а как это сделать — текст не взял с собой.

Конечно, Рудольф — гений импровизации и приспособляемости к среде. Мне только кажется, консулу и советникам не совсем понравилось, что он всю эту бежавшую публику все время называл «родные», «дорогие», «близкие наши». Это смешно.

Богина — как всегда.

22 октября 1989 г. Воскресенье. Казарма

Время сдвинулось на час. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, как сказали бы мои прабабки. Такой благодарной публики, как русские из Китая, или, вернее, китайские русские, я давно не встречал — ностальгия, интеллигентность, русская речь. На Пушкине («Буря мглою...», «Выпьем, добрая подружка...») все

старушки в слезы и за платками. А как они умеют веселиться, сколько жизненной энергии, остроумия, анекдотов, песен! Господи! И мы — унылые, закомплексованные. Ну почему они такие? Два концерта в Русском клубе за столом, когда нас члены правления принимали. Вчера я испытал зависть — не к напиткам, что лились рекой, не к закускам («покушайте пирожки с австралийскими грибками, мы собирали их сами»), а к состоянию душевному, здоровому, естественному. На гавайском вечере, когда они, 60-70-летние, отплясывали без роздыху, разыгрывали лотереи, я подумал: «Ну все, помрут сейчас!» Как же... В кабинете правления портреты Пушкина, Суворова, Ермака и фотопортреты групповые — правление клуба разных лет.

23 октября 1989 г. Понедельник

Мечом Христа я победил вчерашнюю межпуху в ресторане «Черное море». Такого сионистского гнезда никогда не доводилось мне видеть. Толстые, чванливые, обвешанные золотом. Поцеловал я крест Христа Спасителя, осенил себя крестным знамением, крестом отгородил их от себя и пошел работать. Такой победы над дьяволом я не помню на своем веку. Муха не пролетела, как они застыли в едином повороте, взгляде, внимании к точке, где я стоял насмерть во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Речь моя не была косноязычна. Бог вложил на эти минуты разум и силу в мозг мой и звучание души, сердца и голоса. Благодарю тебя, Господи!

Я, взмыленный, таскал усилители в машину, маленький, с их точки зрения, пузатых и лупоглазых, а они вчетвером, вертя золотыми цепями-ключами, спускались на меня сверху. Я спросил:

— Ну, не уговорили никого (в гости они приглашали одного-двоих)?

В ответ на свой вежливый вопрос я услышал:

— За свои деньги, да еще уговаривать! Было приглашение. Здесь город свободный...

Да нет, господа! Набить брюхо и карман и состязаться, у кого больше денег в банке — это еще не свобода. Впрочем, каждому свое...

Нет, я не почувствовал себя обос...ным. Я просто удостоверился в чем-то важном для себя. И так я затосковал по духу, что царит в русском нашем, монархическом клубе! По этой Таньке, старушке-разбойнице, острословице и хохотунье, по этому застенчивому ключнику штабс-капитану Грише и др. Россия... «Задерем подол матушке России!» Омерзительный лозунг Кагановича, с которым он взорвал храм Спасителя. Да не

будет ему пощады!

Сидней закончился, вернее, выступления в нем. Я в форме. Теперь бы похудеть чуток. Ах, Боже мой! Помоги мне еще в сердечных делах разобраться. Что поделаешь! Люблю Ирбис, жену чужую, и как жалко мне Тамару, и как мне удержаться около нее! Помоги, Господи!

Алеша с Ларисой подарили мне хорошие книги. «Как хорошо, что у вас с собой всегда Евангелие». Я показал им свое, старое, 1875 г. издания — «раненому и больному воину».

В Сингапуре я испугался за свои ноги — они были, как кувалды, на них мне, пьяному, было страшно смотреть. Отчего же такой отек?!

24 октября 1989 г. Вторник

Разговор у Ирины о коммерческом киноискусстве — Тарковский был зануда, делал занудные фильмы, в которых гениально выразил свое занудство. Зашел разговор о «Таганке», Любимове. Возникла тема молодой жены, и тут ее глаза заблестели. Она долго говорила о маразме Феллини, который женился на девочке или девушке, на 35 лет моложе, она йог. Своими токами, посылами она как бы навевала ему прошедшие сны, и он стал лепить такой маразм! Молодость — всегда другие скорости, другая энергия, другие цели. Микитченко пытался привести резон Чаплина: и он три фильма последних снял, которых никто не видел, полный провал, фиаско...

Я думаю, Любимов — такой же случай. Почему, думаю, она с таким упорством и такой отработанной, накатанной аргументацией так нервно-болезненно и яростно отвергает благотворность для художника соседство молоденькой жены. Сомов открыл мне глаза — он с ней на кухне кофе готовил и посуду очищал от цыплят обглоданных.

«Ночь в Византии». Это что такое? Я не читал этого романа. Но то, что эта проблема стоит и в «зеленой тетради», совершенно очевидно.

25 октября 1989 г. Среда

Наши грабят благотворительный магазин — выброшенные, почищенные и постиранные вещи. Продаются нашим за 1-2 доллара. И мы туда же. Боже! Какой стыд — наши копаются в этом нафталине! Я повторил текст Дон Гуана. Кажется, помню. Ем сегодня мало.

26 октября 1989 г. Четверг. Мельбурн

Живем в гетто. Уже не в казарме, а в гетто. Рудольф в одной

постели с Беном. Доехали с горем пополам, хотя горя, если разобраться, особенного не было. Ну, сломали Веньке колесо, ну, литр бензина остался, но ведь заправились. Бен влил мне в кофе женьшеневого состава, с ноготок, и я запел про черного ворона, и славно. Все равно хорошо. Ну где ты еще увидишь гуляющих по тракту попугаев, на манер наших воробьев выклевывающих корм из лошадиных говен? Ну где? Нигде, кроме как в Австралии. Много и с добром вспоминали с Рудольфом Театр им. Моссовета и людей.

Так что накапливаются положительные эмоции. А поля? Чернильно-фиолетовые квадраты! Краски нашего цветного телевизора! Это что?! Нигде не видел.

Концерт. В зале 60 человек. И даже то, что не приехала Ротару, нас не спасло. Но принимают хорошо, зал весьма приличный. Пошли по новому графику, с антрактом. Я закончил первое отделение под «браво!».

29 октября 1989 г. Воскресенье — отдай Богу. Сидней

Потряс меня совершенно Рудольф знанием и умением петь дворовые, жестокие, послевоенные песни. Это что-то феноменальное, сколько он их помнит и с каким вкусом поет. Я на «Коломбине» прослезился просто. Может быть, это самое сильное впечатление от Австралии.

30 октября 1989 г. Понедельник. Сидней. Апартаменты

Сижу на балконе, в поле зрения бассейн с Аленой и Рудольфом. Время раннее. И еще в Мельбурне я продал-таки один экземпляр книги Михаилу Миронику за 20 долларов.

31 октября 1989 г. Вторник. Сидней

Прощай, Сидней! Какой был бал, какую встречу организовали нам русские китайцы! Антон и Анна, Лена и Наталия Алексеевна!

13 ноября 1989 г. Понедельник

В театре страшные события грядут.

1) Губенко, очевидно, — министр культуры.

2) Любимов ищет скандала с труппой.

20 ноября 1989 г. Понедельник, вечер

Как хочется, чтоб скорее минуло это 22-е. В «Московском комсомольце» мерзопакостная статья про нашего министра — все припомнили, «в чем был и не был виноват». Сегодня отвез пригласительные на ужин в «Славянский базар». Встречался с композитором, помял машину — задел меня немного грузовик.

Взял декабрьский репертуар.

23 ноября 1989 г. Четверг

Как закончилась «величальная» беседа, я не помню, но как будто все прошло хорошо.

Начальства не было, но и Бог с ним; ни Фролова, ни Карелина, последний вызван был к Бондареву на дачу... Приехала ленинградская делегация. А его, говорят, ослушаться нельзя.

25 ноября 1989 г. Суббота

В понедельник 27-го ноября меня будут в члены СП принимать. Но что-то волнуется Дурова, подкрепиться бы надо, а кем...

Сегодня приезжает Любимов, что-то будет на нашем горизонте. Как-то они с министром уживутся. Говорят, нас вчера в программе «Время» казали, министр на гитаре играл, а мы подпевали.

26 ноября 1989 г.

Итак, Любимов прилетел, будет к спектаклю. Надо не огорчить его своей игрой. Но придираться он будет все равно. К этому надо быть готовым.

30 ноября 1989 г. Четверг

Из Киева-града возвратясь. Нет, не с того я начну дневник, не с жалобы, что 27-го меня «прокатили» или, как Скарятина сказала, «зарубили, черти», что не стал я официально писателем. «Но мы что-нибудь придумаем», — сказала почему-то она. Что она может придумать?

А с того я начну, в какое змеиное логово еврейства попал я в Киеве и как мне впервые стало страшно, потому что выброс из меня энергетический был сильный в Москве и мне трудно было противостоять этим антихристам, поющим, быть может, про меня — был бы бисер, а свиньи найдутся... Бисер у них есть, и я тут как тут. Вот с чего начну я воскрешать свои забубенные, загубленные ноябрьские дни.

Завтра я приглашен на встречу с Викой Федоровой, Кузнецкий Мост, 11, Дом художника. В свое время она выехала в Америку к отцу, а здесь была убита ее мать, Зоя Федорова. Убийство не раскрыто.

В 18.00 Любимов собирает для беседы артистов-»умников». Что-то серьезное он хочет сказать.

1 декабря 1989 г. Пятница

Неприемка моя в СП, быть может, — результат смычки с «Московскими новостями». Умер Натан Эйдельман. Любимов рассказывает: когда покидали зал Бондарев, Астафьев, Распутин, Белов, все смеялись. Один Эйдельман был мрачен и сказал: «Так же вначале смеялись над фашистами. Вы смеетесь, а мне не смешно. Это моя смерть...» Последние его слова, и вот результат.

Любимов, как всегда, все перепутал. Вышли из зала «апрелевцы», а перечисленные им товарищи к московской партийной организации никакого отношения не имеют, а потому присутствовать на сем сборище не могли.

Достал стиральную машину Денискиному капитану. Как бы Дениску от такой дурной, негодной замашки отучить?! Обидно, что избрал он меня на роль блатного доставалы. Это Нинкина наводка — обращаться с этими делами к отцу, а Леню не надо этими пустяками отвлекать от творчества и высоких дум.

2 декабря 1989 г. Суббота

«Ничего, мы что-нибудь придумаем...» — эти слова Скарятиной Кондакова расшифровала так: очевидно, она хочет написать апелляцию от бюро в секретариат. Ничего не понимаю, но опять какая-то надежда. От Надежды.

21 декабря 1989 г. Четверг

Ужасающе тяжелый день. Эта показуха Любимова, бесконечные заявления: «я был изгнан», «я живу в Иерусалиме», «у меня израильский паспорт, советский мне не нужен...» И как не хочется с ним ссориться, и как не хочется работать. Может быть, это сегодняшнее настроение?

23 декабря 1989 г. Суббота

Вчера Любимов, в шубе голубой, в запарке и суете уехал. До Рождества, и даже до конца февраля. Сунул мне букетик гвоздик.

— В новой работе будешь участвовать?

— Обязательно.

— Ну, ты понял, как строится композиция?

То, что Любимов пытался с Михаилом Карловичем Левитиным объяснить труппе о контрактной системе некой «Ассоциации», я записал на магнитофон, хотя делаю это зря, трачу пленку, а расшифровывать ее некому. Надо вернуться к дневниковым записям, это хоть и не так подробно, но верно.

И еще вчера звали меня Шацкие-Филатовы в бар на коньяк за показ удачной сцены «у фонтана». Любимов произнес такие слова: «Играть... работать... выручить... даже в таком виде она лучше (имеется в виду Сидоренко)...»

Нинка праздновала победу, и я искренне рад за нее. Она переступила, преодолела страх... это ей нужно было сделать для себя. А я, глупец, накануне отговаривал ее под влиянием своего настроения...

24 декабря 1989 г. Воскресенье

Ах ты, Боже мой, какие пироги!

Рождество Христово празднует весь мир, а в Румынии переворот, а литовская компартия из КПСС вышла. Эту же политику и тактику Белоруссия затевает. Что-то будет в СССР? Раскол. Ну, туда и дорога, доигрались коммунисты.

26 декабря 1989 г. Вторник

Потом Дом актера, благотворительный фонд. Читал стишки, два петуха пустил, но объяснил актерской братии, что вот, дескать, с министром культуры играл «Годунова», видимо, перестарался и охрип. Что же будет, когда мы с членами Политбюро начнем играть? А в Румынии казнили Чаушеску и жену его Елену... Я живу будущей книгой, будущими «Дребезгами». Шампанское не тронуто. Надо найти письмо Гоголя. — Я совершу.

ВОТ И БАСЬКА УШЛА ИЗ ДОМА... 1990

19 января 1990 г. Пятница

Теперь я буду выпивать с сотрудниками журнала «Литературное обозрение», членом редколлегии которого я утвержден секретариатом.

1 января нового 1990 года был плакучий, слезный день. Я звонил в Уфу и просил, чтоб меня немедленно забирали отсюда, чтоб она приехала с матерью и к чертовой матери...

Тамара долго разговаривала с Ирбис. Вообще черт-те что... паноптикум, маразм... Сначала Тамара согласилась меня отдать, но потом передумала: «Зачем это я буду тебя отдавать?»

13-го отлет в Новокузнецк. Встреча старого Нового года.

На Антонину смотреть страшно. Хочется отвести глаза в сторону и заговорить о чем-то, не относящемся к жизни. Жалко невыносимо... кажется, она еле держит пальто на плечах... Из банки лосося она съела ложку «собственного соку». В полрюмки водки — до краев воды, четверть отпила. «Я за сестру тебя молю...» Матрена выбрала себе место для могилы. Тетя Люся вообще не решилась повидаться. А мать выбрала место, чтоб гораздо ближе к дому быть. Какие-то обыденные, страшные вещи. Вот и съездил я, выполнил нравственный долг, выпили с Вовкой

всю материну брагу, проспали все на свете... и все равно я не жалею, что слетал. «Может, последний раз видимся», — сказала Матрена.

Я видел сон: меня приговорили и расстреляли. Я упал и думаю, куда же пуля вошла, где больно?.. Наверное, в печень. Врач прощупал пульс, проверил дыхание. Велел вколоть инсулин. Потом еще. «Странный у вас организм, никак не может умереть». Когда мне сестра всадила в руку иглу в третий раз, чтоб я скорее умер, — я проснулся.

25 января 1990 г. Четверг

Вчера какое-то странное мероприятие у нас было в театре — «Таганские среды».

Вел Вознесенский. Я какие-то слова произнес. В его защиту. Он целовал меня. Были мы с Сережей. А Сережа у Шацкой был, кассеты брал и... «Она меня так хорошо накормила... первое, второе...»

27 января 1990 г. Суббота

А Досталю спектакль понравился. «Вас Любимов погрузил в какую-то атмосферу... И стол, и костюмы, и решение персонажей... Нет, это все очень хорошо... И ты прекрасен, и ваш тандем с Аллой... Это уже больше, чем простое партнерство... Рядом с таким Сальери такой хилый Моцарт... Он человечески мелок — без судьбы и характера... Он вашу компанию портит, и Сайко... Ну, что это...» Говорил долго и хорошо.

28 января 1990 г. Воскресенье — отдай Богу

В театре полный развал. Я такого не помню даже в самые худшие времена. Впрочем, когда они были — «худшие»? Когда уехал Любимов? Театр бурлил, да, но, кажется, было и сплочение какое-то и духовная крепость. Уходили артисты. Ну так что ж... И вот расплата за всю безнравственность наших руководителей. Начиная с разговоров о кризисе театра во времена Эфроса, со снятия Дупака. И пришли мы к разбитому, неуправляемому корыту. Смирнов в горячке, пьет и срывает спектакли. Хитрый и коварный Бортник придумал себе опять не то больные зубы, не то ангину. И летят спектакли один за другим... Корнилова улетела в Америку, никого не спросясь и не поставив в известность. Золотухин отказывается играть «Годунова» лишний раз, ему наставили спектаклей через день. А ему вводить Щербакова за Смирнова. Это большая потеря для спектакля «Живой», но отменять нельзя, и неизвестно, когда появится Смирнов. И выйдет ли Ванька на «Живого», если он Пимена играть отказывается, ссылаясь на болезнь.

29 января 1990 г. Понедельник

Можаев, которого я встретил 25-го в день Высоцкого:

— Валерий, привет! Ну, я этим сволочам дам... Главному я уже выдал. Они ведь из-за меня тебя в союз не приняли, из-за моей статьи... Помнишь, я тебе говорил, где я всем сестрам по серьгам... Это против меня интриги. Но ты не расстраивайся, ты будешь в союзе, ты пиши... И имей в виду, что я ни единым словом не солгал, не польстил в рекомендации. Я это написал не потому, что ты мой герой, мой летающий белокрылый лебедь или мой друг. Нет, это действительно так, книжка хорошая у тебя.

Энто мне очень по душе пришлось — ни единым словом не солгал, не польстил.

Что происходит в стране? Воюет Кавказ. Отделяется Литва. «Память» громит «Апрель». «Память» открыто объявляет, что 5 мая будут погромы. «Сионисты и породненные с ними люди — вон из России!» Вот это формулировочки. Даже Гитлер был мягче с «породненными с ними людьми». «Лигачев — последний оплот борьбы с сионизмом».

Щекочихин и Мурашов делают депутатский запрос министру МВД Бакатину: призвать к ответу за агитацию национальной розни, войны и пр.

О чем думает сейчас Горбачев? По всей социалистической Европе идет роспуск компартий... Хоннекер в марте предстанет перед судом за измену родине. Живков и семья под арестом. Чаушеску расстрелян. Трещат наши обкомы. Их выгоняют в полном составе бюро. О чем думает Горбачев? Что он скажет в свое оправдание на пленуме, когда высшей партэлите повысили зарплату на 40%? О чем он думает? «Когда наши идеи идут помиру!..» — воскликнул Каганович и не поправился. А может быть, изречение вещее принадлежит Хрущеву? Это скорее похоже на его стиль.

30 января 1990 г. Вторник

Какая зеленая жуть одолела меня с утра, когда я глядел из четырех окон моей трехкомнатной камеры на мировое пространство! Неужели этот полет сорвется у меня? Этого я не перенесу. А снег валит и валит. Но лучше уж не улететь, чем не прилететь вовремя. Положись, Валерик, на судьбу... и на Бога. Он-то ведает, что творит.

Распутин открытку с Парфеноном прислал. Так написано мелко, Тамарка в лупу расшифровать не могла. Однако ж, как смог...

«Вот так, дорогой Валерий Сергеевич! У нас Парфенон поболе... Все вроде то же, а попригожей, потому что только что от его стен, только полтора месяца прошло. И забыл бы — да твоя открытка напомнила, что родительскую во многих смыслах для нас страну посещал и с древней цивилизацией знакомился. За цивилизацию „спасибо“ не скажу, заросла, а за православие поклонился. С наступающим Новым годом, Валерий! Будем надеяться, что проведем его в добром здравии, несмотря на предчувствия, предсказания и хреновое настроение. Слушал твое слово у Шукшина — очень и очень хорошо! Тамаре и Сереже кланяюсь. Тебя обнимаю.

В. Распутин».

1 февраля 1990 г. Четверг

Надо не забыть записать рассказ Матрены Фед., как отец развелся с ней, беременной Вовкой, из-за того, что по линии НКВД взяли дядю матери, дядю Конона.

ПИТЬ Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ.

Сбрил усы, постригся и как будто голый. Оттого, может быть, неуверенно играл Дон Гуана, без нахальства и озорства.

2 февраля 1990 г. Пятница

Звонил художник-хиппи Глюк, так он подписывает свои картины. Просит защиты своей выставки в ДК ЗИЛ. Идея — сделать улицу Любви, сначала в Москве, потом по всей планете: без войны, экологически чистую, во всех ипостасях чистую улицу Любви, где были бы мастерские, где не было бы гари автомобильной и пьяных криков...

Сааков сказал, что в феврале наш фильм покажут. Сообщила это ему выпускающая программы. Обрадовала его, а он уж об этом и думать перестал.

Сегодня у мемориальной доски Мейерхольду будет возложение цветов — пятьдесят лет со дня гибели. Поминать будем всех деятелей культуры, загубленных Сталиным.

Сапожников: «Ты, писатель, объясни мне как психолог: отчего все малярши неземной красоты существа? Именно малярши... Боттичелли... Ну, почему?»

3 февраля 1990 г. Суббота

Дал телеграмму в «Советскую культуру»:

«В этом году исполняется десять лет со дня кончины Владимира Высоцкого. Предлагаю переименовать ныне

существующую ул. Шверника в улицу В. Высоцкого. В доме № 11, к. 4, по этой улице с 1963 по 1975 год жил Владимир Высоцкий. Теперь там живут его внуки, Наташа и Володя.

Напомню, что на похоронах В. Высоцкого в 1980 году представителем Управления культуры Моссовета было официально заявлено, что в ближайшее время одна из улиц в Москве будет названа именем В. Высоцкого. До сих пор этого не случилось.

Нар. артист РСФСР Валерий Золотухин».

4 февраля 1990 г. Воскресенье

Лисконог <Лисконог — в прошлом актер театра.> возник. «Встречи для вас» — московская программа. И уже трушу. Меня по телефону зрители будут спрашивать о политике, о «Памяти», о евреях, о национальных отношениях, о Высоцком. Я так косноязычен, смогу ли я сохранить достоинство? Как я буду изъясняться, лишенный матерного слова, мыча и пр.

5 февраля 1990 г. Понедельник

Три часа сидел у видео — тупо разглядывал половые акты. Очень похоже, почти как у нас, ласки одинаковых участков изумительного тела. А причина та же — скучно...

6 февраля 1990 г. Вторник

Вот и Баська ушла из этого дома. Почему? Ведь уверяют, что кошки верные, это не то что коты. Что ей не в климат в этом доме было?! Недружная семья? Пьяный, мертвящий воздух? Ведь вышла она из подвала, взяла из рук Сережи колбасу, на руки к нему пошла, он обнес ее вокруг дома, и она стала вырываться. Тогда он ее засунул в другую дырку, загородил ветками и стал следить за ней. Она же стала смотреть за ним. Потом вышла элегантно-осторожно, не задев ни одной ветки, и ушла в свою дырку. У нее, значит, обозначилось свое место в подвале, ее приняли, она прижилась, и ее после прохождения карантина на верность подвалу стали отпускать на волю. Община кошачья поверила ей. На этот раз... потому что раза два она ведь возвращалась, быть может, оттого, что была покалечена, кровоточила и выбрасывала из себя в корчах куски котят неродившихся. Залечилась, окрепла и стала кидаться в стекло.

Не климатит моя квартира ни цветам, ни собакам, ни кошкам. Когда же я сменяю ее? И поможет ли это обстоятельство?

8 февраля 1990 г. Четверг

Демидова. Стоим в окне. В финале. Граббе-Басманов ведет

сцену.

— Что это с ним случилось? Он стал быстрее играть.

— Да, действительно. Я тоже заметил сразу и подумал, что это ты ему сказала.

— Что ты! Боже упаси! Я в этом театре только с тобой могу разговаривать, тебе могу сделать замечание. И Володе в свое время могла что-то сказать.

Это прозвучало комплиментом царским. Хотя она прекрасно знает, что врет. Сколько она на «Вишневом» в свое время всем, как говорится, дерьма накидала. Целые драмы получались из этих поучений.

9 февраля 1990 г. Пятница

А вчера был театр «Современник». «Домашний кот средней пушистости». Нам с Тамарой поглянулось. Хотя действо наивное и театр примитивный. Но текст роскошный, и было нам весело и грустно.

У Матрены, кроме Тони, оказывается, еще дети были — Нина и Леня. Они покойной Еленой чернилами закрашены, значит, умерли маленькими совсем. Почему мать об этом нам не поведала?

10 февраля 1990 г. Суббота

Главная удача дня — заманил-таки я Сидорова, и он наговорил мне сюжет-историю, как законный муж своей законной жены брил опасной бритвой застигнутого в его квартире, в его махровом халате, любовника. История восхитительная, сомерсетмоэмовская. Но в Хельсинки я буду заниматься «21-м км». С ним надо кончать. Для этого надо перечитать мои письма к Тамаре. В каждое письмо я вкладывал по красненькой, по червонцу, которые она тратила на портвейн или коньяк. Так я из альтруизма и любви, представляя, как она сидит за стаканом, любительница абсента, грустная, томная и меланхолическая, и думает обо мне... так я задолго начал копать могилу себе. И вырыл.

11 февраля 1990 г. Воскресенье

А как иначе это квалифицировать, как не Божье наказанье! На девятом поклоне, когда я думал о Свердловске и Коломне, спину мою пронзила дикая боль — не согнуться, не распрямиться. Что делать?! Как сегодня «Живого» играть, когда сидеть за столом больно!

Как бы так умудриться сыграть, чтоб незамеченной для зрителя оказалась моя боль?!

26 февраля 1990 г. Понедельник

Митинг, которым нас так пугали большевики (нагнали войск в столицу из страха, что народ пойдет к Кремлю), прошел без скандала. Но на этом дело и закончилось.

Нашему министру досталось, говорят, на митинге за палки в колеса Народному движению — его выступление по ТВ. Ну что ж, Коля вступил с ними в игру. Теперь мы вспомним, за что они (Любимов, Смехов и др.) упрекали Эфроса. И где та граница, за которой начинается эта игра?

28 февраля 1990 г. Среда, мой день. Курск

Я продаю свое прошлое — дневники, воспоминания о детстве. Все продаю — себя, родителей, друзей, любовниц, жен, детей. Все, что можно продать, я, кажется, уже продал, больше продавать мне нечего, потому что новых поступлений душа моя не имела от моей «деятельной» жизни. Вот и сейчас, когда решается судьба отечества, моего голоса в этой борьбе не слышно. Я жду, что то, о чем мечтаю в душе и сердце, сделают за меня другие. Я даже не знаю, кто мои депутаты в районе, куда они меня зовут, за что ратуют, я равнодушно, не глядя, бросаю бюллетень в урну с привычным: «Ничего все равно не будет, а если будет, то хуже». Привычка, ставшая натурой большинства, «терпимость равнодушна». И потихоньку пытаюсь устроить свои маленькие личные дела, заработать, хотя и не знаю для чего, потом пропить максимум, чтоб расчеловечиться окончательно и «на груди ее прелестной счастливым быть» с сильным запахом кретинозности...

«Верстка прошла, все хорошо, я заказала для вас пятнадцать номеров, постараюсь еще пять раздобыть через заведующую редакцией», — это мне вчера сообщила Железнова. И эта фраза меня грела вчера целый день, греет и сейчас. Хорошо бы этой публикацией вызвать некоторый скандальчик, который стал бы своеобразной прелюдией, репетицией к большому скандалу после опубликования дневников.

Эрдман. Вчера на репетиции я как-то вывернулся за счет басен, дав понять и Смехову, и партнерам, что я готовился и думал. На самом деле, я только всего и сделал, что прочитал какие-то машинописные интермедии, и басни мне показались спасительным вариантом — что-то культурное из этого выловить можно. Любимов, по словам Веньки, увидит, что можно сплести из этого кружева. Он, как никто, умеет быть автором-сочинителем спектакля, быть в материале вольным, свободным — «чего захочет моя левая нога...». Ставить пьесу вчистую ему

неинтересно, он в этом несилен, и это понимает. Но пьеса старая, хотя и гениальная, как говорят... Черт его знает. Николай Эрдман — «Самоубийца». Идея... А я не самоубийца своего таланта?! «Безвременье вливало водку в нас». Нет, в меня вливало водку не безвременье. Хотя... закрытие «Интервенции», закрытие «Кузькина» — что это, как не повод напиваться. Ах, батюшки-светы... А бабы?! Но зато у меня есть Денис и Сережа!!

1 марта 1990 г. Курск, «Октябрьская», 0.20

Репетиция. Мы уехали, мы приехали, и Любимов мягко, деликатно:

— Пришла записка с вопросом: «Как вы расцениваете выступление Н. Губенко?» — «Как не лучшее». А что мне было делать? Дальше я пошутил — лучше бы он играл Ленина... Но, может быть, это лишнее.

2 марта 1990 г. Пятница

Итак, если я правильно понял Карелина и ситуацию с бумагой, книга должна выйти в 3-м квартале, то есть срочно, по нашим понятиям. А для того, чтобы она набрала тираж, нужно убойно ее продать, сделать убойную аннотацию в несколько строк. Я это должен сочинить в кратчайший срок до отъезда в Суоми.

То, что я решил опубликовать, обычно завещают публиковать после смерти либо уничтожают при жизни. Но я игрок. И хочу выпить эту чашу при жизни. Хочу быть героем. Я решился на этот поступок, хотя кто-то назовет его богомерзким. Но посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу. Я хочу знать свою судьбу, будучи физически живым.

3 марта 1990 г. Суббота. Кухня

Кажется, я не зря встал в половине шестого. Какую-то «убойность» я сочинил. Прочитав подобную аннотацию, я тут же встал бы в очередь за книжкой «Дребезги».

Зачем я про Губенко ляпнул, что он не должен был бы выступать, а то хотел он или не хотел, но помешал кому-то прийти на митинг, выйти на улицу... А впрочем, все... Пусть знает. Габец <Габец Елена — актриса театра.> высказала альтернативную точку зрения, и хорошо.

5 марта 1990 г. Понедельник. Поезд

При выходе из вагона Любимов не поприветствовал меня, и Губенко не поздоровался. Сделал вид, что не заметил. А я думаю,

ну да и хрен с вами, вот выйдут «Дребезги»... Ну и что будет, когда они выйдут? Ничего не произойдет. Нет, что-то должно произойти... что-то будет.

Губенко. О Шостаковиче, Соломоне, Волкове... родственники и т. д. Внедряться в подробности (книги). У таких людей так много толкователей их биографий, поступков, что надо дать отстояться времени, которое ответит, чем они были на самом деле.

Разделение труда между «Таганкой» и зарубежьем.

Любимов:

— Из всех контрактов мне удалось девять месяцев провести на «Таганке». Но есть контракты, которые давно подписаны, и я не могу подвести компании и свою семью, ввиду неустоек, если я не выполню контракт. Сын говорит на пяти языках, поменял четырнадцать школ, хочет быть артистом.

Вопрос министру. Приезжают, уезжают. Третьяк уехал... Как остановить поток самых талантливых художников?

— Останавливать не надо и остановить невозможно. Закон должен поторопиться. Вопрос эмиграции как некий раздражитель должен быть снят.

Любимов:

— Видите ли, театр не должен бегать за сенсациями, он должен создавать произведения искусства. А над произведениями искусства время не властно.

Губенко:

— Я был бы против прямолинейного деления на друзей и врагов. У Л. пикантная ситуация — на месте министра сидит его артист, а он по инерции пытается режиссировать. Потом вспоминаем, что мы не на сцене... Гавел <Гавел — в то время президент Чехословакии.> был у нас в министерстве. Никулин пригласил в цирк, а я наблюдаю этот цирк каждый день. Ежедневный спектакль — Верховный совет...

— Что означает Высоцкий сегодня для театра?

Любимов:

— Мы пытаемся ответить это нашим спектаклем.

Губенко:

— Запрещать будет история — это было хорошо, это было плохо.

Любимов:

— Еврейский вопрос — сознательное нагнетание напряженности, страха, а с другой стороны, очень печально, что какая-то часть людей сознательно способствует этому нагнетанию.

— Перед демонстрантами вы выступали. Вы не считаете, что

это был промах?

— Не считаю. Журналист задал вопрос, я ответил, а дальше их дело — помещать этот мат или нет.

Губенко:

— Оказалось, что противостояние, противоборство власти и художников чуть ли не единственное условие процветания искусства. «Что бы сделать, чтобы закрыли спектакль?» — и приходит к выводу, что надо делать «Годунова», «Высоцкого». Моя беда — уровень информации о том, что делается в глубинке. А вдруг там где-то сидит молодой Любимов!

К актерам: изменился ли Любимов за это время?

— Стал еще лучше, чем был. — Славина ответила. — Как Христос возвращается...

Губенко:

— Театр не может быть без диктатуры, без хозяина.

Смехов:

— Когда отца не было пять лет — мы догнали по возрасту... Запад сохранил спортивную форму, а мы постарели, питание не то...

Гостиница. Министр веселый, в своей манере, несколько нагловато-обаятельный. И здесь ему речь в «промах» поставили, чту там мое мнение для него. Это, пожалуй, самый пикантный вопрос был. Да еще, изменился ли Любимов. Что я такой тупой, ни на один вопрос ответа не знаю, а завтра у меня личная пресс-конференция и интервью.

Вот. У Красильниковой лишнего кипятильника нет.

6 марта 1990 г. Вторник

Репетиция долгая, но легкая. И шеф, и министр в очень неплохом настроении. Я опоздал на репетицию из-за интервью, но все обошлось. И интервью я успел дать, и сфотографироваться, и книжку свою переводчице подарить, чтобы она предисловие Можаева перевела девушке-журналистке.

7 марта 1990 г. Среда, мой день. Суоми

Зарядка, молитва. Душ, завтрак. Сейчас около 10 финского. За завтраком узнаешь всякие новости — говорят, Губенко летит на пленум и последний спектакль играть не будет, текст его будут разбрасывать. Текст — не беда, кто споет так... Надо было бы мне раньше подумать, что-то я бы смог выучить на гитаре. Теперь поздно.

Май 1982-го. Мы были первый раз в Хельсинки, Турку, Тампере. Тогда-то и была прогулка Любимова с Катей по перрону таможни, тогда-то я и пел «Нас на бабу променял». Тогда-то я и

привез из Хельсинки синие куртки мне и Тамаре.

Любимов летит отсюда в Японию. Там его англичане играют «Гамлета». Сколько он там пробудет?! Собственно, интересует-то меня всего лишь один день — 17-е. Когда я не смогу быть на «Самоубийце».

8 марта 1990 г. Четверг, Женский день

Все евреи музицируют.

Это я записал в Доме искусства и культуры СССР. Все — это Смехов и Вилькин. Садятся к белому роялю и чего-то бряцают — значит, в детстве их пытались учить музыке...

9 марта 1990 г. Пятница, шел дождь, теперь снег

Катя родилась в 1982 году, Влада не стало в 1984-м. Он ушел в мир иной в возрасте 53 лет. Высоцкий в ее судьбе — «два раза он мне помог...». Дальше она не стала развивать, вообще на интимные подробности, на которые я рассчитывал, ее не шибко-то выведешь. Но кое-что я знал и от самого Володи. С какой стати он повел ее к югославскому режиссеру? С какой-то стати повел. У него вообще была такая миссия прелюбопытная — желание выдать своих любовниц за иностранцев. Сколько я их знаю (далеко не всех) — у них в мозгах была им эта идея посеяна, гвоздь этот был вбит, что бабы красивые должны жить красиво и из этой нищеты бежать к богатым мужикам. То, что они по мановению его мизинца ложились или летели к нему, было не обсуждаемо и само собой разумеющееся. Хотя, как рассказывал мне Иван, с той же Таней С. был случай другой. Как-то, снова расположившись к ней или от скуки ради, он ее позвал, а она не пошла, сказав: «Извини, Володя, но у меня есть мальчик, которого я сейчас люблю». И Володя восхитился и рассказывал об этом весьма уважительно. Так вот. Он ее привел и порекомендовал Владу (абсолютно допускаю) как актрису, в этом тоже была одна из его характерных черт — он помогал устроиться профессионально. Иваненко в этом смысле всем ему обязана.

И второй случай по моим наблюдениям и вычислениям из ее исповеди... Это когда она попала в аварию и ее, изломанную и покореженную, привезли в больницу. Она попросила достать свою записную книжку и продиктовала телефоны «Мосфильма» и Театра на Таганке, администраторской. По стечению обстоятельств там оказался Володя, он поднял трубку... по стечению в этой больнице оказался его друг — хирург. В общем, была отдельная палата, в дальнейшем уставленная цветами югославского режиссера. На операцию был вызван лучший косметолог. По стечению... два дня назад вернувшийся из

Лондона, он же и достал конский волос для шитья по лицу и пр. И опять добрый жест Высоцкого.

Перспектива у нее была самая надежная, она была его актрисой (Влада), она стала матерью его ребенка. Он заваливал ее подарками — от машины до колготок. Когда его жена приезжала по делам в Москву и останавливалась в том же «Белграде», Влад, помогая ей по делам, возя ее по магазинам, оставался жить у Т. Так что... будущее ей светило так или иначе. По полгода она жила у него в Югославии, они снимали квартиру, по полгода она жила у него в отеле в Москве, и КГБ махнул рукой. Потом он и у них, у ее родителей жил.

— Он был для меня и отец, и друг, и любовник, и сын, и муж... Мне не доставляло труда приносить ему утром в постель чай, подавать ему в постель обед, он с детства страдал туберкулезом коленного сустава, прихрамывал. И мне все это было в радость. И, конечно, он меня воспитал. Я много взяла от него. А для родного коллектива я — б.., проститутка. Но мне плевать на это.

Вот история Тани С., которая хотела, могла, но не вышла замуж.

Лейб-медик Карпинский: «Понимаете, если отрезать палец солдату и Александру Блоку — обоим больно. Только Блоку, ручаюсь всем, в пятьсот раз больнее». Ключ к разгадке тайны поэта-Высоцкого, разница между нами — солдатами и им — поэтом.

Какая потрясающая книга! Я научусь к семидесяти годам так писать. Леонид Каннегиссер, убийца Урицкого, был поэтом. А эта «таблица умножения» адская.

10 марта 1990 г. Суббота

Смехов. Как бы мы снисходительно ни говорили о нем, но каждый живет, как живет. Колоссальная способность (техника славы, какая разница, какими путями) внушить людям свою себестоимость. И вот он уже остается и куда-то едет читать лекции. Я не удивлюсь, что это будет делать его жена, театроведка по образованию, девушка весьма серьезная. Дай Бог. Это все равно, если вдуматься, замечательно. Они живут и из каждого мало-мальски обозначенного эпизода-миража выделывают реальный, судьбоносный эпизод на бумаге, который не там, так здесь будет набран в типографии и впоследствии включен в собрание сочинений.

Благодарю тебя, Господи! Благодарю!

Прекрасно. Уже в середине я понял, что все идет хорошо. Я играл в удовольствие. Кажется, первый раз за многие годы

присутствие Любимова в зале не зажимало меня, а придавало сил, азарта и удовольствия. Он давно не видел меня в этой роли. Доволен я и партнерами.

Любимов благодарил, отмечал атмосферу:

— Дай Бог, чтоб вы вечером не уронили.

Мне одному сказал, что в двух местах кульминационных я перебрал:

— Благодарю, что ты это все восстановил. Это надо играть. Он ничуть не устарел, спектакль. Слушали они хорошо и принимали, пожалуй, лучше, чем «Высоцкого». Для них «Высоцкий» — это все-таки ревю. А это театр, драматургия Трифонова, они читают, знают и любят. Так что публика подготовлена к спектаклю. Не зря мы поработали. Но в Москве мы еще раз вернемся к нему и какие-то вещи углубим.

Вот оно, актерское счастье!! Сыграл удачно — и счастлив. Гастроли мои закончились. И закончились с большим для меня самого знаком плюс. Не зря я вызвался репетировать, я подготовил площадку, сконструировал ее для себя, подогнал... и выплюнулся спектакль чистенько, ни одной маломальской затычки, накладки и пр. Пошли, Господь, удачи моим коллегам и в вечернем представлении!

Трифонов: «Я — Глебов!!» Любимов рассказывает, и за эти сутки раз десять он повторил, как начальники довели Ю. В. Трифонова, и он в покаянном порыве выплеснул в морду этим зажравшимся, не желающим ничего понять идиотам-чиновникам:

— Да это я — Глебов. Вы хорошие все, а я вот — Глебов!

Шеф забыл, как на первой же репетиции-читке я говорил: «Я Глебов, Ю. П., но и вы Глебов». Шеф возмутился, стал защищаться, помню это отлично.

Я не знаю, что скажет Любимов, но В. играет... вообще непонятно, что он играет, о чем думает. Такая поверхностная болтовня вне обстоятельств, вне характера, бойкая говорильня. И я успокоился. Это плохо, но ни в одном месте у меня не шевельнулось подобие зависти или желания заимствования, чему-то бы поучиться. Мне кажется, он просто не может играть это... впрочем, извините меня, господа присяжные заседатели. На то есть у нас босс!

11 марта 1990 г. Воскресенье

Как у меня ноябрь 1989-го гвоздем засел... Почему-то вспомнил, чего добивалась Иваненко, какую цель преследовала, уверяя истерически меня, что у нее много Володиных стихов, ей посвященных! Где они, эти стихи?! Если они существуют, почему до сих пор не опубликованы? Если врала — зачем? Надо

натравить Леонова на нее, и пусть ссылается на меня.

А вообще не надо столько значения придавать своим литературным трудам. Ну, не пишется, что ж теперь делать?!

12 марта 1990 г. Понедельник, Хельсинки

Ф. рассказывал Т., что, когда В. развелась и стала свободна, и он был свободен... где-то в Одессе они встретились, и ничего не произошло в постели. Не получилось — так перегорело.

А в общем-то, важно ведь выбрать точно форму, жанр... и, может быть, никакого психологического анализа и не нужно. Никаких мотивировок поступков героев авторских не писать? Ведь то, что после сообщения факта сюжета возникает столько вопросов — почему, например, любовник так легко отдал мужу бритву — может быть, в этом и есть пресловутая форма? И пусть читатель мучается, и пусть с женами и друзьями бьется над разгадкой происшедшего и над будущей судьбой героев. Может быть, ничего не расшифровывать? Думайте, как и что хотите. «Бритва» занимает мое воображение, а сюжет «21-го км» на сто тринадцатой застрял. Ничего, ничего...

13 марта 1990 г. Вторник. Вечер

Мы приехали. А ехали «трезво» со Штейнрайхом Л. А., который, только я вошел в купе, поздравил меня с большой победой в «Доме». Разговор Г. Н. и Ю. П.:

— Юрий Петрович! Смехов требует играть вечером.

— А Золотухин?

— Золотухин хочет играть дневной спектакль. Потому что хочет, чтоб вы с ним порепетировали.

— Ты смотри. Кто-то еще хочет со мной репетировать!

Этот разговор Л. Штейнрайх слышал сам.

1 апреля 1990 г. Воскресенье

— Хоронить приехал?.. — первые слова того, что осталось от сестры моей. Когда мы вошли, она спала, было невыносимо тяжко смотреть... Вот так выглядит, так изображают саму смерть. Но потом она встала, мать довела ее до туалета. Она еще немножко полежала на диване, потом причесалась и вышла к нам на кухню, даже улыбалась.

— Как живет Финляндия?.. Ты замечательно выглядишь, цветущий мужчина... И пальто... настоящая кожа... Ну, пройдись, покажись междуреченцам, трезвым они тебя не видели... Как Тамара? Если в эти дни не умру, приезжай хоронить.

9 апреля 1990 г. Понедельник

3-го отошла в мир иной Антонина Яковлевна!

11 апреля 1990 г. Среда, мой день

Звонили с «Мосфильма» для подписания договора на «Украли обезьяну».

Любимов спросил меня:

— Почему ты поддерживаешь Дупака?

— Он мне симпатичен. И поддерживаю-то я его только словом, а не делом, не защитой, не письмами, не подписями... только в общем в диалоге с вами, с Филатовым...

Антонина, сестра моя! Завтра девять дней тебе. Твои последние слова, слышанные мной: «Сними кожанку, разденут, снимут... я тебе куртку дам».

17 апреля 1990 г. Вторник

Я, кажется, совершенно расклеиваюсь, а сегодня надо выехать в Саратов.

Наконец-то объявлено мое кино: 22-го по второй программе, в 18.05 — премьера документального телефильма «В свободное от работы время». Год понадобился, чтоб определить жанр фильма, и вот он обозван документальным. Ну что ж. Пусть будет так. Надо обзвонить родных и знакомых.

Любимов — в Израиль, в первую очередь отдать предпочтение евреям. «Это их земля, они должны посмотреть, где они живут».

18 апреля 1990. Среда, мой день

Вся репетиция вчера «Самоубийская» опять проболталась, шеф в благодушном настроении и сыплет, и сыплет байками.

20 апреля 1990 г. Пятница

Любимов уехал во «Взгляд». Сколько же в нем энергии, и откуда он добывает ее?!

22 апреля 1990 г. Воскресенье — отдай Богу

Любимов просит играть и «Годунова», и «Дом». Приехал Владимир Максимов.

Любимов говорит, что может месяца на три закрыть театр и начать все сначала. «Есть такое право и возможность, я советовался с юристами».

В журнале «Театр» он назван великим. «Великий» — это уже очевидно... Некий Силин подводит итоги. А Губенко — низкий поклон, что он вернул нам великого и передал ему труппу в полном рабочем состоянии.

Полгодика назад эта статейка появилась бы — выглядело бы все почти достоверно. Теперь это выглядит жополизанием. На всякий случай министерскую задницу лизнуть не помешает... и бедного Певцова еще раз приложить.

Говорят, во «Взгляде» Любимов выглядел безобразно. Люди телевизор по ночам смотрят. Объявили и о моем фильме. Ну, вот и другое мнение. Мартюков: «Блестяще всех размазал... так отвечал...» Вот и слушай людей.

Думаю об Антонине, о родне своей, о Волге, о той степи, что далеко за Волгу ушла, стоит в глазах вчерашний Распутин на Байкале. Хочется согреть его, хочется написать ему чего-то такого доброго и хорошего. Какой же он мужик замечательный и крепкий!

23 апреля 1990 г. Понедельник

Тоню во сне видел. Живую и с матерью. И будто она сама знает, что ее похоронили, то есть какую-то ее часть. Она так уменьшилась, так высохла, бедная, что мы похоронили не саму Тоню, на спине которой я впервые переплыл протоку, держась за ее груди, а похоронили что-то выделившееся из нее. И все были веселы и деловиты. Вчера звонил в Междуреченск. Таня: «Распродали по дешевке все помаленьку. Мама взяла себе сервант, как мы ее ни отговаривали».

24 апреля 1990 г. Вторник

Такой же разрывающий грудь и глотку кашель был у меня в детстве, и мать просила меня жевать угол подушки, чтоб меньше в горле было першения. Кажется, я вчера одеяло сожрал, а толку мало. Кашляю со свистом Соловья-разбойника.

Надо написать Распутину. Надо... а что? Как сформулировать мое отношение к его делу, к его судьбе, к его защите русского народа, к тому, как он настойчиво, трагически упорно, несмотря на укусы уважаемых, популярных в народе глашатаев, отстаивает свои рубежи, наши рубежи.

Странно... скучаю я по брату Владимиру, хочется мне этого бедолагу видеть, пошастать с ним по Междуреченску, выпить на кухне... и поплакать, и повспоминать нашу жизнь, которая вот-вот закончится. И кто из нас кого закопает вперед?

26 апреля 1990 г. Четверг

Мне часто вспоминаются разные мгновения моего фильма. Для людей знающих и любящих «Таганку», — это просто бальзам, ведь там узнаваемы и сняты почти все переулки и закоулки этого огромного, уникального здания. По настроению это напоминает чуть ли не прощание с театром. Во всяком случае, очевидно, явственно видна любовь авторов к этим самым стенам, к духу в

них проживающему, к теням, что бродят по пустому театру, партеру, сценам, когда пустеет зал и гардеробная разобрана.

27 апреля 1990 г. Пятница

До тех пор, пока не погасил мое сознание димедрол, и с тех пор, как очнулся от него, все звучит в башке моей нешаровидной песенка, что студентом пел по вокалу: «Весел я, теперь смеяться можно... со мной мои друзья (которых нет)... милая покинула меня».

Способность получать радость, вырабатывать, в смысле выделывать свой характер, свои глаза на создание фермента радости: встал живой — радуйся, услышал посвист пташки — радуйся, и крик вороны надо вывернуть таким образом, чтоб оказался он звуком, означающим приближение радости.

28 апреля 1990 г. Суббота

Ну вот, одно постановление принято — в Таллин я не еду, к тому же они сами думают, что мероприятие передвинется — не успевают снять фильм о Северянине, но по радио я услышал сегодня, что эстонские депутаты приостановили свою работу в Верховном совете. Литва просто вышла. Эти — на полдороге. И ехать в Таллин русского поэта прославлять москалям опасно, так говорит мне один из моих «черепковых» депутатов. По-моему, я эту депутатскую метафору у Р. Гамзатова слямзил...

29 апреля 1990 г. Воскресенье

Позвонил Любимов:

— Надо играть, Валерий.

— Да. — Я сижу и жду, что скажет Любимов. — Ну, давайте рискнем.

— Рискни, милый. Тебя привезут, отвезут... неудобно... Николай играет, я надеюсь, что хуже не будет.

— Хорошо, Юрий Петрович.

— Ну, я очень тронут, обнимаю.

Вот и весь разговор — я тронут, он тронут. А что будет со мной?

Неля вчера страшные вещи сообщила о Ю. П., вести из дома Капицы С. П.

Любимов: «Я просчитался, идиот...» — заключение его по поводу своего возвращения.

«Годунов» прошел хорошо, правда, чуть сердце не лопнуло у меня и даже мерещился конец Андрюши Миронова. Нинка — молодец, это же сказал ей и Любимов, которого мы вызвали на поклоны. Он был счастлив. Играл министр, и играл замечательно. И это был праздник. От слабости у меня дрожали все члены, и голоса своего я не узнавал и плохо слышал.

Перед спектаклем на распевку пришел Д. Покровский

<Покровский Дмитрий — руководитель фольклорного ансамбля.>, и это тоже всех подтянуло. Бог меня спас, и я правильно сделал, что согласился играть.

Перед выездом в театр, под впечатлением «роднящего» письма Федореева и оттого, что сам Вассе Ф. написал, стал я разбирать портфель со старыми бумагами и обнаружил свои некоторые письма аж за 1958 год и письма Шацкой к моим родителям. И понял я, как не все было плохо и даже наоборот. Нинка очень трогательная из этих писем мне предстала, она вспоминает нашу каморку, где мы с ней спали под шубой на веранде, Ивана и Веру, баньку черно-белую... На душе у меня тепло стало и нежность воспоминаний, захотелось мне еще больше Нинке удачи, тем более что накануне сумасшедшая, больная Неля нашептывала мне по телефону: «Как ты такой талантливый, такая умница мог связать свою жизнь с Шацкой, она же тебе жизнь загубила!» Дура! Я любил ее. Мы были счастливы. А то, что потом произошло, так во многом я в этом виноват... Но не жалею ни о том, что прожито было с Шацкой, ни о том, что разошлись мы с ней — меркантилизм и алчность претили мне невыносимо. Да и выпивать я стал, и гулять, и романы заводить.

«Мой отец — враг народа». В первой моей повестушке есть немудреные слова, горделивые, хвастливые слова о моем отце. «Врасплох он и кулаков застигал. Мать рассказывала: иные в обморок падали, когда входил он. Так сказать, от одного взгляда его кулачье опрокидывалось, а ему и двадцати не было тогда». Проходясь по рукописи, один из редакторов, В. И. Воронов, сказал мне: «Уберите это... Когда-нибудь вам будет стыдно за эти слова, вы будете пытаться уничтожить, вычеркнуть их, но будет поздно». И вот теперь мне стыдно... Нет — больно. Мне отца моего жалко, жизнь ему, душу ему и миллионам ларионычей проклятая революция изгадила, породила семя дьявольское... И мы — плод! И получилась вещь страшная: не он врагов народа разоблачал, а именно сам врагом этого народа становился и установился. Вот трагедия. И гордиться ли мне таким отцом?! И что он сам думал в потемках души своей, когда читал эти строки? Ах ты, батюшки-светы!

1 мая 1990 г. Вторник

«Враг народа»... Да, это страшно... Но сегодня я написал письмо Г. Извекову с большой просьбой: начертить схему «древа жизни» по линии Золотухиных. Иван не помощник, отец промолчал, и, бывая при его жизни в Междуреченске, я мало в эту сторону расспрашивал его. Просил Генку узнать через тетю Дуню

(жива ли она еще?) и внуков ее. Просил также антоневских братьев подключить, адрес их сообщить и свой дать. Восстановлю ли я что-нибудь? Восполню ли я свой иконостас?

Любимов вчера звонил, справлялся о здоровье. «Вообще вы молодцы. Ты знаешь, ведь я все равно что-нибудь скажу — пересыпания и некоторые иллюстративные жесты надо убрать... Она делает по-своему... она молодец и играет лучше Сидоренко, та копирует рисунок Демидовой». Потом разговор перешел на чешские антибиотики для Бортника, у которого тоже воспаление легких. Что-то много воспалений на одну гримерную...

2 мая 1990 г. Среда, мой день

Сегодня идет «Бумбараш». Я стою у рынка. Холодно. Хотя двигатель работает на усиленных оборотах. «Бумбараш». Когда это было? Какого числа?! Сейчас приеду и взгляну в дневники. Это был Междуреченск. Зима. Очевидно, как всегда, зимние театральные отгулы. Еще был жив Иван Федосеевич, и мы, кажется, всей золотухинской родней пришли к нему в гости. И надо же — «Кинопанорама» по ТВ, и я в кадре с чудесным, мудрым, интеллигентнейшим, тончайшего ума человеком Каплером (у меня сохранились снимки Копылова).

Каплер читал письмо, в котором какой-то замечательный мужик просил его, ведущего, рассказать об артисте. Фамилию артиста он не помнит, но этот артист пел песню «Ой, мороз, мороз» в фильме «Хозяин тайги». А потом шел кусок из «Бумбараша», с маршем 4-й роты, и отец плакал. Самые дорогие воспоминания об отце, когда я видел на его глазах слезы. Я тогда понимал, чувствовал, что есть человеческая душа и сердце у моего неприступного, не пускающего в свои тайны отца. Когда он плакал, я видел в нем человека. Я видел в нем родителя. Какую-то тяжесть он носил в сердце своем. Он раскулачивал? Да, но он с такой любовью и такими добрыми словами, такими весьма и весьма уважительными речами говорил о своем хозяине, кулаке Новикове или Щербатове... или это были разные лица? Разные хозяева. Что у него было на сердце? Что он вспоминал, о чем жалел, была ли кровь на его руках (ее не могло не быть по тем временам), были ли загубленные семьи крестьянские, к которым он имел непосредственное прикосновенное, рукоприкладное отношение. Мать была из семьи зажиточной. Всю жизнь он ее подкулачницей в сердцах называл. Но братку маткиного, Ивана Федосеевича, он уважал.

3 мая 1990 г. Четверг

Ну, развернулись события... Харченко усоветовал мне лечь на

недельку, и вот я сижу в палате без номера, но с телефоном.

Звонил Любимов. «На меня тут все набросились... я виноват, что заставил тебя играть».

Для своего друга попросил у них курс американских антибиотиков... у него, кроме пьянства, что-то с легкими.

6 мая 1990 г. Воскресенье — отдай Богу

В 1973 году, публикуя «На Исток-речушку», я, читавший Солженицына, игравший и защищающий «Кузькина», знал, что такое явилось в образе коллективизации, что за морда Медузы для моего народа. И все-таки я оставил эту фразу, не задумываясь почти, — я знал, что должно отцу понравиться, он еще верил в свое правое дело, он это время своей молодости, разгула силы и крови единственно счастливым и достойным воспоминания, быть может, в своей жизни считал. И я эти две фразы оставил, теперь их не уберешь, а они позорные оказались в биографии моего отца, а теперь — моей и моей фамилии, и тут надо серьезно разобраться. Потом и такая увертка-мысль была, что были в этом деле перегибы, да, многие пострадали безвинно, но сама идея была правильная и богачей надо было уничтожить — вот эта муть хлеще самогонной и опиумной. Классовая борьба — слова и понятия просты, как Ленин. И влезла в неграмотные, темные, непутевые головы дедов и отцов наших. Не столько дедов, конечно, сколько именно молодых тогда отцов наших — дай только руками помахать, власть употребить, почувствовать. А с ними и матерей. Ведь Мотьку Сергей заметил и увел у Якова, а нет... не зря ведь ему сказали: «Беги!» Кто знает, Золотухин, быть может, уже прицеливался на этого мастера масло-сырзавода?! Отца я вывел героем... Но ведь именно «На Исток-речушку» вызвало бешенство отца: «На моей крови деньги зарабатываешь!»

Ведь он что-то почувствовал, но на что именно он возгневался и опрокинулся, мне сейчас даже трудно представить. Тогда я думал, на тот эпизод, где он мать бичом зацепил... Намек на то, что он часто избивал ее до полусмерти, и на неотправленное письмо... Стоп, стоп... это же в «Дребезгах»... там еще нет этого. Может быть, как раз он уже понимал, что само по себе раскулачивание было громадной ошибкой и он не в герои вышел, а в преступники, во враги народа истинные, какими оказались на деле большевики. Начав потом сам хозяйствовать колхозным председателем, он ведь вспоминал свой батрацкий опыт и учился именно у тех, кого ссылал в Соловки и уничтожал как класс. Ведь он развелся срочно с Мотькой (уж Вовка был) и уехал от нее опять в Камышинку... Весь дневник прочитал сейчас и не нашел, значит — не записал. Я путаю, я забываю, что-то

расскажу Тамаре из своей семейной, родительной хроники и думаю, что надо это в дневник записать, и забываю.

Так о дяде Кононе. Его взяли по линии НКВД (дядя Конон по отцу Федосею или по матери?), по линии классовости. Сергей Илларионович перепугался и с моей матерью срочно развелся, как с подкулачницей. Секретарь Галета ее успокаивал: «Мотя, не убивайся, пройдет эта волна, эта кампания, и Сергея мы тебе вернем. У вас дите, любовь. Это временная мера». Как же отец жил? Галета их воспитывал. Молодежь. И, очевидно, подчиняясь ветру времени, действовал в соответствии с его генеральным направлением, но что-то и знал про себя, и видел дальше. Сделаю последнюю попытку и спрошу в письме у Матрены Федосеевны. Написал, спросил. Что ответит, интересно, и как?

«ЖИЗНЬ ЕСТЬ ТОЖЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ САМОГО ТВОРЦА»

Сегодня «Борис», и снова играет Шацкая. Я помню прошлый страшный спектакль. Страшный, потому что я чуть не задохнулся, но выкарабкался-таки с честью и Нинку спас. Не подкачать бы сегодня. Господи! Тебя прошу и умоляю: дай сил и таланту от 19 до 22 часов московского времени.

P. S. «Борис» прошел отлично, легко. У Шацкой это третий спектакль и, кажется, лучший.

20 мая 1990 г. Воскресенье — отдай Богу

А 10 мая Денис демобилизовался!!

Смотрел «Ох, Россия, ты Россия...». Ну, что ж... это памятник Любимову замечательный. Привязались ребята к «Годунову» и настряпали хороших пирогов. Пусть у меня где-то кошки скребут, но, однако, это тоже в «Русский узел». Хотя пащенко-астафьевское мнение — еврейский спектакль. Что день грядущий мне готовит? Что скажет Харченко, что преподнесет Любимов? А что сказал бы Распутин, посмотрев этот фильм?! И напишет ли о нем Пащенко?

21 мая 1990 г. Понедельник. Палата № 936

Может быть, во вчерашнем фильме самая неуместная сторона — болтовня Любимова, его байки, копирование Брежнева. Я наблюдал за Баклановым, рядом сидящим. Он все это тоже мильон раз слышал, не реагировал почти и только взглядывал на смеющихся. Как и всегда, многое коробило, стыдно было за шефа... и это околотеатральное кликушество, эти массовые репетиции с полным залом — «всех пускать!», — что помешали нам сделать «Чуму».

Потрясающий, конечно, геолог вчерашний, собиратель прялок, русской старины, которому предложили кусок трубы газовой отрезать и в коллекцию. «А что, давайте». Притча его про старуху: «Зачерпни воды из колодца, а потом стакан из ведра — одна вода, что в ведре, что в стакане. Так и мы... что Москва, что Муханово...»

22 мая 1990 г. Вторник, ресторан «Русь»

С Любимовым был разговор мирный. Поблагодарил за «Чуму». На мою жалобу, что три подряд «Живого»: «Ну, это,

милый, заграница. Там по-другому не работают. Оливье восемь раз подряд Отелло играл и, бывало, по два в день». Вот и весь сказ.

30 мая 1990 г. Среда, мой день

А Египет нам отказывает в визе, он через свою территорию к евреям никого пропускать не хочет. Кроме того, в Афинах застряли наши декорации. Ефимович обвиняет евреев — вовремя не разгрузили или не погрузили. Я составляю списки — что взять нам с Тамарой в Израиль.

4 июня 1990 г. Понедельник

Господи! Спаси и сохрани! Мы в Иерусалиме. Но Тамары со мной нет. Вещи ее со мной, а где жена моя?! Что это со мной сделали, кто такую шутку отшутил. И как сегодня играть!

Благодарю тебя, Господи! Кажется, я вышел с честью в песне «Пророков нет». Любимов на сцене букет сунул: «Хорошо спел, неси Владимиру». И аплодисменты были густые, и Демидова похвалила. Теперь я оглушил банку лосося и жду Тамару, надеясь на чудо, на везение, на нее саму... Этот адовый спектакль прошел, и можно было бы расслабиться.

— А почему вас не поят шампанским?

— Мы будем их поить, когда приедет Николай Николаевич.

Надо же, открытым текстом. Безобразники. Ну, вот... известия хорошие. Тамара в Будапеште. И завтра надо ее встречать. Слава Богу. А теперь — спать.

5 июня 1990 г. Вторник. Иерусалим

Что делать? Ехать в театр или ко Гробу Господню? Хочется дождаться Тамарку! Ну, тут так все организовано, что ни она, ни я можем не попасть. Туристы наши едут сейчас, так что поеду с ними.

Еда невкусная, хотя обильная, ничего не хочется, читать нечего. Плохо я подготовился к «досугу». Надо поменять настрой. Когда не взяли Тамару, хотел было я отказаться играть, а заработал букет от шефа. Конечно, все это не дело. Но амбиции оставим в стороне, хотя обидели ее жестоко, обманули. Сегодня я развесил ее вещички, дождусь мою жену, любимую, несчастную, но хорошую. Господи, спаси и сохрани семью нашу! Дай мне сил провести гастроли эти на высоте, Петровича не подвести. Ему тут жить, и Петьке жить.

Этот день я буду долго вспоминать. Из автобуса туристического пришлось мне выйти, там не хватало мест туристам, а обижать — они заплатили по 3600 рублей своих.

Короче, с ходоками отправились пешком мы в Старый город, в Старый Иерусалим и побывали во всех местах святых, а на Голгофе я помолился коленопреклоненно и освятил крестик. Поклонились мы и Гробу Господню. Поклонились мы и Гробу Божьей Матери. Были мы и в саду Гефсиманском, и видели дерево, под которым беседовал Иисус с учениками своими. Заходили внутрь дворца, где камень, где Пилат беседовал с Иисусом. Иерусалим белым солнцем пылал и красоты был полон вечной. И все это успели благодаря тому, что встретили Веньку с Галькой, а Веньку возил на машине 20 лет живущий здесь русский еврей. Венька ему сказал, что у меня ноги больны. В машине оказалось два места, и мы с Аллой, актрисой «Ленкома», подругой Селютиной, очутились в машине. Венька под мои больные ноги уговорил товарища... надо же, забыл имя... только что расстались... отвезти нас к Мертвому морю... и мы омыли свои бренные тела в этом одном из чудес мира, где вода так насыщена солью, что держит тело твое на поверхности и выталкивает тебя. Надо, чтоб вода не попала в глаза и нос. Алла с Галькой купались без лифчиков, в трусиках интимных, и никого это не смущало, хотя и смущать было некого. Час назад, как проезд к купальне был закрыт и нас любезно пропустил парень, что следит за тем, чтоб никто не отплывал от берега дальше положенного, ибо, если унесет кого, возвратиться тому самому не достанет сил. Омылись мы пресной водой, много фотографировались, конечно, утомились, но Аркадий кормил, поил, рассказывал. И теперь повез показывать вечерний Иерусалим, а я вернулся в отель ждать Тамару. Господи! Чтоб они долетели нормально, славно, без приключений, и чтоб трезвая приехала жена моя.

И день такой подарил мне Венька — ну, такой способ жить. Галина — идея личной свободы, независимости... Она много ездит и от этого практически знает английский и французский. Огромное количество друзей, знакомых, набивание на новые связи, приглашения. Для меня такой способ существования немыслим. Да и привыкнуть к нему вряд ли теперь возможно из-за некоммуникабельности Тамары и наших пагубных привычек.

Вероучения здесь живут рядом совершенно, и сомнений нет, что Христос был и воскрес из мертвых. Нам, воспитанным в антихристе, представить это было невозможно. Сколько же нам еще жить в таком невежестве, в такой трагедии?!

Устал, утомился, морда красная от солнца и ветра, но ужасно доволен днем. Теперь бы только «Живого» сыграть сносно. Да почему сносно?! Надо играть хорошо. В ту меру таланта, что послал тебе Бог.

7 июня 1990 г. Четверг

Марк забрал нас с утра с Тамарой, и мы побывали в храме Креста. На этом месте росло дерево, из которого был сделан крест для Христа. Здесь же могила Шота Руставели, который пришел сюда паломником, здесь написал «Витязя» и по завещанию был похоронен на Святой земле.

Два раунда я выиграл бесспорно. Второй даже с наибольшим преимуществом. Теперь последний, третий и решающий. Вспоминал Тоню на спектакле, как она на полу сидела, ее слова про мое пьянство и про великость... Господи! Не гордыней обуян, нет. Но куда денешься от того, что Глаголин передает, как хвалит меня Петрович за песню «Я из дела ушел». «Такое впечатление, что он действительно собирается уходить из этого дела». Это он уж от себя добавил.

Петрович хвалил за песню, что я пел за Губенко?! Мы и без министра можем играть Высоцкого. Но что-то сорвалось, почему-то дополнительный спектакль не случился. Кто-то в СССР не дал добро, не ответил на телекс. Ничего не понимаю. «Ты же человек одаренный, ты не можешь не видеть, что вы разучились конкретно действовать... корабль полон дыр, и только один старый дурак пытается заткнуть дыру то там, то тут». Любимов говорит, что нужно сделать к вечернему спектаклю, подходит женщина, я вижу — в руках у нее моя книжка. Она обращается к Любимову: «Простите, я не могу видеть Золотухина, чтоб он расписался на своей книге?» Любимов: «Пожалуйста. Вот Золотухин». И я опять счастлив. К тому же она добавила: «Вы думаете, здесь нет ваших книг?»

Пишу в гримерной. Передо мной фотография моих родителей. У Тамары сегодня удачный день. Она побывала с Марком во всех святых местах. И даже у Стены плача, где пока я не был. Господи! Она сегодня счастлива. И я счастлив за нее.

Благодарю тебя, Господи! Дай мне сил сделать третий спектакль «Живого». Может быть, я зря не взял коньяк? Но я бы его употреблял, а потом боялся бы за текст. Нет, прости меня, Господи. Не коньяк меня спасет. Бог поможет мне и терзаемая со всех сторон Россия. «А нужна больна мне родина, родная сторона...»

Аплодисменты... Кажется, финал. Аплодисменты густые, скандируют. Хорошо, но не завидно. Это все на успех фестиваля. А значит, и на наш успех. Дай им Бог... «и не забудь про меня». И все-таки меньше, чем нам. Какая все-таки дрянь тщеславие — самое большое уродство психики.

Ну, с Богом!

8 июня 1990 г. Пятница

Приехал Николай. После того, как от Ефимовича я узнал, что он здесь, я позволил себе выпить. Подписал ребятишкам книжки, а они убежали... не дождались. Зашла в шляпе русская, Тамара. Много хороших слов сказала: «Я видела ваши слезы... Скажите, как у вас... Страшно... Вы разбередили раны, которые здесь, на этой земле, которая приютила нас, стали затягиваться. Я вас помню по русским песням. В Угличе я купила сборник песен русских, которые пела Русланова. Я хочу вам спеть». И она спела прекрасно «Брат сестру качает» и «Во деревне». Я не умею это описать, но было это замечательно грустно.

Тамара собирается в июле в Москву преподавать или, как она сказала, учить ивриту тамошних будущих жителей Израиля.

И опять я вспоминал вчера сестру свою, сидящую на полу кухни! Господи, помести ее в рай! Как она намучилась в жизни здесь.

Любимов громко, при всех:

— Валерий, благодарю за самоотверженный труд! Но многие товарищи помогали тебе плохо.

Это точно.

— Потому что ты тянул, а они... так... Тянешь, ну и тяни.

Это точно...

19 июня 1990 г. Вторник

Ну и жизнь мне устроил Андрей Смирнов своей статьей в «Литературке», назвав мое выступление на Шукшинских чтениях «омерзительным зрелищем». Еще он ударил по Толе Заболоцкому. Тут же посыпались отклики читателей — один прислал использованный презерватив со словами: «Я твою жопу драл». Другая, еврейка, письмо (я его зря выбросил): «Мы уедем и наши дети будут жить хорошо, а вот как вы жить будете...» Документ — статья и письмо какой-то дамы, — что вывесил Любимов в театре на общее обозрение, превзошел всю подлость, что можно было ждать. Там я и антисемит, и черносотенец, и ярый хулиган. Рассказал мне об этом Бортник вчера, который защищал меня перед Любимовым: «Это было не так, поверьте мне, Ю. П., и как же можно было это вывешивать, не поговорив с Валерием, не объяснившись с ним».

Всю ночь я думал, как мне теперь жить, никому ничего не докажешь, не докричишься. Вытащил открытку поздравительную Распутина: «Слушал твое слово у Шукшина — очень и очень хорошо». И успокоился несколько. Почему я должен обращать внимание на «интеллигентный» плевок Смирнова и не верить

спокойным словам мною любимого писателя и человека. Я наблюдаю его часто по телевидению, и он мне все больше и больше приходится по сердцу.

Да, что будет при встрече с Любимовым? Какой диалог произойдет? Ванька провел с ним серьезную подготовительную работу. Любимов знает, что этот разговор Иван мне передаст, и готовится защищаться, его метод — нападение.

20 июня 1990 г. Среда, мой день

Завтра сбор труппы. Я сказал Глаголину: «Если он мне сделает втык, я приду в театр с заявлением об уходе». Все советуют мне не обращать внимания, но я пока не могу окончательно успокоиться. И вот всю ноченьку напролет я нынче вел беседу то с Любимовым, то со Смирновым и пришел к выводу, что, если Смирнов так разъярился, значит, мои слова достигли цели. Этим я себя успокоил. Но это, так сказать, словесный успокой. А дальше...

Приходил ко мне вчера Андрей Крылов. Предуведомление в результате наших общих усилий получилось точным, эмоциональным и убедительным. Долго я ему разъяснял нынешнее мое «антисемитско-черносотенское» положение, создавшееся по вине А. Смирнова, и что появление «Дневников» вызовет дополнительную ярость и блевотину моих оппонентов. Он как-то мягко отклонял мои страхи и простой аргумент привел: к тому времени, как выйдет книжка, эта история забудется. «Кто-то дал тебе по морде, а ты узнаешь об этом только через полгода». Это сказал В. Аксенов. Так. К этой истории я больше не возвращаюсь.

«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет» — эта фраза черносотенный, антисемитский оттенок носит?

Невеселый день. Отменили съемки из-за погоды, холодно, не дали обезьян — они сильные, но нежные. Одна вчера описалась в штанишки, а сегодня у нее уже сопли. Надо несколько раз съездить к ним в Химки, выпить коньяку с обезьянами, чтобы какие-то приличные совместные кадры снять — в обнимку, за ручку и пр. Завтра центральная сцена — финал... Я думаю, что после сегодняшнего разговора с Ирбис я смогу этот эпизод сыграть.

21 июня 1990 г. Четверг

Габец сдержала свое слово и задала шефу свой вопрос: с чьей подачи был вывешен этот документ. Шеф в истерике кричал, глаза у него бегали, как у волка, загнанного в угол. Это его состояние я знаю, когда он огрызается и щелкает зубами, но

ответить вразумительно и внятно ничего не может.

23 июня 1990 г. Суббота

Вот так живешь, живешь, работаешь с человеком и не подозреваешь, какой он дурак. Машка вчера: «Надо же собраться, поговорить, обсудить. Мы же тебя знаем много лет. Как нам-то быть? Ты же работал с Эфросом!» Это меня ввергло в совершеннейшее отчаяние, смехоту и истерику от глупости и наивности. Аргумент — раз я работал с Эфросом, значит, я не могу быть против евреев. А если бы не работал, то у меня нет доказательств, что я не антисемит. Ну, хорошо... И вообще, почему я по чьему-то газетному доносу должен доказывать, что я не верблюд?

Ну и денек мне выпал. Боря Дьяченко любопытно разложил мою жизнь. «Ты получил два удара — от Рязанова и Смирнова. Это — знак. Значит, что-то не так. Ты личность, художник. От тебя ждут, а ты молчишь. Ты должен сделать какой-то шаг, взять все на себя...» Два удара от евреев.

Мне кажется, мои друзья или люди (не враги) меня не за того принимают.

— Как я счастлива, что знакома с тобой...

А я мечусь от Агафонова к телефону и обратно.

— Я пришел к тебе, потому что ты любишь его, а он любил тебя, — так Боря сформулировал причину поводов разговора о Высоцком. Он что-то хочет сделать, сказать новое слово... — К Богу не приходят с гитарой, и перед Богом там оправдываться поздно. Это все — гордыня. Он трагическая фигура, потому что он не пришел к Богу. Он побежден дьяволом. Но миллионы оплакивали и молились за него, поэтому есть надежда, что он все-таки взят очень высоко.

24 июня 1990 г. Воскресенье

И Бог послал новый день. Молитва, зарядка. Вспомнил Альцеста, Эфроса... достал портреты и наревелся всласть! Господи! Пошли душе Анатолия Васильевича мир и успокоение. Скажи ему, что я помню его и прошу прощения, что мало защищал его от нападений и принижений... от несправедливостей. Но «все выйдет наружу...».

25 июня 1990 г. Понедельник, день тяжелый

«Борис» у меня был вчера отменный. И голос меня не подвел. С Любимовым объяснения до сих пор не состоялось, а я и рад — руки у меня развязаны, есть свободное время.

Шел по «Мосфильму» и с грустью наблюдал за своим сердцем — нет, не заколотилось, как прежде, при виде одной набережной,

ведущей от Киевского вокзала к фабрике славы. Нет, не произошло обычного тщеславного прилива — скука. Кто-то куда-то бежит, спешит, надеется на что-то. У меня же все отгорело, отболело — равнодушие. Взволновал только запах скошенной травы, пахнуло моим детством, моим земляничным увалом и березовыми гарями. Что-то шевельнется вдруг, когда повстречается и не заметит, конечно, или перейдет дорогу какой-нибудь старый знакомый из постановщиков или осветителей. Только отметишь про себя, как постарел. Еще сильнее кольнет, когда увидишь костюмершу, к которой приставал, которую целовал и которой задирал юбку, но тут уж свернешь резко в сторону, чтоб не встретиться взглядом, потому что идет сморщенная, согнутая старуха... да она бы и не узнала тебя — слепая. С такими мыслями и не весьма тонкими наблюдениями продвигался я медленно по территории студии к новому тонателье.

26 июня 1990 г. Вторник. 15.40 московского

Потрясающий документ создал Слава Говорухин. Призывает открыто с экрана к суду над КПСС, по аналогии с судом в Нюрнберге. Мы ездили вчера в театр с Сапожниковым и Горкиной.

28 июня 1990 г. Четверг

Звонил Любимов:

— Нельзя так не уважать старика.

Поговорили насчет такта.

— Я велел снять газету.

Эту фразу он повторил несколько раз.

— Отвечать на каждую провокацию — жизни не хватит...

Я думал, что вопрос решен сначала моей болезнью, теперь болезнью жены, к которой я мотаюсь в больницу.

Звонок меня, надо сказать, тронул. Через минут десять я схватился звонить ему, дескать, если можно, приступлю с понедельника, но он ушел уже на репетицию.

Может быть, и хорошо — первый порыв благороден, бойся его... есть время обдумать и взвесить все холодно. Не будем суетиться. Поехать в театр, объясниться с Любимовым и с понедельника или вторника приступить к репетициям. Это неизбежно, и это правильно, это по-моему, и старика, «с которым вы проработали столько лет», надо уважить. И на горло собственной песне наступить. Не такие были времена, и то мирились. «Обиды мешают дело делать». Смирение — лучший помощник в моих душевных делах.

Был в театре. Побастовал маленько. Во время допроса Иешуа Пилатом на сцену вышел Любимов и сообщил, что у чухонцев 13% на культуру тратили, а у нас — 1%; что можно сделать на 1%? Один процент, да к тому же неконвертируемый.

15 июля 1990 г. Воскресенье

Почему заболел министр?! Не от забастовки ли?

19 июля 1990 г. Четверг

А что происходит с Эрдманом?

Любимов все время вспоминает первую репетицию, собранную, глубокую, строгую. Пока только сегодня что-то забарахталось под сердцем у меня на этой чертовой лестнице. Говоря эрдмановский текст о матери, я смотрел на свою молодую маму с отцом... Фотографию, как икону, взял с собой наверх, на рабочее репетиционное место. Я — тоже самоубийца... я убил талант свой, пропил, проспал, прое... — самоубийца. Но... «сохраните веру в себя при самых плачевных обстоятельствах — при этом всегда будьте в хорошем настроении». Самое большое уродство психики — тщеславие.

20 июля 1990 г. Пятница

Есть загробная жизнь или нет?

21 июля 1990 г. Суббота

Не надо завидовать, не надо переживать, что кому-то повезло (Ванька снимается в Евпатории у Худякова в главной роли, с ним там Татьяна), что кто-то пишет и издается (у Леньки вышла замечательная книжка стихов и прозы), что кто-то живет в хороших, отремонтированных квартирах, а тебе не хочется этим заниматься, потому что тебе почему-то кажется, что тебе тут не жить (такое у меня было в последние три года жизни с Шацкой; кстати, заметил я — она похудела, молодец, и как она вчера хвасталась мне Ленькиной книжкой!), что у кого-то девятнадцатилетняя жена (Ромашин приехал с собакой и девятнадцатилетней женой на съемку к морю). Вообще это тебе не свойственно было, но теперь и понятно почему — тебе везло, тебе везде светила удача, теперь повезло другому. Уповай на «21-й километр».

22 июля, 1990 г. Воскресенье

Перед Галей (Геллой) я реабилитировался с лихвой. Оказывается, я ее крестный отец, она почти умирала и вдруг увидела передачу «Театр одного актера», где я читал главу про

дядьку Ивана обезноженного: «Степь да степь кругом...» — и она стала жить. Ее мать часто спрашивает про меня, как, дескать, поживает там твой крестный отец.

24 июля 1990 г. Вторник

Был министр, и, судя по всему, не понравилось ему... Интермедии наши хороши сами по себе, но не доделаны (клоуны), то есть наша четверка недосвязана.

7 августа 1990 г. Вторник

Наша премьера не встречена шибким энтузиазмом, и статья Смелянского тому подтверждение. Хуже всего, что осуждаются интермедии, «режиссерская драматургия». И смысл всего, что Николай Эрдман — самоубийца, как бы критиком вне понимания остался, хотя тут может крыться и сознательное — «а слона-то мы и не заметили, надо чистую пьесу ставить». Тут давила и внутренняя полемика с Ефремовым и МХАТами. Впрочем, мне кажется, что я не напрасно ввязался в это дело. Я выполнил свой долг перед шефом до конца. Я играл в сочиненном костюме и, в довершение, белых носках.

В главке ходят упорные слухи, что Любимов не вернется. Зачем, скажите, тогда ему создание этой ассоциации и прочие затеи? Нет, он вернется, деваться ему некуда, ему скучно без российских сплетен и скандалов.

13 августа 1990 г. Понедельник

Вчера был День строителя — Катуаровский керамико-плиточный завод наградил нас почетными грамотами. Посмотрел я на Николая Николаевича Рыбникова, и грустно мне действительно стало — себя увидел я в его облике, мыслях и разговорах, пустых, добрых, хотя и пьяных. Безликое, жалкое существо. Безвольное. И мне понятно, почему Губенко когда-то не допустил его к съемкам, а потом и к озвучанию: «Идите, проспитесь!» Губенко вообще противны должны быть подобные типы.

Был у Кати, сделал ксерокс дневниковых страниц с черновиками «Слова на Пикете». Взял журналы, поехал к Железновой. Она тоже была удивлена моим поведением на Шукшинских чтениях, я поведал ей суть моего выступления, а также любимовскую реакцию с вывешиванием этого пасквиля на всеобщее обозрение. И она, и Лавлинский однозначно считают, что Смирнову надо отвечать.

21 августа 1990 г. Вторник. «Кавказ». Утро

Почему, в конце концов, я не могу гордиться тем, что меня родила русская мать?! Что я русский по рождению и по паспорту?! Мы были с «Таганкой» в Израиле, они мои частушки воспринимали с восторгом. Я видел, как они гордятся своим происхождением, с каким упоением, с каким трудолюбием они заботятся о своей родине, с каким военным бесстрашием они готовы защищать свой Израиль. Часто мне приходится работать с цыганскими ансамблями. Как они гордятся, что они цыгане. И без конца и края поют давно известные свои песни и пляски. Ни один концерт грузинских артистов не обходится без лезгинки. Как только начинается «Камаринская» или «Калинка», наши дети переключают телевизор на другую программу, а если концерт по заявкам радиослушателей составлен из русских мелодий — это проявление крайнего великодержавного шовинизма, национализма и антисемитизма.

И то и другое мне противно. В нашем классе на Алтае учились евреи, немцы сосланные, молдаване высланные, калмыки, украинцы, русские, и никто из нас не был ущемлен, выделен и не заслуживал какого-то высшего внимания, кроме меня и дочери секретаря райкома — мы были начальниковы дети и по детскому недоразумению втайне знали, кто мы такие. Но это уже как бы классовое разделение, о котором мне стыдно вспоминать, потому что в новогоднюю ночь мы с братом находили под подушкой мандарины и колбасу и не имели права носить это в школу. А то, что евреи плохие люди, никто мне на Алтае не говорил. Я об этом узнал только в Москве от людей грамотных и цивилизованных, но, честное слово, я им не поверил и не верю сейчас. Отдельные евреи, как и отдельные русские, разумеется, нехорошие, но то — отдельные, как и отдельные немцы, но народ... при чем тут весь народ? Неужели я должен оправдываться в этом и отчитываться перед господином Смирновым, что я не верблюд?

Есть люди, у которых аллергия на слово «русский», «русское», «русский дух». Так что теперь мне делать?

Содержат ли эти короткие строки, превращенные в устную речь, призыв к борьбе «за чистоту крови» или ущемление прав какого-нибудь из многочисленных в России нацменьшинств? Ну, разрешите мне говорить о бедах моей многострадальной России, о которых говорят многие хорошие люди и из братских республик, автономных и неавтономных областей и краев. Россия — наш общий дом. Надо речь Сталина процитировать.

8 сентября 1990 г. Суббота. Ухта, гостиница «Тиман»

Министром культуры РСФСР избран Юра Соломин. Это

хорошо.

9 сентября 1990 г. Воскресенье — отдай Богу

Вчера директор Дворца культуры и техники комплиментарил: как, в каком напряжении я держу зал на протяжении всей встречи... не в пример Калягину, который показался не с лучшей стороны, скучно, утомительно.

16 сентября 1990 г. Воскресенье

Закончу эти гастроли и начну новую жизнь.

17 сентября 1990 г. Понедельник

Мы закончили первую «серию» по спектаклю «В. Высоцкий». Голос у меня звучал на «Баньке» идеально. «Ты идеально, по-моему, управляешься с фонограммой», — сказал мне вчера Ю. Медведев. Шеф после спектакля: «Валерий, не слушай никого. Это очень сильно действует. В спектакле этот прием возникает один раз. И становится понятно, что это — одна компания. Ведь он специально писал на компанию, на свою компанию». Хотя перед спектаклем Коля не преминул напомнить ему его же фразу, сказанную накануне: «Есть люди с хорошим вкусом, а есть люди с дурным вкусом. Так вот, это — дурной вкус». Шеф растерялся: «Ладно, пусть дурной, но будет так». — «Это ваше право, это ваш спектакль, но я остаюсь при своем мнении». Такие, как мне кажется, лишние перепалки. Но кто ему еще чего возразит, скажет?! Какой омерзительный монолог был произнесен им на второй репетиции «В. Высоцкого»: «Ваша система, ваши вшивые деньги, ваше советское воспитание» и пр. Как было стыдно за него, как хотелось встать и уйти, как хотелось крикнуть: «Да замолчите же вы, остановитесь в своем хамстве и холуйстве, да знаем мы не хуже вас про свое отечество!»

Филатов:

— Я, пожалуй, застрелюсь.

Жукова:

— А я повешусь.

Любимов:

— Вы свой фильм сняли?

Филатов:

— Да, снял.

Любимов:

— Тогда можете стреляться.

Филатов:

— Спасибо за разрешение.

Теперь все сваливают на Ефимовича. И что суточные

маленькие, и что мы жить будем в казармах по 4 человека в комнате, и что — о ужас! — дети в «Живом» будут немцы. Такой контракт заключил Ефимович будто бы.

Почему нет Жановой? <Жанова Татьяна — музыкальный руководитель театра.> Она бы сейчас занималась с детьми. Она бы их подготовила... Но зато у нас Вилькин, Валя — референт, Левитин с женой, Майбурд, два помощника режиссера, Шкатова и Наташа Альшевская... Куда мы смотрим, и что это за контрактная система, позволяющая везти столько нахлебников?!

Мумиё выпито, надо идти на завтрак. Возьмет ли меня мумиё? За завтраком одни и те же разговоры — суточные, ассоциация, бригадные подряды и пр. Все клянут шефа, говорят с ненавистью. А я вспоминаю Эфроса и думаю, как несправедливо поступила с ним судьба, и с нами тоже. Выслушивать от Любимова всю эту поносную гнусь — да, дело малоприятное. По телевизору показывали грандиозную демонстрацию против программы Рыжкова, опять в поддержку Ельцина.

Косметический ремонт вызывался состоянием государства. У вас фасад, вы ломаете стену. Шок и национальная обида. До чего можно довести немцев?! Как поднять престиж всего государства? У нас нет такой экономической базы и за 73 года советской власти опыта нет никакого. Но надо сначала прозреть, это полуслепое общество. Были загородки, по которым общество куда-то шло. Пали загородки — и куда идти? Два МХАТа, как туалеты, мужской и женский. Раскололся Ермоловский театр. Понятно только КГБ — в центре Дзержинский, вокруг все ездят. Я предложил взять памятник Дзержинскому и перенести во внутреннюю тюрьму перед кабинетом Крючкова. И в театре происходят сложные человеческие изменения. Как вырастить новое поколение, чтоб сохранились какие-то традиции? Мир живо отреагировал на появление нового Гитлера в лице Хусейна. Рецидив отражается на культуре. Извините, я нарушил традицию Чехова: краткость — сестра таланта.

Любимов: «Я менялся сам, я искал. От Брехта к Достоевскому... не только художественные формы, но и философские воззрения. Бердяев, Флоренский, и театр менял репертуар (все смешал в кучу). Отсюда пошли... ряд стихов Пастернака на библейские темы. Почему я восстановил „Живого“? Были дискуссии, почему не ставлю новые, а восстанавливаю закрытые. Я эту дискуссию выиграл. „В. Высоцкий“, „Живой“ — это прежде всего хорошие художественные произведения. Булгаков, Солженицын. С покойным Эрдманом я имел честь быть знакомым... был знаком с Пастернаком. Система страшная ломала этих замечательных художников — пример тому

Шостакович. Восстанавливая „Преступление“, я опирался на людей, которые хотят со мной работать, и впредь буду делать так. Сейчас эти несчастные, обездоленные люди видят спасение в быстром укреплении себя и семьи своей в материальном отношении, сохранить свое благополучие. Для искусства — момент самый неблагоприятный. Эти работы дали людям возможность посмотреть мир. В Японию с „Борисом“ и с „Преступлением“. Японцы — серьезный народ. Русские актеры не очень выносливы, система разучила их работать, как лорда Оливье. Лорд босой, холодно в зале, а он играет, бюллетени не берет, не простужается, и восемь спектаклей в неделю… За девять месяцев мне нужно было сплотить команду, способную конкурировать на международном рынке с другими труппами. Понять ситуацию в стране, понять на себе, а не из газет… Венера Милосская стоит и обслуживает все режимы — социализм, реализм, фашизм, и всех устраивает. Правда, какой-нибудь очередной Гитлер, вроде Хусейна, может приделать руки ей».

После репетиции Николай негодует — 4 дня, столько администрации, не могли договориться и взять в Восточном Берлине русских детей. Хрен знает чем занимаемся три часа.

Любимов: «Чего ты лаешься, как сапожник, в чужой стране?»

Репетиция утомила и развеселила в конце концов. После — прием в консульстве, где он и со мной говорил на общие темы, но однако ж выпил и был лиричен.

Любимов: «Из этой страны (России) актеры всегда стремились уехать (?!!). Вспомните, даже Пушкина не выпускали».

В «гефсиманском саду» консульского дворика, прогуливаясь и беседуя с каждым в отдельности, Любимов сказал: «А у меня маленький сын, и я должен думать о нем. Извини, но я его люблю больше, чем этот развалившийся организм (театр или Россию он имел в виду?), да-да, он мне дороже. Ведь я девять месяцев работал как проклятый, на износ. Я поставил рекорд, который должен быть внесен в эту идиотскую Книгу Гиннесса. За такую зарплату нигде не работают — мне персонально выделено 600 рублей, в пересчете — 60 долларов в месяц, надо мной смеется мир».

18 сентября 1990 г. Вторник

Глаголин: «То, что ты орешь из-под этой материи — потрясающе. Губенко — м…, такое впечатление, что он хочет отделить тебя от Высоцкого. Вообще вся эта компания Филатов — Смехов во главе с Губенко… Они хотят оторвать тебя от Высоцкого».

Все время першит в горле. Улетел Филатов, передал с ним письма и записку Тамаре, чтоб позвонила. Губенко вдруг сам вспомнил о моей просьбе: «А Тамара может это сделать?» — «Нет». — «Там такое правило есть, надо выкупить в течение трех дней». — «А-а, заплатить-то она может». — «Только заплатить... Тебе какую — „шестерку“, „девятку“?» — «Шестерку», мне на ней дрова возить. У «девятки» низкая посадка». Вот такой разговор возник вдруг в гримерной.

Надо бы Леньке сказать было.

А я буду в Москве 20-го, позвоню Тамаре. Так, теперь надо, чтоб она еще трезвая была. Но я что-то вообще не верю в этот сказочный вариант. Пришел Дедушка Мороз Николай Губенко и вытащил из-под годуновского халата машинку мальчику Валере.

Не казни себя, Валерик, не самоедствуй. Это же вполне естественно, что ты заботишься о своей физической форме, форме артиста. Тебя таким мама родила. И то, что тебя точат угрызения, что ты до сих пор палец о палец не ударил, чтобы съехать с первого этажа (решетку и под охрану поставил), значит, где-то чем-то все-таки ударил, поменял бы квартиру — глядишь, и жизнь поменялась бы. Нет, даже на это тебя не хватает. На что еще?! С машиной, что дымит, — разберусь. С напечатанным разберусь. Ну, не послал Бог. Ох, ну так, знать, судьба такая. Что ты унываешь? Кому ты завидуешь? Любимову? Упаси Боже! Губенко? Да никогда в жизни! Филатову? Отчасти, потому что умеет себя мобилизовать, сделать, написать, убедить, снять. А так-то что? У них своя жизнь, у тебя своя. Да... Замечательной откровенности был день прилета. Очутились в номере у Нинки с Ленькой. Рассказал я Леньке, сколько гадости в дневниках записано, и про него лично, потом пришел Бортник, и ему сказал, и что собираюсь это опубликовать, и что не убивайте вы меня, Христа ради, коллеги мои гениальные, которыми любуюсь я — крест святой! — когда вы в форме играете вдвоем Моцарта и Сальери... И, по-моему, даже плакал я от восторга. Много говорили о Дениске, и много плохого. Это печально. Ленька ужасно злой на него.

В театре после репетиции шеф с чудной интонацией пожалел, сказал неожиданно: «Знаете что, идите домой, в гостиницу, автобус будет только в два часа». И мы пошли, Демидова показала нам направление, все время говорила про разрушенную церковь: «Как, вы не видели разрушенную церковь?» А зрелище это действительно потрясающее... Разбитая, со срезанным верхним ярусом... и рядом уникальная, высоченная, изящная коробка из стекла и металла без всяких выступов и пристроек, и наверху — золоченый, сверкающий крест.

Так вот, мы спрашивали себя, что случилось с шефом? Или Борис ему нашептал? Что надо отпустить братву по магазинам. Он как бы извинялся за свое хамство в адрес русского, невыносливого артиста. Да, это дорогого стоит.

Нас жалко всех, но мне жалко и Николая. Лежал он сегодня на диване перед репетицией и говорил: «Что же с ним произошло? Какая это стала невыносимая развалина!» — «Любимов?» — «Да я, при чем тут Любимов... а ведь, бывало, до двух часов ночи... и потом... а потом свежий, как ни в чем...»

Господи! Помоги нам в «Годунове»! Не дай мне сорвать голос и партнерам помоги. Особенно Николаю. От его удачной игры зависит его настроение человеческое. А от настроения человеческого — его помощь министра в адрес театральных наших внутренних дел.

19 сентября 1990 г. Среда, мой день

Ну, что же... после первого акта прибежал шеф и очень радостно сказал, что спектакль идет хорошо. Поблагодарил он и за второй акт. Игралось мне храбро, сильно. С большим удовольствием, прости меня, Господи и Алла Сергеевна, я все-таки играю с Шацкой. Впрочем, это и понятно. Пичкаю себя всякими лекарствами, чтоб восстановить или профилактировать состояние связок. Пью пилюли, надеюсь, что «усну». На «Годунове» был неполный зал, то есть партер 100%, а галерка пуста. Но принимали грандиозно. Был и посол... только какой, ФРГ или ГДР? Хотя как бы уже это и порушено, слава Богу, и теперь с 3-го октября, в день нашего отлета, это будет Германия объединенная.

Ужинал вчера у Шацкой, пьют они джин-тоник, Нинка — шампанское... сколько же она с собою привезла, шампанское-то советское. А уж пятый день идет нашего пребывания на этой земле.

Глотнул мумиё, жду, когда пройдет полчаса, чтобы пойти на завтрак.

Интересно, сколько мне заплатит Любимов за мой труд в Берлине, если я, конечно, окажусь одним из «выносливых русских артистов»?

Это вообще смешно, но характерно при двоевластии и при двуавторитетности в таком заведении, как театр. Никто открыто не держит сторону ни Любимова, ни Губенко в вопросах, касающихся творчества. Но многие отдельно подходят и шепчут мне, что «твой второй голос вчера в „Баньке“ — здорово».

Но это против Коли, и говорят мне об этом тет-а-тет. Не влезают... А что бы сказать: «Коля! Ну это же хорошо!» — или: «А

я с Николай Николаевичем согласен(на), мне это тоже не нравится».

А может, и правильно: наше дело подчиняться тому, кто в данном случае руководит театром, да потом ведь он все-таки действительно автор спектакля, и его право «воротить, что хотить».

Но, вот... вернулись от шефа. Разговор был хороший, заключил его совершенно чудесным, деловым образом Левитин. В результате Майбурда не будет, и правом подписи первого лица обладать будет Глаголин. Слава Богу, что эта «голубка, застигнутая ураганом», по выражению Г. Н. Власовой, — Вилькин наконец-то исчерпал кредит доверия Любимова, да и труппы. Все остается на своих местах, театр пока еще государственный, и надо продержаться эти три месяца. Тут, оказывается, возникают еще гастроли в Чехословакию, пока Гавел президент. Любимов обещал поставить его пьесу. Закручено без нашего ведома.

А шеф ждет Николая. Он хочет уйти от Бугаева, из-под опеки Москультуры. А Николай не может этот вопрос решить без Попова, а Попов три месяца не может (или не желает) встретиться с министром культуры. Театр нужен Любимову как гастрольный по заграницам, чтоб с ним под эту марку заключали там контракты. Да Бог ему, действительно, судья. Со всем тем, что сделал для России, организовав такой театр с таким репертуаром, и подчас сумасбродным поведением, отдающим хамством и к труппе, и к России. Несмотря на все это, ему семьдесят два года, 30 сентября будет уже семьдесят три, про это тоже надо не забыть, мы отметим этот день уже в Мюнхене. Несмотря на все его заявления против Эфроса (оправдывает или смягчает, что он не предвидел такой развязки, неожиданной смерти Анатолия Васильевича), он вправе выбирать себе образ жизни на сегодняшний день.

Я начал с того, что Любимов ждет для разговора Николая, а Коле этот разговор на хрен не нужен: он изначально не признает эту авантюру с ассоциацией, с мифическим «конвентом» и пр. Разговор вел Венька, но, зная настроение масс, формулировал он правильно, хотя нет-нет да фимиаму шефу подпускал.

Что-то только передало телевидение о Рыжкове — подал в отставку? Упаси Боже, если застрелился! Скорее всего, первое. Но к этому шло. Будет новое правительство! Какое место в новом кабинете займет Губенко? Он послезавтра летит в Москву. Хоть бы успел мне машину продать по ценам нынешним. Вот ведь о чем думаю я перед ответственнейшим спектаклем, который принесет очередную пачку долларов Любимову. «И потом поймите: ни моя жена, ни Петя не хотят жить в Союзе». Это мы

давно поняли! Почему вы и остались. Ларчик ваш мы открыли давно, не надо только думать, что вам удалось запудрить мозги всем.

На предложение «подписи первого лица» Николай сказал Глаголину, что в Бутырке места хватит. Человеку, не компетентному в финансовых дисциплинах, они такое подсунут... а он будет отвечать.

20 сентября 1990 г. Четверг

У Тамары день рождения, ей сорок три года! Милая моя Тамара Владимировна! Я счастлив, что встретил тебя, поверь мне... У нас было много золотых и замечательных, счастливых дней, свидетельство тому — наш добряк Сережа. Я поздравляю тебя! Я сбегал к Николаю, благо его еще не отвезли в аэропорт, и попросил его дозвониться до тебя. Хорошая моя, все время вертится на языке «не пей!», но я скажу: «Будь здорова и счастлива!» Министр живет в таком же номере, как и я, он достаточно неуютен. Вчерашним спектаклем — он у меня все еще сидит в душе и печенках — я действительно горд. Но я был бы еще более горд, если бы это случилось, скажем, в Барнауле, или Иркутске, или Красноярске. Россия не знает, что такое «Таганка». Я был в форме, хотя голосок трескался и глухо иногда отвечал, но я лихо прыгал через кресла, кувыркался и наломался от пуза, в смысле физическом! Так что к вечеру тело ныло и болело во всех местах, будто сквозь строй прогнали.

Демидова: «Если Рыжков уйдет в отставку, Министерства культуры СССР не будет...»

Я не дописал фразу вчера, пришла Жукова. И странно, отчего Любимов так о Соломине отзывается. «И этот новый министр Соломин... это такая... как Ельцин проглядел?.. У него же в аппарате есть приличные люди... но этот министр...» А я-то дозвонился 12-го до Виталия, попросил у него телефон брата, рвался его поздравить, но не дозвонился — занято постоянно было... С Ежи мы хотели телеграмму дать. Чем Соломин нехорош Любимову? Антисемит? Плохой артист? Неправда! А в общем-то, как бы мы ни прыгали, а он наш непосредственный министр и что-то надо будет решать через него в любом случае.

21 сентября 1990 г. Пятница

А пока... на ближайшее время ожидание всеобщего собрания, где будет, очевидно, представлен нам новый и. о. директора — Борис Глаголин, вышедший из КПСС и тем самым (но не только, конечно) получивший расположение шефа. Потом... социалистический путь в театре мы прошли... Мы не верим в

ассоциацию, в «Конвент»... мы не верим, потому что не знаем... мы хотим р-раз — и в дамки. А почему бы не поверить и попытаться осознать, вникнуть, потерпеть... но и — это главное! — потрудиться. Характер (мысль старая, но очевидная) шефа мы не изменим. Он все равно будет ругать СССР... систему, это его конек. Наша задача шкурная, как можно больше, пока он жив, выжать и из его таланта, и из его имени, то бишь марки фирмы «Таганка — Любимов, Любимов — Таганка» — близнецы-братья.

Ну что, побазарили насчет ассоциации. Дело, безусловно, темное. Рабочий класс обижен и, мне кажется, весьма справедливо. Но они хотят или даже требуют уравнять или почти уравнять их с актерами. Нет, они обижены еще и нравственно. Ассоциация материально их никак не заинтересовала, деньги вышли те же.

Ю. П.:

— Вы почувствовали, что, если бы не ассоциация, спектакль не был бы выпущен, вы почувствовали, что работа шла по-другому?

— Почувствовали.

И тут я встрял:

— Что вы почувствовали? Что работали в выходные дни? Так мы и без ассоциации от 10 до 16, когда надо и без выходных и за гораздо меньшую зарплату... потому что было товарищество. Ведь это гениально подмечено у Эрдмана в «Летучей мыши»: согласна играть самую большую роль за самую маленькую зарплату. Ведь это же природа актера. Я почувствовал ассоциацию только в конверте.

Бортник:

— А я и это не почувствовал.

Любимов 22-го отвалит из Берлина. 23-го у него первая репетиция, и он должен же отдохнуть и с мыслями собраться. Значит, важно выиграть сегодня. «Ты мне скажи, они-то будут считать или нет?» Без конца и края один и тот же у смирняги разговор.

Антонина! Сестра моя! Я вспоминал тебя на сцене, как умирала ты, как уходила из жизни, а жизнь из тебя, как ты села на кухне и поняла, что самой тебе до кровати не дойти... Нет, ты не позвала мать, она сама почуяла... нет, ты не упала, ты просто села и поняла, очевидно, что вот и смерть! Господи, приюти мою сестру! Я вспоминаю тобой и всей родней любимого повесившегося Сашу. Господи! Да как же вас жизнь ударила! Простите меня, Тоня и Саша, но вы были со мной на сцене и —

вот беда! — мертвые давали силу «Живому».

22 сентября 1990 г. Суббота. «Гамбург», № 706

«Хорошо играл... хорошо играл финал», — сказал на поклонах шеф. Спасибо тебе, шеф. И жалко мне тебя. Но ты любишь сына, это судьбы подарок тебе, к «закату солнца»... Только не ври, что гастроли в США или Японии нужны только нам. Мне, например, они на... не нужны, они в первую очередь нужны тебе. Ты же от ассоциации огромные купоны стрижешь за свои старые работы. И на здоровье! Ты заслужил это, а так как ты в некотором смысле (денег) стал западным работником...

Ельцин попал в автомобильную катастрофу, увезен в больницу. Что же это творится? Четвертое нападение. Хоть бы все обошлось. Спаси его и помилуй, Господи! Опять не принята экономическая программа, теперь не собрали кворум. Нельзя голосовать, ...твою мать. Скорей бы домой. Что там с Тамарой, с Сережей? Тревожные дни все еще идут.

«Хорошо играл... легко, хорошо», — сказали шеф и Глаголин. На сцене, на поклонах, мы спели шефу «С нашим атаманом не приходится тужить». Шеф был тронут. Просил меня организовать небольшую группу для ресторана. «Попойте, кормят все-таки». Спектакль принимали по реакциям... хохот, аплодисменты... русская публика, что ли... все довольны. Голос у меня звучал почему-то лучше, чем вчера, а это у меня шестой спектакль, с возрастающими нагрузками. Нет, шеф. И русский артист бывает выносливым, все зависит от квалификации, а не от того, что один крестьянин, другой лорд.

23 сентября 1990 г. Воскресенье — отдай Богу

Последние часы мы в Западном Берлине, последние даже дни. Третьего октября воссоединение — и не будет ни Западного, ни Восточного. Пока я вроде не заболел, голос, слава Богу, не сорвал. Светит мне в окно солнце и аккумулирует меня энергией, женщины мне пока не снятся, организм, парализованный лекарствами, с трудом справляется с ними к вечеру. Хорошая зарядка, только сегодня стояние на голове по времени достигло московского, когда месячник и лучшая форма. Хотел я себе сегодня разгрузочный день устроить, но соблазняет меня идея меда с кофе. И собираться в казармы. Накануне, когда был прощальный гешефт в театре, устроенный этой старой дамой, прощались военные комендanты Западного Берлина, американцы, англичане, французы... Здорово и трогательно. Третьего октября они покинут Западный Берлин. А мы враскорячку, как сказала Валерия.

30 сентября 1990 г. Воскресенье

Любимов: «Что ты с собой делаешь? Ты себя не жалеешь, но детей своих пожалей, ведь у тебя же дети!»

Я тоскую и плачу. Николай мне выговор сделал — не мог дозвониться до Тамары, взял мой паспорт, что-то оформил. «К Чернецову сразу по приезде». Господи! Вот беда-то. Ничего я не купил. Опять как в Иерусалиме. Любимов в благодушии, по-моему, эта ассоциация только ему нужна, и он просто грабит. Ладно, пойду пошатаюсь. Господи, уповаю на тебя!

1 октября 1990 г. Понедельник, Hotel «St. Georg», № 382

Ну, что же в том, что произошло со мной, и даже в том, что я наказан Любимовым на 200 марок. Виноват я сам, виноват во всем и ни в чем не хочу оправдываться. Даже в том, что Демидова ударила меня неожиданно и до крови в висок цацками. Что Тамара пьет, и Губенко не мог ей дозвониться три дня, и теперь я не знаю, получу ли машину, тоже виноват я. Боже! Я понимаю, и Твое терпение, хотя что я говорю... Стыдно до слез за Берлин, за беспробудное там пьянство, и даже дошло, что я и на сцену в концертах подчас не выходил. Быть может, об этом шефу рассказали?! И ничего я не купил, проспав все в изоляторе инфекционного отделения... Теперь вся надежда на сегодняшний день. А что покупать? Ничьих размеров я не знаю. А спектакль я с Божьей помощью отыграл. Бог даст, отыграю и сегодня. Шеф сыграл с нами втемную. Раздача знаков была вчера, действительно в темноте и под дождем! И эта ассоциация купила его по одной цене, а нас — по другой. Совершенно очевидно. Более кошмарной поездки я не помню. Он всех поссорил. В автобусе Бортник объявил рабочим, что они уволены, что надо набирать новую бригаду, они вылезли из автобуса и рвались бить ему морду, его отбили, но я думаю, что этим дело не кончится. Конфликт глубже. Шеф их обидел, не предупредив и просто столкнув интересы актеров и рабочих лбами.

А когда-то мы жили дружно и даже помогали рабочим грузить и разбирать декорации. Ну, что делать, мы в другой системе обретаемся. Так воспитаны — колхозная система. И что мне до всего этого дела, когда у меня с Тамарой трагедия. И поправить это уже невозможно.

Любимов обманывает нас, и мы не знаем своего завтрашнего дня. Я понимаю, что никакие заявления о том, что я не поеду на следующие гастроли, его не напугают, он усиленно и беспардонно ищет конфликта с труппой, с государством.

Гримерная. За окном октябрь. Ветер, листья. Труппа

приступила к еде. Глаза у меня красные, лицо вымученное, и я молю Бога и мертвых моих еще раз помочь мне и не потерять голоса, чувства юмора и чтоб Демидова не стервенела и мы бы расстались друзьями. Любопытно, чем закончился разговор Глаголина с Любимовым. «Я оскорблена за тебя, но я в этом не участвовала», — сказала мне Галина. Похоже, многие искренне возмущены тем, как поступил со мной Любимов.

2 октября 1990 г. Вторник, «Георг», спортивный комплекс

Последние минуты у «Георга». Спектакль прошел хорошо. Я собой весьма доволен. Демидовой о травме сказал Николай. Она сделала вид, что не знала, не заметила, когда это случилось. Все видели, как у них на глазах вздувалось веко и заплывал глаз, но «она не заметила». И я сделал вид, что ничего страшного, все бывает на сцене, случайности, недоразумения, может быть, я и сам налетел на кулак. Весь разговор этот был при артистах, перед выходом.

Играла она совсем по-другому, ласково, любя и не избивала так. Вообще, по Фрейду, она садистка или мазохистка. Она что-то возмещает, компенсирует, она комплексы свои вкладывает в какую-то чудовищную физику, жесты, гримасы, идиотские интонации. Я ни словом не обмолвился с ней о случившемся, также ни словом не обмолвлюсь и с Любимовым. Смирение — это, по Ельчанинову, тоже гордыня своего рода. Пусть у меня будет такая гордыня.

3 октября 1990 г. Среда, мой день. Борт

Зиновьев <Зиновьев Александр — русский писатель, эмигрант.> про «Годунова» резко выразился: «Это не русский спектакль, это не Пушкин» — и убежал. Почти слово в слово он повторил Астафьева. Только последний добавил, что это еще и «Оптимистическая трагедия». Демидова, передавая привет от Войновича, сказала, что «им очень понравился спектакль».

4 октября 1990 г. Четверг

Денис летит завтра в Междуреченск. И опять с Пряхиным. Устроят они там жизнь бабке Матрене, которая две недели не поднимается, лежит с радикулитом. Звонил утром брат.

«Пиши, сынок, дневники. Пиши каждый день, какая погода... какая погода на сердце твоем и сердце друга, записывай всякие мелочи, все пригодится в дороге, по которой ты давно идешь».

8 октября 1990 г. Понедельник

Сбор прошел тихо и незаметно. И. о. директора — Глаголин,

и. о. художественного руководителя — Вилькин. Бортнику за поведение на гастролях Любимов объявил выговор, а в остальном... театр отдан СТД, итальянцам, американцам. Надо садиться за стол и писать «21-й км».

В Мюнхене Николай сказал: «А почему тебе не взять театр на время его отсутствия? Художественным руководителем?» Нет, я не создан для блаженства... или как раз для него-то я и создан, а для работы... Нет!

Жизнь свою надо как-то перестроить. В связи с продажей театра и отсутствием Любимова «Таганка» для москвичей просто перестанет существовать, не говоря о России... Дрянь дело. Может быть, какую-нибудь запустить пулю на конференции... Не давать театр... кому? В частные руки? Глупо. Любимову? Еще глупее — как бы там ни шло, ни ехало, театр-то его... его имени и рук. Что делать? Надо купить обои и за это время оклеить дачу. И написать «21-й км». Вступить в Союз писателей. Дупак предлагает снова вернуться к вопросу о пельменной, он подыскал здание...

21 октября 1990 г. Воскресенье

Интересное время. Министр иностранных дел за концерт может расплатиться либо деньгами, либо оформить срочно выезд в любую страну. Колхоз за концерт — можно деньгами. А лучше картошкой и мясом.

Шаляпин брал мукой и сахаром. Время, стало быть, одинаковое — деньги ничего не стоят, а продуктов нет, голод. Соли сегодня по блату дали полпачки, дырявая пачка была, никто не купил — даром отдали.

Звонил Матрене Федосеевне. С Вовкой беда — напьется, таскается, дерется. «И на кого ты меня оставил доживать, Сергей Илларионович!! Вот Люся пришла проведывать». Она все нахваливала Дениса: такой ласковый, такой красивый.

Выбиваю 29 ноября под вечер в Колонном зале. Меняю «Пир» на «Федру».

Федосеевне делают массаж, ей как будто легче. Опять рассказывала про Сашу. «Тамару позвать?» Тамара из кухни: «Не надо». Но уже поздно. Пришлось со свекрухой говорить, справляться о здоровье, и желать выздоровления, и утешать.

29 октября 1990 г. Понедельник. Вечер

Неделя жизни ушла на празднование успеха в «ЛГ» — ответ Смирнову. Правда, Еремин М. П. говорит, что это нам так не пройдет. Все отмечают великое достоинство и оригинальность письма. Много по этому поводу было выпито и много было боли.

30 октября 1990 г. Вторник, поезд № 66 Москва-Тольятти

Ежи заканчивает ремонт куртки Высоцкого, которой лет 15-16.

31 октября 1990 г. Среда, мой день. Гостиница «Волга»

Раннее утро, дописал письмо фломастером. Испрашиваю реакцию евреев на мою статью. Бортники в восторге. «Очищающая ярость, — сказал Сергей Петрович, — таким злобным я тебя не видел. Спасибо». Понравилось и деду в поезде.

Лавлинский, бедный Лавлинский! У него дочь, Надя, которую я видел в Переделкине после больницы, попала под поезд. Явное самоубийство, две попытки у нее были перед этим. А я не позвонил ему в пьяном угаре, просто боялся. Господи, прими душу ее с покаянием! Мне еще жальчее сделалось его. Этого одиноко сидящего гриба в холодном номере, пьющего без конца чай с карамельками.

Полока звонил: «Мне шестьдесят лет исполнилось, надо подводить какие-то итоги». В последнее время у нас сложились странные отношения. Мне бы не хотелось какие-то евангельские слова говорить. Я его прервал, пообещал позвонить завтра и приехать к нему. Конечно, не позвонил и не приехал. Праздновал появление ответа в «ЛГ», а телефон отключил, потому что якобы был в Петрозаводске.

Когда появится потребность в театре у народа, он возникнет... и не от здания это зависит. Здание всегда найдется, а потом, если нужно, построится. Профессиональные, старые театры закрываются, труппы распускаются как нерентабельные, но, если в Ногинске или Владимире на премьере четырнадцать человек, а на сцене больше... Кому это нужно — содержать труппу, штат, платить зарплату, получать от города дотацию... Директора вынуждены бегать по соседним колхозам, навязывать спектакли и выбивать из председателей по 150-200 рублей. А при нынешней ситуации... Короче, что-то делать необходимо, а что делать — я не знаю, и ты не знаешь. Поднять общую культуру в народе, тогда и о театре говорить можно. А сваливать на головы — ну сколько можно... а если и сваливать, то по крайней мере не на эти головы. Накормить надо народ, тогда он, может быть, и о театре будет думать.

В. Лихоносов: «Не из дому, а с дороги люблю я посылать письма. Заткнувшись где-нибудь в гостинице, в одиночестве, которое нас кровно роднит с миром, напишу я несколько слов...»

1 ноября 1990 г. Четверг. «Ту-154»

Я читаю письма Астафьева и Распутина и дневники свои.

Надо обязательно Матрене Ф. позвонить. И выслать ей ксерокс ответа Смирнову.

13 ноября 1990 г. Вторник

«Жизнь уходит в землю». Или еще нет? Огромное количество писем. Есть и похлеще Извекова — от евреев. Еремин прав: это еще не точка, они так просто не остановятся.

16 ноября 1990 г. Пятница

О, письма — яд, письма еврейские!! Ничего я им не сумел доказать. И все цепляются к частушке. Что делать? Плюнуть и замолчать. Но я предвижу крупную ссору с Любимовым. Вплоть до того, что мы разойдемся и инициатива будет исходить от него.

17 ноября 1990 г. Суббота

Вчера Филатов пришел с необычайным предложением. Он дает интервью в «Правду» и в связи с моим ответом Смирнову хочет меня поддержать. «Как только материал будет у меня на подписи, мы с тобой сядем и посмотрим, что можно добавить или о чем иначе сказать...»

А спектаклем и собой (Дон Гуаном) я остался весьма доволен, так же как и Герцогом... Письмо из преисподней от имени Геббельса придало мне силы и уверенности. Конец «хороший» у этого письма: «Твоего корешка Шукшина евреи в аду за яйца повесили, где он и сейчас висит». Говорят, у нас уезжают в Израиль 5 человек: 2 Граббе, 2 Штернберга, 1 Казанчеев. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

19 ноября 1990 г. Понедельник, тон-ателье

Рисовал меня вчера Виктор, и хороший рисунок получился, но глаза на изображении... Хотелось плакать. Это я? Неужели это я?! Когда я стал таким? За сорок девять лет.

20 ноября 1990 г. Вторник

Совсем поздно репетиция с Табаковым. Он так под себя, органично, по-табаковски подхихикивает. Меня с моего надменного придуманного тона сбил. Ну, ничего. Режиссер как бы остался доволен, сказал: «Можно снимать». Текст уложился, но надо мять характер. И обязательно похудеть.

Какая тоска от этого фильма, от моего лица и от выговора. Что-то я совсем разучился играть и говорить. А может, оттого, что не получилось в другом? Не получилось компенсации за усредненную карьеру?

«Лит. газетой» я напомнил о себе многим. Письма пишут

разные, противоположные. Если масса среагировала, почему молчит интеллигенция?! Звонков было мало, но не могло быть это не прочитано!!

Тамара дрожащим голосом, срывающимся в самых различных местах, рассказала, что в течение двух месяцев у нее высокая температура, слабость, потливость, плохой аппетит и похудание. «Мама! Ты похожа на скелет, но на скелет, в который можно влюбиться». «Я не узнаю себя, Валерочка, что со мной... Не пиши про меня плохое, я умру скоро. Я, правда, давно не читала твои дневники, правда, я все знаю, но все равно не пиши. Напиши про меня хорошее, напиши про меня солнечно. Сережечку жалко... Но ложиться я не буду ни за что, ни за что... хоть стреляйте».

22 ноября 1990 г. Четверг

Я помню, в бытность мою на Рогожском Валу, я сидел за столом в Денискиной комнате и писал дневник, ожидая оклика тещи Матрены Кузьминичны к завтраку.

А Петренко 30-го рвется играть. В зале фотокорреспонденты, ну, блин! Еле текст выговаривает, да не выговаривает, а поет и надо ж, какая самоуверенность.

Анекдот рассказывает. Ролан к своему слесарю в театре подходит, дает ему два гривенника и говорит: «Сделай из них одну монету, чтоб с обеих сторон орел был». Тот: «А зачем?» Ролан: «Да вчера со своей Ноной „Маленькую Веру“ смотрели, теперь монету бросать будем, кто сверху будет». Слесарь: «Ну и что, какая разница, или тебе так больше нравится?» Ролан: «Нет, просто жить охота».

24 ноября 1990 г. Суббота

Шацкая. Отсутствует. В больнице. Кто-то предполагает — на сохранении, беременна... Первый импульс — замечательно, только ой ли? Второй — тогда Филатов козырным мужем будет... не хотелось бы... Вот паскудная природа. Ну чего там?! Это бы какое счастье великое — Нинка в пятьдесят вдруг родила бы, а завидно... и лучше не надо... Но Нинка очередную подтяжку сделала, и будто бы все хорошо. И все мои опасения ревности напрасны.

Приходила Вероника из Стокгольма, одарила яичным ликером, а я ей книжку подарил.

В «Советской культуре» анонс: Петренко — новый Годунов, реклама. Что-то переменится и в театре. Боже мой! Еще текст не выучен, а уж авансы, векселя. А Николай позвонил: 30-го репетиция, и вечером он будет играть... Первый исполнитель. А у Глаголина недовольство. Он обещал 30-го Петренко дать сыграть,

и тот сорок билетов купил. Война Любимова с Губенко на фоне спектакля?! Да это не нашего ума дело, в конце концов. Человек, сделавший для театра много добра, в том числе и для Любимова, первый исполнитель... да Бог с вами (с Глаголиным), ребята, и с профессиональной, и с нравственной точки стопроцентное право на стороне Николая. Почему такая спешка? Пусть с ним (Петренко) порепетирует сам постановщик, такие роли не делаются в две недели. А Николай абсолютно вправе считать себя хозяином спектакля наравне с Любимовым. И если бы не воля его и желание, вряд ли вообще спектакль увидел свет. А теперь у него оспаривают это право?! Неправильно. Нет, Борис, ты зарываешься. Во, блин, ...еще. Если труппа почувствует, что Борис на стороне Петренко, ему несдобровать. Петренко пришел и ушел, а нам работать и жить. И нельзя быть такими проститутками. Надо Глаголина уберечь от ложных выпадов и неверных шагов. Почему же так поступили с Шопеном? Можно ведь сказать, что Губенко и Шопену не давал играть за границей. Но ведь Губенко, вопреки воле и желанию Любимова, ввел Шопена в спектакль, и уже дело Шопена, как распорядиться собой в роли, на какой палец сработать. Любимову не по нутру — «не умеешь читать стихи», «ни разу толком не поработал». Хотя в отсутствие Николая в Берлине он вынужден был с Виталием проходить свет и мизансцены. При самолюбии Шопена это не так просто... Но играть ему не дали. Шопен залупился, и его понять можно, но он дурак, он спровоцировал отношения и на «Самоубийцу».

Такого обсеронса не помню я давно... Отменен при публике спектакль «В. Высоцкий». Не сработала электрика, и конструкция не сдвинулась с места. О неисправности было известно вчера, но никто не шевельнул пальцем. Оказалось, где-то оборван провод — до чего мы дожили! Потом долго пережевывали с Губенко, что делать с шефом. Как призвать его? Николай узнал о том, что репетировал Петренко три дня назад. Шеф не счел возможным с ним поговорить, предупредить, и получилось — мы все в г... Надо искать другого худ. руководителя!! Это как? При живом создателе?! Безвыходность. А оттуда, из-за бугра, репрессивные распоряжения: увольняй Трошунина, увольняй его мать, увольняй Галицкого. Снова увольняй, увольняй... До каких пределов это будет распространяться?!

«Когда надо защитить Аллу Банк, ты мне пишешь письма», — была брошена мне фраза в лицо. Это к тому, почему я не позвонил и не предупредил его, что репетирует Петренко... тоже чудак... Мрак докучный...

26 ноября 1990 г. Понедельник

Губенко затянул с помещением. Сейчас нужно ехать к судье, писать какое-то заявление. Над ней надзор прокурорский, адвокаты требуют писульку.

У Гладких кошка родила четырех котят, а кормить нечем: молоко в наших магазинах — детям. Девять областей отказались поставлять молоко в столицу. Россия в побирушках. Те, что морили нас блокадой, теперь посылки шлют. До чего довели Россию! Господи, спаси нашу Русь, сохрани мой народ!

Что шепнула мне на ушко старушка Елена Ивановна, вахтерша наша, — что она меня очень любит. Ну, это уже другой разговор. Теперь «Чума» пойдет легко, легче... Что бы такое сделать, чтоб прославиться?! Надо что-то написать или прочитать, дочитать надо Битова.

28 ноября 1990 г. Среда, мой день — начало поста

Пусть каждый живет как знает, как умеет. И Петренко пусть лепит свои портреты, пусть организует телевидение... ангажемент... пусть. Реклама — движитель прогресса. Почему это не должно относиться к актерскому ремеслу?

29 ноября 1990 г. Четверг

Ждем Табакова у дома его. У него еще дел на десять минут. Табаков не выразил восторгов. В свободную минуту спал или в кресле, как Фамусов, или на диване, как Обломов. А я в тревоге. Единственная надежда, что они наснимали не монтажно и что-то можно будет переснять.

Лихая баба, на вид недотепа — Галина Турчина, семейное предприятие, а мне пельменную не удалось открыть. Может быть, вернуться к этой идее?!

30 ноября 1990 г. Пятница

В 12 репетиция с Губенко и спектакль. Гитара моя готова и ждет меня.

9 декабря 1990 г. Воскресенье

Филатов звонил вчера, читал полуподвал из своего интервью в «Курантах», по-моему, очень хорошо... Он меня защитил и вообще вскрыл, что называется, проблему вширь и вглубь...

12 декабря 1990 г. Среда, мой день

«Это ведь такое впечатление — последний его спектакль. На „Таганке“ он, по-моему, уже ничего не поставит». — Смехов о

«Самоубийце» и Любимове.

Из машины украли кофр с костюмом, дареной рубашкой (не пошла впрок), дареными туфлями, концертными, служили они мне прекрасно с гастролей в Сочи, где познакомился со Штоколовым. В ботинках — белые носки. С легкой руки некоторых товарищей на сцену выхожу я только в белых носках, вспоминаю товарищей и смеюсь. Машину открыли, но, слава Богу, ничего не сломали, кроме замка.

В «Литературке»: «В частности, кинорежиссер Ростоцкий негодовал на „матерное“ искусство молодых». А на другой день показали его собственный фильм, похожий на коврик с лебедями. Я ждала фильм о Федоре Кузькине с волнением — ведь с этим именем навеки теперь связана история Театра на Таганке. А увидела лубок про деда Щукаря в молодости. Борис Можаев такого не писал».

Свершилось! Я купил автомобиль. Не упустил момент. Спасибо тебе, друг Владимир Иванович! Мотался со мной на Красную Пресню, где тюрьма. На платформе, под снегом, кладбище новых машин. Володя, мастер-продавец, кричит, никого не боясь и не стесняясь: «Я обслуживаю только народных депутатов, блатных и дипломатов! Вы блатной? Тогда ко мне!»

Невозможно неприятный разговор с Ленькой о напечатании дневников, но он прав. И опять встает вопрос: дневники — это дело посмертное. Надо дать ему почитать — будь что будет! Скажет: «Боже тебя сохрани, не рой себе могилу» — буду опять думать и отказываться. А что с книгой тогда делать?

13 декабря 1990 г. Четверг

Вот гример Витя Мухин пишет просто, сердечно и по-русски. Из строчки видно, что человек чистый и божеский, без нашего лукавства и придуривания. За Ленькой тоже надо записывать. Мне сегодня режиссер сказал, что слышал обзор газет, Филатов защищал Золотухина.

— Мне понравилось.

— А кто читал-то, Филатов?

— Да нет, читал диктор.

14 декабря 1990 г. Пятница

Филатов говорил о том, что оттуда, где «душой с вами, телом в Индии», Любимов шлет черные списки с приказами об увольнении актеров и работников театра. «Нам нельзя отдавать ни одного человека». Любимов только и ждет нашей петиции — значит, они ничего не понимают, они — дети совдепии, с ними

работать нельзя. Вовсю поносит он Горбачева, который говорит Губенко: «Коля, значит, мы сделали ошибку?» — «Выходит, так», — отвечает Коля, введенный в президентский совет. «Перекликуха». Подарил мне Филатов книжку с автографом. Когда-то я дал ему рукопись «Дребезгов», а он ее где-то на лавочке оставил, потерял. Потом я ему подарил подаренный Высоцкому кортик, и он, по требованию Володи, вернул мне его назад, и вот уж который год (а точнее, одиннадцать лет) живет с моей женою Нинкой.

15 декабря 1990 г. Суббота

Полет-летание — прошлой ночью видел я замечательный сон... Я летал. Я летал над рядами зрителей. Сверху были сплетения виноградных лоз, листьев, гирлянды искусственных цветов. Я пролетал над головами, просил не задевать меня, не трогать руками — щекотно, тогда я непременно должен буду снизиться и упасть на землю... Больше всего меня поражало, что никто не удивляется, что я летаю, что умею летать, ведь я единственный, уникальный, ведь я — чудо, но никому до меня не было никакого дела. Все были равнодушны к моим возможностям.

Тамара говорит, что это потрясающий сон... что все у меня настолько полетно, совершенно, что я непременно должен сотворить что-то гармоничное.

18 декабря 1990 г. Вторник

«Леня!

Больше всего из всей истории с рукописью меня огорчили твои слова: «Я подозревал, как ты ко мне относишься». Клянусь тебе, ты не знаешь, как я к тебе отношусь! Мне бы не хотелось, чтобы ты даже подозревал меня в хамелеонстве, а не то что был уверен.

Во-первых, к тебе попал не тот вариант. Того письма и в помине нет в готовившемся к публикации варианте. А записал я его в дневник из побуждений реваншистских, что-де не я один дерьмо хлебаю, ведь это всегда успокаивает. И вообще вся идея дневниковых извлечений возникла на почве нашей театральной драмы, Венькиных обсираний меня в печати и по ТВ.

Я залез в дневники в поисках утраченного времени и наткнулся на противоположные свидетельства его поведения и слов. Клубочек стал разматываться и превратился в сто шестьдесят страниц выбранного

текста. Совсем страшные места я опустил, щадя людей и себя, конечно.

К тебе относился я всегда и отношусь с обожанием и восхищением, подчас тщательно скрывая это. И не только из-за Дениса (мы об этом много говорили с тобой), и тем более не потому, что ты ввязался из-за меня в эту свару по еврейскому вопросу и сам теперь хлебаешь дерьмо. Отношение мое к тебе не вчера сложилось и задолго до прихода А. В. Эфроса. Оно не исключает моей к тебе зависти, и профессиональной, и, что более страшно и обидно, человеческой. Так же как оно не исключает и моего категорического несогласия с тобой по некоторым эпизодам нашей жизни-судьбы, не личной, тут, к счастью, Бог миловал, все пристойно. Быть может (и наверняка), мысль о публикации грела меня еще и потому, что ничего художественного давно не получается, а тут как бы компенсация (компенсаторность).

К тому же люди не нашего круга, не задействованные в повествовании, считают, что это лучшее, что мной написано вообще в прозе. «Самое большое уродство психики — тщеславие». Это сказано верно, и я от этого уродства не избавлен. Слова говорятся разные, особенно в разгоряченном состоянии. И по моему адресу я слышал от тебя оскорбительные резкости, иногда справедливые, иногда обидные. Ты и сам на свой взрывной характер часто сетовал, но отходил и пр. Но я не делал из этого далеко идущих заключений. Умоляю тебя — не делай и ты! Скажу тебе больше: большего авторитета, чем ты, в подобных делах у меня нет.

С приветом В. Золотухин».

20 декабря 1990 г. Четверг

Смирнов собрал себе президентскую команду — Демидова, Филатов, Золотухин, Фарада. Сегодня мы с ним у трех торговых начальников были. Профком начинает действовать... и побеждать. Еще и затем, чтобы иногда сказать Любимову: «Нет-нет, этот номер, дорогой товарищ, у вас не пройдет».

21 декабря 1990 г. Пятница

Швейцер. Был вчера дома у него. Симпатичный разговор про счастливого либерала с трагической судьбой «Борисового пятна». Как бы умудриться сняться у него? Если он меня возьмет, я не

поеду в Португалию и Италию с «Борисом».

Шацкая, возвращая дневники, единственное замечание сделала, улыбаясь: «Убери или зачеркни слово „выкозюливаться“, кажется, на тринадцатой странице. Это слово не мое, и я не люблю его». Она, Нинка, оказалась щадящим цензором, не то что ее муж.

23 декабря 1990 г. Воскресенье — отдай Богу

А я собираюсь с земляком Сашей поехать посмотреть новую землю, которую могут продать мне за десять тысяч. Это бы нужно сделать скорей, при грядущей реформе «владеть землей имеем право», но, с другой стороны, если начнется резня... Ладно.

24 декабря 1990 г. Понедельник

Япония отпала, кажется, ее не устраивает ни цена, которую мы заломили за спектакль, ни сроки...

Шаламов Варлам Тихонович бывал на «Таганке». «Добрый человек», «Павшие», «Жизнь Галилея» — значит, он меня видел... Какие люди посещали наш театр — Сахаров, Солженицын!

26 декабря 1990 г. Среда, мой день

Но главное событие и самое важное по сути дела — разговор с Суравегиной по поводу дневников. Какая из нее умная, толковая, подсознательная энергия прет... Нет, недаром она астролог. Потом я позвонил ей из театра второй раз. Она мне лихо расшифровала наши характеры с Владимиром:

«То, что не сказано впрямую, то, что я прочитала между строк... Позиция твоя человеческая вырисовывается... Володя сам собой был только в стихах. В стихах он писал, как должен жить, но жил он совсем по-другому. Конфликт с самим собой. Изначальная дисгармония. Существование его по сути, по существу было ложным — внутренняя дисгармония. Гармонии он достигал только в стихах, в творчестве. Он однороден... Ты — двуедин, ты — двойной... у тебя гармония с собой, может быть, она достигается тобой... тебе не спится. Между вами огромная разница. Он тяготился друзьями, всеми без исключения... чем больше тяготился, тем яростнее доказывал, что без них не может жить... Он тяготился, но без них действительно не мог. Тем, с кем он хотел поддерживать отношения, с кем не хотел ссориться, он говорил хорошие слова, самые хорошие, говорил совершенно искренне, потому что хотел видеть то, что он говорил, в этом человеке. А тому, с кем он хотел поссориться или порвать, он говорил то, что думает. И это тоже была искренность... Ты не сумеешь найти такие слова, чтоб как бы и не обидеть, и в то же

время человеку дать понять, что ты думаешь о нем на самом деле... Он — прямолинеен, тут он настоящий, полный Водолей. Он вообще со всей жизнью и со всеми ее инстанциями, людьми, организациями, был снисходителен. Снисходил. Он не боялся КГБ, ему было наплевать на КГБ. Он хотел славы, денег, баб, успеха, шума. Он хотел от жизни дивидендов полных, неотступных, стопроцентных. Он их получил. Какую цену он заплатил — это другой вопрос. Я — астролог, но я еще и одна из тех редких женщин, которые были с ним знакомы, но не спали с ним... С тобой же... В тебе — двое... И когда одна твоя суть достигает перенапряжения, другая заливает, уравнивает... Но все это я прочитала между строк».

Иосиф Бродский, «Мрамор». Вилькин дал читать. Филатов: «Не пригласил меня на свое кино. Жаль».

27 декабря 1990 г. Четверг

Филатов шибко врезал мне: «Мы с тобой как-то не разговаривали... Я все думаю об этих твоих дневниках или мемуарах, как их назвать... На решение твое это не повлияет, но все это такая неправда, ложь. Ты прикрываешься и рисуешь себя с чужих слов... свидетелей нет... дерьмо это, а не литература... детский лепет... дерьмо». И что-то еще очень точное он сформулировал, но наш разговор прервали. Быть может, это Нинка нажала рычаг или шнур выдернулся, не знаю. Когда отдавал пленки, Нинка сказала, что он с большого похмелья, спит, чтоб я не тревожил. Где-то на свадьбе гулял Леонид. Но настроение мне на Новый год он испакостил. Но любопытно: чем он больше меня поносил — «кроме дикого, нечеловеческого тщеславия, там нет ничего», — тем мне становилось злее-веселее и созревала уверенность: «А вот и напечатаю на погибель себе гражданскую, а то и физическую...»

31 декабря 1990 г.

Любимов давит формой. В такой форме любой бездарный артист может существовать, что они, собственно, и делают.

Скотт Роберт Фолкон (1868-1912) — английский исследователь Антарктиды. В 1901-1904 гг. рук. эксп., открывшей п-ов Эдуарда VII. В 1911-1912 гг. рук. эксп., достигшей 18.01.1912 Южного полюса (на 33 дня позже Р. Амундсена). Погиб на обратном пути.

Так вот, лучшей книги, чем его дневники, прочитанной мной на Пальчиковом переулке, я не читал. И идите вы на х... все с этими афоризмами. А прочитал я ее больше четверти века назад. Вот вам и дневники!

«ГДЕ ВЫ БЫЛИ 21 АВГУСТА?» 1991

12 января 1991 г. Суббота

Табаков: «Я в детстве не понимал, откуда у носорога складки».

Губенко на «Таганку» звонит:

— Срочно ваш театр решили переделать в какую-нибудь церковь, или костел, или мечеть, в общем, во что-то такое на ваш выбор, только побыстрее. Золотухин ответственный, дело не затягивать. Это приказ.

Прошло десять минут, у Губенко телефон звонит:

— Коля, это Валера, все готово!

— Что готово?

— Ну, храм готов, театр переделали в храм.

— В какой храм?

— В храм Герострата!

14 января 1991 г. Понедельник, аэроплан, 1-й класс. Мы летим в Прагу

Что нас ждет? Война с Литвой? Все опять против нас: Европа, Америка. Горбатый не ведает, что творит.

А в «Советской России» статья против Любимова «Между двух стульев». Повод — его очередное интервью «свободным голосам». Не читал. Со слов Лавлинского понял, что, к сожалению, она на руку Любимову — его опять подвергают гонению за его инакомыслие. Губенко статьей, вернее, поведением Любимова, возмущен. «Может, мне не ехать?» — был его вопрос.

Часто показывают сейчас на заседании Верховного Совета Губенко, поседевшего, постаревшего, озабоченного, отягощенного государственными проблемами. Думал ли он в эти часы о нас, о неприятной для него встрече с Любимовым, который опять кругом прав:

1) Успех его последней постановки в Мюнхене.

2) Статья Краснова.

3) Ввод войск в Литву — ничего не изменилось, и «я не вижу смысла возвращаться в обманутую страну».

Он опять на белом политическом коне.

Просмотрел еще раз рукопись и ничего не нашел, чтоб это не печатать. А Леня перебьется.

15 января 1991 г. Вторник

Сейчас ночь, и не до анекдотов. Ельцин в Прибалтике объявлен предателем русского народа... Сволочи, как они его

подставляют под народный гнев.

Собрание коллектива было в дискотеке, на втором этаже. Любимов начал с вопроса: готов ли коллектив подписаться под заявлением двух театров, осуждающим агрессию в Литве? «Тут надо поименно. А то человек промолчит, а потом скажет, что не понял, о чем речь. Вот Валерий Сергеевич, он сидит первый, пусть он и начнет». Валерий-то начал с подначки Желдина... но никто толком и не продолжил. Но документ принят, теперь надо будет ждать реакцию члена президентского совета, который может развернуться и улететь к ...матери. Я все записал на магнитофон. Любимов вставил:

— Ты известный летописец. Но твой друг скурвился — есть такое слово «скурвился» — и потерял талант. А вы так любите евреев, что соглашаетесь иногда с ними работать. Мы с Боровским читали, чуть не прослезились.

— Только это вы и запомнили, не разглядев иронию...

Документ у меня для расшифровки есть. Я эту пленку буду хранить как зеницу ока. Там много признаний, проколов. Оказывается, «крупный финансовый специалист» Левитин — жулик и проходимец. На мой вопрос: «Вы будете ставить „Подростка“?» — он начал плести опять о положении, об отношении европейского сообщества. «Нужны длительные заграничные гастроли. Но для этого необходимо найти деньги».

Весь вечер театр обсуждает, перемывает, перемалывает. Труба полная, и гастроли под угрозой срыва. Но мое поведение, начиная от организации мизансцены и кончая конкретными вопросами по делу, было воспринято коллегами с большим знаком плюс. Несколько промахнулся Иван. Он сидел далеко, в сумраке прикрытый колонной, и, не сориентировавшись в серьезности шефа, крикнул:

— Предлагаю заняться искусством!

— Желательно на трезвую голову, иначе вы можете погибнуть от пощечин своих коллег, а не от танков, а это бывает иногда гораздо больнее.

«Не ему меня критиковать!» Я думаю, этой фразы Николай ему не простит, не спустит.

«Пострадать не от танков, а от пощечин своих товарищей» — это значительней, даже оскорбительней. Вот дословный текст.

Прилетел ли Николай? Где Глаголин?

17 января 1991 г. Четверг, не мое число

Американцы бомбят Багдад по точкам предполагаемого нахождения Хусейна. Горят несколько нефтепромыслов.

Сейчас мы соберемся у Николая в № 1618 для решения наших

проблем. Завтрак обильный, не удалось мне сократить свой аппетит.

Собрание — Любимов, Губенко, Демидова, Золотухин, Боровский, Жукова, Глаголин. Началось с агрессивной, пугающей, запугивающей, обвиняющей интонации шефа: что вы, дескать, мне собираетесь предъявить, какие условия продиктовать. Хотелось уйти.

Вспомнил всем опять все грехи, про свои умолчал. «Бортник на коленях ползет целовать мне руку, я ему говорю: „Уйди, пока этой рукой ты не получил по роже“.

Поругались хорошо, чуть не прослезились от объяснения в любви, вспомнили молодость. Слава Богу, часа через полтора заговорили по-человечески, и шеф растеплился. Будто бы Катя перевела, что он в списке «десяти», который объявила «Память», как отступник, продавшийся евреям. Ни о чем, конечно, не договорились. Боря начал: «В таком тоне и ракурсе с Любимовым нельзя разговаривать!» Не слышал начала разговора. У него такие резкие качания от верноподданничества к отступничеству — погладь его, он лизнет тебе жопу и про все забудет.

А в Персидском полыхает война. В Ригу вошли танки Горбачева. Польша и Чехословакия думают, как помочь Литве. Спектакль вчера начался с минуты молчания по убитым в Литве. В общем, полный п..., надо бы в это время быть дома...

У Беляева нет голоса, а такой крепкий парень. То же было с ним в Берлине.

Наши уехали на экскурсию, мы говорили и матерились в № 1619. По спектаклю Ю. П. делал замечания Демидовой и мне, чтоб не бился самоцелью в тень Грозного. Смотрел на меня мягко, иронично. Николай горячо говорил о предательстве Любимова в сговоре с Петренко... Но Любимов усвоил мой вчерашний ответ о Гамлете — ни один артист не имеет права на монополию в роли. И сегодня начал он эту тему, но его «заговорили». Но я понял, куда он повел — спасти может только крепкий дублер.

Любимов о «Гамлете»:

1) «Мы начали с тобой серьезно работать».

2) «Я считал это единственной возможностью повлиять на Владимира».

Особое мнение: Высоцкий — великий поэт, и этим он особенно дорог русской культуре. Он хороший артист, но не в этом его сила. В поэзии и в личности, конечно, которая приковывала к себе внимание. Хотя вот роль Свидригайлова, с моей точки зрения, он играл блистательно.

18 января 1991 г. Пятница

А Ирак ударил по Хайфе, нацелен на Иерусалим. Это уже война на полную катушку. Заварилась каша не на шутку. Телевизор все время передает про войну, и понять ничего невозможно.

«Свет социализма». Я приехал сюда еще с одной тайной целью. Этот журнал десять лет назад поместил некролог о В. Высоцком с моей фотографией. Люди, знакомые с цивилизованным правосудием, посоветовали мне подать на «Свет социализма» в суд за нанесенный моральный ущерб. Я ждал этого часа десять лет. Вот, думаю, попаду в Чехословакию, затею процесс и получу с журнала деньги. Но оказалось, что год назад «Свет социализма» померк, погас, редакцию разогнали, процесс не состоялся, деньги я не получил, и вообще мне чехи заявили, что слово «социализм» вычеркнуто из словаря. Вот что наделал «нерешительный» Горбачев.

Губенко:

— Я не боюсь, я считаю себя еще конкурентоспособным.

Любимов:

— Абсолютно.

19 января 1991 г. Суббота

Господи, спаси и сохрани и искорени из сердца моего злой корень! Начинается вахта «Живого». Заставили меня вчера говорить тост, и начал я с того, что, мол, среди коллег раздавались голоса — да стоит ли ехать к военным, когда совершаются преступления в Прибалтике, в других районах... И тем не менее я счастлив, что столько коллег откликнулось на просьбу посетить ЦГВ, и, поскольку я трезвый и это нельзя посчитать за подхалимаж, я низко кланяюсь Юрию Петровичу за то, что, несмотря на всю занятость, нервную обстановку в связи и с войной, и с Литвой, и с делами внутри театра, он нашел время, силы и возможность приехать вместе с нами. Здесь могли быть наши дети, служба есть служба, работа есть работа... мы с вами не виноваты и не ответственны за преступления, совершаемые по приказу свыше. За наших главнокомандующих...

Рад, что поднял эту тему и сказал всю правду, которую и военным небесполезно знать, и нашим еще раз услышать, что я подчас самую больную и скрытую точку не боюсь задеть. Но — гордыня, прочь!!

21 января 1991 г. Понедельник. Прага

Что часто перед глазами моими... чайная, кажется, ложечка, которой Тоня черпает «собственный сок» лососевый, мясо рыбы она съесть не в силах, хотя полрюмки водки, разведенной чаем,

выпила. «Не хочу, мама». Потом мы провожали ее с Сашкой домой, снег, зима, я в полушубке Сашином, на ней пальто тяжелое, она еле несет этот квадрат на своих плечах. Сестра моя! Да слышит ли меня душа твоя чистая, в каждом «Живом», на каждом «Доме» я вызываю образ твой, смерть твою, жизнь твою в помощь себе. И не в силах описать я последние часы твои, как ты села на полу на кухне... Ты поняла, что не дойти тебе до кровати одной... однако ты не позвала, не кликнула мать. Она спохватилась, что тебя долго нет... а ты сидишь на полу... Как ты села? Ты оперлась на стол, за что держалась ты?! И почему мать не позвала? Хотела отдохнуть, думала подняться или уже поняла и решила — вот и конец!! Мать-старуха в восемьдесят лет снова тебя 60-летнюю на руках носила. А когда это случилось?! Года еще нет, ведь нет?! Я зимой приезжал не в кожаном пальто. Говорили, если ледоход переживет — еще поживет. Ты не дожила до ледохода. Господи, что же это с памятью творится! Кто же ты была для меня в жизни, что значила, если снова и снова я утешиться не могу, а мать тем более. Она пережила свое дитя — дитя самое любимое, потому что самое несчастное и волею судьбы обделенное и материнской лаской, любовью (которую хранила тайно от второго мужа, не выказать лишней заботы старалась, скрывала, как могла), и кровом родительским. Вот ведь какая штука.

А завтра в 10.30 сбор коллектива в конференц-зале, при закрытых дверях. Шеф снова и снова будет излагать свои претензии и делать ходы. А ну как он предложит всему театру эмигрировать, не возвращаться, и сделать по этому поводу заявление — вот шума-то будет! А если это еще будет подкреплено, по мысли Беляева, чьим-то крепким капиталом, то эта игра может оказаться серьезной. А семьи, а близкие, а любовницы.

— Семьи наши постепенно через ООН мы перетащим сюда.

— Да кому мы нужны тут?! Что мы делать будем?!

— Да мы сыграем, сблефуем, а там видно будет.

Да, это замечательная возможность от семьи избавиться. Эмигрировал вроде, советская власть заела.

22 января 1991 г. Вторник

Любимов утверждает, что «Память» включила его в первую десятку смертников. Так перевела ему Катерина. Во-первых, она ему могла наврать, чтоб не возвращался, не вздумал ездить в Москву, припугнула... Но утка пущена, она полетит далеко. Во-вторых, он мог наврать, сославшись на Катерину (не станешь же

ее проверять, дескать, где это вы слышали и почему на иврите или венгерском?), чтоб найти для нас вескую причину для неприезда.

Как мало мне осталось жить?! Почему-то я положил себе десять лет. Что надо успеть сделать за эти десять лет? Во-первых, надо помнить замечательные слова Тамары: «Как хорошо, что я ничего не делаю!» Потом я попросил у Господа еще десять лет. Любимов Петьку в шестьдесят два года родил. «А моя любимая со щек маков цвет стирает сальной тряпкой».

Начал Любимов встречу с труппой с упреков, привычных Ваньке, скучной, всем надоевшей нотации, а ему (Ваньке) и больно, и смешно, и мать (шеф) грозит ему в окно. «Театральная ситуация вам известна. Она неприятна тем, что Бортник так себя ведет. Хотя он был предупрежден, что сядет в самолет, а прилетит и сыграет Трофимов. Так, Иван, нельзя третировать, доводить, оскорблять людей — мириться с этим я больше не буду. Он дает слово и как хозяин слова берет его обратно, ведет себя так, что... Были эти разговоры и с Володей, все знают, что он полгода не работал в театре, потому что это уже было сверх всего... Но он все-таки понял и полтора года работал... Но он был болен. Это и врачи говорили, к сожалению, это наследственное».

И мы за собой замечаем, во что превратились за семьдесят лет. То, о чем писал я до собрания, — главный, быть может, пункт, к нему он подбирался долго, но Борис был готов, взял слово и произнес-то два предложения, что билет Ю. П. заказан на 4-е, но нужно заказать с открытой датой. Подумать на месте недельку, ситуация сложная, приезжать вам опасно. Как тут все загалдели!

Демидова:

— Безнадежно, но не опасно.

Любимов закричал:

— Ельцина трижды физически старались убрать! У меня есть сведения, что составлены списки, кто в десятке, кто в первой сотне, кто в тысяче. Меня тут же на аэродроме могут послать в другое место за мои выступления на митингах, за мои речи!

Вот и разгадка, вернее, причина, веская для неприезда, причина, ясно, для дураков. А все Петькой прикрывается.

— Если бы у меня не было маленького ребенка, которого надо поставить на ноги... Я соберу информацию, я человек не боязливый. Мой сын меня спрашивает: «Папа, зачем ты меня сюда привез? Я тут жить не могу». Он четырнадцать школ посещал, мотался за мною. Характер сильный, не знаю в кого. (Ждал, что мы поддакнем: «Да знаем, знаем в кого!» А мы действительно знаем — в мать только.) А увидел 25-летие театра — до сих пор

не может прийти в себя. Взбесившееся, пьяное стадо.

Маша:

— Можно придумать форму, как вас охранять.

— Я все равно узнаю, по чьей инициативе министр собрал вас. Он говорит «инициатива театра». Вот он приедет, и я узнаю, что так ему загорелось, что у него — изжога, несварение желудка… Да, мы с министром не понимаем друг друга. Вы бы его спросили, раз вы такие смелые: «Коля, а зачем ты пошел в министры? Помочь партии, которую надо судить за преступления?» Ну, пусть помогает.

К вопросу о спасении семей и детей он нет-нет да возвращался. Но в открытую агитировать за эмиграцию из страны не рискнул, хотя и сказал, что и шведы, и норвежцы создают лагеря для беженцев из Прибалтики. Сначала, значит, надо убежать в Литву, как Гришка, а уж оттуда рвануть дальше.

— Надо понимать, в какой трагической минуте истории находится государство.

— Если вы не приедете, то кто, что, где и как будет ставить? Если вы настроились не приезжать, то скажите, как нам быть, что репетировать?

Ни на один вопрос он ответа не дал.

— Я ведь собрал вас не для того, чтоб вы осудили вхождение войск в Прибалтику.

Хотя, говоря, чтоб мы высказали свою позицию, он добивался именно этого, но вот была на всякий случай сказана и такая фраза.

Пока я писал и сном не позабылся, Горбачев какую-то речь по телевидению долбанул об отмене денег, пятидесяти— и сторублевых купюр.

Любимов: «Поверьте, мне в этой жизни уже ничего не нужно, кроме чести театра. Только с этой стороны я уязвим».

23 января 1991 г. Среда, мой день

Тема Ефимовича:

— Чтобы знали: три месяца меня не было, я не получаю деньги за это и никогда их не возьму. Я не работал три месяца, и мне не полагается, чтоб не было никаких разговоров. Мне эти деньги и не нужны. Не за шестьсот же рублей я работал девять месяцев. Моя девятимесячная работа принесла мне пока что одно только горе. Никакой радости, никакого желания работать, никакого желания вытащить театр, снова его сколотить. В театре есть свои периоды… он может иссякать, но единственно, что мне кажется, что он еще не настолько мертв, он еще может как-то существовать.

Репетиция идет нервно, но обормоты прощены.

«Вы мои нервы меньше бережете, чем нервы этих негодяев».

«Я человек суеверный».

«Лучше бы вы были верующий». — Но это тихо.

В том и беда, что суеверный. Как ни странно, неверующий Эфрос был более божеским человеком.

В конфликте Любимова с Губенко Борис излишне подогревает, нашептывает шефу негатив о Николае. Политика политикой, но объективно для Театра на Таганке Николай сделал дело огромное, и не надо упрекать его глупостью газетной, что он не поставил спектакля своего. Вся его деятельность в театре, увенчавшаяся советским паспортом Любимова и назначением его снова художественным руководителем театра, — самый лучший спектакль Николая, который только можно себе представить в этот срок его правления. А Боря подсевает зря, он понимает отношение к нему Губенко, Филатова, Смехова. Они его за ноль держат. Борис не может от комплексов освободиться и отвечает глупо. Но, мне кажется, при благоприятной ситуации, при терпимости к нему отношений он весьма полезен может быть.

Я чувствую, что эти записи, и магнитофонные, и дневниковые, одни из последних, относящиеся к истории Театра на Таганке. Она заканчивается вместе с входом танков в Вильнюс и Ригу. Она заканчивается по всем статьям. Я зря соврал шефу, что в отличие от министра мне «Самоубийца» нравится. Сорвалось с языка, надо было как-то потрафить ему, чтобы потом сказать жесткость. Так вот, я давно так много не писал о театре. Все пространство бумаги занял быт, роман и всякая ерунда.

24 января 1991 г. Четверг. Братислава

По телеканалам всякие угрозы и проклятия в адрес Горбачева. Буш: экономические санкции, если Горбачев не уйдет из Прибалтики, а Хусейн — из Кувейта. В какую страну мы вернемся?!

Глаголин тащит Петренко как доказательство: вот вы все, дескать, были против, шипели, а он может и будет. Да кто спорит! Это еще один кол в спину министра. И репетициями в Брно Глаголин принародно получил от шефа указания ввести Петренко на Бориса в Москве, и дать ему сыграть, и собрать прессу.

25 января 1991 г. Пятница

Смотрю какой-то дурацкий фильм ковбойский, штопаю себе носки и думаю, что нашему шефу очень подходит кличка Неуловимый Ковбой — он на х... никому не нужен, а думает, мечтает, что в него будут стрелять. «Ельцина три раза физически

пытались убрать». И морочит нам голову, и морочит, выдумывает одну причину за другой. Самое страшное, если он добьется своего и поссорит нас. Ну скажи же, наберись мужества: «Ребята, не поеду я к вам, устраивайтесь, думайте сами». Нет, скользит из рук, шипит, грозит и жалит. Прицепился к Николаю. Вчера, говорят, страшная грызня была.

— Мой младший сын не хочет жить в этой стране... Извините, искусство искусством, но мой сын мне дороже. Когда улягутся некоторые вещи, когда пройдет эйфория танков... а сейчас я не поеду, это и есть моя акция гражданская, я не желаю с ними иметь ничего общего.

26 января 1991 г. Суббота

Ну, что ж... Пришли ко мне вчера Николай с Шопеном, с водкой. Все те же повторили разговоры и жалобы. Посоветовал я Николаю ничего не говорить резкого, конкретного шефу, не брать на себя, не уговаривать — в любом случае он будет рассматривать его как лицо должностное, принадлежащее к партократии. Николай сказал, что он ищет малейшего повода, чтоб выскользнуть из этого хомута — министерства.

— Я пока не могу Горбачева предать, который сделал все, чтоб вернуть Любимова, а вот теперь... «Я единственный из визитеров, который приехал и работал, вкалывал, не промелькнул этаким фейерверком, а работал девять месяцев как проклятый». Я стоял рядом и понял, кого он имеет в виду — Войновича, Лимонова и др. Многие ведь приезжали и уехали. Но они и не получали паспортов и гражданства, не становились опять художественными руководителями — Ростропович с Галиной, в первую очередь он имеет в виду этих блестящих визитеров.

Короче, после третьей, солидной дозы Николай принимает решение срочно собраться по случаю дня рождения Володи у него в апартаментах.

— Свистать всех наверх, кто с чем может: есть водка — с водкой, с бутербродом, с банкой консервов, с куском хлеба, с пивом, водой, яблоком, голые, мытые, немытые, спит — разбудить, пьяный — растолкать, но чтоб все были!

Кто мог, кто был на месте — все явились. И это было хорошо. Выпили за Володю. И опять разговоры, споры, уговоры Любимова.

— Театр мертв, особенно по утрам. Вечером еще что-то копошится в нем, какая-то видимость жизни, энергия искусства, легенды, тень...

Хорошо говорила Демидова, умница она все-таки, и многому жизнь ее научила. И попривыкла она, но свое отточила и сохранила. Она говорила: «Зачем мы уговариваем, тащим? Есть

данности, которые мы не можем не учитывать. Александра Николаевна Гончарова, старая дева, в пятьдесят лет родила... полюбила... вышла замуж... сорок лет прожила в тишине, забвении. Это данность. Катя, Петя, возраст — все это данность, судьба... А мы хотим навязать ему свою судьбу, так как нам видится, хочется...» Спокойно, очень хорошо, ясно так она говорила, что, казалось, и возразить нельзя, только согласиться и принять. Нет, у Маши нашлись опять какие-то контраргументы, опять она эмоционально стала прожектировать. «Маша, ты сначала думай, потом говори».

Глаголин:

— Я хочу выпить за Таню и ее дочь! — (За дочь Т. Иваненко от Высоцкого.)

Губенко:

— Хоть бы показала дочь. Почему она не в студии?

Таня:

— Потому что она умная.

Любимов:

— Да, здорово она умыла актерских детей.

Ну, а я, когда созрел для тоста (опять он меня колобком назвал, и теперь я понял: я от дедушки ушел, я от бабушки ушел... везде прокатился, нигде не застрял, хитрый такой, ласковый. Но это лучше, чем я думал — потолстел, покруглел... А это о себе мнение я знаю давно. К нему же относится: ласковый теленок двух маток сосет), сказал, что Володя родился под знаком Водолея. Алла добавила, что Россия вступает в Водолея. Что весь практически февраль пройдет под этим знаком, давайте проживем его в мире, в добром отношении друг к другу, быть может, зародится что-то здоровое и в государстве, и в нас, сыграем на уровне все февральские спектакли и встретимся в Штутгарте добрыми, здоровыми и с новыми идеями... Не загадывай вдаль, как говорил Теркин, доживем до Штутгарта. Пусть Володин Водолей поможет нам. Что-то в этом роде.

Пьяная Додина комментировала каждое слово любого. «Он учился на нашем курсе, никому в голову не могло прийти: Высоцкий — Гамлет! Надо быть Любимовым, чтобы такое выдумать: Володя — Гамлет, да что вы...»

Сайко вякнула:

— А «На дне»?»

Любимов всполошился:

— Да я разве запрещаю, играйте, если нравится, если к вам пойдет народ. Я никогда не запрещал чужие спектакли, мои снимали... — И пошел.

Как его это задевает. Тут он прокалывается весь, до дна.

Бедная Наташка-то в связи со спектаклем «Высоцкий» подвякнула, что нельзя играть один раз, 25-го числа.

Не было Ивана, Жуковой... Около двадцати трех Николай скомандовал: «Прошу покинуть мой номер!» Но действо удалось, при всем хаосе мнений, крике, пьяной неразберихе... Удивительно, если бы Николай на полчаса опоздал со сбором — все были бы уже в умат и не собрать бы никого. В полном составе только рабочие явились, но тоже на крепком взводе.

Гладких:

— Я от начала до конца вела все «Гамлеты». Он выступает, отдает мне сигарету: «Вера, я бы все отдал, только чтобы не играть, сил нет, Вера». И все-таки играл... Он меня любил, денег всегда давал, и Коля давал, и этот... как его... Как же я любила Володю!

27 января 1991 г. Воскресенье. Унитаз (в ванной тепло и светло)

Приснился мне Любимов — с лицом северного корейца, в зеленой гимнастерке, увешанной медалями и орденами, ярко-сочно-зеленой, желтизной отдающей.

Вспомнилось на днях, как мы с Вовкой болото косили, как метали стог и как потом его раскидывали и сушили. Это был тот год, кажется, когда мы приезжали с Нинкой. Тогда же и дрова заготовляли. Володька старался еще и потому, что Ольга жила у деда с бабкой, держали корову. Тогда я и вышиб одной битой целую фигуру. Перед тем Нинка загадала: «Загадываю, зайчик, если одним ударом вышибешь, будешь великим артистом». Ну я и вышиб. И что? Стал я великим артистом? Кем-то стал, до «народного» дошел, чего-то сыграл приличное, но что такое — великий артист?! Кто у нас великий?!

28 января 1991 г. Понедельник. Унитаз — мой письменный стол

Все замечают, сокрушаются: как Любимов стал много пить. Он держится, конечно, но поддает здорово. Вчера опять по его инициативе подняли зал в минуте молчания по жертвам тоталитарных режимов — тут и Прибалтика, тут и Хусейн, все тут. Любимов речь держал. Спектакль перед спектаклем.

— Пока войска в Литве — нога моя не коснется порога так называемого Союза нерушимых республик свободных.

А дальше не идет — Великая Русь хочет отделиться.

— Он (Губенко) не прошел испытание властью. Как он на меня кричал, когда я снял пионеров и маски! В этом интимном спектакле такой бодряческий балаган.

— Вознесенский молодой был хороший, потом испортился. Мы — товар скоропортящийся.

— Англичане предлагали мне английский паспорт, если я попрошу политическое убежище. Для сына — королевский лицей, потом Кембридж или Оксфорд. Сыну была бы обеспечена блестящая карьера, самые высшие должности...

— Губенко, вместо того чтобы три месяца заниматься театром (работать в театре), стал министром.

29 января 1991 г. Вторник

— Да знаю я, Галина Николаевна, ну чего хвалить — это все видят... Если он только не успокоится, пройдет медные трубы... Владимир прошел медные трубы, он понял под конец жизни. А Николай Николаевич, которому ты так прощаешь все, не прошел испытание властью.

Настроение срочно поднять. Чем? Молитвой — научи меня, молитва, надеяться, верить, терпеть, любить и прощать. Так вот, простим Любимову и вспомним: кто из нас не согрешил словом! В сердцах, в гневе, в помутнении. Уверяет он себя, что прав, и Бог ему судья.

Господи, пошли легкости, пошли скорости!

Мы закрывали сегодня наше турне по Чехословакии. Помоги выстоять мне и партнерам моим. Чтоб хоть трезвые были и добрые.

30 января 1991 г. Среда, мой день, пора и на унитаз

Потом ходили с Юрой по магазинам, проводивши, кстати, шефа, уезжающего (с Катей за рулем почему-то) в Мюнхен. Счастливого пути.

31 января 1991 г. Четверг, братиславский унитаз

Борис страшную одну деталь проболтал: Любимов поручил ему поговорить со старшим его сыном Никитой относительно некоторых пунктов завещания — исправить или что-то в этом роде.

9 февраля 1991 г. Театр

Пока я не заставлю себя насильно открыть дневник — я живой труп. Когда я пишу — я живу.

10 февраля 1991 г. Воскресенье — отдай Богу

Сегодня «Годунов», выдвинутый, оказывается, на Государственную премию (Любимов, Губенко, Золотухин).

14 февраля 1991 г. Четверг

Два чумовых дня в Ленинграде. Теперь «Чума». Завтра кинопроба у Швейцера с Денисом.

17 февраля 1991 г. Воскресенье. Мое число!!

О чем бишь я? Да, расстроился предстоящим сегодня просмотром комиссией по Госпремиям «Бориса Годунова». Почему не «Живого»?! А так я могу и пролететь в связи с интерпретацией «Бориса» как «Оптимистической трагедии». Да и вообще. Я убежден, что во всех этих организациях наверняка огромное количество завидующих Любимову и обозленных на Губенко людей, думающих, что это все политизированное, раздутое фуфло.

К театру нашему на Таганке в самую пору применить активную эвтаназию, то есть смертельный укол безнадежно больному организму, чтоб не мучился и других не мучил. То есть резкая сверху реконструкция.

У нас же даже не пассивная эвтаназия, потому что система жизнеобеспечения как-то поддерживается: то гастролями, то выдвижением на Госпремию, то какими-то прожектами.

И это вообще-то должен Любимов решать. Человек рождается, никого не спрашивает, и его не спрашивают. А когда приходит время уходить, много проблем возникает.

Самоубийство — страшный грех, да и сам человек хранит надежду и на выздоровление, и на обретение жизни вечной. И начинается всяческое бальзамирование, всякие приемы использует человек: и психологические, и терапевтические, и жениться на молодых особях пытается (от лежания с молодой молодым не станешь, но видимость поимеешь).

18 февраля 1991 г. Понедельник, парикмахерская

Театр шумит поездкой... кого берут, кого и почему не берут. Обращаются ко мне, меня это злит. Ну, давайте соберемся все и откажемся вообще от гастролей за границу, потому что не берут Лукьянову, Иваненко, Фурсенко. Откажемся в знак протеста германской фирме, что она мало дает денег... и Любимову, что он много берет денег за спектакль, пусть поделится с Иваненко, Фурсенко, Лукьяновой... Откажемся или прекратим эти жалобы. Не берут Шаповалова, но если он отказывается играть, тогда как?! Трудный характер? А мне что с того... Он уже показал свой характер на Мулиной, она от него в Голландию аж сбежала.

19 февраля 1991 г. Вторник, у исполкома

Шкатовой он не нравится: не любит театр и ничего хорошего

не сделал. Я бы тоже не любил наш театр, вернее, наше руководство.

Посещение начальника было успешным: квартиру поменяют Феликсу. Задел я и свой вопрос, и какую-то поддержку от Станислава Викторовича получил, и блеснула надежда попасть в кооператив на Крестьянской заставе. Обещали звонить.

«Где ты искренен, в письмах или дневниках? Нигде? Замечательно. Это что, навек теперь утраченное качество?»

Купил Сереже компьютер советский — 1025 руб.

25 февраля 1991 г. Понедельник. Театр

После «Высоцкого» публика не реагирует на пародии, она не знает манеры Рождественского, Вознесенского. Брежнева еще узнает. Боже! Как пролетело время, а мы все старьем потешаемся.

«Актерские работы Губенко и Золотухина достойны государственного поощрения», — так передало радио, а я вчера публично Горбачева лягал за то, что он нашего Кольку с пути праведного сбил. Теперь, боюсь, не дадут, не проголосуют. В пристяжке где-то и «Живой» был, но идет на обсуждение и голосование один «Годунов». А хорошо бы лауреатом стать, к 50-летию, глядишь, и подарок.

26 февраля 1991 г. Вторник

Сюжет с государственным вознаграждением покоя не дает... Я хочу быть похожим на Олега Янковского в момент вручения ему Госпремии — смокинг, бабочка. Я хочу оказаться опять в этом зале Кремля, только теперь с Астафьевым. Тогда получал Распутин за «Пожар». Я хочу, чтоб этот день в моей жизни состоялся. Я уже вижу его отчетливо. И еще я помню, как искренне приветствовал и ликовал за «своих» Абдулов. Будут ли ликовать Бортник или Шаповалов? Только ради этого стоило бы организовать моей фортуне или бесу этот день. Тем еще «приятнее», что Астафьев назвал наше действо «Оптимистической трагедией». Маслов вчера рассказывал про одного замечательного рок-музыканта, поэта, который поехал на Алтай, увидел горный Алтай, обалдел и остался... пасти лошадей. И до сих пор пасет где-то в истоках Бии. Быть может, ему заказать песню про Алтай?

Назаров грустную мысль сформулировал в начальном слове: мы сделали с Валерой первый фильм, сейчас будем делать еще один, и для меня он может быть последним. Потому так серьезно настроен В. А. на этот фильм. У Петренко — репортаж, перечень, журналистика, у нас — сюжет.

«Моя корысть в этом простая: потратить остатки своей жизни на возрождение храма».

6 марта 1991 г. Среда, мой день. Германия

Сейчас мы увидимся с шефом. Пронеси эту чашу мимо, Господи!

7 марта 1991 г. Четверг

Среда вчерашняя твоей оказалась. И хоть ты глотал пиво, но кривая тебя вывезла, и шеф нормальные слова говорил. Он долго меня мурыжил словами «вообще», о театре, жизни и политике. «Развалины Карфагена… Но в музей тоже ходят». Так он охарактеризовал вчерашнее зрелище. «С Колькой мы разошлись окончательно. Мне даже с Демичевым…» — И тут что-то нас прервало. Вспоминал триумф «Доброго» много лет назад, еще был жив Владимир.

На экране нормальные, живые люди. Буша я увидел сегодня раз пятнадцать, он что-то опять в конгрессе отмочил, и хлопали ему, и он выглядел победителем. Шеф тоже счастлив, что Хусейн разбит и наступил относительный мир. Он выиграл какое-то пари у какого-то генерала.

8 марта 1991 г. Пятница

Около десяти часов утра местного времени. Господа, никто из вас не чистил зубы бальзамом для ног, который положила мне Тамара Владимировна? Я три дня не мог понять, что это за паста, почему с языка не сходит желтый налет и почему я никак не могу его содрать зубной щеткой. Хорошо, что жена не положила мне обувную ваксу.

9 марта 1991 г. Суббота

Сон в Германии, в которой счастливые, полные любви и взаимной нежности несколько лет прожили тетка бедная моя Елена и дядя Паша. Будто стоим мы сейчас с состарившимся дядей Павлом Николаевичем и украдкой смотрим из окна, как возвращаются с песней знакомой, но сейчас вспомнить не могу. Идут они рука об руку и поют, молодые и счастливые. Оба в военной форме того времени, а у тетки русая коса почему-то, такая, как у Таньки Белецкой. Они поют, поднимаются на крыльцо нашего дома и сейчас скроются в кладовке, где стояла покрытая для них постель. И заплакал я во сне настоящими слезами, впрочем, плачу и сейчас, когда пишу и вспоминаю сон. И понимаю, что это напоминание ведь, это мне знак, может быть, последнее предупреждение, что не написал я повесть о тетушке моей, о любви их и смерти ее преждевременной. Ведь одни письма ее — это роман, семейная хроника. А письма Фомина?!

Чем же, черт возьми, занимаюсь я, печатаю дневники скандальные, главная-то моя тема и удача, быть может, там лежит, в тех текстах. А я пропил и промотал время, душу. Жизнь людям калечу и себя позорю, чищу зубы бальзамом для ног почти в пятьдесят лет. Вот такой вещий, безусловно, сон.

Желдин рассказал об интервью Николая в «Советской культуре», где тот, по его словам, резко отозвался о Любимове последних лет. Я попросил его вспомнить точные слова, формулировки, темы, а не то, что мы можем легко прочитать между строк. Когда Костя это сделал, я для себя пометил, что, в общем, ничего особенного он не сказал. Не создал на Западе ничего адекватного «Таганке»? Ну, во-первых, а судьи кто? Во-вторых, это вообще совдеповская формула, которая употреблялась по отношению и к Бунину, и к Рахманинову, и к М. Чехову. Но, в общем, все равно это высказывание со знаком минус в сторону невозвращающегося художника.

И сегодня на репетиции — нет-нет да и стычка или стычечка.

Губенко сказал Глаголину, что тот неправильно себя ведет, что надо резче и определеннее вмешиваться в ситуацию, что он, может быть, один спектакль сыграет в Испании, но больше он в этом участвовать не хочет...

10 марта 1991 г. Воскресенье

Губенко, по-моему, играл здорово, мощно, горько. Всю свою судьбину министерскую выговаривал в тексте, подтексте. Трагедия начинает прорываться. Вот как человеческая твоя судьба просматривается в роли.

Колька с ума сошел. Он дает указания министру Латвии, министра Грузии учит. За границей у него рейтинг нулевой. Вот что значит один раз выступить по телевидению и подписать письмо... Меня на Западе спрашивают, что случилось с вашим министром... повлияйте... скажите ему. А что я ему могу сказать?!

«Политический онанист» — так Губенко охарактеризовал своего учителя перед выходом на «Годунова».

Семьдесят процентов было эмигрантов в зале, им было интересно лично Любимова повидать и услышать. Ну и пусть городит себе. Слава Богу, он про Горбачева и Литву не вспомнил. Хотя газета немецкая про наш гражданский отклик поведать штутгартцам успела. Но, может быть, оттого, что в Союзе его заявление не было принято всерьез, то есть никакой реакции не последовало и в печати нигде это не засветилось, это, наверное, Любимова огорчило. Рассказы у него путаются. То он говорит, начал с того, что вошел в кабинет к Андропову, а закончил тем, что разговор был по телефону, от его большого друга,

гениального ученого Капицы, по вертушке: «Вы, Юра, разговаривайте тут с ними (и показал на портреты Политбюро), а я пойду в лабораторию».

Алла такую картину голодающей Москвы нарисовала, что мне жутко стало. Оказывается, бродят стаи одичавших, выброшенных, голодных собак и кошек и вереницы голодных стариков с кошелками. Очень хочется ей Электру сыграть. У нее смысл жизни появился, она опять живет надеждой.

Я хочу заложить храм в Быстром Истоке.

По пути из Твери, в машине, окрыленные разговорами с полиграфистами, стали мы считать доходы-прибыли, и получилась в результате такая дилемма-формула, что при гонораре где-то порядка 75 000 тридцать из них составит налог, то бишь в казну государства. Теперь еще проще — как красиво пристроить налог? Краснопольский предложил детдом на Алтае. Еще было много предложений, вариантов, и вдруг осенила меня мысль: церкви, а точнее... Я ведь путь свой, кроме крылечек, школьных вечеров, начал на сцене ДК, который приспособили из деревянной и довольно симпатичной церкви. Теперь надо исправить дело рук отцов — снова ДК превратить в храм... не размашистый, не масштабный, но каменный. А клубу иное место сыскать. Идея эта ошеломила мое воображение, я тут же связался с Башуновым, он в вопросах религии разбирается, сразу вопрос ребром: а есть ли там община и зарегистрирована ли она? Короче, у него есть сведения, что там и десяти человек хватит. И что в тех местах был какой-то священник, не то бийский, не то барнаульский, и что воспринята моя идея боговдохновенно.

— Вы за Горбачева? Да или нет?
— Нет.
— За Ельцина?
— Да.

Ну, так и не получу я Госпремию, я ее уж и ждать перестал, я забыл про нее.

> «Уважаемый Владимир!
>
> Я обращаюсь к Вам, а через Вашу замечательную газету ко всем читателям с вопросом, на который знаю ответ. Нужен ли большому селу Быстрому Истоку храм Божий? Нужен. И объяснять почему — нужды нет. На месте того Дома культуры, где начинал я свой актерский путь, стояла деревянная церковь. Потом отцы наши, по своей одурманенности революцией и атеизмом, разрушили ее и переделали. Эта часть истории мне мало

известна, да, собственно, суть и не в ней. Я хочу обратиться к жителям Быстрого Истока и к жителям сел прилежащих поддержать мою идею и начать строительство нового храма. А начать строительство с регистрации общины и сбора средств, на что и хочу сделать мой первый вклад в размере 30 000 рублей».

Потрясающе говорил Николай, устранив в середине речи барона переводчика. «Миша, встань сюда!» Ну, кто еще так мог поступить?! «Барон, вы устраняетесь!»

11 марта 1991 г. Понедельник

Все или почти все осуждают Николая за поступок с бароном. «Каков министр, такова и культура». А я — нет. Я просто не могу так поступить, иметь такую решительность и, стало быть, внутреннюю правоту. А в общем, завидное поведение, при этом Николай сам продемонстрировал знание языка и тем показал, что это никому не возбраняется.

Огромный митинг в защиту Ельцина. Неужели произойдет, что коммунисты уйдут?! Не верится.

13 марта 1991 г. Среда, мой день

И с утра не везет. Сидим в Шереметьеве-1, Могилев не принимает.

К большому для меня сожалению, посмотрел прекрасный фильм Филатова «Сукины дети». «Это надо смотреть», — сообщил мне Назаров.

14 марта 1991 г. Четверг. Могилев, отель «Могилев», № 1008

В самолете на сиденьях обнаружили листовки, призывающие голосовать 17-го правильно и не поддаваться, не угодить в ловушку Горбачева. Если такие листовки самолетами будут доставлены в самые разные регионы «широка-страны», это сыграет важную роль, голосов в пользу Ельцина добавит.

16 марта 1991 г. Суббота

Так и не написал я Башунову письмо в газету о том, что хочу церковь в Быстром Истоке поставить.

Мы завтра летим в Испанию, завтра вечером мы достигнем ворот Мадрида.

18 марта 1991 г. Понедельник. Мадрид

Первым делом проверил розетку — русско-советский артист. Хотя не знаю, вчера я голосовал против Союза, может быть, Бог

даст, я уже и не советский.

Слышал в вестибюле голос шефа, но на глаза ему не показался.

19 марта 1991 г. Вторник. Отель

Зацепил за завтраком шеф. Не успел я смыться. Снова о том, что надо поговорить, снова о Кольке: «Он со мной разговаривает только через газету. Так он боится, потому что знает, что разговор этот будет для него крайне тяжелым». Николай же считает, что Любимов за его спиной говорит гадости, а в лицо сказать боится. Между прочим, Любимов такую фразу мне сказал: «Хоть ты и артист, они тебе твоего заявления в Штутгарте не простят». — «Какого заявления?» — «По поводу Ельцина и Горбачева. Где можно, они постараются тебя прищучить». Перевирает всю историю с бароном, я все-таки попытался ему разъяснить, как было на самом деле, что барон не мог перевести — не упразднено слово «товарищи», его употребил Пушкин в сегодняшнем спектакле. Барон не нашел адекватного немецкого слова-обращения и был отстранен рукой министра. Жест хамский, но справедливый.

Шеф хочет читать «Подростка» здесь. Ну, допустим. Говорит, что уговорит Стуруа на постановку. Но он не верит в нашу дисциплину и организованность.

Так, как живут испанцы, так нескромно — другого слова нельзя назвать-подыскать, одно слово «нескромно», — так нельзя жить у всего мира на виду. Немцы тоже нескромно, может быть, еще нескромнее живут, но они так не шумят, не ходят по улицам такой праздничной толпой и не мусорят так на улицах, а тут нескромность как таковая переходит в хохот и разнузданность. Мы живем в самом чреве Памплоны. Угодили мы на фиесту. Будут ли водить быков по улицам?!

Остатки дней моих. Как бы хотел их провести я? Мне чудится, что я живу в Быстром Истоке, в лачуге или во временном доме, при строительстве церкви. Я вижу себя на обжиге кирпича, советуюсь со специалистами, слежу за температурой в печи, считаю штуки. Из второсортного и боя как раз, быть может, тот домишко при церкви и сложить. Я вижу себя читающим Библию, изучающим Святое писание, разучивающим церковное пение. Нет, я не затворником вижу себя, на монашеский подвиг я не гожусь, сильно испорчен, но на подобие жизни смиренной, богоугодной я бы решился попробовать. Месяца два-три в год выезжал бы я на гастроли, с концертами, для этого бы приспособил Барнаульскую филармонию. Пятьдесят процентов гонорара отчислял бы я на строительство, чтоб оно не затухало. К тому же и писал бы я чего-

нибудь, и потихоньку издавал. Вижу ли я Тамару рядом?! Вижу. Книги, газеты, телевизор и видео — остатки цивилизации всегда были бы при ней. Горячую воду Иван бы нам организовал, баня рядом, и много ли человеку надо?! Отсутствие Харченко поблизости, вот что может остановить. Подыскать хорошего настоятеля, священника. И корысть моя — оставить после себя храм, а с ним и память по себе.

О религиозном равнодушии. Цитировать о. Кирилла опасно. Это «Посев», это НТС. Это долго надо будет доказывать, не исключено, что в каких-нибудь Бутырках, почему эта организация действительно за спасение России от большевизма-коммунизма. Ведь мой отец за это кровь проливал, ну разве докажешь кому-либо, что это трагическое заблуждение, в котором виноваты главные христопродавцы, главные марксисты, будь они неладны.

Любимов:

— Мы будем с ним говорить. А в какой компании он собирается говорить со мной? В компании с Пуго, Язовым. И как ему не стыдно разговаривать со мной через орган, посредством органа ЦК?!

«Известно, что каждое поколение исправляет ошибки предшествующего. Рьяно отыскивает их, много говорит о них и, в лучшем случае, в исправлении их ищет панацею от своих ошибок и от зол в будущем. Конкретно я хочу попробовать исправить ошибку моего отца, принимавшего активное участие в борьбе с религией, верой у нас на Алтае, разрушая церкви и храмы, преследуя или насмехаясь над верующими, выбрасывая и сжигая иконы, разворовывая в пользу казны церковную утварь. А еще конкретнее — я хочу построить церковь в родном своем селе Быстрый Исток. Я понимаю, что вопрос не одного дня и даже года, я понимаю, что одному человеку и даже одному, хотя и большому, поселку такая задача не под силу, но дело пока, как принято нынче говорить, в „принципе“. Во-первых, мне известно, что в Быстром Истоке много верующих, гораздо больше, чем того требует формальная регистрация общины. Во-вторых, это районный центр, объединяющий немалое количество сел и деревень, а стало быть, и верующих. В-третьих, что, может быть, самое важное, это требование времени. Именно требование, а не мода. Необходимость церкви в Быстром Истоке не требует доказательств. Она самоочевидна. Хотя и на эту тему можно поговорить, но только грамотно и уважительно относясь к мнениям другим. Налицо все формальные причины для разрешения такового строительства есть, а внутренние побуждения и мотивы это опять же, как говорится, в рабочем

порядке. Я не знаю, где и кто та инстанция, к которой с этой заботой я должен обратиться в первую голову, любя Вашу газету, я это делаю через нее, чтоб быть услышанным, а там, как Бог рассудит».

Губенко много сделал для театра, как и Эфрос. И я с Губенко и Любимовым в оценке роли Эфроса в судьбе театра не согласен. Для своей собственной судьбы, быть может, Эфрос принял роковое решение, вот тут ему Бог судья.

20 марта 1991 г. Среда, мой день

И день «Бориса». В Мадриде первый «Борис» и, говорят, с участием министра тоже состоится в среду.

Нет, я не вижу себя затворником, на монашеский подвиг я не гожусь — сильно испорчен... но жизнь смиренную, богоугодную я бы хотел начать, если на то будет святая воля Его.

Любимов:

— Приедет министр, вы сразу по-другому будете себя вести, потому что он министр для вас.

— Юрий Петрович...

— Да-да, надо снять вас скрытой камерой, чтоб вы посмотрели на свои лица, когда он появляется. Как гаркнет на всех...

— Да он кричал, когда и не был министром.

Это акция случайная. Я ничего не имею против нашего министра. Он в тяжелом положении, как и вся наша культура, как и все мы.

Мечтаю я и братьев, родных и двоюродных, привлечь, увлечь этим делом. Благо старший, Иван Сергеевич, в самом Быстром Истоке живет. Он хотя и коммунист, но в благом деле участие несомненно примет, потому что уважает веру других.

21 марта 1991 г. Четверг. Мадрид, отель, № 327

А почему я не должен хорошие слова о себе записывать, а только замечания шефа?

Любимов. Я понимаю, с каким нетерпением (в последнее время) шеф ждет встречи с нами, со своим театром. Как ему хочется поговорить, как ему хочется многое успеть нам сказать, ведь в наше отсутствие, вернее, в его неприсутствие, ему же некому слова сказать, в особенности о театральных делах, о делах актерских. У него это копится, копится... и вот мы приезжаем, и он разряжается на нас... на всех и на каждом.

Противоречия в труппе. А для меня эти поездки — благословение. Я привык к ним, в отеле — я дома.

22 марта 1991 г. Пятница

Вернулся из костела. Причастился. Падре странно посмотрел на меня, я стоял на коленях на полу, мне не хватило места на кожаном валике, и было пошел от меня, но я быстро переместился на валик, и в глазах, очевидно, была такая тоска, что он сжалился и вложил мне в рот тонкий, круглый листик просвирки.

Надо же — двадцать восемь государств перечислено, куда можно позвонить по коду, и только наша великая держава не представлена в перечне.

На что Николай рассчитывал, стоя в подъезде ЦК, вытаскивая Любимова гостем в СССР?! Он же и в мыслях не мог держать министерский мандат. Сузим проблему — сыграть Годунова!! «Высоцкий» уже был восстановлен. Сыграть и уйти опять в кино, в надежде, что мастер опять примет театр. Каких Николай себе добивался венков?! Общественное мнение было на его стороне. Он добился. Он сделал невозможное. А в общем-то, если опять все сузить, в чем закавыка? Да в том, что «Чума» и «Самоубийца» не получились, не дали желанного успеха, взрыва. Старые, да, восстановленные. А дальше-то король оказался голый, и только потому, что все время спешил на Запад. А тут и новая политическая игра затеялась. И опять прав Николай, что «сейчас не время говорить обо всем». И Любимов боится, что могут сказать, когда будет время говорить.

Во-первых, во-вторых и в-третьих, никто его из страны не выгонял. А нынешний конфликт с министром культуры, членом КПСС, членом ЦК КПСС... Да он ему только на руку. Если бы его не было, он бы его выдумал, впрочем, ведь он его и выдумал. Ну, кто тебе не дает сейчас работать?! «Легче было с Демичевым...» Так это понятно, об этом по-умному-то молчать надо. Ведь в этих оговорках и обнаруживается все. Демичев закрывал продукцию — спектакли, значит, душил художника. Кто сейчас тебя душит? Губенко? Да Бог с вами! Работайте, ставьте спектакли или руководите театром, постановками. Вы же не являетесь на работу! И для этого отыскиваете разные причины. И при чем тут членство Николая в КПСС или его министерский портфель? Для другого режиссера — это находка, это фарт, это карта тузовая: ученик-министр, да к тому же играющий. Но нет. «А он, мятежный, просит бури...»

Скорее бы дали Госпремию, да и хрен бы с ними.

Да, никому мы тут не нужны. Но Любимов утро начал с поноса министра — интервью очередное. «Он начал со мной через газеты разговаривать, что ж, пожалуйста». Что он там нагородит в Мадриде?!

«До дна протравленных политикой времен». Это и к нам относится, вместе со всем достигнутым Любимов обкарнал нас и повернул в обездуховленность, заразил чумой общественных разговоров, интересов, мещанской конкретикой, суперреалистикой. «Неисследимо...»

Что за эти восемь лет сделано, чего мы достигли? Умер отец. Умерла Тоня. Начались перестройка и гласность. Господи! До чего же скучно жить на этом свете!

«Кроме дикого, нечеловеческого тщеславия, там нет ничего» — Филатов о дневниках. А я присматриваю себе взаправду нож и баллончик со слезоточивым газом. Наверняка будут на меня покушения или мордобитие. И я собираюсь обороняться. Глупо! Или сбежать в Быстрый Исток на год?! Боюсь за семью, за окна, за дачу. Куда-то прет фантазия от страха. А неприятности-то могут быть только от коллег, да нет, не утешай себя, Валерий, готовься. Раз уж решился — плюнь. А убьют — погром начнется тут же.

Неужели вся жизнь не удалась? Нет, не верю. Только бы получить от государства премию, то есть, получается, от Горбачева, что ли, против которого я?!

Идею пельменной надо выбросить, она мешает, она не развилась.

Я куплю себе оружие, чтобы обороняться от защитников Высоцкого — нож и пузырек с газом.

Нож я купил — 2812 песет. Дороже, чем ботинки. Весь почти гонорар Любимова. Но нож хороший, на веревочке — держитесь, гады!

Теперь я жалею, что роздал трости-стилеты редакторам, Дементьеву и Коротичу. С такой тростью мне бы ни один мститель не страшен был бы.

Говорят, лучше зажечь маленькую свечку, чем проклинать тьму. Это к Любимову и его ругани в адрес Губенко, Горбачева. Лучше бы спектакль поставил.

Я напишу, напишу. Я все расскажу про мою нелепую жизнь, а может, и лепую... кто знает?! Ведь со стороны я как будто абсолютный отличник, а что король голый, так этого ж никто не видит до поры, в первую очередь он сам.

Я согласен с А. Морозовым — всегда такого рода документы, как дневник, зашифрованы. Даже для самого автора. Это происходит бессознательно, подчас ты сам себе невольный цензор, и как раз не там, где надо.

23 марта 1991 г. Суббота. Испания, г. Памплона

Отель «Maisannave», № 327. Одна тетрадь перетекла в другую. Вчера, 22 марта, вернувшись из костела, где причастился и съел

облатку, я принял решение и Богу дал слово не пить до 21 июня. И написать эту грустную историю «Кв. 21х21».

Ко всему будут — должны быть! — съемки у Швейцера. Роль замечательная, и надо состояться. Давно у меня не было хорошей работы в кино, а здесь овчинка стоит выделки. Я не выпью даже в том случае, если дадут государственное вознаграждение за Гришку. Уж более того не выпью, если не дадут.

24 марта 1991 г. Воскресенье — отдай Богу

Я все-таки молодец. Моя левая нога, больная, из-за которой пролежал я три года не вставая, привязанный к кровати, она ведь далеко не рабочая в том качестве, как правая. Ступня, к примеру, не может выдержать один ритм-темп более, чем пять шлепков. О чем уж дальше говорить. Она совсем не опорная, все приходится на правую. Значит, в чем-то, где-то должна быть компенсация. В чем я ее нашел?! В пластике туловища, рук и таза. Хитро. И сохраняю вес. Потому что мне еще нельзя полнеть ни на килограмм. Чтоб не носить на себе лишний вес.

Дочка Анхеля у меня на столе, вместе с другими дорогими мне лицами. Как-то так она застряла у меня на столе с первого дня, так и прижилась — Микаэлла... Как-то Анхель среагирует?! Спокойно. Пошлет чего-нибудь ей, будет ли с Людкой советоваться?! Или меня пошлет, как некогда Владимир Семенович — это не моя дочь, понял? И не лезь! И все. Я, помню, растерялся.

Молись, Валерий! Молись и веруй — Бог поможет тебе. Дело ты затеял покаянное и, стало быть, Богу угодное. Только молись и веруй. И не бросай жену. Третья жена от дьявола. Молись, молись. Лучше поставить маленькую свечку, чем проклинать тьму.

25 марта 1991 г. Понедельник

Комментарии. Нет, я не хотел и не хочу писать комментарии. В этом и состоит, быть может, главная причина, цель и любопытство — как откомментируют дневники мои современники. А то, что я каждый негатив о себе или товарищах мог повернуть позитивом, невелика задача. В этом-то вся и штука, как расшифруют это герои дневника и сторонние. Оценки-то будут разные. Из их сопоставимости мы и извлечем желанный психологический корень опыта. Да, так.

В дороге я дочитал Турбина. Кафку осилить нет сил. Пустил по автобусу интервью министра, не только порнографию.

Любимов захомутал Анхеля, не отпускает. Да я особенно и не хочу общаться. Анхель часто вспоминает Филатова — Нина

звонила: «Берегите Колю, берегите Колю! На него будут нападать».

Коле за такие интервью яйца оторвать. Кто его за язык тянет славословить Горбачева? Ну, не тянут же за язык.

26 марта 1991 г. Вторник

Лукьянова много рассказывала об отце своем, артисте потрясающем. Ульянов — тень его. Так вот, она была на съемках «Кубанских казаков», ей было десять лет, она качала маленького Никиту Любимова. Арбузов и помидоров на Кубани тогда было несметное количество, горы хлеба, и никому в голову не приходило это поливать керосином, «чтоб артисты не съели». Это чушь собачья, недостойная даже Мюнхгаузена. Керосин дороже был, чем арбузы. А больше в кадре там ничего и не было. Ну, и так далее.

Сидоренко сообщила: по Москве шум. Интервью Любимова по радио «Свобода». Очень нелицеприятно говорил о Губенко. «Я думаю, Николай об этом знает. Они же не один раз передали...» Я думаю.

27 марта 1991 г. Среда, мой день

Глаголин говорит, что больше меня, кроме Любимова, никто не получил — 175 000 песет.

Анхель рассказывал, как он уезжал и как Панфилов и Чурикова у лифта: «Мы тебя любим, только не пиши и не звони».

28 марта 1991 г. Четверг

Говорят, у нас в Союзе какой-то важный политический день. Ельцин будто бы вышел на финишную прямую против Горбачева. На Красной площади грузовики, танки наготове. Прольется ли кровь, все гадают.

Второй день Анхель говорит мне, какой великий актер Губенко, как он чувствует трагедию народа и свою ответственность... Он один, он выбивается из всех сил. И почему так решен Отрепьев? Кто такой Отрепьев сейчас?! Анхель долго, правильно и нудно рассуждал. В рассуждениях он смыкается с моими русскими — «это не русский спектакль, кроме русских песен, русского нет ничего». А я подумал, что, если он прав, мне не дадут государственное вознаграждение.

С Анхелем и Любимовым сфотографироваться надо.

Анхель:

— Любимов не верит в Бога, хоть и много говорит о нем. «Бог не здесь (показал пальцем на кончик языка), но здесь (показал на лоб)». Думал, скажет «в сердце». Он в каждой клеточке. И в этом

смысле в России заложено все. От России зависит идеология мира. А Любимову Россия не нужна. Он не думает о судьбе русского народа, русской души. Россия ему нужна как реклама... для звездочки, для языка — это проституция. Он смеется, издевается над русской Россией.

Заплесневелый хлеб я обрезал и кусочки московские подсушил на настольной лампе, положив на абажур пепельницу, а в нее — хлеб. Замечательно подсох он, и я съел его с тремя помидорами. К быту артиста. Хорошо бы теперь поспать...

Что творится в Москве — понять невозможно. Огромная толпа, много милиции, и конной в том числе, менты машут дубинками. Открылся съезд Верховного Совета. Господи, спаси мою Родину!

29 марта 1991 г. Пятница

Надо бы написать письмо Матрене Федосеевне. Ведь у нее день рождения 7 апреля. Мы будем в Португалии.

30 марта 1991 г. Суббота. Самолет

Евтушенко в накопителе пишет на походном компьютере, и сразу это набирается в «Огоньке».

— Если ты пишешь о театре, пусть театр купит тебе компьютер.

— Компьютер убьет меня.

— Театр убьет тебя раньше.

— Да, недолго осталось, недельки две-три.

Прощай, Мадрид. Не скоро мы теперь твоих ворот достигнем!! Но кто-то произнес вчера словосочетание: фестиваль — Мексика — «Живой».

6 апреля 1991 г. Суббота, отель «Zurigue», № 214

«Прощай, Таганка» Нины Агишевой... это что такое?! Оправдание Любимова: «Спасибо и простите». И о «Борисе»: «Чего стоит одна его гениальная находка — образ толпы!» Похоже, это ответ на интервью Губенко, его болтовню по «Свободе» и т. д.

Статья, как бы подводящая итоги году отсутствия шефа в театре и стране.

А у меня одна мысль — это акция доброжелателей перед тусовкой за Госпремию.

7 апреля 1991 г. Воскресение Христово, светлое

«Дана нам красота невиданная и богатство неслыханное. Это — Россия. И глупые дети все растратили. Это — русские». В. В. Розанов, «Мимолетное».

10 апреля 1991 г. Среда, мой день

Тамара: «А мне Шопен больше нравится. Ну, он и актер получше, чем Коля. У Коли, может быть, все это четче, но он выхолощен. Шопен живее, ну, как бы... Коля на машинке печатает, а Шопен от руки пишет. Коля механичнее». Здорово сказала, я тут же поделился с Виталием, и он захохотал.

Перед этим она сетовала, что я сутулюсь очень, фигура какая-то овальная, голова на груди, «ты следи за своей походкой». Может быть, от этого вида моей негероической фигуры Любимов и дал мне напольные, ползающие мизансцены — к земле ближе... И тут я в своей стихии, как дождевой червь, — тут пластика моя животная выручает меня, вывозит, скрывая недостатки и выпячивая возможности.

11 апреля 1991 г. Четверг

А мысли какие в голову приходят: в день 50-летия, 21 июня 1991 г., покинуть Театр на Таганке и профессию вообще. Отчасти и из-за испорченной жизни с коллегами, которые, конечно, не простят мне «Дневников». И мечтается: поселиться в Быстром Истоке, книги свои развозить по деревням, общину церковную создать и открыть счет в банке. Начать обжиг кирпича. Но ведь голос мне все равно понадобится.

В 1992 году будет отмечаться 600-летие Сергия Радонежского. Хорошо бы в этот день заложить храм в Быстром Истоке в его память — «Сергиев храм». Эта счастливая мысль мне пришла в голову вчера в автобусе. Об этом тоже в письме к Башунову упомянуть надо.

15 апреля 1991 г. Понедельник. «Ту-154»

Про Говорухина: «за рамками всякого приличия», «прополоскав белье своих коллег». Что-то похожее, да похлеще, напишут про меня.

Мы дома, и слава Богу! У Швейцера — пересъемка последнего, эпизода (к/ф «Как живете, караси?»).

17 апреля 1991 г. Среда, мой день и мое число

И месяц, как я в рот спиртного не беру. Наконец-то я могу сказать «у меня месячник здоровья» с полным на то основанием. За этот месяц была Испания, съемки, Португалия, письмо к Башунову, поездка к Ире Муравьевой 17 марта, первая встреча с редактором и конкретное занятие книгой. Занятие... что это за стиль у меня, невыспавшегося, с раннего утра.

Стучу на машинке письмо к 600-летию Сергия Радонежского,

не спится.

День вчера мотался, но напрял мало. Хороший разговор с Матреной Ф.: «Че-то, думаю, всегда меня Валера или открыточкой, или телеграммой поздравит, а в этом году нет. Подумал, наверное, сколько ее можно поздравлять, сколь ей можно жить... Вот и дядя Паша, Павел Николаевич, умер, а наша все живет. Да... собиралися тут, ведь и Пасха, и день рождения, и Благовещенье, и День геолога, хоронили-то Тоню пятого апреля, ну да мы собралися шестого. Хотели пельмени сделать, да мяса нету. Да мука была бы».

18 апреля 1991 г. Четверг, павильон

Быстрый Исток уже знает, что я выступаю спонсором по строительству храма и будто деньги мои в Барнауле. Иван Михалыч говорит, что вызывали мать в Бийск. Колесо завертелось, но не в ту сторону. Хотя все равно, пусть шум идет.

19 апреля 1991 г. Пятница

Первая ласточка, и самая приятная, долгожданная, доказательная, опасная.

Люся Абрамова звонила Тане Вашкиной. Я взял у Таньки Люсин автограф-документ. «Таня! Ты не читала Валерины дневники?! Меня отпаивали. (Я похолодел.) Это жестоко, но правда. Многим в театре она будет поперек горла. Но ни Алла, ни Веня не смогли сказать это так точно и сурово по жизни. А за кусочек о „Галилее“, где вводился Хмельницкий, я бы ему в ноги поклонилась. Увидишь его, расцелуй. Прочитав это, я плакала и как бы вновь пережила этот отрезок жизни».

У Леонарда тоже пока только два хороших отзыва.

Разговаривал я сегодня с председателем исполкома в Быстром Истоке Тищенко Валентином Кузьмичом. Юридический запрос о регистрации общины они послали, ждут ответа из Барнаула, от благочинного о. Николая. Идея в народе и у совета встречена одобрительно, собирался он мне звонить. Говорил я с Иваном Сергеевичем. Сообщил председателю и о праздновании 600-летия Сергия Радонежского, и о перспективе закладки храма на 1992 год.

20 апреля 1991 г. Суббота

Угнали машину.

Хотел ехать в церковь, кои веки собрался, жену обманул, сказал, что на заправку — подошел к месту, где вчера оставил машину, и не верю глазам своим — нету. Место пусто. По совету Панина перегнал я ее вчера на другую стоянку, рядом. Из

багажника вынул ему водку. Три осталось. Жалко пленку, гвозди и водку. Не на чем ездить на «иголки». Как везти на дачу тещу?

24 апреля 1991 г. Среда, мой день

В Тольятти школа-лицей Сергия Радонежского просит помочь. «Город и власти заняты только штамповкой машин». Конкретно, 3 июля в ЦДЛ вечер-заседание... по возвращению Загорску нынешнему исторического имени Сергиев Посад.

И опять пересекается судьба моя с Сергием — я играл Загорского, убитого большевика, правда, там он был Горский. Я объявил, скорее упредил старосту прихода Арину Григорьевну, что храму хочу дать имя Сергия Радонежского.

Передавая ксерокс «Литературного обозрения», Таня сказала: «Самому смелому и мужественному человеку».

Посмотрим, чем аукнется эта смелость. На спектакле завтра будет много именитых гостей. Тяжельников!! Маслов говорит — он очень высоко.

Кто у меня забирает энергию?! Где я подзаряжаюсь? Кто на меня действует положительным зарядом?!

25 апреля 1991 г. Четверг

Надо дотерпеть эту жизнь. Когда опустошилась сберкнижка, я подумал, что жить завтра может оказаться не на что будет. Запасов нет. И хорошо, что Тамара пять тысяч положила на срочный вклад. Как только появятся у меня деньги, тысяч десять надо упрятать на вклад срочный. Пусть копятся малые, но проценты. Чем дальше, тем страшнее, заработок мой оскудеет скоро, голос уж не звучит так. После 50-летия два месяца надо повкалывать и заработать на пропитание и вторую машину. Вплоть до того, чтобы занять.

26 апреля 1991 г. Пятница. Быково

В киоске брелки с изображением Спасителя рядом с брелками голых баб. Кооперация в действии. Ни один телефон-автомат не работает, изломаны. Первая мысль — дать телеграмму Горбачеву, до чего он довел аэропорт Быково. Вторая — написать открытое письмо начальнику аэропорта. Кончилась мысль тем, что я наткнулся на депутатскую комнату и мне разрешили две минуты поговорить с Тамарой. Рейс отложен до 14.00, и ничего не поделаешь. Вот почему нужен администратор!

27 апреля 1991 г. Суббота

Машина примы не найдена.

В ночь со 2 на 3 апреля угнана машина «ВАЗ-2109»,

принадлежащая солистке балета Большого театра Максимовой. Поиски были безнадежны.

1 мая 1991 г. Среда, мой день

С утра был в Богоявленском соборе, поклонился мощам Серафима Саровского, купил за двадцать пять рублей «Житие Сергия Радонежского» с нестеровской картинкой на обложке. Думаю еще купить и отослать в быстроистокскую библиотеку.

Начал осваивать компьютер. Счет, письмо. Голодаю. Выпил кофе по возвращении Тамарки, съел орешки. До утра бы дотянуть. Сейчас начну читать «Житие». Короткую брошюрку о С. Саровском прочитал. Днем спал — это у Серафима есть в советах каждому иноку.

Абрамова: «Неужели, думала я, никто не скажет правды... Все, что о нем написано за все это время, все вместе сложить, не стоит страницы твоих дневников. Какая ты умница, что вел дневники... Я не могу без слез читать это... я иду по тем дням...»

7 мая 1991 г. Вторник

Ужасающая, разоблачительная статья про жизнь министра, командира культуры Губенко в «Столице». Страшная, застрельная... Народ читает, ксерокопирует.

Купил машину, и тошно, грустно: на трамвайных путях заглох. Поставил в гараж к Еремову — 21 300 рублей. Тупая, топорная работа.

13 мая 1991 г. Понедельник. Рано, кухня

А 4-й номер «Литературного обозрения» все спрашивают, все ждут, говорит киоскерша.

14 мая 1991 г. Вторник

Посмотрел и место у р. Десны. Место прекрасное, только у въезда, и дорога, и пыль, и шум рядом, и речка! Буду брать и делать. Это будет сад у реки. Участок надо так отмерить, чтоб общий забор от моего на метр-два отстоял. Пусть участок будет кривой, крутой. Хрен бы с ним.

И выход я нашел самый простой — справить 50-летие в театре (где же еще?), в моем театре, и сыграть «Доброго», именно «Доброго», с которого, собственно, и начался театр — мой театр.

Актерский рейтинг: Смехов на 6-м месте по популярности (?!), Филатов вообще не назван (?!). Это что-то любопытное. Я своим глазам не поверил, я десять раз глазами просмотрел список — Филатова нет. Что же это такое?! Я очень обижен за Филатова, как-никак, это моя семья. Как Венька вообще пролез в этот

список, не говоря уж про 6-е место?! Загадка.

20 мая 1991 г. Понедельник

Нашел я другой грустный автограф Ю. П. Любимова:

«Валерию. Артисту, писателю, а иногда и человеку! Ю. Любимов. 82 год. P. S. Шучу».

На титульном листе пьес по Ю. Трифонову.

25 мая 1991 г. Суббота

Вчера звонил Ивану, час с лишним бестолкового разговора, крика, увещевания. Нет, он убежден, что ни в чем не виноват. «Да я никогда в жизни не приду на это собрание, что я — идиот? Чтоб мне каждый плевал в лицо?!»

Осадок неприятный. Звонил ему Губенко. Сказал фразу: «Я без тебя играть не буду». Молодец, Коля, зарабатывает очки. Противу коллектива, один противу всего села.

27 мая 1991 г. Понедельник

На «Высоцком» сказал Николаю:

— Мне хочется что-то сделать для тебя, чтобы ты не обращал внимания на всякие статьи.

— Я и не обращаю. Что ты? Я давно адаптировался, еще здесь.

Он имел в виду свою деятельность на посту худрука «Таганки».

28 мая 1991 г. Вторник

Ну вот. Ленька опять меня «расстроил»: у него уже готов второй сценарий, а ты первый фильм не видел. Когда он успевает?! Я бы после такой удачи год бы праздновал, ни х... не делал бы, всё мемуары писал, как я делал и что думал, какой у меня стул был и какие женщины. А он строгий... и все по делу.

29 мая 1991 г. Среда, мой день

Экзаменовал Сережу, что он знает о своем отце. Мало знает. А поедет в Германию, вдруг у него все будут спрашивать обо мне, а он и не знает. Наивный и тщеславный у него отец. Я ему рассказал, кто такой Самозванец и кем он назвался... про театр и про кино. И что отец знаменит тем, что работал и жил рядом с Высоцким, и в анкете В. В. обозначен как его друг.

31 мая 1991 г. Пятница

Спектакль «Высоцкий» шел вчера без Губенко первый раз на советской земле. И спектакль прошел хорошо.

4 июня 1991 г. Вторник

«Я или вычеркну всех, или буду голосовать за этого сумасшедшего Жириновского, чтоб отнять у Ельцина голоса. Чем он лучше нашего Сергеича? Обкомовец. Из одного корыта ели. Не верю я ему. Он крайний, а я их боюсь». Вот и вся аргументация. «Должна народиться третья сила. Наши демократы — те же необольшевики».

6 июня 1991 г. Четверг

«Проснись! В твоих руках, избиратель, судьба моя». — И стучится к спящему мужику баба-Россия, напоминающая американскую статую Свободы. Поможет ли наша тусовка Ельцину?! Вряд ли. Уж если он наберет всем набранным авторитетом, то сделает это сам, своей персоной. Но политическая волна — дело затягивающее, видимость прогрессивной деятельности.

Митинг на площади мне удался, голос звучал, книги Ельцина подписывал.

7 июня 1991 г. Пятница

Тусуемся с Камчатовым. Хоть бы с первого тура Ельцин победил... Неужели затянется эта бодяга?

8 июня 1991 г. Суббота, Киров, гостиница «Вятка»

Три дня я деру горло за Ельцина. Надо же! Есть ли в этом смысл?!

11 июня 1991 г. Вторник, Одесса, «Красная»

Неужели Ельцин не победит? Пугает заявление Жириновского: «Ельцин никогда не будет президентом». Действительно, он похож на помесь Хлестакова с Геббельсом.

Помоги, Господь, Борису Николаевичу! Но на все святая воля Твоя.

12 июня 1991 г. Среда, мой день

Жизни надо придать дополнительную скорость, ускорение. Зависит оно от меня и Ельцина.

19 июня 1991 г. Среда, мой день

> «Уважаемый Егор Владимирович!
>
> Убедительно просим опубликовать нашу телеграмму.

Отношение к Н. Н. Губенко, высказанное артистом нашего театра В. Смеховым в публикации «Господа начальники», является его, и только его личным мнением. Наше отношение к данной акции Смехова следующее: мелочно и мерзко».

Демидова не хочет подписывать — не читала. Славина: «Я — артистка, а это — политика».

22 июня 1991 г. Суббота. Театр

Телеграмма от Бориса Ельцина.

А я поздравление Ельцина — правительственное послание — гладью вышиваю на трехцветный Российский флаг. А также Губенко.

24 июня 1991 г. Понедельник

Любимов разговаривал вчера из Иерусалима с Борисом. Хочет, чтобы я через своих людей поговорил с Ельциным и тот бы сделал шефу вызов.

13 июля 1991 г. Суббота

Надо не оставить дело с храмом!!

16 июля 1991 г. Вторник

Такой замечательный, льстивый, «шампанский» разговор с Евтушенко. Кажется, он уговорил меня играть Д'Артаньяна. Обольстил.

Но и в разговоре, в монологе он дьявольски хорош, талантлив. Он и Пушкина вспомнил, и все сплел. Надо взять у Глаголина сценарий. «Мушкетеры» дадут мне форму.

17 июля 1991 г. Среда, мой день, мое число

Главное — храм. Надо выполнить эту задачу, надо организовать поездку сыновей на Алтай, к дядьке Ивану, к месту будущего храма. Эту мысль надо думать и ее провести в жизнь.

Ведь сделал я для чего-то афишу «Миром поднимется храм». Быть может, это тема будущего фильма Дениса Валерьевича?! И Д'Артаньяна сыграть надо.

«Сухуми, Гульрипш,
Набережная, 27.
Евтушенко Е. А.
Дорогой Евгений Ал.! Счастлив Вашему звонку

нашему соглашению Глаголин рвется срочно заключить договор на пьесу-постановку репетиции сентябрь месяц привлечением Подколзина и студии Приветом Валерий Д'Артаньян».

19 июля 1991 г. Пятница

Читаю «Мушкетеров». Что-то есть про нас, конечно, но пока — баловство, хулиганство, задор, вино, молодость. Про свою девочку-жену написал старый поэт.

20 июля 1991 г. Суббота

Звонил Вовка. Вовка — это брат мой, которому 9 августа исполнится 52 года. Мы должны быть в Быстром Истоке.

21 июля 1991 г. Воскресенье

И никакого бенефиса вчера по ТВ не было. Не было и объяснения, почему не было. Во порядки! Объявили и не показали.

Кому-то («Бумбараш за Ельцина») я так поперек горла, что меня просто изъяли с потрохами из этой передачи.

24 июля 1991 г. Среда, мой день

Вчера звонила Люся Абрамова: «Ты меня совсем забросил». Они подготовили выставку Володину, новую — зовут посмотреть. Пообещал к одиннадцати сегодня приехать.

25 июля 1991 г. Четверг, день памяти В. В.

Ездили на кладбище — Виктор, Галина, Миша — и на обратном пути зашли к Нине М. Целовались и фотографировались. Люся там замечательно действует. Аркадий опять родил, кажется, внучку.

15 августа 1991 г. Четверг

Звонил в Быстрый Исток, узнал номер счета, сейчас пойду переводить деньги — 10 000 рублей.

И праздник души состоялся. Деньги ушли, и где-то через месяц они лягут в банк православной общины № 700415. И сразу жизнь обрела смысл и радость. Теперь у меня опять есть дело. Я буду, как Иван Калита, в кожаный мешок собирать червонцы для храма Покрова Богородицы. Надо нарисовать и написать листовку. Хочется со своим портретом, чтоб люди знали, где, на какой родине замысливается возвести храм. Иван помнит, что отец принимал непосредственное участие в разрушении храма, скидывании колоколов. А где, кстати, колокола с

быстроистокского храма?

День вкладов. Еще членом одного общества я стал. От «Литературного обозрения» — с ограниченной ответственностью — «Китай-город», прошу двойной пай — 2000 рублей.

Написал заявление Хмаре Вал. Ник.

17 августа 1991 г. Суббота

Замечательное занятие появилось у меня — сбор средств на храм. Я пишу письма, подписываю визитки с адресом и счетом храма, выдумываю варианты общения с гражданами, чтоб они внесли свой рубль на возведение храма Покрова Пресвятой Богородицы.

Сегодня собираемся на дачу. Мечтаю заехать в Лавру и провести первую агитацию. С раздачей автографов и счета.

И раздача состоялась. Сережа фотографировал меня и спровоцировал толпу. Мне советовали продавать фотографии, говорили «молодец!» и пр. Но мало кто понял, что это за акцию я провожу на ступеньках собора, на что деньги собираю. Но Алексухин напугал меня — деньги по благотворительным перечислениям исчезают неизвестно куда. Где они гуляют, по каким карманам?

Но свои десять тысяч я найду, я не дам им уйти в сторону.

Вы разрушали, вы и стройте!

В письме Башунову я говорил о том, что хочу исправить ошибку отцов, которые разрушали храмы по ложному наущению, в том числе и мой отец принимал участие. До быстрят дошло. Некоторые вспомнили, что действительно Золотухин разбирал церковь и сбивал колокола. Одного Золотухина по моей наводке они вспомнили, и... так вот-де почему Валерий решил храм сооружать, отцовы грехи замолить, замести. И стали смотреть на мою затею, как на само собой разумеющееся. И стали доставать бедного Ивана — вы ломали, вы и делайте. Ваш род отличился. Еще убийство священника припишут. И начнется опять: «кто виноват», поиски врагов, и опять виноваты Золотухины. Вот почему и Ивану с таким ядовитым, прилипчивым языком и прищуренными, злобными глазками — когда ваш Золотухин деньги даст; дескать, не дадите — мы выведем вас на чистую воду, мы разоблачим вас, мы сожжем ваши гнезда в отместку за безобразия вашего отца, за насмешку и издевательства вашего отца над нашими родителями.

18 августа 1991 г. Воскресенье, огород

Сегодня, к примеру, день рождения Николая Губенко. Адреса

домашнего я не знаю, опять на министерство давать буду телеграмму.

Дорогой Николай!

Поздравляю тебя с юбилеем. Ты был и есть гордость и мощь «Таганки» многим на зависть и страх. Храни величие духа и Жанну. Верный тебе и любящий тебя на любых поворотах судьбы Валерий Золотухин. А с ним и Тамара.

19 августа 1991 г. Понедельник

Вот и я дожил до окаянных дней. В Москве танки. Власть у военной хунты. Горбачев в Форосе заперт на даче. Ельцин призывает ко всеобщей, бессрочной забастовке, квалифицируя комитет как уголовников. Пока только хочется плакать. Черт меня дернул утром машину сдать, будь она неладна. Я думаю, не только двигатель — машину я не получу или получу осколки. Ельцина они арестуют, а вместе с ним и Бумбараша. Господи, спаси и сохрани!

20 августа 1991 г. Вторник

Как вести себя, что делать, куда смотреть в эти «окаянные дни»? Звонит Братислава, просит три-пять предложений-заявлений в прямой эфир. Уехать на дачу? Смыться из Москвы на это время? А как же — «Бумбараш за Ельцина»? Или это только на словах, а когда могут взять за ж..., так — нет, ребята, я не прав?! Извините, погорячился! Или идти до конца?! Нет, сначала получить машину, а потом уж заявлять. Быть может, съездить в Шостку, надоел уж этот ленинградский Бойко, заработать лишнюю тысячу для рынка?! Что делать? Всю ночь глаза были на грани слез, а сегодня у Сережи 12-летие!! Тамара веселая, и это тоже раздражает.

Братислава не отвечает, конечно. Ну их на х..., все эти заявления в эфир. Затаиться и лечь на дно, спрятать тело жирное в утесах или... Проиграв на выборах, коммунисты хотят взять реванш пулями, это их излюбленный прием в течение семидесяти страшных лет. Партократия в агонии направляет стволы орудий на свой народ, на выбранного всенародно президента России, на свободную печать, гласность и с таким трудом давшиеся демократические завоевания. Кемеровская область не признала законным ГКЧП — Тулеев вылетел в Москву для консультации с правительством России. В который раз наши парни, обманутые своими верховными начальниками, направляют свои автоматы на свободу и права человека.

Закрыты «Московские новости», закрыт «Московский комсомолец»...

Позвонил Лавлинскому. Жена: «Как у вас дела... при новом... по-моему, прекрасно». Вот и весь разговор. Такие, казалось бы, хорошие люди, а как глубоко в тотальном режиме, ...твою мать. Все наперекосяк. Моя мать и то дальше видит.

Вчера утром отправил я письмо О. Пащенко в Красноярск с просьбой напечатать в его газете листовку с адресом и счетом храма. Я уверен почему-то — Олег напечатает.

Я дал интервью братиславскому телевидению, я должен был это сделать, иначе я презирал бы себя... тело жирное в утесах прятать я не стал... и будь, что будет. Васину понравилось, что я связал это с чехословацкими событиями — сегодня, оказывается, годовщина, 20-е августа... Сказал я резко, по написанному черновику... Но точно. Что они могут со мной сделать? Убить?! Жизнь прожита, и прожита честно. Я не строил баррикады, я не лез на рожон, но я сказал, как считаю, как думаю, хотя друг Лавлинский думает иначе.

Неужели Таманская и Кантемировская дивизии перешли на сторону Ельцина?! И Рязанский полк спешит на помощь?! Если это так, я боюсь заранее радоваться. Но это уже было бы достаточно, чтоб говорить с мятежниками, мягко говоря, спокойно.

Будто бы Горбачев в Кремле и от него требуют признания полномочий ГКЧП. Будто бы Янаев отдал приказ об аресте Ельцина, а Ельцин отдал приказ об аресте Янаева! Народ злорадствует — арестовали друг друга! Сегодня в ночь могут начаться аресты демократов. Этот вопрос ставился, но пока мятежники воздерживаются от этого шага. Милиция будто бы на стороне Ельцина, но... охраняет порядок. Дай-то Бог... Господи! Пощади нашу землю, не дай развязаться бойне гражданской! Лагеря пусты и ждут новоселов.

Прочитал в метро: готовится штурм Белого дома. Язов и Крючков не отрицают этого. Призывают взрослых мужчин прибыть к дому на набережной. Не рекомендуется женщинам и подросткам. Введен комендантский час. Заболел премьер Павлов. «Эхо Москвы», по непроверенным данным: Язов подал в отставку, крысы бегут с корабля. Думаю, это уловка, чтоб посеять в военных сомнение. Янаев отменяет приказы Ельцина. Господи! Пронеси и сохрани, не дай свершиться штурму. Господи, спаси и сохрани Бориса Николаевича! Господи! Спаси и сохрани нашу Россию от новой трагедии!

Закрытая «Комсомольская правда» призывает молодых солдат не проливать кровь. Господи! Где Денис?

Звонит бабушка и мать Кости. Все напуганы комендантским часом. Против кого эти приказы? Господи! И все не верится своим

ушам... закрыты все свободные газеты, радио, телекомпании. Неужели народ проглотит эту пилюлю, это издевательство над собой? Это же до чего нас надо растоптать, чтоб мы безропотно подчинились безумным указам?! Таманцы, кантемировцы, Россия смотрит на вас с надеждой! Господи, спаси и помилуй мою Родину! Да что же, Господи, это за испытания, за что?!

21 августа 1991 г. Среда, мой день. Даже смешно

Ночь прошла в тревоге. Да и сейчас слышались голоса из динамиков, рев моторов. В довершение неспанья — приступ у Тамары.

Хорош народ, если он допустит, что два президента, им избранные, окажутся у стенки. Вчера заседал кабинет министров. Как ведет себя Николай? Горбачев ведь был ему чуть ли не другом.

Поездка моя в Америку, разумеется, полетела. И гнать книжку, таким образом, необходимости нет. Вчера хунта объявила: в связи с нехваткой валюты частные поездки временно отменяются. Они отменяются и по другим причинам, более существенным. По-моему, они все-таки самоубийцы, висельники... На что они рассчитывают?! Неужели они пойдут на то, чтобы воевать с народом?

Что сегодня с объявленным внеочередным съездом?! Его не будет — ясно. Но как все это выставится?! В постановлениях Янаева не упоминается Хасбулатов.

Это мой день!! Господи! Что же мы все пережили за эти два дня — страшная сказка со счастливым концом.

Первое предчувствие чего-то хорошего — мы увидели огромную колонну танков, уходящих из Москвы... Заговорщики бежали к Горбачеву просить прощения, в колени падать, просить помилования.

Ельцин — герой, это то правительство, которое достойно своего народа, и народ себя показал... под дождем двое суток, среди них был мой сын. Он явился домой в восемь часов утра.

Коммунистическая зараза еще раз потерпела смертельный (кажется) крах.

Попов и Хасбулатов, поддержанные аплодисментами сессии: закрыть газеты «Правда», «Известия», «Труд».

Господи! Благодарю тебя, Господи! Ельцин защищает Горбачева!! Россия моя одержала потрясающую нравственную, демократическую победу!

22 августа 1991 г. Четверг

Стыдно, что не был я на баррикадах. Мне помешал дождь. Я

не столько боялся погибнуть от случайной пули омоновцев, как боялся простудиться. Но в разгар страха и разгула хунты я дал интервью чехословацкому телевидению. Потом, правда, то ругал себя, то гордился собой, но факт — поступок в моей жизни плюсовой. Хотя Соколов говорил: «Зря, зря, Валерий Сергеевич, сейчас надо остерегаться делать какие-либо заявления, давать интервью».

23 августа 1991 г. Пятница

Все переживаю со стыдом свое отсутствие на баррикадах в ночь с 20-го на 21-е. Несколько раз я выходил из дома, спускался в переход, читал листовки, развешанные чьей-то дерзкой рукой, и в общем знал, что делается и что надо делать... И не поехал... дождь, лень, страх... без меня обойдутся. Мальчишки-рокеры, хулиганы оказались смелее, полезнее, честнее в сущности

«Ты вел себя прилично?» — спросил меня Филатов. И тут же быстренько перечислил свои заслуги — листовки, подписи. «Ну, это на три года», — подсчитал он себе срок. Во, блин, какая выясняловка началась — кто баррикаднее был. Трудная, «нечеткая» позиция — положение Н. Губенко. Подал в отставку... Число 20-е — одно, а 21-е — это совсем другое.

Люди! Побойтесь Бога! Не вините так скоро друг друга.

В друзьях у Коли Павлов, оказывается, состоял. И что-то про день рождения Леонид говорил, как его поразила Жанна: «...в КГБ золотые люди сидят» (или есть) — буквальные ее слова. «Интересно, как мы будем смотреть друг на друга через год?» Что она имела в виду?

Устроили друзья-переворотчики проверочку на вшивость всем нам. Во, молодцы!

Памятник Дзержинскому с приговором «палач!» уже скинут. На памятник Свердлову — цареубийца! — накинута петля на шею, и вокруг толпа. Загремит с пьедестала к утру, не иначе. Переворот, он же революция. Два с половиной дня переворота дали в мозгах народа больше переворота, чем все шесть лет перестройки. Переворот в мозгах, призыв к действию.

24 августа 1991 г. Суббота

Написал с утра письмо Ю. Васину в Чехословакию с просьбой прислать мне расшифровку моего заявления для чехословацкого телевидения, для отчета перед демократией — «А где вы были, когда мы сражались на баррикадах?!».

Смешно, смешно, да не смешно. Бессмертных подал в отставку, и Губенко подал в отставку. У одного рыло в сильном пуху, а у Кольки — не думаю. Но просьба об отставке читается по

причине одинаковой.

30 августа 1991 г. Пятница. Утро. За кофе

Опасность переворота не миновала. Коммунисты Анпилова соберутся в лесу. Такое подозрение, что компартия уйдет в подполье и начнет подготовку к реваншу, к террору.

Много обиженных незаслуженно, но объективными обстоятельствами. Ельцин заявил, что ВС СССР он считает соучастником путча.

Печальное: вернулись на счет десять тысяч, перечисленные на храм. Машина не пропустила эти деньги — неверно указаны реквизиты, то есть не было номера МФО банка, пришлось кое-как с трудом дозваниваться до райисполкома — МФО № 10109. Ну, безграмотность кругом.

Так, ну это одно. Тищенко сообщил, что с местом решено — бывшее место храма, оно освящено.

Повсюду сыск путчистов или сочувствующих, отозваны тридцать послов.

Говорят, Захаров по ТВ демонстративно сжег партбилет. Подобные акции вызывают внутренний протест, гадливость и воздействуют наоборот, хочется возразить. Апокалипсис.

1 сентября 1991 г. Воскресенье — отдай Богу

Сегодня шесть концертов!! С ума сойти. Давно такого безобразия у меня не было. Господи, спаси и сохрани! Спал с полутаблеткой димедрола. Вставал в пять и семь. Разбудил всю компанию, включая Е. А. Лебедева. Он как дядька мне нравится.

2 сентября 1991 г. Понедельник. «Зодчий», № 4

Сегодня открывается съезд. Что-то будет, а?! Пустят ли 4-го меня в Москву? Крючков уверен, что он скоро будет на свободе и, как и до этого дня заключения, будет продолжать приносить Родине пользу. Какое-то письмо он написал Горбачеву через Генерального прокурора РСФСР.

«Искать космических контактов. Другого выхода у Земли нет». Неужели храм мой обречен на вторую погибель?!

Базис всей культуры — религия. Но позже религии покупались — превращались в надстройку.

Появились определения «победители» (Горбачев-Ельцин) и «янаевцы». Интересно. Страна затаила дыхание, ждет очередных съездовских скандалов.

4 сентября 1991 г. Среда и день мой. «Зодчий»

Вчера, в Лангопасе, я, кажется, точно сформулировал, почему

я хочу большее количество простых людей вовлечь в благотворительность, а не просто выкачать деньги из организаций... и не с шапкой по кругу — на тебе, Валера, полсотни и отправь сам. Нет, человек должен сам эту акцию осуществить — пойти на почту, постоять в очереди и положить свой рубль на храм сам... и это уже путь, дорога к храму. Ведь что-то сверкает в человеке, когда он нагибается и кладет свои копейки нищему. Это важно для тебя... для твоей души. Так и личное участие в строительстве храма. Человек будет знать, что и его кирпич лег в основание храма, а вдруг ему, или детям, или внукам придется побывать в наших краях, и они будут знать, что и наш родовой камень где-то запрятан в стенах храма Покрова Пресвятой Богородицы, что в Быстром Истоке поднялся миром.

Заголовок в «Известиях»: «На колхозных полях картошки мало, надежда на частника». Это в некоторой степени и на меня. Мешок-то, полтора, наверное, засыплю я.

5 сентября 1991 г. Четверг

Глаголин разговаривал с Любимовым.

— «Пусть приходит», — сказал он Боровскому о Губенко, а мне категорически: «Ноги моей не будет в театре, если он будет художественным руководителем». Наша позиция с тобой должна быть такая — сохранить того и другого для пользы театра.

Любимов боится, что труппа попросит Николая возглавить театр. Но в Москву сам не собирается.

6 сентября 1991 г. Пятница

Нет, я не позавидовал Филатову и его «Сукиным детям». Этого я боялся больше всего. Это плоско, во многих местах пошло. До странности поверхностная лента. Может быть, околотеатральной публике это будет интересно. Они будут искать совпадений, аналогий, будут пытаться расшифровать тексты, персонажи.

Губенко Н. Какая-то вчера обнадеживающая информация проскочила по ТВ. И есть надежда, что он останется министром. Был бы замечательно общий выигрыш. В некотором смысле на нашей улице был бы праздник. И мое напоминание наполеоновских слов — «в два часа я проиграл сражение, а в четыре я его уже выиграл» — оказалось бы пророческим.

Он сказал мне: «Я люблю тебя». Я ему сказал: «Я тебя люблю, а все решения ты примешь сам». «Московский комсомолец» не напечатал мое блиц-интервью. Это плохо, но не смертельно.

Жалко, конечно, что в историческую ночь я стоял у окна и прислушивался: нет ли выстрелов, не идут ли танки. Лучше бы я

был там.

7 сентября 1991 г. Суббота

Надо поставить себе — каждый день отправлять хотя бы одно письмо со счетом. Это и будет каждодневный кирпич на храм. Надо связаться с заводами, предприятиями... и обязательно сделать кошель для сбора подати. Под небольшим замочком, а ключик у меня. И послать Мишку с Витькой побираться. Почему не сделать поборы в обеденный перерыв на станции техобслуживания?!

Распутина вывели из секретарей, на съезде согнали с трибуны, Белова тоже. Что он, Валя, умом дернулся? Прости, Господи!

Ростропович в Белом доме — вот что потрясает, потрясло. Градский — вот это завидно. Это феноменально, до него далеко, до Филатова близко.

Фильм не стоит разговора — вот что я хотел сказать. И мне смешно, что серьезные критики пытались о нем серьезно сказать, а на фестивале он чуть было не занял какое-то место. Это какой же уровень фестиваля, в самом деле.

8 сентября 1991 г. Воскресенье — отдай Богу

Хорошо у В. В. Розанова про «события». А он в парной и дня два-три не пишет статей. А Губенко на даче, а Золотухин дал интервью и ждал ареста. Отдавал распоряжения по недвижимости, писал завещательные письма... Бортнику все по х... — он пил, а жена ходила на баррикады.

Чтение последних дней — «Апокалипсис», «Прогулки с Пушкиным» (очаровательно, роскошно; ему, Абраму Терцу, есть о чем с Пушкиным поболтать и нам передать разговор ясно и остроумно), «Уединенное»... Интересно почитать и стенограмму обсуждения этой книги «академиками».

Что грядущий мне сезон готовит?! Неужели Д'Артаньяна? Пошалить? Но Евтушенко совсем ушел в политику. Он нашел свое призвание. Он снова хочет возродиться как прогрессист. А чем его кино хуже Ленькиного? Хотя ни одного «кина» Евгения я не видел. Но это так, к слову. Уж чересчур «всерьез» Ленька запузырил эту чепуху. Чувство юмора изменило ему, однако. И мало «виходки», мало остроумного. Надо было (даю совет) ориентироваться на комедию. Слишком серьезны Шацкая, Евстигнеев и др.

Николай остался министром. Слава Богу! «В два часа я проиграл сражение, но в четыре я его уже выиграл». Его выигрыш воспринимаю как свой. И в этом есть правда, резон.

Он не нуждается в жалости, снисхождении. Завтра он придет победителем, а не с дерьмом на шляпе.

16 сентября 1991 г. Понедельник

А сегодня решает коллектив: ехать или не ехать в Югославию — там взрывы уже в Белграде. Но дело даже не в бомбах. Приз уже намечен Р. Виктюку, а Любимову они не купили билет — нет валюты у них, и другой город нам не обеспечили, и вообще не очень нас там хотят... Но стреляют. И вот Любимов Борису дает совет: всех опросить лично. Лично я ехать не хочу.

«У каждого Есенина свой Мариенгоф отыщется». Это Филатов про меня, про мои дневники. У меня не повернулся язык сказать ему то, что я в самом деле думаю о его фильме... и я сказал: «Конечно, хорошо». Все ложь. Ну, Бог с ним.

17 сентября 1991 г. Вторник

Звонили из редакции газеты, из Быстрого Истока. На счету 23 000 всего. Для храма нужно набрать 500 000 рублей. Место определено... Говорил кто-то долго и быстро, я толком не понял ни хрена: «письмо получили...», «печатать будут...» — телефонный разговор. Ждут в Быстром Истоке. В общем, надо засучивать рукава и отправляться за деньгами с мешками.

И вот беда. Не хочется в театре работать. Ноги болят и расходую горло. И главное — деньги, деньги и деньги... На храм, на починку дачи, на ремонт квартиры. Проездиться по России, купить, наконец, этот дом родительский в Быстром Истоке и там жить. Это ведь все серьезно.

20 сентября 1991 г. Пятница. Рынок — день Тамары

Тамаре сорок четыре года. Какая она у меня, в сущности, молодец. Как ей хочется попасть в Америку. Но увы и ах... На рынке прошлый раз мы повстречали Аркадия Высоцкого: «Я — весь кинематографист. Тут снимают, там снимают. Спасибо за отзыв о стихах». Это он или читал, или мать Люся ему показала дневниковый отзыв мой. Я был рад видеть этого талантливого обормота, отца троих детей. Последний у него еще грудной, и это еще не последний, я думаю.

22 сентября 1991 г. Воскресенье. «Ту-154», 1-й класс

Куда мы летим? Бомбоубежища в Белграде могут укрыть не более 1/10 населения, в случае бомбежки со стороны Хорватии. Такой конец «Таганки» — под бомбами — хороший финал для затянувшейся истории нашей. Труппа обос.., но только Шацкая испугалась, да Жукова, кстати, где она?

Сегодня мы шефа увидим. Разговор будет, по-моему, о путче и о личном мужестве. Везу ему письмо Турбина. Я еще и потому еду, что это — прощание с ним. Мы увидимся в последний раз. Дал прочитать Демидовой письмо Турбина о «Ревизоре». Не Губенко городничий и никакой не Шаповалов, потому что это скучно, а только Петренко, потому что в нем есть черт, здесь должны быть чёрты или черти... не знаю... В данном случае, конечно, чёрты. Губенко не согласится, и потом в нем нет черта.

Вчера проезжал мимо Музея Ленина — толпа, транспарант «Ленин жив, Ленин будет жить». Не приведи, Господи!

Прах его опасаются брать администрации всех крупных кладбищ. Это же какая охрана понадобится, чтоб его беспрестанно не выкапывали, не растоптали, чтоб не развеяли, подобно Самозванцу.

Любимов:

— Я узнал, что он стал министром, когда он уже стал министром. Я рядом не хочу с ним стоять. Я очень терпеливый человек, но всякому терпению может наступить конец.

— За этот спектакль «Преступление» я получал самые высокие премии в Англии и в Америке.

— Восстановив «В. Высоцкого» без меня, вы испортили спектакль. Бюсты — пошлятина, пионеры — трижды пошлятина, и еще выслушивать истерику: «Как вы посмели снять моих пионеров?!» Я проходил на этот спектакль через два кордона, войск и КГБ.

Он очень убедителен. Все могут поверить, что он истину говорит.

— Это мой последний с вами эксперимент. Мальчик мой жить не может в Советском Союзе.

— Вы даже возраст мой не учитываете. Сколько вы сорвали репетиций и спектаклей...

23 сентября 1991 г. Понедельник. Ночь. Югославия. Белград, отель «Славия», № 234

После четырехчасовой беседы с шефом. Зачем я сказал ему это выспреннее «обязательно»?

Любимов при встрече, пожимая руки: — Вы были на баррикадах?!

И я выпалил:

— Обязательно!!

— Ну, я не сомневался!

Слава Богу, это было, кажется, один на один. Никто не слышал моего вранья. Сутки не выходит из головы — как ему сказать, что я не был на баррикадах, я хотел, я послал старшего

сына и остался с младшим. Хотел в утреннем письме ему об этом написать — и тоже не хватило кишки. И что, если какой-нибудь Феликс в отместку уличит: «На каких баррикадах ты был? Что ты врешь?! Ты же дома сидел!» Скорее бы улетал Любимов и забыл бы это мое «обязательно».

24 сентября 1991 г. Вторник, отель «Славия»

Любимову я все-таки нашел возможность сказать, что в ту ночь роковую на баррикадах я не был, «чтоб вы не думали обо мне лучше, чем есть я на самом деле». И зауважал я себя немножко, и стало мне легче гораздо жить и смотреть партнерам в глаза.

В сущности, у меня есть только один человек, которому я верю на все сто, даже если она и говорит вещи мне больные, колкие, неприятные, — это моя жена Тамара.

Любимов, прощаясь, за спиной переводчицы: «Напиши свое распределение ролей. Мне интересно будет сопоставить. Я люблю думать, а почему, а что за этим? Напиши мне письмо о „Подростке“. 28-го Борис будет у меня, передай с Борисом». Вот эта фраза и останется у меня в ушах и в душе надолго, до скончания. «Напиши мне письмо»...

Как он звал меня сегодня с собой на лихорадочное прощание — как бы еще успеть сказать: «этот круглый стол... для поддержки штанов». Как ему одиноко — «напиши мне письмо»...

«У меня есть магнитофон, когда не спится, я включаю его и записываю свои мысли и предстоящие репетиции... Моя семья живет в Иерусалиме... Я гражданин трех государств — Израиля, бывшего Союза и Германии». Он почетный гражданин Германии за вклад, внесенный в культуру этой страны.

Сам спросил у меня «эти бумажки». Не забыл. «Я раздам хорошим людям. Несколько — барону, он их даст, будь уверен, кому надо... княгине Васильчиковой... ну, конечно, тем, кто говорит по-русски». И вот то, что он не забыл про «бумажки» со счетом на храм, ну разве это не о многом говорит? И опять я люблю его.

Любимов — вчера, после разговора, письма на крыльце: «Ты все пишешь, блин, а мне что оставишь?» А показалось мне, что спросил он: «А что по мне оставишь, что обо мне расскажешь, донесешь до потомков? О чем ты пишешь?»

Недаром его жжет, мучит современным смыслом эта фраза, этот тайный двигатель Гришкин — о чем пишет эта старая бл...

Еще о Любимове. «Когда случился этот путч, я был в Иерусалиме. Если бы я был в Москве, я бы, конечно, был в Белом доме, в этом нет никакого сомнения, это все могут подтвердить».

25 сентября 1991 г. Среда, мой день. Самолет

Итоги нашего турне краткосрочного — кажется, неплохая рецензия на «Годунова». Но шеф и на прессу произвел удручающее впечатление. Переводчица, что бутылку сливовицы мне в пакете принесла в аэропорт: «А никто давно не объединяет Любимова и „Таганку“, „Таганка“ сама по себе, Любимов отдельно». Для меня такое известие стало новостью.

9 октября 1991 г. Среда, мой день

Дети, водка, любовница, похмелье — не полный перечень занятий, на которые ушла моя жизнь.

Смотрел я вчера, слушал своих коллег, как они обсуждают Губенко в свете нравственной призмы — «достиг я высшей власти...» — и завидовал им, как красивы и умны они, как ловко говорить насобачились...

И всю ночь я завидовал им, а встал с решительным внутренним протестом — нет, так нельзя, что это за судилище заглазное, это все напомнило мне детский базар мой, вернее, базар из детства, как обсуждают мужики кобылу, что цыган продает, или корову, что вынужден продать колхозник.

Не знаю, почему такая параллель. Ну, что это говорит Демидова: «Для меня Губенко не изменился. Его лучшая роль — „Карьера Артура Уи“... Его тронная речь против интеллигенции...»

Кстати, чья тронная речь? Кажется, в пьесе есть подобное. Ладно, не суди, да не будешь... Да нет — будешь, будешь... не будешь — будешь и будешь — будешь... Филатов все вилял — и нашим и вашим, и обидеть не хотел, и другом называл, и оправдывал «прямодушием»... Уж лучше прямая Демидова. Всю передачу спас Соломин. Он отвечал за себя и потому был прав.

Выстрелом в упор убит на концерте Тальков. Мне звонок: «Так с каждым может случиться». Это что? Угроза? Предупреждение. У этой мафии, конечно, есть пистолет и такие деньги, такие покупки! Какое-то омерзительное чувство от зависти до ненависти и страха от бессилия.

Чего я тяну эту лямку? Этак они мне действительно выроют ямку. Второй голос: «Кому ты нужен, дерьмо! Я крутой мафиози, а ты кто?» И пуля в сердце. Но что-то нечисто там. Что-то «известного» убийцу долго не могут задержать.

Может быть, от голода-то и вправду на Алтай придется убегать?! Выкупить дом отцовский, что-то про 30 000 говорил Тищенко.

Я не уверен, выйдет ли на сцену Губенко вместе, скажем, с Демидовой, а Смехов — со мной.

И вообще, по-моему, интрига зашла в тупик и конец всем этим «солидаризироваться». Крах отношений и человеческих, и профессиональных.

13 октября 1991 г. Воскресенье

Снова возникли разговоры с Кондаковой о вступлении во вновь создаваемый союз, альтернативный бондаревскому, так что, если номер пройдет, то и формально с Распутиным мы будем по разные стороны баррикад.

14 октября 1991 г. Понедельник

Забрал папку с прошениями принять меня в СП СССР — ровно десять лет прошло. Теперь составил папку с прошениями принять меня в «Союз российских писателей».

Противно жить в стране, где возможны (по духу и озлобленности) репортажи Невзорова. Такое впечатление, что ему изменяет жена или, того хуже, любовница.

Тальков, говорят, состоял в «Памяти», и «Память» эта сотрет с лица Азизу и К.

15 октября 1991 г. Вторник

Не знаю, не знаю... что меня ждет еще впереди! Успокоился было, но вчера по нужде цитаты заглянул в № 8 «Литературного обозрения», в конец повести, и ужаснулся своим оценкам игры В. Высоцкого. Как-то это не по совести мне показалось. Хотя я убежден, многие согласятся со мной, только не скажут. А я вот такой честно-искренний, не мог не сказать. Господи, спаси и сохрани! Единственная надежда на время — полвагона в метро читает наконец-то массово доступную Агату Кристи. До Золотухина ли им? Но коллеги и высоцковеды мне отомстят, конечно. И снова очко задрожало. Тут мне помогли, конечно, со своими «доносами-интервью» Филатов, Демидова, да и Гердт.

Я ведь дал интервью (войдет ли только это), что пришел я к ним из СП СССР, где в приемной комиссии забрал свои документы — заявление, рекомендации и пр. Девятнадцать лет тянулась моя приемка, а теперь такое время, бывшие друзья оказались по разные стороны баррикад, по разным союзам разметало их, а другие свои союзы создают, альтернативные, так надо ли обнаруживать свою принадлежность к тому или другому союзу. Смотрим мы на мир одинаково, а уставы пытаемся написать разные.

И это было бы правильно, но вдруг союз сулит дополнительные тщеславные услуги... да и вообще — доиграть, себя не исправляя и даже не пытаясь.

17 октября 1991 г. Четверг

> «Дорогой Николай. Я, конечно, смешон в своих телеграммах — собранье сочинений, — но не могу не высказать своего глубочайшего презрения к действиям моих знаменитых коллег-путчистов во главе с главным. Господи! Что случилось, что случилось, что случилось... А казалось, еще вчера... Дорогие мои, хорошие... Обнимаю тебя, твой Валерий».

Филатов напомнил мне Янаева на пресс-конференции — мы с Николаем друзья, мой друг Горбачев.

В книжном магазине на Профсоюзной, где я собираюсь встать за прилавок, первым автором-продавцом был... кто бы мог подумать, а мне в нечаянную радость узнать такое... был Василий Макарович Шукшин. Мой земляк и сосед по Алтаю. А продавал он свой роман. Рассказывает зам. директора Клавдия Михайловна Тихонова:

— Завезли нам его книги, шестьсот экземпляров по разнарядке... Это было в самый год его смерти... он себя плохо чувствовал после воспаления легких, кажется... Ну вот... и книга у нас... так... не шла. Мы послали к Шукшину своего человека с просьбой приехать. Он с удовольствием согласился. Давал автографы, и мы... фук, фук — и хорошо продали. У каждой из нас есть его книга с надписью «на память». Жаль, не было фотографа... Ах, как жаль... Помню, я спросила: «Василий Макарович, а у вас, наверное, большая библиотека?» — «Нет, — говорит, — что вы... квартиру только что получили». Мы девочкам его детские книжки подобрали... ну так, для памяти. Тогда с книгами-то плохо было.

Ну вот, и опять встреча с моим земляком, теперь уже не теплоходом, а продавцом собственного романа. В отличие от него, у меня свой фотограф есть и живу я не вчетвером в двухкомнатной, а втроем (теперь с больным котенком) в трехкомнатной.

Телеграмму Н. Губенко я все-таки послал... И гора с плеч.

18 октября 1991 г. Пятница

В жизни моей случилось другое, сначала «21-й км», теперь храм. И все это моя жизнь, мои «Дребезги», за название которых я Шацкой шубу обещал... и сделал. Так что — зачем?! Член всех союзов, как хотел Богословский!! Глупо. Ну... до тридцати пяти еще можно баловаться, а дальше. Не люблю, внутренняя шерсть дыбом против Лимонова. Но когда он цитирует Евтушенко:

«Ельцин лезет на танк или всходит...» Ну, понос же!!

19 октября 1991 г. Суббота

«Родному моему Валерию Сергеевичу — все-все ты про меня знаешь, про Володю все знаешь лучше всех — с любовью, благодарностью, с восхищением. Люся. 18.10.91».

Вот автограф Абрамовой на ее книге «Факт его биографии», переданной мне вчера перед «Живым». Что вам еще нужно, друзья-злопыхатели?

20 октября 1991 г. Воскресенье, г. Новгород. Гостиница «Волхов», № 215

По телевизору 50-летие Андрея Миронова. Хороший он был артист. Оторваться нельзя — так замечательно, что хочется выключить от зависти. Конечно, блистательный артист, и компания, его поздравляющая, — тому подтверждение. Но, ничего. Мой Кузькин стоит свеч, а Самозванец. Нет-нет... ничего.

22 октября 1991 г. Вторник

Спросить у Коковихиной, есть ли поступления из-за границы. Еще мало времени прошло. Трех недель нет, как уехал Любимов из Белграда в Хельсинки. Первым делом он своего барона принудит деньги на храм пожертвовать, от себя он копейки не оторвет.

25 октября 1991 г. Пятница

Музей Высоцкого. Закрытые чтения. Докладывал Перевозчиков. Рад был увидеть Аркадия, Люсю... Севка Абдулов до странности был мил со мной и вежлив.

26 октября 1991 г. Суббота

Если бы у меня была фотография с моей первой женой Шацкой, поместил бы в книге и ее. Наверное, это бы огорчило и взнервило бы Тамару, но она и виду бы не подала.

14 ноября 1991 г. Четверг

Михалкова Никиту надо пригласить на презентацию, отвезти ему книгу, попросить прочитать дневники и выступить в любом качестве.

17 ноября 1991 г. Воскресенье

Губенко, влетев в театр, поцеловал меня: «Спасибо за все!»

18 ноября 1991 г. Понедельник

Будем пытаться до Нового года мозоль восстанавливать писательский.

Вчера все общались друг с другом без зазрения совести. Мы с Венькой, Колька со всеми. Да, в общем, это и хорошо. И Алка делала вид, что «все в семье нормально». Только Филатова не было, но да ведь болен человек.

20 ноября 1991 г. Среда, мой день

Я сижу в театре, в театре пустом и темном, но таким полным мной, моею жизнью, слезами радости и отчаяния. Здесь промелькнула моя жизнь, чуть ниже сцена, где я «чудил» Альцестом, где прошли мгновения драгоценных репетиций с Анатолием Васильевичем Эфросом.

Замутили мне душу опять этой премией, государственным поощрением... Так хочется получить поощрение, компенсировать украденную машину, я бы эту премию и бабахнул бы в Быстрый на храм Покрова. А что?! Запросто. Опять реклама?! Да черт с вами, говорите, что хотите... А храм по весне подниматься начнет, что бы вы ни говорили. И реклама тут не последнюю роль сыграет. Пусть все знают, что есть на Алтае такой поселок, Быстрый Исток, и в нем строится храм. А для чего это Золотухину нужно, за-ради тщеславия или веры, кому какое дело?

В «Литературке» Астафьев оправдывается перед Распутиным и Беловым.

22 ноября 1991 г. Пятница

И все-таки я решил сделать праздник моей книги в Театре на Таганке. Я беру все опять в свои руки.

5 декабря 1991 г. Четверг

Мои выступления в Самаре прошли довольно прилично. Потрясающе говорил Алеша Солоницын о моей книге, особенно о дневниках.

Он выказал такое понимание и на огромной аудитории в филармонии так разобрал и преподнес публике, как будто подслушал мой голос, да я бы и не написал лучшую ему шпаргалку. Как он сказал, какие определения словесные подобрал — в десятку!!

Господи! О чем я пишу, когда у меня дачу обокрали, а завтра я должен ехать и работать на Иудинский храм. Приедут ли за мной?

6 декабря 1991 г. Пятница. Дом, кабинет

Может быть, приедет теща и изменит на какое-то время

ситуацию и климат в квартире 131, но что Она или Он (шеф, он же Юрий Петрович, он же Любимов), что они могут изменить в моей жизни? Как сказал Конкин: «Артисты советские (наши) все тупые». На редкость редкая наблюдательность, на редкость острый ум.

Из Быстрого Истока хорошие вести. Теперь каждое воскресенье приезжает священник из Бийска, проводятся службы, обряды, продаются книги, крестики. А в понедельник собранные деньги кладутся на счет общины.

8 декабря 1991 г. Воскресенье

Нет, Любимов, кажется, факта «Аргументов» не знает, мил и весел. Поздравил меня с 50-летием: «Мне рассказали, как это было». Глаголин передал мне, что Евтушенко, сидевший у Любимова до трех ночи, очень меня хвалил: «Умен, талантлив, бескорыстен...» Ну, ладно. Сыграть бы спектакль.

«Я все двадцать пять лет борюсь со своеволием артистов».

10 декабря 1991 г. Вторник

Любимов: «Владимир... Он был хороший актер, но есть актеры лучше. Я назначил его на роль Гамлета, потому что он — личность».

14 декабря 1991 г. Суббота

Сегодня Н. Губенко собирает театр, хотя и под видом репетиции «Годунова». В 13.00 заседание местного комитета.

«Я приехал за „Таганкой“, — заявил Любимов. И сегодня будет этот сюжет по ЦТВ — „Центр“, новая программа. Что наговорил шеф, уезжая опять надолго из страны?! О Ельцине и Попове он говорил на репетициях положительно.

Труппа взбаламучена, в отчаянии, ругани и слезах. Боятся приватизации театра Любимовым. Заставили Ирку показать контракт его с Поповым.

По-моему, это его очередная хреновина, чтобы стать королем Лиром, выгнанным из дома родными детьми. Он требует реорганизации театра, хочет быть полновластным хозяином, а то, что 3/4 артистов пополнят армию безработных — «театр не богадельня, рыночные условия, я в советскую игру не играю».

Я предложил делегировать инициативную группу к Попову. Губенко поддержал идею. Он свяжется с Поповым, выяснит и разъяснит.

Но, куда ни кинь, Любимов прав — как хозяин и создатель. Он хочет попробовать еще раз создать нечто новое, в новых условиях, а труппа консервативна, и каждый о себе думает, но...

плохо. Раньше надо было думать. Жестокое это дело и необходимое. В 1992 году по Москве будут бродить до десяти тысяч безработных артистов. Часть нашего коллектива пополнит эту цифру, эту несчастную братию.

15 декабря 1991 г. Воскресенье

«Независимая газета», интервью с Любимовым. Я привык к его вранью, но чтобы назвать «Вишневый сад» замечательным спектаклем, до такого он еще не опускался. Конфликт-то, оказывается, из-за трех дней репетиций, из-за Чехова и Можаева!! Силы небесные!! Что ж это делается?! Что же он творит?! А быть может, это опечатка?! Хотя вряд ли.

Он перемонтирует свою биографию, исправляет, запутывает на худой конец. Он что, не знает, что существуют стенограммы обсуждений не только «Годунова», но и «Вишневого»... Варвар! Эту газету надо иметь. В театре вывешен Устав, по которому мы относимся к Управлению культуры, и вообще там много того, что поперек горла Любимову. Если он узнает, по чьему разрешению вывешен этот устав, — башку оторвет. Да, конфликт неизбежен. Разрыв. Он плюнет и обгадит всех... Но с Эфросом он врет и изворачивается...

21 декабря 1991 г. Суббота

Что за кашу заварили статисты театра на Таганке?! Что за заявление Филатова? «Золотухин никому не нужен, Бортник тем более». Любимова хотят убрать, Глаголину выразить недоверие. И поставить Губенко!! Что же это за игры за спиной у шефа? Перепугались артисты реформ.

22 декабря 1991 г. Воскресенье. «Ту-154»

«Высоцкий» прошел без Губенко. Я кой-как справился с волнением и спел, кажется, прилично. Но что за публика стала?

Мертвая, ни одного аплодисмента — ни на Ваньку, ни на Шопена, и даже не был принят «Дом». Хотя в конце прием был приличный.

В театре страсти, кажется, поутихли. Идет слух, что Губенко — министр культуры РСФСР. Это уж совсем чудно. Ему надо уходить вместе с бывшим СССР, но он хочет эту комедию доиграть до конца.

Какие-то знакомые мысли-мечты появились у меня (раз «Золотухин вообще никому не нужен») десятилетней давности, когда опять же мы лишались Любимова, и я тогда хотел податься вон из театра вообще и стать писателем.

Быть может, опять вернуться к идее «вольных хлебов»?

Поездить с «Дребезгами». Пописать, прийти в вокальную форму и попеть под аккордеон...

29 декабря 1991 г. Воскресенье

Звонила вчера Габец, «Таганская Прудникова», общественный темперамент ей окончательно зас... мозги. «Ты сделал выбор?» Прозоровский, Габец ходят по приемным, разъясняют начальству истинное положение вещей в Театре на Таганке, истинный план-смысл любимовского долларизма, стяжательства, а теперь и захват здания. «Сговор должностных лиц» и пр.

30 декабря 1991 г. Понедельник. «Як-42»

Данелия. Я пробовался у него на «Афоню». Спросил, видел ли он наши спектакли.

— Нет, и не пойду.

— ?

— Я боюсь, а вдруг мне это понравится.

Я — ПАВЕЛ I 1992

8 января 1992 г. Среда, мой день

Любимов:

— Чаще всего игра русских артистов идет в минус. Видимо, от пустоты... Обвинять наших людей не надо, но и сваливать на обстоятельства нельзя. Идет гибель империи, и это отразится на всем мире. Мы работаем неумело, мало и довольно скверно. Там работают гораздо энергичнее. Неважно, какое общество, акционерное, кооперативное, — лучше работают частные. Страна должна пройти через безработицу. Дисциплина там идеальная.

— Дело не во мне, дело в изменении обстоятельств, вы другие, молодые люди другие. Да, я составил свой контракт, это немыслимое дело. Кто дал право рыться в моих документах и обсуждать мои дела? Этой стране пора уважать закон, поэтому в Цюрихе международный суд... Если за двадцать пять лет работы я не заслужил доверия, то и не надо.

— А что вам сделали бунтовщики? Пришел Давыдов... «коллектив требует»... Чего требует, какой коллектив?..

— Там очень жестко идет за художником репутация. Володя, побывавший... понял, что в Марселе играть он должен, хоть он умрет. Иначе вся Франция узнает, что он пьянствовал и сорвал спектакль. А жена у него француженка. А врачи сказали, что они не отвечают за его здоровье.

— Духа в этой стране нет, а есть одна вонь. Вы художники и должны мыслить образами. Украина... флот им нужен. Да берите весь, его содержать — разоришься. Там партийные функционеры перекрасились, но мозги-то у них те же!!

— Почему в Израиль едут евреи? Потому что они евреи! Приобретайте маму-еврейку.

Другая точка отсчета. Хозяин есть в доме. Мне легче идти логикой крестьянской. Хозяин не возьмет меня на следующий сезон работ в батраки. Я должен искать другого хозяина, а не поднимать на него вилы.

9 января 1992 г. Четверг

Это оскорбительная акция, рассчитанная на то, что Любимов оскорбится, хлопнет дверью и никогда больше в страну порога не перешагнет.

Они хотят убить Любимова, начали они с патриотической, душещипательной запевки.

СКАНДАЛ 9 января 1992 года (Из магнитофонных записей В.

Золотухина и Т. Сидоренко)

В перерыве между репетициями «Электры» Ю. П. Любимов пригласил, и пришли: В. Золотухин, Б. Глаголин, Г. Власова, З. Славина, Т. Сидоренко, И. Бортник, А. Сабинин, А. Васильев, А. Граббе, Д. Щербаков, Н. Ковалева, Н. Сайко, С. Фарада, Ф. Антипов, М. Полицеймако, Ю. Беляев, Ю. Смирнов, А. Демидова, Л. Селютина, О. Казанчеев, Д. Боровский, Н. Шкатова, Н. Любимов, А. Цуркан и др.

Любимов. Я не хочу цитировать «Ревизора»: «Я пригласил вас, господа, чтоб сообщить вам пренеприятное известие — к нам едет тот-то». К нам никто не едет.

В театре произошло недоразумение. Люди заварили тут интригу, некрасивую, глупую и, в общем, подлую. Потому что чужие документы брать неприлично.

Город Москва и мэр города решили новую систему избрать: заключать контракт с руководителем театра. И этот контракт я составил при помощи хороших западных адвокатов, ввиду того, что мы еще только встаем на путь демократии и не готовы к ней. А готовы только устроить не рынок даже — рынок мы еще не умеем делать, как вы видите кругом, — пока ряд людей решили устроить базар в театре. Театр — не то учреждение, где можно устраивать базар. Поэтому я занят, как всегда в трудные минуты этого театра, работой — я приезжаю, репетирую, и делаю все возможное, чтобы что-то тут сохранялось в какой-то мере.

В чем заключалась интрига? Она глупая, пошлая, поэтому на нее не стоит тратить ни энергии, ни времени, но, к сожалению, я вынужден отрывать время — все равно сейчас бы был перерыв. И вы знаете меня много лет, десятилетия даже. Я репетировал даже в дни, когда у меня были и личные мои трагедии, и в дни рождения свои, и когда умирали мои близкие — я все равно работал. И сейчас я так продолжаю.

Почему я вас побеспокоил, чтоб вы пришли? Значит, вот этот контракт мой с Поповым, мэром города; ряд людей, воспользовавшись тем, что Попов якобы уходит, решили, что самый удобный момент взять почему-то чужой документ, то есть мой. А документ был в сейфе. Он напечатан, для того чтоб быть отвезенным к Попову, для того чтоб Попов его подписал. Никакой документ я ни от кого не скрывал, и зачем его скрывать, когда все равно на него будет мэр ставить печать. Это официальный документ. Значит, один некрасивый поступок — взять этот документ и начать его обсуждать, чужой контракт, что просто неприлично и, в общем-то, подсудно. Если б только я занимался склоками, я просто мог начать судебное дело, взбудоражив

неустойчивых людей, — назовем мягко — устроили вот эту скверную истерию, кликушество. Обычное поведение — вывесили какое-то странное объявление, не предупредив меня. Причем эти люди ждали, не появлялись целую неделю, когда я тут работал, хотя я был в театре примерно с полдесятого до двенадцати ночи — они не нашли время прийти ко мне, ни один из них.

В этом контракте были пункты, которые я не собирался ни от кого скрывать, потому что это предложено городом, а не мной. Значит, пункты там такие, которые возмутили коллектив, как выражаются советские люди. Я человек не советский. Я эти слова не понимаю: ни «в принципе», ни «коллектив». Какой тут коллектив! Никакого коллектива никогда не бывает, и его нету. Это выдуманные социалистические бредни, которые привели к развалу всей страны. Может быть содружество людей, может быть артель, бывает солидарность цеховая. Здесь ее давно нет. Значит, их возмутил тот пункт, что город заключает со мной контракт. Все мои недоразумения с городом выясняет международный суд в Цюрихе. Почему это мною вписано — потому что время столь неспокойное, чем и воспользовались эти негодные люди, они, видно, так рассчитали: я уеду, Попов уходит в отставку, поэтому тут и удобно все это проделать. И эта новая Доронина и сформулировала все. И еще вторая подлость — составлен и послан Попову документ, что вот такие-то и такие-то придут к Попову с Николаем Николаевичем и все ему объяснят, что никто тут мне не доверяет. И Попов, конечно, задержал подписание контракта. На что они и рассчитывали. Они рассчитывали, что я не приеду, а там они задержат, и все это безобразие, которое тут происходит, будет долго продолжаться. Ну, я им и приготовил сюрприз на Рождество Христово — приехал, чем их, конечно, и огорчил чрезвычайно. Приехал я и занялся опять работой.

Еще что их возмутило — пункт о приватизации. Да, я должен был внести этот пункт, потому что приватизация все равно будет. И нужно было внести в мой контракт с городом, который опять-таки вас никого не касается, что в случае, если будет приватизация театра, я имею приоритетное право, а я его имею, потому что я создавал этот театр и я выносил все тяжести, когда старый театр перестраивал на этот театр. И пока я жив, никто его не перестроит в третий театр. И пусть это знают все господа и дамы. И что бы вы ни голосовали, и что бы вы ни кричали, все равно будет так, как скажу я. Это я могу встать и уйти, пожелав вам здоровья, счастья и успехов, когда отчаюсь до конца и скажу: «Да, я ничего не могу сделать с ним, я бессилен. Пусть придут новые люди, пусть они делают». Вот, в общем-то, и все. Теперь я готов выслушать вопросы. Потому что все время ко мне приходят

и говорят, что в театре происходит что-то непонятное. Вот теперь я и хочу от вас услышать, что вам непонятно. Когда я репетировал, на каждой репетиции я всем вот это примерно и говорил. Я просто не ожидал, что люди дойдут до того, что возьмут чужой документ и начнут с ним такие манипуляции. Мало того, в какое положение они поставили меня перед мэром города: я, лжец, к нему пришел и ничего не сказал о том, что, оказывается-то, со мной-то этот театр не хочет работать. А я ему не сказал. Вот и ситуация произошла. Ведь я даже не знал ничего — мне звонит помощник Попова и говорит: «Юрий Петрович, что у вас происходит в театре, зачем вы пригласили прессу в три часа?» Я, как идиот, говорю: «Какую прессу?» — «Да у вас же собрание в три часа!» Кто дал им право вывешивать это объявление? Что это такое творится вообще? Что, вы восприняли все, что творится вокруг, как призыв к анархии и бунту? Или вы присоединяетесь к тем мерзавцам, которые требуют суда над Поповым за то, что он устроил Рождество на Красной площади, что он, видите ли, потревожил останки этих бандитов, фашистов, которые лежат у несчастной Кремлевской стены, реликвии России, где похоронены эти подонки все, мерзавцы, которые разрушили государство? Вы решили тут проделать это в этих стенах? Вы прежде меня убейте, а потом творите тут свое безобразие. Вон церковь напротив — кто ее начал восстанавливать? Мы. Потому что я не мог видеть, входя в театр, что пики в небо торчат — мне казалось это кощунством и безобразием. Потом я ходил смотрел, как фрески святых изрубили зубилом варвары, мерзавцы-коммунисты. Они мерзавцы, и, когда я от вас уехал, я сказал публично, при большом скоплении народа: пока эти фашисты правят, моей ноги здесь не будет. Рухнула эта проклятая партия — я приехал, чтоб разбираться тут в делах.

Золотухин. Вопрос! Ну, собрание состоится. Ясно. Они соберутся.

Любимов. Пускай собирается кто хочет — там могут уборщицы собраться, кафе может собраться, тоже обсуждать: много они наворовали, мало они наворовали, кого они отравили, кого собираются травить, — это дело хозяйское.

Золотухин. Но вот нам, которые стоят по другую стороны баррикад, следует присутствовать?

Любимов. Да никаких тут баррикад нет, это опять мы как совки.

Золотухин. Ну, Юрий Петрович, если они пригласили, и пресса придет, и телевидение будет снимать, и кто-то будет выступать, и оставить это без ответа — сейчас сяду в машину и

уеду.

Глаголин. Как это будет снимать телевидение? Никто не пустит в театр телевидение.

Любимов. В театре стоит охрана, недавно жулика поймали. Столько воруют, что пришлось поставить охрану, и поймали жулика. Но по добрым душевным качествам жулика отпустили.

Золотухин. Ну, другая камера снимет, что одну камеру не пустили. Они все равно заварят эту историю.

Любимов. Журналистам нужна сенсация. Ну вот вы все, взрослые люди, сидите тут — ну что, вы хотите, чтобы мы все пошли в эту склоку, что ли? А зачем? Ну пусть они орут там на здоровье, сколько хотят. Все же увидят, кто тут и кто там — все ясно.

Золотухин. Мне тоже хочется увидеть, кто там.

Любимов. А почему тебя это интересует? Ты же все знаешь, кто там. Все вы знаете, кто там. Хотите идти? Что вы думаете, я буду вас сейчас агитировать: идите, выступайте — то есть делать то, что они? Ни в коем случае не буду. Зачем же мне делать то, что они делают.

Ковалева. Но там же ведь будут приниматься какие-то решения большинством голосов.

Любимов. Да Господь с вами, какое большинство?! Большинство этого кафе?

Шкатова. Кто придет, тот и будет голосовать.

Любимов. А насчет чего они голосовать-то будут?

Золотухин. Насчет устава театра.

Васильев. Насчет этого общества. Там слово «коллектив» заменено другим словом, я его не помню, типа «общество», «товарищество», «сотоварищество» — «Таганка» со своим уставом.

Любимов. Ну вот они со своим уставом пусть и уйдут отсюда. Можем им знамя сшить — там Марк еще работает? С каким знаменем они уйдут, с красным? Там все люди какие-то странные, пришлые. Кому любопытно, пусть идут туда. Но зачем идти к сумасшедшим? Это кликуши, они будут кричать: «Нас выгоняют!» Никто никого не выгоняет никуда. Кто выгоняет? Кроме того, вы получили посылки на пятьдесят тысяч марок, что является трехгодичной дотацией театра. Ясно вам? Теперь вы это все съели, можно еще собрать, прислать. Значит, кого я ограбил, кого я выбросил за 27 лет на улицу? Когда я театр этот старый реорганизовывал, то все наше стремление сводилось к тому, чтобы устроить людей на работу. Да, наступило время, когда театр должен быть реорганизован, потому что он в рыночных условиях так работать не может.

Поэтому зачем я туда пойду? Все это вывесили без моего

разрешения, а я туда явлюсь... что — отстаивать свои права? Какие? Чего мне отстаивать? Дорогие мои, одумайтесь! В 74 года я буду дискутировать с Габец или с Прозоровским, который, по несчастью, кончил институт как артист? Он был неплохим рабочим сцены, и большая ошибка, что он стал заниматься другой профессией. Он был гораздо лучшим рабочим, чем артистом. Когда я приехал в Мадрид, я так и сказал ему: «Ты отойди и посмотри, как Желдин играет». И тут я не жестоко поступил, а просто хотел молодому человеку показать, что вот пожилой артист хорошо играет этот эпизод. И вот в ответ на это произошло восстание? Ну, это я привожу как образ, потому что я позволяю себе, когда я чувствую, что мне не нравится, говорить всем, невзирая ни на кого. Меня звания эти ваши не интересуют, они мне не нужны, я их не брал. Это вы хлопотали о них сами. Когда вы хлопочете, вы делаете это индивидуально, а когда вы хотите делать пакости, вы собираетесь в коллектив. Мне это совершенно непонятно. Я не так воспитан отцом и дедом своим. И перевоспитываться я не желаю в 74 года. Кому любопытно, идите смотрите на это безобразие, а я и не пойду туда, и не подумаю. Зачем?

Глаголин. Они попросят вас прийти.

Любимов. Попросят — я пойду и скажу то, что вам говорил. А как только они начнут истерические вещи всякие, я вызову врачей. А если они будут хулиганить, я вызову полицию. Вызову несколько машин «Скорой помощи», кликушам сделают уколы и увезут в больницу. Вот и все.

Н. Любимов. Ты сделаешь из них мучеников совести.

Любимов. Нет, они войдут в партию Жуликовского и будут призывать Попова к суду. Вот и все. Еще кто хочет что-то спросить?

Сабинин. У меня вопрос. Вы сказали, что, когда не будет партии в этой стране, тогда вы вернетесь?

Любимов. Я вернулся, как только эта партия была официально запрещена, но опять позволяют им вести агитацию. Хотя оппозиция должна быть в стране, тогда хоть какая-то жизнь начнется.

Сабинин. Поскольку я профессиональный педагог, я сейчас занимаюсь воспитанием у молодых артистов монтажного мышления — очень современная вещь для нашего государства. Так вот, когда человек имеет это в кармане, рвет это и кидает в корзину, либо кладет в сейф, либо теряет, выбрасывает и так далее, он перестает быть тем, кем он был раньше. Вы понимаете меня?

Любимов. Ну, видите ли, если он сжег и бросил, то он должен

благородно уйти из этого учреждения. И все.

Сабинин. Но это не учреждение. Это некая принадлежность к некой партии, это некий фантом. Он был потом организован в структуры государственные, он сросся с ними, но он вросся и сюда.

Любимов. Нет, этот театр именно в государство не вросся, он всегда был в оппозиции к государству.

Сабинин. Я не про театр, я про коммунистов сейчас говорю.

Любимов. Коммунисты вросли. Так они правят сейчас.

Сабинин. Все. Вы ответили на мой вопрос.

Любимов. Ну неужели вы думаете, Кравчук перестал быть коммунистом? Он был все время на идеологии, сейчас его народ несчастный выбрал в президенты. Но он по-прежнему коммунист, поэтому он флот хотел взять, создает сейчас армию в 500 тысяч и хочет охранять свои границы. А вы думаете, тут таких нет? Ну, вот Бугаев — он был при Гришине холуем, сейчас он управляет нами в городе.

Сабинин. А в театре, руководимом вами, есть такие?

Любимов. Полно. В театре даже много жуликов, которые воруют вещи. Что вы удивляетесь? Во всем мире воруют. Но здесь чересчур много воруют.

Золотухин. Но ведь и Ельцин был партократ?

Васильев. А Гамсахурдиа был диссидент. Так что все сложно. Это страна такая. Это вам не Швейцария, не Цюрих.

Сабинин. Вот когда смотришь хронику, на эти города выгоревшие, развалившиеся, а сделано это руками диссидента бывшего, который у себя в бункере пытал людей электротоком...

Любимов. Саша, ну и что вы мне этим хотите сказать?

Сабинин. Как все монтажно в этом мире. Меня, кроме профессии, за тот остаток жизни, который мне суждено прожить, вообще ничего не интересует. Очень интересный феномен, который интересен во всем мире.

Бортник. Саша предлагает пытать людей электротоком.

Сабинин. Нет, сынок, я не предлагаю. Мир тебе, сынок!

Любимов. Ну, хорошо, что еще умеем улыбаться, значит, еще можно надеяться.

Васильев. Я предлагаю понять, что там, в этом зале, будут сидеть три часа четыре-пять гамсахурдиа, остальные все очень напуганные, зачумленные... Любимов. И ты хочешь встать и просвещать?

Васильев. Нет, нет, нет! Я хочу, чтоб из этой комнаты та злоба, которая пойдет сегодня из зала, чтоб из этой комнаты такая же злоба не шла. Мы должны быть мудрее, спокойнее.

Любимов. Ну скажите, дорогие, зачем я вас сюда позвал?

Чтоб призывать к злобе, что ли? Давайте темперамент беречь для сцены.

Граббе. Судя по тому, что написано в этом объявлении, речь идет о том, чтоб коллектив стал собственником нового театра, соучредителем. Чтобы потом не мог никто отобрать. Вот как я понимаю.

Любимов. Да это все глупости! К ним даже из этого злосчастного управления пришел человек и начал им объяснять: «Что вы делаете? Если вы отберете у Любимова директорство, вам немедленно пришлют из управления директора и он начнет с вами расправляться. Ведь как только вы разделите это, вам пришлют директора!»

Граббе. Они тут же дополнили, что принять устав нужно, чтоб не лишиться здания как такового.

Любимов. Да перестаньте, ну кто вас лишает здания вашего! Это же все дикая ерунда! Алеша, ты меня просто удивляешь, как дите какое-то. Кто может отобрать? Для этого должен быть минимум указ президента. Кто вас придет выгонять — ОМОН, что ли?

Граббе. Вы же сами говорите: «В России нет закона» — ваши слова?

Любимов. Ну да.

Васильев. Как сейчас из магазинов выгоняют: пришел армянин, скупил магазин и всех выгнал. Я говорю в принципе.

Любимов. Не надо ничего говорить в принципе.

Глаголин. В 92-м году не будет приватизации театра.

Любимов. Ну, объявлено президентом, что в 92-м году никакой приватизации театров не будет. Ну так о чем же вы говорите? Значит, сами вы знаете и тут же начинаете говорить: «придет армянин...»

Граббе. А в 93-м?

Васильев. Подожди. Никто не знает, что через два месяца будет.

Ковалева. Такой вот еще вопрос, который сильно беспокоит всех по поводу привлечения иностранных актеров, что, мол, тут не останется русскоязычного населения.

Любимов. Например, появился иностранный артист, который будет заниматься хореографией в «Электре».

Золотухин. А почему этого нельзя делать? Это же делалось всю жизнь.

Ковалева. Но речь идет о том, что здесь никого вообще не останется.

Любимов. А кто будет играть репертуар, который идет?

Н. Любимов. Иностранные.

Кто-то смеется.

Глаголин. А как им платить, между прочим?

Васильев. Они мечтают здесь все играть.

Любимов. Этот несчастный иностранный артист жил у меня на квартире...

Глаголин. И получил полностью за свой билет...

Ковалева. Ну, понимаете, Юрий Петрович, там ведь люди, которые сегодня соберутся... Многие просто напуганы, запутаны...

Любимов. Ай, бедные...

Ковалева. Ну придите к ним и скажите то, что говорите здесь, — половина успокоится.

Любимов. А чего мне туда идти, меня туда не звали. Милая, ну зачем мне приходить, когда без моего ведома там чего-то вывешивают...

Ковалева. Но они очень хотят вас видеть.

Любимов. Если б они хотели бы, они не вывешивали бы. Не приглашали бы прессу. Там все прекрасно организовано, со знанием дела, посланы бумаги точные во все учреждения. Там работают большие специалисты. Так что это все прикидывание, это все кликушество. Сейчас все всё понимают, качают, как выражается советская лексика, права и кричат: «Мы не позволим, мы не разрешим!» Поэтому «придите к ним и скажите» — это опять абстракция. Кому я скажу — Габец?

Ковалева. Нет, другим.

Любимов. А кто другие? Вот они пусть ко мне и придут. Они кабинет мой знают, в котором никогда не закрывается дверь, и в который всегда может прийти человек. Мы и сейчас с трудом спокойно разговариваем, и то все время выплески, а что там будет? Там же будет такой базар, такой крик, и я буду на старости лет это слушать — зачем? Я спокойно объясняю людям, которые со мной работают. Кто со мной будет работать, я тому и объясняю. А с рядом людей я не буду работать. Неужели я буду работать с теми, кто занимается такими вещами? Конечно, нет. Я бы себя не уважал. Я могу из милосердия поговорить с любым, и помочь, и дать деньги...

Сабинин. Театр уже не первый раз переживает такие вот потрясения. Но вы же работаете с людьми, которые при А. В. Эфросе, царство ему небесное, были за то, чтоб быстрей снимать ваши спектакли: «давайте делать быстрее новые», создавать репертуар, не хотели играть, но вы же с ними работаете, потому что, вероятно, вы считаете, что на профессиональном уровне у вас может быть с ними контакт.

Любимов. Саша, не в этом дело. Во-первых, я стараюсь все-таки Библию читать и стараюсь в себе не культивировать такие чувства, как месть, злопамятство, сведение счетов. Меня этим не удивишь в моем возрасте, меня трудно этим удивить. Поэтому я и не занимался выяснением никогда: кто как себя вел при покойном Эфросе.

Сабинин. И очень правильно делаете.

Любимов. Ну вот, спасибо. И сейчас я этим не занимаюсь, и сейчас я никому мстить не собираюсь. Но просто я не хочу встречаться с людьми, которые мне крайне неприятны — зачем мне с ними работать, когда я могу с ними не работать? А советский коллектив считает, что я обязан работать, я обязан их обеспечивать, потому что «мы-ы-ы!» — и начинается вся эта бодяга. А я в этой бодяге не хочу участвовать — могу я себе позволить эту роскошь? Извини, могу. Я не хочу протягивать руку свою некоторым людям. И я и не протягивал ее. Даже при том режиме страшном я убирал руку, а мог тут же получить и наручники, убрав руку.

Фарада. Кто не занят в репетиции, можно идти?

Любимов. Да, спасибо, благодарю вас.

СОБРАНИЕ НА СТАРОЙ СЦЕНЕ ТЕАТРА На сцене декорации к спектаклю «Живой»

Боровский. Надо сделать так, чтобы был Любимов.

Голоса: «Всем пойти к нему в кабинет... Мы ходили к нему!»

И вам кажется, что можно что-то принимать в его отсутствие?

Голоса: «Да!»

Одну минуточку. Давайте разберемся. То, что вы хотите жить, и то, что вы хотите быть защищены, я это прекрасно понимаю. Но вы немного забываете, что это театр — артисты и режиссер. Каждого артиста, и меня в том числе, приглашал в театр Любимов. Вы согласны с этим?

Голоса: «Да. Безусловно».

Идя в театр, артист рассчитывает на свою творческую жизнь, судьбу и так далее. А главное, играть побольше, интереснее и т. д. Я сейчас не говорю о социальном. В любом театре может наступить момент, когда режиссер, беря три, четыре или десять лет назад актера молодого, перспективного, через десять лет

может ему сказать, что: «У меня так складывается, или ты не вырос, или ты мне уже не нравишься» — актер не может насильно заставлять. Так? Или я чего-то не понимаю. Я сейчас говорю о модели любого театра.

Голоса: «Не надо нам говорить громкие слова. Он не захочет разговаривать с труппой!»

Габец. Вы сейчас этих людей, вне зависимости от их профессии, лишаете совсем другого права, не тех законов театра, по которым они живут и будут продолжать жить, — вы их лишаете общественного права создать объединение, которое будет заботиться и решать их проблемы вне зависимости от творческих интересов Юрия Петровича.

Боровский. Одну минуточку. Вы же артисты, поймите.

Голоса: «Не только!»

Нет, прежде всего артисты.

Голоса: «Мы еще люди!»

Габец. Вы даже еще не знаете, в чем смысл этого общественного объединения, и вы уже возражаете.

Боровский. Я знаю, потому что этот смысл, эта юридическая форма была создана, когда разъединялся Ермоловский театр.

Габец. Нет!

Боровский. Да! И там, защищая свои социальные интересы, прибегли к некой модели, поскольку она, считается как бы, их защищает. Но я не об этом сейчас говорю, мне кажется чудным в этом театре, где никогда не было никаких групп, насколько я понимаю...

Голоса: «А мы и не хотим никаких групп!»

Ну, и слава Богу. Одно дело, как ведут себя люди, как ведет себя Любимов, как ведет себя каждый из артистов, — это может нравиться или не нравиться. Но я вам скажу другое. Может, я не артист, у меня мозги другие. Я довольно долго в театре работал, и два раза мне не нравилось, как поступал Любимов. И я уходил из театра. Потому что я сужу только по одному: меня берет человек на работу, я иду к нему работать, и если тебе не нравится поступок этого человека, ты не можешь прибегать ни к какому

суду, ни к чему.

Голоса: «Мы его очень любим, и что получается — что мы ему не нужны... Дайте Боровскому сказать!..»

Мне кажется это невозможным, что Любимов находится в театре, а вы принимаете какой-то устав без него.

Филатов. Нет таких усилий, которых мы не предприняли бы, чтоб он был здесь. Ну, понятно, что пожилой человек, понятно, что гений. Все ясно. И его принадлежит ему. На это никто не может посягать, а если бы посягнул, оказался бы в дураках.

Крики из зала: «А мы ему не нужны!..»

Не нужны. И он имеет на это право. Давайте с этим закончим. То, что «он меня не любит, он мне ролей не дает», — и не даст. И может, уже по отношению ко многим, и правильно сделает. Поэтому особенно этого писка истерического, что «мы ему не нужны, так обидно, не нужны» — ну, свою обиду детям расскажи, в семье, «как обидно, он мне не дает ролей». И не даст. И по отношению ко многим совершенно справедливо, потому что за это время, которое он вам подарил, многие из вас могли бы, топоча ножонками и стуча ручонками, сделать себе хоть какую-то судьбу. Но вы отнеслись к своей жизни паразитически: «Мы — Таганка, два притопа, три прихлопа, концертные бригады»... Кто такие? Банда анонимов. Кто из вас кто? Простите за грубость, но я говорю настоящее, это правда так. Как ни обидно, но это надо в себя пустить, иначе мы вообще перестанем все понимать.

Второе. Золотая легенда под названием «Театр на Таганке» кончена. Это отчетливо понимает и декларирует Юрий Петрович Любимов. Отлично понимаем и мы. Для Театра на Таганке при его высоте и славе сегодняшнее такое полупостное существование в респектабельном зале один к одному, и еще там кое-где свободные местечки — это уже позор. Это смерть. Завтра будет смерть физическая, потому что понятно, что тут уже ничего не поделаешь. Поэтому надо обязательно проститься в уме, чтоб чуть-чуть быть похожим на свободного человека, выбраться из-под обломков этой фетишистской легенды под названием «Театр на Таганке» и понять, что театра этого нет. Что есть данность. А теперь поговорим о ней. Я для себя внутри психологически разделяю: был Театр на Таганке, сейчас нечто уже другое — почему? Потому что Юрий Петрович меня во многих поступках, иногда просто аморальных, не устраивает, как и многих из вас. Я лично о себе говорю, я не судия и не безгрешен, как это

называется, — и многие из вас в разных ситуациях мне просто иногда непонятны. Но я иногда делаю допуск, почему я никогда не ссорился и почему вернулся в этот театр в надежде на то, что кто-то был напуган — в той ситуации я думал, что театр должен был вести себя иначе с Анатолием Васильевичем. Может быть, мягче, без такой большевистской запальчивости, но должен был вести себя иначе. Многие из вас в этом смысле нечисты. Теперь возникает ситуация. Вот мы поделили: вот Театр на Таганке прошлых времен и замечательная легенда и нелегенда — легенда осталась, а было замечательное прошлое. Сегодняшнее никак не совпадает. Юрий Петрович Любимов, замечательный тогда, отважный человек, научивший нас говорить то, что мы говорим в его отсутствии и в его присутствии — пусть он придет, я ему повторю, и гораздо, может быть, более жестко, уж я имею право это говорить, мне за него чуть не сломали башку во времена Анатолия Васильевича.

Боровский. Это было в отсутствие Любимова!

Филатов. Позволь, эта песня, Давид, мы с тобой говорили тоже отдельно, она мне не кажется столь убедительной. Не могу я его за грудки взять. Какое отсутствие-присутствие — театр заплатил деньги, Попов просил, умолял — пошли люди на коленях. Что ты еще хочешь от людей? Прийти к нему туда, на дом? Может, ему еще Горбачева привести? Ну надо же понимать свои возможности. Надо понимать, что ты всего лишь человек, ну не бери ты на себя функции Господа Бога. Это в Кремль проще войти, чем к нему. С кем угодно из московской или российской власти проще встретиться. Ну объяснись ты хотя бы, успокой людей, скажи — я подписываю договор с этим, с этим, с этим. Это будет история, похожая на историю с Олегом Николаевичем, — он взял своих и увел. Мило, красиво, это его дело. Но он не выгонял никого из коробки. Но он не дает ни одной минуты, он даже не желает объясняться — а выгонит он кого-нибудь или нет. Об этом же сейчас идет речь. А есть ли у него намерение посягать на... или нет. Широкое толкование есть в любом пункте, понимаете. (Про Боровского.) Вот он пошел к Юрию Петровичу... И самое поразительное для меня, что никто из людей, защищающих Юрия Петровича, не присутствует. Ну кто-нибудь из ребят, которые такие счастливчики и намерены подписать этот договор — сколько он будет длиться, что он из себя представляет, — я боюсь, что ничего, кроме стыда, он им не принесет, потому что это 15-20 каинов просто еще раз — у них уже печать во лбу у многих. А здесь, в этой ситуации, в безумной стране, запуганной, голодной, еще и это вы берете на себя...

Голоса: «Это безбожно!»

Да уж не будем тут говорить о Боге, но просто хоть нормально, чтоб жена с тобой ложилась периодически, хоть об этом подумай, если она нормальный человек, она уже с тобой не ляжет после этого. Я думаю так, потому что никто не думает о таких простых вещах.

И здесь нужно с той легендой попрощаться. Существовал один Любимов, теперь он другой. Я в этом заморском господине фазанистом не узнаю того человека, который меня научил даже вот возможности сегодня говорить. Поэтому я прощаюсь, я спокойно опускаю занавес над тем периодом, достаточно благородно, никого не пытаясь оскорбить. Что случилось — не знаю. Это на сегодняшний день предмет для изучения психиатров, а уже не предмет для исследования искусства или чего-нибудь еще. Не знаю. Буду даже, наоборот, рад, если это будет так, потому что тогда будет ясно: ну, заболел человек, это печально, горько. Но это опять личное дело Юрия Петровича. Страшнее другое: никто не сумел добиться от него ответа на вопрос, что будет с людьми. Он говорит: «Это не мое дело», но это не ответ на вопрос. Если все остаются на своих зарплатах — тогда другое дело, доживают хотя бы до пенсии. Потому что, конечно, Давид прав — без Любимова что такое этот театр, что это за остатки из ведущих артистов театра. Ведь им нужен главный режиссер, и они должны попробовать выжить, но для этого они обязаны делать шедевры, иначе сожрут их спустя сезон, и сюда войдут другие, более талантливые люди, что тоже будет справедливо. Времена такие. Об этом подумать надо, но для этого нужно расшифровать — что же все-таки имеет в виду Юрий Петрович. Он ни на один вопрос не отвечает. Говорит, что это его частное дело. Возможно, это частное дело, если вы заключаете договор всего лишь, хотя я не могу понять, какая корысть за этим стоит.

Повысить кому-то зарплату до 5 тысяч? Двадцати людям, ну, допустим, это легко переживаемая вещь. Не было этих денег, и не надо. Бог с ними. Вот что это такое? Потому что можно бесконечно говорить: ну как мы без Юрия Петровича будем разговаривать, когда его нет. Ну вот нам бы хотелось задать ему вопросы. Возможно, вопросы эти всех бы успокоили. Хотя контракт наводит меня на мысль, что, когда человек об этом не думает, он не выносит контракт. От этого паника ведь. Отчего возникла в первые дни глобальная идея поменять вообще художественного руководителя — от ужаса. И он естественен. Людям хочется немножко еще пожить, немножко позаниматься

искусством, немножко поиграть. И пусть не всем удастся при новом, другом. И нельзя обольщаться и потом говорить: мы же голосовали — не будет так, все равно будет довольно жестокая ситуация, но хоть ситуацию, при которой можно себя уважать, мы попробовали. Стряхнем с себя обломки и пыль с ушей, и поймем, что того периода нет, и его никогда не будет. Я только одной мысли не понимаю. Бесконечно понимая, что этот театр умер, Юрий Петрович именно в это время затевает реорганизацию. У Булгакова сказано: «Какие странные похороны». Это что такое: с одной стороны вроде бы смерть, а с другой стороны перспектива? Чего? Будут артисты играть лучше или он будет чаще бывать в стране? Или спектакли — гарантировано, что это будут шедевры, или их будет больше? Кто мешал ему до сих пор заниматься искусством? Как мешали эти люди, он с ними и так не работал. Зачем теперь обозначать тех, «кого я люблю» — ну, ты и так их обозначил уже. Я думаю, что из этой шпаны никто не пришел — я что-то их не вижу, любимовцев. Вот что такое страх, вот какая омерзительная вещь.

Я вам скажу дальше немножко лирического от себя, буквально три-четыре слова. Я в этом театре, честно говоря, держусь из последних сил ввиду аморализма и энной части труппы и ее художественного руководителя. Я человек, который им воспитан, я не могу в этом месте находиться. Я считаю, что этот дом безнадежен. Но если что-то получится, я буду рад. Я говорю от себя, потому что тут никого это очень не волнует, но я обязан сказать. Атмосфера в этом доме проклятая. Он проклят, проклят. Проклят. И сегодня такого обилия трусов, наверное, нет ни в одном театре страны. И то, что этот театр исповедовал самое нравственное и до сих пор эти слова произносятся, а живут здесь гнилушки — уже и возраст такой, — это вообще зрелище невозможное.

Отдельные голоса возражают.

Я не поименно, ребята, поймите меня правильно, я никого не хочу обидеть, я просто говорю о том, что ситуация, вы же сами видите, вы же сами, наверно, от этого киснете. Сегодня другие трусы, позавчера были другие. Ну это же так. Я же как бы не обвиняю и не сужу, я же и сам не могу понять: вот что на сегодняшний день делать, что делать?!

Голоса: «Ну, помогите нам! Скажите, что делать!»

Я не Ленин, я не знаю. Сообразите сами. Вы и сейчас хотите

быть паразитами: «помоги нам!» Вам собрали документы, вы соучредились, решайте сами. Возможно — поделить коробку, как предложил нам этот шпаненок, гапончик маленький, который из толпы словечки все время говорит.

Сабинин. Существует патовая, на мой взгляд, на сегодня ситуация, которую надо вывести из этой мертвой петли. И это главная проблема. Вот сейчас то, что стоит здесь на сцене, то, что вы сказали: своей творческой деятельностью будем влиять на общественную жизнь и так далее — это все понятно. Вот все это создано руками художника, это, как в Японии: яко суко сима мура — национальное достояние. И это то, что дается свыше Богом один раз во много лет каким-то еще не ведомым нам всем образом в одном человеке, как Раневская говорила, как прыщ может выскочить на любом теле. Какое это тело, какой это человек, мы знаем, каждый на себе испытал. Но... и мы никуда от этой проблемы не уйдем — все, чем мы пытаемся влиять, воздействовать, на чем мы пытаемся строить правовую основу нашего дальнейшего существования, то есть вот этот кусок хлеба, который мы хотим есть законным порядком, он создан все-таки руками этого человека. Весь репертуар. Сделать в Москве сейчас новый спектакль, даже будь то Стуруа, Фоменко — кто угодно — Питер Брук — в этом страшнейшем хаосе, в котором мы живем, почти немыслимо. Поэтому мы так или иначе будем крутиться и вертеться на основе созданного руками этого человека вот этого национального достояния, будем крутиться все равно на этом и кормиться этим. Он сейчас здесь. Проблема остается. Давайте не будем совать голову под крыло. Вот до тех пор, пока мы не найдем возможность с этим очень сложным человеком диалога...

Голоса: «Он не хочет!»

Он не хочет. Конечно, он не хочет. Но, ребятки мои дорогие, это же главная проблема, все равно. Он ведь здесь.

Шацкая. Да что же, нам ждать, когда он умрет?!

Сабинин. Да как угодно! Ну вот хотите, я сейчас встану, на коленях поползу туда, давайте все поползем.

Голоса: «Давайте! Выползай, давай!»

Ну, как угодно. Но нельзя этого делать. Вот и все. Ну, Ниночка, я тебе сам могу сейчас сказать: ведь я же не езжу и суточные не получаю, и у меня нету интереса моего личного. И меня никуда не заряжают, и меня не взяли ни в одну новую работу, наверно, я очень плохой артист, может, стал плохим

артистом. И меня уже оттерли от студии почти полностью, хотя я продолжаю в ней работать и буду работать, пока я жив. Все равно существует эта данность, от которой мы не уйдем.

Комаровская. Мы ее не снимаем, эту данность.

Сабинин. Вы не сняли ее, она остается.

Прозоровский. Ребята, не вступайте в прямые диалоги, все равно вы друг друга не слышите. Дело в том, что опять возникает навязанная вам волей или неволей другая проблема. Сегодня речь идет об уставе общественного объединения. Задача этого объединения чисто страховочная — очень хорошо сегодня сказал мой друг Саша Давыдов.

Давыдов. Я могу повторить. Мы сейчас все бродим по дорогам к рынку. По страшным дорогам к рынку, этих дорог никто до конца не знает. В любой стране каждый человек, каждая организация страхует себя на случай полета, вылета, обвала, болезни — всего, чего угодно. И это именно страховая акция, когда люди вот в этой непонятной сейчас жизни страхуют себя от того, что завтра могут прийти — прецеденты тому были: моя подруга, утром прочитав газеты, поняла, что дом в Трехпрудном переулке продан советско-американской фирме. Они организовались, им что-то там дали и так далее. Это не более чем страховочная ситуация, когда люди страхуют себя на свой завтрашний день, мы будем юридическим лицом, которое может стать соучредителем, а не просто кто-то где-то. Ведь мы же знаем, что у нас большая страна беспредела. И вот чтоб как-то себя оградить, по-моему, ничего страшного в этом нет. Никто не посягает ни на спектакли, ни на имя. Но мы не можем выступать в суде, мы не можем даже в Цюрих поехать, если что. А так эта организация соберет деньги, пошлет в Цюрих двух представителей, если что.

Голоса: «Давайте голосовать!»

Хмельницкий. Мне только что Любимов сказал, что никого не думает увольнять.

Габец. Прекрасно! Мы счастливы, если Юрий Петрович нас любит. Жалко только, что он не выявляется человеком, который поддерживает наши же инициативы. Ребята, я предлагаю понять ясно: те, кто хочет подстраховать себя, те, кто хочет ощущать себя как юридические лица, те, кто хочет на случай приватизации театра претендовать на кусок этого корабля, пая, те, кто видит чуть дальше завтрашнего дня и понимает, что в период рынка нужно себя таким образом застраховать, мы просим, если нет вопросов и если вы согласны с целями и задачами этого

общественного объединения, принять устав и проголосовать. Следующим нашим шагом будут выборы и прочее. Но вот я вижу, что поднялся Николай Николаевич, и пришло время нам его послушать.

Губенко. Я хочу только сказать Юрию Петровичу, который всех нас сейчас слушает, это бесспорно, это напоминает Маркеса, когда известный диктатор имел свой канал и хотел слышать по этому каналу только то, что ему хотелось.

Все смеются.

Дорогой Юрий Петрович! Я вас люблю. Я никогда не позволял в ваше отсутствие говорить о вас хорошо или плохо. В отличие от вас, что вы непременно делали всякий раз, когда меня не было на общем собрании коллектива. Дорогой Юрий Петрович. Сейчас происходит несчастье. Если будет принят этот устав без вас, это будет очередной взрыв несчастья, на котором вы непременно что-то заработаете, в том числе пару-тройку контрактов. Я предлагаю сейчас подождать Юрия Петровича десять минут, мы покурим. Пусть придет сюда и поговорит с нами. И мы должны уточнить с вами один вопрос: будет ли Юрий Петрович работать дальше с тем коллективом Театра на Таганке, которым он был во времена легенды, откуда он намерен руководить этим коллективом: из Цюриха или из Москвы. И тогда уже принимать устав.

Аплодисменты. Перерыв.

Любимов. Я слушаю вас. По какому поводу вы собрались?

Прозоровский. Мы собрались сегодня по поводу устава общественного объединения «Таганка».

Филатов. Давайте к вопросам.

Любимов. Я сказал, что я удивлен, что без моего разрешения было собрано собрание. Я не знал, выходил поздно вечером из театра и увидел это объявление. На что я сказал: кто вам разрешил это сделать? Остальные ваши все рассуждения… во-первых, никакое собрание сейчас неправомочно. И оно юридической силы иметь не будет. За это я вам отвечаю. Что бы вы тут ни приняли. И не потому, что я такой грубый, жестокий — говорите обо мне что угодно. Если я за почти что тридцать лет не сумел вас убедить, что я честный, то мне не о чем говорить. Поэтому я и не хотел приходить сюда. Потому что когда без моего ведома творятся эти безобразия, которые вы делаете, то меня это…

Голоса: «Какие безобразия?»

Кто творил, тот знает. Это все хорошо организовано и продумано. Никто этот театр никому не отдает никуда. Второе. Мой контракт — это мое дело. И его брать тайно и комментировать — это называется подлог и похищение чужих документов. Я у вас не ворую и не беру ваши контракты, или ваши халтуры, или ваши договора, или ваши бригады. Когда мне приходят письма, то я их разбираю и вынужден отвечать, что «это не гастроли театра, это бригады». Даже в Америку пробрались, и вы эту историю знаете, когда мне говорили: «Что же вот Таганка приехала и вот так представила себя? А теперь мы не будем вам гастроли большие делать, уже Таганка была». И тоже я не знал. Потом меня долго убеждали. Но это до утра можно говорить, а у нас в пять часов репетиция.

И самое важное, что в это время, которое происходит в стране — вы смотрите телевизор и видите, как президент в окружении дам истерических говорит: «Ну растерзайте меня, делайте со мной что хотите». Президент России! Когда мэр города говорит: «Ах, Кравчук взял флот и создает армию, но мы ведь понимаем, для чего он это делает». И я ведь понимаю, для чего это все сделано.

Филатов. Для чего?

Любимов. Кому надо, я отвечу, Леня. И вам отвечу. И вы меня не судите, дорогой мой. Вот в кабинете я с вами поговорю сегодня.

Шацкая. А почему не здесь, Юрий Петрович?

Любимов. А не хочу. И вы меня не заставите. И вы меня, Нина, не перебивайте. Вот когда я прекращу говорить, вы встанете и скажете свои аргументы. И поэтому я и не хотел сюда идти, потому что ни в какие пререкания я с вами вступать не собираюсь. Ответить я вам могу. Принесите мне вопросы, и я приду и на них делово отвечу. Вот и все. И поэтому я и отвечаю: я делаю все, чтоб спектакли не срывались и шли. Но такой разболтанности, которая есть... вместо того, чтоб играть спектакли, все время обсуждать, кого выгонят, кого нет... Никто здесь выгонять никого не собирается. И это вы сами отлично понимаете.

Голоса: «Это неправда, Юрий Петрович! Нам нужны гарантии какие-то, это только слова!»

Вам Советская власть много гарантий давала? Вы жили все

годы при Советской власти.

Голоса: «И вы жили!»

Шацкая. Сейчас другая жизнь у нас, другие законы у нас совершенно.

Любимов. Ах, тогда вам легко жилось.

Габец. Мы ведь вместе с вами жили эту жизнь.

Любимов. Ну, вы жили со мной очень мало.

Иваненко. Юрий Петрович, нам есть нечего.

Любимов. А я вам для этого собирал посылки. Ну, я понимаю, вы их съели. Ну, я вам еще соберу.

Голоса: «Нам жить надо! Работать!»

Прозоровский. Юрий Петрович, можно сказать?

Любимов. Пожалуйста, вы же собрали. Я не собирал.

Прозоровский. К вопросу о вопросах. Вопросы существуют, исходя из вашей статьи, которая вышла на следующий день после вашего отъезда в декабре и в которой мы получили несколько ответов на непоставленные вопросы. Второй источник вопросов был ваш контракт, где вы называетесь директором театра, и поэтому у нас и возникло ощущение, что это не совсем личный контракт, а все-таки он касается жизни коллектива, чьим директором вы называетесь в этом контракте. Только поэтому. Никто не собирался посягать на вашу личную переписку с Поповым.

Любимов. Почему же вы разбирали чужой контракт — это же некрасиво?

Прозоровский. Он просто касается жизни театра — здесь нет никакого заговора. Хоть вас в этом убеждают постоянно. Все это возникло спонтанно.

Любимов. Как? Спонтанно взяли и спонтанно изучали?

Габец. Спонтанно попросили.

Токарев. Я знаю, что вы очень это не любите, но есть такой документ. Постановление РСФСР от 1 декабря 1991 года «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну». Вот этот документ. Ваш контракт не составляет коммерческой тайны.

Любимов. А чего вы этим высказали? При чем здесь коммерческая тайна? Он мой! Дело не в том. Тут вопрос по-другому рассматривается, что нельзя лазить в чужой карман.

Прозоровский. Два месяца назад мы вас очень ждали и надеялись, что вы приедете и как-то с нами встретитесь.

Любимов. Я был здесь целую неделю.

Прозоровский. Я просил вас встретиться с нами, однако вы не смогли, не нашли времени.

Любимов. Это неправда.

Филатов. Это к вашему вчерашнему разговору об этике, я прошу прощения. Первое, что вы хотели узнать — это как попал документ. Да валялся. Кто-то случайно обжегся. И тут же пошло. Я приехал из Кисловодска, у меня было тридцать звонков. А мне респектабельней было бы занять позицию другую, Юрий Петрович.

Любимов. Да-да, но вы болеете за народ.

Филатов. Да. Мне с вами ругаться ни к чему и противопоставлять себя неинтересно. Потому что вы гений, вы мировая величина. Зачем? Я занимаюсь другими делами.

Любимов. Я знаю, что уничижение паче гордости.

Филатов. Не-не-не, в пределах Садового кольца меня узнают. Ну не будем.

Любимов. Так вы ж затеяли, а не я. Вы забежали, затеяли и убежите — прекрасная позиция.

Филатов. Юрий Петрович, я повторяю: у меня корысти вот ни на столько нет. И вы меня в этом обвинить не можете. Мне из-за вас чуть башку не сломали — в то время как вы давали интервью в свободных странах, — все госинституты страны. Это я вам в счет не вписываю, это мое личное дело, как я себя веду в той или иной ситуации. Но я говорю к вопросу, к моему тезису о том, что у меня корысти нет. Мне и здесь сейчас находиться корысти нет. Я не самый большой поклонник того, чтобы вы приходили, не приходили. Я вообще считаю, что все это ерунда, между нами говоря. Я и ребятам сказал жесткие слова по поводу того, что это труппа развалившаяся, по-другому, по-человечески. Но и вы, извините, который научили меня так разговаривать, как я позволяю себе, вы меня научили смотреть прямо в глаза, а не прятать глаза. Вы меня научили, а теперь я вас не узнаю. Не узнаю.

Аплодисменты.

Габец. Простите, Юрий Петрович. Я 15 лет работаю в театре и достаточно много работаю в спектаклях, которые вы поставили. И ценю свою работу в этом театре, очень горжусь тем, что я работаю в этом театре. И поэтому я говорю сейчас. Дорогой Юрий Петрович, то, что сегодня мы собрались, и то, что вы называете юридически неправомочным, это ваше непонимание того, что мы живем в другой стране.

Любимов смеется.

Того, что эти люди, которые сидят сейчас в зале, могут иметь собственное, отличное от чьего-либо мнение, что они могут захотеть собраться на общественных началах и подумать о том, как они будут защищать свои социальные права. Ничего страшного в этом нет. Ведь это происходит не до того, а после того, как единогласно на собрании ваши полномочия художественного руководителя были подтверждены. Этот коллектив, принимая устав театра, единогласно проголосовал за единоначалие и за ваши права художественного руководителя. Этот коллектив сделал все возможное, чтобы вы могли приезжать сюда тогда, когда вам это удобно, и делать то, что вам хочется и с кем хочется, по вашему выбору — привозить сюда других актеров из других стран — пожалуйста. Но этот вопрос, который сегодня решается, он очень прост. Обычные люди, которые много лет проработали в этом театре — все по-разному, кто больше, кто меньше. Все они обеспокоены тем, что происходит в нашей стране, и тем, что может произойти и с нами, хотят организоваться в общественное объединение без каких-либо далеких идей, кроме одной — мы хотим попытаться стать юридическими лицами, чтобы мочь защищать свои права. И тут никаких полномочий чьих-либо, кроме самого желания тех людей, которые тут собрались, не нужно — так записано в российских законах, которые, может быть, вы не прочитали, может быть, вам о них не рассказали. Но вот здесь сидит консультант советника президента Ельцина. Это Игорь Владимирович Сафоев. Юрий Петрович, познакомьтесь, пожалуйста, с ним.

Любимов (Сафоеву). Добрый вечер!

Габец. Может быть, у вас будут вопросы по законодательству, по поводу наших или ваших прав. Не надо нас обвинять в том, чего мы не совершали. Перестаньте с нами общаться по телефону, на другом конце которого Борис Алексеевич Глаголин или несколько избранных товарищей. Признайте за нами право быть людьми, которые 27 лет, кто меньше, кто больше здесь работают.

Любимов. Что я дезинформирован — это мне всегда говорил Виктор Васильевич Гришин и его помощник Бугаев.

Губенко. Вы позвольте мне на правах ведущего актера, вашего любимого актера, сказать несколько слов.

87-й год. Ребята просят меня взять театр, сознавая, что я ничто по сравнению с вами как режиссер, тем более театральный. Я беру этот театр, бьюсь головой о Политбюро, в котором сидят

Лигачев, Громыко — шесть человек из старого Политбюро. Единственный человек, который перевесил чашу в пользу вашего возвращения, был Михаил Сергеевич Горбачев. Это так. Далее. Никто вас не тянул за руку приезжать сюда 8-го числа в качестве моего гостя, когда полтора года я бился головой о Политбюро и наконец-то получил это высочайшее по тем временам соизволение. Вы растоптали те десять дней нашего счастья, которое мы все испытывали и вместе с нами вся театральная общественность. После этого я беру театр, восстанавливаю все ваши спектакли, исключительно, с огромным уважением относясь к вашему замыслу. Мы вводим в спектакль «Владимир Высоцкий» вас лично, ваш голос, расширяем тему вашего отсутствия, мы делаем все, чтобы воздействовать на общественное сознание, чтобы вы вернулись.

Испания. Разговор с вами, слезы счастья от возможности, что вы можете вернуться, встреча с труппой — это все были акции величайшей преданности коллектива вам. Вы пошли на это. Вы сами при мне в 45-минутной беседе с Лукьяновым подписали документ, где первыми словами было конкретно: «Буду искренне признателен, если Верховный Совет рассмотрит вопрос о возвращении мне гражданства».

Любимов. Это не совсем точно.

Губенко. Я вам покажу этот документ.

Любимов. Покажите. Потому что моя ошибка, что я не взял у господина Лукьянова этот документ. Потому что вы меня вынудили ехать к нему, я не хотел к нему ехать.

Губенко. Никто, повторяю, Юрий Петрович, вас не принуждал...

Любимов. Неправда!

Губенко. ...Ни к приезду ко мне в качестве личного гостя, ни к приезду к Лукьянову, ни к возвращению вам гражданства.

Любимов. Я думаю, наши пререкания не надо слушать никому. Потому что это неправда. Я могу вспомнить другое, но это я вам скажу наедине.

Губенко. Дайте мне договорить!

Любимов. Пожалуйста, договаривайте.

Губенко. После этого полтора года было потрачено на то, чтоб восстановить «Маяковского», «Высоцкого», «Годунова», ввести вторые составы в «Зори здесь тихие...», вы начинаете всячески растаптывать меня в прессе. Вы трактуете все мое двухгодичное битье головой о кремлевскую стену и обо все, что называлось «советская власть», только тем, что Губенко захотел стать министром и для этого он это сделал. Допускаю. Но хочу еще вам сказать, что рядом с вашей фамилией стояли еще 173

эмигранта, которых я не пробил, я смог пробить только вас и Ростроповича. И вы инкриминируете мне, что я это сделал для того, чтобы стать министром. Поэтому я утверждаю, что вы — лжец. Вы прокляли все лучшее, что было в этом коллективе, вы растоптали и предали этот коллектив...

Глаголин. Вы не имеете права так говорить!

Все кричат.

Вы запачкали себя и не имеете права так говорить ему.

Филатов. Есть свободные люди, которые говорят то, что они думают. Вот встань и скажи, а не тявкай из толпы, как шавка.

Губенко. Поэтому единственный вопрос, который я хотел бы вам сейчас задать: в какой степени вы намерены дальше руководить из эмиграции, как Владимир Ильич Ленин — РСДРП, этим театром. Полтора года вас не было. Вы руководили только по телефону через Бориса Алексеевича. Эта пристяжная бл..., которая подлизывается...

Смех, аплодисменты.

Абсолютный предатель, которая мыслит только во благо самого себя. Вы хотите работать в Советском Союзе... в СНГ или не хотите? Если вы не хотите — так и скажите. Или вы будете руководить театром из Цюриха. Мы и на это согласны. Вы великий гений. Мы вас любим, но прошлого, а нынешнего мы вас ненавидим — я лично ненавижу, потому что, повторяю, — вы лжец.

Аплодисменты. Крики.

Любимов. Еще будут какие оскорбления?

Филатов. Ну, про оскорбления не вам говорить. Вы нас вмазали в говно так, что...

Сабинин. Товарищи дорогие, прекратите. Не надо на таком градусе, на градусе коммуналки вести разговор. Вам потом всем будет стыдно, противно. Не надо так разговаривать. Я призываю вас, пожалуйста, не надо так. Мы, к сожалению, по-другому не умеем, но надо, друзья, постараться. Постараться надо. Не надо так разговаривать.

Прозоровский. Каждый имеет право... И, кстати, неплохо было бы сохранить свое достоинство, как сказано в первом же спектакле этого театра.

Губенко. В израильском журнале «Калейдоскоп» одним из

условий вашего возвращения в театр вы назвали упразднение советской власти. Она упразднена. Вы возвращаетесь?

Любимов. Я не подсудимый, а вы не прокуроры и не мои обвинители. И поэтому после слов, что я лжец...

Губенко. Это мое личное мнение.

Любимов. Вот с этим личным мнением и оставайтесь. Когда вы обретете человеческий облик, переспав ночь, завтра я с вами поговорю, изучив эти вопросы. Вы оговорились, господин министр бывший, никакого СССР нет. И сколько ни хотят вернуть некоторые люди, отдавая Попова под суд, что он устроил глумление над останками коммунистов на Красной площади, можете собираться под их знамена и примыкать к жулиновским, жуликовским и к бывшим всем партаппаратчикам. Я вас не перебивал, когда вы меня оскорбляли. И как в плохом балагане хлопали, кричали и так далее. Это не спектакль. Берегите себя там. А здесь ваши выкрики для меня никакого значения не имеют.

Филатов. Очень жаль.

Любимов. И, главное, интонация очень хорошая актерская, готовая, Леня. Не живая.

Голоса: «Сукины дети», вторая серия!»

Вы перепутали условия, что рынок вводится президентом, а вы устроили в театре даже не рынок, а базар самого низкого пошиба, вульгарный и скверный. А что касается ваших этих вопросов, я отвечу на них.

Когда я реорганизовывал этот театр, то я ни одного человека... о своих горестях я не буду говорить, но также люди, которые тут работали, они были в еще более страшном положении, чем вы, — они шли на улицу, потому что был приказ о реорганизации театра. И, несмотря на это, был уникальный случай за всю историю страны — не было ни одного сюда. Потому что каждый был пристроен. Так возник этот театр. И он возникал не на крови, а на доброте.

Лукьянова. На смертях он возникал. Две смерти было. Простите, я присутствовала при этом. Умер Полинский, и умер Вейцлер. А мы только что похоронили Ронинсона. Первая ласточка.

Любимов. Вы опять со мной пререкаетесь. Уже я виноват, оказывается, в двух смертях в 64-м году. Тогда встанет Галина Николаевна, которой ближе эта смерть, чем вам всем...

Лукьянова. Она забыла об этом, простите, пожалуйста.

Любимов. Ах, и она плохая! А вы хорошая? А жена, потерявшая мужа, плохая. Вот вы до чего уже дошли.

Ульянова. Юрий Петрович, мы ведь хотим с вами работать! Ну что же вы не слышите нас!

Любимов. Вот, к сожалению, я все слышу.

Ульянова. Всех взволновало только одно — ваш этот вот рескрипт. И потому, что мы сейчас действительно находимся в таком положении.

Любимов. В каком?

Ульянова. Когда человек раньше оставался без работы, ему было легче, потому что семьдесят рублей были немножко другие, чем сейчас 420. Это первое. Второе. Мы еще можем работать, мы полны сил. Вы говорите, что мы разнузданны — это естественно, Юрий Петрович, потому что этот театр создавался на вашей воле, на вашей энергии, и когда вы тут стояли, и когда вы были там, хотя бы мы знали, что вы там. Да. Но ведь когда вас нет, естественно, идут потери, помимо того, что они и временно идут. Но мы хотим с вами быть, Юрий Петрович. А юридическая сторона дела — когда вы говорите: мой контракт, это вас не касается — это актерский контракт. Поверьте. Я не понимаю в юриспруденции, но я понимаю только одно, что это маленькая защита от произвола — не вашего, нет — государственного.

Любимов. А вот когда иронизируют, что там написан Цюрих, то написан он только потому, что уйдет Попов, придет какой-нибудь скверный человек и начнет безобразничать. Тогда город со мной не сможет обращаться скверно — не Бугаев будет, который меня унижал при Гришине и к которому я должен ходить сейчас в управление, к холую Гришина — вот что вы не понимаете, — а тогда город знал, если он подписывал со мной контракт, то город будет со мной судиться в Цюрихе. Вы даже это не поняли, что это сделано для вас же! А не для меня.

Голоса: «Вы бы нам это раньше объяснили!»

Да потому что нужно быть приличными людьми и не воровать чужие документы.

Голоса: «Не в этом дело!»

В этом!

Ульянова. Юрий Петрович, родненький, ну дослушайте.

Любимов. Я вас тридцать лет слушаю. И зачем вам слушать лжеца! И вы еще хлопали! Человек, который назвал меня лжецом, живя у моей матери полгода. Да я не желаю вообще видеть его в этом помещении. Вот я уйду, и выбирайте. И пока он не уйдет отсюда, меня здесь не будет. Все!

Любимов уходит. Губенко тоже уходит.

Филатов. Все. Все обсуждающие ушли. Гуляйте!

Прозоровский (Токареву). Юра, останови, пожалуйста, актеров, потому что мы все-таки должны попытаться принять устав хотя бы за основу, потому что нам все равно здесь жить. Итак, я прошу, Лена, посчитать с этой стороны людей. Саша, с этой стороны людей посчитай. Завтра, если Юрий Петрович захочет, он назначит собрание по поводу вопросов.

Габец. Стоит вопрос об образовании общественной организации «Театр на Таганке». Кто за то, чтобы создать общественную организацию «Театр на Таганке»... Будьте добры, войдите, пожалуйста, в зал...

Голоса: «Давайте завтра!»

Прозоровский. Завтра это закончится таким же скандалом.

Габец. Прошу голосовать. Кто «за»?

Считают. Голос: «Сорок пять на балконе!»

Прозоровский. 135 голосов «за». Прошу фиксировать, потому что это очень важно. 144. Кто «против»?

Габец. Среди присутствующих таковых не нашлось.

Прозоровский. Итак, 144. Этого вполне достаточно. В принципе нам вообще не нужен был бы кворум. Потому что те люди, которые хотят участвовать в этой организации, те и будут участвовать.

Губенко. Я хотел сказать только два слова. Я понимаю, что то, что здесь произошло, это большое несчастье. Но я повторяю, что в отношении меня Юрий Петрович был не кем иным, как лжецом. Если он ставит вопрос так, что, пока этот человек будет в этом театре, он вообще не будет с вами разговаривать, я этот театр покидаю. Всего хорошего.

Общий хор голосов: «Нет! Нет! Не ставьте нас в такое идиотское положение! Это же нечестно!»

Вы меня, наверное, неправильно поняли. Юрий Петрович через три дня уедет на очередных полтора года.

Все смеются, хлопают.

Прозоровский. Спасибо. Собрание закрыто.

Начинается репетиция «Живого».

10 января 1992 г. Пятница

То, чему я был вчера свидетель, будет еще «воспето» много раз и многими, но при таком всеобщем позоре части озверевшей массы театра... нет, это не так писать надо. Как жаль, что Любимов нам как бы не рекомендовал присутствовать на этом сборище пятой колонны, женского батальона, возглавляемого Губенко и Филатовым, этими Дорониными в штанах.

К 17 часам пошел я на репетицию по вводу Щербакова вместо заболевшего Желдина. Подходя к старому залу, я услышал речь Губенко, перечислявшего даты... встречи слезные с Любимовым его и труппы. «Вы растоптали эти десять дней вашего пребывания, вы наплевали всем в души!» И в конце речи: «Вы — лжец (овации) и ваша пристяжная бл... Глаголин (овации)...»

Любимов начал что-то говорить, потом завелся и резко закончил (текст помню неточно): «Пока этот бывший министр не уйдет, меня здесь не будет». — И разъяренный старый лев, седой и необыкновенно красивый, быстрыми шагами направился к выходу.

Все это я помню плохо, у меня были спазмы, я ничего не мог понять, представить себе это было невозможно. Почему-то сверлила мысль: сейчас его хватит какой-нибудь удар, сейчас они добьют его. Господи! До чего мы дожили.

«Что видели все мы, что было предо мной...» Позже минутами или даже получасом я заметил в кабинете у шефа: «Зачем же вы нас не взяли с собой? Вы остались один против этой озверевшей стаи. Раз так, так уж надо было стенка на стенку». Боже мой...

Колька почему-то напоминал мне Басманова. Но мне ли, мне ли, любимцу государя... Эта взбесившаяся чернь... Эти пенсионерки-пьяницы артистки... Потом я их наблюдал за кулисами пьяными — Янаев во время путча...

Оказывается, они привели Любимова, что называется, под рученьки, в наручниках, насильно, окружив плотным жандармским кольцом, они действовали, как хорошей выучки кагэбисты. Они использовали физическую силу. Конечно, в зале была пресса и все речи Губенко и Филатова (старая крыса-вахтерша: «Хорошо выступал Филатов!» Жаль, я не застал) будут опубликованы.

11 января 1992 г. Суббота. Ночь. Самолет на Алтай

Два подкаблучника решили приступом взять театр. Какая

концентрация злобы обдала жаром ненависти и жаждой расправы с шефом меня вчера, когда я вышел тихонько на сцену, где стояли березки мои, и скворечники, и домишки на них. Почему-то в таком же одиночестве я наблюдал шефа, когда он кидал ковыль, стоя один в пустом пространстве сцены, и крестился, и таким же увиделся он мне вчера, стоящий, как Тарас Бульба против озверевших ляхов. «Стая почуяла вожака». Это его слова про Губенко.

Шеф: «Да если даже они не подпишут контракт, что изменится?»

Это мне здорово понравилось.

Да! Ведь я сегодня говорил с помощником Попова, клялся своими детьми, что необходимо подписать контракт с Любимовым во имя российской культуры... Что-то я говорил эмоционально и весьма по делу. Николай Иванович обещал довести наш разговор до Гаврилы. Через несколько часов мне позвонил Фарада и сказал, что он тоже хочет поговорить с помощником, просил телефон. Но я ведь говорил от «пристяжной бл...»!

Что поразительно!! Те же люди травили Эфроса, до смешного те же были им недовольны!! Начиная с Филатова, который желал физической смерти Эфроса в буквальном смысле, в буквальном... Господи! Прости меня грешного за эти воспоминания. Теперь они хотят убить Любимова.

Аэроплан выпустил шасси, колеса.

12 января 1992 г. Воскресенье

В Барнауле встретили меня, и в буран непроходимый понеслись мы к Бийску, опоздали в театр на полчаса, но кое-какой народишко остался, ждал. Нарядил я сцену Сергием Радонежским, и послал он мне и голосу, и доброты. Читал главы из книги, из «Жития»... Текст потрясающий, надобно выучить наизусть его. Задавали вопросы: «Где вы были 20-го августа», «Что значат слова Любимова „я увезу „Таганку“ за границу“ и пр.

По дороге из аэропорта в Барнаул в машине давал интервью и долго жаловался на равнодушие Родины к моей книге — книготорг никак не может врубиться, что гонорар от книги идет на храм в Быстром Истоке.

13 января 1992 г. Понедельник. Утро

Через два часа — в Быстрый Исток.

Мне нравится, как я живу здесь и работаю. Вчера две встречи с архимандритом Ермагеном. Подарил ему книжку, человек напористый, и даже, показалось, с некоторой наглецой, пытал

меня, с какой программой выступаю я, какие монологи у меня в программе, напомнил мне, что обещал я 30 000 на храм... Вторая встреча, когда он показывал свой храм, была значительно человечнее, мягче, добрее. И что искупало мое сердце в слезах умиления и радости — на дверях храма, на самом видном месте, была приклеена моя афишка-обращение со счетом быстроистокского храма. Человеком действия показал себя Ермаген в моих глазах. Двадцать три года он уже здесь, а закончил он Загорскую семинарию. Поставил я свечки... Рождеству, Серафиму, Божьей Матери и за упокой отца и Тони.

24 января 1992 г. Пятница

Приходил А. Я. Полозов. Боже мой, какая, оказывается, «другая жизнь» у этого человека! Он услыхал по радио, что я внес большую сумму на строительство храма. «Это такое благородное дело... Я вижу, что вы относитесь к тому, что произошло, серьезно, и хочу сделать вам презент!» — И подарил мне книгу «Надежда», изданную там, где есть и его воспоминания об отце и крестном отце — патриархе Тихоне. Господи! Его отец канонизирован зарубежной православной церковью и причислен к лику святых. Похоронен в Донском монастыре. Зарубежная церковь заказала памятник Клыкову, и теперь могила приведена в порядок. «А Московская патриархия палец о палец не ударила».

25 января 1992 г. Суббота

День рождения Высоцкого. Мне обещали влепить оплеуху — на могиле ли, в театре ли, но меня найдут и влепят оплеуху. За мою публикацию дневников. Ты меня, Володя, прости, но и оплеуху я за тебя снесу. А теперь... Господи! Дай мне прожить и пережить этот день с Богом.

День этот прошел, слава Богу. Оплеуху я еще не получил. Но странное невидение меня за кулисами Ниной М. и ее сопровождавшей меня насторожило. И опасения мои подтвердились.

Маслов Володя:

— Что такое ты написал, что Н. М. очень-очень огорчена?.. Она, конечно, не читала, ей рассказали...

Я дал ему книгу, просил как можно скорее прочитать дневниковую повесть и, если он поймет ее, как это поняла Абрамова (которая, кстати, вышла в слезах на сцену и расцеловала Кольку, Жукову и меня на виду у всего зала), так вот, пусть он поговорит с Ниной М. и успокоит ее.

— Она говорит, что не ожидала от Золотухина, и собирается

тебе написать.

26 января 1992 г. Воскресенье

И опять меня успокоила Люся:

— Не бери в голову, не обращай внимания на 80-летнюю, слегка свихнувшуюся от славы, добрую старуху... И ребята прочитали оба и правильно все поняли, абсолютно будь спокоен... Ведь они то время не помнят, они его знают только по моим рассказам и собирают вот по таким бумажкам. Ты написал, как никто, точно. Слова — очень трудная штука, кто с ними знаком...

Господи! До чего же благородная баба. А про плакат? Дом выпустил плакат ко дням Володи, и она (ей самой было недосуг) послала его с сотрудницей Н. М.

— Н. М. посмотрела и завопила: «Я давно подозревала, что Люся что-то не то делает в музее! Она мне специально ко дню рождения нож в сердце всадила!»

— А что такое, из-за чего?

— Абсолютно не из-за чего, а из-за фотографии, где была Марина.

— Ну и что?

— «Здесь я должна быть, а не Марина. Я — мать, а не Марина!» Ну, что ты на это скажешь? Так что не бери в голову, у тебя есть более серьезные оппоненты.

— Да я уж получаю угрозы...

— Так вот, как бы они не перешли от слов к действию. Начнут прокалывать шины, а то и похуже.

Быстрый Исток. Тищенко В. К. обещал родительский дом нам отдать. Не продать, а отдать, надеясь (думаю я), что лучше, чем мы, для будущего музея никто его не сохранит.

27 января 1992 г. Понедельник

Поезд № 38 Москва — Выборг. В связи с очередной вылазкой Токарева и подменой листов в Уставе театра, очередным скандалом: «Они хотят разбить художественного руководителя на контрактного режиссера и дать постоянного директора, а при нем худ. коллегия с президентом». Короче, Борис не поехал.

28 января 1992 г. Вторник. Хельсинки

Дневники есть мгновения, зафиксированные моими окулярами-глазами. Если глаза — зеркало души... Значит, в душе порча от того изображения в искривленном свете, обезображенном... Для вас. Я этого обезображивания, искривления, естественно, не вижу и видеть не могу. Но у меня есть защитительная грамота от таких взглядов — заключение

жены и матери детей Высоцкого, Люси Абрамовой.

5 февраля 1992 г. Среда, мой день

Уехал на репетицию к Райхельгаузу. Филозов и Петренко танцуют балет «Свадьба» или «Предложение». Потом поют (не слышал), потом играют. Я заявлен в «Коммерсанте» с Л. Гурченко. Но она сломала у Иосифа на репетиции палец (повторяется история) и на пять недель в гипсе. Странен мне этот театр. Танцуют старые люди... ну, смешно, но ведь и жалко... а вот мы, дескать, можем все. «Театр не стоит жизни». Нет, Иосиф, тут ты оправдываешься. Любимову театр стоит жизни, Эфросу стоит, даже твоему коллеге Васильеву он стоит жизни. А тебе он не стоит, дак ведь это потому, что ты его не стоишь.

6 февраля 1992 г. Четверг

Третью ночь я не сплю, думаю про свою непутевую жизнь и понимаю, конечно, что во всем виновата моя дурная кровь, любовь к вину и экспериментам, любовь «пожить, как люди в романах живут». А в общем, конечно, безбожное воспитание. И вот пытаюсь я защититься молитвами преподобного Сергия, прославлением его в миру и именем его хочу собрать средства на строительство храма.

7 февраля 1992 г. Пятница

Чудно играл я вчера Гришку. Шацкая, кажется, наколотила мне сотрясение.

Она думает, что, если сильнее бить по башке партнера, она будет выглядеть темпераментнее. Молитвами Сергия держался я.

Шохин А. И. В здании бывшего ЦК Глаголин, Золотухин, Щербаков, Смехов, Полицеймако. Кажется, поход и разговор были весьма в нашу пользу. Мы уйдем из-под Москвы в юрисдикцию Российского правительства, и Любимову дадут все полномочия. Господи, помоги нам!

8 февраля 1992 г. Суббота

Все ждут, что я книжки почему-то должен им подарить. Уборщица, электрик покупают, а артисты не хотят расставаться с двадцатью пятью рублями. На храм перечислил только один Желдин.

9 февраля 1992 г. Воскресенье

Сегодня поход на Белый дом. Первый был в августе из Кремля, теперь поднялись голодные и нищие, подогреваемые коммунистами и жириновцами. Господи! Спаси и сохрани мой

народ от кровопролития. Ну, пусть пошумят, но не дай провокаторам спровоцировать.

13 февраля 1992 г. Четверг. Челябинск, «Малахит»

Я уж сутки, полтора суток живу в ознобе от звонка Хейфеца, через два слова которого я понял, о чем будет речь. Олег Иванович Борисов очень болен, играть Павла I не может, «ищите замену»... Назывались артисты, но, когда было названо имя Золотухина, все единодушно сказали: «Это класс!» «Похоже, они правы», — заметил я Хейфецу. Итак, мне предложено заменить... что я пишу «заменить»? — сыграть вводом Павла I, и срочно. Где-то с 20 марта до 1 апреля. Что это?! Бог помогает мне. Господь посылает мне шанс. Использую ли я его? Но ведь это будет грех великий, если я не сделаю этого. Господи, помоги мне!! Сергий Преподобный! Дай мне силы!! Пошли мне напутственное благословение в этом плавании. И я совершу...

Что же не идет Авдеева-то? Скоро ехать. Я хочу к Павлу I подойти похудевшим, истощенным, изможденным внешне — тогда я буду чувствовать себя уверенно.

14 февраля 1992 г. Пятница. «Малахит», № 904

Я так легко согласился репетировать Павла I. А смогу ли? А надо ли мне это?! Необходимо переродиться, как в Альцесте, за короткое время. Вывернуть себя, к Богу, к Богу, к Богу обратиться!!!

15 февраля 1992 г. Суббота

Что бы означала эта моя потеря текста Павла I, тома Мережковского? Променял на масло подсолнечное и майонез. Вынули из сумки без меня и положить забыли.

Два концерта в Троицке. Полные залы, книги шли по двадцать шесть рублей. Работал легко и звучно. Но Мережковского жаль — такое впечатление и желание, что примета эта хорошая: посеял — значит, пожнешь.

19 февраля 1992 г. Среда, мой день

Любимов воспринял новость спокойно, несмотря на то что поливал мерзавцем и негодяем Филатова, который не стал играть «Чуму» в своем театре (пока еще в своем) и объявил премьеру во МХАТе. И вот я иду в ЦТСА. «Нет, только скажи, чтобы они подстраивали свои планы под театр, под тебя. Ты должен здесь все играть». И весь разговор. Всю репетицию опять он посвятил разбору взбесившейся стаи и часто вспоминал, что Филатов заехал, забежал в театр из МХАТа и был выпивши. «Он был

нетрезв, а жена твоя бывшая — дура».

Филатов, конечно, номера отмачивает запредельные, я не ожидал от него такой подлости — не играть «В. Высоцкого», не играть «Чуму». Нет, так нельзя. Тебе Театр на Таганке судьбу подарил, квартиру, славу... да дело даже не в этом. Это профессиональная честь, это как же так — предать собственные подмостки. Сцена отомстит, профессия такого предательства не прощает! Как же так — плюнуть в «Таганку», плюнуть в труппу, в коллег, в Любимова. Можно ругаться, но сцена, театр, зритель твой... Нет, Леня, ты не прав.

26 февраля 1992 г. Среда

Господи! Времена-то какие?! Руцкой арестовывал гэкачепистов, теперь высказывается за прекращение следствия и их освобождение. А мне Павла I надо сыграть! Гениально.

Примчался, греюсь (чихнул по поводу — авось сбудется). Подарить квартиру государству, а чтоб государство дало государственную с приближением к месту работы. В 15.00 должна подойти дама из комитета, Ирина Федоровна.

27 февраля 1992 г. Четверг

Квартира... Получен смотровой. Документы сданы и приняты. Значит, надо готовиться к переезду. А сейчас начнем опять переписывать текст.

28 февраля 1992 г. Пятница

Репетиция Павла была удачной, то бишь читка.

29 февраля 1992 г. Суббота

Опять в ЦТСА... Поставил свечку Павлу I, моему несчастному герою, отцу моему Сергею Илларионовичу и сестре Антонине. Суетливо помолился о здравии Тамары и Матрены.

Очень что-то мне нравится несчастный Леонид Хейфец, так поздно (в пятьдесят пять лет) получивший театр, в котором крысы, кражи, разбой и саботаж.

1 марта 1992 г. Воскресенье. Масленица

«Игроки-21» — это вопиющая пошлость. Мне кажется, что актерам (Филатову) стыдно эту дребедень играть. Неужели деньги?

2 марта 1992 г. Понедельник

Минкин сетовал, сожалел по поводу своей статьи о Губенко. «Нет, так нельзя... живые люди... Но когда пишешь, перед тобой

чистый лист бумаги... а человек где-то... резко получилось... Но и он... организовал кампанию... будучи министром, это сделать легко. Почему не ответил сам?» Я сказал, что моей жене его перо очень нравится... в отличие от меня. Опять же в связи со статьей о министре... хотя, к моему большому сожалению, многие прогнозы оправдались. За что, собственно, Минкин и ухватился и стал говорить: «Так нельзя, но такая профессия — напишешь и сразу наживешь врагов во всех лагерях. Вот и „Игроки-21“ и пр.

13 марта 1992 г. Пятница

Я Павлом I послужу русскому, отечественному искусству... Об императоре оном много передач, и был он, оказывается, славным царем и много для отечества сделавшим за короткое свое несчастное правление.

14 марта 1992 г. Суббота

«Губенко говорит, что в следующий раз меня из театра будут выгонять с ОМОНом. Я уже готовлюсь к этому. А спектакли он играет, и слава Богу».

15 марта 1992 г. Воскресенье

Будет сын когда-нибудь внуку про отца-деда рассказывать или повезет его на могилу в Быстрый Исток, а захоронен я буду (хочу) в церковной ограде... и пакет <Конверт с квитанциями переводов на храм.> этот — храм — пригодится ему.

19 марта 1992 г. Четверг

Вчера на репетиции с Л. Хейфецом я заплакал, как в ГИТИСе на уроке у Анхеля, от собственного бессилия и сознания ничтожества своего (я репетировал тогда Треплева). За мной вослед заплакала О. Егорова и остановиться не могла... слезы ее падали мне в глаза. Хейфец остановил репетицию. Господи! Спаси и помилуй меня грешного и партнеров моих.

22 марта 1992 г. Воскресенье

Я выехал рано вчера с пустыми банками. Лавра встретила меня дружелюбно, ласково. Потом я заехал в Иудино, в церковь Рождества Христова, встретил Алексухина, зашел в храм, там шла служба. Я попросил благословения — «хотя я понимаю, что дело наше греховное, лицедейство» — у о. Владимира на исполнение роли убиенного императора, царя Павла I, и просил его помянуть и помолиться за Павла I. Он обещал прибавить к царям убиенным Александру и Николаю Павла I и о здравии Валерия помолиться. И молитвы о. Владимира, и мои, молитвы неумелые, но сердечные, услышаны были... Благодарю Тебя, Господи!

23 марта 1992 г. Понедельник

Я ношу кожаный пиджак, который когда-то продал мне В. Высоцкий за двести или двести пятьдесят рублей. Это значит — я похудел и вошел в комплекцию 1978 года, ремень затягивается на последние дырки.

Челябинск — Троицк. Посеял Мережковского том — пожал Павла I. Как бы там ни шло, я сыграл Павла I и обеспечил театру за кои-то веки аншлаг.

25 марта 1992 г. Среда, мой день

Хейфец не был вчера комплиментарен, это очень насторожило меня. Быть может, подействовало на него отравление котлетами свекольными, но одно признание он сделал важное: «Теперь мы можем говорить откровенно, роль сыграна. До этого мы ведь тебе врали... Усыпляли тебя... Это хорошо, что ты не видел спектакль, не видел Борисова... и ничего не знаешь, какая была пресса, какой был шум вокруг спектакля... На тебя ничто не давило... Иначе ты мог и не согласиться... Когда была названа твоя фамилия, встречено это было с восторгом. Но когда начал репетировать, многие потускнели... да, сыграет, но... И должен тебе сказать с полной откровенностью — ты победил. Ты выиграл по всем показателям, на все сто процентов. Ты победил партнеров... они стали твоими союзниками. В театре ведь ничего не скроешь, и все разговоры доходят до меня. Первая твоя репетиция-читка, когда ты был... скажем так, „из гостей“, насторожила... а что это он так? Театр Советской Армии — особый театр. Здесь еще живы традиции... здесь работают замечательные актеры... И ты хорошо вошел. Тебя приняли, что очень и очень немаловажно».

27 марта 1992 г. Пятница

Ну да, идет время — не читаю, не пишу... Билетеры в восторге от Павла I — лучшая роль, лучше всех таганских, вместе взятых. «Вы для нас открылись (действительно, нет пророка в своем отечестве). Я спросила у билетерши, женщина моего возраста, она сказала, что с Золотухиным ей больше нравится, чем с Борисовым». Ну и так далее. Павел I открывает вереницу ролей — Версилов и «Доктор Живаго»... Приехал Любимов с бароном Андреем: «Альфред Гаррич хочет, чтобы ты приехал к нему в Гамбург дня на три, чтоб он мог твои возможности понять... в июне. Партитура должна быть к декабрю». Сегодня он пошлет Губенко письменный приказ, что театр в услугах артиста Губенко не нуждается.

Нельзя быть над борьбой, как Алла, как Смехов.

Глаголин не хочет, чтобы театр работал в мае. Он хочет, чтобы мы с Тамарой провели май в Греции. А мне не кажется это разумным, это не в высших интересах театра. Надо играть хоть на старой сцене, пусть ослабленным составом — но жить... Иначе территорию могут занять не обеспеченные работой люди. Кроме того, у меня «Павел I», кроме того, церковь в Быстром Истоке... и дом родительский. Но Греция — это мощное экономическое поддержание, трусы сменить, как кто-то говорил, тем более обокрали обувную мастерскую.

В Быстром Истоке — отец Евгений. Звонил сегодня я главе, Валентину Кузьмичу. С домом родительским затягивается дело... Проблема возникает с колоколами — где их лить и где деньги брать.

29 марта 1992 г. Воскресенье

Молитва, бензоколонка, церковь, кофе...

Вчера Любимов собирал «наших». Как потом комментировал Бортник, «чужими руками опять совершить преступление», то есть отстранить Губенко от сцены. Вопрос в лоб:

— Ну вот, Губенко пришел, вышел на сцену... Что мы должны делать?

Любимов:

— А это каждый должен решить, что ему делать и как поступить в такой ситуации... Вы люди взрослые, учить мне вас не надо.

Ванька:

— Он сказал, что в таком случае мы все должны уйти со сцены.

Золотухин:

— Нет, Ваня, он так не сказал.

Иван:

— Как не сказал?.. Но это же понятно из его слов!

Золотухин:

— Нет, Ваня, так нельзя комментировать и расшифровывать его слова... Он завтра откажется от них... Этот вольный перевод ты оставь при себе, иначе он пойдет гулять по театру и дальше. Вот-де Любимов учит, как действовать, а тут — догадайся, мол, сама. Это две большие разницы, кто о чем и какую догадку для себя изберет.

Пошлость и гадость. Любимов производит Губенко в мученики, в герои, то есть сводит личные счеты. До этого он был хам, а теперь, если это случится, — герой.

Фарс с портретами — сняли Губенко, висевшего между Любимовым и Боровским, и повесили меня. Я попросил рабочих

эту хреновину исправить. И они повесили меня на свое место, куда определило уже начальство Губенко, а Н. Н. я отнес в кабинет Глаголину. После «Чумы» Кондрат мне сказал, что я снова водружен на место между Любимовым и Боровским... Надо мной смеяться будут и издеваться, хихикать исподтишка.

«Валерка так подделывает твою подпись!» — с хохотом сообщает мне двоюродный брат Краснопольского, Леня Пятигорский. Эту информацию надо запомнить.

Входит в театр Любимов — на меня с обиженным видом: «Валерий! Это мое дело. Я не хочу с ним работать и не желаю висеть рядом. Это мое распоряжение перевесить портреты... Мое! Неужели ты думаешь, что без моего ведома здесь могут что-нибудь сделать... Не могу я рядом повесить Демидову, скажут — любовница... Антипова — смеяться будут... Ты — ведущий артист... А что, тебе не хочется висеть со мой рядом? По-моему, компания неплохая, Боровский, я... и ты».

30 марта 1992 г. Понедельник

Театр. Губенко нагнал вчера полтеатра журналистов, телевидение. В зале транспарант «Позор родителю, предавшему, а теперь продавшему». После спектакля загорелись мощные осветительные приборы. Н. Н. и Л. А. со сцены давали интервью. О чем — не знаю, вернее, о чем — знаю, но что говорили конкретно — не ведаю. У меня была своя нечаянная радость. Перед спектаклем меня вызвал шеф и приказал петь с Володей «Баньку». «Ты у кого работаешь?! А то ведь скажут — он сказал, и ты не поешь». — «Я не в форме, у меня нездоров голос, я опозорюсь». — «Твоя природная музыкальность не даст тебе опозориться... Иди готовься!»

И Бог меня спас!! Я так не пел с Володиной фонограммой никогда, так хорошо, чисто, разнообразно.

Лунева сказала, что это шок, от этого можно сойти с ума.

Клевретка Филатовых Катька: «Как это здорово, почему раньше этого не было?» — «Губенко запрещал, снял, не хотел...»

Штейнрайх: «Это потрясающе!»

Так что у меня были радости свои на сцене, в финале.

Губенко: «Мне сказали, что в интервью „Таймс“ он сказал, что для Губенко и Филатова этот спектакль последний. Если он примет такое решение после спектакля, его секретарша должна передать мне его письменное распоряжение. Ты с ним общаешься — для него будет это тяжелое решение». — «А что ты не поговоришь с ним?» — «Пусть вызовет, он руководитель, вызовет — поговорим».

После спектакля заливалась Шацкая: «Во, мне запретили

завтра играть, ребята, я завтра не играю!»

Николаю сказал я, что про Филатова, про его отстранение, слышу я впервые. Николай: «Так мне сказали, я пользуюсь только слухами». По поводу портрета, усмехаясь: «На моем месте висишь» — и еще что-то.

А перед спектаклем возбужденная, с раздутыми ноздрями воинственно-ликующая Габец, Прозоровский, говорящий мне комплименты о «Мизантропе»: «Как жаль, что ты не играешь эту роль».

Когда Катя-клевретка говорила: «Неужели вы не будете вместе?» — проходящий Филатов: «Кому ты говоришь, он этого никогда не поймет». А говорил я про то, что Любимов месяц ждал, пока они извинятся или найдут возможность объясниться каким-то образом... Неужели действительно им хочется отцеубийцами быть?!

В кабинете Любимова перед спектаклем, войдя туда с Н. Высоцким, я застал А. Минкина. «Не надо скандала, ради Бога, театр полон журналистов!»

Накануне я видел Губенко во сне. Что-то он мне недоброе говорил про меня на Алтае, будучи уже без чинов, а я ему в ответ: «А-а... так вот ты как раскрылся, не смог удержать... Ах ты, ...твою мать!» — с чем и проснулся.

А перед этим мне снился сон, что все то замечательное, про что мне говорил Дьяченко Боря о Павле I, было во сне... Очнулся в ужасе, почти в слезах от жалости... Нет, это Боря говорил мне наяву, по телефону, и, более того, это мной как-то записано... И улыбнулся я счастью своему и успокоился.

Смирнов: «Как они... разбавили тобой начальство».

Губенко вчера заявил, что он придет играть, а Любимов обещал выставить людей, которые его не пустят в театр. Итак, мы на грани гражданской потасовки. Интересно, чем кончится... Нет, вроде бы мой портрет еще не изрезан, не испохаблен, на нем еще не написано «Иуда» или «Брут».

1 апреля 1992 г. Среда, мой день

И все-таки разговор, объяснение с Любимовым у Губенко и Филатова состоялось. И это хорошо. Николай благодарил меня и за вчерашнее. Я так понимаю, что ему рассказали про наше заседание перед спектаклем, где я настоял решительно, что зритель в театре, сейчас он будет в зале, а потому сегодня надо играть, мужской разговор отложить с Губенко на после спектакля и подготовиться ко второму. Так оно и было.

Разговор был относительно спокойный. Хотя Феликс начал буравить о политических взглядах Николая, о письме 50-ти, чуть

было не вывел Кольку из себя. Самым мужественным оказался Антипов: «Мы не про то договаривались». Шеф вообще хитро начал — извинился перед Филатовым за фразу о его картине. Тот и не помнил ничего. В свою очередь, Ленька отвешивал реверансы в сторону шефа. Ясно было дитю, что шеф раскалывает альянс, и он добился от Леньки слова, что при всех обстоятельствах он второго будет играть. Ленька плакал и сморкался в кашне — всех жалко...

Шеф спросил про кого-то: «Тебе жалко, Леня?» — «Всех жалко, Юрий Петрович!» — И заплакал. И все-таки ни о чем не договорились. «Я прошу вас, Николай Николаевич, второго в театр не приходить. А с нового сезона, если вы захотите, мы можем вернуться к этому вопросу». — «Нет, Юрий Петрович, я второго буду играть». — «Нет, вы играть второго не будете». Четыре раза возвращался уже одетый Николай в кабинет. Мне сказал, что подождет меня. Ждал он меня в кафе с коньяком, рассказал про свои действия и состояние семьи во время путча: как он ожидал пули в лоб или в затылок, как он писал Лукьянову об отставке. Все это связывал и со своим нынешним решением: второго быть. Леня пил коньяк, он заявил Любимову, что должен подать заявление — товарищ Губенко, ближе никого нет, а меня называл отцом своего сына. Это название криминального фильма «Отец моего сына». Ничего себе. Но я молчал, и терпел, и наблюдал. Николая мучит вопрос о приватизации Любимовым новой коробки театра. «Я что, на старости лет у Пети милостыню пойду просить?! Он выкинет всю труппу на улицу. Ты будешь иметь 2-3%, а 51% акций будет у Любимова, а потом у Пети». А я думаю: «А почему Ю. П. не заслужил этого?! И он что — увезет коробку с землею в Иерусалим?.. И почему я не могу иметь 2-3%, это и Сереже, и Денису хорошо». Ленька похвалялся, что он хоть сегодня может купить дом в Англии: «Я состоятельный человек». Петров под театр взял 180 000 спонсорских и отправил на них Ульянову и Щеблыкина в Америку. Адвокатесса из нашего дома говорит, что это уголовное дело... печать театра... подписи Давыдова, местком и т. д. Что-то немыслимое.

2 апреля 1992 г. Четверг
День смеха миновал. И слава Богу.

4 апреля 1992 г. Суббота

Болит спина. Неужели это лимонная водка сломала меня?! После кошмарного дня второго апреля, когда милиция во главе с Глаголиным не пускала Губенко в театр, и я с расстройства свистанул водки бутылку дома под язык и капусту квашеную, а

вчера портвейну...

14 апреля 1992 г. Вторник

Здравствуй, друг мой, мой собеседник... Да, это точно, дневник мой — это мой собеседник. Ни с кем я так не откровенен и ни с кем я так не лукавлю, как с моим собеседником.

И вот что скажу: завтра казнь моя, и я к ней не готов... Душа моя пуста и тело развратно, хотя идет Великий пост... и я буду наказан. Чтение романа Мережковского не приносит мне того заряда, который я ожидал получить, однако зависит и от состояния души моей... Я не смог закопать роман. И тут черт оказался сильнее меня, и сдохну я без покаяния. «Нельзя в одной руке удержать сисю и писю».

Нет ничего страшнее ложного о себе представления — о своем темпераменте, о своей внешности, о своем богатстве души или избранности своей.

Неелова — мастерица великая. Но меня раздражала манерностью, и осадок неприятный, неживой какой-то, правда, что холодно-змеиный. Так — стоп! Не суди да не будешь судим.

15 апреля 1992 г. Среда, мой день

Тоню вспоминаю я. Мою бедную сестру. Как много она дала мне в дорогу мою. «Или ты будешь великим пьяницей, или великим артистом». Сегодня я должен подтвердить, кем я стал. А поскольку я трезвый вот уж пять дней, нельзя меня пьяницей великим назвать, а вот артистом... Ковер покажет. Нет, Господи! Нет гордыни во мне, и смирение порой настоящее. Пошли мне просто игру, хорошую игру... и партнеров моих не забудь. Вчера Людмила Алексеевна Чурсина:

— Я в какой-то момент вздрогнула и подумала: «А ведь он может сыграть Арбенина!»

Нет, Арбениным я не рожден... А еще я думаю про мою бедную, бедную жену. И эта моя боль, и эта моя родимая-хорошая-плохая часто помогала мне своим далеким взглядом, взглядом насквозь человека — вот уж у кого скорбный, долгий взгляд... Господи! Побереги ее, сегодня снова начинает она серию мучительных исследований внутренностей своих. На столе ее карты, затертые до неузнаваемости персонажей. Каждый день по часу почти проводит она за пасьянсом, кофе и сигаретой. День без этого не начинает она... и не дай Бог ей мешать... Почему слезы у меня на глазах?! Почему?!

16 апреля 1992 г. Четверг. Утро

Вчерашнюю премьеру я выиграл, и выиграл, как мне кажется,

с большим запасом, перевесом.

Зельдин, пришедший в гримерную, очень тронул. Тихо, задушевно, спокойно: «Молодец, молодец. Другой театр, большая площадка… Герой… после Борисова… Героический акт во всех смыслах».

18 апреля 1992 г. Четверг

Вчера я практически первый раз приступил к репетиции «Подростка», Версилова. Это вторая роль в цепи «Павел I» — Версилов — «Доктор Живаго». Я эту цепь начал в феврале 1992-го года, а в мае 1993-го мы должны «Живаго» уже играть, как сказал вчера шеф. Он хочет оставить за главного в свое отсутствие меня и Антипова. «День ты посидишь в театре, день — Феликс. Он человек серьезный».

19 апреля 1992 г. Вербное воскресенье

На встрече рассказывал, с каким нетерпением и тревогой каждый раз я готовлюсь к среде. Я царствую по средам. По средам я вхожу на престол и царствую почти до четверга. «Фиалки по средам». Я по средам — император Павел I.

21 апреля 1992 г. Вторник

Год назад у меня сперли автомобиль.

> «Быстрый Исток,
> главе администрации района
> Тищенко В. К.
>
> Срочно сообщите количество, название, размеры колоколов будущего храма или одного главного колокола.
>
> *С уважением В. Золотухин».*

Срок исполнения месяц-полтора, номер заказа 142.

10 мая 1992 г. Воскресенье — отдай Богу

Всей семьей мы были на новой земле. Семья в восторге. А я искал тракториста — приготовить мне эту землю для посадки картошки и пр. Завтра поеду в 7.00 к ним на базу.

14 мая 1992 г. Четверг. Самолет

Сегодня в семь утра умер Олег Анисимов. Этим известием встретил меня Рудольф. Цирроз печени… запой жуткий… горлом кровь. Двое суток в больнице, и человек-оркестр ушел от нас в

мир теней. Дорогой мой Олег! Я тебя ужасно любил, я лью слезы... что я могу еще?

15 мая 1992 г. Пятница. Архангельск

Записать. Родилась идея: предложить администрации Быстрого Истока выкупить родительский дом под кафе «У Золотухина». На паритетных началах могут выступить братья Золотухины. Написал письмо Тищенко, отправлю из Москвы.

29 мая 1992 г. Пятница, г. Белокуриха

Романов Петр Васильевич (закрытый Красноярск): «Я занимался всю жизнь тем, что производил технику, чтобы убивать людей. Средства доставки».

«Страшный человек», — такой я сделал вывод.

30 мая 1992 г. Суббота

Еще он вспоминал, как приезжал к ним Жириновский: более 10 000 народу, он сам не смог быть на встрече, но есть полная видеокассета — женщины целовали ему руки. «Женщины целовали ему руки!» — несколько раз он восторженно повторил эту фразу. Это что? Да, он экстремист, но он очень популярен, женщины целовали ему руки. Мне виделся Адольф.

1 июня 1992 г. Понедельник. «Ту-154»

Я лечу домой. Грандиозный праздник вчера прошел в Быстром Истоке. Как в лучшие 50-е годы. Перед народом вышли мы с о. Евгением.

Он молод и косноязычен... перед такой толпой говорит, очевидно, впервые. Волновался. Я же говорил о смутном времени... о том, что нас может спасти. Вера, культура, доброта и терпение... На сцену поднялся я с коробкой для будущих пожертвований и набрал в результате 11 600 рублей. Батюшка принародно благодарил меня как инициатора строительства храма. Несколько раз он это слово произнес, а народу — тьма. Бийский район Сростки... Женщины, помнящие Шукшина, покупали «Земляков» и брали автографы. Вот и Сростки с Быстрым поздоровались. Тищенко покаялся: пока не будет заложен фундамент, в отпуск не пойдет.

4 июня 1992 г. Четверг. Утро

Вознесение Христово.

Необходимо взяться за Версилова и к концу июня прогнать 1-й акт с выученным текстом. Нельзя подводить Костю.

7 июня 1992 г. Воскресенье — отдай Богу
К кому пойти за деньгами для храма?

13 июня 1992 г. Суббота

Любимов... А где он сейчас? Должно быть, в Израиле. Осенью будет в Хельсинки ставить «Грозу». Почему он нам не говорит об этом? Боится сглазить контракт? Он не из этаких. Опять барон ему делает оформление или Боровский на этот раз?! Встречался ли Ю. П. со Шнитке и как получить от Альфреда хотя бы несколько музыкальных номеров «Живаго»? Публике в газете объявлено, что Золотухин — д-р Живаго. С чего начинать? С вокальных занятий или с того, что выучить текст Версилова, дочитать «Подростка» и начать Пастернака? В этом проблема. И как попасть в Вену?

17 июня 1992 г. Среда, мой день и мое число
Снились Любимов, Губенко, Дупак, но это днем накануне.

1 июля 1992 г. Среда, мой день
День нашего крещения.

Опять возник вопрос о дележе театра, и в 12 сегодня худсовет.

2 июля 1992 г. Четверг. Ночь

Этот день, очевидно, войдет в историю Театра на Таганке. Мне кажется, оппозиция вместе с ее прокурорским заключением потерпела сокрушительное публичное поражение. После моего короткого выступления сугубо по предмету повестки вылез Ленька, перед тем называвший меня в беседе со Светланой Владимировной (старушка из репрессированных) респектабельным собеседником. Он вылез на трибуну президиума Моссовета опровергать или ставить под сомнение мою реплику-замечание, что всякое разделение театра есть гибель театра. А почему-де гибель? А почему-де не дать или не попробовать? Респектабельные артисты добились... Вспомнил Любимова, запутался в своей позиции. А на вопрос, кто сделал подлог в уставе, указал на нашу группу, чем вызвал гром смеха с нашей стороны. Смутился, сбился, вконец запутался и мрачный вернулся в зал и очутился рядом со мной, по левую руку, а по правую сидел Б. Глаголин, который вдруг наклонился через меня и с невероятными искренностью, болью и удивлением сказал Филатову: «Какое же ты ничтожество, какой же ты негодяй и мерзавец мелкий!» И вдруг произошло чудо: Филатов ничего не смог ответить. Он жалко лепетал. «А что, я не могу иметь своего

мнения?..» Борис ему вторично врезал. Такого уничтоженного, раздавленного Филатова я видел первый раз, был поражен, и до меня дошло: он сам понимает, что Борис прав, что он опять вляпался в какую-то пакость. А я только успокаивал Бориса: «Ладно, брось, Борис, не обращай внимания...»

3 июля 1992 г. Пятница, очень рано

Не сомкнул я ночью глаз. И вот что хотелось бы мне сказать с трибуны вчерашнего президиума:

— Уважаемое собрание! Давайте поговорим, как в детском саду, просто... Театр на Таганке вместе с другими 93 театрами регистрирует свой устав. И все хорошо, нормально, успели в срок. Но некоторая группа лиц выкрадывает из устава Театра на Таганке несколько листов текста и подменяет их своими листиками со своими текстами. Этот факт становится известным и Театру на Таганке, и учредителю, Управлению культуры. Учредитель требует отдать изъятые незаконным путем листы и вернуть их на место. Лица, проделавшие это, понимая ответственность дальнейшего, краденое не возвращают. Как бы там ни было, учредитель и Театр на Таганке восстанавливают текст оригинала. Тогда лица обивают пороги Моссовета, сигнализируют во все инстанции, вплоть почему-то до прокуратуры. Это ведь, в общем-то, донос на самих себя. А Юрий Петрович Седых-Бондаренко, вместо того чтобы сигнал подать своему тезке в Театр на Таганке, вместе с этими лицами дает сигнал в ту же прокуратуру. И из прокуратуры приходит странный ответ. Вместо того чтобы защитить оригинал, она защищает укравших. Кто вас послал на это неправое дело, молодой человек от прокуратуры? Я имею право так говорить и по возрасту, и по званию — народный артист это все равно что генерал-лейтенант. И вы так бестолково ведете защиту этого неправого дела... Вы за это взыскание получите от пославшего вас. Теперь вопрос к вам, Ю. П. Представьте себе, что из протокола заседания под вашим председательством будут изъяты подлинные стенограммы и вставлены другие. И через некоторое время эта фальшивка всплывает на свет, и вы привлекаетесь к уголовной ответственности. Это приемы давние, они давно отлажены и отработаны. И начинаются путаница и бесконечные ваши хождения по инстанциям. А те, кто это сделал, спокойно вам доказывают, что вы не Седых-Бондаренко, а Бондаренко-Седых. Вы улавливаете аналогии, аллегорию?

4 июля 1992 г. Суббота. Утро у Сережи, за его столом

Окончен сезон, страшный, пустой, очень долгий и грязный.

Наступили тяжелые времена «Таганки» — раскол, грызня.

24 июля 1992 г. Пятница, утро. Алтай

Смутное время. Можно сказать, что России не было. Москва в руках поляков. Новгород присягнул шведскому королевичу. Казань и вятские города провозгласили другого царя, в Пскове явился еще самозванец, повсюду грабеж и безначалие. Все погибало, все рушилось, но Россия не погибла, потому что в ней еще остались русские, которые любят свое отечество.

Какие интересные вещи произошли со мной сегодня! Поворачивая к Лавре левым крылом, у меня в руках заколотило руль и я едва справился с рулевым управлением. Я в ужасе понял: что-то произошло с тягами. Поставив машину, я стал заглядывать под нее, а что я там мог увидеть? Однако решил все-таки пойти с отцом Александром, Денисом и Серегой, будущим дьяконом, в Лавру, к пр. Сергию Радонежскому. Что-то случилось со мной — я стал просить Бога помиловать меня (как же я Сережу повезу, ведь разобьемся мы), я пал на колени перед мощами пр. Сергия, и я целовал пол перед его ракой, я целовал его мощи святые и просил избавить меня от этой напасти, стал припоминать грехи свои...

Распрощавшись с троицей, я направился к дежурным гаишникам. Они сказали, где ближайший автосервис. Я пошел к машине, надеясь на чудо. Стал давать на площади перед Лаврою круги влево-вправо на глазах у изумленных стражей автомобильного порядка, онемевших от моего нахальства. Но и намека на поломку или дефект управления машина не показала. Я поехал. Машина, руль слушались беспрекословно, и я, быть может, впервые реально почувствовал присутствие, вмешательство божественного провидения. Благодарю тебя, Господи! Кланяюсь тебе, целую одежды твои, преподобный мученик Сергий. Господи, прости и сохрани меня! И заплакал я от счастья, что зрю Бога!

Завтра умрет Володя.

Я на старости лет буду читать только свои дневники и тем самым еще раз проживу свою жизнь.

25 июля 1992 г. Суббота, рано

В 4 утра кто-то как толкнул меня, и я проснулся: умер Володя. Я вынул из тряпок его маску, спрятанную от жены, которая в сердцах сказала как-то, что разобьет ее, и на свое место ее положил. Когда развернул, Володя улыбнулся мне. Я вспомнил слова худ. Юры Васильева: «Маска живет, живая...» Надо съездить на кладбище, поклониться.

29 июля 1992 г. Среда, мой день. Белокуриха

Звонил в Москву, в Театр Армии.

Премьера «Маскарада» прошла плохо. После первого акта ушли ползала. Никакой в жизни радости.

9 августа 1992 г. Воскресенье

Бросить жену — немыслимая была бы глупость.

«Такой вот я человек: одной рукой отдаю Богу — другою лихорадочно ищу, где бы урвать, чтоб для себя оставить. Случается, что иной совершает десять добрых дел и имеет один злой навык, но и это одно, происходящее от злого навыка, превозмогает десять добрых дел. Если орел весь будет вне сети, но запутается в ней одним когтем, то через эту малость низлагается вся сила его, ибо не в сети ли он уже, хотя и весь находится вне ее, когда удерживается в ней одним когтем? Не может ли ловец схватить его, лишь только захочет. Так и душа — если хотя одну только страсть обратит себе в навык, то враг, когда ни вздумает, низлагает ее, ибо она находится в его руках по причине той страсти. Почему-то и говорю вам всегда: не допускайте, чтобы какая-либо страсть обратилась вам в навык, но подвизайтесь и молитесь Богу день и ночь, чтобы не впасть в искушение». Авва Дорофей.

Ну, бли-и-ин! Точно про меня. А зачем мне эта бытовка на шести хозблоках. А вот так: поругался с женой и уехал в бытовку. Почему-то вспомнил рассказ Райхельгауза, как на даче своей, на кровати-сетке на четырех кирпичах, замерзал, умирал великий русский писатель Юрий Казаков.

Снится просто хлеб — радость и утешение, а если хлеб белый — это добро и честь. Так вот, скандальным днем мне снился наш театр, но уже расколотый, на гастролях за границей, и Николай Губенко угощал меня, купил мне длинный французский батон, разрезанный вдоль пополам и густо намазанный маслом. Я шел в гостиницу, ел хрустящий батон, потом остановился, чтоб в номере доесть его с бульонным кубиком. Мне снился белый хлеб, но где же добро и честь? Впрочем, нет чести пророку в своем отечестве.

10 августа 1992 г. Понедельник

Это, конечно, замечательная, настоящая книга и полезнодушевное чтение — православный календарь. Просто, мудро и вечно прекрасно. Зачем я пишу свои дневники, сам с собою говорю, убеждаю себя, какой я хороший, значительный, глубокий человек, сам над собою плачу, сам над собою смеюсь. Одиночество — это так сладко, так хорошо.

«Несравненная!» Странный уговор, странный разговор — спонсор хочет посмотреть. И что? Утверждать будут по фотографии, что ли? Но мне уже хочется. Я прошелся Николсоном в новых пиджаке и рубашке по коридорам «Мосфильма». Показывая Сереже свой новый наряд, я сказал:

— Подумаешь, Николсон! Он пусть Павла I попробует сыграть.

Подмигнув сыну, я вышел вон. Напялил темные очки и снова отворил дверь.

— Ну, вообще... Пап, мне очень нравится...

— Вам идет этот пиджак, — сказала костюмерша.

А со стены на меня смотрел Николсон. Это что? Знак судьбы?

Но по фотографиям мне понравился Конкин. Да он вообще подходит. И по сути, и по возрасту, и по осанке белый офицер. А из меня, сегодняшнего, трудно сделать что-нибудь в этом роде путного. Но я так горячо убеждал их взять Конкина — от добра добра не ищут! — что, если они его возьмут, будет уже обидно.

15 августа 1992 г. Суббота

Тот, кто берется за дело Божье без искры Божией, обманывает самого себя и других.

Быть может, нет во мне искры Божьей. Оттого так трудно идет дело с храмом. Нет-нет — мысли смущающие гони!

4 сентября 1992 г. Пятница

Господи! Благодарю тебя, Господи! Ты услышал молитвы мои и послал мне спонсора. Я зарыдал к утру, и подушка мокрой стала. И по номеру ходил я, плача и не веря счастью моему.

Какой оказался день вчера наиважнейший. Запомним это число — 3 сентября. Обещают, что к зиме будет ноль, т. е. фундамент. А стоит он по их подсчетам 4,5 миллиона рублей. Все дают — и технику, и рабочих. Приехали начальники на двух «Волгах». Вербицкий Ан. Иванович: «Ну, вот, Валерий Сергеевич, привез... проси». Я пал на колени — и лбом в ботинки. Начальник вздрогнул, ошалел — Золотухин на коленях! Отец Евгений закатил обед — стол, что «Славянский базар» времен Шаляпина! Стерлядь под желе-суфле. Я ее 100 лет не видел, а тут ел! Три вторых пельменями венчались! Грибы всякие... Торты своедельские, медовуха сногсшибательная. Королевский салат! И пр. и пр. и пр. Говорили тосты за меня, и я не краснел.

Проезжая Смоленское, завернули к строящейся церкви. Деревянная, из брусов, легкая, и заболело от зависти сердце.

Уже купола вывели и кресты поставили. Есть еще мастера на Руси — рубят церкви. А потом подумал: торопятся смоляне. Не

ровен час, не дай Господи, подожжет какой-нибудь коммунист, партократ. Ведь сказал сегодня ветеран с планками, разобравшись в афише: «А... это Ельцину!» — И прочь от стола.

11 сентября 1992 г.

Что делать с Америкой? Возникает она с 10 октября сроком на 25 дней. Преступление терять ее. Неизвестно ведь, что будет с рублем дальше.

16 сентября 1992 г. Среда, мой день

Я предложил и уже объявил семье, что пить я не буду до 17 мая 1993 г. День — премьера в Вене «Доктора Живаго». За это время я бы сыграл Версилова, съездил бы в Америку, сделал бы вчерне роль Живаго, потом — Япония и премьера в Вене. Не говоря о том, что я бы написал «21-й км», над которым вчера была произведена эксгумация — выкопаны трупы и оживлены. Год назад я закопал под деревом ее и свою фотографии — похоронил роман.

Пишем письма в инстанции против раздела театра, репетируем «Подростка».

17 сентября 1992 г. Четверг

Страшная роль — Версилов! Во что я впутываюсь? В серьезное дело. Господи! Научи разумному действию. Отказаться уже нельзя — я дал мастеру слово, что буду готов, технически хотя бы. Надо взяться, надо не терять времени, хотя бы текст выучить и мизансцены. А там, как в старом театре, под суфлера и как накатит. Теперь — спать.

Я хочу себя испытать. Я хочу поунижаться — сяду у машины и поставлю стул. На него положу журналы и буду кричать: «Покупайте специальный выпуск „Литературного обозрения“! Только у Золотухина!»

Нет! Пока нет, думаю я. Я не смог переступить стыд и страх. Табуретку я вытащил, поставил у довольно оживленной прохожей части. Положил на нее штук 10 журналов, срывающимся, стыдливым голосом выкрикнул:

— Покупайте у Золотухина!

Кажется, я в этот момент зажмурил глаза. Никто не обратил на мой писк внимания. Кое-какие недоуменные взгляды я уловил. Люди проходили понуренные, с тупыми выражениями лиц... Мне стало стыдно предлагать за 100 рублей эротику с утра моему голодному народу. Я подхватил табуретку, под мышку журналы — и убежал. Я не смог поступать как сын моего героя, подросток Аркадий. И обидно, что стало стыдно и я не смог переступить и

победить себя. Но первый шаг или полшага, во всяком случае, я все-таки сделал. Так что я надеюсь эксперимент продолжить, но надо кого-то все-таки взять для поддержания штанов.

Тамара Мих.: «Вечером видела я Ф. У него что, какой-нибудь юбилей? Ш. такая некрасивая, лицо такое простое... Она что, не может сделать подтяжки? Он такой неухоженный... Он опускается с ней. Какова жена — таков и муж. Я это очень хорошо вижу. Ему надо быть таким холеным».

Я пытался возразить: дескать, когда надо, он бывает холеным. «Нет-нет, она не следит за ним...» А я с ужасом думаю о себе, гляжу на себя ее глазами. Что же она обо мне-то в таком случае думает, мисс Круиз?.. (Была она в круизе по Средиземному морю и стала победителем конкурса мисс Круиз.)

Она предала свою красоту. Во что она превратилась, чем она занимается? Играем «Преступление» — она ходит, как Ниловна по фабрике, и всех агитирует: голосуйте за раскол театра. Часто разговор в разных местах и с разными людьми заходит о Шацкой.

А вот что говорила Маша Полицеймако, которая (и первым это заметил шеф) замечательно похорошела:

— Я должна тебе 50 рублей, ты знаешь об этом. Я помню. Я все помню, у меня память знаешь какая! 20 лет назад ты размашисто дал мне 50 рублей и сказал: «На, Маша, и никогда не возвращай!» А у меня тогда такое было положение... И вдруг 50 рублей, целое состояние! Я теперь могу тебе отдать. Хочешь, я отдам тебе 100 руб. А еще помню, ты мне купил портрет за 25 рублей, он висит у меня над кроватью. Отдать?

— Нет, зачем же ты столько лет молчала, ты вернула мне к себе уважение некоторое. Как говорит Версилов: «Мы все еще были тогда молоды и поступали иногда хорошо».

25 сентября 1992 г. Пятница

Езжу на Десну, договариваюсь о домике с оградой. Хочется затеять капитальное строительство, а не сарай для лопат. Но денег нет, а жить в кредит — это такой хомут опять на себя надевать!..

28 сентября 1992 г. Понедельник

Вчера целый день были с Луневой <Лунева Татьяна — друг дома.> на Десне. Господь послал мне чудесный день — я работал на земле, копал, рыхлил, сажал. Мы посадили 10 кустов черной смородины. Думал, сегодня не встану, так намахался ломом. Ан нет — как с гуся вода.

11 октября 1992 г. Воскресенье, г-ца «Волгоград»

В Москве Любимову министр культуры вручил значок «Народный артист России» — указ Ельцина. «К сожалению, благодаря поведению некоторых моих учеников я не мог встретить свое 75-летие в своем доме. Я не мог прийти в свой дом. Я изгнан из своего дома...» Выглядел он ужасно. Грустный, опущенный, удрученный. Я представляю, как возмутятся этаким поворотом Любимова Губенко-Филатов и др. Я понимаю, что он может так чувствовать себя — ему противно входить в дом, где его так оскорбили, где его не чтут, не уважают поголовно и открыто и нагло ведут войну на выживание из собственного театра. Ответ у них простой и ясный — его нет в России, он руководит по телефону, театр сдан в аренду, продан.

19 октября 1992 г. Понедельник

Я провел Пушкинский день в выяснениях во мне лермонтовской крови. Скажем, артист Валерий Золотухин — двойник Лермонтова. Сибиряк из крестьянской семьи. Но откуда его предки приехали в Сибирь? Ведь та заселялась в основном после 1861 г.

Если отбросить ханжество, то потомки внебрачного сына (или дочери) Лермонтова имеют такое же право гордиться славой своего предка, как это делают официальные потомки других великих русских писателей.

20 октября 1992 г. Вторник.

Гипотетический потомок Лермонтова. Я перепишу «Дребезги» под этим углом. Я переделаю свою биографию.

21 октября 1992 г. Среда, мой день

День Павла I. Соперничество и зависть, вот что ясно отражается в тексте письма Л. Ф. Если бы я внезапно исчез с лица земли, испарился или был взят в космос инопланетянами, Ф. был бы рад, и для него это было бы лучшим исходом в его срамном положении. А еще, мне кажется, он мне мстит за Ш., что я ему подсунул этакое и жизнь ему собачью устроил. Это ведь неспроста в каждом интервью — «моя жена», «мой сын». Сын уже взрослый, живет с бабушкой. Как они покупали у меня сына! «Давай, дескать, дай согласие! Леня усыновит его, даст ему свою фамилию. Ты будешь избавлен от алиментов». Хуюшки Вам, Дунюшки.

Шнитке вошел сгорбленный, поддерживаемый под руки, волоча правую ногу. «Я хотел послушать, кого не запомнил, не вспомнил...» В конце всех поблагодарил и сказал, что будет много думать об этом. Господи, продли дни его в здравии на этой

грешной земле!

Ф. зажался, как говорит Иван, в сцене «у вас, барон, есть дети?». Наступил мне на реплику, переврал текст. «У тебя была возможность поиграть с ним, но ты упустил». Нет, я думал и хотел... а потом решил: не надо, пусть, зачем на сцену вытаскивать наши подтексты, так близко лежащие... Вполне с меня достаточно, что он засуетился. «А ты, мне показалось, весьма правдиво ему влепил: „Барон, вы лжете!“ Нет, почему же показалось? Правильно. „Вы лжец!“ Зачем я это все пишу?! Пора бы бросить эту тему. И слава Богу, что я не вывесил ему ответ. Но он готов, и с меня довольно сего сознанья.

Если Лермонтов родился в 1814 г., а погиб в 1841 г., то Валерий, родившись в 1941 г., должен умереть в 2014 году в возрасте 73 лет.

«А историю царевича Алексея я вам, сударь, все-таки пришлю». Это я к тому, что Денису я пошлю и письмо Филатова, и версию про родню с Лермонтовым. А Лермонтов родственник Байрону, так что родня у меня хорошая может обнаружиться.

Золотухины — я ведь ничего не знаю о них! Вот порода, самая что ни на есть скрытная. Двоюродные братья молчат, Иван молчит. Помнит ли он, видел ли он бабку Елену Александровну. Что он слышал? Кое-что ведь может и Катя знать?! А вдруг мы найдем лермонтовские корни! Сохранились ли какие воспоминания о деде Илларионе у антоньевской братии? У Новичихиных надо поспрошать. Изысканием Илларионового корня надо заняться, пока живы те, кто мог бы что-то помнить.

25 октября 1992 г. Воскресенье

Меня больше тянет к чтению вокруг романа, чем собственно к самому роману. А роман надобно изучить досконально, так же как стихи Бориса Леонидовича. Это будут мои университеты к 52-му году моей жизни. Кстати, сегодня в Театре эстрады собираются поэты, кто поет под гитару.

Как-то попал я недавно на Л. Долину и получил удовольствие, опыт. Поразился обилием публики, сравнительным обилием, атмосферой — каминной, осенней, покойной, лирической, теплой. Долина подарила мне книжку. Этот вечер я отметил, как работу над Пастернаком, в копилку образа. Будто бы Ивинская вчера была показана по ТВ. Если так, ее надо найти и взять у нее автограф.

27 октября 1992 г. Вторник. Театр

Я не понимаю Глаголина. В такие напряженные, ответственные дни театра он к вечеру напивается и, естественно,

ни хрена не соображает, уходит. Почему так поздно написано обращение совета трудового коллектива и худсовета с просьбой перенести собрание до приезда Любимова? К тому же оно сразу было сорвано Комаровской со словами: «Почему Ю. П. нас так боится, прямо в штаны наложил?» Их объявления все преспокойненько висят — мы благородные, а наши они тут же срывают. Гнусь филатовская висела почти месяц.

Вчера Колька, выходя из дверей театра после читки:

— Как жизнь, Валерий?

— Хреново, Коля.

— Что так? Почему не пришел на читку?

— Не был приглашен.

— Все желающие были приглашены.

Следом шел Филатов, сгорбившись, не поднимая головы. Вывешено обращение к Ельцину Калягина, Хазанова, Соловьева, Лазарева, Невинного. Смысл — поддержать идею разделения театра. Мы опять опоздали. Любимов просил такое письмо организовать в его защиту. Они идут с опережением. У нас нет Габец или Крымовой. Любимова по-человечески становится жаль, он один. Глаголин — дурак, не предпринимает никаких практических шагов, все советуется. И вот сегодня они могут этим собранием сильно нагадить. Поздно составляется список членов профсоюза. Поздно обзваниваются люди, да и этого Шкатова делать не хочет.

Звонил Распутин. Раньше он никогда не звонил и телефона не оставлял. Хвалиться нечем, а жаловаться не хочу — сегодня я дозвонился ему:

— В. Г., я рад безумно вас слышать!

— Я тоже. Я получил твое письмо, у меня есть по этому поводу предложение, но для этого надо встретиться.

Назначили созвониться рано в четверг. Будет он здесь весь месяц (какой?).

28 октября 1992 г. Среда, день Павла I

Предполагаемый конец света откладывается, хотя, быть может, для нас он давно наступил, да только мы того не замечаем. Открыл я дневник с мыслью о курносых. Оказывается, Живаго был курносый, а я сегодня Павла I изображаю, тоже курносого. Если я вычитаю в описании внешности Версилова, что и он был несколько курнос, это дает мне право для интересной версии.

Мне бы надо писать о собрании вчерашнем в театре, о разговоре Бориса с Любимовым, но так не хочется.

30 октября 1992 г. Пятница

Вчера был у Распутина в совминовских хоромах. Долго он меня в них не запускал. Разговор натянутый. Пришел Крупин.

При встрече мы расцеловались и простились хорошо.

Всю ночь не спал: объявление, продолжение собрания, итоги референдума о разделении театра. И крысы, охраняющие, сидящие вокруг судьбоносного ящика голосования. Почему-то меня взбеленил этот референдум. Тоска.

31 октября 1992 г. Суббота, родительская

Интервью идеолога Филатова, в которых он дает оценку нынешнему художественному коэффициенту нынешнего Любимова. «Не узнаю, не тот, не тот». Господи!

Звонил Денис. У него состоялся разговор с Филатовым. Но, насколько я понял, Ленька не дал ему говорить: «Не надо, я раскаялся, когда полетел в Израиль, но дело сделано». Они быстро смяли разговор, не начав, не объяснившись. Вторая тема Денискиного звонка более серьезная. Он собирается рукополагаться. О. Александр подыскивает ему будущую матушку, девчонку из священнической семьи. «Говорят, браки, которые устраиваются через третьих лиц, бывают иногда очень даже счастливые», — сообщает мне Денис, готовящийся в дьяконы. Ну что ж, так тому и быть — мое родительское благословение он получил. Господи, наставь его на путь истинный! Первоочередное — укротить его непомерную гордыню и готовность ежемгновенную учительствовать, а не учиться. Обет молчания, молчания и еще раз молчания нужно Денису дать.

4 ноября 1992 г. Среда. День Павла I.

Отпечатал я письмо ответное Филатову, но что-то теснит, томит, жжет (быть может, фраза про лживый язык), и не хочется ему отправлять — у него появится шанс на меня обижаться и гневаться, искать ответы на мои уколы, а жить в неведении куда хуже. Пусть томится. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Так вот пусть пока будет ужас без конца.

Перевел я все деньги с книжки на храм — за распутинские доллары.

А вчера свалилась Козьмина Софья и подарила 70 000 р. на храм. Вчера у меня появились еще один крестник — Андрей Спирин и еще одна кума — Катя Медведева.

Ох, тоска, тоска. Вот Софью Бог послал. Выручила она меня крепко с рублями. Надо бы ее как-то умаслить, отблагодарить — ездит на машине персональной, рядом охранники-коблы. Сонька Золотая Ручка.

9 ноября 1992 г. Понедельник

Рога мне подрисовали в театре, испохабили портрет на афише презентации, на листовке «Артист собирает средства на храм» замазано жирно слово «артист», и это, как говорит Татьяна, второй раз. А мне казалось, меня все любят и нет врагов у меня.

13 ноября 1992 г. Пятница. «Ил-86»

Завещание. В письме Денису я написал, что участок на Десне будет в случае моей гибели принадлежать ему.

На той квартире был сильный скандал. Катя, прочитав мой ответ Филатову, пересказала Шацкой, а та — Денису:

— Леня для тебя все, а ты...

Сильные проклятия в мой адрес. Это плохо само по себе.

На второй участок завезли блоки. В субботу, как обещал Сережа, их расставят под будущий хозблок.

Аэропорт Шеннон. Страна Ирландия. Заказал баранину на горячее. Калягин читает черный пакет. Спрашивает, в какой стадии находится дело. В аэропорту встретил украинских журналистов, они летят на фирму «Боинг». Ларисе подарил значок — украинский флаг. Я первый артист на Таганке, который признал самостийность Украины. «Вы творите историю ежечасно». Это надо же придумать, чтоб в кармане возить флаг Украины и вручить его киевлянке в Шенноне. Она не знала, что в моем кармане остался еще один значок — израильский флаг.

Летим над Атлантикой. Я обожрался. Говорят, в Америке очень много едят. Как избежать этого? Голодать — и все. И заниматься «Живаго». Я не оставил никакого письма Любимову, это нехорошо.

Меня часто посещает наваждение, ясная картина: сидящая на полу, полулежащая, не могущая дойти до кровати сестра моя, несчастная Тоня. Как она не хотела, чтобы ее кто-нибудь видел в таком состоянии, и доверялась она только матери. Я вижу ее глаза, на меня смотрящие, глаза умирающей Богородицы, сестры моей, которая научила меня, как убежать, уйти из дома, как уехать в Москву. Она упирается, нет, она, кажется, лежа, держалась за ножку кухонного стола. Боже, Боже, я за сестру тебя молю!! Потом на Павле I я вспомнил Сашу, отданную в сиротский дом. Людку убили и сожгли. Что будет с Сашей, какие в ней гены, не отразилась ли наследственная беда? Муж Саши повесился, удавился!! От Тони не осталось на земле следа. Каждый раз, выходя на сцену в Павле I, я вспоминаю ее слова: «Или ты будешь великим артистом, или великим пьяницей».

14 ноября 1992 г. Суббота. Нью-Йорк. Борт не известного мне самолета компании «Дельта»

Утром мне был устроен коллоквиум по моим «антисемитским» заявлениям, настроениям. «Говорят, вы сказали на похоронах Шукшина или Высоцкого, что его задавили, придавили». «Не пойте частушки — им тут на хрен не нужен русский фольклор, публика в основном еврейская».

Смехов: «Дружил бы я с Золотухиным, если бы он был антисемит? Я мог бы работать, встречаться на улице, но не дружить». Это очень повлияло на здешнюю публику. А так они говорили: «Кого к нам везут? Друга Распутина?»

Читаю в самолете над Америкой, летя в Даллас, в «Новом русском слове»: «Волею Божией 4 ноября в г. Клермонте, штат Нью-Гэмпшир, после продолжительной болезни на 78-м году жизни скончалась актриса Вера Вячеславовна Енютина (Трегубова), о чем извещает семья покойной». Это жена Семена Львовича Трегубова, моего первого педагога по вокалу, от которого ушел я на 5-м курсе. Сначала, кажется, уехал его сын, а потом и родители.

Жутко опухли ноги. Жутко болит справа в груди. Скоро правой рукой я не смогу поднимать тяжести. Мы приземлились в Далласе, гуляли по аэропорту. Это черт знает что — я тупо смотрю на все, меня даже не волнует, что произойдет на концерте, меня сейчас занимает только, доживу ли я до премьеры «Живаго». Жизнь прошла от одной премьеры к другой. Из метро в театр, из театра в метро. Что мне до того, что в Далласе выращивают бычков, лошадей и баранов! Все читают, и их совершенно не колышет, что у меня опухли ноги и саднит горло. Не от пилюли же снотворной, хотя все может быть. Мы жили с Калягиным на Хлобыстова. На Хлобыстова родились наши дети. Ксения старше Дениса на два года. Покойную Татьяну я помню замотанную вокруг попы шерстяным платком. Вскоре она умерла. Саша остался один.

Не помню, работал ли он еще на Таганке? В распределении «Кузькина» он означен Тимошкиным. Потом мы снимались у Швейцера в «Мертвых душах» и «Как живете, караси?». Теперь вот этакая поездка — турне. «Вас ожидает большой успех»! Господи, помоги и сохрани! Все это пройдет, и грудь, и ноги. Два месяца, как я не пью.

Борт самолета из Сан-Франциско!! Слава Богу. Изольда-Лена-Яна-Андрей... Первый концерт — все было шикарно от встречи до заключительных роз. Под фонограмму пел только «Северянина» и «Остапа». Скандировали. Одна записка — про раскол. «Что с

Филатовым? Не инфаркт?» Нет! «Работают ли Хмельницкий, Жукова, Демидова?» Продал 4 книги по 15 д. и 5 кассет — по 7; итого 35. Хорошо! Одну книгу подарил. Благодарю тебя, Господи! Голос звучал, хотя микрофон был отвратительный, но на мое выступление ребята его настроили. Концерт проходил в лютеранской церкви, но не в зале, где служба идет. В зале, где проходят моления, лики православных святых — им подарили, они и повесили. Причем, как я успел заметить, рублевской иконы. С почином, Валерий Сергеевич! Теперь бы воздержаться от обжорки. Калягин вручил 100 долларов — моя цена. Бог им судья.

16 ноября 1992 г. Понедельник

Я не написал о вчерашнем скандале-истерике.

— Не надо со мной так разговаривать! — сказал Глейзер Калягину.

— Как ты со мной разговариваешь! — сказал Калягин Глейзеру.

А все из-за того, что Саша прав. Нам не было приготовлено комнаты, которая потом появилась, открылась. Нам было предложено раздеваться и готовиться за экраном, на сцене. И я как-то это принял как должное — ну, мало ли я переодевался черт знает где, как и в каких условиях, а тут за 100 долларов, Боже!! Сашка визжал страшно. Я ушел. Когда вернулся, он плачет за столом и приговаривает:

— Да что же это такое, я знаю эти еврейские штучки!

Мне жалко, что я не поддержал его как-то, хоть слово бы вякнул в защиту коллеги, но был я занят своим голосом и волновался. Так вот мне было не до еврейского скандала, хотя все это впрямую касалось и меня. Но я себя должен проверить в вопросе с синагогой. Мне нельзя соглашаться выступать там. Меня искушают. Они, конечно, не думают об этом, но дьявол не дремлет. Скандала чинить я не стану, быть может, денег не брать или переслать их в помощь Израилю, эмигрантам из СНГ? Какой-то выход мне Господь подскажет. Они не уважают мою веру, смеются над ней, так вот и должны проявиться здесь мои религиозная позиция, стойкость и существо. «Посеешь поступок...» — вот о чем надо помнить. То, что я выступаю в синагоге (деньги не пахнут), станет известно всему православному миру, и меня проклянут мои братья во Христе. Но как сделать, чтобы не срывать выступление моим коллегам и не лишать их заработка, если они других убеждений? Надо поговорить с ними и уговорить вместе всем не делать этого.

Таня Корунова, царство ей небесное. Когда увидел дочь Саши

Калягина, Ксению, я обомлел — вылитая мать. Я видел Ксению трехлетней девочкой. Теперь это американизированная, умная женщина. Господи! Но почему-то, или кажется мне, на лице печать страдания, отметка трагедии, затаенная печаль, одиночество. Или я фантазирую?

А синагоги, мне кажется, не избежать. И компромисс будет, наверное, в том, что эти 200 долларов надо перевести на храм в Быстром Истоке. А что делать?! Устраивать шумиху?

Распутин В. Г. — враг № 1 еврейского народа здесь.

— Правда, что ты был парторгом «Таганки»?

— Если я не был никогда в партии, как я мог быть парторгом?

— Ну так скажи об этом перед началом.

— Да ты с ума сошел!! Объяснять каждому... а завтра скажут, что я мальчика еврейского мучил.

Господи! Спаси и помилуй нас, грешных. Благотворительность истинная анонимна. Да, так-то оно так..

Пятнадцать тысяч русских в Бостоне — сто с небольшим пришли на Смехова.

17 ноября 1992 г. Вторник. Даллас

Ходили по Далласу. Место гибели Кеннеди. Мне кажется, я знаю это место наизусть по многочисленным чертежам и картинкам его последнего маршрута. Я вспоминаю «Голос Америки» на Пальчиковом переулке из старого приемника, хриплый, взволнованный, прерывистый... Жизнь моя с Нинкой только начиналась... и так глупо заканчивается грязным скандалом с ее нынешним мужем.

Идет третий концерт. Я снова в первом отделении и недоволен, куражу не было. А синагога — это что же такое? Это какой-то культурный центр. Это актовый зал. Нормальный концертный зал, радиофицированный, а то, что собственно синагога, — отдельно, и я там не был. Так что мои мучения относительно и процентно верны. Книги не идут, как позавчера, и кассеты тоже идут плохо. Если будет так, буду стоять за прилавком сам. Книги-то уйдут, а кассеты назад не повезу.

18 ноября 1992 г. Среда, мой день

Народу вчера, в общем, было мало, мы сидим на хвосте у Кобзона, который собирает пенки.

Розенбаум пел в синагоге, в камилавке. Вспотел, снял камилавку и стал вытирать ею потную шею свою и морду. В антракте послали гонца за водкой — пока не выпил, второе отделение не начал. В другой синагоге опоздал на полчаса, народ

разошелся, остались 5 старух. «Вы будете петь?» — «Да, я буду петь». Он пел, и администратору пришлось заплатить всю аренду, 350 долларов.

Мне Элла нравится своей открытостью и деловитым умом. Но обуза мы ей, конечно, страшная. Возмущалась она и Евтушенко: «Я, я, я... самый гениальный поэт, самый гениальный режиссер, самый сильный мужчина!» Хвастался молодой женой и маленьким сыном. Эка невидаль — молодая жена знаменитого человека, любая девка выскочит. Люди работают, мы их вгоняем в копеечку. Но мы даем им интеллектуальную пищу и пищу для разговоров. К примеру, Золотухин оправдывался, что он не был парторгом, что не состоит в «Памяти» и не отчисляет им деньги. Но они все равно не верят: «А то бы он поехал!..»

А дальше что? А дальше — тишина. Дети за два-три года забывают русский язык и не хотят разговаривать на нем, потому что кругом все американское и будет такое же в будущем, и всегда. Зачем им воспоминание о русском, о России? Да они и не помнят, и гонят его!

И что я хочу от них?! Они становятся другим народом, они, если хотят тут жить и размножаться, должны наполнять себя другой культурой, другими знаниями, они должны усвоить другую историю, другую родословную. Израильтяне, мне кажется, гораздо будут ближе к России. А здесь нет. Поэтому (отчасти поэтому они отторгают книгу на русском языке) они когда-нибудь оценят мои «Дребезги». Там много знакомых имен, и ностальгию они будут сильно поддерживать. Если израильтяне не будут выставлять себя великой нацией, избранным народом...

19 ноября 1992 г. Четверг, раннее утро

Иван Дыховичный получил премию за «Монаха» — 30 000 марок, что ли. Вышел — напротив фирма «Мерседес». Сел в новенький «Мерседес» и уехал. И сейчас ездит.

Дал Регине адрес — а вдруг пришлет фотографии. Хотя зачем все это?! Я тоскую по своим яблоням, я тоскую по мощам Сергия Радонежского. И я буду называть свой народ великим и страну Россию — несчастной, но избранной, несмотря на убедительные речи космополита, еврея по матери, выросшего среди евреев Калягина Саши.

Любимов и еврейство. Вчера за столом у Димы Р. рядом оказался молодой человек.

— У меня на Таганке работает дядя.

— Кто? Кем?

— Юрий Любимов. Его мать и моя бабушка родные (двоюродные) сестры. Передайте ему, что Петя и Таня живут

хорошо. Он пугал нас Западом, говорил, как трудно здесь. Так вот, просто передайте, что Петя и Таня живут хорошо. И материально, и морально нам здесь хорошо.

Конечно, есть у Любимова еврейская кровь, только сколько и по какой линии? Дима Рашкин через этого племянника может дать полную картину, полную или частичную родословную. Этот молодой человек должен быть в середине декабря в Москве почти месяц. Я пригласил его к дяде в гости на Таганку.

Солт-Лейк — это дыра, в общем-то. Выступали мы в русской церкви под иконой Богородицы с маленьким Спасителем во чреве. Толстовский фонд. Антиохийская церковь. А город — столица мормонов, новая религия. В их храм зайти труднее, чем в Кремль. В этот город попадают те, кто не доказал хорошо, что он достаточно страдал в России. Описывать свои страдания и притеснения, издевательства, доставать справки из психушек, доказывать кагэбистские слежки, надругательства — это особая школа, особый дар. Некоторые умельцы так владеют этим жанром, что пишут за других и неплохо зарабатывают.

Второй дискомфорт, что я чувствую себя в тени Калягина. К нему интерес — «Тетка Чарлей», «Механическое пианино». Он называет это лучшей киноинсценировкой по Чехову. Версия идет от Брука. К тому же у меня все время не звучит голос, я не могу попеть так, как когда-то, и боюсь «Живаго», боюсь Шнитке. А к кассетам моим нет никакого интереса. За книги я не боюсь, они уйдут. Вчера — две книги и одна кассета — 37 долларов.

НАДПИСИ НА КНИГАХ ИМ НУЖНО ДЕЛАТЬ ПЕЧАТНЫМИ БУКВАМИ, чтоб хотя бы дети их прочитали и узнали, кто и когда это сделал. Дима Рашкин пишет на русском языке, а его малый уже не понимает, почти не говорит. Как же отцу должно быть обидно. Не все же Набоковы... Поэтому надо, чтобы Дима купил мою книжку, ценность которой я объясняю — в ней повесть о В. Высоцком. А кто такой Высоцкий без языка русского, что это за предмет изучения? Русская культура! Слой, пласт! Да, Господи! Что это за чушь! «Тетушка Чарлей» — это на всех языках хорошо! И что для них Распутин, Астафьев и т. д., тем более Золотухин, тщеславящийся «Бумбарашем».

Рашкин о нашей переписке с Филатовым: «Капустник в чужой организации — понимают только свои. Непонятен уровень ваших отношений».

Шацкая. Почему-то утром я вспоминал нашу жизнь, наши дни. Был ли я счастлив? Наверное. Не может же так быть, чтобы нет. Помню тещины щи-борщи с сухарями в Пальчиковом переулке. Было какое-то лукавое совпадение, перст судьбы: в

«Моссовете» я играл Володю Пальчикова и жил в переулке его имени. Помню Нинку в Быстром Истоке, помню в бане ее, помню на сенокосе, помню под шубой на веранде, помню игру в городки... А что помнит она? Хотелось бы сесть с ней и предаться воспоминаниям.

22 ноября 1992 г. Воскресенье

Второй концерт вчера прошел в сильном старании, нажиме. Но микрофоны резко подвели в конце концов. Спортивный зал, большой, неуютный, и контакт теплоты установлен не был. Мне казалось, что напортил все Краснопольский, который взял слово перед началом и объявил, что мою прозу высоко оценили Распутин и Можаев, прекрасные русские писатели. Здесь каждое слово сидящим — ножом по яйцам. Имени Распутина вообще нельзя произносить — главный враг советского еврейства. Глейзер мне сказал:

— Только из-за одного того, что на последней странице твоей книги имя Распутина, из-за одного этого я твою книгу не возьму.

«Да я тебе ее и не дам», — подумал я, но не сказал. Однако это освободило меня от понуждения дарить ее тотчас же.

Дима возил вчера меня в Сан-Франциско. Осматривали город со смотровой площадки. И видел, конечно, мост Золотые Ворота — он в самом деле золотой, проезд по нему — 3 доллара, по другим — 1.

Секвойи, которые растут в трех местах на земле. Одно из них — Калифорния.

В Санта-Барбаре «секьюрити» проверили, отобрали лишние бумажки — мы все время в поле зрения ЦРУ.

«Ваш импресарио грабит вас со страшной силой. Похоже, он вас за людей не считает, знает заранее, что вы на все согласитесь». Если бы не такая ситуация с рублем в стране, поехал бы я удовлетворять ностальгические капризы этой публики!.. Конечно, посмотреть — великое дело, но я все это видел в кино. Мое воображение сильнее, чем это предстает на самом деле. Только детям хочется все это показать как можно раньше. Ну... разбегайся и взлетай в страну Голливудию! Ирэна сказала Диме, что Никитины получат по полторы тысячи. Ну, и «пусть повезет другому».

23 ноября 1992 г. Понедельник. Лос-Анджелес. Яхта «Красный Октябрь»

«Не теряйте завоевания Октября!» — заклинала меня одна эмигрантка на Брайтон-Бич. Завоевания нынешнего эмигранта Гриши Макарона в «Октябре семнадцатого года» — яхта в

Америке под названием «Красный Октябрь». Коллеги мои спят, Володя простужен, температурит, кашляет. Но я встал в такую рань, когда капитан еще спит, не потому, что Володя кашляет, а потому, что я жаворонок и люблю эти ранние часы, когда спят домашние, особенно в Лос-Анджелесе, особенно в заливе океана, особенно, когда не нашел, как включается плита, и жду свой кофе на капитанском мостике, в кресле у штурвала. Солнышко палит, светит нещадно — повернемся мы к нему спиной.

Вчера в одном мотеле не принял китаец нас, в другом принял кореец. Тараканы, вонь, вырванные розетки. К тому же оказалось, что забыл я у Димы туалетный набор. Кстати, Дима спросил в машине: «Ничего не забыли?», а я подумал: «Хорошо бы забыть, чтобы вернуться». Так вот, одно уже осуществилось, забыли. Хоть и с тараканами, а лег в койку и поспал. Делал зарядку на кровати. Приехал Игорь и повез в дорогой квартал перекусить и выступить перед десятком человек из народа. Дом вегетарианский, и это хорошо. За стойкой бара на стенах огромные фотографии — Розенбаум с хозяйкой Олей, Роман Карцев с хозяином Гришей. Хорошего качества фотографии. А работалось мне славно, легко и хорошо с гитарой... и Роман помогал. Мало меня снимали, на стенку антисемитов не вешают — ставят. На троих 200 долларов, мне — 67. В центре накладка с магнитофоном. Не пел я эмигрантам про «Королеву» и «Остапа», но был рад и тому, что голос звучал и чистая работа была. Перед началом опять Краснопольский: «Калягин ругался — он себя реабилитирует, на хрен нам это надо!»

Поезд-электричка, вокзал — чистота, безлюдье, простор, удобства. На шхуне был назначен я боцманом и вел корабль уверенно. «Не ссать, не срать, руками не трогать!» И все мечты, чтобы, допустим, иметь такое, связаны с пребыванием на яхте любимой чукчи... а дети потом. Гриша, конечно, устроил праздник. Оля, будьте козырной картой в мечте Гриши о создании культурного центра России в Америке. Храни вас Бог!

Над папкой моей, красной, картонной, все смеются. Типичная совковая папка! «Знак отличия, знак богатства, аккредитованного богатства души», — добавил бы я, но не стану. Папку эту у меня покупали, но не продал я. Тюлени лежали в большом количестве на буе и друг на дружке. Холодная, чистая вода. Ни соринки, ни мешка полиэтиленового, ни пятна нефтяного во всем канале, заливе, океане. А в городе пальмы, а в океане тюлени. Почему мы, россияне, так не живем?!

24 ноября 1992 г. Вторник. Дель Маро, утро, у Гали

Просыпается во мне классовая ненависть, нет — чепуха! —

изумление: откуда, за что, почему такая роскошь, такой вкус, изящество и богатство — кому! Ведь не написали же хозяева «Дребезги», не лауреаты «Оскара» или Нобеля? Почему я так не живу?! Дом огромный, дом спит. У каждого из артистов огромная комната с отдельными удобствами. Библиотека у каждого, и телевизор, и письменный стол. «Живаго» у меня нет. У меня все есть: и «Белая гвардия», и «Мастер», а «Живаго» нет — это не Булгаков. Стихи Пастернака на глаза мне попадаются, во втором доме. Да, быт Рашкина — разброс, грязь, подгоревшая пища, рванье мебели и немытая вековая посуда. Миша спит на полу, не переодеваясь, по-моему. И вот — Гриша с яхтой и Галя, торгует домами, строит и продает. Здесь можно работать, здесь можно написать «Бритву» или «21-й км». В окно светит солнце, зелень газонов, тишина улицы и ни одной души. Зоя Никитенко, преподаватель иностранцам русского языка, в домработницах, на полгода. Здесь у нее дочь, но почему-то не показывается. Стирка рубашек поручена Зое. Сашка опять тихим сапом один договорился, но я уже расчислил, кто здесь занимается этим. У Макарона собака — пудель Артамон Макарон.

Макарон спрашивает:

— Ты каждый день записываешь, что-нибудь из этого получается об Америке? И куда ты эти заметки...

— Отдаю секретарше.

— Жене?

— Нет, секретарше. У нее компьютер, картотека. Она закладывает мою информацию, мои строчки и по фамилиям, по городам, по именам это расходится, раскладывается. Мне, допустим, надо написать о Калягине — она мне выдает полную информацию, то есть мой текст, страницы и номер тетрадки, где о нем написано. Компьютерный принтер печатает по ее расшифровке. Она знает, секретарша, код моих обозначений, она разбирает мой шрифт, даже когда не могу понять этого сам. Пьяный, например, начирикаешь чего-нибудь, чтоб не забыть, но назавтра сам понять ничего не можешь. Более того... слово, условный какой-то значок свой ты разобрал, а что это обозначает, какую мысль, какую деталь, ход, что ты заложил в эти иероглифы — ты вспомнить не можешь, а она часто догадывается, куда я плыл в тот миг, когда записывал.

— Ты опасный человек.

— Я — нет, секретарь — да.

Все утро считаю деньги. Мое любимое занятие и дома, и здесь. Среди такого количества евреев я еще не вращался. Вчера они позорно делили «к кому Калягина». Меня, мистера Золотухина, кажется, брать никто не хотел. Рита сразу на вокзале

сказала: «Я бы хотела прослушать кассету. Я должна знать, что я продаю». Цензура? Или чтоб не было агитации антисемитской. Дал ей программку и кассету. Я читаю белые стихи Пастернака и начинаю догадываться и понимать, что он гениален. И надо больше читать стихи его, а роман знать и играть так, как это делал Любимов, не читая.

Зачем же так печально опозданье Безумных знаний этих? -

@B-ABZ

поразился я своим строчкам. У Пастернака перечитал и разочаровался — у него «опаданье», а не мое слепое «опозданье», гораздо более мне нравящееся.

Жванецкий стал нищим, как говорит Глейзер, но в Сан-Диего Вене, жене и себе (для работы) купил он за 98 000 долларов квартиру с помощью Гали... Внес 30 000 долларов. Великолепной красоты храм, главный дом мормонов в Сан-Диего. Заснеженная готика, обледенелая готика — хорошее, точное определение. У доктора Марголина увидал я православные иконы в доме, и в большом количестве.

Неисповедимы пути твои, Господи! От респектабельных евреев, миллионеров, попали мы к бакинским армянам, беженцам, а я к украинской семье на постой. Андрей Бубон, дочь Кристина, жену не видел пока. Саша попал как раз туда, где по спящему ползают детишки. Но его там любят, он там желанный гость.

А у меня тихо.

Наконец-то пошли записки в лоб.

«Мы знаем, что Вы поддерживали антисемитские выступления таких организаций, как „Память“. Как Вы совмещаете эту антисемитскую деятельность в России с выступлениями перед эмигрантами из России здесь?»

«Почему Вы согласились играть роль вместо Высоцкого в Театре на Таганке, в то время как все другие актеры отказались, тем самым его поддерживая?»

«Господин Золотухин, Вы остались бы в США, если бы Вам выпала такая возможность?»

26 ноября 1992 г. Четверг. «Боинг»

Наш большой «Боинг» — 9 мест в ряду — вернулся со старта. Что-то случилось, но все на местах. Надо срочно учить язык — если мне жить до 2014 г., я еще успею побывать кое-где, это великая страна, сюда я пришлю учиться сыновей и дочерей.

— Ну, много привел клакеров? — спросил Любимов у Калягина после первого «Галилея».

«Это было одной из многих причин, по которым я понял, что

по-человечески я с ним не смогу работать. Это было в июне. Осенью был второй „Галилей“.

Мы садимся, нас болтает, вижу лысый кругляк Калягина. У нас хорошая компания, мы хорошо работаем — мы в разном весе и в разном жанре. Например, мое отделение вчера куда интереснее и сильнее было. И вышел я из-под тени Калягина. Все зависит от собственного сознания и собственной энергии, творческой и жизненной.

27 ноября 1992 г. Пятница

Я хорошо живу у Иосифа Богуславского и его жены Муси. Завтра в Филадельфию, налегке.

Интервью Иосифу Б. И в том и в другом был затронут вопрос о моем «антисемитизме». Вот события основные, события сегодняшнего дня — подробности в программе. Два мешка барахла Глейзер насовал. Свитера хорошие, да и рубахи пригодятся, кое-какие изношу, кое-что подарю, а кое-что выброшу.

28 ноября 1992 г. Суббота. Утро, г. Линн

«Затрахают вопросами!» — предупреждал Имма Глейзер. Так оно и вышло. Но почему я, однако, с такой охотой отвечаю, вспоминаю, горячусь и получаю кайф от своих ответов? Я хочу оставить свой след на этом континенте, я хочу вернуться сюда. Хотя как мне не нравится опять эта возня вокруг Высоцкого, «Памяти», еврейства! В России возня вокруг В. С. приутихла.

В обрезанном интервью Любимова израильской газете есть строчки: «А чем иначе объяснить, например, желание Михалкова разобрать творчество Андрея Тарковского, когда тот уже был смертельно болен? Знаешь же ситуацию — хотя бы из милосердия помолчи. Нет, невтерпеж. Мне его искусство неинтересно, оно холодное, оно никому не нужно».

Зоя Г. резко осудила в Любимове бесчеловечность. «И милость к падшим...» — этого у него нет. Заграница излечила его от сентиментальности. Любимов и Америка не поняли друг друга. Где его поняли? «Первые чувства ваши, когда вы узнали, что Любимов остался?» — «Предательство».

29 ноября 1992 г. Суббота

Из Ф. в Б. перелетели за 813 долларов — платил Симонов. Представлял меня Иосиф, а потом Иммануил обелял: «Мы звонили в „Память“, в „Наш современник“, в газету „День“ и везде получили самый отрицательный ответ». Слухи... Песня Высоцкого (читает эпиграмму на меня, за что я целую его на

выходе).

12-й концерт. В зале Бурлацкий, а Имма гнет свое: «Заявление для прессы. Мы не поленились и позвонили в редакцию относительно Золотухина. С радостью сообщаем, что Золотухин получил самую отрицательную оценку. Да, он из памяти, но не из той „Памяти“, а из нашей памяти. Ему рукоплескал русский Израиль, ему рукоплещет русская Америка...»

30 ноября 1992 г. Понедельник. У Марка Купера

Это, пожалуй, самая приятная встреча за рубежом. Это энциклопедия молодой, причем закулисной внутренней, «Таганки». Я часто видел его около Зины Славиной. Вошел он в историю с похорон В. В. С мальчиком на плечах пробивался он к гробу Володиному, был снят крупным планом и показан.

«Валерий, спасибо! Вы честно отработали этот вечер. Я сама из г. Канска, сибирячка. Признаю в Вас своего и полностью меняю мнение о Вас в лучшую сторону. Спасибо за Высоцкого! Приезжайте еще! Пригласите Л. Филатова с его сказками. Удачи Вам! Людмила».

Научиться у Калягина завязывать галстук. Для этого взять галстук как реквизит в сумку с рукописями. А теперь — «Живаго».

2 декабря 1992 г. Среда. «Боинг» — «Дельта»

Конечно, все это я буду вспоминать, как счастливый сон, такого не бывает. А «21-й» помогут мне осилить Лара и Юра («Живаго»).

Алеша Киев. Он издает газету, а лет ему всего лишь 18. Мама его, Саша Ходорковская, материалы ему подбирает. Утром он потерял контактную линзу из правого глаза. Я пошарил руками по кафельному полу и нашел, а он уж сказал было: «Черт с ней!» Ему хочется делать все самому, он — только с американцами. Он гордится: «Я пишу только по-английски, по-русски не получается». И пишет. Что он там пишет... но по-английски. На его визитке: «Храм Покрова Василия Блаженного — Русский дом». Он говорит, что газета его не религиозная и в числе прочих бесплатных объявлений он может поместить реквизиты моей церкви. На плакатике я написал: «Вера в мои идеалы заставляет меня уважать веру других. Джон Рид». Я дал ему авторское право перепечатывать из «Литературного обозрения» мои дневники. Понимает ли он, чтоя ему даю? Газета у него бесплатная. Пусть мальчику это поможет встать на ноги, укрепиться — вдруг когда-нибудь что-нибудь от него перепадет на храм. Если Денис окажется когда-нибудь в Америке, у него будет много друзей. А

письма Иммануил зажал и не вспомнил. Саша насовала уйму сувениров — ручки, жвачки, сумки. Все это барахло я везу, накапливаю и все надеюсь, что дальше не прибавится — ан нет!

Два дела полезных сделал я вчера — пришил пуговицы к чехлу и научился завязывать галстук.

Мне надо купить подтяжки-помочи, брюки хорошие, рубашки — и я буду американец.

— Секретарша... у него есть секретарша? У вас есть секретарша?

— Мама, у В. С. есть секретарша. Вы скажите секретарше, и она пришлет мне вашу книгу!

Я выдумал себе секретаршу. Ах, вот почему я думаю о непорочном зачатии, о том, что у меня в чьем-то животе зародилась, вызревает дочь — от наваждений Живаго о Машеньке. Господи!

Мы, конечно, сфотографировались на фоне Капитолия, к Белому дому мы как-то не прорвались, он, в общем-то, маленький.

В Москве демонстрации, флаги, бушует компартия.

4 декабря, 1992 г. Пятница

Мы рады, что не подтвердились слухи, Что с чистым сердцем выйдет в этот зал Актер, певец, писатель Золотухин, Кого не зря Высоцкий другом звал.

10 декабря 1992 г. Четверг. «Дельта» — «Боинг»

Мне снился Филатов в Цинциннати. Мы бок о бок спали с ним на креслах, дружно и спокойно. Нинка наблюдала за нами, а мы как будто и не ругались с ним. Цинциннати, спанье в аэропорту и Филатов во сне — надолго запомнятся эти лирические картинки! Снился мне как-то Любимов. «Валерий, что ты мне Лермонтова показываешь!»

Брехт. Сенсационное открытие биографа и исследователя творчества Брехта — любвеобильный был господин, соавторство делил со своими любимыми. Он использовал и письма, они поставляли ему в постели диалоги и ситуации — литература в обмен на секс. Секретный архив «Берлинер ансамбля».

11 декабря 1992 г. Пятница. «Боинг» — «Дельта»

20 концертов.

Володя Высоцкий не требовал особых благ себе в жизни, особой зарплаты, одежды особой, еды, питья или признанья открытого, не в меру комплиментарного. Здесь можно многое

перечислять из того, чего он не требовал особого, но... если в компании была женщина или женщины, за ним было негласное, но безоговорочное право на любую из них. Первый выбор был за ним, остальные разбирали дам после него. Вот это — как бы само собой разумеющееся раз и навсегда и не подлежащее сомнению, что такая-то может предпочесть кого другого, — это меня умиляло, но других, я думаю, задевало не на шутку.

Я Высоцкому не завидовал вообще ничуть, нисколько, и об этом Влади в своем «Прерванном полете» как бы даже специально сказала, отметила... Но наше дело театральное, наша иерархическая закулисная жизнь предполагает и не оставляет сомнения у публики, что Высоцкому обязательно должны были завидовать, и в первую очередь актеры первого эшелона.

В Москве произошло разделение театра, о котором как о факте свершившемся говорит Елена Гуревич из Миннеаполиса. Информацию эту взяла она в «Панораме», но газету не нашла.

«Exit (выход)...» — наклонившись надо мной, стюардесса долго шептала на весь салон. Оказалось, что, к ее великому сожалению, по причине незнания английского я должен поменяться местами с американцем, потому что в случае аварии я не смогу прочитать, как спасаться, и помочь мне никто не сможет. В Америке никто другого не спасает.

13 декабря 1992 г. Воскресенье. «Дельта», летим в Кливленд

Люди привезли с собой в эмиграцию программки спектаклей «Таганки». Очень часто я слышу: «Самое дорогое, что было в нашей жизни, — Театр на Таганке». И совершенно искренние сожаления: «Какую страну мы оставили! Какую державу! Что вы сделали со страной?! Возвращайтесь и помогите коммунистам вернуть старый режим. Давайте снова займем Прибалтику, Польшу, Чехословакию, пол-Германии...»

Миша принес нашу с Высоцким уличную фотографию — «10 дней». Я подписал ее и оставил свой телефон. И Куперу надо прислать квитанции о переводе. Короче, 25 долларов переделать в рубли и отправить в Быстрый Исток, а ксерокс квитанций — в Америку.

Купил сапоги Тамаре (62 доллара) и Катерине ботинки (41 доллар), не те, что она просила, но тоже хорошие. 400 долларов у меня в лапте.

22-й концерт, и тоже неплохо, голос звучал. И слава Богу! Все!!! Ты, Валерик, отработал честно и говорил честно. И завтра ты должен покинуть эту обетованную землю и встретиться с несчастной Родиной своей. На сцене наворачиваются слезы, когда я вспоминаю о России, о народе моем многострадальном.

Калягин предлагает дней через 5 после прилета, оклемавшись и разобравшись, собраться у него. «Возьми Тамару, посидим, посмотрим пленку, с остановками, с чаем...» Я назвал его Алле в десятке лучших актеров России. Мнение Калягина о том или ином актере, спектакле, событии или политической ситуации есть отношение и мнения артиста высокого ранга, и оно становится приговором. Стало быть, фамилия берет на себя функцию судьи — суда.

Как вся эмиграция пытается к месту и не к месту оправдать свою ситуацию, свой отъезд из России! «Какая мать пожирает своих детей, лучших детей!» — эта тема не затухает, они начинают и кончают ею. Им необходимо оправдание, что они так хорошо устроились с хлебом.

Я выдаю себя за охламона и простачка, и люди именно так и воспринимают меня и, что самое обидное, ведут себя со мной так же, соответственно моей маске. И только редкие спохватываются: «Твою мать, да ведь он же не тот, за кого выдает себя!» И уж совсем исключение составляют люди, которые чувствуют и понимают сразу, с кем имеют дело. Разговор тогда совсем другой. Не мог я уехать из «Цинциннария» без этих железяк магнитных, а кошка, Люшка моя несчастная... Никогда не прощу себе, что не взял ее тогда с собою с дачи, и эта чукча не настояла. Господи! Спаси и сохрани нас, грешных.

«Вы покорили нас! Я в восхищении! Вы привезли Москву, театральную атмосферу. А то приехал милый человек Алексей Баталов. Минут 40 он читал какую-то лекцию, исчерпался, а потом говорит: „Ну, спросите меня о чем-нибудь, я расскажу вам“. Чувствовалось, что он не готов к встрече с такой аудиторией. И совершенная противоположность — Ваша программа...»

16 декабря 1992 г. Среда, мой день, «Павел I», утро

Благодарю тебя, Господи! Я дома, я долетел, снотворным перебил все климатические перепады, все поясные расстояния.

— Ну, теперь ты погиб, — сказал мне Любимов, — приходи, разберемся.

Итак, репетиции «Живаго» еще не начались.

— Всех загоняют в ГУЛАГ, — еще мне сообщил Любимов.

17 декабря 1992 г. Четверг, утро, молитвы, зарядка

«Павел I» вчера был хороший, несмотря на бестолково-нервное проведение времени у шефа. Оказывается, есть решение Моссовета (Гончара) о разделе театра. Сегодня Любимов собирает труппу, а завтра хочет провести общее собрание с голосованием поднятой рукой. Кроме скандала, по-моему, ни хрена не выйдет.

Был Ноткин Борис, телеведущий. Спрашивал меня об «антисемитском» инциденте на Шукшинских чтениях.

— Вы по-другому выглядите рядом с Ю. П. Когда вы разговариваете с Любимовым, вы другой человек.

— А какой? — встревает Любимов.

— Когда он один, он такой маститый, этакий Станиславский, сам по себе...

Ладно. Писали записку Ельцину, которую Ноткин должен лично отнести в Кремль.

21 декабря 1992 г. Понедельник, утро, «Живой»

У меня была странная уверенность (очевидно, самоуверенность), что люди в театре — билетеры, реквизиторы, не говоря об актерах — в своем поведении и отношении к событиям в театре ориентировались по мне, а я в свою очередь по Демидовой равнялся. И вдруг они поверили Токареву — Губенко — Филатову. Для меня это было странно и обидно.

Ельцину вчера ночью послана телеграмма.

Кажется, я прошел акклиматизацию после Америки. Спал спокойно до шести. Быть может, от сознания выполненного «гвоздя» дал телеграмму. Славина сняла свою подпись: «У меня свое мнение».

Перед «Годуновым» Ю. П. сидел с евреями в кабинете, горела ханукальная свеча, они пили вино. Потом он уехал в посольство Израиля и не вернулся.

Собрание я провел элегантно. «Молоко за вредность вам надо выдать», — сказал мне Бугаев. Никита Любимов погладил меня: «Вырывался из купола и входил в него, молился правильно, поэтому и получилось». Вечером того дня я отвозил Л. домой. Неужели мы не стряхнем эту позорную осаду Губенко? Неужели он добьется раздела театра? Любимов изводит своих людей капризами, придирками и требованиями — все у него виноваты, и никто угодить ничем не может, а нервничает он по понятным «живаговским» причинам. «Подростком» он весьма неудовлетворен, меня он, кажется, полностью забирает в «Живаго», и правильно делает. Сегодня первая репетиция, сбор.

Шеф белый, зеленый, жалко его. Интеллигенция молчит, после интервью никаких откликов, никакой поддержки. Отсутствует Глаголин — гипертония, но шеф видит в том уловку. Выделенцы торжествуют.

23 декабря 1992 г. Среда, мой день. «Павел I»

Начались музыкальные репетиции «Живаго». Пока я плаваю в океане неведения и непонимания, разбираемся с хорами. А что,

собственно, надо будет петь мне и где применение моему оставшемуся голосу — отыскать и предположить не могу. Дни идут в борьбе за «нераздел» театра. Надежды были, что Любимов в интервью с Ноткиным скажет что-то убедительное, призывное, а то уши вянут, что называется, — все про прошлые закрытия спектаклей, про нынешних политиков... Тошно слушать.

«Кто будет играть Живаго? Золотухин. Золотухин — прекрасный актер, выдающийся актер, но...»

24 декабря 1992 г. Четверг, «Высоцкий»

«Выдающимся» Ноткин меня назвал вторым. Первый — Зельдин. Актеры очень чутки к словам, которыми их обзывают. Замечательный, прекрасный актер — это одно, а выдающийся — это степень иная и ступенька высшая.

25 декабря 1992 г. Пятница

10 утра — почему они все веселы и уверены в себе? Сегодня уверен в себе Шопен. Завтра будет уверен Бортник, а вчера был уверен Феликс. Когда же буду уверен в себе я?

Славина звонит глубокой ночью, в час волка и собаки, работникам театра, всем без разбора, пожилым и молодым, и требует не подписываться «под президентом Золотухина». Никто ничего не понимает: «Какой президент, что такое?» — «Не подписывайте, они продадут нас за доллары».

Любимов все ищет предлога, причины, исходящей от выделенцев, чтобы закрыть театр. «Все видно на сцене, они выключены, они нагло ведут себя, нет, в такой обстановке нельзя работать, надо закрывать театр». Под каким предлогом? Под каким соусом? Этого ведь могут и не понять. «К 1 января 1993 г., — гласит решение президиума Моссовета, — раздел произвести». На наши телеграммы и факсы реакции пока никакой.

26 декабря 1992 г. Суббота, уютная гр. № 204

Ю. П.:

— Ты задай мне один вопрос: зачем мне на старости лет все это нужно? Я разговариваю с тобой как равный с равным, задай мне вопрос, спроси меня: зачем мне это нужно? Играет бездарная дрянь, а я должен мучиться, смотреть.

27 декабря 1992 г. Воскресенье

Никита Любимов сказал: «Буду молиться за тебя, но и ты помогай».

Счет за телеграмму Ельцину — 161 руб. 50 коп.

28 декабря 1992 г. Понедельник. «Живой»

— Ох, какой Борис у меня был вчера, ох, какой! Я хочу в ноги к тебе упасть! Русский, какой же ты русский, один... гений.. глаза... Мне хотелось к ногам Высоцкого упасть, когда видела его глаза под наркотой, и сейчас мне хочется упасть к твоим здесь, но скажут — пьяная.

Л. Селютина действительно была подшофе крепко, но сосредоточенная и целеустремленная.

Тысячу раз повторила «какой же ты русский!». И удивление, и угроза, и восхищение, и опасность — если столько русского, как же играть еврея Живаго...

И решил я на волне «гениальности» своей, своей силы и уверенности собрать сегодня как председатель совета труда коллектива зав. грим цеха, уборщиц, коменданта, директора и всем дать взбучку за то, что в гримерных нет ни мыла, ни полотенца, лицо вытирать гримеры положили мне две салфетки, а если я три часа по полу катаюсь, за лицо свое хватаюсь, мало свое — партнерши, да что лицо, я Демидовой под юбку далеко залезаю, а если она подцепит что-нибудь от меня, если я заражу ее чем-нибудь? Ведь вот куда может завести отсутствие мыла, средств моющих, отсутствие гигиенические условий.

31 декабря 1992 г. Предновогодний четверг

Я хочу отправить Сережу в Америку на год-два хорошо изучить английский и заработать деньги нам на жизнь оставшуюся. Вот такая задача. Для этого наладить почтовые связи с Лилей, с Ларисой Крицкой, с Галей Брискиной. Открыть Сереже валютный счет. Научить Сережу водить автомобиль, чтоб сдал на международные права.

Ю. П. на старой сцене:

— Нация погибнет, если нет традиций. У нас есть традиции — 30 лет я прихожу первый, дверь моя закрыта, секретарей нет. У доски расписания долго стоит вперившаяся Славина. Через полчаса я вижу ее там же — что-то она с доски списывает. Что может она там списывать — в театре для нее выходные дни. Она все еще играет в хозяйку театра, а сама ждет не дождется, когда наступит раздел театра и она похозяйничает в худ. совете у Губенко, который первый же ее и отстранит. Сон видел. Вызывной лист: «Записывайтесь в Государственный театр на Таганке под руководством Губенко!»

С шефом надо идти до конца. Год Сергия Радонежского, и я заложил фундамент храма Покрова Пресвятой Богородицы. Это было главное дело минувшего года. И я благодарю тебя, Господи!

О. Александр:

— Денис мучается, как ему быть. «Вы даете гарантию, что, если я женюсь, вы меня рукоположите?» Как я могу это гарантировать? Если он женится, место дьякона ему обеспечено.

Они его скрутили... Мать: «Филатов тратит на тебя деньги, а ты, неблагодарный...» А он любит вас, поверьте, очень любит. Я ему говорю: «Ты должен решить сам, чтобы не сказал потом... Деньги — это хорошо, но ты носишь фамилию Золотухин, и ты фамилией своей достигаешь уважения людей». Как я могу дать гарантии — сегодня патриарх один, завтра другой, все может перемениться!

А Денису нужен Джотто!

«ЧТОБ ЗА ПОЛГОДА СТАТЬ ЖИВАГО, ОН ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТАЩИЛ ЖИВОГО» 1993

1 января 1993 г. Пятница

Денис:

— Пап! А ты не хочешь рукоположиться? Представляешь, какая реклама: протодьякон Валерий Золотухин! Представляешь?

2 января 1992 г. Суббота

Денис в некотором роде пережил еще одну личную драму. Сделал он Ленке Ащеуловой официальное предложение выйти за него замуж, написал об этом в письме — задумал рукополагаться, уйти в священники и выбрать себе матушку, попадью то бишь. Ленка сказала: «Дай подумать три дня». — «Нет, до вечера!» Посоветовалась она с родителями и попадьей стать не захотела. «За кинорежиссера бы она вышла, — сказал Денис, — а за попа не хочет».

Когда я понял это, мне стало нехорошо. «Когда б я был не Иоаннов сын... тогда любили ль вы меня?»

Надо придумать вот что: каждый день приходить в разной одежде. Начиная с завтрашнего дня. Будет трудно с обувью. Не надо этот фокус проделывать — два пиджака, 4 куртки, а пиджака-то три. Брюки — двое тканевых, джинсы... брюки купить надо. 5 свитеров, рубашки.

7 января 1993 г. Четверг. С Рождеством Христовым!

Зачем меня так обманули? Зачем Вера плачется мне — «говорят, всех пенсионеров на пенсию!». Что ж ты, Вера, ликовала, когда Губенко тебя в свой стан завлек? Что же вы наделали? Он вас — на пенсию! Ты же предала, Вера, а теперь у Золотухина просишь заступничества?! Да к Ю. П. и подходить-то страшно с этим вопросом. Он о нужных-то людях слышать не хочет, которые ему с Губенко изменили.

8 января 1993 г. Пятница

Нуриев, 54 года. Боже мой, лечащий врач отказался комментировать сообщение, что Нуриев, великий мастер балета, скончался от СПИДа.

Меня упрекают в том, что я не мелькаю в сборищах народных. По случаю Нового года и Рождества на ТВ много всяких передач,

где зал-массовка заполнены знаменитыми, народными лицами-мордами. Почему-то я спросил:

— А Демидову вы видели?

— Нет...

— Ну вот.

А при чем тут Демидова? Как бы ни при чем, конечно, но если вдуматься — при чем, даже в вопросе мелькания. Уж если она появляется, то не мелькает.

— Так гениально подсматривать в окно мог только В. В., все там было... — сказал Пашка.

Не думаю, чтобы он меня подкалывал, потому что «подсматривание» мое было за несколько часов до «Единственной», и он видел меня или мог видеть уезжающий «Москвич». Эта рана еще аукнется.

Пришвин. Кажется, я откажусь от участия в вечере. Хотя мне и хочется, и душа обязана трудиться, и русское здесь что-то есть большое. И, может быть, для спасания души надо потратить время и силы. Это ведь несложный текст и запомнится легко. И Адель подводить не хочется, я много благодарен этой женщине, редактору и русской, вятской бабе. Во имя прошлого, а стало быть, и будущего, «Радий» надо выучить — переписать, развесить по стенам и выучить.

14 января 1993 г. Четверг, № 1217

Шампанское красное, шампанское кислое.

Традиционно и прекрасно прошла встреча старого Нового года. Это была Барвиха, пансионат каких-то акционеров. У Любимова родился внук — в 75 лет. Все предназначено, все предначертано, чтоб в 62 сыну родиться, а в 75 — внуку, и надо торопиться все записывать.

15 января 1993 г. Пятница, «Дом» вечером

Дневник 1987 г., тех дней, — смерть Эфроса и мрачные предсказания Крымовой о кандидатуре Губенко, его антикультурные, просто аморальные высказывания в адрес правления Эфроса и гастролей театра. И все как бы и подтвердилось — получилась из всего глупость, но могла бы она и не быть, будь поумнее Николай и не ввяжись в борьбу против Любимова и за раздел театра.

Иваненко просится назад, неблагодарная... Ради Володи чего-то давал, чтоб как-то жила, а она пошла в театр Губенко. Теперь ее заменяют в «Преступлении» и не берут в Японию.

16 января 1993 г. Суббота. Утро после душа, зарядки и

молитвы

Снились мне опять Ельцин с Любимовым, я фотографировал Ельцина. Он смотрел наши письма, бумаги, но внятного решения или слов хороших, чтоб я проснулся в радости, не было.

А в театре война. Габец объявлен строгий выговор, но, кажется, она не уволена. Долго вчера кричали в кабинете Шацкая, Габец, Иваненко.

А «Павел I» был замечательный.

— Минкин в зале! — сообщил Хейфец после спектакля. — Кто пригласил?

Может быть, он ошибся? Да черт с ним, я его приглашал, но в прошлом сезоне он не пришел. Я Минкина не боюсь, пусть пишет, хоть узнаю правду о своем таланте. Но я лукавил, конечно. Минкина я боюсь. Каждый раз, готовясь к «Павлу I», перебирая листки роли, я натыкаюсь на оборотной стороне на его статью о Губенко и становится страшно. Самое больное, самое точное и пророческое, вот и поди ж ты... Минкина, следуя логике, Гитлер-Чаплин-Колька должен был бы повесить.

23 января 1993 г. Суббота

Вчера мы вышли на сцену — шеф в прострации, не знает, что делать. Нужно понять следующее: если Альфред не написал музыку, положим, к «Гамлету» или другому какому стихотворению, — он не забыл или пропустил, значит, ее нет в нем или он считает, что у него не получилось. И нечего сочинять за него и что-то самодеятельно придумывать. Это надо понять и из сего исходить. Но если замысел через поэзию — стало быть, стихи звучать должны (на немецком языке — во, ход!), а есть ли перевод романа на немецкий, особенно перевод стихов? Был бы номер! Это для меня была бы находка. Не выход из положения, но находка.

А вот что касается прозы... Тем более глупо импровизировать вокальные партии. Фон — да.

Отчего разрыдался Сережа? Вот загадка.

Полицеймако написала мне о Колокольникове. Я вспомнил Олега, вспомнил Рогожский Вал, наше редкое общение, его маленьких девочек, маленького Дениса — и прослезился. Марья — удивительный человек, добрый, интеллигентный, умный и талантливый.

Ольбрыхский о Высоцком, вышла книжка у нас. Мысль хороша: Володю хорошо слушать, выпивая. Действительно, так и было часто, его настрой эмоциональный — дым сигареты, угар — тянул к этому, потому что жизнь казалась вечностью непреходящей.

24 января 1993 г. Воскресенье

В «Независимой» в рубрике «Слухи» иронические намеки насчет «Живаго» от Любимова. Если доктора будет играть Валерий Золотухин, то кто же тогда Лара? Здесь все — и то, что мне 100 лет от роду, и то, что я крестьянский сын и Бумбараш. Будет страшно, если их хихиканья подтвердятся и злобствования оправдаются, — надо спасаться и что-то придумывать. А пока — одеваться и заводить машину.

26 января 1993 г. Вторник, молитва и зарядка

Какой был вчера подарок Володе ко дню рождения! Пел гениальный Градский, а я читал письмо Т. Н. Журавлевой и говорил о курточке от Высоцкого. Был, как мне сказали, маленький спектакль.

30 января 1993 г. Суббота

Рано встал, но не завелся — мороз на дворе. На душе дрянь. И все, думаю, из-за грудной правосторонней боли. Хотя на сцене, на репетиции одно и то же желание не покидает — скорее бы закончилось. Кажется, я возненавижу Шнитке, Пастернака, Любимова и себя. Глаголин такое утешение выдвинул: «Делается это все для Запада, для доллара. Поэтому тебе надо найти несколько опорных точек, которые бы оправдывали тебя в твоих глазах, твое существование в этом».

Вот и все. И не заниматься самоедством, а относиться к этому именно с долларовой кочки...

Губенко вновь собрал рассеянное войско и нам со страниц «Коммерсанта» угрожает. Какой-то чиновник документ, мной подписанный, положил под сукно, он попал в тот лагерь и вызвал очередной переполох.

А между тем Хасбулатов провел решение президиума включить в апрельский референдум вопрос о выборе президента. Что нас ждет в феврале?

На Малой сцене — конкурс!! Девочек отбирают на работу в Японию, в бары. Почему это надо делать под маркой театра?!

— Кто это устроил? Ты как председатель совета трудового коллектива можешь мне ответить на этот вопрос? Мне это не нравится! — заявила сама чистота и непорочность Татьяна Жукова.

Вчера много было людей на «Живаго», я потерял 300 рублей. Вчера как-то особенно понял, какая глупость и несправедливость (и виноваты все мы, и я в том числе) — Петров у нас «заслуженный», Шацкая — «заслуженная», а Селютина даже «не

подана»!

31 января 1993 г. Воскресенье — отдай Богу. Кухня

Любимов каждый день по нескольку раз напоминает, что мы репетируем христианский роман.

4 февраля 1993 г. Четверг

Вчера Тамара развивала чью-то мысль о Высоцком. Кто-то говорил о его характере — двойной стандарт, что можно одному, нельзя другому. Даже зная, что он не прав, он продолжал спорить и добиваться, чтоб было по его сделано. И я в связи с собой и разговором с Любимовым (который, кстати, назло артистам оду Бортнику вчера пропел — «одаренный, крупный талант». — «Есть другое мнение», — сказал Беляев. «Надо с жалостью относиться, — возразил Любимов, — одаренный никого не жалеет, и вас в первую очередь») подумал о разгадке некоторой. Ведь это же надо — выпросить у Любимова Гамлета! А с какой (ведь ни одно слово не подходит — «самоуверенность», «настырность», «нахальство») силой, безапелляционностью (Тамара называет это ограниченностью, отсутствием тонкости, душевной интеллигентности — «а как будет партнеру?») в конце концов он буквально выколачивал роль Воланда в уже подмалеванном рисунке из-под Смехова. Это было на моих глазах — он выходил на сцену, примерялся, разгуливал с тросточкой без тени сомнения, что Любимов скажет: «Начинай, Володя!» Я был потрясен до восхищения. И оправдывал его!! Что это?!

Я читаю Ремарка — мне неинтересно, но приятно.

5 февраля 1993 г. Пятница. Утро

— Благодарю тебя, что ты настоял на повторе «Двенадцати», — сказал мне вчера Любимов.

Вообще многие мои идеи проходят. Соблазнил он меня и на премьеру «Саломеи». Через 40 минут я ушел и прибыл в Дом ученых. 120 лет М. М. Пришвину. Говорил, какую благодать на день-неделю разливают его страницы в душе моей — умиротворение, покой, добро. Под настольной лампой читал рассказ «Радий». И было славно. Народ все больше старый, с палками, с бородами, но, главное, много его, почти полный зал. Это здорово.

В «Живаго» мы доползли до II акта, где, собственно, и решится судьба спектакля и роли моей.

6 февраля 1993 г. Суббота, кабинет

Хроника личной жизни, тайной, зашифрованной, — на

ладони вся. Много газетной поливки по поводу раздела. Но у Глаголина какие-то намеки, звонки, что-де все хорошо. Любимов уже и в смерти реквизитора И. И. Ростовцевой повинен. Оказывается, профорг Прозоровский три дня сердцем мучился после эксперимента, когда тенью по сцене ходил за ним в «Мастере» Беляев. Если взять факт сам по себе, отдельно — ужасающе! Увидеть за собой второго исполнителя, будущего, без предупреждения — не знаю, чудовищно!!!

7 февраля 1993 г. Воскресенье — отдай Богу

Я отдам его «Живаго» и рекомендации Шифферса в кинематографический союз.

Часто открытие не принадлежит автору, и, естественно, им начинают пользоваться как задачником, учебником. Когда в 1967 г. в Театре на Таганке стали поговаривать о «Преступлении и наказании», меня прочили на роль Раскольникова. В театр на заседание худсовета пришел Ю. Ф. Карякин. Я отчетливо запомнил его фразу, адресованную мне (речь шла о Наполеоне):

— В своей жизни я встретил и знаю одного гениального человека — Шифферса!! Вам необходимо с ним познакомиться, чтобы понять, что поражает Раскольникова в идее сверхчеловека. Прочитайте его роман «Смертию смерть поправ».

Я прочитал. От кумира того времени А. И. Солженицына (пусть простит меня этот замечательный художник!) не осталось и следа. Работа актерская Е. Л. Шифферса в «Интервенции» и по сей день остается для меня наиболее точной и не разрушающей жанр, по мнению некоторых коллег, а подтягивающей этот жанр на другую высоту, на новую точку отсчета.

Жаль, что по условиям нашего уродливого времени роль была переозвучена посредственным актером, а фамилия исполнителя просто выброшена из титров по причине его диссидентства. Ну и время! Ну и страна! Ну и жизнь! Золотухин дает рекомендации, пропуск в ряды кинематографистов Шифферсу! Но... надо, Федя.

И наконец после долгих лет кинематографического молчания и как бы отсутствия на наших собраниях и неучастия в нашей творильне Шифферс показывает нам «Путь царей». Убийство царя!! Кинематограф будущего, настоящего и прошлого.

Присутствие искусства (перефразируя Пастернака) в кадрах этой ленты, скромно означенной опытом, учебным пособием, поражает, потрясает больше, чем само преступление большевиков!!

Уважаемые господа, коллеги, которые будут рассматривать этот вопрос! Извините меня, если вместо рекомендации или

характеристики я написал нечто в духе любовной записки. Рекомендую. И думаю, что срочно или скоро нужно организовать, попросить Шифферса прочитать для студентов института кинематографии несколько лекций по искусству, философии, религии, живописи, которые лягут в основу хорошего пособия — капитального, универсального учебника по воспитанию, образованию всякого мало-мальски художественного организма.

10 февраля 1993 г. Среда, мой день

«Мастер и Маргарита». Шацкой очень хорошо удается ведьминское перевоплощение. Она довольно убедительно плачет по своему Мастеру, и я ей верю. Да, она старовата, полновата... Казанчеев, мне кажется, должен играть Воланда — очень хорош и в хорошем тоне, в хорошей манере.

13 февраля 1993 г. Суббота

Что меня поддерживает и дает силы — дневник. Единственное живое существо, с которым мне не тесно, не грустно, не тяжко.

14 февраля 1993 г. Воскресенье — отдай Богу

День нашей с Шацкой регистрации 30 лет назад.

Любимов хочет сделать спектакль или, как он говорит, схему. Кажется, он начинает склоняться, что все петь невозможно, нельзя и преступно по отношению к Шнитке — скажут: «Что же он такое написал?! Что за неорганизованную чушь?»

Так мы не договаривались, Ю. П., дорогой!

Любимов:

— Кто разваливает спектакли? Артисты. Не я же их разваливаю! Ничего у них (отделенцев) не получится!

— Нина! Докладную на всех! Вовремя приходят только я и Золотухин!

До меня сегодня дошло, и я легко засмеялся. Он уезжает — моя машина еще стоит, приезжает — уже стоит. Вот и родилось.

15 февраля 1993 г. Понедельник, № 307

Нельзя изменять своим привычкам — дневник должен писаться во что бы то ни стало.

Вчера Любимов как бы невзначай и само собой разумеющееся промолвил:

— Я ведь не случайно делал эти перекрестья (перекрещения): Настя — Аня, ты — Родион, чтобы была полная взаимозаменяемость. Мало ли что может случиться...

— Все правильно, замечательно, — сказал я. — Это

прекрасно.

Корона ни у кого с головы не упадет, если она есть. Как ни странно, мне стало легче дышать. Во-первых, меньше ответственности, и спектакль в Москве может выйти с Овчинниковым — он молодой, музыкальный, хваткий и спортивный. Но в Вене и Германии нельзя отдать ему марки, поэтому надо что-то загвоздить неповторимое, уникальное. Все, что пока делает артист Золотухин, к сожалению, вполне доступно любому, а уж Родиону и подавно. И вот тут опять, что называется, дуракам везет, — может, и хорошо, что Шнитке не написал вокал Юрию? Так, глядишь, я проскочу и наберу музыку для себя удобную. В эти 10 дней партитура должна быть окончательно скомпилирована.

17 февраля 1993 г. Среда, мой день

В прессе сообщение, что Моссовет решит или уже решил — быть ли ему учредителем театра «Содружество актеров Таганки» под руководством Губенко. Заседание 22-го. Вызывается или приглашается Бугаев. А он заявляет, что без Любимова он не пойдет. А Любимову туда ходить не надо, по-моему. Короче, дело идет к суду.

17 февраля 1993 г. Среда, мой день, но бойся его, Близнец!

После репетиции душа и сердце раскрыты, ранимы, усталость и счастье после стихов, где все прочитано тебе и про тебя. Вдруг — ушат холодной воды. Лара, Лариса. Из всех женщин, которые прошли по моему сердцу, кажется, одна ты не презиралась, не скандалила в быт, в пошлость. Какое счастье, что мы не поженились с тобой! Брак портит воспоминания. Ведь любил же я Шацкую, ведь помню, как от ревности плакал, — и что теперь осталось от этого всего?!

19 февраля 1993 г. Пятница. Театр, гр. № 307

Богина, «гениальная» артистка, замучила звонками — из 14-й категории хочется в 15-ю. «Я сыграю все, я все могу, любой ввод за 20 минут!» 50-летние пришли к этой отметке катастрофически нищими, обозленными и развращенными. Что-то веселое, напоминающее счастливую, роскошную жизнь, Рио-де-Жанейро было, конечно, у каждой. К 50 годам ни детей, ни мужиков, ни карьеры, ни ролей. А теперь еще и просто голод.

Любимов. На него было вчера страшно смотреть. Сначала он ругался, как в лучшие годы, потом повторил несколько раз фразу: «Я сегодня же дам телеграмму президенту, что я отдаю назад ваше гражданство! Со мной обращаются хуже, чем при

коммунистах, вызывают к прокурору!» У него мозга за разум заходит, да еще так подвел Шнитке. Кажется, он мало-помалу отказывается от попыток, от требований петь ненаписанные ноты, петь прозу как ни попадя.

Я буду вспоминать эти счастливые дни, когда я жил только ожиданием репетиции, приходил в эту комнату, переодевался, ждал Сашку, которая принесет какую-нибудь новую еду, читал роман, писал дневник, слушал фонограммы. Я буду все это вспоминать и плакать. К тому же я дивно вдохновлялся на этом диване.

20 февраля 1993 г. Суббота

Занимался утром аккордеоном, подбирал сопровождение к сцене с Гордоном — Любимову не понравилось. Будет, очевидно, «Не одна во поле...» На ней почему-то и голос звучал.

Шифферса вчера я посетил. Взял роман, оставил пленку. Жалко, что говорил только я и опять о делах театра, о нашей с Филатовым переписке.

22 февраля 1993 г. Понедельник

— Молодец! — сказал Любимов после исполнения мной в финале с Ларой — «В лесу казенной...».

Какие-то победы были и в сцене с Ливерием. В общем, день был с плюсом, полезный. Еще три-четыре бы таких ключевых дня, и я был бы спокоен перед отъездом в Японию. Молился за Любимова, просил у Бога удачи ему.

Шифферс:

— Если он спрашивает, кто может сказать, что Золотухин человек чести, я могу сказать. Передай Филатову, а если я его увижу, то сам скажу о том, что Золотухин — человек чести.

А может, за свой счет издать «Дневник»? Не хочется терять Тверь-комбинат. А если Можайск...

26 февраля 1993 г. Пятница

Нет, прогон получился. Шеф был веселым после первого акта, после второго сиял, усталый и счастливый. В прогоне он всех успокаивал, подбадривал, посылал своих лошадей вперед лаской — стратег педагогики!

Завтра мы улетаем в Японию.

27 февраля 1993 г. Суббота. Япония, Токио

Художник Юрий Васильев снял посмертную маску поэта. Господи! Господи! Сколько совпадений! У меня маска Володи, снятая Ю. Васильевым.

Любимов стал показывать мне сон Живаго, записку Лары. Взял мою бумажку — и замер! Что это? «Павел I, Павел I, Павел I, Казань, Ашхабад, Норильск, Мурманск» — попался ему сентябрьский репертуар.

— Когда же ты на Таганке работаешь?

Такой ужин замечательный — весь мясной, сакэвочный. Немного холодной рыбы в уксусе и картошки обжаренной. Кормила меня Демидова. Сидели на полу, на подушечках, обувь сняли. Что же они, черти, не предупредили! Хорошо, я душ принял и носки чистые. Пытались петь «Дубинушку». Демидова считает, что будет прокол с Ларой. В ней нет энергии никакой.

1 марта 1993 г. Понедельник. «Эдмонт», № 886

Все замечают, что я очень увлечен «Живаго». «Он так загорелся, что не чувствует усталости, он потерял счет времени, он превратил ночи в дни». — Так говорит Шкатова.

Мудрость японская: «Когда ты видишь чистый лист бумаги, подумай сначала, как он прекрасен».

3 марта 1993 г. Среда, мой день. Молитва, зарядка

Хорошо бы всем сфотографироваться в кимоно. Идиот, забыл фотоаппарат! Ну надо же... Третье счастье — приборы туалетные (щетку, пасту, бритву, мыло, шампунь) меняют каждый день. Они не экономят? Это хорошо. На столе — фотография моих молодцов, Дениса и Сережи. Иконка Спасителя. Роман Кинга «Мизери» и мои рукописи.

Как жалко, что она не настояла, чтоб я взял с дачи Баську. Баська ждала-ждала и ушла или погибла.

Я никогда не думал, что ко мне вернется это желание писать, стремление к столу, к моей тетради, стремление не насильственное над собой, более того — неизвестность поведения героев и строк влечет меня: а что же дальше, а что же он, а что она, а что они? Мне самому до жути интересно. Знакомый, желанный зуд. И вот перед ним отступило все, даже страх сегодняшнего спектакля, вообще страх голоса лишиться на сегодня. Да и хрен с ним, лишь бы ожили страницы, лишь бы нужные слова прилетели. И все-таки — премьера «Годунова» в Токио.

5 марта 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка, душ

Все чем-то занимаются, смотрят Токио, наблюдают японцев. А я хлопаю себе по ляжкам ритм «Вифлеемских царей», а я ищу лазейки к душе Агаповой — есть ли она у нее?! Есть, есть, отыщем, а нет — сделаем ей «железную», Вакху подобную.

Тамара слишком много значит в моей жизни, она — мой Моцарт, мой Альцест, мой Павел I, она — моя жизнь, она — мой Сережа, мальчик мой, тростинка моя грустная, дождик мой тоненький, одинокий.

6 марта 1993 г. Суббота. Молитва, зарядка, душ

«Москва.
Канцелярия президента Ельцина.
Камчатову Владимиру Федоровичу.

Уважаемый Владимир Федорович!

К сожалению, мы с Вами до сих пор не нашли возможности обменяться мнением и информацией по печальному для всех нас вопросу о разделе театра. Пожелание президента выполнено: голосовали, голосовали — разделились. Остальное, казалось, дело техники. Если администрация города поддерживает создание нового театра с новым репертуаром — чего проще подыскать им помещение? Для экономии слов приведу пример достаточно, извините, бульварный, но из собственного опыта и многое объясняющий. Когда я уходил от первой жены, жизнь предлагала мне разные варианты, например, врезать замок в одну из комнат трехкомнатной квартиры и привести туда свою новую беременную жену. Так же вольна была поступить и бывшая супруга — в свою комнату врезать свой замок и жить там с другим мужем. А с дитем по очереди бы встречались у четырехконфорочной плиты. Люди все взрослые, цивилизованные, как нынче принято говорить, места хватило бы всем. Нетрудно представить, чем могло кончиться подобное соседство. Если бы энергию, которую они потратили почти за полтора года на этот скандал, они израсходовали бы на создание хотя бы одного спектакля, у них получился бы шедевр. Я очень надеюсь по возвращении из Японии на личную встречу. Убежден, что мы найдем взаимопонимание.

С уважением Валерий Золотухин».

Гастроли Театра на Таганке в Токио».

Это тоже страница утренняя из моего романа.

7 марта 1993 г. Воскресенье. Молитва, зарядка, душ, кофе

Вчера во время чтения сюжета «Бритвы» Боровскому и Глаголину позвонил шеф, пригласил поговорить. Время ушло на следующее:

— Я соберу корреспондентов, я им такое расскажу, с фамилиями, что президент вынужден будет выбирать: я или ваш засратый Камшалов-Камчатов, и, конечно, он выберет меня. Вы все запуганные советские совки, а мне плевать... Если они посмеют разделить театр, я тут же сяду в самолет и уеду.

Шеф сказал, что я должен перепеть еврейскую молитву.

— Ну, пой русскую, только не дергай себя за кадык!

Кажется, делая зарядку, я набрел на решение — чем клянчить у Масловой (сама принесет!), спою на свой лад: «Господи! Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия, празднословия...» Пушкинская молитва из «Странника», которую А. С. в стихи превратил.

8 марта 1993 г. Понедельник. Молитва, зарядка

Шеф ест замоченный миндаль — решил похудеть.

10 марта 1993 г. Среда, мой день. Молитва, зарядка, душ

Вчера Глаголин говорил с Москвой. Я слышал, как он диктовал Гурьянову мое письмо Камчатову. Господи, помоги нам!

Но Марья права: отберут они огород или не отберут — зависит от способностей Губенко и нашего родственника. А там все очень просто — перегородить лестничные пролеты, чтоб не нарушать архитектурной целостности. Даже отгородиться ширмами. Факт в том, что Коля поставил для себя это целью жизни — разделить, а потом наследовать.

Вот когда будет нам п...

Шеф. Затронули вопрос о разделе, о сборище в Моссовете.

— Мне советовали не ходить, и я правильно делал, что не ходил. Они ведь станут выводить меня из себя, чтоб я наговорил, хлопнул дверью. Опять газеты, шумиха... Вот он, такой-сякой, мучит, морит голодом детей наших. Я пошлю своего адвоката. Так что мне сказать? «Он не хочет своих товарищей пустить на 1/4 театральной территории. Репертуар легко переносится на любую новую сцену, но почему они должны ютиться где-то в кинотеатре?» Он подает в суд за нанесение ему морального ущерба, и мы подаем в суд за нанесение морального ущерба и закрываем театр. Спектакли мои, Губенко подписал авторское право режиссера. Вот я и снимаю репертуар. Вы меня поддерживаете и останавливаете театр. Вот это я и хотел услышать.

11 марта 1993 г. Четверг. Молитва, без зарядки. Морской рынок

Да почему же и тысячной доли того богатства и разнообразия не видел я до сих пор?! Да и смотреть не хотелось — осьминоги, моллюски, тунец, мясо кита...

С огромным удовольствием слушал Демидову — умница, глубокая какая-то, образованная и не сухая, не скучная. Замечательно. Слушать ее одно удовольствие.

Любопытную версию «Вишневого сада» вывела Демидова из Японии (ради этого ей сюда нужно было приехать) — начало века в России, увлечение японским туалетом, духи, сакура, кимоно. Демидова второй акт хочет сыграть — выйти в кимоно. Удивительно поэтическая версия, ради этого стоит восстановить «Вишневый сад».

12 марта 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка, кофе

Смирнов:

— Я хотел написать... Леонид! Ну, кто виноват, что Золотухин женился на Шацкой раньше, чем ты? Ну в каждом же слове зависть и месть, прав твой юрист-криминалист...

Демидова:

— Иван Дыховичный сказал мне, что Володя ему сказал, что «Нейтральную полосу» он посвятил мне. Он тогда за мной ухлестывал.

Записал я и не понял, кто за ней ухлестывал. То, что за ней ухлестывал Иван Д., было всем видно и понятно.

В России Хасбулатов собрал чрезвычайный съезд, режут Ельцина. Вернемся в страну коммунистов опять, в страну Бабуриных.

13 марта 1993 г. Суббота, утро. Молитва, зарядка, душ

Это правда — я ужасно не хотел, чтобы она от него родила. Чтоб род его не был продолжен через Нинку. Но я хотел бы, чтобы они зарегистрировались и чтоб она обеспечена была, и Денис тоже. Я его учу, я плачу за его сына. Плати, плати! Хочешь спать с красивой бабой — плати, а как ты думал!

Борис рассказал: в «Ленкоме» электрик ездил на иномарках, менял машину за машиной. Последняя у него — какая-то американская модель. Рэкет предложил ему заплатить, он их послал — машину взорвали, его убили. Не надо покупать иномарку.

14 марта 1993 г. Воскресенье. Молитва, 90-й псалом

Они публично скандально судили Любимова — пункт за

пунктом предъявлял ему Губенко. Они вынесли ему приговор, а так как это стало историческим свидетельством, все это снято на пленку, кочует из дома в дом и копируется (см. «Скандал»), они вынуждены теперь приводить приговор в исполнение и оправдать и доказать его справедливость. И это стало целью всей оставшейся жизни Николая Губенко — вот в чем дело.

17 марта 1993 г. Среда, мое число, мой день

Чем моя профессия меня потрясает, привлекает и дорожит — в ней можно бесконечно врать, бесконечно выдавать себя за кого-то другого, можно выдумывать себе прошлое, если не целиком, то отчасти, и порой это может быть забавнее целого. Можно бесконечно восхищаться тонкостью строя своей души — «я чувствую Пастернака так же хорошо, как он сам себя, и даже лучше». Но тут же можно с солнечной ясностью понять, какое ты дерьмо, если у тебя в запасе было столько времени и ты в «21-й км» написал три страницы чужими словами.

— Что вам мешает в работе над «Живаго»?

— Есенин, а конкретнее — «Анна Снегина». Я не могу освободиться от совершенства и музыки, а главное, от какой-то немыслимой человеческой теплоты этой поэмы и образа Анны, сидящей в ложе Юсуповского дворца.

19 марта 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка, душ

Из детектива можно узнать о Японии больше, чем год просидев в Токио в отеле, записывая неглубокие впечатления.

20 марта 1993 г. Суббота. Молитва, зарядка, душ

Ну вот, роман «Плюшевый медвежонок» прочитан, и я о Японии узнал больше, чем за три недели здешнего пребывания. Всем надоела Япония, кроме меня. Я здесь отдыхаю, работаю и зарабатываю. Что меня ждет в Москве, что ожидает? Почему меня все время спрашивают: «Что-нибудь случилось?» А что должно случиться, что ожидается с таким нетерпением?!

22 марта 1993 г. Понедельник. Молитва, зарядка, душ

Ты печалился вчера и сидел понуро в отчаянии тихом, что Ельцин засел в Кремле и ввел президентское правление. Паника в рядах — «куда мы возвращаемся, в какие хаос и бойню?» Но потом ты уговорил себя, что, в общем-то, тебе на все наплевать, кроме «Живаго»! И долларов в «Олби». Главное — ты хорошо играл последнего «Годунова», голос у тебя звучал на 100%, и закончил ты гастроли достойно, без особого успеха и шума, но... тебе одному два букета подарили две красивые женщины, японка

и русская. И ты как бы герой.

23 марта 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка, кофе. Письма прощальные

Самолет над проливом.

Бортник свистит в ухо Глаголину. Паньшин бродит по самолету, справляется у всех о самочувствии. Как грустно, как хорошо не пить. Похожее состояние — дрожь желаний напряженных — было у меня в Греции, когда в каком-то номере, на конуру раскольниковскую похожем, писал я дневник и письмо Любимову. Как же я так обманулся в Губенко! Жалко. Но ведь он то же самое может сказать и обо мне. Нет, не может.

У самого Владимира Фомина была с детства обида на родителя, на отца — он его далеко как не почитал. Я не хочу разбираться, достоин он, его родитель, почитания или нет, но не Фомину его судить, не сыну отца — вот что я хочу сказать. Да ведомы ли Фомину В. С. мотивы, которые в основу поступков его отца легли? Думаю, что нет. Несправедливости жизни? Да! Обиды? Да, но судить за то и приговаривать... Вот тут вспомянешь который раз Матрену Федосеевну: «Не судите отца за то, что касается только нас с ним!» А в глаза-то она ему плевала, но то — она, у нее на то резоны были, очевидно. «Я любила его (а уж за что она его любила?), а он от Катькиной матери к Ивановой ушел. Бог ему судья!» Кто его знает, чего он искал. Любил женщин, что ж поделаешь. Не водку жрать — баб любить, это занятие покрасивше будет на земле. Хотя опять же — каждому свое. Родительская опека, наставления в обычном понимании — все это было не со мной, и рано ушел я из-под крыла родительского, и ушел далеко в мир, в жизнь им не ведомую и непонятную... Я рос и учился сам и отвечал за все сам, сам выбрал жену, сам пришел к Богу и дорогу свою прохожу единственную без всякой на то помощи родителей, тетушек или братьев. Все они были далеко, а иных уж нет. Но это не значит, что я у них не учился. Я приспособил свой характер к жизни и профессии. Мне с моим характером лучше выигрывать терпением, трудом, фланговой стратегией, компромиссами. Смирение — вот, быть может, качество, унаследованное и объясненное во мне моими тетушками и матерью. А потом, конечно, Тоней. «Беги, Валерка, отсюда, беги, брат!» И с Нинкой надо было развестись, и встретить Тамару, которая по-своему чрезвычайно повлияла на меня, воспитала меня. Ее мнением, быть может, я дорожу больше всего на свете, потому что ей дано знание. Прошла страсть, прошла любовь в кровати, ужасно больно, но как это все вернуть?

Надо было родить Сережу. Неужели Денис будет долго обижаться на меня? Да, остался он без отца. Но, во-первых, отец был где-то рядом и все время проявлялся так или иначе. Можно было больше затрачивать отцовской любви и больше времени, но не скажу, что Сережа этого увидел больше. Я не умею воспитывать, я плохой отец, но неужели дети будут судить меня за это, а не принимать единственное — родитель! Не надо меня любить, надо знать, что я родитель, и все отсюда следует. Почитай отца и мать, не обсуждая.

25 марта 1993 г. Четверг. Зарядка, молитва

Вместе с властями разными Таганка-2. Где-то промелькнуло сообщение, что они подают на Любимова в суд через Цюрих за нарушение контракта и т. д.

Что мне делать? Слушать Ельцина в 21.30. Дело в том, что наступило самое ужасное — надоели черти, надоели! Хоть бы он был удовлетворен и счастлив, если бы победил и остался, но не надо силы и крови, хотя, если нет другого выхода, кое-кого надо попугать.

27 марта 1993 г. Суббота. Молитва, без зарядки

Ах Колька, Колька, философ из Рассказова! Собрать бы все твои письма да напечатать бы хоть что-нибудь. «Я всегда за умное, а не за искреннее...» Мысль прекрасная, если вдуматься. Раньше мне казалось, что искренность — предел художественности и глубины человека. Нет, ребята! Искренен и теленок, и овечка бывают. Но что толку в искренности недоумка? Она, эта самая категория, достаточно предельна ограничена. А умное — категория сродни бесконечности.

30 марта 1993 г. Понедельник. Молитва. «Живой»

Ельцин не отстранен съездом от должности. Не хватило 60 голосов, но Бабурин обещает новый виток политической борьбы сегодня.

Денис. Дал ему 50 долларов, долго сидел у него и передал ему привет от «будущей тещи».

«Чонкин». Утвержден я на парторга Килина. 7 съемочных дней, ролька симпатичная. За апрель нужно оформиться с паспортом и одеться. Для этого использовать фотографии довоенные из архива Сергея Илларионовича.

30 марта 1993 г. Вторник. Молитва, да... но...

Разбежался — думал, в банке в Братиславе у меня деньги лежат за книгу вышедшую, перевод дневников, что Васину передал. Сейчас я ему дозвонился. «Книжку рассыпали (какую?), мне стыдно было тебе звонить, дневники...» Что, к чему, кто? Понятно, только для России... Короче — не стал я богатым.

2 апреля 1993 г. Пятница. № 307 перед «Годуновым»

Отдайте костюм, сволочи, возьмите порнографию, не повезло мне с ней, верните костюм! Я сшил его для сцены. Зачем он вам? Я в нем проехал почти всю Америку, я ни разу не гладил его, он мне почти подарен замечательным, чудесным человеком, единственной женщиной, позаботившейся о моем внешнем виде на официальных сборищах, — Эскиной Маргаритой. И вот вы его сперли! Неужели вы не читали гоголевской «Шинели», из которой и вы, быть может, вышли. Кто из вас в него влезет? Понесете вы его в скупку? Господи! Ну за 30 000 съездил я на бывшую дачу Рыжкова. И вот наказание — второй раз из машины уносят у меня портплед с концертным одеянием. Жалко.

Странно, почему не взяли гитару? Нет, это хорошо, что не взяли, хорошо бы, чтоб ничего не взяли.

В театре плохо. Тихая забастовка противоположного лагеря. Чего-то они замышляют, возятся, мы ничего не знаем, будто бы на 5-е какая-то комиссия в Моссовете назначена.

4 апреля 1993 г. Воскресенье. Молитва, утро

Долго сейчас говорил с матерью Матреной Ф. Светлая голова, она дома одна — и хороший разговор.

За эти дни два события, потрясших «мир Золотухина»: костюм попятили из машины, в котором я в гроб ложиться собирался (значит — рано собирался), и слезоточивый газ пустил кто-то, но, слава Богу, хоть в конце «Дома». Весь зал и я закашлялись. На поклонах поблагодарил зрителей, что досмотрели и не ушли. «Какой-то „доброжелатель“ пустил слезоточивый газ, мы просим извинения».

5 апреля 1993 г. Понедельник. Утро без зарядки, без молитвы

Зоя. Крестить ее надо. А когда?

Я всем говорю, что остался за Любимова, а остался я всего лишь за себя, и ни за кого другого.

Сегодня Моссовет. Надо ехать к Бугаеву.

Вчерашний Моссовет — это и не Моссовет, а обмен юристами, информацией и обоюдной аргументацией. Был я всего лишь час, записывал на магнитофон. Наша сторона выглядела значительно убедительнее с правовой точки и оценки. Губенко

говорил: «Я тут ни при чем», что дало мне основание спросить у него: «Если вы ни при чем, тогда зачем вы здесь?» Предложил перенести решение вопроса до окончания срока действия договора-контракта и Устава театра. Удивило меня открытое заявление товарища из Моссовета, что их решение о разделе театра (то, что висело у нас в театре) — незаконное. Вот так — незаконное и все... Подпись — «Гончар». Он подписал незаконный документ. В общем, они сами запутались, впутались и сели в лужу. Представитель Камчатова ухватился за пресловутую бойлерную, которая делится путем компенсации.

7 апреля 1993 г. Среда, мой день. «Павел I», № 307

Благовещенье! Матрена Ф. родилась. С утра мы все ее поздравили, и я отправился на Десну. Главное — переломить настроение. У меня ощущение, что Манышева — черная, и она у меня много сил высасывает. Надо просто помолиться за ее здоровье, Бог с ней, и пожалеть ее, и, может быть, помириться с ней внутренне как-то. У нее есть сила, и эта сила могла бы мне помочь, а она мешает. Звонил сегодня Любимов, привет мне передал. Итак, Павел I сегодня немножко полежал в № 307. Сейчас поеду в ЦТСА.

9 апреля 1993 г. Пятница. Утро

Вчера — СТД — поддержка президенту. Познакомился с Гайдаром. Он вспомнил, как я приезжал к ним в школу. Жена Войновича пригласила... Разговаривал с С. Филатовым (помощник Ельцина). Он сказал, что Б. Н. отозвал свою подпись и что он уговорил, убедил его не вмешиваться в дела Таганки. Снять надо вообще этот вопрос. Да-да...

15 апреля 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка

«Павел I» — хороший спектакль, кричали «браво!».

Хейфец: «Мне сказали, что Борисов был в шоке некоторое время, когда узнал, что ты сыграл Павла I. Он не мог представить себе...» Вечером меня ждал звонок Глаголина — опять заседание малого Моссовета по разделу театра. Губенко и К<198> напуганы решением президентской команды передать театр из-под Моссовета в Россию, в Министерство культуры Федерации. Это предполагает, по их представлению, реорганизацию театра и, стало быть, его полный или частичный разгон.

Не дождусь Любимова, никогда не думал, что так когда-нибудь буду страдать, так скучать без него. Довели артисты. Не умею, не хочу руководить.

Жуткое настроение — мы пришли присутствовать при

аплодисментах Н. Н. Губенко.

— А Николай Николаевич согласен быть руководителем? Н. Н., вы согласны? — Голос с места.

— Согласен. — Губенко поднимается и принимает поздравления, аплодисменты.

Господи! Юридический адрес нового образования — Земляной Вал, 76. Да ведь это же наш театр, Театр на Таганке! Я видел Филатова, Шацкую, Лебедева, Жукову, Красильникову, Гулынскую, Погорельцева, Матюхина, Корнилову. Почему-то мне стало жаль Демидову — зачем она метала бисер в прошлый раз, зачем она так убедительно, так умно говорила. Для кого это говорилось, если у них заранее решено: Театр на Таганке — имущество Москвы. «Чтобы не мы судились с президентом, а президент с нами».

Глаголин дозвонился Любимову. «Можно не приезжать». Говорил и я. У Любимова бодрый голос, пытался эту бодрость от репетиций передать и я в своем «уехавшем» голосе. Получилось ли?

«Известия» напечатали, что Любимов незаконно репетирует «Доктора Живаго», не договорившись об авторских правах с Фитринелли. Снова возникли Фитринелли, издательство. Пец <Пец — продюсер проекта «Живаго».> может разориться — эта игра опасная. На вопрос, где вы взяли авторское право на «Живаго», Любимов ответил: «Я был знаком с Пастернаком» — и сослался на... сына. Но авторское право на «ДЖ» принадлежит издательству до 2000 года.

16 апреля 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка

Великий мастер скрипок Страдивари находил материал для создания нового инструмента среди заборных досок. В Б. Исток отправлены 10 000 рублей. Господи! Спаси и сохрани! Это моя жизнь, храм мой поднимется, люди! Поднимется! И люди помянут меня добрым словом.

В театре кто-то сеет панику — придет Губенко и всех, кто за Любимова, выгонит.

17 апреля 1993 г. Суббота, великая суббота

Кончилось мое администрирование — завтра Любимов прилетит.

21 апреля 1993 г. Среда, мой день, без молитвы, без зарядки

А с «Чонкиным» вроде бы всерьез начинается дело. Сегодня отвезу на «Мосфильм» фотографии. Тамара сказала, что директор согласен платить по 300 долларов за съемочный день в пересчете

на рубли. А если они 50% выплатят в мае — совсем будет хорошо. Тамаре доверенность... и путевку в Крым.

К молодым:

— Вы пропускаете уроки Любимова, режиссерские, актерские, человеческие. Ведь этого вы никогда не увидите, ведь это вам подарок на всю жизнь. Сейчас вы этого не поймете, может быть, но это всплывет, нахлынет, затопит вас когда-нибудь. Репетиции идут напряженные, нервные, многослойные — он занимается и светом, и балетом, и музыкой, но ведь и мы не самое последнее выразительное средство в спектакле...

24 апреля 1993 г. Суббота. № 307

«23 апреля 1993 г. исполняется 29 лет Театру на Таганке. Благодарю тех, кто сумел в меру своих сил сохранить театр. Надеюсь что наша компания отпразднует в своем кругу 30-летие театра». Ю. Любимов

Большая мера и, может быть, главная в сохранении театра как организации духовной и как производственного монолита принадлежит А. Эфросу. Даже вынужденная и, тогда казалась, дикая мера — никого не отпускать ни на какую сторону, эта его сговоренность со всеми административными точками — принесла, как теперь понятно, наиположительнейший результат. Вечная память вам, дорогой Анатолий Васильевич!

30 апреля 1993 г. Пятница

Любимов вчера на результат решения Моссовета о разделении театра и передаче Губенко новой сцены:

— Не расстраивайся, Валерий. Здесь, я думаю, мы отвоюем. Главное — смотрели люди прогон «Живаго» и говорят: «Хорошо, так хорошо, что страшно!»

Я готов был разреветься и застучал по дереву, он — по кирпичам. И пошел он, уставший и обремененный ожиданием ответа на телеграмму президенту, к студентам.

1 мая 1993 г. Суббота. Самолет

Разобраться — отчего, к примеру, тухлое настроение после прогона. И плохо ли это или наоборот. Смотрел я как в воду: раз Любимов после I акта похвалил: «Ты начал мыслить, все видеть, слышать», то после II акта должен был ругать и быть недовольным. Я даже это высказал в антракте и получил:

— Зря я тебя похвалил. Ты пережал... ну, это понятно.

Но настроение и квас не от того. Были у меня победы и во втором над собой. Я взял высоко в псалме, и спел, и выиграл, и был доволен, как ответила глотка.

Шацкая радуется — наконец-то разделили наш театр. Ой ли, ой ли?.. Как не хочется доставить им радости.

2 мая 1993 г. Воскресенье. Вена, отель «Табор»,
№ 504

Приехал шеф. Страшные вести с первомайской демонстрации коммуняк — кровь, жертвы... И все это где-то в моем районе, были бы живы дети мои.

3 мая 1993 г. Понедельник. Молитва, зарядка

— Неру, — сказал Любимов, — 20 минут на голове стоял... И вы стойте, может, поумнеете.

Услышав и восприняв это, я к своей двухминутной норме прибавил еще 100 единиц. И у меня получается: Иисусова молитва + 300 единиц счета, 3 или 5 молитв пушкинских, — это минуты 4. Итого — 7 минут.

После репетиции пили с шефом чай — я принес кипятильник, чай и сахар. Быт у шефа не налажен. Надо бы кого-то за ним приставить, какую-то девчонку или мальчишку. Но он ведь так... никого из подпустит. Галина старая, и ее нет с нами. Марья Полицеймако... Надо ее селить где-то поблизости от шефа. Я увлекся «Красным драконом».

7 мая 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка, обжорка

Какая-то странная летучка перед репетицией.

— Я вам гарантирую по 90 марок суточных. С каждым у меня будет отдельный расчет. В конверте. И все претензии ко мне. Это не японская фирма, для которой наши гастроли так, пустяк, мелочовка. Здесь фестиваль, и деньги здесь личные.

8 мая 1993 г. Суббота. Молитва, зарядка, кофе

Легенда уехала в эмиграцию, умерла, чтоб ожить в потомках. Легенду трудно родить, а обгадить ее невозможно. Я проехал 20 городов в Америке, и на каждом концерте были записки или устные слова: «Самое дорогое, что мы оставили в Советском Союзе, — Театр на Таганке».

9 мая 1993 г. Воскресенье. Молитва, зарядка, завтрак

Но... ребята, знаете ли — сон-то в руку. С утра шеф сообщил:

— Звонили из Москвы. Есть решение, распоряжение мэра Москвы Лужкова сохранить Театр на Таганке как единый и неделимый.

— Там Моссовет решал... а тут какой-то мэр, тоже мне генерал-губернатор. Театр принадлежит Моссовету. Кто сказал,

что он принадлежит Лужкову?

— А что, если Любимов плюнет и не станет подписывать контракт на 94-й г.?

— Ну... театр приносит ему доход, опричь его контрактов, и пока он приносит доход, так просто взять у него... Ведь каждые гастроли театра... ты посчитай, Таня Сидоренко.

— А если с ним не подпишут?

— Такого быть не может — раз. Во-вторых, если будут заделаны гастроли, ему будут платить авторские за его спектакли. Сейчас его задача — продать, прокатать «Живаго» во всем ему доступном мире. Более того, авторство спектаклей наследуют жена и сын.

Каждая роль актера (хорошего) — это повесть, рассказ, новелла. Спектакль (удачный) — это уже и на роман тянет. И хорошо, что с нашей смертью никто не читает наши романы-роли, они чаще становятся легендами и не мозолят глаза в библиотеках иному поколению зрителей-читателей. Так что наша работа, если с другой стороны глянуть, даже и привлекательнее, чем писательская, которая оставляет после себя документ, подтверждающий, что автор — бездарность, зря изводил бумагу и домашних и утруждал современников чтивом своим.

А главное, Валерик, это не относиться к себе слишком серьезно и уметь смеяться над собой и тобой сделанным, сыгранным, сочиненным. Не можешь не писать — пиши, но относись к этому соответственно и не обижайся на сыновей, что они тебя не читают. Еще прочитают — слава Богу, написал ты так мало, что за вечер все твое можно пролистать.

10 мая 1993 г. Понедельник. 9 час., молитва, зарядка, завтрак

Шеф, увидев «Мерседес»:

— У меня такой же, только цвет другой. Первый раз, я помню, получил кайф, когда сел за руль, посадил Катьку — поехали! После удачной премьеры в Штутгарте — 180-200 км в час. Через 4 часа мы были в Болонье. Дурак! Вспомнить страшно — зачем так гнал? Но кайф!

И я его понимаю — самая дорогая машина, удачная премьера, молодая жена.

Господи! Сегодня приезжает гениальный композитор! Пошли мне спокойствия, достоинства и музыкальности на показ ему. Это очень важно — не разочаровать Альфреда. Он хорошо ко мне относился до сегодняшнего дня и, думаю, в какой-то степени надеется на меня тоже. И голоса свежего дошли. Конечно, я уставший, но вдруг снисходит какая-то сила на тебя, и прет звук чистый и сильный. Впрочем, на все твоя воля, Господи! Так ли,

сяк ли — Любимову пошли удачи и не забудь про меня!

В 18 часов Альфред обещал посмотреть наше произведение. Я нарочно не лез «гению» на глаза, как-то даже и не поздоровался. Композитор с самолета еле двигается. Озаботить его еще какими-то словами или выражать почтение и ждать комплиментов... Все я узнаю потом. Но шеф опять меня похвалил после 1-го акта — значит, жди втыка после 2-го.

11 мая 1993 г. Вторник. Утро раннее, молитва, зарядка

А вот этот вечер мне теперь уж запомнится до конца дней — как мы с Любимовым пили чай у него в номере, разложив куски бородинского хлеба с сыром на гигиенических дамских пакетах. Видно было по всему, что Любимов отвык от пользования кипятильником. Пока я ходил за чайными ложками в свой номер, один стакан вскипел, и шеф не без некоторой гордости сообщил, что вот он догадался сначала кипятильник вытащить из розетки, а уж потом вынуть его и перенести в другой стакан. В белом халате с желанием похудеть (и похудел) — одинокий лось. Пойти добрести до Дуная, что ли?

Передохну, выпью кофе и пойду на урок к Любимову. Господи! Что я жду от этого собеседования — любопытство. А так... Шопен концертмейстеру Воскресенской сказал: «Уйду из театра». Я ей раскрыл секрет — у них у всех появилась лазейка в связи с созданием другого театра. Любимов, может быть, и догадывается о таком возможном перебегании. Для меня-то исключено, а для других...

Гений был краток: «В целом у меня сильнейшее впечатление от вчерашнего спектакля. Я его никогда не забуду. Спасибо большое!»

Любимов остановился на моем виде, костюме, ему хотелось бы обинтеллигентить меня:

— Пастернак и в ватнике, в кирзачах — видно, что Пастернак, а на нас с тобой ватник надень — мы слесаря, подозрительные типы.

Тут я захохотал. Всю эту короткую беседу я записал на свой диктофон.

12 мая 1993 г. Среда, мой день. Молитва, зарядка, обжорка

Если в три дня Пец не уладит дела с фирмой Фитринелли, местный суд запретит играть спектакли в рамках фестиваля.

Любимов: «Любой суд будет на моей стороне, мы ставим по мотивам... Считайте, что слово „жалнушка“ — мое слово, я выдумал».

«Облагороженное внутренним содержанием лицо» — вот пока

чего не хватает, вот что надо доприобрести до возможной премьеры. И если даже Любимову не дадут ее играть, это обернется пользой для него в виде очередного мирового скандала.

Псевдо — какое хорошее слово, любимое у Шнитке. Псевдятина... Вот от этой псевдятины и надо избавляться. Хуже всего быть псевдоинтеллигентом в жизни. Но на сцене создать иллюзию необходимо намеком, осторожно, корректно, просто, чтобы зритель каким-то чутьем ощутил, что мной изображаемый поэт другие корни сословные имеет, чем, скажем, Есенин, Клюев.

13 мая 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка

Интересно, чем нас встретит шеф, каким порадует сообщением. В театре сорван декрет Лужкова, запрещающий раздел и отменяющий решение Моссовета-Гончара. Почему-то произносилась фамилия Руцкого, в какой связи — не понял.

Хочется скандала с «Живаго» громкого, афишного: русским не дают играть нобелиат-отказника, он все при жизни продал, и права, и Россию. Хочется и премьеру сыграть успешно.

Хочется собрать детей — Дениса — Сережу — Артема — Надю, братьев — Володю и Ивана, братьев из Антоновки — Ивана, Виктора, поехать в августе в Б. Исток и отработать дней 10 бесплатно на постройке храма. А жить бы в доме на Ленинской. Собрать и живых одноклассников. Может быть, Геннадия Несмеянова к этому делу подключить, чтоб он помог в организации. Или Клаву, все ту же Клаву Гальцеву. Храм Покрова — это и есть мое покаяние за отца моего Сергея Илларионовича, ослепленного проклятой коммунистической идеей, столько душ погубившей, давшей волю и цель в жизни пьяницам, бездельникам, лодырям и ворам.

15 мая 1993 г. Суббота. Молитва, зарядка, душ

Считаю, что в принципе Донны Анны желают Дон Жуанов не менее, чем те их, и вопрос только в том, не слишком ли повязана очередная Донна Анна с каким-либо Карлосом (зарплата, карьера, машина, деньги). И любопытство Евы («тот самый») — «черная дыра», в которую аэродинамично засасываются испанские соблазнители.

Катя Любимова переменилась. У нее появились какая-то теплота, доброта и заботливость без рангов. Раньше она здоровалась только с Высоцким, теперь она одинаково внимательна как к Золотухину и Шаповалову, так и к неизвестной ей Ренате. Какая-то хорошая семейственность, свойскость, — раньше этого не было. Например, в Эдинбурге она была одна,

сама по себе.

16 мая 1993 г. Воскресенье — отдай Богу. Молитва, зарядка

Но у меня есть еще одно заветное дело, «21-й км» — покаяние мое и С. И. Храм мой, мое покаяние. Я напишу завещание: похоронить меня в усадьбе на территории храма. Заслужу же я к тому времени два метра на могилу у Родины своей. «Ты что, с ума сошел. Не вздумай!» Поэтому рожай Олю или еще кого-нибудь, чтобы вся родня была привязана к Алтаю.

18 мая 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка

Публика немногочисленная вызывала нас, а мы соответственно аплодировали шефу, который, кажется, всех убедит, потому что роман мало кто дочитал до конца и еще меньше тех, кто его вообще открывал. Роман знают по кино, а из кино помнят только мелодию, поэтому вранье его — «3/4 вообще моего текста» — падает на благодатную почву. Кстати, заграница его в этом смысле растлила, он врет напропалую. Мне кажется, даже сам запутался кое-где и кое в чем. Например, посещение Пастернака и беседа с ним один на один — все это выглядит подозрительно, белыми нитками шито. Станет Б. Л. перед каким-то смазливым актеришкой душу выкладывать и к тому же такие тексты выдавать: «Я не люблю ни вождей, ни оппозицию». Бред! Кто в это поверит?

19 мая 1993 г. Среда, мой день. Зарядка, молитва. Вена

Чего я ждал от этой работы и что получил. Я получил главное в биографии, в послужном списке, в перечне ролей — исполнитель роли Живаго. Смехов? Нет! Филатов? Нет! А кто же? Я. Это состоялось. Факт, вчера происшедший, — вот главное событие последнего года жизни.

СКАНДАЛ! Ведь после вчерашнего представления в газетах может разразиться (и Губенко через свою мафию мог об этом позаботиться) такой скандал — что привез Любимов! Старых актеров без голосов!! Приму-балерину поставил за задник изображать сексуальную палитру! Тенью в ученическом платье. Хоры фальшивят и портят мелодии Шнитке. Халтура на Венском фестивале!! Не стыдно за марки продавать имя Пастернака и наживаться на давно забытом скандале советского нобелиста!! Труппа послушных баранов, подчиняющаяся импотенту режиссеру, болтающему о прошлом, приписывающему себе несуществующие подвиги, слова и поступки, изображающему себя чуть ли не другом Пастернака, его духовным наследником. Скандал может быть чудовищным и точным по узнаваемости. Вот

чего я боюсь. И возвращаться домой с такой славой и такой прессой — лучше не возвращаться.

Сегодня артист Золотухин был блестящ! Сегодня можно спрашивать у него, счастлив ли он, потому что он счастлив. Благодарю тебя, Господи! И отчасти папу с мамой, сестру, Тамару и Ирбис.

20 мая 1993 г. Четверг, раннее-раннее утро. Молитва

Любимов был весьма груб вчера с Анькой. Она, бедная, плакала в уборной. «Пусть он свои отношения с женами выясняет, не со мной... Неделя унижений и хамства. Со мной так в жизни никто не разговаривал!» А ее финальный монолог он убрал вместе с Родионом, и, думаю, очень правильно сделал. «Ваши страдания и слезы дальше 3-го ряда не доходят», а несколько дней назад он говорил ей очень хорошие слова об этой сцене, и мне один на один. И вот перед вторым спектаклем за час до начала он убирает у актрисы весь текст и всю самовыявленческую сцену, да еще кричит и грубит ей в присутствии других — есть от чего сойти с ума. Но Анька, отплакав, собралась, и такое тепло от нее на сцене... Думаю, наши отношения партнерские и человеческие развивались не так уж и неправильно, вернее, не так, как мне хотелось — разговоры, беседы при луне. Нет, она человек свободный, независимый, очень деликатный. Таганского хамства нет в ней близко, и шипом змеиным, как две подружки, не заражена она. Храни ее Господь!

На «Таганке», как рассказывает прилетевшая на премьеру девочка Беляева, с депутатами приезжал в театр Губенко. Выходил на сцену, пел «Россию», читал стихи и говорил, что это наша сцена (Содружества), что скоро здесь будет поставлена С. Соловьевым чеховская «Чайка». Что это? Что за разбой?

Важно. Все театральные веды — критики, историки — из Америки, Франции, Германии, с которыми я встречался, определенно и автономно высказывают радостную мысль, что не зря приехали и увидели «Живаго», что Любимов не кончился, а «Живаго» — начало новой «Таганки», новой эстетики, музыкальности и театральности. Что у книг, которые они пишут о Любимове, теперь будет замечательный конец, предполагающий рождение и развитие. Это очень важно. Гораздо важнее того, что в какой-то газете меня назвали «бриллиантом». Пока не увижу — не поверю, во-первых, а во-вторых, я и сам это знаю про себя. Интересно, во сколько оценивает этот «бриллиант» Любимов?

23 мая 1993 г. Воскресенье. Молитва, зарядка, душ

И вот сегодня — прощай, Венский фестиваль, прощай, венская публика. Прости меня, публика, если я тебе мало угодил и совсем не напомнил Омара Шарифа — каждому свое. Будь милосердна, публика, и поаплодируй на прощание погорячее. Я сегодня буду прощаться с моей Ларой. И ты, публика, пожалей меня, как жалеет меня иногда «рябинов куст», если его хорошо попросить. Вчера и сегодня тебе повезло, публика, с погодой — прохладно, и нет такой парилки в партере, и не стоит облако испарений над креслами. Ты можешь помочь мне, публика, или можешь изобличить, повалить меня. Не надо. Голос я все-таки посадил, а надо доиграть и псалом допеть. К тому же, уважаемая публика, сегодня прощание с театром, какую-то самодеятельность надо придумать.

24 мая 1993 г. Понедельник. Молитва, зарядка душ, кофе

Шеф. Интересно его возвращение в «ливановские дебри». Вчера, позавчера, когда он был очень доволен и радости его не было конца, он мне сказал:

— Вот теперь в конце можешь чуть-чуть усилить отчаяние.

Много говорить мне не надо, я понял, куда надо брести, и он рад, что марионетка Золотухин послушен его рукам. И рад, конечно, я, что могу быть послушным, что есть возможности и талант волю его выполнить. Это взаимопонимание дает плоды. Но мне другое поразительно в шефе — как он возвращает иногда вещи, резко им отвергнутые, но возвращает он их, конечно, в ином свете и в своей коррекции. Это потрясающе!! И опять и опять — нет, он не хочет, чтоб было хуже.

26 мая 1993 г. Среда, мой день был, оказывается. Молитва, зарядка, душ

По дороге в Германию у какой-то речушки, из Альп текущей, встал в последний раз головой на венскую, австрийскую землю, подстелив куртку им. Любимова, в Мюнхене приобретенную. Как мне хотелось, чтоб мое головостояние увидел шеф, и он увидел:

— Молодец, Валерий.

Такая детская, холуйская доверительность, чтоб хозяин поощрил, заметил, погладил по головке. Так и проходит моя жизнь в работниках у Любимова. И чем она отличается от жизни в работниках моего родителя у хозяина Новикова?! Редко кого отец вспоминал с таким добром и уважением, но зачем-то убежал от него в революцию, а чтоб с подвигом явиться к бедняцкому вождизму и смутьянам, взял да поджег сукновалку. Ну зачем он уничтожал добро? Грабеж, дележ, разбой — «до основанья, а

затем...». За какую новую жизнь надо бороться уничтожением труда рук человеческих, в том числе и его. Ведь он был работником хорошим, на хорошем счету у хозяина. Приносил матери, Елене Александровне, бабушке моей, какие-то заработки свои. В батраках... ну а что в этом? Осталась мать без кормильца, отдала мужичков в работники — постепенно, глядишь, снова встали бы на ноги. Бесы.

27 мая 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка, душ

Меня это забавляет и, не совру, поднимает в собственных глазах. Ведь состязание с Филатовым, ревность и прочее все равно происходит, так ли сяк ли? Ведь многие думают, что Шацкая бросила Золотухина и предпочла его Филатову. Кто талантливее, кто знаменитее, тот и богаче. Соревнование происходит на фоне и по отношению к Денису, к сыну. Эту фразу Нинкину я никогда не забуду. «Не звони Денису, дескать, не проявляйся особо, его воспитывает другой человек, другого уровня». Вот этот уровень, который, по мнению Шацкой, гораздо куда как выше, заоблачно выше золотухинского, мне и хочется всем показать. Но главный закоперщик этого состязания — сам Леня. Безумно тщеславный, жестокий, злой человек, но не лишенный ума, — что приводит его к таким проявлениям? Кроме состязания профессионального, где он, как ему кажется, особенно после «Сукиных детей», достиг большого перевеса, происходит состязание нравственно-человеческое, и тут у него происходят страшные проколы. Эфрос — это чудовищное нравственное пятно, и тут они с Губенко кровно повязаны, хотя от публичных проявлений, оскорбительных проявлений Бог Кольку миловал. Филатов же вляпался всей своей жизнью, а значит, там многое напутано в голове. И вот теперь с Любимовым. И тут он пошел против Золотухина, истерично закрыв глаза и очертя голову, не посмотрев толком, в какой стороне противник и не гнушаясь никакими средствами. Мне жаль его. Но соревнование будет продолжаться, хотим мы того или не хотим. Ведь почему-то я так не хотел, я молил Бога (хотя я вру — нет, не молил, это я написал в «Зеленой»). Я не хотел, чтоб Нинка родила от него, это да, но не молил — это глупость. Дети — это мой козырь непобиваемый, это его, быть может, в конечном счете бесит больше всего. Всякое поражение Любимова есть поражение Золотухина в первую очередь. Это только надо на секунду, Господи прости, представить, как он ждет провала «Живаго». И даже не столько художественного провала, сколько ждет он критику, убийственную, минкинскую, чтоб все от начала до конца в спектакле было осмеяно и обругано. Вот чего он ждет и за что он

заплатил бы дорогую цену. Любопытно — состоялась ли вчера объявленная репетиция «Чайки»? 8 ролей, Нина, Треплев — должны быть приглашенные. Все остальные будут изображать народ, русалок и перейдут в рабочие сцены. Почему не назвать театр «Сукины дети»?! Кассовое название, под стать Герострату. Храм театра превратили в храм Герострата.

3 июня 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка, кофе

Матрена Ф. похвасталась, что перечислила 400 руб. на храм.

Вот, Матрена Ф., давай наши грехи общие искупать, и за Золотухина С. И. тоже.

Что же касается совершенства творения, вышедшего из несовершенных рук, не думаю, что в «Живаго» он его достиг. Простите меня, Борис Леонидович.

Я многого от жизни не прошу сейчас — поздно. Да и дала она мне всего с лихвой. Теперь — сыновей женить, дождаться внуков, определить наследство и застолбить у властей церковных разрешение похоронить меня на территории церкви, под звон колоколов. Денис просит не ходить в патриархию и не просить денег на мой храм. Это может ему помешать при поступлении в семинарию — то, что я сын Золотухина, там, где это помогало, здесь, наоборот, может навредить. Заставил меня читать Левита 10 гл., где говорится про чистое сердце. Совсем у него мозги отравлены какой-то суетной гордыней, смирения нет в его сердце, книжное, наносное, пафосное, не тихое, богоугодное. И, однако, эта самостоятельность мне нравится.

6 июня 1993 г. Воскресенье. Троица — великий праздник

Главные события — в театре. Губенко со товарищи приходит, занимает 310-ю комнату, при помощи депутатов проходит в театр. Депутаты требуют от бухгалтера документы на аренду, угрожают. Что касается репетиций, тут, я думаю, нельзя это квалифицировать как безобразие и хулиганство — надо приветствовать и ждать решения суда.

Любимов из Греции вернулся неожиданно быстро.

15 июня 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка, кофе

Главным событием вчерашнего дня стала пресс-конференция Любимова перед премьерой. Ужасающая как по вопросам, так и по ответам. Журналистов было огромное количество, испуганных, подозрительных, недоброжелательных. Такое впечатление, что у каждого из них уже все написано в презрительно-уничтожающей форме, что они пришли зачитать приговор убийцам. Ко мне единственный вопрос: «Не удивило ли вас назначение на роль

Живаго?»

Думаю, что у Любимова не было выхода. А удивления мои начались давно. Когда я пришел из Театра Моссовета, где играл Недоросля, ребят с баяном, аккордеоном, то у Любимова я получил Грушницкого. Высоцкий — Гамлет, тоже многие удивлялись. Любимов: «Даже закрыли спектакль, что это за Гамлет?» Ю. П. назначил меня на Дон Жуана. Я, говорю, не Дон Жуан. «У меня другого нет!» Так и с Живаго. Я, конечно, прячусь за юмор, а на самом деле у меня страх... Но я знал, что спектакль будет музыкальным, поэтому какой-то шанс у меня был.

17 июня 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка

Старый моторист завода любопытный диагноз поставил, почему мы не догоним никогда «Мерседесы» и «Форды»: «Рабочего класса нет. Все испортила лимита. У нас были хорошие мастера, хорошие кадры. Потом стали приходить лимитчики из сел. Хорошие люди, но без любви к точности обработки детали. Так, молотком, топором — и пошло-поехало... «

Я вывод делаю: селу напортил рабочий класс, рабочего испортил деревенщик, с его приблизительностью и неторопливостью. Интересное наблюдение.

Демидова:

— Хочешь мой совет профессиональный, только не обижайся: в первом акте меньше играй, вообще не играй. Эта калейдоскопичность не дает права... интеллигентный человек не будет так... Во втором акте, где большие сцены, там хорошо. В костюме переспи сутки. Я всегда в своих вечерних туалетах поваляюсь прежде.

По-моему, она говорила, что я молодец. А может быть, и не говорила. А вот то, что это адская работа, она говорила. Вообще, когда трудно говорить «хорошо», всегда прикрываются: «Ну, какая огромная работа!» Например, Юрова Г.: «Каждому, кто поет эти хоры, надо дать Героя Советского Союза!» Из противоположного лагеря: «Спектакль плохой. Смесь „10 дней“ и „Бориса“. Не такие плохие спектакли, надо сказать. И смесь не будет совсем дрянью.

Пастернак Евг. Бор. мне кивнул, но не улыбнулся. Жена Солженицына, Наташа, самая живая и выпивающая, разносила всем бутерброды и наливала. Какая-то дама произнесла: «В первом акте актеры вам не нужны...» Ни начала мысли, ни ее продолжения я не слышал. Любимов улыбался, чего-то все пытался острить, разговор явно не клеился — как бы не о чем говорить. Впечатление, что собрались чужие и чуждые друг другу люди, видящие друг друга первый раз, но одному из них чего-то надо. На меня же просто никто не обращал внимания, кроме

шефа. «Съешь чего-нибудь, Валерий, выпей водочки… Крест ты несешь тяжелый».

И фраза Любимова: «Если разделят театр, уеду из страны навсегда».

Приходил Квадратный (Губенко) утром рано с Токаревым и меряли сцену. Прошел он и второй раз или, быть может, то был режиссер посторонний, которого не пустили. Получился опять скандал с депутатами, которые хамски разговаривали с Любимовым. Он намерен 22-го собрать и провести пресс-конференцию и закрыть театр. Я от актерского цеха должен буду сделать заявление в духе телеграммы к Ельцину-Лужкову.

4 июля 1993 г. Воскресенье. Молитва, зарядка, кофе

О жизни своей последнего времени не хочется вспоминать, особенно о собрании 30 июня, когда я требовал от людей подчиняться моему призыву, моей формулировке — «ни дня больше с ними под одной крышей!». Формулировки я провел, в газете напечатано, но на душе — свинец и осадок. Форма, в которой я истерически требовал, кричал, тыкал пальцем, убеждал, неволил… Оппонировал мне Граббе А., и резонно. Но они не понимали, что в этой ситуации скорейшее принятие решения общего собрания не привело бы к этой разрозненности мнений. Меня поддержали Полицеймако, Демидова, Антипов. Все выжидали и молчали. И стало мне обидно от сознания, что деньги у нас в разных банках и, защищая интересы «Таганки» — Любимова, я защищаю свои вклады, то есть это опять личная заинтересованность.

Марк Купер прислал стихи.

Как беспросветно длилась сага
Учения передового,
В литературе — без Живаго,
А на Таганке — без Живого.

Почти сто лет нас душит Яго.
Не додушил. Мы дышим снова,
Мы смотрим притчу про Живаго,
Мы смотрим повесть про Живого.

Ура, таганская шарага!
Не разменяла золотого!
Глядит Европа на Живаго,

Россия видела Живого.

Ах, Золотухин, бедолага,
Из сельского — да в городского,
Чтоб за полгода стать Живаго,
Он двадцать лет тащил Живого.

И четверть века штормового
С собой мы носим фляги с брагой.
Нам есть что выпить за Живого,
Нам есть чем чествовать Живаго.

Спасибо, Марк! Ты прослезил меня.

Денис будет поступать в семинарию и надеется, что поступит. Если все будет угодно Богу, я со временем стану отцом священника.

Любимов уехал куда-то, помахал крылом до Бонна. Что-то мне тревожно за 6-8 дней. Как бы чего не случилось, как бы содружество не устроило реванш какой-нибудь.

Любимов говорил с Б. Окуджавой, которому понравился спектакль. «Я верю Золотухину, что он может эти мысли произносить...» — какое-то подобие комплимента в мой адрес. Что вот, дескать, казалось бы, это не свойственно Золотухину, а у него получается. Ничего не понимаю.

5 июля 1993 г. Понедельник. Помывка ранним утром

29-го суд мы проиграли, но я сказал, что это победа. Обосновать свое интуитивное ощущение я не смог. Более омерзительного поведения «победителей» после оглашения решения суда я представить не могу — крики «ура!» и т. п.

Прочитал нобелевскую лекцию И. Бродского. «Не стремитесь в лидеры, это не принесет вам счастья. Берегитесь тех, кто слабее вас, а не тех, кто сильнее».

7 июля 1993 г. Среда, и это мой день

Когда я с Киевского вокзала тащил эту неподъемную сумку, я спрашивал себя: «Ну что за люди? Как они могут так надо мной издеваться? За что я это от них терплю?» И тут же отвечал себе: «Терпи-терпи, от тебя люди больше терпят!» — и примером тому почему-то пришло на ум наше собрание, где я истеричничал, срывался, требовал категорических, ультимативных

формулировок — «смертной казни» отступникам. А вчера Глаголин мне и говорит:

— Послушай меня внимательно. Я уже... мне нечего больше ждать и искать. А вы еще можете. Я имею в виду тебя, Демидову, Трофимова, тех, кто защищал Петровича. Вам надо продумать вариант, когда после Парижа он может всех послать в очередной раз подальше. Он бросит вас... И тут вы должны быть готовы создать свой театр. Демидову сделать художественным руководителем, всем сговориться и сказать об этом Любимову заранее.

— Нет, категорически нет — заранее. Каждому дню своя забота... Подготовиться на случай, сговориться — это одно, но ему... Он не бросит нас после Парижа... У него с Пецем контракт до 95-го г.

15 июля 1993 г. Четверг. На съемках «Чонкина» в Чехословакии, г. Либуше, утро

И все-таки я ничего не сказал про раздел театра, быть может, зря, а быть может, и не зря, а наоборот — правильно. Только что были выступления Губенко, Филатова, Сайко. Особенно, говорят, гнусен был Филатов. Такое впечатление, что он все время с похмелья. «Почему мы должны зарабатывать деньги семье Любимова?» — такая фраза им была обронена.

Сергей Илларионович до конца жизни моей будет помогать мне. В «Хозяине тайги» я его образ пользовал, его повадки, говор и прищур. В «Кузькине» — тоже. И вот теперь в «Чонкине» зеркальце и часы. Будут ли так вспоминать отца Денис и Сережа? Какие черточки-черты возьмут они от меня, что вспоминать будут? И отец мой спас меня в «Хозяине», да и потом. Неудобный он был человек, грубый и властный... Но для меня, для нас, для семьи, если глядеть сверху и забыть про озверелость к матери иногда, — хороший.

16 июля 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка, кофе

Еще очень одно важное дело было предпринято 12-го в передаче: было рассказано о возрождении, о строительстве храма Покрова Пресвятой Богородицы в Б. Истоке. Показаны счет и Сергий Радонежский. Эта информация, быть может, прошла несколько скомканно, но она прошла, и те, кто будут принимать Дениса в семинарию, кто-то из них, во всяком случае, мог это видеть, и сие должно помочь Денису. Денис же, таская книжки, сказал: «После передачи люди подумают, что ты грузишь кирпичи для церкви». В некотором роде это кирпичи, да. Деньги на храм. Все, что заработаю я у Ащеулова за 5 дней, отдам на храм. В конце передачи, когда в цейтноте не соображаешь правильный ответ, верное поведение, дура ведущая спросила меня: «Когда построите храм, о чем вы помолитесь?» Я задумался на мгновение и сказал: «За Россию». Это выглядело как клише, но я и сейчас не раскаиваюсь в сказанном. Наверное, умнее был бы ответ, который пришел потом: «за всех, кто помог строительству храма». Этот ответ устроил бы всех, и врагов моих, и моих сотоварищей, но я сказал «за Россию, за возрождение нации, за крепость духа народа нашего, русского».

Для кого Россия не мать, для того Господь не Отец. Господи, спаси Россию и ее душу — Русскую православную церковь.

17 июля 1993 г. Суббота, утро. Молитва, зарядка, душ

— Валерка! Я все утро о тебе думал: какой хреновый артист и какой прекрасный певец! По телевидению, «А я в ответ на твой обман...»... Никого не вызывали на «бис», это не положено, а Валерку вызывали, и он пел, на «бис»!

Этот подарок мне сделал пьяный Дубровин. А в свете того, что написано выше, у него есть основание такие слова мне сказать, и я должен прислушаться и не осуждать брата моего.

Что и требовалось. На барахолке потратил я 940 крон — купил постельное белье. И даже договорил с Дубровиным. Обижаться — это значит отчасти признать за ним правду, а ее нет, на мой взгляд. И опыт. Мы вместе поступали, естественно, следили друг за другом. Он поступил в престижный вузик ВГИК, а меня оттуда прогнали с консультации, и я поступил на оперетту. И вот мы иногда встречаемся по киношным переулкам. За съемочный день я получаю 300 000 рублей, а они — 80 000, почти в четыре раза меньше. «Ты народный или заслуженный?» — спросил он меня. В его определении «хреновый артист» есть зависть и боль. И мне его жаль. Я так был удивлен, что его взяли на актерский факультет, а меня — нет. Но и тогда я подозревал, за что его взяли, — типаж, народный типаж, рязанский мужик,

колоритный, а он еще и подыгрывал. Я удивлялся искренне. Я как будто и тогда подозревал, что на одной типажности далеко не уедешь. Бог избавил меня от ВГИКа, это тоже надо понимать, я получил театральную, сценическую закалку. Я с благодарностью вспоминаю Покровского, Баратова, И. С. Анисимову-Вульф и, конечно, Гутьерреса. Вгиковская богема — пьянство и ранняя слава, даже не слава, а просто мелькнул на экране — убила многих в зачатке. В том числе и Дубровина. Это давнишний спор — какое искусство важнее, театр или кино, что на первом месте.

Место Подебрады, конечно, райское.

Пить я не буду, но курить не брошу.

«Ты все делаешь правильно, Валерка», — говорила мне Лара, шприцуя цементом зуб. А правильным она оценила мои усилия и старания сблизить как можно больше братьев, Дениса и Сергея, утрамбовать в их сознании и душах родину отцов и дедов, Алтай, запорошить им память традициями, родством. И я позвал Дениса к вагону, в котором уезжал Сергей на Алтай, неспроста. Кроме того, что надеялся на его помощь, я хотел бы, чтоб все видели, соклассники и одновагонники, что у Сережи есть старший брат, тот самый Денис, которому и посвящена повесть «На Исток-речушку». Кстати, когда я прочитал Ленькино «Моей жене посвящается», я улыбнулся: и тут вторичен, и тут пародиен. И я слышал, как Сережка, когда все книги были погружены, спрашивал: «А где мой брат?» Это хорошо. Они носят одну фамилию и должны родниться. И разборка конфликта с Филатовым у них еще впереди.

Губенко ворвался в театр и занял его. Сказал, что никого не пустит. Что предпримет Глаголин? Не хотел бы я оказаться сейчас ни на его месте, ни вообще в театре. Первая мысль о комнате № 307, книгах и простынях.

18 июля 1993 г. Воскресенье. Молитва, зарядка, вода. Чехословакия

Весь вечер, всю ночь и по сейчас я думаю о театре: как справиться с Губенко. Я представлял себе, как не пускают в театр теперь уже меня, как посылают меня входить с другого входа, со стороны старой сцены, которая еще принадлежит как бы Любимову, как меня задерживает какой-нибудь Бохон и я ударяю его навахой, которую теперь буду носить с собой, или применяю газовый баллончик. Это война. Да, они вынуждают Любимова покинуть Россию навсегда. Боже мой!

До чего дошел Губенко — до полного бандитизма. Теперь ему все нипочем.

Сашка-то с Луневой ведь знают, что захватили театр, ведь там в 307-й комнате может быть жуткий разгром, книги мои могут выкинуть, или просто не пустить Луневу, или потребовать у нее открыть шкаф и выбросить книжки к чертям. И поселится там Губенко опять.

А я боюсь его. Вот в чем дело. Надо поразмыслить, чтоб он, Губенко, меня боялся. Он и так боится, боится моих книг. Но он переступил все нравственные границы, он попрал авторитеты, он встал на путь иной морали, он утверждает свою правоту оскорбленного, униженного, опозоренного — и ему терять нечего. Ему надо идти до конца, и это страшно. Он не остановится ни перед чем. И у него есть мои поддерживающие его телеграммы, которые он может пустить в ход при любом удобном случае, именно удобном. Как он использовал подлейшим образом Алкин, в общем безобидный, товарищеский жест, когда она дала ему почитать плохую рецензию на любимовский спектакль! «Добрый человек из Сезуана» — у евреев. Ну и что?!

Демидова никогда и не была ослеплена любимовской режиссурой, она всегда имела свой критический взгляд на вещи, спектакли, слова, общежитие наше. Что удивительного в том, что перенос постановки 25-летней давности на другую почву, культуру, язык и возрастную шкалу не дал желаемого результата?

Мне надо заранее обезопасить себя. В этой угрожающей ситуации Глаголин в своем алкогольном предвидении и предложении, очевидно, будет прав. Любимов не справится с Губенко один, и даже вместе с нами. Резкий шаг должны сделать власти. Иначе действительно после Парижа Любимов уйдет, отойдет, бросит все, и нам опять же, — спасая честь его и дело, играть репертуар здесь ли, за границей ли — надо что-то будет изобретать, какую-то промежуточную структуру во главе с Демидовой. У меня хотя бы есть Театр Армии. Есть еще «Ревизор» с комментариями Турбина.

Прочитал я рассказы Таньки Шведовой — хороши, даже чуть слеза не прошибла от воспоминаний. Я даже помню, где я их записывал — на Пальчиковом переулке, в комнате коммунальной квартиры Шацкой, на диване, когда болел. И первым слушателем была Нинка. Первые мои опыты, первые шаги, там же была приобретена машинка «Москва». Я мечтал стать писателем. Я играл в писателя. «Пиши, Зайчик, пиши!» И второй муж у нее тоже актер-писатель-режиссер-подлец. Разнообразия в Нинкиной жизни не было, волочились за ней одни актеры — Шурупов, Васильев, Ливанов, Золотухин, Бортник, Филатов, да еще критик и литератор Дмитрий Урнов. Этот серьезно добивался, розы у дверей оставлял, на белых лошадях подъезжал к коммунальному

подъезду. Она входила в десятку самых красивых молодых актрис мира. А вышла замуж за нищего студента без московской прописки и прописала у себя на площади в 10 кв. метров. «Это мой муж», — сказала она матери, указав на человека ниже ее ростом и в коротких штанах. Мать заплакала, а муж пошел в магазин за «Старкой». Ночевать ушли в общежитие театрального института.

Я влезаю в климат, в заросли слов, идей и сюжетов «зеленой тетради». Я бы мог написать быстро, очевидно. Потому что мне более или менее ясен ход и конец. Поспрошать у коллег. А у кого, собственно? Я хожу со стаканчиком к источнику и ни разу не попал под дождь, это странно. В последний мой сегодняшний выход я придумал эпилог: 18 июля каждого года, когда звенят колокола к вечерней службе, к могиле за церковной оградой подходит женщина. Ее помнят молодой. Она кладет горсть земли с 21-го подмосковного километра. Она останавливается на постоялом дворе в Доме колхозника и живет три дня. 21 июня она заказывает службу поминальную. Романа еще нет, а эпилог уже написан. Эпилог моей жизни. Вот почему мне начинает нравится отель «Либуше» города Подебрады.

Телевизор объявил, что Евтушенко 60 лет исполнилось. «В годы оттепели... — что-то брякнул диктор, — поэзия Евтушенко...»

Поэтический климат в Америке определяет Бродский, люто не любящий Евтушенко. Да вряд ли люто.

19 июля 1993 г. Понедельник. Молитва, зарядка, вода

Сегодня в 18.00 на к/с «Баррандов» просмотр дневного материала. Вот уж сегодня-то меня увидят точно.

Бродского наградили Нобелевской премией, а Евтушенко — орденом «Дружба народов». Он рано стал деятелем. Бродский ушел в себя и стал работать, говоря советским языком, над собой. Ев. Ал. стал работать на других.

Он погряз в деятельности, в соревновании с Вознесенским, в битве за популярность, скандальность — быть на виду — и в бабах тоже, в ресторанах, в застольях. Вообще, черт знает как хитроумен, дьявол. И меня он сбил с толку в свое время, и меня не приучил никто работать глубоко над собой, сидеть, писать, читать и не рыпаться за водкой-юбкой часто.

Да брось ты, Валерий, городить! Жил, как умел, написал, сколько отпущено. Интересно, конечно, посмотреть на ту жизнь, которую ты хотел бы прожить, что бы ты написал, каких женщин упустил бы. Но сколько дано — столько дано. Не можешь же ты всерьез сказать, что забодал свой талант, что не реализовался, —

не можешь. Возможности тебе были даны редкие, случай представился, и не один, чего уж Бога гневить. «21 км», «Покаяние», ты еще напишешь.

Место съемки — Божий Дар, Миловице.

Менцель: «Мне начинает нравиться русский язык».

Миловице — место, где стояли русские части. Брошенные казармы, танковые ангары, аэродром военный, пустые самолетные загоны-холмы. Пустые девятиэтажки — панельное жилье. Дома в хорошем состоянии, но никто не живет — советская проказа... Ужас. Потихоньку возвращается уважение к нам, но очень мало. Долго мы издевались над ними, долго обращали в советских рабов, убивали самостоятельность, хозяйничали в чужом доме. «Оккупанты».

Почему-то сразу всплывает Губенко. Когда-то мы его просили возглавить театр, теперь он захватывает оставленный им участок силой. Сегодня на «Таганке» какие-то события развернуться должны.

Так вот, к нам здесь плохо относятся — сужу по тому, как они завтрак суют. Но все-таки русский язык начинает нравиться, и братское славянское чувство нарождается чуть-чуть, где-то проявляется, не навязываемое танками.

20 июля 1993 г. Вторник. Утро, зарядка, молитва, вода

Ужасные вести из Москвы. Звонила Сашка. Губенко произвел территориальный захват всерьез. Все входы и выходы на новую сцену перекрыты. На служебном стоит ОМОН, и Жукова показывает: кого пускать, кого не пускать. Для наших открыт боковой вход. Глаголин ждет прокурора. Ключ от 168-й комнаты Иван Егорыч выкинул Луневой в окно. В 307-ю не попасть. Обстановка неприятная.

Трудно представить, что будет 27 августа, когда соберутся на репетицию «Живаго». Злорадствовать будет Алешка Граббе. «Вот, я говорил... дождались...» Провести репетиции на новой сцене нам не дадут. К этому надо приготовиться. Но это тоже еще не конец. Гастроли в Бонне нельзя срывать — от этого зависит все дальнейшее у Пеца. Любимова в конце августа в Москве не будет. А что же Лужков? Что скажет прокурор? И что скажет Любимов? Но нам надо подготовить спектакль к гастролям — восстановить хоры, танцы и т. п. И быть в форме. Чья же все-таки власть — Моссовета или мэрии? Что же они, Гончар и пр., наделали? «Пусть президент судится с нами». Докатились. Жуть. Театр действительно прекратит свое существование. Выполнятся гастрольные контракты, и после Парижа — конец. Если, конечно, власти не примут крутые, принципиальные меры. Но опять же...

какие и что за власти? На нашем примере — никакой власти нет. Знает ли о происшедшем Любимов? Он во всем обвинит Глаголина, а что тот может сделать, если никого нет и пожарная охрана на стороне Губенко? А Любимов на мой вопрошающий вопль, где нач. пожарной охраны: «Успокойся, он уже не работает». Наивный дед, этот Любимов. Таня Жукова выполняет свой лозунг: «Мы пойдем до конца». Они вынуждают нас уйти. Но уйдут они, а не мы. А если уйти? Может быть, этот шаг заставит одуматься властей предержащих?

Они захватывают театр, чтобы сдавать в аренду и этим кормиться, а не чтоб Любимов сдавал, грубо говоря.

Если хочешь жить легко И к начальству ближе, Держи попку высоко, А головку ниже!

Таня два года работает на Бронной, закончив Ярославский институт. Часто собирается театральная компания. Первый вопрос:

— Ну, что там у нас на сегодня с Таганкой?

— А что говорит народ?

— Что Любимов — гад. Общественное мнение на стороне Губенко.

— И почему Любимов гад?

— Не знаю. Я не понимаю, не знаю, кто прав, кто виноват. Говорят, выгнал ни за что одну актрису.

— Ни за что выгнал?! Ай-яй-яй, так вот взял да ни за что и выгнал?! Ну, во-первых, если ни за что — ее восстановит суд. Губенко выгнал, будучи художественным руководителем, одного артиста — тот восстановился судом. Будь воля Любимова, он выгнал бы больше половины. Но нет закона, и Любимов всех держит. Значит, гад, что ни за что выгнал одну актрису...

— Ну, он же уехал...

— Но он же вернулся, и в частности по нашей просьбе. И Губенко почти один сражался с Политбюро за его возвращение. Ну и что?

— Ну, а он Губенко предал!

— Да каким же образом он Губенко предал?

— Он лишил его кресла министра СССР!

— Горбачев лишился кресла! Что ты, девочка!!

В общем, не хочется говорить, писать и разбираться. Хочется бежать от этого всего куда глаза глядят. Сидя у отеля «Замечек» на лавочке, я подумал, а что, если предложить Любимову стратегический план Кутузова и издать приказ: «Подготовить театр к эвакуации». И переехать в одно из зданий, предложенных Губенко, в какой-нибудь кинотеатр. И будет так — Театр на Таганке выехал в к/т «Прага». Может, это заставит кого-то

задуматься, одуматься. Конечно, играть в этом кинотеатре мы не станем, но разобьем лагерь, чтобы выполнить свое условие — под одной крышей ни за что!! Там будут храниться наши декорации, костюмы, там мы будем репетировать и ждать очередных гастролей. Или попросить-таки убежище у Назарбаева или Собчака? У Собчака, скорее! Это вообще-то скандал, правда, все, что ни делается подобного — той части на руку. Им терять нечего — хоть так хоть эдак.

21 июля 1993 г. Среда, мой день. Молитва, зарядка, душ

Все мысли там, на Таганке. Почему-то подумал: а ведь они могут открыться символически, и даже с помпой-прессой, «Добрым человеком». Кто им может помешать? Цюрих? Да в гробу они видали все Цюрихи. Вся команда «Доброго» у них в сборе.

Если так мы будем строить церковь, я не услышу при жизни звон ее колоколов. Надо что-то придумать! Где взять деньги? Мало хожу, мало прошу. Куда, на какой завод можно пойти в Бийске? Какому дяде бухнуться в сапоги? А в Барнауле?! А в Москве? В Барнауле — в крайисполком. Красноярск помогает или нет?! Хорошо бы Сережины ребята нагрянули в Б. Исток. Пошли бы на строительство, час поработали, шума бы понаделали, глядишь — и дальше сдвинулась бы телега... Ну, дам я концерт благотворительный в Б. Истоке — по сколько собирать, по 200-300 рублей? Ну, соберу десять тысяч на 10 бутылок водки!! Что-то надо предпринимать масштабное. Год целый фундамент закладываем. Стены должны подниматься быстрее. Господи, спаси и сохрани нас, помоги нам, грешным!

22 июля 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка, душ, завтрак

А вчера было ЧП. Жарков был пьян и не мог текст сказать. И Ильин тоже. Менцель обиделся. Каждый день 200 000 крон стоит. Большое наметилось отставание — погода, болезнь Назарова — и такое безобразие! Ну как им нас не презирать? Как они могут слышать спокойно русскую речь или относиться по-братски к нам? И англичане недовольны. Виноградова предлагает собраться и высказать Жаркову все, и про то, как вести себя за границей надо. Смех!

Взял пилу, нашел лопату, вырубил себе дубок и выстругал палку. Дубок рос на обочине у просеки, у глубокой колеи его бы сломало, смяло гусеницами и хвостами. А так память мне о «Чонкине», Миловицах и Божьем Даре.

23 июля 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка, душ, завтрак

Звонки из Москвы — осада продолжается. Перепуганные

кассирши печатают свои отчеты у Глаголина.

Районный прокурор: «Это не в моей компетенции». Шацкая комиссарит в театре — проводила Сашу до 307-й, но пачки вынести не дала, «Золотухин скажет, что его обокрали». Смехов в «МК» заявляет, что творчества на «Таганке» нет, есть кастрюли, в которые друг другу плюют. Веня! Есть спектакли и история театра!! Ладно-ладно...

Все мысли, эмоции, желудочные переживания связаны со словом «Губенко». Что же будет дальше?

25 июля 1993 г. Воскресенье. Молитва, зарядка, душ

Всю ночь опять дрелью выпиливал замки, в новое здание пробиваясь, там и сям случалась драка, чудилась мне живая цепь — «возьмемся за руки, друзья!» — перед входом в театр из зрителей и артистов, не пускающих Губенко. Черт-те что!

И опять, и опять я склоняюсь к решению, что 27 августа надо не затевать свару, а порепетировать «Живаго» на старой сцене, распеться, восстановить танцы. Весь штурм по вышибанию начать, когда театр официально вернется из отпуска. И рад бы не думать об этом, но не получается — держусь еще за счет своих старых, но спасительных призывов: молитва, терпение, форма. Форма, чтобы хорошо играть «Живаго» и «Павла I». Для того, чтобы заработать в достаточном количестве немецкие марки, издать книжку, поменять машину и отвезти достаточное количество тысяч на храм. Форма для того, чтобы продвигался «21-й км», он же «Покаяние».

Устал я еще вчера от того, что долго длился день, что не оправдались моя ожидания и мои надежды на тронную речь Килина, что снято это для меня невыгодно и преступно для русской картины о войне. Это событие превращено черт знает во что! Актер придумывает краску, что он засыпает за столом, перед народом, и режиссер радуется этой находке. Что же нам скажут русские люди? «Над чем смеетесь?» Нет, над собой можно и нужно смеяться, но не до такого же маразма.

Прогулка на два половиной часа в Нунбург на велосипеде за 18 крон. А если честно — Бог послал мне «Чонкина». Какое резкое переключение скорости в крови, в моче, во всем! И такая работа — легкая и хорошо оплачиваемая. 2 миллиона рублей!! За что?!

Эпизод из спектакля «Холостяки» с Менцелем — просто гениально по технике! Откуда такая пластика, такая трюковая спортивно-салютная подготовка, вот это школа! Мне с опереточной подготовкой делать там нечего, это цирковая силовая школа. Блеск! И кино хорошее! Простое, хорошее кино, которое снял он, когда ему было 27 лет. Да, это их звезда.

Володю я вспоминаю в связи с оценивающим мой внешний вид действующим лицом № 1 из повести «21 км» — «Покаяние». Володя говорил, что мне хватит прикидываться колхозником, пора следить за собой и своей одеждой: — Ты уже давно не тот, что был, каким приехал и на чем выехал. Ты известный артист, тебя узнают, на тебя смотрят. «Что, пропивает все и у него не на что купить себе приличный костюм? Или до такой степени жадный?» Не смешно это уж все... не потешно.

27 июля 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка, душ, кофе

«Реформа» — такое слово было в немецких известиях о наших событиях. И опять Хасбулатов с коротким заявлением. Во неймется! В самом деле, ведь какие-то меры с этими бумажками надо принимать. Я понимаю, что население отчасти пострадает. От какой реформы денежной не страдало население, и кто когда об этом населении думал, и надо ли думать о нем, об этом населении самом, которое так плохо работает и не верит ни в Бога, ни в Ельцина?

17 августа 1993 г. Вторник

Всю ночь плакал о Денисе, оставив его за решеткой ворот Лавры, одинокого — Господи, прости! — одинокого в своей кровати на сетке, в келье на 20 человек. Он снова «в армии».

Пишу — плачу...

И вторая тема плача — Герострат Николаевич Губенко. То, что я увидел вчера в театре, врагу не пожелаешь. Это же надо так расправиться с Любимовым, с историей театра.

Я долго боялся идти. Не хотелось видеть, встречаться с бывшими коллегами. А потом думаю — да чего я боюсь, чего я испугался? Подъехал к бывшему подъезду, с волнением неуемным подхожу к стеклянным дверям. В дверях мальчик, за ним Шацкая, машет руками:

— Не пускать!

Я также жестом подзываю ее к себе.

— Мне в 307-ю, там мои вещи...

— Все опечатано, и твой шкаф тоже. Надо спросить Токарева.

Уходит. Долго никого нет. Идет дождь. Бежит Габец, с видом «как можно не пускать Золотухина?».

— Спасибо, Лена.

— Посиди здесь, Валера.

Сажусь.

Сайко:

— Привет!

— Привет.

Втроем они, Щацкая, Лена Габец и Лена-уборщица, сопровождают меня к моей гримерной. Габец дает мне ключ.

Шацкая:

— Открой сама!

— Зачем? Это его гримерная.

Открываю. Они садятся, две Лены, к столу писать акт — чтоя возьму. Достаю афишки с просьбой помочь храму. Шацкая внимательно прочитывает всю листовку.

— Сколько здесь штук? Посчитай...

— Нина, что за глупости — весь тираж.

Все пишут «понятые», и я расписываюсь в получении. Делаю все молча, наблюдаю. Жду, когда Шацкая спросит, как Денис. Ничего подобного. Какие-то глупые реплики, но очень деловые. Паноптикум. Закрываю сам дверь. Отдаю ключ. Благодарю. Ухожу. Внизу опять Сайко, Шацкая — охраняют от меня театр. У них сегодня праздник — у Губенко день рождения. В журнале «Столица» статья Горелова — гнуснее не придумаешь. В той же «Столице» год назад подобная, только очень талантливая статья Минкина о Губенко. Такая вот история. И ни слова о Денисе. Во что может превратиться мама! Бабка — лучший, единственно близкий и нужный Денису человек. Вот о чем еще я плакал.

Я оставил его за огромной решеткой ворот. Уходя, я два-три раза оглянулся — Денис махал мне рукой.

20 августа 1993 г. Пятница, молитва, зарядка

«Денис!

Я вижу, что творится с тобой, в душе твоей; я вижу и чувствую твой страх и твою растерянность после всего того, что осталось позади, и тебе объявили, что ты принят. Втайне ты еще надеялся, что тебя отринут и ты опять будешь предоставлен самому себе, своим вольным занятиям и в общем-то праздной жизни. Но Богу было угодно призвать все-таки тебя и к себе приблизить, и ты понял, что это уже серьезно и с каждом часом пространство, отделяющее тебя от нас, сужается.

Выбор сделан, и дальше — жизнь, скудная утехами и развлечениями. И ты снова загрустил, как тогда, когда ты сидел на средней лавочке и ел мороженое у пруда с лебедями, и в отчаянии и смятении душевном пошел звонить бабушке, единственно близкой тебе душе и верно любящей тебя всякого. Так вот. Не грусти. Все пути, которыми ты шел до сих пор, на которых топтался

невнятно и безответственно, эти пути так или иначе были тебе навязаны и подсказаны кем-то, обстоятельствами ли, людьми ли, семейными условиями... Этот же путь избран тобой самим, он никем не подсказан, тем паче что он многими неприемлем. Как это?.. Что это?.. Менять режиссуру, творчество, славу будущую, в конце концов, на келью, на затворничество, на прозябание в неизвестности — тут много, что можно наговорить. Но ты на этот путь вышел сам, никто тебя не неволил и не принуждал, никто не агитировал и не соблазнял.

Это твое решение, это твое состояние, оно самостоятельно, и только так и тогда человек начинает относиться к себе с уважением, и люди начинают его уважать. Режиссура — это от родителей, от внешних условий жизни. Семинария — это то, к чему ты пришел сам, и я благодарю за это Бога. И не слушай никого, кроме сердца своего, и терпи. Дай Бог тебе терпения и выносливости на этом пути. Россия, как это ни громко будет сказано, нуждается нынче более в хороших священниках, чем в артистах и режиссерах.

Режиссером может быть всякий, в священники идут люди, отмеченные Богом, — так мне думается, да я и убежден в этом. Благослови тебя Господь, милый сынок мой! Успокой душу и сердце свое — вперед и к Богу. А я всегда с тобой и всегда поддержу тебя. Ты спрашиваешь, как отнесся Серега, небось скептически? Нет. Он, конечно, сказал, что стал бы режиссером на твоем месте. Но Сереже еще расти и расти, и неизвестно — быть может, и он придет на твое место, то есть в семинарию. Пути Господни неисповедимы. Это так. У Сережи сегодня день рождения. Ему исполнилось 14 лет. Сейчас он спит. С Сережей тоже будет непросто. Вот он мне сказал: «А я здоров... нет, не здоров, у меня нервы не в порядке. Когда я был на Алтае, Витька, у которых я жил, сказал мне, что я разговариваю, матерюсь, встаю, хожу — и все во сне. Говорят, что таких можно взять во сне за правую руку, и они все о себе расскажут». Я за Сережей эту странность тоже заметил, и она напугала меня. Ты говоришь, что ему нужно в церковь, — вот и помоги. Между прочим, заговор — это не есть еретиканство, это ведь тоже молитва своего рода... Быть может, у Сережи что-то от матери, от ее генов. Она структуры нервной, очень тонкой, неординарной, по нашему здравому

суждению — больной, рефлексирующий».

Перед тем как пойти к Денису, пришел к раке С. Радонежского, ударился лбом, поцеловал его мощи святые, просил его заступиться перед Господом за меня, молиться за меня, многое чего просил я у него. А Денис вышел ко мне в белом халате и с теплым пакетом съестного — осетрина. Ну и ну! Вкуснятина. Так ему хотелось угостить меня. И ему это удалось.

Я говорил сейчас с Любимовым. «Валерий! Не падай духом! Как ты себя чувствуешь? Я рад, что ты в бодром настроении. Возьми бразды правления в Бонне. Сообщите в канцелярию Ельцина, что они срывают нам гастроли в столице ФРГ. Гурьянову — чтобы был немецкий специалист по звуку и свету».

23 августа 1993 г. Понедельник. Молитва, зарядка

Не понимают проблемы. «А нельзя так: неделю они играют, неделю — вы...» Компромисс. С бандитами под одной крышей.

26 августа 1993 г. Четверг, зарядка, молитва

Гришков показывал вчера пистолеты газовые. Теперь и Кирилл, и он сам вооружены. Зачем? Ты вытащил газовый, а взамен получил пулю. То, что и произошло с Тальковым.

30 августа 1993 г. Понедельник. «Ил-86»

Вчера у Демидовой в квартире-вернисаже — заседание редакционной комиссии по поводу предстоящего заявления о закрытии театра в день открытия сезона или сбора труппы 8 августа. Домой вернулся во втором часу ночи. Сели в 21.00. Помог Валуцкий <Валуцкий Владимир — сценарист, муж А. Демидовой.>. Какой-то проект заявления для средств массовой информации мы набросали. Но труппа боится слов «закрытие театра». «А дальше? А что мы? Куда?» Постепенно обрабатываю, готовлю каждого к тому, какое заявление в этой ситуации может сделать Любимов. Он — хозяин репертуара, автор, он может просто запретить играть свой репертуар.

Прибыли в Бонн. Отель «Консул», № 110.

Готовлю аппаратуру к встрече с шефом, варю кофе, думаю, когда мне звонить в Москву и кому сначала. Я приготовил стол, стул — мизансцену для Любимова. Он пришел, сел и сразу:

— Ну, чем кончилось ваше заседание? — Намекал на наше собрание у Демидовой. — Видишь, я в курсе, я все знаю.

Я зачитал заявление. Как ни готовил коллег, оно прозвучало громом с ясного неба.

Любимов, прочитав интервью:

— Я хотел бы выяснить поподробнее, в чем моя жестокость.

2 сентября 1993 г. Четверг. 8.30 — молитва, зарядка, душ

Звонила Москва, ничего утешительного. Единственный вариант: по просьбе СТД сыграть несколько спектаклей в театре Вахтангова. Поговорить с Ульяновым, найти спонсора. Путь один — бесконечное напоминание, бесконечное совершенство звука и пластики, музыкальности. И не зацикливаться на высоких материях — это приносит заработок. Вот что главное, но зарабатывать надо честно, высокий профессионализм и эмоциональность вернутся сторицей. Ужас заключается в том, что болят ноги. И я боюсь за свое будущее, за свою профессию. У меня в банке — нуль. Как я буду жить, на что буду существовать, когда не смогу подняться на сцену?.. В один прекрасный момент я сяду в «Живаго» на планшет и не смогу подняться с него. Что это? Ревматизм, артрит, что у меня с ногой правой? Перетрудил! Чем, где, когда? А расходы, даже ближайшие, предполагают свободный миллион. Не говоря о том, что необходимо избавляться от моей машины и купить новое средство передвижения. Заплатить за Денискино обучение.

И вот свалилась болезнь, и вся эта дребедень с закрытием театра. При больных ногах я и ЦТСА не нужен. И «На бойком месте» пройдет без меня. И ничего не хочется читать. И не хочется, что хуже всего, доставать «зеленую тетрадь». Надо скорее дописать «21 км».

Комитет прекращает финансирование Таганки. Что тогда? Мы самораспускаемся. Губенко занимает остальную часть театра, и его «Содружество» начинает финансироваться по приказу Моссовета тем же комитетом. У нас ни здания, ни счета, на балансе ничего. Те, кто не на гастролях, не с нами, лишаются даже рублей. Красивый подарок мы им готовим, за границей сидючи и валюту получая. Как бы тут не вляпаться! Да закрывайтесь, хрен с вами! Нам-то что! Мы у вас не играем, вы нас не пускали. Вы нас заставили в другой кассе деньги получать, вы нас выгнали. Теперь паситесь по Европе.

3 сентября 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка

Купить зонт, что ли, и револьвер? От кого защищаться-то? От Губенко, что ли? После интервью Беляев мне сказал, что она (статья) вызовет ответные слова. Да хрен с ними, пусть вызывает. Когда материал был у меня на подписи, я еще несколько колебался, прочитывал о Губенко и думал, не убрать ли... нет, все правильно. Пусть будет так.

4 сентября 1993 г. Суббота. Молитва, зарядка

Тамара Сидорова — скрипачка-виртуозка в восторге от нашего с Пеховичем дуэта. «Здорово, потрясающе... он на еврейском, ты на русском — так чисто сливаются голоса! Кто это придумал? Любимов... Все он...» Кстати, после первого спектакля Любимов сам похвалил, как мы пели. Даже я понял его заявление — не возвращаться на Родину, и труппа солидарна с ним — в России не работать. Что теперь скажет Родина?

Во, блин, решился купить пистолет, а разобраться в них не смог. С удивлением взирала на меня немка — что же это за мужик, в оружии ни хрена не соображает, а собирается покупать и пользоваться. Надо с кем-то, кто знает и умеет. Грустно идет у меня последний день в Бонне, одно утешение — кажется, звучит голос. Звучит в той мере, которой хватит на спектакль.

5 сентября 1993 г. Воскресенье. Молитва, зарядка

Панов сдержал слово и заслал ко мне покупателей. Ровно на 200 марок продал я своих книг. Разом за десять штук оправдал 100 тыс. руб., что заплатил Краснопольскому за 50 пачек. Но и перспектива дальнейшей продажи есть. Слава берется помочь, и в Мюнхене должно уйти много книг. 100 000 на храм я обязательно в этот раз перечислю. Бог помогает мне. А пистолет куплю в следующий раз, если все пойдет по плану. Интервью состоялось. «Как вы поддерживаете такую форму, где нужно и петь, и танцевать, и играть все два с лишним часа?» Первое условие контракта с Любимовым — исключить спиртное во всех его проявлениях. Ежедневно станок, гимнастика, уроки пения. Это физическая форма. Но на одной спортивной форме этот спектакль, где Бог, религия, христианские мотивы занимают так много пространства, не сыграешь. Необходима душевная форма, постоянное обращение к Богу, к Святому писанию, некоторая отрешенность от мира, посещение храмов, чтение божественных книг, житий святых, то есть постоянное в себе поддержание связи с небом, с Богом. «Это видно, это очень заметно», — комментирует по ходу записи Ганс (так я его назову). Спрашивал о религии (верующий ли?), о политике. Чего-то я плел, чего-то Юля переводила.

Пойду-ка я поем. Ну вот и все, теперь аэроплан — и мягкой посадки. Венька ждет, какие-то грандиозные планы начертал, встречи с корреспондентами. Кабинет Любимова — надписи, картинки, чучела. Все это тоже вплелось, впуталось в нашу жизнь. Ну, с Богом!

8 сентября 1993 г. Среда, мой день

Все прошло чисто. Венька зачитал письмо шефа, я зачитал заявление труппы. «Содружество» явилось в полном составе, боясь увольнения. С Жуковой даже намека на взаимопонимание не произошло — кругом «виноват» Любимов. «А зачем мне уходить в другое здание? Я 27 лет проработала. Из Щукинского берем дипломные спектакли...»

Не похоже, что их заявления наши напугали...

Любимов — никаких компромиссов. Очень хорошие дела в Бонне, дают «крышу» в Финляндии, зовут в Грецию. «Медея» с А. Демидовой, «Живаго», «Борис Годунов», «Живой». Некоторое ощущение победы. Замечательно все напечатали «Московские новости». Прекрасный комментарий редакционный — Нина Агишева.

10 сентября 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка

«Верните театр Любимову!» Вот что должны сделать заводы — Часовой и АЗЛК, — демонстрация у театра: «Губенко! Вон из театра Любимова!! Руки прочь от Таганки!!»

Нет, такого не будет.

Странно время мое мчится. Живу в ожидании чего-то. Дал телеграмму в «Коммерсант»:

«Ни в письме Любимова, ни в заявлении труппы ни слова нет о решении суда. К чему такая дезинформация ваших читателей и наших зрителей?! Театр закрыт по причине захвата сцены Губенко. Нас не пускают даже в театр, не то что играть какие-то там спектакли. Не лучше ли напечатать обращение Любимова, чем сочинять за него текст. С уважением В. Золотухин».

14 сентября 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка

Вчера хоронил репертуар, роли, пьесы. Грустно. Я прятал в сундук мою жизнь. Театр ушел в легенду. Мы, кажется (не я, я знаю, что сделал Любимов, т. е. сделали-то, безусловно, мы, то, что ему не удалось в 83-м), не совсем улавливаем до конца, что произошло.

«Литературная газета». Многие друзья отказываются комментировать.

— Что вы говорите? Это неожиданность для меня!

— Для меня тоже. То есть я-то комментирую, и позиция газеты однозначная. Но вот...

— Нет ли у вас фотографий, ранних, когда вы все еще были вместе, едины?

— Да едиными мы, в общем-то, никогда не были. Все это миф...

18 сентября 1993 г. Суббота. Молитва, зарядка, душ

Привычка — душа державы. Голова, и душа, и сердце — все работает в направлении переживаний по поводу захвата и гибели театра. Вчера какой-то неприятный разговор в регистратуре зубной поликлиники. Бабки с такой рьяностью защищают Губенко — «талантливый актер», «организатор», «патриот»... «А ваш Любимов...» И все это с такой злорадной улыбкой и крысиным прищуром глаз. Вот тебе и общественное мнение! Фурману надо написать письмо, чтобы организовал подписи в защиту Любимова. «Губенко — руки прочь от Таганки!» Не может ли Собчак приютить Театр на Таганке в марте-апреле? Не может ли Гусев — интеллигенцию поднять? <Гусев Владимир — директор Русского музея в Петербурге.>

21 сентября 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка

Денис хочет жениться. Ищет моего благословения и понимания. Она работает в столовой. О. Александр говорит: «Не дам благословения». Бабушка от слез опухла, полез характер. Мать: «Пока не станет человеком...» — т. е. пока не окончит 4-й курс семинарии.

Ельцин распустил парламент. Хасбулатов намерен оборонять Белый дом. Перед Белым домом скопление народа. Депутат Константинов призвал народ не расходиться и строить баррикады. Что это значит? Как это повлияет на нашу жизнь? На мою, в частности? Я молю Бога в защиту Ельцина

Любимов при разговоре с Глаголиным произнес фразу: «Пока мне не вернут все здание театра, ноги моей в Москве не будет!» Произнесено «пока не вернут» — значит, если вернут, он откроет театр и как бы забудет властям попусти-тельство. Но что будет сейчас, в связи с указом президента? В Москве спокойно. Говорят, Ельцина поддерживает мировая общественность. Советы Нижнего Новгорода против Ельцина.

23 сентября 1993 г. Четверг. Молитвы, кофе

Победа Ельцина — наша победа над Губенко, над Моссоветом. Только была бы победа!.. Господи, помоги ему и нам! Это еще и победа Лужкова над Гончаром, и это еще, быть может, важнее в нашем деле, в деле Театра на Таганке. Но как-то так зыбко все... В который раз я слышу за один час слова «опухший президент», я и сам это отметил про себя... но мало ли, даже если выпил и проспался... Ну и что?

7 октября 1993 г. Не помню день недели

Но чувствую себя уверенно, с внутренней гордостью за вчерашнего «Павла I». Господь Бог не оставил меня, хотя весь день трясло от страха и за текст, и вообще за то, что произошло в стране. Но откуда что взялось? Когда артист жалеет о том, что его сейчас не видит, не смотрит режиссер, это признак хороший. Очевидно, в виду надо иметь все-таки совестливого актера. Я думаю, что я такой...

8 октября 1993 г. Пятница. Утро, церковь

Сергий Радонежский. День рождения Ксении. И целый день театр — кем и от кого охраняется наше здание? Моя версия: оно необходимо было путчистам как стратегическая высота и прибежище боевиков. Без саперов туда нельзя входить.

9 октября 1993 г. Суббота. Отель «Лилиенштейн», № 808

Ну, во-первых, Дрезден, и это уже слава Богу. Никогда не думал, что столь многословен и болтлив. Это от административной горячки — дорвался до распоряжений и решений, что, собственно говоря, погубило и Руцкого.

Надо вернуть театр как можно быстрее. Надо что-то придумать, чтобы вышвырнуть охрану. Мы сломаем двери в двух местах и вышвырнем без драки. Нет, надо попробовать через Панкратова. А вообще сломать двери надо — артисты народ эмоциональный, а еще студенты...

10 октября 1993 г. Воскресенье. Молитва, зарядка

Всю эту панихидную канитель по утраченному времени надо бросить и начать снова новую жизнь в новой России. А письма Филатова я все-таки опубликую. Хотя в свете танкового удара президента хотел я ему это простить, но Шацкая вовремя меня остановила. Не будем злорадствовать — артистов подставили, но они вели и ведут себя все-таки омерзительно. Какое-то собрание было у них. «Это дело кончилось», — слова А. Богиной, ставшей почему-то под знамена Седых-Бондаренко — Губенко. А был ли Губенко на этом собрании?

Ночь у меня одна была странная — я всю ночь сочинял письмо к ним с тезисами о примирении, сесть опять рядком да поговорить ладком, забыть обиды и не выяснять отношений, не считать грехов друг друга и не отгадывать, кто начал и зачем. Но мне наутро объяснила Л. М.: «С высоты победителей для них это унизительно». Но почему мир, даже с высоты победителей, хуже войны? Впрочем, еще поглядим.

11 октября 1993 г. Понедельник. «Ту-154»

Пец считает, что срыв двух спектаклей в Рейсельгаузе — вина Любимова, который в интервью в Бонне иностранным журналистам много говорил, что театр умер, театра нет, театр он закрыл. Политика, политика, и ни слова о «Живаго». «Какая Таганка? Ее же нет!»

12 октября 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка

Что касается освобождения театра — оно затягивается. Так просто их оттуда не выкуришь. Бумага за бумагой, суд да пересуд. «Зачем вам помещение, если вы объявили о закрытии театра?» И правильно говорят. Поэтому пусть власти, если они хотят, чтоб была «Таганка», вернут нам помещение и выкурят охрану «Эдила».

14 октября 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка

Со мною Бог, а с ними Колька...

«Петровка, 38.
Начальнику ГУВД г. Москвы
Панкратову В. И.

Уважаемый Владимир Иосифович!

Решением арбитражного суда Театру на Таганке возвращено его помещение. Однако частная охрана «Эдил», нанятая Губенко с бывшим депутатом Седых-Бондаренко, не подчиняется решению суда и не пускает нас в театр. Убедительно просим Вас вмешаться в нашу проблему и снять частную охрану с государственного театра.

С уважением народный артист В. Золотухин».

15 октября 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка

Мозг, душа, сердце — все органы и все время подчинены одной проблеме, одной цели: что бы еще изобрести, кому дозвониться, написать, послать факс или телеграмму с просьбой помочь выбить губенковскую охрану из театра.

16 октября 1993 г. Суббота. Молитва, зарядка

И вот нет Турбина, и вот я уже не поговорю с ним о Хлестакове, а он звал, предлагал... Боже! Как мы не любим себя!

К вопросу «возлюби ближнего, как самого себя», к вопросу об эгоизме.

17 октября 1993 г. Воскресенье — отдай Богу

Я вывесил в театре решение совета коллектива следующего содержания:

«В связи с решением арбитражного суда о возвращении Театру на Таганке всего комплекса зданий, а также с резко изменившейся политической ситуацией в стране просить художественного руководители и директора Театра на Таганке Ю. П. Любимова разрешить подготовить театр к открытию 30-го сезона 12 декабря в день новых демократических выборов премьерой спектакля „Доктор Живаго“.

Приклеено это было 14-го, а 15-го утром я увидел только следы от листка. Противоборствующая сторона хозяйничает уже и на нашей стороне. Чудовищно! Сплошное насилие. Грязь и запустение на той половине. Мусор лезет из урн. Бродят голодные кошки, ОМОН сутками смотрит телевизор. Нашли теплое место.

18 октября 1993 г. Понедельник. Молитва, зарядка

Коротаю вечер, чтоб скорее лечь спать, ничего не лезет в ум после девяти часов вечера. Утомляемость жуткая. Безделье это называется, я тоскую по 307-й гримерной, по закоулкам той сцены и ее закулисья. Неужели мы не вернем себе эту сцену? Провал их замыслов очевиден, их жалко, и все-таки они не сдаются, не уходят, не поднимают руки вверх! Хочется предложить им написать каждому индивидуальное письмо Любимову, дескать, прости, отец родной, бес попутал. Да разве они пойдут на это?! Гордые.

19 октября 1993 г. Вторник. Молитва. Зарядка

Да! Надо ведь все-таки составить репертуар. Или не торопиться, пока не решится вопрос и не уйдет охрана? Вчера распространился слух, будто сами охранники сказали, что они только до конца месяца, а дальше у спонсора нет денег, нечем платить. Очень возможно, что это провокация, чтоб усыпить нашу бдительность, чтоб мы прекратили активные юридические действия, а 31 октября — это 40 дней со дня указа. Большевики попробуют, быть может, взять реванш.

20 октября 1993 г. Среда, мой день. Молитва, зарядка

Надо пошуметь. Таково ночное мое решение. Мы мало помогаем закону, решению суда. Мы пишем бумаги, даем телеграммы, а надо заявить о себе как о монолите, о коллективе, о театре в конце концов. Мне кажется, необходимо погорланить, помахать удостоверениями, решениями суда, распечатать и дать каждому в руки. А числа 22-го надо явиться к служебному входу,

вызвать милицию, администрацию округа, назначить репетицию на новой сцене приказом или явиться неожиданно, чтоб не дать собраться тем, с той стороны, по ту сторону стекла, уже разбитого.

Поэтому, наверное, поход наш к стеклянным дверям нужно сохранить в тайне. Иначе информация будет донесена Токареву, он всех свистнет и не избежать провокаций и беспорядков. Но пошуметь необходимо. Надо это, надо перед длительным отъездом труппы — сначала в Германию, затем в Испанию.

«Матросская тишина» — это, извините меня, чепуха. Сентиментальная, не талантливая драматургия на еврейскую душещипательную тему, вторичная. Хороший человек Галич, но этого мало. И театр Табакова зря тратит время и силы на ностальгические опусы молодого «Современника». Ну зачем? Не понимаю...

21 октября 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка

Вчера в театре были чины из Управления, с Петровки, 38. Настроены благожелательно, пригласили они и от 70-го отделения представителя. «Помогите людям!» — была сказана такая фраза ими. Какой-то был составлен протокол, чего-то подписывали. Сегодня в мое отсутствие движений никаких. Борис против того, чтобы «пошуметь», против похода труппы к стеклянным дверям. Ну, ладно, однако завтра посоветуемся еще.

Подколзин: «Хочу поручить ему организовать мои концерты 11-12 ноября, которые положили бы камень создания фонда помощи неимущим работникам Театра на Таганке — фонда Любимова».

А почему я не написал, что ко мне вчера приходил Рыжий Валя — не знаю. Наверное, потому, что я, как и много лет назад, не воспринимаю его всерьез — почему вдруг Войнович, «2042», зачем, что за чушь? Ну, отчасти смешно, забавно, как Солженицын — Сим Симыч — царем становится на Руси, но бред, конечно. А я тут при чем?

26 октября 1993 г. Вторник. Отель «Дойчес-театр»

Готовлюсь к пресс-конференции. Зарядил пленку. Надо выйти и купить новые батарейки — хочу записать свои ответы. Почему-то всю ночь слышался вопрос: «Что вы делали, где были 3-4 октября?» Ответ: «Пил водку и смотрел, пока не вырубились все программы, потом пытался слушать приемник, но водка свалила, а когда проснулся — услышал, что Руцкой и Хасбулатов взяты и находятся в Лефортове, в следственном изоляторе». Еще ответ: «Был в ближнем зарубежье, в Литве, в Клайпеде, с шефскими

концертами перед русскоязычной публикой, ничего не знал о заговоре». Еще ответ: «Был в С. Посаде у сына, его поддерживал». Все это муть и ложь, кроме первого ответа.

Господи! Пошли мне удачи в сегодняшней болтовне, озари мой ум метафорами и красивым слогом изъяснения, сделай так, чтоб слово мое помогло Пецу набить зрительный зал Дойчес-театра так, чтоб яблоку негде было упасть. Пусть придут все эмигранты и диссиденты, космополиты, фашисты и коммунисты, демократы и монархисты. Лишь бы их было много на всех объявленных спектаклях.

Странно. Или автобус развозит труппу действительно по пяти гостиницам, и сюда в последнюю очередь, или, что всего вероятнее, опоздал самолет. Самое невероятное — Губенко бомбу подложил, да промахнулся — меня в самолете не оказалось. Шутки шутками, но ведь половина одиннадцатого. А жду я единственной вести — сняли охрану или не сняли.

Что случилось в театре за день моего отсутствия в Москве?

28 октября 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка, душ

Я видел вчера счастливого Шнитке, я видел его таким, каким хотел видеть в Вене и не увидел.

— Альфред Галич, мы не стали хуже после Вены?

— Гораздо, гораздо лучше, гораздо лучше... Я счастлив, что я это увидел, спасибо. Я вам очень благодарен, спасибо, спасибо! Мне этого так не хватает здесь...

Жена его тоже была озарена и повторяла за ним, улыбаясь тепло: «Намного лучше, намного, очень хорошо!» Я видел людей искренних и был счастлив, я обнимал их, целовал, я не мог удержать себя от этого телячьего восторга и его проявления. У Шнитке, казалось, на глазах были слезы, и выглядел он мощно, а не немощно.

29 октября 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка, душ

Из политики надо выйти, хотя несколько поздновато. Но анализирую газету «День», подсунутую мне Цветковым, и понимаю, что связываться с ними даже косвенно — ну их на хрен. Вывешенное решение совета трудового коллектива — открыть театр в связи с резко изменившейся политической ситуацией, то есть победой Ельцина, — это прямое, безоговорочное свидетельство баррикадности против «Дня», «Памяти», «Русского собора». Ну и когда и зачем в такой ситуации, когда начинаешь дрожать уже за свою шкуру в прямом смысле, писать?! По мне иной раз кажется — да и хрен бы с ним, с театром, закрыли и закрыли. Если даже 2 ноября проиграем, особенно переживать не

стану — меньше хлопот. Нет, Валерий Сергеевич! Так напугали тебя хорошие фамилии в этой газетенке... Да Ларису Баранову ты еще в те времена, что подвизался в издательстве «Современник», недолюбливал, и были вы явно чужими, а теперь, когда указом президента «Русский собор» прихлопнут, там визгу будет много и тебя там вспомнят не самым добрым словом. Думаю, оттого и не звонит тебе Кондакова, ни та ни другая. И с ними ты разделен, и теперь навсегда, выстрелами танков по Белому дому, тут смешалось все. Занимаясь «Живаго», ты ушел в сторону от них, ушел еще дальше, чем был, и ушел ты, естественно, с Любимовым. Новое издание выступает за возрождение Отечества на основе православия, соборности, государственности и единения народов России. Главный редактор — Лариса Баранова-Гонченко. Слова и программа — православие, соборность, государственность, единение — хорошие, они не противоречат тому, что хочу, к примеру, я — ничуть. Но действуют они на разрушение и уничтожение власти избранной, обвиняя ее в продажности Западу и т. д. Но надо все-таки активность политическую вашу, В. С., погасить. Она, в общем-то, и распространяется только на пространство театра и в борьбе за помещение противу Филатова-Губенко. Где-то там, на Алтае, в Белокурихе, где отдыхает неудавшийся губернатор Красноярска Романов, где-то там есть гнездышко этих спасителей России через русский национализм, а лучше — русский, примитивный ностальгирующий по СССР и ставящий идиотский знак равенства между бывшим СССР и возрожденной Россией.

«Нашу газету читают на всей территории СССР». Надо же, перед СССР они даже не ставят «бывший» — так он, СССР, для них дорог и вечно живой.

Еще раз перечитал документы о закрытии театра в «МН». Это было сделано сильно, красиво и аргументированно для всех. Может быть, и не торопиться открывать театр, пока народ не востребует... если востребует. Но ведь такая страшная ситуация и такое оцепенелое равнодушие, что, по-моему, мало вообще кто знает, что театр закрыт, что в театре мрак, смерть, что театр не играет спектакли. Вот ведь беда, вот ведь в чем дело!

И если мы сами не пошевелимся, то так и останется театр закрытым. Может быть, и хорошо? Может быть. Но это и для Губенко отлично — ни мне, ни вам. А если мы откроемся в двух залах — ему будет плохо. Из этого и надо исходить. А зрителю будет хорошо. И из этого надо исходить. И рубли-зарплату мы будем снова получать не зазря, а по праву — это тоже говорит за то, что театр открыть необходимо, но в двух одновременно залах. Тогда это — победа!!! Я думаю, общественное мнение, начиная с

момента захвата, повернулось в нашу сторону. Это я к тому, что судьи должны быть 2 ноября на нашей стороне.

В декабре — два года позорной тяжбы. Чтение контракта-проекта Любимова с Поповым. Начало смуты.

30 октября 1993 г. Суббота. 8.30. Молитва, зарядка, душ

Вчерашний спектакль был лучший из всех трех сыгранных. Жалко, что именно этот спектакль не увидел Любимов. Ну да, Бог даст, мы не слишком разочаруем шефа. Кого он и будет ругать и кому делать замечание — так это меня и мне, и дай-то Бог. Надо сказать, что я соскучился по старику. Надо же, никогда такого не было, просто по-человечески хочется увидеть его бодрым и здоровым, да нет, даже просто увидеть.

31 октября 1993 г. Воскресенье. Автобус, мы едем

Не идет из головы до сих пор. Я нашел утерянный на сцене образок. Я выронил его на первом спектакле, спрашивал у всех — никто не находил. И вдруг, когда вчера упал в конце забора за камертоном, нагнулся и обмер — глядит на меня Спас, спокойно лежащий на решетке. Если он там лежал с первого спектакля, почему не открылся он мне на втором, третьем? И ведь реквизиторша Оля заряжала камертон на каждый спектакль, она что, не видела его?! Ведь я у нее спрашивал! Что это? Определенно Господь услышал меня, он меня одарил своим возвращением. Не окончательный я, видимо, лжец и грешник.

Если делом, целью своей жизни Губенко поставил испакостить дело Любимова, отомстить и лишить его театра, убить его при жизни, и если вдруг он окончательно провалится и проиграет и таким образом в совершеннейшем дерьме утопит столько людей, пошедших за ним, — то или он должен убить себя, или они убьют его. Что он сейчас думает, что он может предпринять, в какие тяжкие еще пуститься? Агония может вывести его на непредсказуемые поступки, заставит искать путей и вовсе отчаянных и преступных.

1 ноября 1993 г. Понедельник. Мюнхен. Отель «Регент», № 218. Молитва, зарядка, душ, кофе

Как хочется писать «21 км — покаяние»! И что же мешает? Дух трескучей фразы. Как научиться фразе-слову Саши Соколова? Озарение — что-то несусветно потрясающее, виртуозное и по словам, и по ассоциациям, метафорам инструментальная проза в высшей степени. Господи! До чего ж богат и бездонен русский язык. Сколь его ни «изнуряют», а какие перлы еще скрываются в нем, какие букво-слово-звукосочетания еще поразят нас,

читателей, под пером будущих Набокова, Соколова, Бродского и, не побоюсь сказать, Вознесенского.

Что такое атеист по Цветкову? Это так просто, но так замечательно верно. Атеист — человек, считающий, что жизнь начинается с рождения и заканчивается смертью.

Завтра никакого суда нет, а есть собеседование — бред какой-то. Приглашаются обе стороны, и что будут предлагать — решать вопрос мирно, соединяться в объятиях? Что за чушь! Арбитражный суд упразднен. Значит, весь процесс аннулируется — все остается на своих местах до всех постановлений Моссовета (дескать, начинайте все сначала, а лучше не начинайте). Завтра в 14.00 они придут всем кагалом. И это будет внушительно. «Вы не хотите прислушаться к голосу народа!..» Куда-то нас опять втягивают. Пусть суд рассматривает — только откройте театр!! Снимите охрану, б...!! И самое ужасное, что завтра опять ничего не решится, завтра опять не будет никакой определенности. Какое-то есть указание свыше — навести порядок в Театре на Таганке. Что это значит?!

«А луна — канула» — не за эту ли фразу пострадали «Лица». А Андрей будет нобелевским лауреатом, вот увидите. Распутин не будет, а Андрей будет.

3 ноября 1993 г. Среда, мой день. Бонн. Молитва, зарядка, душ, кофе

Присмотрел с помощью каких-то случайных русских ежиков маленький пистолет. Не было денег с собой, а так — был бы я уже вооружен.

4 ноября 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка, душ

Звонил в Москву. Глаголин сообщил, что сказал конкретно каждый из наших.

Черниченко Юр.: «Вы мародерствуете! Бог вам не простит этого!» (Что-то в этом духе, но очень здорово, резко и по существу.)

Демидова напомнила Губенко историю с Мейерхольдом и Царевым: «Вы никогда не отмоетесь!..»

Смирнов Ю.: «Нет, Н. Н., это вы все организовали и не говорите, пожалуйста, что народ вас попросил. Мы знаем, как народ просит...»

Борис говорит — наши были подготовлены прекрасно, держались спокойно и уверенно. Странное впечатление, Борис говорит, произвел судья. «Я хочу выслушать творческие планы обеих сторон, я буду думать...» О чем он будет думать?! Вот ведь еще Сократ. Ну, может быть, он соблюдает юридическую этику,

норму — не выносит в присутствии решение сразу, хотя оно и очевидно, а будет советоваться, созваниваться. Кстати, там же был и представитель Министерства культуры, который опять же повторил точку министра о неделимости Театра на Таганке. Что еще?! И почему не снимается охрана? Объясните мне, пожалуйста. Нет объяснения, кроме надежды на реванш в путче.

Тоня опять стала являться ко мне на «Живаго». Сестра моя, сестра моя, скоро, скоро мы встретимся с тобой.

Встал на сцене на колени перед Беляевым, и он согласился сыграть в «Живаго» Федора Ивановича. И слава Богу! Надо сказать, замечательной души он мужик. И девочка его обожает его, ездит за ним, гуляют, ходят на выставки, обсуждают современных поэтов. Девчушка-интеллектуалка — мне нравятся такие экземплярчики.

Любопытно и грустно — видя, что сам стираю, горничная кладет мне два куска мыла. Видя, что я питаюсь из своих кастрюлек, предложила мне ставить молоко в бар-холодильник, предварительно убрав пепси, соки и водку. Что толку хранить в моем баре напитки, если я не пользуюсь услугами бара, если мы бедные?! Да, мы бедные, но гордые...

В моих дневниках много зашифровано сведений разного рода, и какой-нибудь Шерлок Холмс методом дедукции, интуиции и пр. многое может раскопать, чего я и сам не подозреваю. Убежден, например, что моя версия «Зачем Моссовету новое здание Таганки?» абсолютно точно имеет отношение к перераспределению, к перезахвату власти — один из опорных пунктов обороны. Что Коля метил таким образом в партийные лидеры около Руцкого, в вице-президенты, допустим, совершенно не исключено. Человек, вкусивший оргазм власти, мечтает о его повторении, на каком бы витке развращения это ни состоялось. И что по сравнению с этим какой-то там Театр на Таганке, какой-то там Любимов, которого стоит объявить живым трупом, творческим импотентом, евреем или продавшим Россию западным холуем — и тогда все запреты сняты, совесть раскрепощена. «Совесть, как обрезание, калечит человека». Эту фразу Гитлера из своей роли Коля усвоил буквально.

Любопытная деталь — вчера меня один очкастый, колючий, холеный, холодный молодой человек спросил: «Почему Любимов не пошел на примирение с такими звездами, как Филатов и Губенко?» Я начал отвечать, вспомнил опять Прагу и литовские события 7 января 1991 г. Любимов с Губенко не разговаривали уже в Мюнхене, а Мюнхен был ровно три года назад, то бишь в октябре 90-го. Вот как?

Когда была гуманитарная помощь? «Подачка!» — обозвал ее

Николай и не стал брать свой паек. «Зачем? У него паек министра!» — комментарии Любимова по этому поводу были безжалостны. Но и Коля бы помолчал. А то плохо было получить продукты задарма в тот голодный и опасный год?! Собрали люди, организовали доставку, барон хлопотал. Что же тут дурного? Сами ведь мы виноваты, что оказались в такой беде, чего же немцев-то срамить!

6 ноября 1993 г. Суббота. Молитва, зарядка, душ, кофе

А вся история с письмами в Бонне?! Заседания вечерние с шефом, выработка тактики — я вижу, как шеф благодарен труппе, что она согласилась закрыть театр. Это хорошо, что мы выиграли 27 сентября; убежден, что закрытие театра повлияло на решение суда. Это хорошо, что 3-4 октября в трагические дни одержала верх пока все-таки ельцинская рука, распущен Моссовет и у Кольки выбита поддержка из-под ног. Но все это пока на словах, а на деле — ожидание, затаенность, подполье коммунистов и присутствие охраны, которую держат, очевидно, испытывая наши нервы, чтоб мы нарушали закон и поднялись на них силой. Нет, не дождутся! Пойдем малым ходом, хотя «улита едет — когда-то будет».

Вижу, что поправился, хотя и целый день себя сдерживаю, быть может, сегодня попытаюсь вообще больше не жрать. А молодых артистов надо всех взвесить и записать в журнал учета формы. Через каждые 5 лет взвешивать, записывать, обмерять объемы и сравнивать: поправился — зарплату придержать, и приходите только со справкой от весов.

7 ноября 1993 г. Воскресенье. Молитва, зарядка, кофе, душ

Нас ждет дома неизвестность. Сегодня день Великой революции. Что будет в Москве, какие выступления? Не может быть, чтоб коммунисты не попытались продемонстрировать, что они живы и будут жить. Господи, пронеси угрозу очередную! Не дай России опять обагриться кровью! С выборами парламента или Думы торопится Ельцин, но боюсь, не успеет подготовиться, все будет смято, а то и сорвано. Уж к этому-то точно шайка будет призывать.

8 ноября 1993 г. Понедельник. Автобус

Коммунисты таки выступали опять вчера в Москве, и ОМОН применял дубинки. Потому и не уходит охрана из театра. Ждут третьей крови, ждут, негодяи.

Вчера говорил с шефом. «Засранцы (про правительство и президента), как они с нами поступили... со своим равнодушием,

судьба у них будет такая же... Трусливый судья, ждущий выборов... Халатность... бессердечие... говнюки... Так и скажи им от меня, а я приеду 10-го и добавлю из своей 76-летней гаубицы...» Сильно я смеялся — он меня отврачевал. Несколько раз спрашивал меня про храм, а я ничего не мог ему сказать, кроме ничего не значащего «нормально».

2 декабря 1993 г. Четверг. Зарядка, молитва

Однако целый день в бегах по театру, по Алексеевской, по Бугаеву. Губенко срочно готовит «Чайку». Вышли, открыли реквизиторскую, просят Кизеева выдать одежду сцены — черный бархат. Любимов ужасно расстроен, взбешен, что в его «постели» тренируется Соловьев. «Передайте ему от меня, что он дерьмо!» Но все куплено мультимиллиардером-продюсером. За все заплачено судьям, клеркам, охране, рэкету и пр. Ужас!

3 декабря 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка, кофе

Которую ночь я коротаю с открытыми глазами. Одна забота — театр, Губенко, Соловьев, «Чайка» и преданная им часть бывшей труппы, Любимов, «Живаго» и я сам по себе. Губенко баллотируется в Думу, Гончар — куда-то выше. Горняки объявляют политические требования.

4 декабря 1993 г. Суббота. Театр, келья Г. Н.

Вчера я звонил моей маме и долго с ней разговаривал. Радовался внутренне, что у нее бодрый, свежий голос и чистый ум. Ей 84. «Лев Толстой дожил до 82, а мне уже 84». — «Мама, Гоголева дожила до 93, и ей Толстой не указ».

Я снова сижу в келье, я — после сытного обеда, после съемки в пользу Собчака. Агитировал по просьбе Фурмана за партию «Движение российских демократических реформ». Господи! Хоть бы «наша» взяла! До того противно все.

8 декабря 1993 г. Среда, мой ли день? Молитва, зарядка, кофе

Привезено 36 000 книг. Наломались с разгрузкой. Это вообще большая головная боль — хранение, складирование. Мы оказались к этому не готовы. Забиты две гримерные, а дальше что? Книжечка замечательная. Бумага, иллюстрации — комбинат постарался. Как-то надо отблагодарить.

Жду какого-то скандала, взрыва от акции «обесточивание». Это напоминает Белый дом. Что предпримут они? Они, конечно, очень сильны и свет выбьют или купят. Кроме того, они могут использовать киношный свет, это даст дополнительный эффект,

это подскажет им художественное решение — «юпитеры» будут дымить, греть, изображать собой, и получится слияние театра и кино. Пара гнедых. Мы им подсказываем хороший ход.

9 декабря 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка

Черные, неприятные дни. Губенко ходил вчера к министру культуры. От него звонил Щербаков, выяснял, почему мы не даем свет Губенко. Глаголин объяснял.

Вечером к Глаголину нагрянули майор-пожарник, участковый, еще кто-то и Губенко. Торговались.

Глаголин: «Откройте двери — дадим свет».

Губенко: «Откроем для всех, кроме вас».

Это неверный торг. Надо было требовать договор об аренде. Судья Воронин и арбитражный суд выдали им документы, предписывающие не подчиняться постановлению правительства «О передаче театрам в полное хозяйственное ведение...» и т. д. Это сколько же надо заплатить за эти липовые, но дающие им возможность тянуть и не выполнять, не уступать бумаги?! Вот чернота-то. Господи, услышь наши молитвы!

Концерт — группа поддержки Владимира Виссарионовича Вахания. Мой гонорар — 200 000 р. Он против принятия Конституции, а я — за. Но, судя по всему, Конституция не будет принята. Косвенно или не косвенно бывший парламент окажется прав, и тогда события 3-4 октября обернутся против Ельцина. Это — катастрофа. Да почему катастрофа? Да хрен бы с ними, в конце концов! Хуже того, что отобрали театр, быть же не может? А все остальное...

«Профессиональным агитатором» назвался я вчера. За деньги можно агитировать за кого угодно. А за большие деньги — хоть за черта. Я поехал на концерт, а за кого, что за депутат, что у него за убеждения, что за программа, фашист ли он, коммунист ли, демократ, либерал, умный, дурак, злодей — мне ведь было все равно. Мне Светка пообещала за номер заплатить 200 000 руб. — и все, больше я ее ни о чем не спрашивал. Вот это, наверное, и есть безответственность артистической когорты.

По ТВ прошла информация, что мы мешаем «Содружеству» работать. Но, несмотря на это, они постараются к 16 января 1994 г. спектакль выпустить.

Речь, обращение к народу Ельцина. Он просто умоляет принять Конституцию, иначе выстрел по Белому дому обернется ему трибуналом. И никто или очень мало кто понимает, что выхода у него не было. Но, в конце концов, он еще президент до 12 июня, а полгода — срок немалый.

12 декабря 1993 г. Воскресенье — отдай Богу

Проголосовал правильно. Агитировал за Собчака, проголосовал за блок «Выбор России».

Вчера целый день с Любимовым — разговоры, поздравления Солженицына.

«Я — пас, у меня пост».

Вся душа, башка, сердце, все клетки заняты ожиданием приговора — принятие Конституции. Господи, дай победу победителю, дай победу нашему президенту! Это необходимо театру и мне лично. Я думаю и о России. Интуиция не подводила меня. Гайдар-дед принес мне удачу, вздыбил рейтинг мой актерский. Помоги, Господи, внуку его Егору Тимуровичу и мне.

Обсуждали долго и серьезно — объявлять или не объявлять голодовку. В ответ на голодовку они объявят свою: кто кого переголодает. Голодовку предлагал шеф. Обсуждали, как опечатать оба здания до решения вопроса. Это, может быть, сделать стоит.

Как подъехать к Любимову с книжкой? Дали с Глаголиным книжку на комиссию Боровскому — что скажет этот мудрый и добрый еврей? И, конечно, гениальный. А Борис в смысле художественных идей совсем поглупел, говоря его языком — «не сечет» и «гребет не туда».

Любимов увез с собой к дамам две книжки.

13 декабря 1993 г. Понедельник. Молитва, зарядка

В церкви вчера просил я у Бога помощи партии Ельцина и чтобы, главное, была принята Конституция. Этого, судя по выступлению на ТВ, добивался и сам президент. И, кажется, Конституция проходит. Это — главная победа.

Но Жириновский и Зюганов набрали огромное количество голосов, они на 2-м месте! Твою мать!.. Что же это за народ?! «Россия, ты одурела!» — сказал Карякин. Невозможно представить, чтобы за ЛДПР проголосовали Солженицын, Сахаров, Аверинцев. Но оптимисты уверяют, что еще не все потеряно. Если, конечно, демократы в парламенте консолидируются. Опять «если»... Эти демократы тоже одурели.

Президент сохраняет свое кресло, свой мандат до конца срока. Так выходит, если Конституция принята.

На сборе труппы 11 декабря Любимов приветствовал меня:

— Здравствуй, руководитель!

А вчера он вдруг всерьез спросил:

— Ты не боишься, что Филатов тебя убьет? Подговорит кого-нибудь... Он такой злой, невероятно... до бешенства... больной...

— Не думаю. Побоится — там Денис между нами...

— Побоится Дениса?! Думаешь?

«Дорогая Лили!
Я рекомендую книгу нашего артиста Валерия Золотухина.

Юрий Любимов».

Вот такой факс уйдет завтра в Париж. Кому, к чему, для чего рекомендует и зачем — не объясняет шеф, он просто рекомендует. Но Борис говорил с переводчицей и объяснил ей смысл нашей просьбы и нашего предложения — продажа на спектаклях. Мне стыдно за мой народ, до какой же степени он тёмен! Господи! В самом деле, что ли, Богородица сняла со страны нашей благодать?!

Я напрасно, конечно, даю волю безудержному мату и прочим выражениям в дневниках. Зачем я пишу открытым текстом в дневниках, не стесняясь будущих читателей? Сыновьям стыдно будет за отца... Я якобы раскрепощаю себя — нет, это узость ума и мрачность, мелочность души. Ведь я хочу оставить после себя дневники, так элементарные приличия в речи написанной соблюдать надо.

14 декабря 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка, душ, крепкий кофе, сковородка овощей из магазина «Морозко». Завел машину

Явлинский агитировал не голосовать за Конституцию. А что скажет академик Лихачев? А академик Лихачев говорит, что, слава Богу, Россия избежала беззакония, укрепила президентскую власть, есть перспектива движения к реформам и пр. Высказывания академика широко транслируются. Высказываются зарубежные обозреватели — «выборы показали, насколько безнадежно больна Россия». Но Пащенко радуется, его компартия в полном порядке. И, думаю, правильно поступил президент, не запретив ее и других. Его политика от этого должна выиграть.

А Явлинский, славный человек и экономист, провалился как политик, и такой президент нам на хрен не нужен.

Театр. Келья. Вчера здесь были съемки для японского телевидения. Снимали мои слова о Высоцком, но случайно проходящий Любимов после некоторых иронических реплик, проверочных вопросов согласился сесть и сказать. И великолепно сказал о Володе и о том, как проходимцы могут подтасовывать его песни под свои дела. Например, «Охоту на волков» кто-то связал с сюжетом событий 3-4 октября, и получилось: те, кто в Лефортове, — волки, а кто их туда привез — охотники. Обратный смысл.

Я боюсь что-нибудь писать. Странно закончился день. Разговор Любимова с Бугаевым, который приехал от Лужкова. Через Коробченко Лужков отдал распоряжение Панкратову, и завтра охрана должна быть снята, а я с утра отвезу очередную бумагу в прокуратуру.

Я боюсь писать, потому что заплачу. Я полгода не был в своем театре, не видел сцену, не видел свою гримерную. Губенко потерпел поражение на выборах. Перед тем как говорить с Бугаевым, Любимов долго беседовал с каким-то человеком, присутствовавшим на съемках, долго рассказывал о нашем позорном общении в судах с Губенко и пр. Этот человек оказался продюсером «Чайки». Оказывается, Соловьев не хотел идти в «Таганку», он хотел сделать это в павильоне «Мосфильма». Но Губенко тряс все время бумажками из прокуратуры и судов. Что же произошло, почему продюсер пришел извиняться перед Любимовым и почему так поздно? Он вынул из почтового ящика листовку — «Не голосуйте за Явлинского и Гайдара, голосуйте за Жириновского и Зюганова!». Губенко в этом ряду. Этот парень говорил, что он ничего не знал. Это вранье. Все газеты писали о нашем скандале, и не мог Соловьев ему об этом не говорить. Он пришел от Соловьева к Любимову с извинениями на разведку. Упредить. Отмазать Соловьева. Они пронюхали и поняли, что надо убираться, затратив 157 миллионов...

Еще пять партий преодолели пятипроцентный барьер. Это какая-то, по-моему, надежда.

Бумагу я Платонову отдал. Сначала он меня спросил:

— Подключили вам свет?

— Зачем? У нас свет есть.

— Вы со стороны Любимова... А Губенко ходит с фонариком. Лужков приказал Панкратову снять охрану. Меня просили передать вам эту бумагу. Будет решение арбитражного суда.

— Да-да, до свидания. Извините за ранний визит.

Расписку с него я брать не стал. Мы же солидные люди, думаю я. Кроме того, у него сидела женщина, которая вышла из двери с табличкой заместителя прокурора.

Сейчас идет коллегия... Да, Люся права, она ничего не решит, это опять какая-то промежуточная инстанция, но вчерашний разговор Любимова с Витруком, разговор Бугаева с Лужковым и Панкратовым должны дело с места сдвинуть. Я сейчас молю Бога помочь нам и судей вразумить, а также красноречия и убедительности сообщить Татьяне Николаевне. Остается ждать.

Елена Мих., вчерашняя журналистка из Японии, начала нашу встречу с оплеушного комплимента:

— Люся Абрамова мне сказала, что лучшее, что написано о

Высоцком, это у Золотухина. Все без прикрас, оттого и трясет Нину Максимовну.

Первая часть всплеска нравится ой как, а вторая ой как не устраивает...

АЛКОГОЛИЗАЦИЯ всей страны.

Коллегия суда нанесла нам поражение, признав законным первое решение. «В иске отказать». Ужасно. Руки опускаются, но надо жить.

Боровский интересно говорил про мои дневники. Он изучает меня, я интересен ему как психологический тип. «Актерская профессия — вне нормы. Нормальный человек не держит в голове чужие тексты».

16 декабря 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка

Вчерашняя среда не оказалась моим днем. Мы проиграли процесс, и это уже серьезно. Осталась последняя инстанция.

18 декабря 1993 г. Суббота. Молитва, зарядка

Шеф в 15.00 уезжает в Шереметьево — и в Бонн. Он в опере стал директором актерской труппы. Очень много русских работают, поют, а уж про балет Панова и говорить нечего. От Панова и узнал шеф, что я книжки продавал на Урале.

Господи! Спаси и помилуй нас, грешных. Сегодня Любимов на митинг противу Жириновского идет — «Фашизм не пройдет!». Черниченко его позвал. Митинг закрытый. В «Московских новостях» Любимову необходимо широко высказаться, доругаться по оси Губенко — Жириновский — Говорухин. Разговаривал он вчера с председателем арбитражного суда Яковлевым безобразно — «совковый суд», «звонковый суд», «вы, советские...». Вот и дождались, вот и хлебайте! Он сразу настраивает на решение не в свою пользу. А Глаголина с Поповым вызывают в суд за самоуправство, выразившееся в отключении света. Любимов отдал распоряжение свет включить, но на «Мосэнерго» не торопятся. В конце будущей недели, говорят... Париж — Москва, впустую съездил вчера на вокзал. Парижские вагоны отправляются три раза в неделю. Вчера поезд шел только до Кёльна. На что Любимов надеется? Какая вчера беседа была у него со Свиридовым, Швыдким? Что он скрывает? Хотя настроение у него боевое. «Я человек не сентиментальный, не даю волю эмоциям. Я дерусь, поэтому мне слюни распускать некогда, не дама я, в отличие от некоторых». Задиристый тон у него — органическое начало всякого разговора, с кем бы то ни было и какого вопроса ни касалось бы. Всегда перед ним изначально потенциальный враг, а уж потом он смягчается, если на том конце

провода или перед ним сидящий вытерпливает первую, вторую и третью атаки. Выдерживает субъект, не возражает, не обижается, не оскорбляется — Любимов довольно быстро это замечает и меняет тон, меняет фразы, слова, тексты, и даже нередко извиняется, да почти всегда: «Извините, что я так резко, но такой характер, довели...»

20 декабря 1993 г. Понедельник. Г-ца «Октябрьская», № 930

Как давно я не был в Ленинграде! Тот же Глиэр на перроне, но в зале... надпись «Ленинград» сменилась на «Санкт-Петербург». Ленина нет, стоит бюст роскошный хозяину — Петру, основателю. Чистота поразила, тишина и отсутствие коммерческого засилья.

21 декабря 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка

Нина Максимовна. Надо найти возможность с ней объясниться через Люсю или через Никиту. Необходимо, чтобы они ее подготовили к моему визиту или звонку. Быть может, надо начать с поздравления новогоднего. Там, боюсь, еще ведут работу люди Губенко — Филатова, настраивая ее и окружение против меня.

Смоктуновский — в кожаной шапке-ушанке меховой, с опущенными ушами, чуть ли не завязанными под подбородком; перехваченные ремешком где-то посередине штаны.

Ульянов — подшепелявливающий почему-то вдруг, я так понимаю — неудачно вставленные зубы. Все это меня поразило в первый огляд в поезде... да еще состарившаяся красавица Быстрицкая, а что же я?! Зато удивительно хорош Боярский в черном свитерке, черных брючках, черной шляпе — этакий санкт-петербургский ковбой-Воланд.

23 декабря 1993 г. Четверг. Молитва, зарядка

С возвратом театра не получается. Губенко по телевизору все врет, вернее — полуправда о приватизации Любимовым театра, о каком-то перемирии в будущем и т. д.

Надо отвлечься от этого конфликта.

Любимов: «Мой сын одобрил твою книгу, а он человек злой. Это нехорошо, но он одобрил, а он — злой».

Демидова: «Я прочитала твои дневники. Это очень интересно. Правильно сделал, что опубликовал. Я вообще люблю читать дневники».

24 декабря 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка

Сегодня Лужков примет Любимова, что-нибудь скажет

вразумительное. Вы можете решить, Ю. М., потому что вы единственный мужчина среди демократов.

27 декабря 1993 г. Понедельник

Сегодня было собрание, и был кворум впервые за два года. Решение: обратиться в городскую Думу, чтобы отменить решение Моссовета и прекратить судебное разбирательство. Билетерши проголосовали, но не подписали.

28 декабря 1993 г. Вторник. Молитва, зарядка

Видел в суде Шацкую — пополнела, а Филатов в хорошей форме, по-моему. Такое ощущение, что ему стыдно. А мы правы... и мы победим.

29 декабря 1993 г. Среда, мой день

Кричал в подушку беззвучно. Ну, ошибся Моссовет, за большую сумму. Ну так ведь у суда была возможность ошибку исправить, а он ее узаконил. На одно место продано два билета, но приоритет всегда у того, кто пришел в купе первый. Любимов пришел в это купе 30 лет назад. Создали театр, замечательно, так пусть учредитель и позаботится о помещении. Ошибка Моссовета в том, что они дали новому театру тот же юридический адрес. Моссовет считает себя хозяином и, как они говорили, может принять любое решение — это я слышал своими ушами.

Они с таким же успехом могли дать юридический адрес на помещение Большого театра или Мавзолея — абсурдно, но факт. Полгода мы не играем, мы не услышаны. И никому, получается, мы не нужны. Мы не вернемся из Парижа, мы обратимся в ЮНЕСКО, пока нам не вернут театр.

К Чубайсу сегодня Любимов идет, больной, но не сдающийся. Господи! Помоги ему, вразуми хоть этого начальника. Хочется обратиться к коллегам, что по ту сторону: «Зачем вы ходите, светитесь с этим бандитом по судам? Он же вас повязывает, он же вашими душами торгует, как же вы этого не понимаете? Чтоб одному, самому не отвечать, дескать, народ меня попросил, народ меня в лидеры произвел, позвал...»

Дозвонился до Б. Истока, передал, чтоб Тищенко срочно фотографии макета храма и бревен клуба прислал.

Сабинин:

— О нравственности рассуждаете... А как вам — человек проработал 28 лет и получает 31 тысячу. Это ваша вина. — Такой укор мы с Боровским и Бортником получили от старого актера.

«Не дай мне Бог сойти с ума!»

Бортник:

— И я получил 39 тысяч, а Антипов почему-то 150 тысяч.

— Ваня! От количества спектаклей... ты когда играл последний спектакль?

— А я виноват, что ли?!

Боровский:

— Так сложилось... Или уходить в другой театр?..

А я думаю: Боже, как хорошо, что меня еще зовут на концерты. Какие-то деньги я получаю, кроме театра. Предвыборная кампания меня поддержала — 150 000. Фурман — 120 тысяч. Что будет дальше? И как люди живут другие, у которых нет этого? И книжки меня кормят. Из «Академкниги» вчера — 52 тыс. рублей.

31 декабря 1993 г. Пятница. Молитва, зарядка

Любимов:

— Многие спрашивают: «Вы не обижаетесь, Ю. П., на Золотухина за его книгу?»

— Неужели, Ю. П., вы думаете, я бы выпустил книгу, если бы в ней содержались оскорбительные для вас вещи? Обидные слова, безусловно, есть. Взаимоотношения актера и режиссера — невидимые миру слезы. Все же замешено на диком тщеславии и самолюбии...

ДИАЛОГ

Вышла девушка лет тридцати пяти, с чрезвычайными объемами груди и бедер, внушающими ей, очевидно, какую-то упругую уверенность в себе, а ее собеседнику — мысль о том, что любые его доводы будут отскакивать от этой ее уверенности, не оставляя никакого следа.

— А что это тут у вас за билетики?

— На «Таганку», на творческий вечер...

— На Губенко или Любимова?

— ??

— Если что-то на Губенко, я бы взяла.

— ??

— Видите ли, я не люблю Любимова. Мне он не нравится как личность. Человек, который в трудное время покидает свою Родину, мне неинтересен.

— Простите, но ведь его вынудили уехать, запретив «Бориса Годунова», где, кстати, играл тогда Губенко, кажется, главную роль.

— А вы знаете, в каких условиях работал великий русский поэт Игорь Тальков! Он писал свои стихи, сидя на унитазе, больше негде было, но никуда не уезжал, потому что бросить

Родину — все равно что бросить мать. Любимов — предатель!

— Так, по-вашему, и Ростропович — предатель, и Солженицын, и Рахманинов, и Шаляпин и...

— Ростропович и Солженицын — это политики!

— Ростропович?!

— Конечно, он же выступал перед Белым домом. А Любимов — артист...

— Но ведь, когда Ростропович уезжал... кстати, он не уезжал, а его, как и Любимова, лишили гражданства... И потом, вы ведь ничего не знаете о сути конфликта на «Таганке». Все очень просто: Моссовет прописал, дал юридический адрес Губенко с его бумажным театром на площади Любимова — вот и все.

— А это ваш конек — отсутствие информации. Ведь Губенко не дают слова сказать. Все средства массовой информация показывают только Любимова. Ведь за него все правительство: Лужков, Нойман, Ельцин... А бедный Губенко...

— Но ведь он объективно не прав. Ю. П. тридцать лет назад из группы никому не известной молодежи создал известнейший театр, вырастил таких артистов — и теперь его выгоняют из им же построенного дома, и кто? Его собственные питомцы!

— Конечно! Потому что Любимов хочет ездить за границу и зарабатывать валюту, а Губенко будет работать в России...

— ...потому что за границей он никому не нужен, у него нет спектаклей, ему и здесь играть нечего.

— Но он нужен нам здесь!

— Господи! Но вы же знаете его только по кино! А в театре он — порождение гения Любимова! Ведь вы не видели спектаклей Губенко, потому что он сам ничего не сделал! За что же вы так яростно боретесь?

На том и расстались.

БЕЗ ПОВОДЫРЯ 1994

1 января 1994 г. Суббота. Была молитва

Печальный разговор с В. Талызиной о Саввиной. «Скажи честно, я не вышла в тираж?»

Любимая актриса моей любимой жены.

11 января 1994 г. Вторник. Мы летим в Париж

9-го в университете была встреча с Любимовым. Он в форме и хорошем настроении. Его бескомпромиссность вызывает уважение. Один вопрос-предложение чуть было не поставил точку в начале встречи. Человек благожелательный кавказской национальности:

— А что, если взять большой круглый стол, поставить хорошие напитки, хорошую еду, закуску и начать мирные переговоры?

— Вы, значит, не понимаете существа вопроса, и я зря долго вам что-то говорил и пытался объяснять... С грабителями мне разговаривать не о чем, тем более за одним столом.

Казалось, еще минута, миг, и он так себя разозлит, что хлопнет дверью.

— Дайте слово Золотухину, пусть он споет, а то замерзнет и заболеет.

И спел я только «Это было у моря».

«Это смокинг Ваш или как?»

6 января 1994 г.

«Президенту Российской Федерации
Б. Н. Ельцину

В течение полугода Театр на Таганке не имеет возможности играть для москвичей. Театр разорен, закрыт. Мне 76 лет, из коих 71 я живу в Москве. Я глубоко оскорблен, и мой разум отказывается это принять и понять. Пока я не получу возможность работать в созданном мною театре, которому 23 апреля 1994 г. будет 30 лет, ни о каком продолжении работы в моем родном городе не может быть и речи.

Прошу мне ответить.

Ю. Любимов».

13 января 1994 г. Четверг. Париж

Неёлова:

— Второй акт лучше. Я вся издергалась из-за посоха — он, как заколдованный, не втыкался, французы стали обращать внимание. Ты здорово, хорошо играл, по-моему.

— А ты как здесь, в театре?

— Я иногда здесь живу...

— Да?! А-а-а...

Я очень рад был ее видеть, и она, по-моему, была искренна.

14 января 1994 г. Пятница. Париж. Молитва, зарядка

Струве — основное событие дня. Говорили о театре — он видел «Гамлета»: «Диссидентский вариант... здесь не приняли, а мне... и „Высоцкий“... „Вишневый сад“ — суетный, мне показалось...» Сошлись мы в отношении к Ельцину — политик плохой, но человек лучше, чем Горбачев... непосредственность, детскость и пр. «В России плохо, кошмар, но с точки макрокосмоса все идет в правильную, хорошую сторону». Удивился моей огромной многословной надписи дарственной на титуле «Дребезгов». Мне же написал кратко — в качестве антипода... Православие и культура. Купил 10 книжек «Дневников» — 300 франков. Одну взял рекламку-плакатик. На Б. Истокскую церковь!

16 января 1994 г. Воскресенье, молитва, зарядка

Играла вчера Сидоренко. Перед спектаклем с ней репетировал шеф. «Ты думаешь, я ушел хоть на минуту? Нет...» — это он после репетиции «Матине» с Никитой-переводчиком сидел. Репетировал он с Таней в полную силу. Вот в чем гений его. Ведь он мог плюнуть — да ладно, премьеру Демидова сыграла, а эта лучше все равно не сыграет. «Нет, сыграет, я ей помогу!» — и он приходит и репетирует с артисткой, советует, какой грим сделать, какую прическу, он во все вникает, он заинтересован, он помогает.

Таня Краснопольская плачет:

— Я могу ему простить только из-за его возраста, никакая гениальность не дает право так разговаривать. Если он достиг таких высот, он должен быть снисходителен к людям, стоящим ниже его. Можно по-человечески объяснить: мол, работа, извините, так получилось, а не вроде того, что «сваливайте отсюда»...

— Кто это сказал?

— Любимов...

Я боялся, что тирада относится к Глаголину.

Любимов:

— Он дурак, твой Краснопольский, кретин и дурак... Удивительно, что он еврей. Такой еврей на тысячу — один. Я не могу платить такие деньги за номер для него. Я должен платить из собственного кармана. А то, что он потом отдаст, — чушь собачья... Типичный совок-дурак. На что он тут рассчитывал — разбогатеть? Не связывайся больше с ним никогда, он — склочник.

17 января 1994 г. Понедельник. Молитва, зарядка

После спектакля с Любимовым на сцене для демократической публики ответы на вопросы. Мой Самозванец найден схожим с Жириновским.

Вопрос ко мне:

— Как давно вы пребываете в тирании Любимова?

— 30 лет.

Потом я объяснял в противовес тирании режиссера — тиранию авторитета.

— Даже если зал будет носить на руках и критики трубадурить «гениально!», а Любимов скажет: «Валерий, это плохо», я поверю Любимову (аплодисменты), хотя я понимаю, что объективно не может быть Любимов всегда прав.

Надо начинать бизнес, зарабатывать деньги.

Любимов:

— Самостоятельность и основу для жизни актерам давала эта уникальная компания под странным названием худсовет... Там были Дм. Дм. Шостакович и Н. Р. Эрдман, А. Г. Шнитке и ученый с мировым именем П. Л. Капица — ученик Резерфорда, А. Вознесенский и Е. Евтушенко, писатели — цвет «Нового мира», когда во главе журнала стоял А. Т. Твардовский — Абрамов, Трифонов, Можаев, Андрей Дмитриевич Сахаров и Солженицын...

24 января 1994 г. Понедельник

И в Париже бывают перебои с горячей водой. И что же? В посольство идти с грязной головой или накипятить?

25 января 1994 г. Вторник. И рука не дрожит

Прекрасно прошел вечер в посольстве. Советник по культуре Валерий Иванович говорил, что имел прямое отношение к записям пластинок во Франции, что Высоцкий называл меня своим самым близким другом и «часто звонил вам». Все для меня теперь уже удивление. И как давно это было, и было ли это.

31 января 1994 г. Понедельник. «Ту-154», 15.00 по Москве

Умер Е. П. Леонов.

1 февраля 1994 г. Вторник. Молитва, зарядка, кофе

Надо пойти на панихиду к Евгению Павловичу. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Хождение в народ не получилось, как заметила женщина из очереди. Милиционер меня спас, выудил из народа и проводил к служебному входу. Но стоял я около часа или даже больше. Продрог изрядно, зуб на зуб не попадал. За кулисами увидел Ульянова. «Замечательная книга... дочитал... Я впервые Володю так...» Дальше я не стал слушать — как-то было неловко у гроба комплименты в адрес гробовой книжки выслушивать. Положил я две розы белые, по 8 тысяч каждая, Евгению Павловичу, поцеловал его, сердечного, в лоб и ушел восвояси в келью свою. И вот теперь я выпил кофе и частично — человек.

20 февраля 1994 г. Воскресенье — отдай Богу!

Третий день так и хочется сказать — созрел для предательства. Пока я пьянствовал в Арзамасе с Гайдаром и без, артисты дали факс Любимову, что они решили частично возобновить работу на малой сцене. Тут же я отзвонил в Иерусалим и открестился от этого факса. Названивал Демидовой, Полицеймако...

Но ясно одно — здание от нас ушло и дело мы проиграли. «Чайка» идет, хвалят Губенко и Шацкую, упоминают Петрова и Джабраилова. А со вторника Вилькин начинает восстанавливать «Мастера» — вот и разгадка. Вилькин — «Мастер» — «Тартюф». Оказывается, уволен Иван. Мне бы надо уйти в отставку, снять с себя полномочия председателя трудового коллектива, члена художественного совета.

И получилось так, что Губенко в дамках. Тимур Аркадьевич советует не бросать дело, не выходить из игры — репертуара года на два-три хватит, а там, глядишь, султан умрет или верблюд сдохнет.

Ужас, ужас... И все это придет к объединению и под Губенко. Уходить в ЦАТРА?! И играть на Таганке по договору? Разбежаться в самый тяжелый момент поражения? Годится ли?

26 февраля 1994 г. Суббота. Молитва, зарядка

100 000 на храм вернулись. Нужно послать их обратно, снабдив новыми реквизитами. Храм необходимо достроить, сходить на прием к Питириму, не оставлять Б. Исток. Гайдар?! Чем может быть полезен в нашей ситуации Егор Тимурович? Какой банк навести на нас и почему выпускают из Лефортова

Руцкого и Хасбулатова? Это маневр Ельцина, он опять провоцирует события.

Алла заходила.

— А чего ты сидишь?

— Чтоб кто-то был тут.

Рассказывала, что видела во МХАТе Вишневскую в Екатерине II. «Богатые развлекаются, никакого отношения к профессии не имеет... и текст, и постановка, и исполнение — пошлость и мерзость, более омерзительного зрелища я не видела».

«Богатые развлекаются»... Что же это такое?

1 марта 1994 г. Вторник. Молитва, зарядка

Календарная весна! И мы выходим с «Живаго» на старую сцену. Вчера давал интервью Российскому ТВ — невнятица меня губит. А дело вот в чем: закрыв театр, потеряв здание, нам необходимо сохранить труппу, уникальную по своим музыкальным возможностям. Сохранить труппу, сохранить молодежь — вот главная идея открытия.

8 марта 1994 г. Вторник. Молитва, зарядка

«Ты должен быть в полном боевом, на коне», — сказал Лавлинский.

Подписать контракт, играть и продолжать бороться за новую сцену. Мы не можем дать уйти театру в песок, не можем похоронить заживо труппу и репертуар, который не видели не только сотни тысяч по стране, но и больше половины москвичей, — репертуар, который стал классикой. Мы должны опять работать, приглашать классных режиссеров и жить, как и прежде, при аншлагах. Зритель пойдет на нас, а не на новую сцену. Мы в тысячу раз больше подведем Ю. П. Любимова, если дадим умереть его спектаклям в России. Объективно он выиграет, если его работы будут жить, а жить они будут только пока живы мы, потому что никто, кроме нас, этого не сделает. У Губенко — одна несчастная «Чайка» с весьма бледными рецензиями. Наш репертуар — сплошные аншлаги.

Надо работать. Да, правительство не заступилось. Что теперь — уходить и отдавать Губенко весь театр, чтобы он царил и это называлось «Таганкой»? Не заступился никто! Обижаться? Нет, будем бороться за себя сами. И сохраним репертуар в пику единственной «Чайке» Губенко. Зритель истосковался. Наш изысканный, эксклюзивный репертуар — и «Чайка», поставленная кинорежиссером!

Теперь шеф в Иерусалиме и не хочет, чтоб мы открывались до решения Думы, суда и пр. Но мы рискуем потерять и старую сцену, и я принимаю решение 23 апреля играть «Живого»! Если

«Маяк» пройдет 10 марта, а с Дибровым 27 марта по ТВ — это хороший разброс. В середине будут газеты «Московский комсомолец», «Собеседник».

«Удачу надо готовить ежесекундно».

10 марта 1994 г. Четверг

Пусть москвичи, и как можно больше, увидят «Чайку», пусть бывший Малый Моссовет придет на «Чайку» в полном составе и убедится, ради чего он принимал свои преступные решения! Ради чего Губенко в своем болоте утопил «Годунова», «Электру», «Живого» и «Трех сестер»! Любимовские спектакли...

11 марта 1994 г. Пятница

За мои идеи, особенно если бы они были реализованы, мне должны были бы платить. Правда — кто?! Вот сегодня идея: нырнуть под сень области. Кто мэр Московской области?! Бить челом ему: «Спасай, мэр, „Таганку“, отдай нас какому-нибудь банку, а то и двум. А мы тебе поездим по области — Чехов, Можайск, Волоколамск (опять же Питирим!), Дмитров...»

12 марта 1994 г. Суббота

Олег Вальков:

— Вы не обижаетесь, когда зрители при упоминании фамилии Золотухин говорят: «А-а, это который Бумбараш...» Не обидно вам слышать это?

— Смотря в каком контексте, когда зритель вспоминает... «А-а, это который Бумбараш»? Нет, не обижаюсь, вспоминают удачу. А вот когда, к примеру, Кулиджанову на Раскольникова предлагают Золотухина и он говорит: «А-а, Бумбараш...» — он клеит ярлык. Это обидно.

Когда слушал вчера Морозова, я думал о священниках, убитых в Быстром Истоке. Об иконах, что, рискуя жизнью, уберегли, упрятали мои односельчане, быть может, от моего отца. И вот уже я в Быстром Истоке с Маховиковой разговариваю... Кто помнит этих несчастных?! Кто может поведать трагедию храма Покрова? Трагедию Быстрого Истока и всея Руси? Ведь в «21-м км — Покаянии» нельзя без этого обойтись.

13 марта 1994 г. Воскресенье

Выпустил попугаев. Пусть и ко мне привыкают. Пусть летают на воле, на пространстве кухни. Вон они дверь клюют, точат — стягивают клювики. Они сами найдут предметы, которые можно подолбить, чтоб избавиться от лишних наростов.

Сегодня Прощеное воскресенье. Умение прощать нужно воспитывать в себе... Чин прощения. Что же слезы-то на глаза?! И

не могу справиться с собой. Тоска и скорбь. Зло — начало скорби и болезни. Искоренить зло, а как?! Господи! Спаси и сохрани, помилуй меня, грешного! Удаление от зрелищ. А у меня на пост как раз и падает возрождение зрелищ. 23 апреля — рождение «Таганки». Может быть, пойти на ту сторону с белым флагом перемирия, попросить у всех прощения да соединиться?!

Почему-то вдруг в голову пришло: а не может ли нас помирить Денис?! Выступить по очереди перед обеими группами, а потом собрать всех вместе и, как будущий священник, прочитать проповедь и соединить нас. А?! Почему бы нет и почему такая идея в голову мне пришла? От тоски и скорби.

30 марта 1994 г. Среда, мой день

Мне снился Филатов. Мы лежали... Потом он бросил мне в лицо каким-то пшеном. Я спросил: «Ты ударил меня?» — «Нет». Тогда я сказал: «Леня, извини... Давайте помиримся...» Этот сон на фоне вчерашнего сообщения. «Ты знаешь, у Филатова инсульт!» — это Инна, комендант. Потом инсульт не подтвердился, слава Богу. Но Леньке плохо. Господи, помоги ему! Не наказывай нас так жестоко! Такая наша профессия, такая наша жизнь — червяшка поползла, потом умерла и т. д. А он еще влюбился в Нинку, да тут еще Дениска в семинарию из ВГИКа... да с Эфросом напутал Леонид много. Неужели у меня чувствуется злорадство, о котором на противоположной, соседней странице написано?! Прости, Господи, нет, нет...

31 марта 1994 г. Четверг

Молился за Леньку. И сочинял обращение к труппе.

> «Уважаемые коллеги! Дорогие друзья и работники театра!
>
> Мне кажется, всем нам было бы чрезвычайно полезно для восстановления нашей профессиональной формы, для большей проходимости и эластичности наших актерских капилляров внимательно и подробно поприсутствовать на репетициях А. М. Вилькина по возрождению спектакля «Мастер и Маргарита».
>
> Ей-богу, каждый для себя, независимо от возраста и звания, получит профессиональную выгоду, столь необходимую для достойного открытия 30-го сезона Театра на Таганке и встречи Ю. П. Любимова.
>
> *Валерий Золотухин».*

Вывешу сегодня это воззвание. А вчера — бойкая торговля в

«Меридиане» на вечере Е. Клячкина. Не надо было ему уезжать в Израиль, а тем более возвращаться, прости меня, Господи! Он говорит про гонения-запреты, 60-70-е... а мне кажется, он говорит про кого-то другого — про Галича, про Высоцкого.

С. Соловьев репетирует с актрисой. Она ни хрена не понимает, он бьется, бьется, потом в сердцах говорит:

— Да ладно... неизвестно, будет ли вообще театр...

И вдруг истерический крик Губенко:

— Театр будет, будет, будет! — и еще чего-то.

Аплодисменты, хлопки трех поклонников.

Да, пусть будет, если будет... Так и хочется написать: «Филатова ты уже угробил», но не напишу, ибо — грех. Не суди.

Вчера я записывал на пленку для выставки сны о Высоцком, из дневников.

7 апреля 1994 г. Четверг. Благовещенье
День 85-летия Матрены Федосеевны!!

10 апреля 1994 г. Воскресенье. 16.15

Вчера открыл выставку «Высоцкий на Таганке», к 30-летию театра, по мотивам моих дневников. Самой дорогой и неожиданной реликвией для меня явился приказ от 14 декабря 1975 года, где предписано к 20 марта 1976 года осуществить мой ввод на роль Гамлета. Три подписи — Дупак, Власова, Любимов. Вот, наконец-то, миру ясно, что не Самозванец я с принцем Датским, а назначенный приказом. Кажется, и с Ниной Максимовной помирила нас Люсенька, объявив мою книгу «лучшей книгой о Высоцком». Нина М. улыбалась, когда я пел про «Нинку» и рассказывал об истории написания песни «Поездка в город». Визит мой на М. Грузинскую был весьма кстати. Опять же засветился на ТВ. И в «Благовесте» меня показывали. Много, много замелькали мои фамилия, голос и рожа.

Взорвали Мигулю... Вот почему спросил меня Зорин, какие взаимоотношения у артиста В. Золотухина с бизнесом. И тут я пустился в россказни о несостоявшейся пельменной. А вопрос-то был с подвохом. «Как только я узнал, что мне предстоит иметь дело с рэкетом, я от этой затеи отказался сразу».

«Трус не играет в хоккей».

23 апреля 1994 г. Суббота

Не подарили нам праздника правительство и юридическая братия. Решение об отмене указа отклонено. Принято или пришли к мнению, что решение Моссовета не отменять, а забыть и искать компромисс, курс на договор о сотрудничестве всех

противостоящих групп. В понедельник Бугаев собирается разговаривать с Губенко, и, «если тот не согласится на сотрудничество, я наделен полномочиями... приняты формулировки, не отменяющие решение Моссовета, но существенные...». Короче, нам предлагается в открытую с ними договариваться, более того — получается, мы должны свое здание у Губенко выпрашивать, или арендовать, или что?

И Лужков вовсе не оказался другом Любимова, коль побоялся судов и прокуратуры... Но я-то, я-то хорош! Трепач несчастный. Вчера, говорят, показывали нашу конференцию. Меня аттестовали как руководителя. Несколько раз повторили: «Группа Валерия Золотухина». Еще не хватало. Сделать из меня главного предателя Любимова, главного зачинателя открытия сезона.

А те опять празднуют победу. Опять взяла их.

5 мая 1994 г. Четверг. Петербург

Не удивляйтесь, что мой сегодняшний концерт похож будет или уже похож на лекцию. Я и готовился к нему, сам удивился — читал умные статьи (экономические), адвокатские диалоги, выписывал цитаты, повторял без конца «Черного человека» и заболевал... Ну, пусть будет так. Однажды В. Высоцкий весь концерт проговорил, и те, кто слышал это его выступление, говорили, что им повезло, — такое бывает раз в жизни, а на концертах его песенной гениальности они бывали не раз.

30 мая 1994 г. Понедельник

Почему-то засела мысль: если Бог пошлет мне внука или внучку (дай Бог, чтоб все было удачно), чтобы крестным отцом ребеночка был А. Я. Полозов, крестным которого был патриарх великий святитель Тихон. Отчего такое желание — не знаю, но чувствую. Я ведь А. Я. считаю по большому-то и настоящему счету своим крестным отцом в актерство. Ведь действительно в конечном счете наша встреча и его совет в Быстром Истоке (и адрес свой дал) и повели меня в Москву. Я этот концерт, эту кепку с яйцами, ночь бессонную, и беседу утреннюю с ним, и пение перед артистами, и его властное «если вы не станете драматическим артистом, вы сделаете преступление» — я это вижу, как будто все было вчера. И я хочу, чтобы святой Иаков, дух его и могучего патриарха Тихона мой род оберегали, и хранили, и укрепляли веру православную. Надо написать Денису письмо. Евангелие мое — 1875 года, скоро ему 120 лет будет по изданию — пришло мне от Юры Ширяева. Кому перейдет?! Сереже, наверное, все-таки. Он придет к вере, придет... Не зря он сказал: «Я полюбил Дениса... у меня есть брат».

31 мая 1994 г. Вторник

Вчера еще был гидромассаж, а потом барокамера. Говорят, Майкл Джексон спит в барокамере или в комнате-барокамере, чтоб остаться вечно молодым. Зачем?! Ему надо, наверное. Мне нет. И душой не кривлю. Сколько отпущено, сколько упущено — все мое. И во всем в ответе сам.

2 июня 1994 г. Четверг

С утра-то, после зарядки, побежал я в храм Богу помолиться. Поставил свечку за упокой души В. И. Шелепова. О здравии моих детей и жены. Господи, прости ты меня, греховодника и сладострастника! И чего я на себя наговариваю — всю жизнь тружусь и все-таки гол как сокол.

3 июня 1994 г. Пятница

Кошмарный день — на «Таганке» отменили спектакль из-за отсутствия зрителя! Какая-то организация взяла билеты и якобы не сумела их продать. Провокация, вредительство, убежден, что это дело рук мафии Губенко. Из этого можно сделать большой скандал — вот-де, никому не нужна эта ваша «Таганка» с вашим старьем. Ну, попляшут они на наших гробах! Но Бог видит все и накажет неправых.

5 июня 1994 г. Воскресенье, 22.40

Главное событие дня — вручение дипломов нашей студии. В том числе и Шопену, после 26-летней службы в театре народному артисту России. С Этушем вели мы эту радостную, счастливую церемонию — он вручал диплом, подписанный мной и им, а я каждому дарил молитву оптинских старцев, текст которой я огласил перед началом своей речи.

Говорил о том, что это беспрецедентный случай за 32 года работы в театре, чтобы курс целиком был взят в театр. Выдал я это как решение Любимова, хотя он об этом и не подозревает.

Маша с Семеном каждому дипломнику всовывали в рот по клубничке. Вообще было нечто трогательное, до слез счастливое и грустное.

Теперь идет бал в театре — пьют, поют, резвятся.

9 июня 1994 г. Четверг. Утро

«Сказать же, что я заболел в результате действий господина мэра и усилий моего коллеги Валерия Золотухина, который пытается выжить своих товарищей из театра, — это много им чести». «Правда» от 8 июня 1994 г. Интервью с Л. А. Филатовым.

Что это?! Ну, хоть в компании с господином мэром, и то хорошо. И за то спасибо. Есть над чем подумать. Я опубликую переписку нашу, Леня!! Что ты делаешь?! Кого я пытаюсь выжить из театра?! Да Бог с тобой, ты что?!

11 июня 1994 г. Суббота

«Преступление множит преступление, где общение двух — умножение хаоса»!! Это про нас с Ленькой. Нет, не буду я ему отвечать, и письма эти пусть читают редакторы газет. Но выносить это на публику...

Что-то скребет сердце. Правда, есть и другое, хочется быть хорошим — ты мне зло, а я тебе левую щеку... и, дескать, Богу угоден я буду, а не ты. Опять торг и гордыня: ты вот плохой, а я хочу хорошим быть.

12 июня 1994 г. Воскресенье

Что было вчера на «Белом попугае»?! Рассказал я историю про fallos exsteaorceinaris — веселку обыкновенную... Имело успех. Рассказал и про «сметану». «Это было у моря» — если по звуку это прилично, на этот номер я уповаю. Спел «Шута» Ю. Никулину, и было ему это трогательно. А потом на него упал фонарь. Слава Богу, штативом, но ведь по голове... Приложили лед, дали коньяку. И вроде опять ожил наш капитан. «Книжка мне твоя понравилась... про Володю... я ведь его хорошо знал... Очень хорошая книжка». А вот сведения о том, что Шукшин был на премьере «Бумбараша» и сказал про меня «вот наш алтайский дурачок», Лида Федосеева-Шукшина не подтвердила. «Во-первых, он никогда не ходил на такие мероприятия без меня... об этом фильме ничего не говорил... Это выдумка Заболоцкого». Вот это я уж выясню.

13 июня 1994 г. Понедельник

Матрену Федосеевну спросили: «Ты слышала, как тебя сын по радио с днем рождения поздравлял?»

Я привезу сегодня в театр напольные весы, всех бл... взвешу и перемеряю у всех талии. Значит, надо взять сантиметр и лист бумаги.

15 июня 1994 г. Среда, мой день

Леня сделал свой выбор — на первой полосе «Правды» его портрет и рассуждения о путях российских реформ.

19 июня 1994 г. Воскресенье

Много и умно говорила сегодня Абрамова про спектакль

«Время Высоцкого». Ах, как хорошо, что это увидела Москва — «Высоцкого». Метафора с «Гамлетом» устарела. Мало кто помнит, что Володя играл «Гамлета». А этим ребяткам по двадцать лет, то есть, когда он умер, им лет по пять было, они еще мало чего соображали в бардах — и вот на тебе, так рассказать, так понять...

Господи! И вот слова Славиной, больной, несчастной бабы.

22 июня 1994 г. Среда, мой день

Вчера корреспондентша:

— Филатов совсем плохой, что-то с ним... О вас они говорят, что вы не русский.

— Как! Золотухин — не русский?!

— Псевдорусский.

Я смеюсь над ними. Это действительно симптомы, никуда не годящиеся... Вот такие пироги.

Я в своем рвении, конечно, перегнул палку, употребляя и вспоминая отца. Редактор «Нашего наследия» более правильную формулировку этого пункта высказал. Государство разрушало в том числе и храмы. Действительно, была гласно или негласно передана директива: крушить попов, преследовать, изгонять. А дураку дай волю, он лоб расшибет. И прости ты меня, Сергей Илларионович, я молю Бога за тебя. Ведь и в армии ты политруком был. А что это значит, все мы теперь знаем. Даже сильно внедряться, углубляться не хочется — какая власть над людьми была дана политрукам... палаческая. По известному указу Сталина или его банды. Это мне Костя Желдин говорил. Ох, ох, ох...

25 июня 1994 г. Суббота

«Она от него не отходит». Это про Шацкую и Филатова.

29 июня 1994 г. Среда, мой день

Надо постепенно начать соображать, что делать на воле, когда выйду из заключения. Теперь я понимаю, почему отсидевшие срок вольно или невольно стремятся опять в тюрьму, под надзорность и навязанный распорядок дня и жизни. И человек привыкает, как я привык спать с лекарствами. Что я делать буду без них — ума не приложу!

Выверяю перепечатанные Луневой первые дневники. Неряшливые записи, писульки, жалобы, и вдруг раз — целые страницы прозы, почти целиком потом вошедшие в повести и рассказы.

2 июля 1994 г. Суббота

Это так замечательно, что они квартиру получили... Теперь вся трехкомнатная — Денисова. Ему об этом хоть думать в жизни не надо.

Страдаю отсутствием голоса. Был бы у меня голос, я бы сейчас что-нибудь придумал и не сидел бы бобылем. Я бы куда-нибудь закатился, я бы кому-нибудь позвонил, я бы кому-нибудь чего-нибудь спел, рассказал. Я бы от кого-нибудь услышал про себя хорошие слова — какой я талантливый, добрый и честный. Хотел написать «чистый», но какой я чистый, когда я воюю, хочу или нет, с Губенко-Филатовым. Почему? Как это случилось?! Зачем?!

3 июля 1994 г. Воскресенье

Почему я выспариваю Пастернака у Набокова или вдруг заплачу над Есениным, и оба они потускнеют, и уйдут их рассуждения гениальные, когда вдруг зазвучат в голове строфы «Снегиной».

«Ты сыграл своего Гамлета в „Живаго“, — сказала мне Люся Высоцкая. Абрамова, а я написал „Высоцкая“. И не ошибся. Она самая Высоцкая из всех его женщин, любимых им.

6 июля 1994 г. Среда, мой день

Государство изуродовало моего отца. Это государство его устами отдавало приказы разрушать церкви, скидывать колокола, топтать иконы и топтать в злобе мою мать. Это государство выдвинуло его в мстители пришлой власти, это государство вложило в его руку пистолет политрука. Государство сначала заставило меня восхищаться подвигами раскулачивания моего отца, а потом произносить проклятия, предавать моего отца и сваливать грехи власти на него... Отец, прости меня! Но государству наши уродства я простить не могу. Я буду мстить ему. Я буду проклинать большевиков и отцов их, марксистов-коммунистов-социалистов и прочих гадов, болтающих о равенстве, братстве и пр. О, как страшен их дух!

13 июля 1994 г. Среда, мой день

Что называется — приехали. Уже начальник отдела культуры мне передал: на планерке новый священник прямо и с первых слов заявил: «Я заниматься строительством не буду, мне это не под силу».

14 июля 1994 г. Четверг. Белокуриха, «Россия»

У меня задача: найти какой-нибудь банк, пока здесь глава администрации Тищенко, под десять соток земли или... черт его

знает, как это делается?! Что делать?! Как сдвинуть строительство с мертвой точки?! Господи! Услышь меня, помоги нам... помоги моему селу поднять храм. «Миром поднимется храм...» Смеются миряне надо мной, потому что мир нищий и неверующий.

19 июля 1994 г. Вторник

Что был бы я без Бога?! Не поднялся бы и с постели по своей воле, охоте.

21 июля 1994 г. Четверг

Огорчительная поездка в Быстрый Исток. Огорчительная опять из-за бесконечных и умных слов батюшки в камеру и «мимо кассы». «Почему первая попытка (фундамент, строительство) была неудачной? Не было Божьего благословения, то есть люди, начинавшие это, не с чистым сердцем...» И опять невнятные, бесконечные примеры, цитаты из Библии: «Храм-де построим, а веры истинной нет... вот в Смоленском...» Но хорошо, что Людмила М. категорически на моей стороне. Она считает, что с таким батюшкой храм не построишь. Но меня обнадежила реакция о. Бориса на сообщение о пятидесяти миллионах: «Значит, мы можем что-то начать?» Да, батюшка, да, вы можете что-то начать. Эти слова во мне надежду посеяли — при соответствующих миллионах он начать не отказывается.

Божье благословение надо заслужить. Над ним надо работать и душой и телом, нельзя сидеть сложа руки. Потеряли проект храма. Не сжег ли его о. Евгений в отместку всем? Дескать, попрыгайте без меня! Или куда-нибудь запрятал его подальше. Но Тищенко говорит: «Найдем, и о. Евгения найдем, если надо». А я сразу в панику: еще одна отмазка у о. Бориса — проекта нет, не можем ничего делать.

24 июля 1994 г. Воскресенье. Вечер, вернулись из Сросток

Накоротке, но весьма полезный был разговор с главой Алтайской администрации Коршуновым Львом.

Обещаю не пить, не курить и мяса не есть, пока не услышу звон колоколов над Быстрым Истоком. На том и разошлись.

Обвалился на Пикете помост. И много человек в мгновение исчезло с глаз публики, люди подумали — так задумано, артисты... Ренату Григорьеву с травмой головы и ноги увезли в больницу, также Любу Соколову и еще одного мужика. Того беднягу я видел — хлестала кровь из горла или из носа, не понял. Праздник был испорчен, хотя ведущий в микрофон успокаивал толпу: ничего страшного, товарищи, не произошло, праздник

продолжается. Пока я подписывал книги, фотографии, слышал, как нес что-то Панкратов-Черный, будто бы Жора Бурков говорил ему перед смертью: «Саня, Васю убили. Ему пустили в каюту инфарктный газ... Вася был очень аккуратный человек. Иногда писал в туалете, сев на толчок и подложив на колени фанерку. Там он писал свои замечательные рассказы. У него было все по полочкам, аккуратно. А когда вошли в каюту — рукописи были разбросаны. Все было в беспорядке...»

27 июля 1994 г. Среда, мой день. Москва

Звонок в дверь — открываю. На меня направлен автомат, два человека в милицейской форме. Жена не оставила мне телефоны охраны, метался, метался и плюнул — а сигнализация сработала. Слава Богу, все обошлось.

Денисов Э. попал в аварию. «В него врезался „Мерседес“. Сшивали по кусочкам. Увезли во Францию». Так мне сказал Глаголин.

Мы выиграли кассационный суд. Москомимущество выдало нам документ на владение всем зданием. Группа Губенко подает в высшие арбитражные инстанции. Борьба продолжается.

31 июля 1994 г. Воскресенье

Гурченко обо мне:

— Мой любимый артист... Мы с вами не снимались, но мы были приглашены как литераторы...

Это мне запало — «любимый артист». Что она в виду имела?..

«Послушай, Феллини». Сумасшедшая, грандиозная работа актрисы Гурченко. Завидовал, как двигается, танцует, поет... и играет. Но зачем она каждой клеточкой, каждым квадратным сантиметром пространства экрана доказывает, какая она талантливая и зря ее так долго не снимали?.. Этот бесконечный реванш... Зачем?! Это какая-то тогда опять ущербность, какой-то комплекс. Нельзя показывать своих страданий, нельзя их демонстрировать, у меня тоже это есть. Хотя нет. От этого нет полного захвата моего сердца, души. Я тоже вместе с ней начинаю считать... и все. А вообще-то, конечно, феномен, но какой-то агрессивный. Энтузиаст, как сказал бы да и говорил Грушницкий мой.

Никита Михалков. Не удалось мне с ним ни познакомиться, ни поздороваться. А хотелось.

1 августа 1994 г. Понедельник

— «Голубая чашка». Я очень люблю этот рассказ. По уровню влияния его можно сравнить с бунинским «Солнечным ударом»,

чеховским «Студентом». Ну настолько ничего не происходит, что неловко. Это мы знаем, что такое «Голубая чашка», с высоты нашего времени, которое мы оцениваем, как нам заблагорассудится... — говорит Н. Михалков.

Сюрприз, полное очарование — это маленькая девочка, дочка Надя, разносящая беспрестанно чаи, кофе, орешки, печенье, услужливо спрашивая: «Что вы хотите?» Она же, оказывается, главная героиня фильма.

В конце всего Никита посмотрел на меня, поднял брови, голову, давая знак, что аудиенция со мной окончена. Почему, блин, со мной? Он засмеялся, я вручил ему свою книжку, и мы дважды расцеловались.

Поскольку я сам этой привычки не имею, то, естественно, целование предложил он, и мной оно было принято.

3 августа 1994 г. Среда, мой день. Самолет

Критика за спиной ведет оживленные разговоры о картине Михалкова. Никита, получая приз, на плече вынес дочку. Четыре бугая к изящной пантере присовокупили белую шкатулку-сейф.

4 августа 1994 г. Четверг. «Брно», г. Воронеж

Нынче я в Воронеже, № 704. Тихонов интересовался разделом, в каком лагере я и Филатов. Узнав, что Филатов в больнице, в Кунцеве, сказал: «Я не знал, что он в больнице, надо бы навестить».

Вчера на перроне сказали мне, что умер Е. Р. Симонов и тут же добавили: «...и Смоктуновский». До утра не верил в это. Воронежские ребята подтвердили — по ЦТВ прошла информация.

И. Смоктуновский умер. Ушла эпоха. Ушел родитель главного направления актерского ремесла 60-70-х годов. Ой-ей-ей... Кеша, Иннокентий Михайлович, Иннокентий Смоктуновский! Боже, Боже... Великий артист ушел.

Какие артисты ушли — Борисов, Леонов, Евстигнеев и вот... Смоктуновский. Неужели ты, В. С., и вправду родился, чтоб написать дневники о Высоцком, засвидетельствовать мгновения чужой жизни, да и то не главные, мимо проходящие?

Тихонов: «Больше государственности у вас, в Нижнем Новгороде, а не в Москве. И возрождение России начнется отсюда».

А откуда завал России произошел, из Москвы? А возрождение будет отсюда? Любопытно.

5 августа 1994 г. Пятница

«Служу Советскому Союзу!» Нет, Тихонов не идиот, конечно,

но как же хорошо ему жилось со Звездой Героя, с ленинским лауреатством. За что?! И Евстигнеев, и Леонов... Боже мой, Боже. Так хоть не тряси ты этими побрякушками... И какое он у всех руководителей находит сочувствие этой ностальгической пропагандой. Вчера женщина в Хохолеблагодарила его за статью в «Правде». «Я не давал... это они из интервью „Водному транспорту“...» Опять «Правда»! Кого она объединяет?! Это же не просто так. Е. И. — ну, монстр! И главное, ни одной мало-мальски четкой мыслишки, идеи, все одни намеки. «Тебя не купят, нет?» Русская идея — беспроигрышный конек, единственная тема в зубах, губах, на языке. Убожество. Господи! Как хорошо, что я не пью.

Нет, конечно, Тихонова можно уважать за это, если это называть «позиция»... но как-то все это без юмора, на такой злобно-затаенной, мрачной ноте преподносится.

6 августа 1994 г. Суббота

За два дня пять выступлений.

Много узнаешь о своих коллегах трогательного, нежного. К примеру, очень хорошо, глубоко по мысли, умно и с потрясающей задушевностью, красиво, завораживающе, с прекрасной дикцией говорит Тихонов. Его можно слушать часами, затаив дыхание, — тембр, интонации... Почему, думаю, мало мы его слышим по радио? Юморной и добрый рассказчик Рыжов. Соколова говорит о жизни своей за кулисами, о жизни коллег. Савельевой Люсе предложили быть костюмершей. Корольков стоит в гардеробе.

8 августа 1994 г. Понедельник. Вагон

Говорил я Тихонову много хороших слов.

— Что восхищает как профессионала — вы с одинаковой актерской тщательностью и порядочностью произносите тексты брежневской «Целины» и толстовские тексты... Без насмешки, без дешевого цинизма. Потому вы себя сохранили — серьезность и трепетность. Поводов для разгильдяйства жизнь вам подсовывала много. Такие роли, такие награды... Очень легко потерять себя и ориентиры. Вот в параллель с вашей судьбой актерской — судьба О. Стриженова. Финал печален, а как еще мог бы и работать и со зрителем встречаться, и тем держать форму и уважение к себе, к своему таланту. Водка, гульба — забвение зрительское.

Тихонов:

— Надо иметь своего адвоката. 10% со сделки он берет себе, но зато тебе не о чем беспокоиться. Все переговоры-разговоры он берет на себя, все устраивает и говорит: «Это вам невыгодно».

«Мороз-мороз...» с ансамблем, с солисткой. Верхние ноты

звучали прекрасно. Особенно последний, второй концерт вчера. Я в хорошей форме, я жив, я не соблазнился на «зверобой» с Тихоновым, а хотелось. Слава Богу, что он такой деликатный и понимающий оказался человек — не просил с ним выпить, не настаивал, мало ли, лечится человек. Ведь он сына потерял, Володю, который погиб от этого увлечения.

20 августа 1994 г. Суббота. Вечер

— Не пишется.

— И мне. Откладываю — завтра, завтра, и так уже лет пять.

— Напрасно. Вам не пишется — это напрасно. Вам — дано. Не всем дано, кто пишет, а вам дано, пишите. Мое время на излете, а вы еще... — сказал мне Жженов и подарил в самолете книжку «От глухаря до Жар-птицы».

Замечательно мы с ним летели. Так замечательно он рассказывал о наших коллегах, об Иннокентии С.:

— Он откровенничал со мной. «Больше всего, — говорил он мне, — боюсь я бани». Я-то знал, что он еврей, а он себя за поляка выдавал. Олег Даль... Божьей милостью, настоящий... Если с кем несправедливо поступила жизнь — с ним и Вампиловым. Зачем последнему надо было утонуть! Такие пьесы писал!

Чудесную миниатюру рассказал о Высоцком. Для меня — неизвестный Высоцкий.

— Приехал польский театр, играли они у нас. И наметились у меня отношения с одной актрисой. Назначила она мне свидание в гостинице «Россия». Я прихожу и встречаю в вестибюле Володю. Спускается эта актриса. Мы сидим, разговариваем, и я понимаю, что мы на одну роль метим. Сидим 10-15 минут, час сидим. Володя встает и уходит: «Извините, я сейчас». Через пять минут приносит две чашки кофе и две рюмки коньяку. После этого галантно попрощался и оставил нас.

Эта история меня восхитила. Зная Володю — быть первым в женском вопросе, — и чтобы он уступил!

— Он уважал меня, наверное, и любил, но больше уважал, — заключил свой рассказ бывший зэк.

А для меня — неизвестный Высоцкий. Засверкали слова в мозгу. И я попросил:

— Подарите мне эту историю, Г. С.!

— Пожалуйста, конечно.

21 августа 1994 г. Воскресенье. Красный Селькуп

Я не верил глазам своим, глядя вчера на Г. Жженова. Неужели ему 80 без малого?! Неужели теоретически возможно мне дожить до его лет, то есть еще 27 лет, и стоять вот так перед

микрофоном, сохранив юмор, жизнь и ум! Господи! Кажется, я начинаю чему-то и кому-то завидовать. Не потому, что ему 80, а потому, что он такой. В самолете не задремал, не закемарил, а живо и непринужденно рассказывал историю за историей без старческой экзальтации, без капризов, жалоб, фырканий. Я сидел, слушал — глазам и ушам своим не верил. И я со своей спиной не знал, куда себя девать в кресле самолета, в какую позу уложиться, чтоб не больно было и поспать...

26 августа 1994 г. Пятница. Вечер

И пришла мне простая мысль в голову. В сущности, этот роман с Ирбис, эта любовь, эта сумасшедшая страсть спасли семью... Как ни странно, это так. Это сильное, мощное отвлечение от семьи, от ее проблем. Разводиться мне не надо — жалко и... вообще. Но и жить в этом аду было бы невозможно без какого-то плота спасительного на стороне. Да и стороной этот плот назвать преступно. Это то, что спасает и дает силы, дает жизнь. Пусть иллюзия, мираж... Но этот мираж рождает что-то конкретное — тексты, репризы, анекдоты, байки.

29 августа 1994 г. Понедельник

Две встречи вчерашние, в праздник Успения Пресвятой Богородицы.

1. Утром проехал за виноградом на красный свет. Откуда ни возьмись гаишник на машине. Молодой парень, пацан. Подаю права, лезу в машину за техпаспортом. Рассматривает, указывает сесть к нему в машину. Сажусь. Не отрывая глаз от фотографии:

— Как вы постарели!

— А вы помолодели.

— Почему?

— Не знаю, очевидно, с годами вы... Как вас звать?

— Виктор.

— ...С годами вы, Виктор, молодеете, скоро в детсад опять пойдете. Что же это за бестактность с вашей стороны?

— А вы знаете, за что я вас остановил?

— Я вам расскажу про драматурга Эрдмана. Ему одна дама сказала однажды при встрече: «Ой, как вы плохо выглядите сегодня!» Великий драматург ответил: «Мадам, я каждый день бреюсь и вижу себя в зеркале».

— Это очень опасный перекресток, так же как и тот, перед ним.

Короче, ни х... он не понял.

2. Вторая встреча — в храме Донского монастыря. Мужчина, рыжеволосый, с густой рыжей бородой, здоровается, улыбается,

жмет руку.

— Вот видите, все так и случилось, как вы сказали. Живу в монастыре... Я вас вез во Внуково на такси. Вы дали мне телефон. Вы там же живете, на Академической? Лет двадцать прошло... Вы нисколько не изменились. Как сложилась ваша жизнь, играете, репетируете? Удивительно — вы не изменились.

— Да что вы, мне сегодня милиционер сказал совершенно противоположное с утра: как вы, говорит, постарели.

— Уверяю вас, он не прав... Нет-нет...

Я, растроганный, расцеловал его в рыжую бороду.

3 сентября 1994 г. Суббота

Все просто — помещение обещано банкам, и там мафия, охрана, уголовники, бандиты. К театру нельзя подъехать: на всех углах стоят бритоголовые, квадратные морды.

4 сентября 1994 г. Воскресенье

Из политических новостей меня интересует почему-то только Чечня и ее лидеры, Дудаев и Хасбулатов.

21 сентября 1994 г. Среда, мой день. Соловьевка

Вчера Глаголин сказал, что кому-то звонил Ярмольник и сказал, что у Филатова неоперируемая опухоль мозга. Что это значит? При чем тут Ярмольник?

Господи! Я за Леонида тебя прошу. Избавь его от этого недуга ошибочным диагнозом. Я видел снова его во сне. С его стороны была заметная тяга примириться. Я не подавал вида, но хотелось броситься к нему и сказать: «Пусть все быльем порастет!»

Если это так (опухоль), то его ситуация посложней моей.

23 сентября 1994 г. Пятница

Денис рукоположен. Теперь он православный священник в чине дьякона. Если я правильно терминологизирую. Я поздравил его. Говорит, через неделю Алла должна родить. Господи! Пошли ей здоровья и тому (той), которого она произведет на свет. Звучит Шнитке и мой голос, читающий Пастернака. И мне это нравится. Иногда музыка заглушает текст. Это ошибки звукорежиссера.

Репетиция прошла обнадеживающе.

Звонили из «Кинотавра», с 1 по 9 октября какая-то тусовка — «Чонкин» приехал. Первая обзорная рецензия — ни то ни се. Страсти разгорятся потом — будет вопить «Память».

Вчера в «Вечерней Москве» вручили мы очередное послание президенту.

— Я, — говорит Борис, — прочитал его здорово, они сидели,

открыв рты. В лоб спросил главного: «Опубликуете, напечатаете?» Ответ: «Обязательно».

Еще одна акция. На этом вручении был Славка Спесивцев, в том же бузлоне «Вечерняя Москва». Он в свою очередь замолвил аргументированный довесок: «У меня были прекрасные отношения с Петровичем, но я ушел и создал свой театр, а потом и второй».

25 сентября 1994 г. Воскресенье

Филатов. Вчера поставил свечку о здравии его. Я помолился, чтоб Господь послал исцеление ему. Мне его ужасно жалко, хотя я не люблю его с того письма, которое много открыло из того, что от посторонних глаз закрыто. Полицеймако говорила с ним в тот день, когда мы с Борисом видели его у театра. У него действительно была частичная потеря речи. Он неслыханно изменился и произнес такие слова: «Я сказал Нинке, чтоб она прекратила агрессию». Почему бы ему не сказать это Губенко? И почему он не идет на мировую со мной? Ведь он же облил меня дерьмом с ног до головы своим письмом. И чем дольше затягивается борьба между Губенко и Любимовым, тем очевиднее его, мягко говоря, заблуждения, высказанные в этом письме с дьявольской четкостью. Статья Бурякова не могла пройти мимо его ушей и глаз. Зачем он полез со своими рассуждениями в «Правду»? Нет... и впрямь — болен.

27 сентября 1994 г. Вторник

Воздвиженье сегодня.

Вчера, кажется, началось восстановление храма Христа Спасителя. Но «Эхо Москвы» ничего об этом не сообщило. А если это вчера произошло, то ведь это национальный праздник.

28 сентября 1994 г. Среда, мой день

Вчера был день большого — как сказать от «суета»? — суетения. Если две враждующие из-за тебя женщины говорят, что ты мерзавец, сволочь, негодяй и лицемер, каких свет не видывал, одни и те же слова, эпитеты, метафоры и приговоры, очевидно, кто-то из них прав. Впрочем, я и сам о себе того же мнения — мелкий, любимовский актеришка с непомерными тщеславием, себялюбием и эгоцентризмом. И надо же — он строит храм?!! Богохульник да и только. «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст!»

Вчера по пути на Десну встретили в белой «девятке» Гердта. Он выразил жестом желание остановиться. Мы остановились на Обручева. Вышли из машин и весело поговорили о негодяе

Губенко. Гердт вспомнил, как министр СССР в телекамеру, отвечая на звонок, говорил: «Да, малыш... хорошо, малыш...» Гердт возмущался:

— Постельное имя жены... что это за вкус... Играете «Живого»? Ну, хорошо. А у нас беда — прислали два билета на Патрисию, а мы оба с Маринкой в гриппе, а билеты по 250 долларов (кажется, он сказал два пригласительных, а не два билета).

Комментируя «малыша», он, смеясь, сказал, что так Рудик мог сказать, но он бы сыграл министра культуры лучше.

— Ваша? — показав на машину.

— Нет, но все равно красивая.

И мы весело и долго ехали за Зиновием Гердтом, а где-то на Профсоюзной раскатились в разные стороны. Замечательная какая-то, теплая встреча, мы любим друг друга давно, еще со времен «Дворянина Чертопханова».

В Театре Армии актер Кузнецов Алексей выбросился с 8-го этажа с балкона во время прогона, в театральном костюме... что-то с долларами. Но никто ничего не знает толком. Но премьера «На бойком месте» все равно состоялась вчера.

30 сентября 1994 г. Пятница

Сегодня, 30 сентября 1994 года, в день Веры, Надежды, Любви, я прочитал «Медею» и плакал вместе с Ясоном. Хочется, как Подсекальников, позвонить в Иерусалим Любимову и сказать: «Прочитал „Медею“. Понравилось. И играть в ней я буду только Ясона, и никого другого».

3 октября 1994 г. Понедельник. Раннее утро

«21-й км» начинает пухнуть от истории «Таганки». Надо сократить, но сначала надо все-таки попытаться все — и Эфроса, и Высоцкого, и Любимова — в один узел втянуть... да еще смирновско-еврейскую бодягу...

Ну, с этим посмотрим.

Очень холодно ответила Крымова на мое «здравствуйте, Наташа». Срезала. Говорил я на презентации журнала «Московский наблюдатель» о трех приездах «Таганки» в Париж. О триумфальных гастролях эфросовских спектаклей — «Таганка» под флагом Эфроса, но без Эфроса. Эти гастроли охарактеризовал, как грустные, — старые, изношенные спектакли с ослабленным составом: в «Годунове» без Губенко, первого исполнителя, в «Преступлении» без Славиной и Джабраилова. Говорил о «Матине», прочитал письмо Мейерхольда Молотову и

спел «Реквием». Несколько человек, в том числе Свободин, пожали руку и поблагодарили за «Реквием» (Шнитке — Вознесенский). А вообще скучища дикая, хотя народу было мало и я был введен в заблуждение, что артисты Фоменко и Додина приедут в костюмах играть отрывки из обрывков. Ничего этого не было, да в добавок еще почти плевок Крымовой — в чем я провинился перед ней или памятью Эфроса, ума не приложу...

4 октября 1994 г. Вторник

Вот, говорят, осчастливил нас своим появлением из дальних стран Веня Смехов. Недоволен художественным состоянием театра, но собирается играть и «Дом», и «Мастера». И я думаю: слава Богу! Уже то хорошо, что он появится на подмостках старой «Таганки». Его знают, его помнят, его многие любят, а значит, нашего полку прибыло. К тому же «Мастера» он играет хорошо. Да еще человек он пронырливый, до начальства охотчивый, глядишь, в какой суд пойдет, какую-нибудь «гумагу» сочинит. Я помню его подвиг, его активность с «Московскими новостями». До сих пор эта акция остается достойнейшей. Так что... не все потеряно.

6 октября 1994 г. Четверг

Смирнов Александр Петрович, Елена Димитриевна — его жена. Это посол Португалии, а его жена родилась в Быстром Истоке. Услышала, что я в Быстром Истоке церковь строю, и вот посол...

— А вы, собственно, кто?

— Я посол в Португалии.

Я чуть язык не проглотил и привстал было по стойке «смирно». Завтра они придут на «Годунова». Этот посол принес 500 долларов. Я ему расписку написал, книжки подарил.

9 октября 1994 г. Воскресенье

И всего-то два дня не писал, а случилось-то что! Дедом стал я наконец-то! Внученька у меня родилась... весом 3 кг 900 г, ростом 52 см. Вот еще перевернулась очередная страница. Слава Богу! И как будто все в порядке и с матерью, и с малышом. А узнал я об этом в театре от Бориса Глаголина:

— Вас можно поздравить, В. С.?

Первая мысль (тщеславие — самое большое уродство психики) — премию дали, наградили... Стал перебирать в уме — за что?! Что я сделал выдающегося?

— Говорят, у вас внучка родилась?

И я перекрестился — слава Богу... Новорожденный дед.

Не так обидно стать дедушкой, как спать с бабушкой.

10 октября 1994 г. Понедельник

Нет, Господи, не желаю я Филатову зла или физической... по типу Эфроса. Господи! Пошли ему исцеление!

Все у Дениса напоминает о нем, хотя и моя фотография с ним маленьким все же висит. Сейчас там погром. На полу книги, кассеты, все в кучах. «Он плохой (в смысле здоровья), — говорит Кузьминична, — не поднимался сюда». Нет, я не хочу ему зла и помирился бы... но он первый запустил в меня этим гнусным письмом, и кланяться ему я не намерен. Если бы он был здоров, было бы лучше для всех.

11 октября 1994 г. Вторник

Мощи Тихона-святителя перенесли в Малый собор, зимнюю его обитель. Служка-бабуся, которая по знакомству мне молебны и панихиду заказывает, рассказала: «Когда переносили мощи, над монастырем у нас вот такая радуга, представляете! Обычно радуга вот такая бывает, а у нас вот такая была — круг. И над местом, где храм Христа Спасителя был, тоже такой же, говорят, был круг-радуга, представляете, Валера! Вы приходите к нам почаще».

Рубль, как заяц, сделал невероятный скачок вниз и стал больше 4 тысяч! О ужас, ужас! Слава Богу, я сегодня висевшие на моей совести 500 долларов — по дню передачи 1 400 000 рублей, — добавив свои 100 000, переправил на счет православной общины.

13 октября 1994 г. Четверг

На «Павла I» Краснопольский принес мне газету «Эстония» со статьей Елены Скульской. Ее поразили «Дневники», и она воздала мне сторицей. Спасибо вам, Елена Скульская.

15 октября 1994 г. Суббота

Фурман:

— Что с Филатовым? Говорят, у него рак. По радио объявили — сбор средств на лекарство...

— Если по радио бы сказали, кто-нибудь в театре услыхал бы... Не слышал, не общаемся.

Господи! Спаси и сохрани его. Что там наши распри... прости, Господи!

17 октября 1994 г. Понедельник

Вечер. Больница. Взрыв в «Московском комсомольце». Погиб

журналист, готовившийся делать доклад в Думе о коррупции в группе войск в Германии. Замешаны высшие воинские чины вплоть до П. Грачева.

Вчера и сегодня в храме ранним утром поразился обилием народа, а в театре сердце скрежещет от недостачи... Что-то точно такое и об этом в «Павле I» — о французской эпохе времен Наполеона... Народ, зритель московский, переместился в церковь. А в церкви и свечку надо поставить, и записочку написать на молебен, и нищим подать милостыню — это же все расходы. На театр уже не хватает ни денег, ни времени. Да еще смотря какие дни. Недаром раньше театры жили, соблюдая церковный календарь. В пост не играли.

19 октября 1994 г. Среда, мой день

Филатова я не вписал «о здравии» и пожалел, что вспомнил поздно. Совсем противоречивые слухи — рак легких. То опухоль в голове, то рак легких — ничего понять нельзя, но молиться за него надо. Господи! Пошли ему исцеление! Я не держу зла на него, пусть и он меня простит, пусть, если я причинил ему расстройства, боль и неудобство жизненное.

Опять в «МК» интервью с Шацкой, с ним, и опять: «Сын весь в Леню...» Что она делает?! Неужели у нее крыша поехала?! Прости меня, Господи!!

21 октября 1994 г. Пятница

Начал главу «Жена» — закат-дожитие. Хорошая глава будет про мою бедную, несчастную и, несмотря ни на что, царственную жену. Наплакался. Господи! Сподобь меня, и я напишу, только бы запомнить монологи ее, а говорит она про свою жизнь удивительно, страшно и понятно. Она понимает и поняла себя сразу и давно. И на реальную жизнь смотрит давно со стороны, из себя — ничто ее не удивляет, кроме истинно прекрасного, а слух у нее вундеркинда и глаз безошибочный, если он не касается быта и вещей, тут — сплошные ошибки и сплошь оплошности, только пошлости ни на микроб. Оттого у нее коровьи печальные глаза, и ей пример улыбающихся японцев лицемерен и противен муж, подражающий им.

23 октября 1994 г. Воскресенье — отдай Богу

«Теперь Николай Губенко может не ездить в Калининград (Кенигсберг) вместе с Анпиловым, Руцким, Стерлиговым, Бабуриным... Теперь они прекрасно могут проводить свои соборы в Москве. Художественных спектаклей нет. Сцена свободна для политических...» Александр Минкин.

27 октября 1994 г. Четверг

Долгий, подробный разговор с Денисом о зарубежной церкви, о статье Полозова и вообще, но главное — это, быть может, первый с Денисом разговор о жизни, о наших отношениях. Он говорил откровенно, но с трудом — я видел, как ему тяжело, как он старается никого не обидеть, но он всю свою жизнь после моего ухода и прихода Леонида стоял перед выбором. Мама Нина ставила перед ним вопрос ребром: «Либо мы с Леней, либо он, Золотухин», то бишь я. И Ленька сильно его «скрутил» (выражение Дениса) — он составил ему круг чтения, программу. По его наставлению он первый раз подрался в классе, отстоял себя. Его зауважали и стали побаиваться, а он обрел уверенность. Я понимаю, Ленька имел на него сильное влияние. Но он не учел наличие крови. Когда Алла забеременела, будущего сына запроектировано было записать Филатовым. Но Божий промысел отложил эту клиническую идею и послал девочку. С фамилией «Филатов» Нинка носится как с писаной торбой, глупость невероятная. Но Денис одно время и сам подумывал переписать себе фамилию. До чего же Нинка против меня была и сына настраивала! Но теперь, кажется, все это позади... и на большее, на что может Филатов рассчитывать, и об этом меня просит Денис — быть крестным моей внучки. На его бы, Ленькином, месте я бы не стал этого делать. Но если это внесет какой-то покой и мир в отношения, то пусть делают.

30 октября 1994 г. Воскресенье

Любимов прислал распределение: я — Креонт, а не Ясон. Ясон — Беляев. Обидно, но, кажется, справедливо. Роль Креонта плохая, никакая, но ведь и ответственности никакой, а месяц с лишним жизни в Греции, кроме того, что это заработок, это еще и рукопись. Поэтому надо торопиться сейчас. Писать, писать и писать, организовывать материал.

В театре получил предложение от Радова Александра Георгиевича (Российское ТВ) — вести передачи об интересных русских мужиках. Надо найти хоть одного для початку.

31 октября 1994 г. Понедельник. Вечер

Я могу еще что-то заработать, а вот Феликс не может, он не нужен в Ростове и дальше. Я у него хотел одолжить тысячу на жетоны в метро. «Если у Валерки нет денег, совсем дело плохо — долой правительство! А мне не хватает, еле дотягиваю от зарплаты к зарплате». Я сегодня открыл валютный счет, и у меня жена не считает, когда покупает отборную еду. А сын носит

дорогие куртки, сегодня мою надел, любимовскую, — и хоть бы хны. Как же люди живут, как они сводят концы с концами, а если выпить, купить заразе цветы или повести ее в ресторан — об этом и не моги думать. А я подумываю о замене машины. Но я свои афиши таскаю, я своим горлом звуки издаю пока, я свои книжки продаю. Нет, мне есть за что уважать себя!

3 ноября 1994 г. Четверг

Вчера со Светой Майоровой на Шаболовке встречался. Оказывается, ларчик открывался просто — бывший премьер Щербаков не захотел сниматься в моей компании. Ну, ясно, он в связке с Губенко и Павловым. Они все — дружки, банкиры и бандиты. Ему не «комфортабельно» в компании со мной, с моей демократической мордой на народ, на мир выходить. Что дружки скажут?! Вольский вроде бы дал согласие. Оказывается, они эту передачу оплачивают, финансируют — 8 тысяч долларов стоит им это удовольствие. А что взять с артиста?

На письменном столе — портрет Шнитке. Я материально чувствую, какая от него исходит добрая, божественная сила, энергия духа. Чудесно... Действительно, фотография может быть заряжена. Она производит на меня действие.

4 ноября 1994 г. Пятница

Новое рождение, быть может, сегодня мое состоялось или может состояться. Ведущий и автор передачи телевизионной «Россия в лицах». Значит, надо показать Россию. Не Литву, не Польшу, а Россию, и притом в лицах. Не лица России, а Россия в лицах. А сын у меня священнослужитель православной церкви. Значит, Россия православная... в лицах, само собой разумеется — в лицах православных. Для того чтобы представить лицо, надо хороший текст написать, закадровый или в кадре, чтобы было понятно, почему автор, то есть я, думает, что это лицо, которое может представлять Россию. Да, Полозов — это то лицо, которое Россию может представлять, хотя бы потому, что крестным отцом его был патриарх Московский и всея Руси — Тихон святитель. Он маленького Алика — Алешеньку три раза вокруг купели обносил. Крестной матерью была настоятельница Новодевичьего монастыря, а крестил его настоятель храма Христа Спасителя... Вот какие люди благословляли в мир Алешу Полозова. Через него мы заглянем в лица России, близко от нас стоящие, но уже иной эпохи. Великий патриарх предал анафеме правительство большевиков. Он умер в один год с Лениным, пережив его несколькими месяцами. У Ленина Мавзолей был поначалу деревянный — прорвало канализацию и затопило все дерьмом.

По словам А. Я. Полозова, патриарх откомментировал это бытовое происшествие так: «По мощам и елей». Жестоко, но теперь нет никакого сомнения, что справедливо.

6 ноября 1994 г. Воскресенье

Оказывается, гормоны любви вырабатываются на 3-4-й день, когда становится невтерпеж, и мозг работает в том направлении и режиме, что все оправдывает, все прощает... вернее, что-то побеждает так называемый разум и его доводы... и спешит бросить тело в соитие — грех... и как это все замечательно, и как это все природа организовала исключительно замечательно.

8 ноября 1994 г. Вторник

Что касается внешнего сюжета моего рассказа, то он довольно прост. В нашу деревню, в наше село Быстрый Исток, что на Алтае, приехали столичные артисты с программой «Цирк на колесах». Руководитель бригады, он же ведущий и клоун, попросил меня, мальчишку, подыграть ему в представлении — сесть уткой, подсадкой в зале, которого он в нужный момент попросит из зала... Я ему подыграл, да так, что клоун попросил прийти к нему утром, когда они уже будут переезжать на другую точку. Так вот что он мне сказал на всю мою жизнь: «Молодой человек, вы сделаете преступление, если не станете драматическим артистом». Он не сказал «цирковым артистом», или «оперным», или «киноартистом», а именно «драматическим». Артист дал мне свой адрес московский, клубочек и ниточку, который я после десятого класса стал разматывать. Клубочек привел меня в Москву, к московской квартире клоуна, что была у бывшей Калужской заставы, но артиста дома не оказалось, он был в Африке на гастролях и должен был вернуться не скоро. Я выкинул адрес-клубочек и остался один на один с городом, с Москвой.

Мне повезло, я поступил сам, без помощи артиста. Но согласитесь, что без того толчка — конкретного адреса, записочки — я бы вряд ли рискнул поехать штурмовать Москву, завоевывать столицу. Поэтому я и считаю А. Я. Полозова крестным моим отцом по драматическому искусству, театру.

Я поступил в ГИТИС, закончил... Несколько раз приходил по адресу, но Калужскую заставу стали реконструировать, пробивали Ленинский проспект. Артист мой съехал со своей квартиры, и я потерял его из виду и из памяти вообще. Стал сниматься, пришли известность и популярность. Однажды в концерте судьба свела нас с народным клоуном, с народным артистом Никулиным. Я возьми да и спроси, не встречался ли ему когда, где такой клоун

— Полозов Алешка? «Да мы с ним друзья, мы с ним вместе начинали» — и дает мне тут же из своей записной книжки телефон А. Я. Так нас свела судьба второй раз, после чего мы уже не терялись. И я узнал о жизни московского артиста много, о чем мне, собственно, и захотелось рассказать.

По материнской линии артист наш из дворянской семьи Соколинских. Отец, Яков Полозов, — келейник, друг, секретарь, сподвижник и телохранитель великого святителя патриарха Московского и всея Руси Тихона, погибший, убитый большевиками во время покушения очередного на патриарха Тихона. Заграничная православная церковь канонизировала патриарха Тихона и Иакова, императорскую расстрелянную семью в ранг святых новомучеников. Наша церковь согласилась на канонизацию патриарха Тихона и великой княгини Елизаветы. Но странным образом могила Якова издавна считается святой, земля с могилы — чудотворной. Об этом мне рассказывала театровед Симонова Галина Владимировна.

После войны она с подружками гуляла, играла в лопухах Донского монастыря. Было ей лет девять. На лужайке сидели старушки и среди них женщина, черноволосая, красивая. Она рассказывала, как ее мучат бесы и как она по этой причине не может войти в храм, и никто не может ввести ее в храм — ее начинает бить припадок, падучая, эпилептический приступ. Девчонкам интересно, они трутся около, слушают про бесов... и вдруг с этой женщиной тут же случается приступ эпилепсии. Она кричит: «Не мучь меня, бес, не мучь меня!..» — и начинает корчиться в конвульсиях. Тогда одна из старушек говорит на меня, на девочку: «Вот, агнец непорочный, беги на могилку Тихона». Почему-то они могилу Якова называли могилой Тихона, хотя знали, что это могила Якова. «Беги на могилку, принеси землицы с холмика». Девочка побежала, принесла горсть земли с могилы Якова, старушки приложили эту землю к разным местам болящей — и приступ прошел... Она затихла, пришла в себя, и старушки немного погодя ввели ее в храм... И вот нарочно для съемок не придумаешь, такую массовку не организуешь, да и не входило это в мою задачу, в планы моего повествования. Кто эти люди?! Монастырь довольно пустынный, все службы утренние давно прошли, никаких экскурсий не видно, и вдруг вот эти люди. Пришли на могилу Якова помянуть, помолиться, испросить заступничества. Не удивительно ли и то, что люди эти знают о чудесной могиле русского молитвенника, а страж настоятеля, плотный, крепкий, довольно внушительный охранник главы монастыря и следящий за нами, чтоб не дольше 15 минут снимали мы сына на могиле отца, на вопрос А. Я.: «А вы знаете,

где могила моего отца, Полозова Иакова Анисимовича?» — ответил «не знаю», чем немало удивил меня. Люди знают, а служащий монастыря не знает, что и кого он охраняет. Неужели мы так и будем жить Иванами, родства не помнящими?!

Так вспомним же, что говорил в своей проповеди святитель Тихон, патриарх Московский и всея Руси по случаю приближения празднования первой годовщины Октябрьской революции в 1918 году, и как реагировала потом власть большевиков во главе с Лениным на слова великого патриарха...

И этот человек был крестным отцом А. Я., его он держал на руках, обносил вокруг купели три раза. И под благословением крестного прошла и идет жизнь циркового в прошлом артиста Полозова. А крестил А. Я. настоятель храма Христа Спасителя, а крестной матерью была настоятельница Новодевичьего монастыря. Вот какие люди русские, православные стояли у колыбели будущего артиста А. Я. Полозова, который стал моим крестным отцом по ремеслу драматического артиста и которого я прошу теперь быть крестным отцом внуков моих.

Господи! Иисусе Христе! Сыне и Слове Божий, Богородицею помилуй мя, грешного!

11 ноября 1994 г. Пятница

«Случай Филатова». Вчера по телевидению посмотрел маленький кусочек какой-то передачи о нем. Впечатление страшное. Вот и задумаешься — что делать? Что делать, когда вот такая настигнет участь? Жизнь кончилась. Он ностальгирует невольно о том, когда ему было хорошо и, казалось, кругом все не так плохо — собирались стадионы, платились большие деньги, на столе — горы черной икры... писалось, снималось, кинофестивалилось... И, казалось, так будет продолжаться еще долго, потому что молод, талантлив и есть спрос... И вдруг болезнь. И все в сегодняшнем дне — плохо, и вся неразбериха, хаос — все виновато в том, что ничего хорошего, светлого, малюсенького просвета, надежды, потому что это все живет уже без тебя. А значит, это никому не нужно... Господи! Спаси и помилуй нас, грешных... И надо торопиться написать «21-й км — Покаяние».

Всю ночь мне снились Губенко и его компания. Не хотел утром делать зарядку, но «случай Филатова» напомнил мне — пока жив и ноги носят, двигайся, не гневи Бога... Работай, вставай, подтягивайся на турнике, поезжай в прачечную за рубашками, начитывай закадровый текст. Времени и у тебя мало.

23 ноября 1994 г. Среда, мой день

Вторая половина дня. После прямого эфира в дибровском канале «Свежий ветер» вспоминал эпоху Моцарта, фильм, встречу со Швейцером, Смоктуновским. Нет, определенно я устроил себя, даже прослезился. 20 минут — это очень мало для какого бы то ни было связного рассказа, да еще ответы на вопросы.

Вчера — запись ток-шоу. Выбил меня Вольский своей веселостью, знанием моей биографии, творчества. Говорил, какой гениальный я буду король Лир, пел мои песни «А я в ответ на твой обман...» и пр. Я растерялся — отвечать, петь мне почти не дали. В общем, смущенным я уехал с передачи. Теперь надо надеяться, чтоб все это они монтажом поправили. Но больно серые люди конструируют эту передачу, и настроение у меня было вялое, хотя хорошее. Посмотрим. Но ни умом, ни остроумием не блистал я и находился под обаянием Вольского, который царил... Потом он сказал, что это я виноват в том, что он разговорился, расшутился, что ему было очень приятно быть в моей компании, ни с кем другим он не согласился бы... Но в политическую партию он записал меня в свою — против Гайдара, Чубайса, Бурбулиса, которых я на Куликово поле с собой отправил.

25 ноября 1994 г. Пятница

Несколько дней под впечатлением собственных дневников 79-го года, когда уходил от Шацкой, когда в холостяцкую квартиру приходил Денис... и вообще — все слова Шацкой, все отношения, свидания с Дениской маленьким... Плачу до сих пор... тоска, тоска. Как будто и не было этих пятнадцати лет новой жизни, почему-то так больно. Как он бежал за автобусом, наперегонки, в котором я уезжал. Господи!

Решил я сегодня поголодать, и не удалось. Съел сейчас в буфете маринованный помидор, картошку... домой не поехал, хочу посмотреть Лену Кореневу в спектакле «Лу». Начались репетиции «Живаго», спевки, многие артисты не пришли. А на спектакль зовем дивизию им. Дзержинского... Дожили — не можем билеты распространить.

В театре разлад, разброд. Если я не хочу ничего делать, если я себя не могу заставить репетировать с другим режиссером, попробовать новые моря, новые суши, — что говорить о других?! Что-то решается сегодня в арбитражном у Яковлева.

26 ноября 1994 г. Суббота

И хватит так подолгу спать!!! Ведь надо же писать на Нобелевскую премию, ведь слово сказано уже! 2011 год заявлен.

27 ноября 1994 г. Воскресенье, перед сном

Нужно два мощных монолога о профессии, два авторских философских размышления. Короче, ночь была мне испорчена. Я говорил Радову, что я вообще не гожусь для роли раскрутчика, это не мое... Если я что-то и пишу, то это совсем иного толка, это — подсмотренные за самим собой в замочную (условную) скважину бытовые осколки.

30 ноября 1994 г. Среда, мой день по гороскопу

Артист должен репетировать. А кто сказал, что он должен репетировать? Любимов. Не репетируют только бездельники и бездари.

Умерла Р. Нифонтова. «Помни о смерти».

3 декабря 1994 г. Суббота. Адлер

Да. Довольно все просто. Худо-бедно, но тридцать лет с небольшим перерывом (но и в этот перерыв появился тут же тоже мощный поводырь — Эфрос) нас вел поводырь, и жизнь твоя личная была в фарватере главного дела — жизни театра. Так ли сяк ли — все твои дела, семья, бабы, дети, съемки, концерты, писания — все было подчинено замыслам, действиям поводыря. Мы были за его спиной, мы привыкли, что кто-то думает, решает и в конечном счете отвечает за нас. Теперь мы остались одни, надо думать, действовать самим, а мы не привыкли и, главное, за нас никто не отвечает и нам не с кого спросить. И есть группа артистов, с которыми Любимов отказался работать, а каждый из них чувствовал, что он останется один на обочине, в стороне от главной жизни (а жизнь — это театр, другой-то жизни ни у кого не было). Это и толкнуло их от страха и отчаяния искать выход, и они нашли его в бунте и в мнимом лидере Губенко. Их понять можно. Надо было только создавать дело — театр, а не кромсать помещение. Сейчас мы остались без поводыря. «Медея» даст какие-то доллары, если все пройдет благополучно, но дальше... И, наверное, думать надо сейчас. Не дожидаясь марта. Но, может быть, Зингерман прав — «не суетитесь, играйте, берегите то, что есть — все случится само собой». Что он имеет в виду и, может быть, не высказывает — физическое исчезновение Мастера?! Но это чепуха. А что тогда?!

7 декабря 1994 г. Среда, мой день. «Павел I»

Самотек — вот точное определение нашей жизни. Какое-то актерское занятие — фильм, передача, спектакль, роль — надо придумать. Хоть к Сапожникову возвращайся. Сочинить какую-то программу. Ведь занимается же Демидова превосходно поэзией и

высочайшего уровня достигает. Можно позавидовать. Но она одна. У нее нет сына-дьякона, нету внучки Оленьки, нет 15-летнего металлиста-ударника, вся комната которого похожа на гигантскую стальную музыкальную табакерку — нельзя пробраться ни к окну, ни к инструменту, все занято, заставлено барабанами и барабанчиками, никелированными стойками, медными тарелками. Он так хотел купить это и иметь, что, когда купил и расставил, ночь плакал — зачем?! Желание и исполнение не совпали фазами, швами. Медь, сталь и громоздкие там-тамы заняли все пространство, стеснили воздух, отобрали простор и подавили грузом ответственности... А что скажет отец, когда обнаружит двойки? Да и надо ли было тащить в дом это все студийное, профессиональное количество?! Слабое утешение, что можно продать!! Ах, Сережа, Сережа...

«Войны не будет», — сказали Грачев и Дудаев и разлили шампанское. Неужели хватило ума хоть тут-то, в Чечне, на Кавказе, не развязать второй Афганистан?! Господи! Спаси и помилуй нас, грешных. Дай благоразумия нашему президенту и правительству.

Из театра ушел Хейфец. И театр для меня опустел, похолодел. Я стал сиротой. Для меня, кроме всего, исчез запасной выход, я надеялся под крышей этого театра укрыться, спрятаться. И был вариант. Теперь его нет даже в тайных мыслях. Пустой театр, где я уже чужой.

8 декабря 1994 г. Четверг

По тому, какие человек задает вопросы, можно судить о его уме.

10 декабря 1994 г. Суббота

Какого огромного внутреннего благородства был исполнен-наполнен спектакль «Товарищ, верь!», как он много воспитал в нас, много действовал на нас — только теперь это понятно. Почему же в таком случае он не подействовал на Шацкую и др.? Или подействовал, и понятия «честь», «свобода», «долг», «достоинство» приобрели уродливый, гипертрофированный вид?! Или как?!

16 декабря 1994 г. Пятница

Надо бы записать мой вчерашний долгий разговор с Любимовым. Хотя разговором назвать это нельзя — гневный, матерный монолог.

— У вас сознание — «все равно мы ему нужны». Не нужны!!

— Взять и выручить, а не ахать, не охать, не «ой, какой ужас!»

(про «Тень»).

— Дама приехала… Три дамы в одной — Марлен Дитрих, Грета Гарбо и Комиссаржевская.

— С апреля не играет, пусть уходит… Она и не хотела на «Таганку», хотела в Вахтанговский — Рубен не принял… А она потихоньку создает свой театр… «Ю. П., вы у нас что-нибудь поставите?.. Мы найдем 20 тысяч, сейчас можно найти спонсоров». Нет, Алла, не поставлю… Они со своим недоделанным Гурьяновым 30 миллионов неустойки с «Таганки» хотят взять. Как не стыдно?

— А Сережа поедет (осветитель). Вы его не знаете?.. Да я с ним «Живаго» выпускал… я знаю больше, чем вы думаете…

— Ты работаешь, я знаю… Но есть театральный устав какой-никакой… Что это такое! Беляев не хочет с Шаповаловым играть… Найдется артист, который будет прилично играть Шуйского, Желдин плохо играет… будешь играть «Годунова», Шаповалов только раз будет… Вы не можете поговорить с Бугаевым, чтоб у него челюсть отвисла, сказать Коробченко: «Вы поставили театр на грань уничтожения…» Только не со Смеховым, который занимается самоутверждением и саморекламой… Вы можете прийти и сесть в приемной у Лужкова… Он не может вас не принять — пусть вызывает полицию… и чтоб выполнились его собственные решения. Иначе мы объявляем голодовку…

— Кстати, что там с Чечней? Не знаешь?

— Этот Граббе — ходячая пунктуальность… меньше говорить надо, пусть играет лучше. И эта дама. Выше вас, выше театра себя поставила… А кто ее сделал? Как я выбивал в «Электре» из нее этот манеризм, и играла она более-менее, пока следил за ней. Ездит, вещает по миру — дива, бл… Ну и пусть катится на х… после этого, она думает — я с ней репетировать буду… Соберитесь и заявите: «Для нас он — глава, как он скажет, так и будет, так мы и сделаем». На старости лет от вас мордобой получать…

Реплики написаны вразброс. Но текстологически — точные тезисы его матерщинного и потому для меня радостного все равно монолога.

Я перечитываю свой «роман» в дневниках и внутренне рыдаю, переживаю в который раз пережитое.

24 декабря 1994 г. Суббота. Вечер

Я нянчил внучку. Красота. Маленький человечек, но уже женщина. Или уж мне мерещится?

ВСЕХ ДЕНЕГ НЕ ЗАРАБОТАЕШЬ, А ПРОПИТЬ МОЖНО ВСЁ 1995

9 января 1995 г. Понедельник

Целый день провел в театре. Говорил с Любимовым.

— Вы все на меня сваливаете.

— А на кого нам сваливать, Ю. П., конечно, на вас.

10 января 1995 г. Вторник. Театр

Хейфец, видно, польщен разговором, предложением работать с «Таганкой». Но, естественно, он полон сомнений. И в вопросе дележа театра... не дележа, собственно, а скандала, у него своя позиция. Она касается отношения Любимова к своему театру: «Это не в русской традиции руководить театром из-за океана по телефону...»

И если Хейфец оговорил вопрос возможного привода с собой своих двух-трех учеников, которым надо помочь, значит, он внутри себя рассматривает наше шестое предложение (МХАТ, Малый и пр.) всерьез.

12 января 1995 г. Четверг. Театр

Говорил с Матреной. Что-то тяжело. Плохо слышит, разговора никакого. Видела меня по ТВ: «Хорошо». Ну, и то хорошо.

14 января 1995 г. Суббота. За рабочим столом

А Солженицын между тем живет в России. Любимов — в Израиле, Максимов — в Париже, а Солженицын — в России, и всё тут.

16 января 1995 г. Понедельник. Петербург

Любимов. Мой фильм о нем. Какие вопросы ему задать, что выудить из него, какие новые признания? Радов предлагает, опять же с моей подачи, сделать непременно портрет Любимова, но не в форме традиционного интервью и всех знакомых рассуждений и идей. А мой взгляд, актерский, человеческий, бытовой. Как это организовать? Что написать к моменту съемок? Какие вопросы заготовить? Каких людей спросить? «Этот разный Любимов». Ну, это уже было. Подобный подход. Разный — это понятно. А вот мой — это дороже («Мой Пушкин»). Отсюда и танцуй — мой Любимов. За что ты любишь Любимова?

1. «Ты, русский артист, пляшешь под еврейский оркестр на православных могилах». От себя ли это он говорил или цитировал

кого-то из друзей театра?

2. «Не приди на спектакль один раз — тебя выгонят, а я тебя возьму».

3. Понять, осмыслить Любимова — зачем мне это надо, пусть это делают другие. Они это сделают лучше. У них будет на то время. Одиночество Любимова. Любовь Любимова. Страсть Любимова. Дети Любимова. Жены Любимова.

Но не мне ведь этим заниматься?! А почему? Без клюковки нельзя.

4. Без Боровского не обойтись. Триумф Боровского — это триумф Любимова. Кажется, жюри в лице Вознесенского пришло к выводу, что оно оплошало, и в этой ситуации как нельзя кстати надо было Любимову дать триумф. Ведь за все время существования «Таганки» Любимов не получил ни одной престижной отечественной премии. Это что же такое делается, господа хорошие?

19 января 1995 г. Четверг

Он (Любимов) делал мне вчера замечания, а я думал про себя: «Господи! Какое это счастье, что он в таком уме, в такой форме и что он опять с нами. Да пусть ругается! Ни одно замечание, ни одна ругань не впустую — все по делу, все с огромной для артиста, для спектакля пользой». Присутствие Любимова на гастролях сделало гастроли событием, а не просто прокатом спектаклей. И то, что Собчак представлял нас и выжал из Любимова скупую мужескую слезу, а после спектакля сам вынес корзину цветов, — все это будет иметь для биографии и жизни театра колоссальную роль, значение и последствия. И вот уже выяснилось вчера, что в Москву он приедет не 15 марта, а 15 февраля. И требует к этому времени подготовить для показа все заготовки, все работы начатые. Вот она — перспектива.

— Я с теми властями не ладил, а с этими вообще не хочу иметь дело.

Шаповалов:

— Значит, в интересах артели — уговорить вас?

Любимов:

— Это вы и делаете косвенно. Но для этого надо хотя бы приходить вовремя. А вы «Подростка» на всем готовом не можете сыграть. А вы «Пир во время чумы» умудрились сыграть хуже, чем шведы... Вы думаете, что у меня это проходит бесследно?! Потому что вы забегали в театр... Вы высосали все из фирмы. Вы думаете, вы — «Таганка»? Вы давно не «Таганка». Артист должен сердцем понимать. Трагедия глубже. Вы довольны уровнем.

«Деньги его не интересуют, потому что у него их много».

24 января 1995 г. Вторник

«Борис» явно и везде принимается намного лучше, чем «Живаго».

Михайловский замок. С каким-то странным чувством страха объезжаю его я всякий раз после спектакля ночью. Где-то там, в глубине его, в темноте его, меня убили, когда я был Павлом I.

11 февраля 1995 г. Суббота

Бедная Нинка. Ей не позавидуешь. Муж в больнице — и он ей дороже, прости Господи! Мать при смерти, но тут уж помочь никак нельзя... Что-то тут неправильно, но не нам судить.

12 февраля 1995 г. Воскресенье — отдай Богу

Тимур Зульфикаров рассказывал про «Белый рояль». Как за Нинкой гонялись машины. Как в нее были все влюблены, тайно и он. Хотя врет — не тайно, а явно. Смешной эпизод. Она ехала в открытой операторской машине. Увидел ее молоковоз и помчался за ними. Они от него. Началась погоня. Дуэль на дороге. Финал. Они видят, как медленно он, молоковоз, становится облаком — треснул... Молоко под давлением — в пыль, и наконец он совсем развалился. Вот что такое любовь! Тимур рассказывал этот эпизод Тарковскому, как пример формулы любви. Если хорошо написать, лихой рассказ может быть.

13 февраля 1995 г. Понедельник. Театр, вечер

Сегодня премьера «Чонкина» в Доме кино. Мы собирались, но...

Любимов не подписывает контракт.

— Только на «Медею». Делайте, что хотите. Надоели. Ваш вопрос рассматривается в правительстве Москвы. Пусть они решают, что с вами делать.

Денис с Костей повезли владыке Тихону доклад о ереси настоятеля Димитрия. Вот ведь еще дела. Сплошные войны. Даже среди этой верующей братии интриги, интриги.

14 февраля 1995 г. Вторник

Почему-то радуюсь, что много снимают Смехова. Вот, говорят, была замечательная его беседа с Листьевым. В театре за ним хвост телевизионных камер, людей. Снимают его везде: и на сцене, и в кабинете Любимова, и среди зрителей.

В Донском монастыре замаливал я свое сонное наваждение. Ставил свечку во здравие Филатова. И плакал.

15 февраля 1995 г. Среда, мой день

С Сережкой беда. Как он разговаривает — через губу, какую-то отвратительную манеру усвоил. Чистит ботинки, мажется, моется, и никакого уважения к родителям.

А мы думаем, он сам отделит зерна от плевел, хорошее от плохого. Нет, вместо того чтобы к церкви его приучить, мы приучили его к барабану, компьютеру, играм, видику. Ни в чем сыночку отказа нет. А он понимает, что это путь гибельный? Если отец этого не понимает и все делает для своего удовольствия, а мама только и делает, что восхищается им: «Ах, какой у меня сыночек хороший!» — он и думает, что он в самом деле хороший.

Сегодня ночью прилетает шеф.

16 февраля 1995 г. Четверг

Приехал. И поднимается. Хочу, чтоб он меня застал на этом месте, месте домового.

Сейчас он довольно миролюбиво делает замечание по первому акту «Тартюфа».

17 февраля 1995 г. Пятница

Сегодня на «Таганке» первая репетиция «Медеи» с Мастером.

— Я думаю, мне дан последний шанс работать с русскими... со своим театром бывшим. Приехал в бывший Театр на Таганке. Властей нет, они занимаются подводной охотой друг на друга. Они все время врут. Я с ними разговаривать не буду, не о чем. Они могут второй раз меня выслать.

— Я и делаю это, чтоб вас подкормить. Но я стараюсь сделать приличный спектакль. А следствие, чтоб вас пригласили снова в поездку.

— Я хочу все, что я имею в профессии, вам отдать. А не то, что я хочу вас обидеть.

— И цензура есть интрига.

— Господа разных национальностей знают и слышат одно слово — «водка».

20 февраля 1995 г. Понедельник. Театр

Надо найти выход и подход к калмыкам. Быть может, Илюмжинов станет спонсором, нашему театру благодетелем. Может быть, он подарит коня не только Паваротти, но и Любимову.

21 февраля 1995 г. Вторник

После «Поисков жанра» получил я письмо в стихах от эмигранта в Америку, вот два четверостишия:

Золотухину хорошее спасибо, Кров не бросил, духом не ослаб
И свое актерское либидо Не растратил на вино и баб.

«Годунов» с «Живаго» показали: Жив театр, и в «Меридиан»,
Как на свет, мы, нищие, бежали, Презирая ельцинский туман.

23 февраля 1995 г. Четверг

Объедиентова Т., бухгалтер:

— Габец сказала, что Шацкая оставила Филатова, и теперь она носит ему в больницу бульоны... ухаживает за ним.

— Вранье. У нее мать со вторым инсультом лежит, а она к ней почти не приходит, все время сидит с Леонидом...

— А зачем же Габец распространяет такие слухи?

— Спросите ее, «доброхотку»...

24 февраля 1995 г. Пятница

Антипов:

— Имеет значение, в кого мы играем, где, когда?

Любимов:

— Имеет. Потому что в Америке мать сдает ребенка учительнице за руку, крадут детей... и так же учительница сдает матери... Смотрите эти хроники страшные, раненые, их глаза, беженцы из Дубровника... Пир во время Чечни — вы помните, кто там был?.. Заповедник, историческое место, превращенное в развалины... А у нас Руцкой кричал: «Ребята, взлетайте, бомбите Кремль!» Я ответил тебе на твой вопрос?

— Ну, в общем, да.

Вот какое обстоятельство. Любимов вчера призывал высказаться откровенно — как каждый думает и чувствует. Так вот, я не очень верю в «Медею» и поэтому тихо рад, что я не Ясон. В связи с этим у меня нет ответственности за происходящее и будущее спектакля, да простит меня Бог. Для меня это возможность скоротать время, что-то успеть написать, и, главное, заработать, обеспечить себе валютный запас.

«Президенту Центра народной помощи „Благовест“
Трогункиной З. Ф.

Уважаемая Зинаида Федоровна!

Театр на Таганке обращается к Вам за помощью. Мы просим Ваш Центр выступить спонсором постановки спектакля «Медея» или помочь найти такового(ых) среди известных Вам коммерческих структур. Участие спонсора будет обозначено в афише спектакля «Медея». Постановщик спектакля «Медея» — Любимов Ю. П.

С уважением худ. рук. Любимов Ю. П.».

— Театр гибнет от эгоизма артистов. И тут вы не сможете меня переубедить. Это дело артельное, и я открыт к вам, как вы должны быть открыты ко мне. Мы уже находимся в цейтноте.

— Россия, как раскоряка, — между Западом и Востоком... и все пытается всеми руководить. Россия должна сужаться, а не захватывать.

— Греки жалуются, что у них ничего нет, кроме моря, фруктов и женщин.

— Мы живем две жизни — до обеда и после.

— Явлинский — кто мама, папа, какова вера? Отец русский, мама еврейка.

— Начали все евреи и евреям исправлять.

— «В России еврей-президент — нонсенс». А цари-немцы — не нонсенс?

— Эстетика должна быть смелая.

— У советских людей всегда найдется оправдание всякой мерзости.

— Мне позволили надеть перстень Пушкина. Он мне на фалангу мизинца только подошел. Я сразу представил, какая рука была маленькая у Александра Сергеевича... тонкая и женская, поэтому он и тренировал ее с палкой.

Если Лермонтов родился в 1814-м, а я в 1941-м, то умру я в 2014-м, то есть 73 лет. Значит, 20, даже 19 лет жить мне осталось. Хватит.

25 февраля 1995 г. Суббота

Прекрасно принял меня Вольский. Написал я ему бумагу с просьбой помочь храму. Вовремя сказал о фонде и бумаги ему оставил.

Он тут же предложил грамотную финансовую идею — открыть параллельный счет фонда в надежном банке и положить деньги на этот счет, чтоб они работали, а потихоньку отчислять с процентов на строительство. Потому что всю сумму они не потратят сразу, а будут воровать и разбазаривать.

И таким образом я как бы убил двух зайцев. Или хочу убить.

Трушин, Агропромбанк. Тут же я позвонил Косте и озадачил его.

Вольский сообщил: «Твой „друг“ Губенко второй месяц лежит в больнице с неутешительным диагнозом». Губенко, прости. Что же это такое?! Надо торопиться писать роман.

Время уходит, и п... может подкрасться незаметно. Достаточно одной аварии.

2 марта 1995 г. Четверг

Убит Листьев. Все акционирование Останкино, рекламные структуры... Так и не пришлось мне с ним встретиться в кадре. Его все любили. Это была наша «звезда № 1». Господи!

«Послание одного сердца к другому» — так можно охарактеризовать нашу с Ленькой переписку. «Ужасный век, ужасные сердца...»

Почему-то нет звонка, а я жду, жду...

Антипов:

— Отменяется?

Любимов:

— Чтобы отменилось у меня?! Для этого надо меня убить.

Здесь многое, если не все. Отменить ему что-нибудь почти невозможно — премьеру, спектакль, жизнь...

3 марта 1995 г. Пятница

Теперь — театр. Я приезжаю раньше на полчаса, чтобы переодеться, расположиться, сделать какие-то звонки и дела до репетиции... а главное — почему-то я жду, что мне кто-то важный позвонит и предложит выгодный контракт или сценарий. Вот опять с 15 марта убрали из эфира мою передачу «Русские», то есть «Россия в лицах». Убрали до трагического события с В. Листьевым.

Беда в том, что в гримерной, где я пытаюсь думать и писать, не отключается и не регулируется трансляция. Идет все время отвлечение, ухо ловит репетицию, ухо приковано к сцене, к происходящему на репетиции.

8 марта 1995 г. Среда, мой день

«Церковь должна быть началом разума, культуры, образования, цивилизации». В. Шаламов.

9 марта 1995 г. Четверг

Интересный вопрос, говорящий о многом: «Валера, а тебя знает Алла Пугачева?» Эталон популярности: если «да», значит — все, есть она. «Его знает сама Алла Пугачева!» Дальше ехать некуда. Достиг. Снимите шляпу: его знает Пугачева.

Почему Любимов молодой? Потому что он не живет прошлым. Он его не очень помнит. Он живет настоящим и будущим. В этом он — женщина. Мы же отстаем от него в энергетике, мы все немножко староваты, а он — нет.

11 марта 1995 г. Суббота

Любопытный текст я сейчас из телепрограммы выпишу. «Подсчитайте ваш доход к 1 апреля — это не шутка! — чтоб потом не сесть в тюрьму. Налоговая инспекция заканчивает период добровольной сдачи деклараций о доходах, и если у Вас есть побочные заработки, то это значит, что Вы уже занесены в ее картотеку». Во, бл...

Неужели народного артиста возьмут за жопу за то, что он купил «Москвич»? На какие, спрашивается, доходы при нынешней ситуации? Ответ очень прост — на валютные сбережения, заработанные в Вене, Германии, Париже, и в долг. Одолжил. И теперь буду расплачиваться гонораром и суточными, что даст Греция.

Тамара спрашивает:

— Что случилось? Что переменилось? Почему ты так безбоязненно, зная, что я могу прочитать, все пишешь в дневник — как, и где, и по скольку раз вы трахаетесь?.. Чтоб ее машина переехала, я так желаю, чтоб она заболела чем-нибудь и сдохла... Так почему ты это все пишешь? Раньше с Шацкой ты так все зашифровывал, что три сыщика не поймут, а сейчас — такое откровение!

— Так! Да потому, что когда я понял, что ваша страсть к чужим секретам, письмам, дневникам неизлечима... Пьяная, особенно в начале запоя, вы все равно откроете мою тетрадь и найдете нужную страницу и число подозреваемое и выводы следственные сделаете, вы понимаете? Так что же мне шифровать... Я назло вам пишу больше, чем то на самом деле было. Жизнь у меня подходит к закату — откровением этим и фантазией я щекочу себе нервы, я горячу себя... Вы не заметили, например, что чем чаще хожу я в храм и молюсь, тем дома лучше атмосфера, и даже стали цвести цветы, и Сережа подобрел и откровенничать стал. Да, отчасти графоманил, но это меня успокаивает и в собственных глазах поднимает. Даже то, что я молитву 10 раз читаю, стоя на голове, пользу приносит. А в молитве я прощаю, например, Глаголина, что он упустил Илюмжинова.

Нет, я не произносил такого монолога (кроме первых двух фраз). Но суть не в том. Она ошибается. Я не все пишу, к сожалению. И не могу всего писать, и не умею, иначе это имело бы заранее грандиозный успех. Например, она ей желает, чтоб ту машина переехала, а та — чтоб мое паршивое семейство провалилось... фифти-фифти получается. А я думаю, что Тамарка ей должна спасибо сказать, что столько лет та дает мне силы. А та Тамарке в ножки поклониться, что спасает Тамара меня и дом. Что-то подобное, невразумительное, но туда, в этом направлении.

Наблюдение: «Я не люблю, когда мужчина плачет». Сказано про меня, когда я в прямом эфире говорил про Влада Л. Но я должен сделать одно признание. У меня была для себя задача, задание такое, да простят меня Бог и Влад. Когда я думал в машине, о чем буду говорить, у меня перехватывало горло, и я порешил, что хорошо бы это состояние психофизиологическое перевыплеснуть в эфир-экран. Тогда, чтобы я ни сказал, слезы оправдают все. Задание актерское, куда от него денешься. А еще сетовал после эфира — не шибко заплакал, не увидит зритель слез, не поверит в искренность. Ан нет, заметили! Стало быть, задание я выполнил, а это еще раз лад со своим ремеслом. И слава Богу. Вы говорите «не люблю плачущих мужчин», а это плакал артист. Да простит меня еще раз Листьев Влад, убиенный.

12 марта 1995 г. Воскресенье

Осенью 94-го года надо было отметить наше с Тамарой 20-летие. Лучшей не надо мне жены. Может быть, и есть лучшие жены, но применительно к моей индивидуальности, характеру и уродству — не надо. Она верная, терпеливая и, как всякая истинно русская баба, прощающая. А что мне надо? Всегда свежее, выстиранное белье, ухоженный дом — Зоя все восторгалась: «Какая же у вас чистая ванная, какая у вас чистота!» — накормленный и ухоженный Сережа.

ПОЧТАРЬ (Рассказ голубятника)

Он сел на нашу крышу с часами на ноге. Все так и обомлели. Тогда у всех были сараи, у всех голубиные стаи. А он сидит, такой крупный, мышцы сильные, грудь крутая, и часы на солнце сверкают. А тогда, в 50-х, за часы убивали, часы снимали, в трамваях сдергивали — ценность была большая. А тут на ноге у голубя... Стали его заманивать. Коноплю жареную сыпать, семечки, просо — не берет. Долго за ним охотились. Хотели сачками... Подберутся, а он чуткий, несколько шажков сделает в сторону. Испугать боятся — улетит. А часы взять охота. А он не улетает — видно, отдыхает. Его, видно, кто-то на спор запустил. Спор — святое дело. И тут один придурок вышел с ружьем, как бахнет в него. Но от него потом все отвернулись. Народ не любит таких. Убил почтаря и часы взял. А они, почтари, летают далеко. Вылетают они, как правило, рано утром, высоко. Отмахают свою тысячу и ищут место для отдыха. Сядут, жируются в хлебах, часа два отдохнут и снова в путь. Часам к 5 опять устанут и выглядывают себе место на ночлег, но с кормежкой. Ночь спят, с рассветом в путь. Уважаю я эту породу. С часами летать тяжело. Вот он и сел отдохнуть. Не долетел до крыши своей. А мой отец

на хромовые сапоги у пивнушки, помню, поспорил, что его голуби вернутся домой и их не заманят, не изловят. Километра за три... Пришел домой, выбрал чистую пару и туда, к тем сараям, с кем спорил. Мы, пацаны, тоже бегом туда — спор серьезный, на хромовые сапоги. И вот отец запустил свою пару. Те своих подняли, все стаи в небо. Не разберешь, где свои, где чужие. Отец своих из виду потерял. Разве можно в этой метели голубиной понять, разобрать, различить? Посадили они своих голубей. Наших нет. Побежали домой, а они дома, чистая пара. Выиграл-таки сапоги.

13 марта 1995 г. Понедельник

Мой план проплыть по Волге, по городам-героям, находит отклик.

А главный город — Ярославль, где родился Ю. П. Любимов — родина героя.

18 марта 1995 г. Суббота

Фонд «Фарватер». Почему не может заработать фонд? Потому что нет такой девицы длинноногой, белокурой, остроумной и веселой, которая могла бы банкиров обаять и на разных языках с ними разговаривать. Деловой, но легкой... не легкомысленной. С ней пошли бы мы 30 марта к Матвееву в «Русскую тройку» на презентацию и там мы познакомились бы с банкирами и банкиршами. Они бы пожалели меня и голодающих артистов и перечислили бы мне на счет «Фарватера» 100 млн. рублей, которые бы под 150% я отдал бы Гольдману в его банки. И за год заработал бы вдвое. Вот такие мечты.

Когда я жил так, чтобы не бояться, что прочитают мои дневники, письма, не залезут ко мне в карман или в душу? Да никогда я, в общем, так не жил.

Что ужасно и даже непонятно... оторопь как-то берет. Вот Любимов больше месяца в Москве, а мы никуда не продвинулись в вопросе возврата театра или какого-то общественного интереса к нам. Ни одного человека — друга театра не появилось за это время в наших коридорах. Исчезли и поклонники. Нет Карякина. Почему-то я подумал: встречался ли он здесь и захочет ли с ним встречаться Солженицын? Вообще — где писатели, поэты, где друзья театра?!

19 марта 1995 г. Воскресенье — отдай Богу

Надписал книжку Е. С. Матвееву, а он мне за то комплимент отвесил: «Я тебя в „Юности“ читал... Я тебя после Шукшина первым считаю».

21 марта 1995 г. Вторник

«Уважаемый Аркадий Иванович!

Православная община села Быстрый Исток Алтайского края просит оказать посильную помощь благотворительным взносом на строительство храма Покрова Пресвятой Богородицы.

Три года назад с Божьей помощью и с помощью АО «Алтай-продуктхлеб», который строил в селе элеватор, удалось заложить фундамент, нулевой цикл пройден. Затем строительство элеваторов по всей Сибири и Алтайскому краю было заморожено. Остановилось и строительство храма. Народ начинает разуверяться в возможности увидеть когда-нибудь возрожденный храм.

Мы просим изыскать возможность и благотворительным взносом содействовать продолжению строительства храма.

По поручению православной общины

народный артист России В. Золотухин».

Я переписал на всякий случай этот документ, чтобы потомки, разбирая посмертно мои бумаги, знали, что с таким письмом я обращался в Союз промышленников и предпринимателей. И что из этого получилось.

Я сетовал, что Любимов не встречается ни с кем, и вот в четверг его принимают Солженицын и Г. Попов.

23 марта 1995 г. Четверг

Любимов:

— А в театре стало лучше (чихнул), ты заметил? Потому что медитируем.

— Потому что вы в театре, — сказала Шкатова.

24 марта 1995 г. Пятница

Поездка с Любимовым в С. Посад. Открытый, прямой эфир. Очень, по-моему, хорошо он его провел.

Смешно про меня шеф говорил:

— У него своя теория, что он — второй... Подфартит приличная роль — он сыграет... А назначат на другую, он так обставит, что уклонится, уйдет, отказываться не станет, а играть не будет... Кузькин, одним словом. Он не просит главную роль, опасается: дадут, а он не справится.

Он изложил мою теорию довольно верно, но в его словесном

и интонационном оформлении это выглядело очень забавно, смешно. О себе слышать со стороны, в третьем лице?..

Например, такую он вещь сказал:

— Зря я ввязался в политику, когда вернулся, с Горбачевым... Надо было просто заниматься своим делом в 89-м.

25 марта 1995 г. Суббота

Среди немцев друг Любимова Саша — мой земляк, из переселенцев. Называет Акутику — стекольный завод, Бийск — Быстрый Исток, Буровлянку, Уч-пристань. Я от неожиданности завопил: «О-о-о!!» Оглянулись гости, испугался посол, зашикал Любимов, а у меня восторг вырвался — каких я земляков встречаю, то калмыки, то немцы. Господи! Спасибо товарищу Сталину!!

Бердяев о русском человеке: качание вечное между свинством и святостью.

«Мне так часто хамят, что я называю это деловыми отношениями». Чечельницкий на «Единственной».

26 марта 1995 г. Воскресенье

Шандор как-то сказал Шкатовой:

— Любимов так грубо разговаривает с женщинами, что всякий уважающий себя мужчина должен сделать ему замечание.

А он замечание делать старику не может и поэтому не приходит. Ему неловко присутствовать при этом.

Панину разбили машину. Баба с ребенком въехала в него и всю левую часть, крыло, две двери... Зачем-то я по доброте свою машину предложил, дескать, бери и катайся. И он приехал в театр и взял. Но у меня ощущение, что он виноват — никогда не уступит, не пропустит. И тут не пропустил женщину с ребенком. Это ему и гаишник заметил. А Панин поехал в троллейбусный парк свидетелей собирать. Зачем я ему с утра такой подарок сделал? Бойся первого порыва — он благороден.

27 марта 1995 г. Понедельник

Сегодня тень театра и день рождения моей тещи, Марии Александровны. Дала Тамара телеграмму.

Надо же, какая описка — «тень театра»! В самом деле от нашего театра осталась тень, и ничего другого.

28 марта 1995 г. Вторник

У Шкатовой сведения, что в стане Губенко полное разложение. Жукова пьет, Лукьянова стоит за буфетной стойкой, Нинка при больном Леньке, а Колька не пользуется авторитетом.

Разложил и не созидает.

А мне говорили, что они вынашивают план объединения под началом Губенко. Потому что на сегодня Любимова нет, он никто, Немо. А они ждут только его отъезда. Для тех, кто варит кашу, и Губенко — уже отыгранная карта, они под объединение... Завтра мы проснемся, а здесь — казино, кафешантан.

30 марта 1995 г. Четверг

Денис:

— Нет, папа, мама не хочет, не разрешает Любимову Никите встречаться с Леней — он болен, не хочет видеть никого. Старец, архимандрит Кирилл сказал Лене, что, если он все бросит и свое сердце Богу отдаст и полностью уйдет в церковь, — мама спрашивает: «Что, в монахи, что ль?» — «Да не в монахи, а все оставить, сердце и любовь отдать Богу!» — то он вылечится и будет совершенно здоров. Но даже ради спасения физического не смог это сделать. Такие авторитеты не смогли его убедить, а что я... со своими жалкими... со своей немощью... Нет пророка в своем отечестве. Я для них... Мне очень тяжело с ним разговаривать.

31 марта 1995 г. Пятница. Театр, репетиция

Вчера — презентация Славянского фонда в «Русской тройке». Первая тусовка в моей жизни.

Огромное количество богатого народа, при свечах. Странное ощущение — эти люди собираются помогать детским домам и приютам... Сколько стоит этот бал?

Сегодня с Паниным в «Автоплане» выбирали автомобиль. Выбрали цвета «мокрый асфальт». Руслан Георгиевич выбирал. В среду будем получать и фотографироваться. Заключили новые контракты. Заплатили по 518 тысяч. Я думаю, пока катаюсь на новом автомобиле, заработаю за три года на этот контракт. Продам старый, на вырученные деньги куплю гараж-»ракушку» и сделаю антикоррозийку.

2 апреля 1995 г. Воскресенье

В режиссуре Любимова, в его личности, в его воздействии на актеров есть мистическое начало, которое заложено в его колоссальной энергии, и он, растрачивая ее, тем заряжает актеров, заряжает действие, наполняет ею текст и мизансцены... Это тайна чрезвычайная. И тот, кто берет эту энергию, впитывает, черпает, кто ей открывается, подчиняется, впускает в себя — тот выигрывает. Но это тоже надо уметь, на это тоже надо решиться...

3 апреля 1995 г. Понедельник

Свидетельство. На актеров упала конструкция. Версия Любимова:

— Я дико закричал, помню... крик был слышен на площади. Прибежал из кабинета перепуганный Дупак: «Что случилось?» — «Кого убило?» — спросил я. На мой дикий крик сбежались люди.

Шопен:

— Что он врет?! Никакого крика не было. Все произошло в тишине. Было слышно, как рвались веревки... Когда всех накрыло, шеф тихо спросил: «Кого убило?»

Золотухин:

— Я помню, я сидел на галерке, на балконе нашем, и видел, как падала конструкция, один конец, другой... В тишине Любимов спросил: «Убило кого?»

Почему Любимов «помнит» дикий крик? Что он хочет этим сказать? Быть может, он и хотел закричать, и крик мог быть, но его не было, потому что был ужас, оцепенение — и это правда, это по правде психологической и физиологической... Закричать могла слабонервная девица, случайно при этом оказавшаяся. Да и то вряд ли. Кто мог сообразить в этот миг, что падает и чем оно опасно.

5 апреля 1995 г. Среда, мой день

Как рассуждал мой коллега по фонду Сорин Константин Борисович: «Оля с иголочки одета, ездит на дорогой машине. Откуда она появилась? А не заслана ли она стороной Губенко? Почему, зачем она задает такие вопросы адвокатам, так тщательно выспрашивает и вникает — она же не юрист?.. Коммерческий директор в бюджетной организации, за 400 тысяч. Что-то тут не так. Так просто она не пошла бы на эту должность. У нее далекие цели. Я хочу ее прощупать со своей стороны, и, если я пойму, если я увижу...»

8 апреля 1995 г. Суббота. «Як-42». В Саратов

Митрополит Питирим как-то не очень общается со мной. Кажется, он чувствовал, что за час перед этим Любимов представил его как кагэбэшного услужителя Тане, что приехала за мной.

10 апреля 1995 г. Понедельник

Лебедь. Глупость — это не отсутствие ума, это такой ум.

Ельцин. Наш пчеловод (вечно опухший).

Да, не хотят со мной разговаривать, и с Любимовым Вольский встречаться не стал, сослался на отсутствие времени. Ну что же, попробуем подежурить в офисе у него 12 апреля, что-то это принесет... А потом напишем гневное письмо и ему, и патрону

Вольскому. Так нельзя со мною обращаться, хочу сказать я им. А кто ты им?! Просящий деньги — раз, и хотящий за счет их миллионов получить свой — два.

18 апреля 1995 г. Вторник. «Ил-86», летим в Афины

Я выучил три стихотворения Бродского. Я думаю: «Неужели я увижу „живьем“ этого человека, моего ровесника, поэта грандиозного и личность не семейную, частного человека?»

Мужики мне виски склянку подарили. А я не пью, но это для них неважно. Пока не пристают. Что же мне делать с фондом, с храмом? Но это все полбеды. Что мне делать с романом, который я пишу на Нобелевскую премию? Не пишется. Но Греция должна способствовать. В Италии я написал об Эфросе.

А хорошо, что я не пью? Хорошо. Страстной вторник, но молочную пищу ем вовсю. Дать мужикам по книжке? Джентльмены, скажите ваши имена. У меня в сумке четыре экземпляра, мужиков трое. А вдруг это бизнесмены, и они построят мне храм?..

19 апреля 1995 г. Среда, мой день

Рукопись достал и вписал вычитанное у Розанова: «пошатнутые биографии» — это наши с Филатовым биографии — и «не помню я, чем кончилась война, и кто победил не помню» — это про нашу с ним дурацкую войну, где биографии пошатнутые. Если б не его болезнь, он мог бы сделать еще много интересного, индивидуального.

20 апреля 1995 г. Четверг

«Вишневый сад» стал причиной разрыва двух великих режиссеров. Причина примитивна — ревность. Повод смешной, глупейший: «Он не выполнил моих замечаний, тогда зачем соглашался с ними?» В чем эти замечания состояли, толком не знал никто... Одно ясно, Эфрос пренебрег ими, сказав, что Любимов ничего не понимает в Чехове, а сам Любимов громко и неоднократно заявлял везде и всюду, что пьес Чехова он не любит, вот рассказы — да, дело другое. Ну так зачем же вмешиваться? На правах главного режиссера? Но соперничество и здесь было налицо. Разные режиссеры, разные методы, разные индивидуальности, да, безусловно, разные. Но так ведь и характеры разные, и воспитания не одинакового. Тогда правы те, кто говорят: одному нравится арбуз, а другому — попадьева дочка. И пошло-поехало. Ссору было не унять. Ссора вышла за двери театра и вошла было в двери Управления культуры. Но и у Эфроса там были свои дружки, не только у Любимова. На

премьере «Вишневого сада» толпа снесла на «Таганке» двери. Успех превзошел ожидания. Ссора бывших друзей тому немало способствовала.

— Как чувствует себя А. Г. Шнитке?

— Плохо. Четвертый инсульт. Я понял только одно: он не хочет жить, он хочет туда... Я понял, что он жить не хочет. Он показывает туда и закрывает глаза. Воли к жизни нет.

Никто не помнит, что сказал Эфрос на 60-летии Любимова. Боровский: «У него (Любимова) фантастическая память... Но память на отрицательное».

21 апреля 1995 г. Пятница

Статья «Любимов как преподаватель русской советской и мировой литературы». Где-то это может соперничать со Сталиным — языкознание или что-то в этом роде.

После смерти Эфроса в газетах появилось сообщение, что Любимов отказался комментировать смерть своего преемника. Позже он скажет, что Эфрос совершил большую ошибку, придя на «Таганку», в это место, замешенное на крови. Какую, чью кровь он считал? Какую-то кровь кому-то отдал и Филатов в борьбе за Любимова, за Мастера, за дело его. Они поссорились из-за «Вишневого сада». Вольно же было Любимову пригнать такого Мастера к своему горну, к своей домне. Вот он и отлил пирог. Не понравился?! А зачем звал? На что рассчитывал? И зачем затеял публичную ссору? А снять спектакль не мог — скандал. Да и успех у публики, у критики и внутри труппы. И вот результат: когда одна машина стояла у подъезда, другая разворачивалась и уезжала прочь. Если у театра стоял «Ситроен», мы знали, что в театре Любимов. Если стояли «Жигули», мы знали, что в театре Эфрос. Они избегали друг друга долгое время. Хотя Высоцкий три раза сводил их в своей гримерной, чтобы они помирились. Нет, далеко зашло, далеко. И вот «Таганка» празднует 60-летие своего создателя. Предстоят гастроли в Париж. Гастроли организуют и поддерживают коммунистические структуры. Любимов награждается Орденом Трудового Красного Знамени. В театре шумно. Труппа сидит на полу, на афишах знаменитых любимовских спектаклей. Праздник, победа, удача, впереди — Париж, огромное, месячное турне. Бренчат гитары, работает дешевый ресторан. Это актрисы под капусту и соленые огурчики наливают именитым гостям по шкалику водки. Пьянство коллективное еще не запрещено. Любимов разгорячен. Только что знаменитый поэт Вознесенский преподнес юбиляру огромного глиняного раскрашенного Петуха Петровича. Держит его в руках, говорит разные слова и заканчивает: «Чтобы в ваших спектаклях

никогда не было пошлости и безвкусицы!» — и расшибает вдребезги Петьку об пол... Лихо! Лихо! Мало кто понял метафору, но — лихо. Может быть, Андрей Андреич намекал Мастеру на живого петуха, появляющегося в «Гамлете»... раздражал его живой петух в трагедии Шекспира или просто ради хохмы? Подвернулся ему где-то на базаре петух огромный, глиняный, и решил поэт пошутить — ради красного словца Андрей Андреич и поэму мог загнуть. Но вдруг среди грома, шума и веселья образовалась та самая звенящая тишина. Она образовалась не сразу, а с первым шепотом-известием, что по маршу лестницы поднимается Эфрос и с ним два-три его артиста. Эфрос поднимается в логово к своему врагу, сопернику, жуткому скандалисту. Он поднимается... он приближается. Театр замер, обмер... что-то будет, что, думали все, может выкинуть в первую очередь Любимов — вот чего боялись знающие о конфликте. Эфрос подошел близко и тихо-тихо, но точно ставя слова в ряд образной формулы произнес: «Юра, я хочу в этот день подарить тебе то, что ты так не любишь и что так хочешь и стремишься иметь» — и подает ему старую книгу. Юра разворачивает и читает: А. Чехов, «Вишневый сад». И Юра поплыл. Он заплакал. Хотя он ненавидит у мужчин, у артистов слезы. Слезы — это сантимент, который надо задавить сразу, как гаденыша, в зародыше.

«Не помню я, чем кончилась война... Кто победил — не помню». Должно быть, Эфрос. Через десять лет после того, как «Таганка» «Гамлетом» взяла в Югославии Гран-при, Эфрос сделал дубль и взял Гран-при «Вишневым садом» на Таганке. К сожалению, уже без Высоцкого. «Милый Телемак, Троянская война окончена. Кто победил — не помню. Должно быть, греки — столько мертвецов вне дома оставляют только греки».

Почему Любимов изменил свое отношение к Вознесенскому? Не потому ли, что ему объяснили и прочитали Бродского, а Бродский — против всех поэтов Совдепии? «А я с ним. И с Максимовым». Почему не рассказывает Любимов о своем визите к Солженицыну в Москве? Надо завтра попытать на этот счет Боровского. И ходит, кстати, рядом Боровский по земле, просто гений, простой театральный гений, связавший жизнь свою с Любимовым.

Как-то в машине моей, в «Москвиче», при Панине Любимов сказал: «Ты со своими записями умней становишься». То есть он хотел сказать, что, записывая за умными людьми (за ним, к примеру), я сам становлюсь умнее. Ну что же, пусть будет так. Я становлюсь умнее? Не знаю, но что так писать не умею, как раньше, когда был глупее, — факт. Я был смелее и... всё. Смелее. Сейчас удовлетворяюсь быстрее, смиряюсь. Но, слава Богу,

миновало меня то состояние, про которое точно Беляев подметил: «Несостоявшееся, отсюда жалкое, все критикующее, самосъедающее...» Уж лучше паясничать, водку пить, баб любить, веселиться и не корпеть над бумагой или ролью. Вышло, не вышло. Не вышло — бросил и не переживай! Иди дальше, вернее, живи сегодня, потому что завтра может не наступить. Поэтому, В. С., жди спокойно 16-го числа, а 17-е вообще твое.

Но неужели она, эта поэтесса из Таллина, права — надо было жить скучнее, но сделать, то есть написать больше. Это она про премию Е. Рейна, и, кажется, это вообще Рейновы слова. «Надо было жить скучнее». Неужели они веселее жили, чем мы? Но мы жили и прожили довольно скучно. Вот только не прозевать бы возраст Магомета. Возраст Христа прозевали.

Завтра суббота. И Пасха потом. Сегодня прошли мою сцену, и завтра на репетицию можно не ходить или сесть в углу с бутылкой воды и читать.

22 апреля 1995 г. Суббота

Завтра день рождения театра — 31 год. 30-летие мы встретили в Париже. Через год — мы в Афинах. Привез ли я деньги какие из Парижа? Конечно, привез. И книг много продал. Теперь мне надо освоиться здесь. Найти магазин с русскими книгами и сдать на комиссию.

25 апреля 1995 г. Вторник

Идет репетиция.

Маша:

— Хорошо пели 23-го. Но тебе не показалось, что Юрий Петрович был какой-то грустный?

— Да, Маша, показалось. Но он много выпил вина. Возраст. Как ни крути — с ярмарки.

Уже три месяца он один... Какой-то бульон в Москве готовила ему с собой сестра. Квартиру он сдает. Надо полагать, какие-то важные расходы он оплачивает и Никите, и сестре.

И вот сейчас... а что дальше?! Была борьба с властью, с партией, за будущее России. Сейчас и этого нет. Политическая возня вне эмиграционных ячеек. Не у дел многие, в том числе и он. Бродский может написать еще книгу стихов.

Хотя он может уже ничего не писать. Ему можно попробовать вернуться в С.-Петербург. Хотя он уже был в России, видел и возвращаться не хочет. Нобелевскую он получил...

А у шефа нет того признания. Два месяца он отсидел в Москве без всякого шума, без всякого навара. А выйдет ли «Медея»? Она выйдет, но шума не произведет. К сожалению.

И эта глава, да и вся повесть неуклюжая и громоздкая будет оправдательным документом моей жизни — неуклюжей, серой и не очень веселой. Жить скучнее нельзя, а сделать больше — что это вообще значит? Получение Нобелевской премии за «21-й км» я назначил на свое 70-летие, а проживу я по цифрам 73 года, по лермонтовскому цифирию.

Я очень жалею, что не оставил Денису письмо для Филатова. Но что бы я в нем написал? Что, дескать, давай, Леня, мириться? Или — ты прости меня, а я тебя? Какая-то нелепость. В чем я перед ним виноват? Или перед ними?

Да что, собственно, возвращаться к этим протоколам. Мы виноваты все, что так случилось. Но это же проще всего — сказать, что виноваты все, а значит, никто. Осудим друг друга и помиримся.

Ну, попросим мы друг у друга прощения, ничего не требуя взамен, не ожидая никакой выгоды, ни материальной, ни нравственной. Чтобы жить спокойно. А очень тебе беспокойно, да?!

29 апреля 1995 г. Суббота. Афины

А когда я стал самим собой? Когда я стал становиться? Что-то очень важное произошло с кровью, когда я взял гранки первой повести в «Юности» с рисунками мамы, очень похожей на Ию Саввину. Я еще боялся, что Шацкая по этому поводу скандал мне учинит. Тогда что-то произошло.

Мне было 32 года, то есть 22 года назад. И что произошло за эти 22 года? Да ничего, если, конечно, не считать Сережи и теперь Оленьки-внученьки, а хотелось доченьку. Не получилось. Но я отвлекся. Вот я стал самостоятельным, самим собой. А до этого разве не был я самим собой?! Разве в Тарусе, когда снимался «Пакет», когда приезжала ко мне Нинка и мы спали в сарае, катались на лодке в дождь... разве я не был счастлив, и жизнь разве не казалась мне подарком и блаженством? Еще не было Дениса... Его так хотелось, о нем так мечталось... и вот уж он — отец.

Я помню эту Тарусу очень хорошо... А разве июнь 88-го года не принес мне силы жить, выжить и удариться вновь в мечтания? Опять захотелось жить и что-то делать... А разве не был счастлив я, когда ловили на озере у цыгана рыбу с Тамарой, в Кижах, и я ругался страшно, но весело? Нет, хулиганил я, конечно, много. Надо было жить скучнее. Но сделать больше... Нет, жил, как умел... да не жалуюсь я и сейчас, просто разбираюсь с самим собою. И как-то отчетливо захотелось мне скорее к жене перейти. Я был с Тамарой счастлив. Зачем Бога гневить? И переезд на Академическую, и доставание мебели и паласов — все это

составляло круг забот счастливых. Так что же произошло? Отчего сейчас так грустно, так безнадежно?

Что мне самому себе заказать, какой рубеж назначить, чем наградить себя, за что уважение и самость вернуть? За «21-й километр, или Покаяние»? Надо бы хорошо написать. А сегодня надо перейти. Как это случилось? А случилось это так. Историйка подловатая. «Отчего же ты плачешь, ива? Одинокая и ничья...» Одинокая моя, бедная Тамара. Ее одиночество жуткое. Но я о ней хорошую главу напишу, о моей несчастной жене. Господи, спаси и сохрани ее! Какое роскошное занятие — читать Терца. И что же это Солженицын так вляпался?! Не разобрался или приревновал все-таки... или почувствовал, что теснят его?..

А теперь я в номере, под подушками каша варится. Это называется обед. Оксана Раздобудько не звонила вчера, к телефону-то я подходил, трубку-то между глотками виски я поднимал. Прочитала ли она книжку мою? Любопытно, как она к ней отнесется... Она гордится тем, что делала о Высоцком первую книжку в кинопропаганде. Ее «святые» чувства к нему может моя книжечка оскорбить, обидеть ее память о нем. «Я его очень любила, для меня... в моей жизни это была такая поддержка. Я его любила, но не таким», — слышится мне. А может быть, я преувеличиваю.

Скрипи, скрипи, мое перо. Десять дней, как мы в Афинах. Ну и что?! А ничего.

30 апреля 1995 г. Воскресенье

Еще она говорила о том, что или все надо шифровать, чтобы читателю доставляло удовольствие разгадывать, дешифрировать и радоваться: «А, дескать, понял, вот это кто... вот это где...» Или уж, поскольку Любимов, Эфрос — все открытым текстом... Ну, тут вопрос серьезный, хотя для меня мало значащий. Так ли сяк ли — это роман моей жизни, печатать я его долго не соберусь, он еще только летит к развязке.

За стеной Шопен гитару теребит, Высоцкого поет.

1 мая 1995 г. Понедельник

И день вчера не прожит зря, если осознать, что для России что-то сделано — концерт для вымирающих в Русском доме русских. Это — богадельня в прямом смысле. Церковь Серафима Саровского. Много стариков, многие не помнят русскую речь, многие не освоили греческий, прожив здесь всю жизнь. А внуки тем паче с русским языком не дружат. И из всего это самое разрушительное. И, конечно, как сложится жизнь у многих из нас — о том лишь боги знают, как говорили древние. Фантастическая

мысль: не придется ли жизнь свою доживать в этом доме кому-нибудь из нас? Вот какая штука. Еще какая-нибудь очередная Чечня, и побежит русский люд уже с родины своей, физического ища спасения в каком-нибудь таком Русском доме. И надо его содержать и поддерживать. Раз есть русский уголок, раз когда-то приобретена эта земля, раз стоит православная, русская церковь, надо развивать связи. И помогать им.

А веселье за стеной продолжается. Может быть, и зря, что я не там. Это редко теперь бывает, когда мы видим выпивающего вместе с нами шефа.

7 мая 1995 г. Воскресенье

Был в храме. Торжественно, красиво, много детей — праздник, а я мучаюсь. Почему все живут лучше нас?! Почему мы самые нищие и нас уже никто не любит в мире?

8 мая 1995 г. Понедельник

Беляев о Любимове:

— Я спросил у него в лоб: «Хотите вы работать в Москве или нет?» — «Нет, не хочу». Я испугался честности, прямоты и краткости ответа. «Не хочу, и отстаньте от меня». Это была искренность без объяснений, дополнений и пр.

Да, а мы копья ломаем. А он не хочет работать в Москве, а мы просим (давно), умоляем, заманиваем, говорим: «Но мы же ваши, ваше дело, ваша честь...» А он просто не хочет — и все.

Как бы в самом деле уберечься от пошлости в этом странном повествовании — о себе, узнаваемом, и в таких выражениях? Что-то подпахивает Лимоновым! Как бы тут не сделать ошибки. Но ведь были же «На Исток-речушку», «Дребезги»... В конечном счете он подскажет ориентир.

А за стеной, за стеночкой Шаповалов с Трофимовым гудят, кричат, вино пьют, ржут, хохочут — талантливые, очень хорошие артисты. А я мучаю тетрадь, руку и себя.

Я погряз в своем «21-м км». Но сейчас, просматривая накопившийся материал, думаю, что снова уже кое-что есть для какого-то, может быть, странного, но произведения, а «Бритва» все должна связать. Боязно, что не хватит времени с моими темпами. «Настоящий писатель должен работать по 10 часов в сутки». Разве я работаю столько?! Нет, я что-то из Греции увезу. Развязку романа ты увезешь, подлец!

9 мая 1995 г. Вторник

У Розанова была какая-то книга на кухне — книга учета: приход, расход, чтоб к 1-му числу у него вышло по нулям, чтоб не

залез в дальнейшие долги. У него были, а у меня — нет. Но у меня их и быть не должно, потому что отдавать некому, кроме меня, да и не умею я жить в долг, хотя при какой-то хитрости теперь это возможно — наращивать капитал за счет процентов. Но я и не люблю брать в долг, как, впрочем, и давать.

10 мая 1995 г. Среда, мой день

О Любимове. Да, он не хочет работать в Москве по многим причинам — обиды, невнимание, отсутствие семьи и должного заработка... Много, много... Но он поставлен судьбой в обстоятельства, которые буквально заставляют его работать в своем театре, и эти обязательства находятся в глубине его совести, долга, чести, подсознания и памяти потомков. А то, что он не хочет... А почему он должен хотеть работать в этом разнузданном бардаке — назовем это плохо — «государственной стране», от которой только что название сохранилось Россия? И все-таки она — мать. И он не может это не понимать, говоря пренебрежительно «в вашей России», на что Агапова тонко, лихо реплику подала: «А в вашем Израиле...» Он сделал вид, что не услышал, потому что Израиль он ненавидит (опять же — во сне не признается) гораздо больше, чем Россию. В России он ненавидит государство в его теперешнем виде и правителей в их теперешнем состоянии. Но на вручение медали он не поехал. Хотя наверняка был извещен. Ему принесли на дом — в «Мегаро». Думаю, очень может быть, что День Победы отмечал он в посольстве Израиля. Или сидели с Боровчиком и Глаголиным в апартаментах, пили водку и смеялись над артистами. А вручение медалей было в 18 часов вчера, 9 мая, в посольстве России. И он не оказал чести даже послу. Чтоб, не дай Бог, Катя не узнала. Господи! Прости его, грешного. «И не забудь про меня».

Да, конечно, мой рацион и режим питания может показаться кому-то жлобским. Продиктован он экономией средств и времени на его приготовление. К тому же я всегда ем, впрочем, как и сплю, в одиночку. Но крестьянская мудрость, хотя это, как выяснилось, мудрость и Лужкова, подсказывает, что правитель и ответственный спортсмен, выезжая на гастроли в другую страну, берет с собой то, что он ест дома, к чему его желудок и кишки привыкли. Без риска быть отравленным или самому бросить свой желудочный тракт на растерзание чужеземным яствам и питью. Так вот, берутся 5 столовых ложек «Геркулеса», кипятится 250 г крутого кипятку, в котором молниеносно растворяется половинка бульонного куриного кубика, где и соль, и перец и пр., — и быстро этот раствор в кастрюльку с хлопьями. Накрывается крышечкой, обувается в целлофановый пакет, лучше двойной,

пеленается кастрюлька в большое полотенце и прячется в твою постель под две подушки и одеяло. Максимум через 10 минут каша готова и горяча. Вынимается из холодильника один помидор, моется под краном и дольками мелкими нарезается в пепельницу, потому что сервиза нет под рукой, солится по вкусу и уплетается с кашей. В это время стакан, освобожденный из-под бульона, уже вскипячен вторично и в нем уже плавает пакетик чая или кофе. Вот вам завтрак туриста или обед артиста. К чему этот вышеозначенный совет я облек в форму трактата? Потому что в группе нашей случилось второе отравление едой. На сей раз у Любеньки. С температурой. А второй Медеи у нас нет. Слава Богу — два Ясона. И никого сия чаша... никто от нее не застрахован. Пронеси, Господи! Это что касается здоровья. Ну, а об драхмах я и не говорю. Заказать, чтоб из Москвы привезли «Геркулеса» коробку. Сегодня начал вторую, а прожиты всего лишь 23 дня. Осталось 20. На вторую половину пошло.

Лена:

— Мне как-то неудобно... Ну как я буду предлагать тебя? Я боюсь за твой имидж.

— А ты не бойся. Я работаю на унижение. Я стою и продаю свои книжки. И Есенин продавал, и другие...

Я продаю свой товар, мною произведенный. Мой имидж — вечность. У меня корона с головы не упадет. Я с ней родился, а не купил и не отобрал. Поняла, дура!! И вы все, говнюшки. Я пишу роман. Боюсь, кто-нибудь спи... и выдаст за свой с моих слов. И потянут меня на всякие разборки. Тоже, впрочем, неплохой сюжетец.

11 мая 1995 г. Четверг

Последняя заточка карандашей. «Настоящий писатель работает по 10 часов в сутки», — говорил Ю. Казаков. Я проработал 12. Ура!

Бравина ее фамилия, Ольга Бравина. Это я думаю о Русском доме. В разное время по разным мотивам оказались русские в этом доме. Меня не интересует сейчас их политическое прошлое, меня интересует, чтоб этот дом усилился бы русским влиянием. Каждый из нас или из детей наших может там оказаться. Прежде всего надо навести в доме порядок в документации. Чтобы все документы были точно переведены на русский язык. Чтобы в церкви Серафима Саровского служили священник из России и хранитель. Со временем он изучит русский язык. Какую-то конспекту я составляю для будущего письма послу. А был ли там посол наш? Русские здесь так разрозненны. Но в этом-то можно объединиться и отстоять уголок России для престарелых. Это

замечательная великая традиция — богадельня, богоделание богоугодного дела.

12 мая 1995 г. Пятница

Счастлив тем, что заставил себя написать письмо российскому послу Николаенко Валерию Дмитриевичу по вопросу Русского дома и русского кладбища. И убежден, что письмо мое не пройдет мимо ушей посла, — кто-нибудь да услышит.

Оказывается, и у Любимова такое же расстройство желудка. Да что же это такое, ведь это, стало быть, с каждым может случиться! Когда же мне ждать на себя этакой напасти, не приведи Бог?

Жить надо уплотненно и не так долго. Пушкин, Высоцкий, Даль, Юра Богатырев... Даже смерть Эфроса в каком-то смысле «вовремя» — на каком-то несчастье с «Таганкой».

15 мая 1995 г. Пятница

Бродский не приезжает, и мое пребывание в Афинах обессмыслилось с точки зрения автографа.

27 мая 1995 г. Суббота

Слава Богу — я один. Я привык жить один. «Взрослые олени проводят свою жизнь в одиночестве».

И вот на фоне того, что я долго рассказывал... Смоктуновский мне доказывал: «В театре у вас есть гениальный артист — Трофимов Саша!» И. М. провожал его до дому после «Мастера». На этом фоне коллеги — действующие лица ему не дают играть Ясона, он практически отстранен от роли, он как бы не достоин представлять «Таганку» в этой роли, которая, как ему казалось, да и всем, — у него в кармане, сделана... Он своим темпераментом, своими показами, своей актерской смелостью проторил дорогу в роли и шефу, и Беляеву. В этом мое глубокое убеждение.

«И понимание того, что...» Мне всегда недоставало чего-то чуть-чуть до достижения в актерстве высочайшей планки, другого счета. В одной роли мне недоставало речевой техники, как у Филатова, для другой я, оказывается, был низкий, не такого роста, как, скажем, Филатов, для третьей — я был сутул, ну, в этом пункте мы не уступим друг другу, для четвертой — не доставало ума и блеска остроумия, как у Филатова, для пятой — достоинства и мужества, как у Филатова. Что же у меня тогда было и что осталось?! Что есть! Души вагон, шириною в разлившуюся весеннюю Обь-матушку.

Душа... а что это такое? Это ведь понятие мистическое, метафизическое. А дело актерское — оно конкретное. Данных у

меня не хватало явно. И везде не хватало по чуть-чуть. Тут бы сантиметра три росточку, там бы чуть-чуть скорректировать челюсти, чтоб язык шевелился при другой скорости. Конечно — ноги. Не хватало силы и здоровья в ногах, а отсюда и во всем теле. Оно хорошо мне служит. Но на коня я не могу вскочить... Я многого из-за того боялся. Я много занимался танцем, но я был ограничен в возможностях и, слава Богу, не старался поднять себя за волосы, а то бы потерял, что имел. И все-таки у меня был дар, у меня было обаяние, у меня был голос, в котором прозвучивался и рост (я вырастал), и блеск, и темперамент (это член разговаривал), да и ум, свой, не заемный. Нет, не завидовал я Филатову и никому на свете. Я просто сожалел иногда, что природа мне недодала по чуть-чуть для каждой роли, для высшей планки... И вот тут уместно вспомнить из молитвы Ассизского: «Господи! Дай мне силы не домогаться столь многого!»

«12 мая 1995 г. Афины, отель „Элизия“.

Уважаемый Валерий Дмитриевич!

Быть может, я ломлюсь в открытые двери или сажусь не в свои сани, но так случилось, что недавно побывал я с несколькими нашими артистами на чаепитии в Русском доме. Речь идет о богадельне, или доме престарелых. Там умирают наши старые русские люди. Я ходил по их комнатам и видел, и пел, и плакал, и они плакали. Пишу сумбурно, но мысль моя вот в чем состоит. Мне кажется, необходимо усилить влияние российской государственности в этом доме, где стоит церковь с мощами Серафима Саровского, на земле, выкупленной русскими людьми. Я знаю, что у Вас была по этому вопросу встреча с мэром и что-то он Вам обещал и по поводу дома, и по поводу кладбища. Я понимаю, что это дело чрезвычайно тонкое, деликатное, весьма запутанное, но отдавать или, Боже упаси, пренебрегать этим заведением богоугодным мы не имеем права — нам ни Бог, ни дети того не простят. Меня вот уж какую неделю не покидает одна простая мысль: пути Господни неисповедимы... И кто знает, не случится ли мне, народному артисту России, найти свой последний приют, пред тем как предстать перед Всевышним, в этом доме. У меня сын — священник. Что в ваших силах, многоуважаемый Валерий Дмитриевич, помогите сохранить за русскими эту землю, этот дом.

С уважением В. Золотухин.

P. S. Еще раз прошу извинения, я, естественно, многого не знаю, какие сложности и пр., и пр. И быть может, я зря беспокоюсь. Все-таки думаю, что надо через русскую православную церковь, через патриарха сделать так, чтобы службы в этом доме отправлял русский православный священник. Это никоим образом не связано с моим сыном, но ведь и великий патриарх Тихон долгое время служил на Аляске. Начал о здравии, кончил за упокой, что называется... Надеюсь на понимание.

P. P. S. Нужно, чтоб современные русские бывали там чаще».

28 мая 1995 г. Воскресенье

Я отправляю свои миллионы на храм, и у меня совесть чиста, когда я предлагаю себя или свою книгу и беру за это деньги. А то, что люди думают, будто я наживаюсь на этом, — это их проблемы, как говорят на Западе. Мне до того, что они думают обо мне и моей деятельности, дела мало — лишь бы караван ушел, а собака пусть лает. Хотя и мошкара может заесть до смерти.

9 июня 1995 г. Пятница

29 апреля (пока мы там теряли время) в г. Ермаке Павлодарской области умерла моя тетушка Васса Федосеевна.

14 июня 1995 г. Среда, мой день

Звонил Игорь Шевцов. По его просьбе звонил я Любимову. Очень хороший разговор — речь идет о его авторском разрешении показать репетицию «Высоцкого», снятую давно, где мы все молодые и гениальные. И Любимов дал разрешение. Теперь Шевцов звонит ему. А Любимов просто звонку из России рад — он за звонок разрешение дает.

17 июня 1995 г. Суббота

Буденновская трагедия должна или может произвести конец началу или начало без конца. Ужас с последствиями непредсказуемыми.

21 июня 1995 г. Среда, мой день и день рождения

В 9 часов у меня должен состояться разговор с В. В. Илюшиным, помощником президента, о театре, о разделе, о расколе, о возврате помещения.

Если у Дениса сложится настоятельство в совхозе «Московский», я к старости окончательно переберусь туда. Продам загорскую землю и куплю что-нибудь рядом со старшим сыном. Или еще один домишко приобрету под боком у строящегося храма. Там и умру. Денис хочет, чтоб поскорее ушел я на пенсию и служил в храме у него. Очень может быть, что так и закончится сюжет моей жизни.

Господи, спаси и сохрани! Дай мне легкости, скорости и убедительности в разговоре. Нашли на начальника разум и доброту, помоги нашему театру отбиться от Губенко. Пусть ему дадут другое помещение, пусть оставит он Любимова в покое. Господи, помоги!

23 июня 1995 г. Пятница

После Подольска звонок из администрации президента. Мне назначена встреча в Кремле 26-го в 11.20 у Илюшина В. В. Звонок, прямо скажем, неожиданный.

Если начальство не хочет, оно не принимает. Надо к этой встрече подготовиться, хотя я, кажется, знаю все. И все-таки...

25 июня 1995 г. Воскресенье

Завтра пойду к начальству — надо хлопотать о театре. Надо, чтоб Губенко, это воплощение жлобства и мстительного хамства, все-таки был поставлен на место (а где оно, это его место?), чтоб он все-таки вернул то, что своровал.

27 июня 1995 г. Вторник

Даже страшно писать, какой вчера я прожил день, что было... А был я в Кремле и говорил с помощником президента. Все, начиная с секретарши, встретили меня... может быть, и бывает лучше, но редко. Стороны остались довольны собой. Наше письмо Илюшину понравилось. То, что у Губенко «коммуняки» (его слово), что здание используется не по назначению, — это мощный факт, аргумент противу Губенко и в нашу пользу.

«Я не могу ничего обещать, не могу решать за шефа, но думаю... В этой ситуации, сейчас, он может решить по-другому. Большой поддержкой мне было бы, если бы Лужков... он в начале этой недели должен быть у президента. Пусть Бугаев напишет письмо, а Лужков подпишет».

Я подарил Вик. Вас. «Дребезги». Президенту тоже, с надписью: «Уважаемый Борис Николаевич. Здоровья Вам, счастья. Храни Вас Бог. С надеждой на положительное решение Таганского конфликта В. Золотухин».

Взамен В. В. подарил мне — и чтоб (непременное условие)

стоял на столе! — цветной фотографический портрет первого президента России. «Я поставлю на стол, обещаю. Но если нам не вернут театр, я его...» — и показал, что порву. Помощник смеялся.

После репетиции «Живаго» и «Высоцкого» прорвались с Борисом к Ульянову, помощнику Лужкова, и передали для Ю. М. записку — напомнить президенту о Театре на Таганке. Под запиской — письмо к Ельцину. Большое дело, казалось, сделали вчера — каков-то будет результат? Но, главное, перед походом в Кремль я много молился и просил Господа о содействии в разговоре, помочь вернуть театр его законному хозяину. Илюшин, похоже, тоже на нашей стороне. Что же это такое?! Кто же помогает Губенко? Неужели Шумейко и Рыбкин так сильны?!

29 июня 1995 г. Четверг

Из аппарата президента сообщили, зачитали резолюцию, которую Ельцин на нашем (моем, моя подпись единственная) письме написал: «Если помещение театра используется не по назначению, то надо восстанавливать справедливость. Прошу заняться этой проблемой вместе с Ю. М. Лужковым». Это поручение С. Филатову. «Лучшей резолюции не может быть», — так прокомментировал референт Илюшина Андреев В. Ш. Но наша умная Людмила Георг. не очень обольстилась этой резолюцией: «А мне не нравится. Это еще надо доказать, что не по назначению!»

Как бы то ни было, я свое дело сделал — до президента письмо дошло, нам сочувствуют. Надо ждать решительных действий от Лужкова. Надежда, мне кажется, теперь на него.

Звонила, пока говорил я с И., Алла Д. «Хорошо, что я попала на тебя». Я рассказал ей о делах театра, о своих походах в Кремль и приемную Лужкова, о молодых артистах театра. Душевный, теплый разговор. Милая Алла Сергеевна! Милая. Вот и все. Хоть бы у нее все обошлось хорошо, и набралась бы у И. группа в Грецию.

Шабдурасулов подтвердил, что резолюция «отличная». «Теперь ищите документы, которые подтвердят, что площади используются не по назначению — аренда, малое количество спектаклей, рестораны...»

6 июля 1995 г. Четверг. Екатеринбург. Молитва, зарядка

Почему я ее не спросил, что делать, если не встает? Как они удовлетворяют человека? Первый раз была Оксана. «У нас предоплата». Подарила бы какой-нибудь сюжет, так нет — даже записать нечего, кроме факта, что первый раз пользовался услугами проститутки, предложенной мне по телефону.

Исключительно ради сюжета, литературного интереса, опыта. Сам виноват, надо было разговорить. Но так скучна — молодая корова с огромным задом, совсем не в моем вкусе. Осведомилась, как? Подойдет... Будем... Тогда позвонила: «Ну, все в порядке. Я помню вашу фамилию, а имя забыла». Врет, она и фамилию не знала. Скука за 150 тысяч. И противно довольно. «Как вы относитесь к презервативу?» А как к нему можно относиться? «Это входит в правила. Это обязательно». Даже если б у тебя не было, я б тебя послал в ларек, как в Греции Ленку. «У вас утолщение — это хирургическое вмешательство или природное? Первый раз такое вижу». Почему бы не спросить: «А понравилось?» — или что-то другое, для диалога. Она много спросила. Например, нет ли у меня факса. Сегодня она(и) летит в Алма-Ату — обмен делегациями, опытом и пр.

Звонил Глаголин. Филатов — Лужкову, Лужков — Филатову... Только сегодня завертелась эта машина. Бугаев пишет из отпуска, подписывает. Создается правительственная комиссия по Театру на Таганке. Чуб выступила против Губенко — уволена, Бохан выступил против — уволен, Черняев <Черняев Валерий — артист театра.> — уволен, причем дважды. Почему он к нему пошел? Что за расчет? Или просто от недовольства Любимовым?..

8 июля 1995 г. Суббота. «Ил-86». Молитва

Спасибо Рафу Клейнеру за рекомендацию найти и прочитать Ю. Нагибина «Тьма в конце туннеля». Страшно, но справедливо. И очень хорошо написано. Почему не мной?

10 июля 1995 г. Понедельник. Молитва

Я читаю Ю. Нагибина. Он мне, как оказалось, очень родной и близкий художник, писатель и человек. У нас много общего из того, что складывается на бумаге.

11 июля 1995 г. Вторник. Молитва. Зарядка

Губернатор Алтая дал мне слово выделить средства на строительство храма и не сдержал его. Я не думаю, что мой район будет поддерживать этого главу. Об этом я растрезвоню на Шукшинских чтениях, и будь что будет. Что это такое, в конце концов! Как будто это какое-то частное дело, это государственное дело, как восстановление Храма Спасителя в Москве и других храмов, это государственная религия и она основа нашего государственного строительства.

14 июля 1995 г. Пятница. Молитва, зарядка

Шимелов высказался в пользу Любимова:

— Чем отличается человек от животного? Чувством благодарности. Если у вас нет этого чувства к человеку, который вас всех создал, поднял, дал вам имена и марку, и вы на него руку тянете...

15 июля 1995 г. Суббота. Молитва, зарядка

Демидова снилась мне. А все из-за того, что мудак Глаголин заставил ее написать заявление об отпуске на три месяца без сохранения содержания. Два горлопана, С. и А., его-де вынудили!.. За год не сыграла ни одного спектакля. Быдло, оно и есть быдло, и плебс их толкает на такие тексты и возбуждает их кровь. Они не могут ей простить ее голубую кровь, белую кость и высокомерие, каким она удостаивает их вместе с Глаголиным. Демидова — знак «Таганки», актриса № 1, женщина в конце концов. Когда мы говорим «Таганка», мы слышим «Демидова, Славина, Высоцкий», мы не слышим «С., А.». Она перенесла такую операцию... И если вся губенковская братия кормится у Любимова, то Демидовой-то это уж можно было позволить.

Как не стыдно, Господа! Надо сказать Борису, чтоб он издал приказ об изменении своего приказа. От председателя профкома ему надо подать петицию, заявление. «Я должен был ей сказать, какие ведутся разговоры в коллективе, что о ней думают ее товарищи!» Какие товарищи, кто ей товарищ из выше упомянутых? Как им не стыдно? «Товарищи»! Они не терпят ее... А она — знамя «Таганки», имя Таганки. А они за ней каждую ошибку в тексте считают, злорадствуют, шипят.

Прости меня, Господи! Я тоже начинаю шипеть из подворотни своей. Мудаки х...

«Генеральному директору
АО «Дзержинскхиммаш»
Солятину Ю. П.
от председателя фонда «Фарватер»
Золотухина В. С.

Уважаемый Юрий Павлович!

Театр на Таганке и благотворительный фонд поддержки артистов цирка, эстрады, театра и кино «Фарватер» приступили к постановке спектакля «Анна Снегина» по поэме С. Есенина к 100-летию со дня рождения великого русского поэта. Мы обращаемся к Вам с просьбой выступить спонсором этой постановки и выделить для ее осуществления посильные средства — 25-30 миллионов рублей.

В свою очередь театр и фонд «Фарватер» обязуются несколько спектаклей «Анна Снегина» сыграть бесплатно во дворце «Химик» для работников Вашего предприятия и в дальнейшем взять на себя обслуживание культурной программой Вашего коллектива.

Президент фонда В. Золотухин».

Возымеет ли такая бумага действие? Кутьин заверяет: «Как нечего делать! Считай, что сделано, для нас это не сумма». У него самого в гараже «Ниссан» — японка на широких шинах.

26 июля 1995 г. Среда, мой день

Два миллиона отсчитал о. Борису в Б. Истоке перед фундаментом будущего храма и успокоился.

После великолепия, заносчивой чистоты, сверкательности сбербанка я попал на свою унылую постройку. Я увидел освоенные Эпонаевым 68 миллионов... Несколько опор красного кирпича, разрушающегося под не перестающими лить дождями. Но фундамент выстоял три наводнения подряд. Так вот этот красный кирпич — новое по сравнению с прошлым годом. От того, что так мало сделано, у меня на сердце закипели обида и слезы. Но... не возроптал особенно. Благодарил Бога — хоть что-то... Ну, вроде не стоим на месте, ну, двигается же, ведь год назад этого не было... Ах ты, беда...

В народе говорят, что Золотухину Бог помог избавиться от болезни ног, и это в любом случае справедливо.

Но вчерашние два миллиона, отданные о. Борису под документ — видеокассету, успокоили мою душу в том месте, где гнездились фунты Татьяны Глебовны Запорожец, старушки, отдавшей свои сбережения на наш храм. Да неужели он не поднимется?! Поднимется.

О. Борис произвел на меня в этот раз весьма положительное впечатление. Он вник и погряз — в хорошем смысле — в строительстве. И сечет (слово Глаголина) расходы и приходы. «Песоцкий заметил, что вы уже строительную терминологию освоили, как церковную».

28 июля 1995 г. Пятница. Молитва, зарядка

Передача Л. Филатова о С. Гурзо. Странное чувство горечи, жалости, а в результате — зачем? Погоревать, какой хороший, молодой, талантливый, популярный, а погубил себя водкой, переломал жизнь своим детям, жене... Зачем шевелить этот позор его личной судьбы?! «Чтобы помнили».

Да, вот это и будут помнить, как спился, потолстел и

забытым, ненужным скончался. Прости, Господи. Но зачем теперь все эти вспоминательные восторги: «Ах, какой он был... ах, как носили автобусы на руках... Шедевра актерского (Луспекаев — Ноздрев, к примеру) нет, разговор сентиментальный, на полкопейки, и я понимаю сына Сергея.

Он мне, кстати, очень понравился резкостью, злобинкой, каким-то сыновним отчаянным сожалением, и читал стихи отца хорошо. Нужно ли это внукам? Черт его знает... Не лучше ли не шевелить всего этого?! Тут же рядом — 154-летие со дня гибели Лермонтова. Соотечественники не помнят года гибели... А он 41-й, он мой. Лермонтовские числа: год рождения — 1814-й, гибель — 1841-й. Тайна смерти. Выстрелил вверх. Мартынов разрядил пистолет почти в сердце. Мгновенная смерть. И ударил гром, и разверзлись небеса. Но молния не поразила Мартынова, небесная кара не догнала карету дуэлянта-обидчика. Пророк убит. Господи! Чудны дела Твои, Боже.

31 июля, 1995 г. Понедельник. Молитва, зарядка

Портреты В. Солоухина и В. Распутина кисти И. Глазунова никудышны. Солоухин какой-то улыбающийся, идиотский блин красный, совсем бесхарактерный. Распутин — корявый, юродивый, тоже никакой... не знаю, не умею сказать, но мне хотелось, чтобы портреты мне пришлись, но они не пришлись — я этих людей знаю, они — вовсе не они, не те...

13 августа 1995 г. Воскресенье

«Вы перегружены», — хорошо сформулировал Сергей Марков мое нынешнее актерско-делово-общественное состояние. Знал бы он еще, что я в партию крестьянскую вступил по дороге из Белокурихи в Барнаул.

14 августа 1995 г. Понедельник. Молитва, малая зарядка

Вольский заболел. Недели на две. Но дамы обещали мне помочь в розыске Гайдара.

15 августа 1995 г. Вторник. Молитва

Неожиданно меня принял Гайдар. Неожиданно, весело и, по-моему, пусто... Но формально я обещание свое перед союзом промышленников — Кирьяновым выполнил, вручил наше приглашение в попечительский союз и даже о театре успел замолвить слово. В ответ Егор Т. сказал, что Бумбараш — лучшая роль по рассказам деда. Я с ним согласился.

А в кабинет Лавлинского, доброго, милого, любящего меня

поэта и мужика, я вошел с замечательным, большим портретом В. Высоцкого. Теперь этот портрет украшает кабинет погибающего журнала.

А звонок был. О маме, которую нужно устроить в Соловьевку.

И мы устроим. Это уже утром написано.

Я дома. Встал в свои 5.30 и вот радуюсь выздоровлению. Мои спят. Господи, благослови их сон и прости меня. «Теперь за дело, в ожидании виз». В паузах зарядки подходил я к «сундукам» своим и пересчитывал деньги. Я остался доволен суммой, которую наскреб, нашел по всем сусекам. Если отбросить 4 не моих, то в доме более 10 «лимонов». А если предположить, что 20-го я вылечу и еще подзаработаю, то можно на ноябрь спокойно лечь в Соловьевку. Во, блин, планы... Да, именно так — там и поработать над романом. А в «ЛО» я обещал отдать тетрадь № 9. Во, бл...

17 августа 1995 г. Четверг. Молитва, зарядка

Звонили от Гайдара.

— На все три вопроса я ставлю «да»?

Ставь, ставь... Да толку-то что?! Выступать на ТВ в его поддержку опасно — сказать мне нечего, а просто: «Егор! Я тебя люблю за то, что был „Бумбараш“, — воспримут как пьяное признание. И все-таки я пошел бы в удобное, в свободное от работы время. Я поддерживаю не политику в человеке, а потому что он „симпатичен мне, у меня доверие“. Не все в речах моего лидера Черниченко — особенно это касается формы, резкой, категоричной, неуравновешенной — в его характере приемлю я, но этот же характер, кстати, и люблю, потому что сам таким не обладаю, а подчас хотелось бы... Но суть дела — правость лидера, в смысле правота — мне очевидна, потому что крестьянский вопрос — это мой вопрос.

18 августа 1995 г. Пятница. Молитва, зарядка

Прочитал в газете: «Земельные участки в Америке...» Нельзя ли мой участок на Десне, тоже, между прочим, с водоемом, сменять на участок в Америке?.. Я бы недорого взял.

Итак, я лечу в Кемерово завтра, а не 20-го — «за отдельную плату». Все перерешилось в одночасье. Кому-то захотелось, чтоб я присутствовал на открытии фестиваля. Но там Тулеев — царь и бог. А мы в разных компаниях. Ну, да посмотрим.

23 августа 1995 г. Среда, мой день. Молитва, зарядка

Каждую ночь мне снится Любимов. В деле — в театре, на

репетиции... Я даже встревожился: не случилось ли чего.

Потом, сейчас понял. На столе лежит дневник — тетрадь № 9, я вычитываю перепечатанную рукопись, а там сплошняком театр, репетиции «Живаго», те самые, когда он рождался — 68-й год, и, естественно, Любимов, Любимов во всех вариантах. Оттого и сны. Со страниц дневника шеф переселяется в мое полусонное подсознание и действует в нем.

24 августа 1995 г. Четверг. Молитва, зарядка

Я закончил вычитывать тетрадь № 9 и остался ею весьма доволен. Любимов не зря посещал меня во сне. Опубликовать эту тетрадь срочно, в разгар-итог нашего раскола, как пример нашего единства когда-то. Губенко был в первых рядах и прекрасно вел себя, умно и талантливо. Господи! Как все жаль.

27 августа 1995 г. Воскресенье. Кемерово. Ни молитвы, ни зарядки

Убедился еще раз, что Абдулов со Збруевым очень хорошие артисты.

Абдулов в казино до половины восьмого торчал, а в 12 спектакль... Да разве можно было этого лося удержать в е... профилактории?! Еще удивляются, почему ему здесь не понравилось... Номера без телефона, скучище, нет лиц и поклонников.

Банкет вчера губернаторский в Доме актера был прекрасен. Господа артисты были на высоте — рассказывали театральные историйки-байки. И я не отставал, рассказал о Михалкове и шубе. «Ну, теперь вы понимаете, что „Гамлет“ — это трагедия?..» И тост мой был в продолжение историйки: «В эти дни, здесь, я понял, что День шахтера — это праздник!»

Когда Лановой сказал: «А теперь, Маша, „Невечернюю“, я рассказал опять же о „Гамлете“. Когда Высоцкий в темноте произнес „Быть или не быть“, с галереи раздался голос: „Володя, спой!“ И запел я „Во субботу...“. Главный дирижер крикнул: „Браво!“

А самолет все еще стоит, и похоже... не будем гадать. Вернулся я с банкета, ушел тихо, в 23 был в койке.

29 августа 1995 г. Вторник. Молитва, зарядка

Вот и жизнь проходит зря... Написать-де — за тебя никто не напишет того, что только ты можешь и знаешь. Но ведь и храм без меня, без таких, как Кирьянов и др., не построишь вовек. А храм — это главное дело жизни последней моей. Я услышу звон колоколов, и это будет самый счастливый день моей жизни.

31 августа 1995 г. Четверг. Молитва, зарядка

Ходил я вчера по Донскому, молился и плакал. Всех жалко. И себя в том числе.

Матрена Федосеевна вчера подошла к телефону. Дома никого, кроме сиамского кота, не было, она чувствовала себя свободной и могла говорить. Вовка ездил вместе с Татьяной на дачу, привезли помидоров, картошки, огурцов и ягод. Звонил Артем, просил привезти гитару — Володя поедет к нему в четверг. Все это говорит о мирной, слава Богу, обстановке, и вроде пока он не пьет. Господи, спаси и сохрани брата моего!

1 сентября 1995 г. Пятница. Молитва, зарядка

Боровский, в театре:

— Эти движения по поводу театра в конце сезона... Они, кажется, дали обратный результат. «МК» напечатал резолюцию Ельцина, и та сторона активизировалась, они стали восстанавливать «Чайку», давать интервью, сообщать о планах. А мы ушли в отпуска...

Я с ним, к сожалению, должен согласиться. «Помещение используется не по назначению» — это надо доказать, а в этой ситуации оно и недоказуемо в той степени, чтобы его отобрать, вернуть. А то, что съезды, сборища... Так ведь партия разрешена, зарегистрирована...

Изнаночность. Благостную исчерпанность хочется испытать, спай, склещивание — склещиваются отчего-то собаки. Надо бы узнать у ветеринара. Я почему-то, когда стал трахаться, очень боялся, что меня накроют на теле, а я не смогу вынуть член — его зажмет. И меня будут бить прямо в таком положении. Больно и долго, потом нас перевернут и будут бить ее, и она оторвет мне член. Ужасная картина.

3 сентября 1995 г. Воскресенье, молитва, зарядка

Идея — дети рассказывают анекдоты в «Белом попугае».

— От кого это так перегаром тащит?

Мальчик:

— От меня. Мы всю ночь костры жгли.

Гром!! Ну, надо же... а в 15.00 у памятника В. Высоцкому распорядитель Хмельницкий просит, заставляет, безоговорочно настаивает попеть, выступить. К тому же День города. Шаповалов позвонил, сослался на процедуры (в воскресенье??), не придет. Говорил с Масловой о пьесе на двоих — Вампилов, «5 вечеров», то, что играли Купченко с Ульяновым. Подготовка к театральному фестивалю «Кузбасс-96». Да еще надо пережить выборы. Все

может перемениться, всякая власть другая, другой режим возникнуть может, нестабильно все и тревожно.

5 сентября 1995 г. Вторник. Красноярск, г-ца «Октябрьская», № 501

Делал зарядку, и молитва перед тем была. Нас встретили вчера, конечно, с помпой. Теперь осталось немногое — сыграть хорошо, оправдать доверие, легендарность «Таганки», а не то, чтоб: «Да, это не та Таганка... Вот если бы они приехали 15-20 лет назад, это была бы та „Таганка“, а теперь — отцвели хризантемы в саду».

Эта женщина (стесняюсь назвать бабой) — Кузнецова Евгения Георгиевна — «пивная королева» — Ангел похмелья — читала лекции о Цветаевой, Ахматовой, любит театр. Акционировала пивной завод, имеет колоссальную прибыль. В отделе кадров — очередь на работу, средняя зарплата — 1 мил. 300 тыс. руб. Написал ей просьбу, оставил счет фонда.

Кузнецова Е. Г.:

— Мы воспитывались на Театре на Таганке. Мы ждали всю жизнь, всю молодость этот театр.

Сказано впроброс, без патетики, но здорово.

Зубков В. А. обещал дать завтра «Мерседес» для поездки в Овсянку к Астафьеву. Ходит Зубков с двумя молодцами, с охраной. Во, блин! Купил башню-долгострой за 2 миллиарда...

7 сентября 1995 г. Четверг. Молитва, зарядка

Гонец с кипой газет от Пащенко, ярого коммуниста. Они сегодня зазывают меня на банкет в честь его 50-летия. И я пойду, я пойду в это логово на разведку. Но я хочу действительно видеть Олега и его поздравить вне его партии, вне его газеты. Они потом могут написать все, что им придумается, и прокомментировать мое посещение вражеского стана со всеми обличающими прилагательными. Ну и пусть их. А может, не ходить? Зачем я ему позвонил?!

Вляпался я, однако, с этим банкетом у Пащенко — «все свои, кроме вас, мамаша...». Не ужин юбиляра, а какое-то подпольное бюро, гнездо противоправительственное, заговор. Страшно — фанатики. Не люди. Все говорили, какой он герой, ругали и проклинали демократов, говорили о завоевании власти и восстановлении Советского Союза. Во бред-то... Ни одного маломальски интеллигентного лица. Боже мой! Мне надо было там побывать, чтобы убедиться в том, как правильно, что я с Гайдаром.

8 сентября 1995 г. Пятница. Молитва. Зарядка

У меня счастливейший день — я был у Астафьева в кардиологии.

— Валера, ничего не прибывает потом, — говорил он, рисуя стародуб-адони-траву от сердца («у меня бабушка травница была»), — ничего не прибывает потом... Что в детстве задержалось, тем и питаемся всю жизнь.

Хотелось все записать, каждое слово запомнить. Вот он цитирует Гоголя, восхищается гоголевским пером, рассказывает, как они с Курбатовым читают наперебой, попеременке друг другу «Мертвые души». Сетует, огорчается, жалеет о сгоревшей в войну в Полтаве рукописи «Тараса Бульбы». Тут же перекидывает мостик к певице Булановой, Маше Распутиной, к Павлу Кадочникову.

— Образованнейший артист (человек) был. Снимали фильм, я как-то опоздал на съемку, зачитавшись «Борисом». Он спросил меня, почему опоздал. «Зачитался». — «Что читал?» — «Бориса Годунова». — «А я ведь когда-то молодого инока играл и всего „Годунова“ наизусть знал».

Я слушаю, раскрыв рот, хохочу до упаду... А он продолжает уже мою мысль, что надо смотреть, видеть, двигаться. Не лениться. Можно и выпивать, и девок любить, но не забывать и трудиться. О литературных курсах вспоминает:

— За два года 58 спектаклей посмотрел... — И уже сравнивает «Мертвые души» с Белокуровым и постановку нынешнюю: — Белокуров сидел один на какой-то приступочке, скамеечке и думал, ничего не произносил, а я валялся от смеха — столько у него на лице было всяких переживаний. Очень смешил, и глубоко... — Вспоминает: — Да, Бортник приходил один раз к Заболоцкому, но пьяный, разговора-то не получилось. Он чего-то дергается. Я к этому отношусь снисходительно, но... разговора нет.. А в «Родне» он моего отца сыграл один к одному... актер прекрасный. Приходите с ним как-нибудь вот так же.

Астафьев целый монолог произнес о «провинциальной штукатурке».

Он кровно связан с нашей братией. У него есть рассказ, посвященный М. Ульянову. Я читал его письма к Папанову, а потом к вдове, его разговоры с Петренко, прекрасные отзывы о Бортнике. Он смотрит, он интересуется, он спорит, ругается, без меры лается и так же хвалит. «Годунова» он не видел и назвал «Оптимистической трагедией» — промелькнуло по телику, или где-то прочитал, или кто-то сказал, что я — Самозванец в тельняшке. И сразу у него негативный образ матросика-большевика. «Прежде чем лаяться, посмотреть надо» — это его

вчерашние слова.

Когда я вошел, он читал газету лежа. Обнялись крепко, я чуть было слезу не пустил, так меня отечески как-то, горячо прижал он к себе, и мне показалось, что действительно рад он видеть меня. Народу всякого у него бывает, и много. И вот Грин был у него в Овсянке.

— Ваш папа был большой шпион.

— Да, был, не знаю, какой он был писатель. Вы лучше знаете, а шпион он был большой.

А довела его до больницы баня.

— Я ведь 40 лет не парюсь, нельзя — ранение левого легкого. А тут распустился маленько. Пошел за дровами. На огороде поломался и лег в сыром белье. На сухое не переменил... И уж всё знаю, как себя с баней вести, а вот тут ослабил внимание и чувствую — дышать нечем. У мужика ведь дыхание до брюха должно доходить, а еще лучше до яиц. У бабы — до желудка. А тут... хватаю воздух, а он не идет никуда. И глаза потухли, как у охотничьего кобеля перед смертью. А ночью совсем плохо... Да ведь «Скорую» не вызовешь из Дивногорска... мы, говорят, только до этого километра доехать можем. Ладно, говорю, езжайте, а до Слизновки я пешком дойду. А из Красноярска — не их территория. Как в войну, раненых — этот не из нашей части, не бери, брось...

Астафьев. У него люксовая палата № 1, в самом конце коридора налево, из двух комнат и третьей темной — холодильник и туалет. Перед высокой, с рычагами кроватью письменный стол с выдвижными ящиками и телевизором. Много газет и какие-то журналы. Я оставил ему свою книжку. С пионерской надписью: «Лучшему писателю...» Нет, я не лукавя, так оно есть. Хотя сама классификация пошла и льстива. Он-то как раз этого и не любит. Но не любит, когда и задевают или не тем вниманием дарят.

Сибиряк не тот, кто не боится холода, а тот, кто тепло одевается.

Кузнецова Е. Г. сказала, что перевела на счет фонда 10 миллионов рублей.

Астафьев:

— Жалко, что мы не можем поговорить. Я хотел подробно сказать о твоей книжке. Хорошая книжка. Профессионально написанная... Очень хорошая книжка. И хорошо, что с комментариями в конце. Хорошо, что письмо этой бабы вставил. Баба умная... Бабы нас часто спасают. И е... дают, и рубль на опохмелку дадут, и лечат, и из тюрем вытаскивают. Книжка на

подготовленного читателя... А так как у нас большинство не подготовленное — для такого читателя книжка вредная. Вы такой удар по кино и театру... сокрушительный удар. Ни с чем не сравнимый. Мы ведь верим: Чапай плывет, по нему стреляют... Мы играем... А вы это все с другой стороны. И Любимова показал. И правильно... я подозревал и знал, что вы ему на хрен не нужны. Ему себя, свое показать... А «Живой» шел... А почему тебя не взяли в кино?.. Ростоцкий... Кино-то такое говно, никудышное совсем кино...

— Так он и в «Зорях»... Спектакль-то был потрясающий, а он подсмотрел... Шопен наш играл превосходно, а он взял...

— Повесть-то ложная... вся фальшивая... Десант такой действительно был. Но такого километра на Карельском перешейке не существует, нет и близко. А это очень большая неточность, для писателя недопустимая. И когда такой десант засылается, они так подготовлены — она головы не повернет, уже нож летит. А ее очередью прошили — она песню поет... Ну, куда там... Значит, Ванька надрался?.. А я ждал его... Вот засранец!.. Скажи, чтоб не пил... Он еще отца моего сыграть должен... «Забубенная головушка», последний рассказ во втором томе — пусть прочитает хоть этот рассказ... Размышлял, наблюдал... Ваш театр давно... что-то вашему главному и всем вам не хватило, чтобы это дело ваше стало большим, настоящим русским театром, какой-то важной малости...

Я молчу, я не спорю, я не хочу ему доказывать, что мы — «Таганка» — давно явление русского театра, советского. Это прошло мимо великого писателя. Он смотрел «Под кожей статуи».

— И тогда меня ваш мэтр принимал. В хорошем расположении. В форме, чистый... Таким меня принимал Твардовский... Чистый, отутюженный, добрый, видно, из запоя вышедший... Не дай Бог ему попасться, когда он в депрессии — желчный, язвительный, с говном смешает человека. А мне повезло...

15 сентября 1995 г. Пятница. Новосибирск. Молитва, зарядка

Костя Райкин — шикарный человек, как это соответствует моему о нем представлению — коллекционными духами ауру вокруг себя развевает.

«Завтра» — страшная газета. И я ей дал интервью. Это все-таки инфантилизм. Там этот Бондаренко пытается разделать Астафьева, и ничего у него не получается — нет-нет да спотыкнется: «золотой голос», «золотое перо». Что-то тут я вспомнил, как Астафьев славно Гоголя вспоминал, что до сих пор никто не дал ответа этому разночинцу Белинскому.

Может быть, он ждет, что кто-то даст ответ за него этому Бондаренко... Ни одному слову такой критики верить или даже сочувствовать невозможно. Надерганы цитаты и мусолятся.

И в конце концов сам же и вынужден признать: «...но роман берет свое и вправляет автора в нужное русло», подсказывает ему те слова и идеи, которые, слава Богу, господина Бондаренко устраивают. Ну не чушь ли?! Эти ссылки на письма фронтовиков...

«Порча...» Это может говорить про себя писатель, но негоже говорить так про него другим... Короче, про мою жену я могу сказать и не такое, но попробуй такое сказать про нее другой!..

20 сентября — день рождения моей жены и императора Павла I.

19 сентября 1995 г. Вторник. Новосибирск. Молитва была и зарядка была

На «Мерседесе», на «Опеле» через лужи, канавы и грязь. Вывеску хорошую повесили, прибили они на доме № 11. «Названа в честь гражданина СССР Владимира Высоцкого» — и внизу: «поэта, актера, певца». Хорошо.

Вчера Додина сообщила, что своими ушами слышала по новосибирскому 6-му каналу ранним утром следующее сообщение: «Леонид Филатов уже полторы недели лежит в реанимации. Его жена... сестра... Нина Шацина дежурит около него, не отходит день и ночь... Театр на Таганке привез „Бориса Годунова“. В спектакле заняты известные артисты Алла Демидова, Юрий Беляев, Константин Желдин...»

Во, блин! Поскольку эта косноязычная информация насквозь (вторая часть) лживая, будем надеяться, что и первая часть такая же непроверенная. Храни, Господь, Леонида!

21 сентября 1995 г. Четверг. Молитва, зарядка. «Ту-154»

Я лечу в Новороссийск с вождем Крестьянской партии Черниченко Ю. Д., чтоб он стал одномандатником в будущей Госдуме. Лечу на три дня, получил в Оргбанке, от Гайдара значит, 2 мил. рублей на мелкие расходы. Пользуюсь, значит, партийной кассой.

Рассказывает Алла о Филатове:

— Он так ослабел от капельницы, что не может сидеть. Нина хочет забрать его домой из больницы... Да, он был в реанимации... Но опухоли, которые у него получились от лекарства, уже прошли...

Наш самолет садится. Черниченко сказал мне, что надо выспаться, и я специально сел он него подальше, чтоб он не рассказывал мне про передового фермера-героя, или про немца из Восточной Пруссии, или про Каряку, который пьет и с которым общаться неинтересно. «Он член президентского совета, но... на него никто на этом совете внимания не обращает. Да они и не собираются, по-моему... Да, живет в Переделкине...»

23 сентября 1995 г. Суббота. Крым. Молитва, зарядка

Теперь я воочию вижу, как не любят демократов, какой саботаж устраивают нашему визиту. В здании администрации Анапы не набрали на артиста и 10 калек!..

Между тем, по словам тех же из них, стоило главе сказать — через час был бы полон зал. Ну что вы хотите, если рядом, в комнате «культурных работников» из пяти баб заглянула на наше мероприятие одна. Но красивая.

В Темрюке вообще нас прокатили. И никто не приехал, не ждал, а про Черниченко: «Зачем он приехал?.. Асфальтовый фермер, пусть катится отсюда!»

Но вчера мы посмотрели Новороссийск, кладбище русских кораблей, которое устроил Ленин по безвыходности, доказанной ему высшими военными спецами (Троцким).

25 сентября 1995 г. Понедельник. Зарядка слабая. Молитва

«Искусство — одежда нации». Бальзак.

28 сентября 1995 г. Четверг. Молитва, зарядка

Автограф Высоцкого — продавать или дарить? А выход такой: поскольку это посвящение Шацкой, а у нее трудное материальное положение с больным Леонидом, автограф надо продать и деньги отдать Нинке. По-моему, это правильно. А как иначе?! Играть в благородного, дарю, дескать... Но у них, у музея-центра, есть деньги, и почему им эту реликвию не приобрести?

4 октября 1995 г. Среда, мой день. Хельсинки. Русский Дом, «Анна Снегина»

2-го, вышедши с «Высоцкого», обнаружил я свою машину с четырьмя спущенными колесами. Кто-то шилом проколол. Я, конечно, знаю и отсылаю подозрения на ту свою «соседнюю Криушу»... но лучше бы, если бы это оказался «КамАЗ», на стороне которого стояла машина. Но вряд ли они будут этим заниматься. Мне кажется, повод — мое интервью о причинах раскола: в 50 лет ни семьи, ни любовника, ни карьеры, ни любовницы, ни детей... Люди стали сводить счеты с судьбой, а кто

виноват — тот, кто 30 лет вел, от кого ждали, от кого зависели... Сам он все успевал, и в 62 — сын и молодая жена. Потом всех бросил. Многие из этих же стали бороться против Эфроса. Поняли, что они попали в лажу-жопу. Что при Эфросе им было куда спокойнее, он никого не трогал, не говорил ни о каких экономических реформах в театре, не призывал к переустройству, к реорганизации театра, к контрактной системе — при нем, наоборот, запрещалось подавать какие-либо заявления об уходе и пр. И вот все это в них накопилось, и они объединились вокруг того, кто призван был их спасти, дать роли, обеспечить счастливой судьбой на старости лет. Мне кажется, вот этот мой расклад чисто биологического свойства — он их взрастил, выпестовал и т. д. — и разжег в ком-то жажду мщения, желание отомстить и нагадить мне тем же способом, тем же методом, что когда-то Эфросу — проколоть колеса, что-нибудь сделать этакое. Почерк знакомый...

5 октября 1995 г. Хельсинки. № 7. Утро. Молитва. Спектакль «Анна Снегина»

Зарядку делать не могу — болит спина. Живу Есениным, утешает Есенин. Я помню, как я переписывал его стихи в читальном зале библиотеки, домой его книжки не давали. Да и там, в читалке, не всем давали на руки. Помню, поразило знакомым чувством, знакомым до боли желанием-мечтанием, чтоб и мое степное пенье сумело бронзой прозвенеть..

Вот он прозвенел, прозвенел и Высоцкий, а я... А я все думаю не о том, что бы новое написать или продолжить хоть вот то, что не так уж худо начато, «21-й км», а про то я думаю, как старье мне переиздать, как отметить этим самым свое 55-летие, запастись еще лет на пять книжками для продажи. Но я читаю Есенина, и ничего мне не надо, и ничего не жаль... Мы репетировали на Академической, полетели на пол швырком цветы, отсортированные из общего есенинского куста, захлопали двери, и мне были отданы деньги, предназначавшиеся в уплату за стоянку. Непотребность поведения. Как мне грустно оттого, что не видела этого всего — меня в славе и в смокинге — Тамара. Она сидела дома у телефона и ждала от меня — как все пройдет... Солнышко мое, прости меня. Господи! Спаси, сохрани, прости, Господи! Душа моя трудилась на этот праздник. И портреты на белых, выставочных стенках смотрелись трогательно, забавно, не сиротливо, и куст клена с желтыми, большими, как вырезанными из жести, листами в большой керамической посудине смотрелся прекрасно и как бы руками-ветвями удерживал оба портрета-лица. И дырки в полу-планшете сцены сгодились мне, чтобы в них

утапливать трость. Трость мы купили с Тамарой в Португалии для Есенина и Павла I.

6 октября 1995 г. Пятница. Молитва

Восторги Вити, референта Юниса: «Какой концерт... какой спектакль... я потрясен... жест... кисть... владение гитарой... С каким достоинством!! Как прочитал Есенина... Гений!! Барин на сцене!!»

«Барин на сцене» — это дороже всего, ибо тут — Бумбараш и Моцарт рядом.

7 октября 1995 г. Суббота. Москва. Академ. Молитва

Надо составить план жизни. Он был составлен до 7-го. До премьеры «Снегиной» — заботы по портретам, по смокингу, включая 5-го — Финляндию. Все это выполнено, гора свалилась, и образовалась пустота...

10 октября 1995 г. Вторник. Молитва

Вчерашнее посещение позвоночного врача меня успокоило и мне помогло.

— Сексуальный стресс у вас был недавно...

— Объясните, что это такое?

— Что такое стресс?

— Нет, что такое сексуальный стресс.

— Грубо говоря, хотелось, но не получилось.

— Да нет, и хотелось, и очень получилось...

— Ну, может быть, месяц, чуть меньше назад. Может быть, это бессознательно сидело, и вы думали об этом.

Факс. Валерий! Хельсинки 10.10.95.

«Хорошо, что Вам хватило мужества издать дневники. Этим Вы даете неизбранным современникам и потомкам редкую возможность прикоснуться к таинству актерского творчества. А что же касается Вашего друга Володи — помогаете взглянуть на его образ, как Вы, серьезно, с любовью и болью».

13 октября 1995 г. Пятница. Молитва, зарядка

Вчера — встреча театральных деятелей с мэрией. После 5 бокалов вина Глаголин потащил меня к «телу» Лужкова. Пробились на последних мгновениях.

— Таганский вопрос когда будет решен?

Мэр не понял, о чем речь, потом вдруг резко, громко:

— Все будет так, как хочет Любимов! Негодяйство, которое произошло... это просто негодяйство, когда ученики используют,

претендуют на имущество того, кто это создал... И мы все сделаем.

— Когда вы можете принять Любимова?

— В первый же день (когда приедет).

— Нам грозят объединенной дирекцией.

— Никакой объединенной дирекции. Это принадлежит Любимову и за ним останется.

Вот такие простые, ясные, громкие тексты. Мы тут же к Бугаеву.

— Вы сразу написали на меня телегу... Объединенную дирекцию я предложил как компромисс. Не хотите — не надо.

— Но нам присылают ультиматум: к 1 ноября вопрос с вами будет решен, объединенная дирекция...

— Да кто вам это сказал?!

17 октября 1995 г. Вторник. Вечер. Перед сном

Затеваем с Денисом строительство храма в п. «Московский».

Встречался с банкиром. Такое впечатление, что храм будет стоять уже завтра. Он сам — так говорит Лидия Сергеевна — берется за председательство фонда. Дает на регистрацию 3 миллиона. Регистрировать фонд будем в Видном. Сотрудники банка преподнесли мне букет роз. Я в машине целую шершавое запястье моей спутнице. Через неделю к нему приезжает парень из Казахстана, будет строить дом и параллельно храм. Место надо застолбить то самое, у памятника, у дороги. Место видное, хорошее. Церковь, храм должен стать украшением, лицом поселка.

18 октября 1995 г. Среда. Мой день. Вечер

Игумен Тихон требует утверждения программы концерта в патриархии.

Игумен Тихон требует, чтобы рапорт о фонде — в каких целях, кто и почему — был представлен владыке на рассмотрение, утверждение, благословение...

Соединил он мастерство
И удаль бесшабашную.
Недаром в Моцарте его
Есть что-то бумбарашное!

Сивицкий, Тимянский

19 октября 1995 г. Молитва. Зарядка

Патриархия не дала ответа на прошение о концерте.

25 октября 1995 г. Среда, мой день. Молитва. Зарядка

Не вспомнил стихи Бродского. А жаль... Интервью с Бондаренко — я думал, будет хуже, и боялся. От чрезмерного ожидательного страха прочитанное мне даже понравилось. Хотя Т. сказала: «Глупые вопросы и неумные ответы».

11 октября 1995 г. Суббота. Молитва. Зарядка

Что мешает играть актеру Золотухину?

Золотухин — человек. Он прежде всего мешает, он, который, как человек своей нации, находит удовольствие в самоуничтожении, саморазрушении, каясь, бия себя в грудь... Молясь... Становясь на колени перед иконой Спасителя — «я не буду пить!..». «Вот тогда вы поверите, что я верую, я завяжу и докажу свою веру в Христа!» С одной стороны изголовья у него изображение Спасителя, с другой — преподобного Сергия, а он неделю валяется пьяный, грязный, мастурбирующий...

Любимов, из интервью:

— Ради денег, ради реальностей материальных я ничего не делал, только то, что казалось важным для меня, для искусства.

??!! Можно и так врать, но зачем? Зачем, когда его жизнь всегда на виду, на юру? Да, правда, что он всегда пытается из любого оперного контракта сделать искусство. Но ведь сначала подписывается контракт на сумму прописью. И монолог о черном «Мерседесе» после удачной премьеры в Штутгарте... да что говорить! Да ничего в том преступного, чтобы работать за деньги, нет — он же не задницей старой своей торгует, а своим ремеслом. Чего врать-то?! Имея молодую зубастую жену и маленького сына, его первая задача как мужа и отца — накормить свою семью и обеспечить их на уровне Штреллера, потому что «в мире Брук, Штреллер, Штайн, Мнушек и я».

Нет, эти гастроли в С.-Петербурге были нужны хотя бы для того, чтобы здесь родились фраза и монолог-рассуждение о том, что мешает играть актеру Золотухину — человек Золотухин. И пусть я только сегодня, сейчас начну новый дневник, а не десять дней назад, — что из того? Работаю, работаю один. Всех денег не заработаешь, а пропить можно все. Я ведь тоже как бы не из-за денег работаю, а чтобы работать, не пить и иметь самое необходимое. Что, в общем, тоже х... Когда молоденькая горничная или дочка вызывает прилив страсти и сожаление по утраченному — это уже не твое и не может быть твоим даже теоретически, а если даже и стало твоим, то что ты станешь делать с ним через 5 минут забавы? Дальше-то что?! И опять за молитву, покаяние и строительство храмов. Или в старосты уйти,

или в монахи постричься?!

13 ноября 1995 г. Понедельник. Театр

Я согласился выступить в концерте в поддержку республиканцев, которые между президентом и коммунистами. Как мне объяснила N: «Я — актриса, я ничего не понимаю, мне платят — я даю концерт». Так вот — я даю за 500 тыс. И такая сумма мне сгодится.

14 ноября 1995 г. Вторник. Кухня, молитва, зарядка

Создашь себе заботу, трудности и маешься над ними, не спишь, глаза песочные, желтые. Все думаю, как 19-го обустроить «Стойло Пегаса». Или назвать «Домовой» — лавка писателя? Позвать Каледина Сережу с книжками своими, поторговать, автографы поподписывать, пошутить. Есенин Сережа шутки любил. Таню Белецкую привлечь. А «Домовой» — хорошо. И повесить портрет Любимова с автографом: «Валерию. Дорогому домовому театра». Так и надо сделать. А над основной стойкой, где самовар и сушки, — «Стойло Пегаса». Старые афиши: скажут, при чем тут Есенин? Он шутки любил.

15 ноября 1995 г. Среда, мой день

Я разговаривал с Демидовой, с этой любимой моей женщиной, умницей и нежным, как ни странно, одухотворенным существом. У нее 1 ноября закончился отпуск за свой счет. Театру она нужна, и театр ей — без театра нельзя. «Найдите любую форму сотрудничества. Вы понимаете, что шефу неудобно такие вещи говорить вам, но мы все хотим. Наверное, если бы я был сейчас на вашем месте, а вы на моем, вы нашли бы для такого разговора более умные слова, но я говорю грубо: мы, театр, хотим платить вам зарплату, и все».

17 ноября 1995 г. Пятница. Кухня. Молитва

Девки беременели, их выдавали замуж, а строптивых высылали в Сибирь. По версии московского журналиста какая-то из этих строптивых и была прапрабабкой Золотухина.

«Утренние газеты» называется моя сегодняшняя графомания. Вот цитата из «Вечернего Новосибирска»:

«С этим числом (21) в моей жизни действительно много связано. На 21-м километре я впервые объяснился в любви, потом у 21-го столба похоронил фотографии, ее и мои, затем откопал. В повести любовная тема обросла эротикой, порнографией, театральной интригой, наконец запутанной криминальной историей, поскольку все, что связано с женщинами, всегда

чревато криминалом. Хорошо бы этот замысел еще и выполнить. Наобещано-то много, да только писать когда? В больнице?!»

23 ноября 1995 г. Четверг. Кухня, молитва

Я устал. Мне никто не звонит. Мне не хочется жить, писать, репетировать.

25 ноября 1995 г. Суббота. Кухня. Молитва, зарядка

Опять мешает Губенко — его радисты работают на тех же частотах и создают помехи нашим микрофонам.

26 ноября 1995 г. Воскресенье. Молитва, зарядка

В фойе запретили торговлю книгами. Запрет этот отразился только на Луневой, одна она приказ исполняет, ее вытеснили в предбанник, а Курникова, пригрозив мне заявлением о выходе из профкома, царствует одна за книжным столом. И что же получается: та, которая дает доход театру, — на задворках. Экзекуция коснулась только Луневой, а значит, меня. Надо предоставить Глаголину справки, какой за полгода Лунева дала доход театру, на сколько она наторговала, начиная с Алтая. И этот документ мы будем как флаг нести впереди. Заявление в профком, в бухгалтерию — дубль. Она практически является одна распространителем «Дневников» — и кормит меня, и поит. Это будет ход нормальный, для всех понятный.

5 декабря 1995 г. Вторник. Молитва, зарядка

Умер 3-го Кайдановский — мощный артист, хотя к таким натурам, каким был Саша, это прилагательное не прилагается.

Кто-то заметил — какой-то рок над теми, кто снимался у Тарковского. Никакого рока нет, по-моему. Солоницын, Кайдановский... Кто еще?..

Третий инфаркт убил Кайдановского.

8 декабря 1995 г. Пятница. Молитва, зарядка

Безумие вокруг театра давно кончилось, но только теперь оно откликнулось на зрительном зале — нету интереса у зрителей к нам, даже по инерции. Фирма лопнула. И, как ни странно, беспокойство мое прошло, я встретил это спокойно. Все наши легендарные спектакли — история, и не более того.

9 декабря 1995 г. Суббота. Кухня

«Московский комсомолец»: Золотухин, убежденный монархист, из наименьших зол выбирает Гайдара. Сегодня куда-то везут меня выступать за демократов, но гонорара не дают,

обещают после 15-го, но и это...

Таня Л. купила два портрета Николая II. Один я повесил в своей гримерной, другой принес домой и сейчас начну развешивать, менять декорацию: Пастернака на Есенина, Спасителя (календарь 1994 г.) на Николая II. Я монархист отныне, я читаю Э. Радзинского «Господи, спаси и усмири Россию. Николай II, его жизнь и смерть».

Сегодня возили на «Москвиче» в Серпухов. Довольно симпатичная демократка Ирина Анатольевна Чернова, за нее агитировал. Народу мало, но встреча теплая. Продал книг тысяч на двести с лишним и привез бутылок, как раз на Новый год. Это значит я за партию Гайдара выступал. Но сегодня позвонили из штаба Черномырдина:

— За 500 долларов скажете за «Наш дом»?

— Скажу!!

— Прошла информация, что вы голосуете за Гайдара?

— Моя позиция — чтобы не прошли коммунисты и жириновцы. Я и за женщин агитировал, за Панфилову.

Полон зал пенсионеров с утра. Пусть они лучше за Панфилову отдадут голоса свои, чем за «коммуняк». А Черномырдин, или Гайдар, или Явлинский?.. Если они получат большинство в будущей Думе, я буду считать, что получил деньги не зря, агитируя и поя за демократов. Но главное, конечно, это заработок — такой приличный, такой честный. Так что...

11 декабря 1995 г. Понедельник. Театр

Вчера весь день провел в машине. С утра поехал в «Московский» к Денису, отстоял всю службу, подивился, восхитился Денькиным пением, мужеством и культурой, хорошим голосом, хорошим словом. На прощание получил оплеуху:

— Не позорь монархию! Как ты можешь называть себя монархистом и голосовать за масона Гайдара?! Я тебе говорю как священник: ты лукавишь.

— Если бы не Гайдар и демократы, ты бы сейчас вообще не говорил о таких вещах со мной и не стоял бы предо мной священником.

12 декабря 1995 г. Вторник. Молитва, зарядка

Сегодня надо заработать 2 мил. на избирательной кампании за Черномырдина — два миллиона сближают программы Гайдара и Черномырдина.

Звонил в Междуреченск. Мать одна, совсем плохо слышит, плачет. Видела Тоню во сне, к ней собирается. Мучительно разговаривать с ней, не слышит, отвечает мимо, невпопад, я

кричу в трубку — аж горло заломило, подступают слезы, хочется закончить разговор скорее, а она говорит, говорит — то одно спросит, то другое... и не заканчивает разговор.

13 декабря 1995 г. Среда, мой день. «Павел I»

Наконец-то прошли эти непраздничные, но и не рабочие дни. Вчера был День Конституции, которую еще раз изменят те, кто придет к власти. Почему-то вчера на встрече с кандидатом от Черномырдина никто и не вспомнил про праздник свода законов. Но у меня отличная продажа Гайдара получилась за 500 долларов США, да к тому же Танька дневников на 150 тыс. рублей продала, правда, 10 из 15 Лидия Васильевна Козырева, банкир, купила оптом. А все это происходило в г. Красноармейске, где с 1989 г. закрыты банк и текстильная фабрика, задолжавшая кому-то 14 миллиардов рублей.

15 декабря 1995 г. Пятница. Молитва, зарядка

Кривошей Сергей Георгиевич. Я убегаю в Кемерово не только за 15 миллионами, обещанными им на храм, — я убегаю от Любимова, с которым не очень хочется мне общаться. У него Бонн, «Пиковая дама» — у меня Америка и роман.

16 декабря 1995 г. Суббота. Молитва, зарядка, кухня

Ревность — самое страшное мучительство.

Главное, чтоб при коммунистах весить не больше, чем при демократах, и голос чтоб звучал не хуже, а там разберемся. Перед тем как поставить + в квадрате Гайдара, я ездил-ходил в Донской, ставил свечки святым, чтоб не вернулись к власти коммунисты. А уж потом опустил бюллетень. Нельзя сказать, чтоб я очень сконцентрирован, но мне все время хочется кушать. Теперь мне хочется съесть зеленое яблоко. Но «Яблоко» Явлинского вызревает. Я не против евреев, но думаю, что из русских можно найти и избрать президента и даже царя.

Роман катится до заезженному пути, а на Дальнем Востоке 25% набрали коммунисты, за ними — жириновцы. Зюганов говорит: «Соберем коалицию». Что это за коалиция? С кем? С кем он собирается «дружбу спаять», с Лебедем? Заграница голосует за Явлинского. Совсем непопулярен мой Гайдар. Ну, посмотрим!

18 декабря 1995 г. Понедельник. Молитва. Зарядка

Плохо молился я вчера, видимо. Гайдар еще к 5%-му барьеру не подкрался, а «коммуняки» за 22 перевалили. Но ЛДПР... во, бл...

20 декабря 1995 г. Среда, мой день

Любимов довольно спокойно выслушал мои объяснения, почему я вышел из «Подростка», и сделал два-три замечания по вчерашнему «Живаго», которым, в общем, он остался доволен. Мы разбежались. Он какую-то отметку в российском паспорте вписал — временно проживает в Израиле, — а что это за самодеятельность, хрен его знает. Довольно легко я улизнул из театра. Теперь надо долететь и доехать до Междуреченска.

27 декабря 1995 г. Среда, мой день. Зарядка, молитва

Звонил Шкатовой. Шеф от Лужкова вернулся в хорошем настроении, обласканный, довольный — подробностей она не знает, да и неважно. Главное — хорошее настроение.

30 декабря 1995 г. Суббота. Десятка. Молитва, зарядка

Я снова и снова вчитываюсь в строки Силиной: «Таганский рыцарь есенинского образа...» — и снова и снова мысленно благодарю ее. Она увидела и оценила то, что, мне казалось, никто не замечает:

«...именно Валерий Золотухин взял на себя обузу тянуть повозку с остатками таганкинского театрального скарба. Вновь обезглавленный, обезноженный, изможденный дурной войной театр он, артист, и только артист, взвалил на свои не слишком мощные плечи, собой, своим актерским талантом прикрывая и удерживая от опустошения таганкинский репертуар, собой, своей человеческой устойчивостью помогая усталой труппе не потерять ощущение коллектива».

У прилавка с золотом встретил Л. Зыкину — она расплачивалась напрямую с продавцом. Мы расцеловались и поздравили друг друга с Рождеством и Новым годом. Купил я цепь за 991 тысячу и футляр, короче — за миллион, Тамаре.

«СЕКС МНЕ НЕОБХОДИМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ» 1996

4 января 1996 г. Четверг. «Соловьевка», палата № 10

Если писать «Топор и кортик», надо сесть и записать. Историю эту я много раз рассказывал и помню достаточно подробно. Но почему-то в дневниках нигде нет упоминания о ней, маломальского следа.

В «зеленую тетрадь»

ТОПОР И КОРТИК

В Ленинграде бывшем мы часто бывали и по делам киносъемок, и по делам «Таганки», и концертировали много в те времена по линии общества «Знание». Кому, конечно, можно было — Высоцкий не имел официального разрешения на общение с публикой. Я же каждую среду выезжал в город на Неве, и тамошний продюсер (администратором он называться не любил) устраивал мне или А. Миронову так называемый чёс по домам отдыха на Карельском перешейке. Минимум 5 концертов, да еще мог быть большой творческий вечер в престижном зале филармонии. На этих концертах я заработал тогда за три года (по средам) сумму, которая позволила мне уйти от жены, не деля трехкомнатную квартиру, а купить кооперативную. Но я отклонился. Так вот, в Ленинграде жили Георгий и Маша — большие, бескорыстные поклонники В. Высоцкого. Это были очаровательные, добрые люди, с которыми нас всех Владимир перезнакомил, бывали мы у них дома и вместе, и порознь и гуляли весело. В один из таких моих вояжей в Ленинград Георгий передал мне для Володи офицерский морской кортик. Георгий был потрясающий мастер подобного рода изделий. Он мог сделать пистолет любой системы — не отличишь от настоящего — или выточить какую-нибудь сногсшибательную, хитроумную зажигалку. Надо сказать, что Володя такие мужские штучки обожал — ручки, брелки, зажигалки, ножи, портсигары, ремни, кортики, кастеты и прочую подобную реквизитику, к которой, к примеру, я был совершенно равнодушен и считал за мусор. Володя, повторяю, за эти безделушки мог снять с себя все — дорогую куртку, рубашку, свитер, кофту... в общем, все, что можно было носить и было модно. Он этими предметами мужского карманного быта дорожил до дрожи.

И вот кортик... Надо сказать, потрясающей работы — не

отличишь от настоящего. Я его привез, но Володи не было, он отсутствовал, был где-то за границей по делам семейным. И надо же случиться в это время дню рождения Леонида Филатова. Дело было молодое и веселое, и под очередной бокал шампанского я кортик этот подарил: «Леонид! Бери, дескать, и помни!» Подробностей реакции Леонида я не помню. Очень возможно, что я даже и не открыл, чей это, собственно, кортик — мой, и все. Мне казалось, что хозяин, то бишь Володя, понял бы меня и поступил бы точно так же. Ну отдал и отдал. Проходит какое-то время, приезжает Володя. Мы работаем, играем, и про кортик я давно забыл. Но, очевидно, поступил какой-то из Ленинграда сигнал, и Володя меня спросил: «Валерий, тебе из Ленинграда ничего для меня не передавали?» — «Передавали», — говорю я с небесным взглядом. «Что?» — «Передавали, — говорю, — морской офицерский кортик, очень красивый». — «И где он?» — продолжает Володя, а я начинаю волноваться, этакая унутренняя дрожь пошла, какое-то нехорошее предчувствие от его спокойного, делового выяснения местонахождения кортика. Я говорю: «Володя! Я подарил его от твоего и своего имени Леньке Филатову на день рождения, тебя не было, и я подумал...» Володя не дал мне долепетать что-то в свое оправдание, он тихо сказал: «Кортик мне верни...» У меня, слава Богу, немного было с Владимиром такого рода объяснений. Но глаз и интонация, с которой это произносилось, были такими, что возражать далее было бесполезно — мурашки пробегали по телу. Почему-то вспоминается русское присловье: «Хоть яловой телись, а сделай как велено». Конечно, я пережил позорные, стыдные мгновения и не находил себе места, но делать было нечего — кортик надо возвращать.

Поздно ночью я позвонил Леониду в дверь: «Леня, прости ради Бога, отдай кортик». — «Ну, конечно, какой может быть разговор!» Счастью моему не было конца. Без всяких объяснений, просто и легко смеясь над всеми нами, Леонид вернул мне кортик. Ведь я к тому же боялся, что он сам мог его кому-нибудь куда-нибудь отдать. Я вернул, краснея от стыда, кортик Володе, на что он сказал: «И больше так никогда не делай». Что-то во мне кипело, разное. Ну подумаешь, отдал безделушку, за что уж так меня макать мордой в собственное дерьмо! Ну, подарил бы он мой пистолет кому-нибудь, вот так, сплеча, по пьяни... Стал бы я его так унижать — верни, дескать, и никаких гвоздей... Да нет, вряд ли. Но на то он и Высоцкий — у него были свои понятия о чести, долге, взаимоотношениях дружбы и свои уроки этих понятий. Это был мне урок. И я благодарен ему, хотя какую-то лазейку для своего оправдания все равно оставляю и, не скрою,

какой-то неприятный осадок остался.

Другая история, но такого же рода и совсем чудная произошла с топором.

Был у нас такой дивертисмент — спектакль «В поисках жанра». Работали мы несколько таких представлений в Ижевске, во Дворце спорта. Конечно, главной фигурой и строкой был Высоцкий. К нему пристегивались Филатов, Золотухин, Межевич, Ю. Медведев. Делали мы огромные сборы, разумеется, под имя В. Высоцкого, которому под маркой театра-спектакля разрешалось песни свои исполнять. Концерт-спектакль вечером. А днем нас толкали по разным присутственным местам — комсомол, воинские части и пр. И вот пригласили нас в обком комсомола — встреча-прием, несколько песен от каждого, шутки, потом обед, шампанское. И подарили нам по сувенирному топору какой-то редкой, маркированной стали. Высоцкого на этой встрече не было, у него была своя личная программа, и топор, ему предназначавшийся, отдали радисту Коле. Собираемся на спектакль. Володя узнает, да ему и сказали все те же работники комсомола, что вот-де, лишились вы топора. Как это лишился, если мне предназначался? И почему-то обращается опять ко мне. Я говорю: «Твой топор взял Коля, радист». — «Пусть отдает». Я иду к Коле в оркестровую яму, к пульту. Он мне резонно возражает: «А почему я должен отдать топор? Его же не было». Я к Володе — так, дескать, и так. Володя в ответ мне: «Я не выйду на сцену, пока не вернете мне топор». Я бегом опять в яму к Коле. «Коля, он не выйдет на сцену!» Коля: «Да хоть все не выходите, что это за условия!» Я к Володе наверх: «Володя, я тебе свой отдам в гостинице». — «Мне твой не нужен, мне нужен мой». — «Да они же не подписаны!» — «Не имеет значения». Я к Коле опять — а он на этом топоре сидит. «Коля, отдай топор. Я тебе свой в гостинице отдам, честное комсомольское». С проклятиями, матерками: «Да подавитесь вы своими топорами!», а топорики были действительно очень симпатичные, Коля выдернул из-под задницы свой топор и отдал мне. Я мигом к Володе наверх. «Держи при себе, сейчас я отпою и возьму у тебя топор». Начинал он свои выступления с «Братских могил».

Где сейчас эти топор и кортик?

13 января 1996 г. Суббота. Молитва, зарядка. Храм

Снился мне сон кошмарный, что текст я на сцене забыл и со зрителем, подсказывающим мне текст, стал выяснять отношения. А текст в «Маяковском». Там Венька, Любимов... Кошмарный сон, и почему-то я осознавал — все из-за того, что в больнице лежу и таблетки глотаю. Проснулся от громкого разговора сестры около

восьми.

14 января 1996 г. Воскресенье, молитва, храм

Линка Сотникова. Внук в Чечне погиб — 21 год, метр девяносто восемь, парень такой, зять военный, в отца пошел, сложил голову.

А мне — лишь бы напечататься, там хоть трава не расти. «Для красного словца...» — это про меня.

Теперь у меня в палате две иконы — Христа Спасителя и Юрия Любимова. «Валерию! Дорогому домовому театра. 9.01.94 г.» — с его любимым, наихарактернейшим жестом — рука на лбу, дескать, что же это такое, братцы?

17 января 1996 г. Среда, мой день. Без «Павла I»

Ужасно тревожно. Захвачено судно группой Шамиля Басаева. Они вовсю развернули заложническую войну. Такое предчувствие, что мы из Чечни уйдем, и она станет не наша. А зачем она нам?! Россия из империи превращается в наш дом, дай Бог не в шалаш, а хотя бы и в шалаш!

Капитализм откладывается еще на четыре года. Явлинский против Гайдара. Он с коммунистами. Мне он почему-то никогда не был симпатичен. Но это из-за Гайдара, который как раз всегда мне был симпатичен и, я уверен, через 4 года будет президентом. «Воззреет общество или погибнет Россия...» Да не погибнет, не хороните...

У меня сорвалась процедура — сауна с бассейном, но зато я позвонил Хейфецу, и поговорили мы с ним хорошо. Мы, оказывается, в одном письме — «письме ста» к президенту в «Известиях»: «Прекратить Чечню!»

30 января 1996 г. Вторник.

Боже! Боже! Сегодня в нью-йоркской Академии похоронен Иосиф Бродский, который умер 28 января, и тоже шла «Медея». И тоже звучали его стихи. Сегодня в фойе висит афишка, что спектакль посвящен светлой памяти Иосифа Бродского. На 56-м году ушел во сне в мир грез великий поэт. На тумбочке в больнице, как только я поселился туда, стоит его книжечка-портрет. Его стихотворение «Одиссей Телемаку» помогало мне выводить в Греции эту главу, обретшую название «Божий дар», и много, много другого.

Но одна из первых мыслей просверкнувших — дошла ли до него моя записка, переданная с Аллой, где я просил на другой книжечке его стихов поставить свой автограф. Дошла ли?! Все это время он плохо себя чувствовал и вряд ли принимал кого! Ну,

вот... Филатов получил звание народного артиста России, слава Богу. «Не знаю, зачем это ему», — прокомментировал сообщивший мне это Глаголин.

2 февраля 1996 г. Пятница. Раннее утро. Молитва

Снимался в рекламном ролике о театре и читал в журнале «Дипломат» рецензию на «Медею», где говорится о том, что это самое значительное событие в театральном сезоне прошлого года и радостное свидетельство того, что всемирно известный Театр на Таганке полностью восстановил форму после обрушившихся на него ударов судьбы.

3 февраля 1996 г. Суббота. Молитва, зарядка, кофе

В ответ на байку о шубе Михалкова и «Гамлете» — трагедии Андрей Вознесенский подарил мне чудесную миниатюру о трех поэтах: Евтушенко, С. Михалкове и себе самом.

«Мы были в Болгарии на каком-то форуме и жили в одной гостинице на разных этажах — Евтушенко на 9-м, Михалков на 12-м, а я на 14-м. Как раз проходил конкурс на текст гимна Советского Союза!.. „Правда“ объявила результат — победил Михалков. И так случилось, мы ехали в одном лифте, поднимались. Евтушенко говорит Михалкову (по-видимому, он был очень расстроен, что не его текст прошел в гимн): „Ну, скажите честно, С. В., ведь текст ваш говно...“ Михалков и бровью не повел на это хамство. Тут дверь на 9-м этаже открылась, и Евтушенко надо выходить. Он выходит, а Михалков тут же, ни секунды не задумываясь, спокойно отвечает ему выходящему: „Иди. У-у-чи текст“. Я обхохотался».

5 февраля 1996 г. Понедельник. Молитва, кофе, палата «Десятка»

Вечер. День позорный, постыдный, в сплошных волнениях, да еще разборка с Кирющенко — потеряли единственного талантливого режиссера. Уйдет он с потрохами в тот клан, к Губенко. Да, может, и правильно, он там себя и определит, они его любят, находят деньги ему.

20 февраля 1996 г. Вторник. Академическая

Сейчас надо будет ехать на съемку и что-то сказать о Мише Евдокимове. Мне хочется о нем сказать. За 15 лет мы с ним ни разу не встретились лично. Где-то за кулисами он был, я его чувствовал, но на глаза он не показался, я наблюдал его и слушал из-за кулис. Он сам пробил себе дорогу, сделал имя и репертуар и вышел в лидеры мастеров жанра, которым он занимается.

— Вы еще обо мне услышите, — сказал он мне как-то обиженно.

И я услышал, стороной, говорили, что он ловко подражает, пародирует меня в «Бумбараше» и т. д.

21 февраля 1996 г. Молитва, зарядка. Завтрак

Ново-Грозненский. Убито боевиков, по сообщениям нашего представительства, — 170 из 1500, а Дудаев утверждает, что там боевиков было вообще не более сотни. Чудовищная арифметическая путаница, и арифметическая ли? Любопытно было бы заглянуть в дневники российских патриотов, особенно тех, у которых есть сыновья призывного возраста. «Война до конца, до победы!» И ту же сермяжную рать прохвосты и дармоеды сгоняли на фронт умирать.

Не пора ли признать наше российское поражение в Чечне — поражение политиков, военных, армии — уйти и начать разговаривать другим языком? Я подписал вместе с другими деятелями «письмо ста», но реакция нулевая. Другого и ждать было нельзя. Но... где-то «письмо ста» разбудит, вызовет «письмо тысячи» и т. д.

3 марта 1996 г. Воскресенье. Театр, «Медея»

Сюрпризят мне мои сынки. Денис поменял юрисдикцию — теперь он под зарубежниками. Монархическая логика привела его к этому решению. На что и как они с о. Константином жить собираются? Для всей нашей церкви они — враги, еретики. Все зарубежники работают на мирских работах, хлеб зарабатывают, но ходят с гордо поднятой головой.

Сережа продал свою установку за 300 долларов, 100 долларов отдал матери. Вот и отбарабанил мой мальчик.

Умер Б. А. Можаев. Завтра прилетает Любимов.

В 6.00 похороны Можаева. Отпевание, встреча в храме с Солженицыным, Любимовым. ЦДЛ.

16 марта 1996 г. Суббота. Кухня, кофе

Я только что прочитал более-менее внимательно этот «Собеседник» и не отказываюсь от своих слов в интервью. С какой стороны ни глянуть, оно давалось под тем же девизом — «расстегнуться на все пуговицы». И я расстегнулся, это психологическая подготовка к апрелю. Я расстегнулся, попробуйте вы. Но текст, по-моему, глазами дамы прочитан не был.

Надо начинать новую жизнь. Надо восстановить цель событий, цель жизни. Гастроли в Израиле полетели из-за

Хельсинки, куда мы, кажется, поедем с «Живаго», а там Турция, Болгария, Югославия... Лично для меня это неинтересно. Из-за этого срывается кино, откуда я не так много получаю приглашений.

19 марта 1996 г. Вторник. Утро. Молитва

Снились Филатов, Шацкая, Тамара на каком-то сабантуе... И пришла, конечно, Ирбис, и всех я прятал друг от друга и бегал ото всех... Филатов снился таким, каким предстал он мне из рассказа В. Черняева в самолете... Слабый, еле стоящий ковыль на ветру, вьюн... Я боялся поддерживать его. Кошмар...

Когда я шел вчера к дому из сберкассы, где узнавал реквизиты, я понял, что Тамара в 1978 г. меня спасла. Наш роман пришелся кстати, оказался угодным Богу, и Сережа был зачат — они меня, как гнилую пробку из бутылки прокисшего вина выдернули штопором, выбили об каблук, иначе были бы натуральные дребезги. Она меня спасла, прости Господи, от Шацкой, о которой все говорят, как о черной силе. Кроме Дениса, который о ней говорит с таким пиететом. «Если бы она была ближе к Богу, она была бы святой! Что она делает, как ухаживает, ночи не спит... Гараж поднимает — я его с трудом поднять могу!.. Что она терпит, как выносит... Она — мученица, великая мученица». Вот как говорит о ней сын.

Нетронутая чашка чая и останется в памяти — больше я в этот дом не приходил никогда. Это хорошая точка. Но она опять художественная, зрительная, визуальная — так и стоит перед моими глазами.

— Я дал зарок не видеть вас больше никогда, а если я вас увижу в зале, я уйду со сцены.

В «Известиях» интервью с Губенко. Любимов подначивает, давит подавать в суд. Его Губенко замазывает в сотрудничестве с органами НКВД, где он подвизался в качестве конферансье. Запредельное излияние. Оказывается, деятели культуры, 40-50 человек, ангажированы властью (Быков, Михалков, Захаров и др.), куплены и боятся расстрелов.

О. Дионисий попросил землю у Десны отдать ему под часовню. Отдал. Пусть на земле этой поднимется маленький храм во имя Господа нашего Иисуса Христа. Во что переплавятся все эти безумные дни моих страстей? Я никогда не писал в дневник такую беззастенчивую правду, такие опасные сведения, никогда я не представал даже перед собой в такой наготе, в таком интимном, сексуальном безумии, когда мне совершенно наплевать, что это будет прочитано невзначай или нарочно кем-то.

Мне надо написать о Можаеве. Это мой долг, это моя

обязанность. Но я не умею так быстро и легко что-то накатать в духе Белинского — Кузнецова Феликса. «Умер Можаев», — сообщил мне Б. Глаголин, замолчал и повесил трубку. Говорить не мог. Что, когда, почему, отчего — какая разница и к чему эти все вопросы теперь. Умер Можаев — и с этим надо жить. С ним прошла вся моя жизнь, лучшие годы творчества, молодости, дерзаний, мечтаний, надежд. Мне было легче жить, я знал — где-то есть Можаев, можно позвонить, разыскать... Он помогал мне жить, играть, сниматься в кино, писать рассказы, повести, помогал петь... не в прямом смысле, а как ориентир русской силы, творческого могущества, душевной крепости и духовной обороны.

Он был добрым и красивым человеком, лукавым и обаятельнейшим кавалером, наши актрисы были поголовно влюблены в него. Я вспомню, запишу... Один день с Борисом Андреевичем.

При подготовке спектакля мы решили совершить поездку в колхозы, в колхоз... пообщаться с народом, с колхозниками разного уровня, от председателя до нищей старухи. И собрать звуки — ржание лошадей, скрип колес, чириканье воробьев, карканье ворон, стук молота в кузнице, мычание телят-коров — звуки, симфонию звуковых сигналов, ориентиры. А также реквизит — колеса, ухваты, чугуны, хомуты непригодные, оглобли, коромысла, дуги, подковы — словом, утварь крестьянскую, натуральную... косы, сено, солому, мешки, посуду, чашки, плошки, ложки, поварешки. Запастись впечатлениями, дополнить опыт народной жизни.

«Кузькин» — шедевр русской литературы. Что бы потом ни писал Б. А., он оставался и останется как автор «Живого». Редкая удача даже и для великого писателя. И мне выпало счастье быть первым Кузькиным на русской сцене. Как же мне не плакать по этой утрате, по этому человеку, как будто специально для меня создавшему это гениальное произведение и подсунувшему его Любимову, который скроил из этого материала равновеликий спектакль?! 18 февраля 1968 г. мы поехали обретать опыт крестьянской жизни и хомуты и косы для спектакля «Живой».

1 апреля 1996 г. Понедельник. Молитва, зарядка

Денис просит отдать ему деснинскую землю под штаб-часовню зарубежной церкви. По-моему, он заблуждается — далеко все-таки, и как они зимой туда добираться станут? А крест поставить и освятить можно хоть завтра.

20 апреля 1996 г. Суббота. Молитва

Театральные дела идут стороной. Прогон 18-го мне не

понравился. Я старался в себе это давно подавить, не признаваться себе ни вслух, ни в полном бреду, что у него, Любимова, появилось что-то такое ненавистное к России внутри, в душе, в мыслях, а главное в сердце, что ничего нельзя с собой поделать, скрыть — и это вылезает в каждой возможной на эту тему реплике, мизансцене, интерпретации. Ужас. А сколько безвкусицы, пошлости и небрежности! И уже он меня возненавидел за некоторые мои замечания.

Теперь я думаю: зря отменил «Снегину». Я бы справился. А теперь мне придется вечером хлебать еще и эти унижения.

Излияния. Все мои отношения, чувства, слова, мысли, оказывается, — все это «излияния для литературы, не более того». Ну и подразумевается, для какой-де литературы. Я из этого извлеку, конечно, литературу. Мы и главу одну так назовем — ИЗЛИЯНИЯ.

21 апреля 1996 г. Воскресенье — отдай Богу

Кажется, все-таки набирается компания в Израиль — Н. Высоцкий, Золотухин, Смехов.

24 апреля 1996 г. Среда, мой день. Молитва

Сувенир из Израиля — земля.

25 апреля 1996 г. Четверг. Тель-Авив

С прилетом на Святую землю, Валерка! Ты приехал, чтобы отключиться от проблем Москвы, а загружаешь ими сразу и бесповоротно. Живи проблемами Израиля.

А между тем в Чечне убит Дудаев. Чем это обернется?! Господи!

Во всем мне видится перст судьбы. Звоню Л. А. Самойловой от Скоробогатова, предлагает «Кармен» Блока. Есенин — Золотухин, понятно, было банально. Блок — Золотухин не было. Соглашаюсь. Открываю Блока, «Кармен», посвящение в эпиграфе Л. А. Д. Ну, что это? Читаю — и опять все про нас. В соседнем номере зашумела вода. Там живет Никита Высоцкий. Любопытная у нас компания получилась. Предатель Фарада, как говорят... а кого он, собственно, предал? Даню? Так плати больше. Впрочем, евреи сами разберутся.

26 апреля 1996 г. Пятница, молитва, зарядка

Ну, что? Мой первый блин — не комом. Хотя по первой части есть претензии к не очень внятной болтовне Веньки, неточное, не очень вразумительное вступление и объяснение, почему именно такая компания, почему без Фарады.

Много о прошлом «Таганки» — и ничего о сегодняшней. Потом я догадался, что он о нынешней не знает ни хрена, ведь он из театра давно ушел. Но для здешних евреев он человек конгениальный, он — сосуд, связующий времена, народы, личности, детей, материки... У него феноменальная память и феноменальная коммуникабельность.

Конечно, Никита, его похожесть на отца и лицом, и голосом вызывает у людей определенный круг ассоциаций, положительный, по-моему, и это окрашивает наше все пребывание на сцене мощным излучением присутствия Высоцкого Владимира. Что-то в этом есть мистическое, это не очень объяснишь словами, но о чем речь — понятно. Кто-то скажет: спекуляция, и опять у гроба, но это не так. Он сам по себе, Никита, личность не мелкая, и по росту, и по воззрениям.

За вчерашний день выучил я первый стих из цикла «Кармен». И дал себе слово: каждый день по стиху, а их 10. Будем стараться и надеяться — «не пропадет ваш скорбный труд...». Большую часть текста я выучу, хотя бы вчерне.

28 апреля 1996 г. Понедельник. Молитва, зарядка

Смехов подробно рассказывал о встрече с Барышниковым. Он видел его в танце, он с ним говорил. Барышников ему звонил и прислал стихи Бродского чеховского цикла. Как я Веньке завидую, глухо, сдержанно, но до слез. У Веньки всегда все складывается в новеллу, в формулу встреч, миниатюр. Вот когда-то Барышников обратился к нему с просьбой провести его на «Гамлета»: «Я буду танцевать Клавдия, мне надо посмотреть». Теперь, много лет спустя, Венька просит Барышникова пропустить на его концерт... При этом Барышников постоянно, всемоментно говорит:

— Иосиф сказал, что Рильке нужно читать в подлиннике.

— И ты выучил немецкий?..

— Но Иосиф же сказал...

Потрясающе.

«Я черпаю мудрость из его бестолковой жизни», — сказал Венька про меня. То, что жизнь моя бестолковая, — нет сомнения. И какую мудрость из нее почерпнуть можно — одному Веньке ведомо, но он для словца, для словоблудия трясет... Где правда, где ложь?.. Я жду рецензию на свою прозу, а он или не понимает моей просьбы, или боится написать нечто, что может быть потом использовано мной в чью-нибудь пользу. Осторожней Венька стал, понимает, с кем дело имеет.

1 мая 1996 г. Среда, мой день. Молитва, зарядка

Вчера был Иерусалим. У Стены плача, у Гроба Господня побывали мы с Никитой, оставив Вениамина у друга Яши. Я

вспомнил Старый город, арабские ряды... Мы встретили туристов из С.-Петербурга, учителей, бывших пионервожатых и комсомолок. Они удивлялись себе и хихикали — дескать, покупают крестики, освящают их, в «те времена» выгнали бы давно из партии и отовсюду... Хотел им сказать: благодарите Ельцина и демократов и голосуйте за них... Да чего агитировать этих старых комсомольских бл...?!

Концерт прошел хорошо, хотя, мне кажется, уровня второго концерта по энергетике и слаженности мы уже не достигаем. Много болтовни — Венька, а теперь уже и Никита много говорят, это тормозит. Хотя, учитывая интерес и любопытство публики к облику, образу Никиты, за счет него нам, думаю, многое прощается, не замечается. Страшно много зрительского внимания тратится на рассмотрение (рассматривание), расшифровку этого генетического явления. К тому же в зале вчера сидела бабушка его Нина Максимовна.

Ей 84 года, и она каждый год (а быть может, второй всего) летает сюда. «Это мой курорт», — сказала она вчера. Ну что можно сказать об этой породе? Остается позавидовать — она была в хорошем настроении. Я не выходил к ней, чего-то боялся, но Никита меня позвал: «Там бабушка вас ждет!»

Ночью к Никите пришел Маленький Бабай — Мишка Ефремов. Стучался сначала ко мне, но я голосу не подал. Хохотали, шумели, потом куда-то ушли. Я слышал только поминутное обращение к Никите — Бабай. У них Большой Бабай и Бабай Маленький — детки знаменитых родителей. Теперь Никита, кажется, отсыпается.

Прекрасное (удивление и восхищение Никитой) интервью с ним — просто умница и достойнейшее своего отца произведение человеческое.

3 мая 1996 г. Пятница. Молитва, зарядка

Никита в 6 утра ворвался ко мне с Маленьким Бабаем М. Ефремовым и его женой Евгенией, которая тут же сказала:

— В. С., как вы можете спать в такой духоте? У вас же есть кондиционер...

Я стал спешно открывать жалюзи, окно... Мишка размахивал бутылкой, спрашивал штопор. Но вскоре Никита, представив меня как народного из народных, извинился, и они ретировались.

Таня Шрайман, журналистка, брала интервью. Дал я ей журнал «Юность». Она много спрашивала об Эфросе и Губенко, Филатове и Любимове. Подарил «дневники» о Высоцком.

6 мая 1996 г. Понедельник. Молитва, зарядка

Родители Смехова — 84-летний отец и 78-летняя мама — с 1990 г. живут в Ахене, в Германии, с дочерью Галкой. С 1990 года! Я ведь не знал. Конечно, вся ориентация Смехова была на эмиграцию, и была давно. Но теперь он об этом не думает, кажется. У Галки-Глаши лекции в Америке, у него там же какая-то постановка. Потом опера в Германии и т. д.

Наши концерты имеют успех. Говорят, такого давно не видали — ни Жванецкий, ни Хазанов, не говоря о других гастролерах, так не радовали, таким разнообразием, глубиной, красотой!! Алексин: «Ничего подобного я в Израиле не видел!»

Я выполняю наказ жены — пишу роман о любви. Но, поскольку бедна моя фантазия, перипетии романа я претворяю прежде в жизни. Паразитирую на любимых, но заказ во что бы то ни стало выполнить хочу, пусть ценою жизни. Что я горожу?

15 мая 1996 г. Молитва, зарядка

Исторический день — я выезжаю на первый съемочный день «Не валяй дурака, Америка!».

На репетиции «Годунова» с Колпаковой шеф, глядя на мои кувырки и фортели пластические, спросил:

— Сколько тебе лет, Валерий?

— Пятьдесят пять.

— Молодец...

— На кого равняемся! У меня в запасе еще семь лет.

— В каком смысле?.. Почему?

— А в смысле родить наследника. Вы в 62 года...

— Да-да...

И шеф воспрянул, раздухарился. Стал Насте под Светкину видеокамеру пластику оттягивающую, танцующую с носка показывать.

— Здорово! Такое впечатление, Ю. П., что вы заряжаетесь еще на одного наследника.

8 июня 1996 г. Суббота. 21 час

Я в Переславле, в номере 415, после, по-моему, достаточно удачной съемки.

Я начал новый дневник — это значит, я начал новую страницу своей жизни. Предыдущие два я закопаю на 21-м км по возвращении отсюда. Но, к моему удивлению и несчастью, может быть, 21-й км больше не существует, т. е. он существует, конечно, но нет столба, а на том месте под деревом все разровняли и что-то построили, так что, если закапывать, надо отходить перпендикулярно метров на десять.

А потом, глядишь, то место зальют бетоном и похоронят мою

страшную хронику навеки. Нет, так дело не пойдет. Я не могу с ними расстаться просто так, они должны быть где-то рядом со мной. Что-нибудь придумаем.

Главное — в Турции я прошел по лезвию ножа, и шеф в присутствии дорогого свидетеля сказал в антракте:

— Молодец Валерий!.. Скромно, деликатно и, я бы даже сказал, благородно. А от меня этого дождаться... ты знаешь.

Я был счастлив.

12 июня 1996 г. Среда, мой день. День независимости

Манышева:

— Любимова я таким никогда не видела. Он был пьяный все время, он не просыхал. Как на границе встретил нас Иванов-Таганский с водкой «Таганка» — с этой бутылки все и началось, по-моему...

16 июня 1996 г. Воскресенье. Молитва, зарядка, душ

Вечер. Что-то тревожно по вопросу голосования — не идут россияне голосовать. Значит, Ельцин теряет голоса.

17 июня 1996 г. Понедельник. Переславль, № 415. 21.00

Сняли сегодня мало, негра прождали, которого Райкин К. не отпускал. Потом пошел дождь. Кравченко мне долго объясняла, как нехорошо старикам брать в жены молодых. Этот разговор случился, когда я нечаянно узнал, что Гафт-то не случайно приезжал — он муж Оли Остроумовой, они, оказывается, расписались, но вышеупомянутая тема к Табакову относилась. «Ну, выйти с ним в свет... Но вот представь: он был бы не Табаков, а простой мужик — пошла бы она за него?» А вот этого представлять не надо. В том-то и дело, что он Табаков, и «что можно Юпитеру, нельзя быку».

Как могли из машины вытащить мою педерастку? Книги и 500 долларов взяли, а права и техпаспорт подбросили. Владимир Гаврилыч — охранник банка позвонил: «Нечисто что-то... нашел во дворе, в грязи...» Но, слава Богу, документы целы.

4 июля 1996 г. Четверг. Молитва, зарядка, душ

Ельцин победил, вместе с ним — все мы. Теперь был бы здоров — и вперед.

Затишье закончилось, ожидание катастрофы, прихода Губенко с коммунистами к власти исчезло. Теперь надо сесть и думать, что делать, как помочь Б. Истоку построить церковь, где дополнительно за эти два месяца деньги заработать, как разрубить роман.

6 июля 1996 г. Суббота. Молитва, зарядка

Маски. Я достал сегодня свою и Иннокентия М. Моя — скукоженное, искривленное пьянью лицо, с перекошенной от недостачи зубов челюстью, — ужас, гримаса от прикосновения холодного гипса. У Смоктуновского — ровное, чистое, благородство линий и выражения. Тоска. Посмотрел я на маски и спрятал взад.

22 июля 1996 г. Понедельник. Молитва

В «зеленую тетрадь»

«Правительственная.
Народному артисту России
В. Золотухину.

Уважаемый Валерий Сергеевич!

Сердечно поздравляю Вас с пятидесятипятилетием. Это возраст вполне зрелого человека, способного сыграть и, я в этом твердо уверен, еще сыграющего немало новых прекрасных ролей. Ваш талант многогранен и выразителен, он близок и понятен простому человеку, а в этом и заключается гениальность актера. Желаю Вам, Вашим родным и близким здоровья, новых запоминающихся ролей и всяческих успехов во всех ваших начинаниях.

Геннадий Зюганов».

27 июля 1996 г. Суббота. Молитва, зарядка

Петренко — великий артист, а его Фарлаф на дне рождения В. Высоцкого унес меня на грань зависти.

29 июля 1996 г. Понедельник. Молитва, зарядка

Вот вчера неожиданно всплыл Розов. Он приехал с отдыха из Венгрии специально для того, чтобы в С.-Петербурге подписать договор, в том числе и о моей программе, и готов сразу дать мне режиссера, чтоб начал я кого-нибудь — «Россия в лицах», авторский канал — снимать. И я опять испугался — а если это, к примеру, Харченко, великий хирург?

«Мой Можаев» напечатан в журнале «Россия». Материал всем очень нравится, в том числе, как сказали, и жене Солженицына.

А секретарша Чубайса холодно со мной говорила, и только месяца через полтора сможет меня Толька принять.

13 августа 1996 г. Вторник. Молитва, зарядка. Клиника Харченко, № 936

Дозвонился мне «Мосфильм», Костя Шмелев. Завтра должна состояться у меня запись песни к «Куклам» на мотив «Счастье вдруг в тишине...».

Лунева на хвосте принесла, что Филатов в «Собеседнике» дал интервью, где весьма неприлично опять прошелся по золотухинской персоне. Опять — «мой сын-священник», «моя внучка»... Что же ты делаешь, Леня?! Правда, это дерьмо мне на руку и тем более оправдывает мое решение напечатать то, что напечатал в «Юности».

27 августа 1996 г. Вторник. Молитва, зарядка

Звонила из Кёльна Альвина. У Смехова умерла мать в Ахене.

5 сентября 1936 г. Четверг. Молитва, зарядка. № 936

Значит, так. Худшее, что можно было предположить и мною предугадывалось, отчего я не давал покоя Никите, звонил Демидовой — случилось. Америка накрылась! Это ужасно... Кроме того, что рухнули мои финансовые расчеты — мыслил я себя уже на другой машине, а также начать строительство дома на Десне, сменить прикид — одежду, обувь, — рухнули какие-то морально-нравственные точки независимости. И пописать я хотел... Что касается Америки — сильные подозрения, что мне ее поломал Любимов. Шульман опрометчиво начал переговоры с шефом, а тот заявил ему: «Да никуда Золотухин не поедет, хватит, только что был в Израиле...» Я же не могу предположить, что Любимов (?!) договорился вдруг о гастролях Любимов — Золотухин вдвоем, когда расчет Шульмана был на Никиту Высоцкого. Но Любимов приезжает на месяц! Дальше куда? И теперь этот месяц октябрь надо срочно загрузить какими-то поездками, надо заработать на зиму — вот ведь беда. Халатность моя летняя в некотором роде объяснялась перспективой Америки!

И НЕТ КОМПЕНСАЦИИ ЗА СТОЛОМ!

6 сентября 1996 г. Пятница. Молитва, зарядка. № 936

С каждым днем все больнее, все стыднее, все невыносимее открывать дневник и делать какие-то записи, потому что жизнь у меня ужасная, позорная, крысиная, тараканья, испуганная и безнравственная до предела. Что меня удерживает не шагнуть с подоконника от позора, в который ввергла меня Ирбис, от которой у меня нет сил избавиться?! Я сутки в ссоре прожить не могу.

10 сентября 1996 г. Вторник. Молитва, зарядка. № 936

Я думаю о том, как неприятно встречаться мне будет с Любимовым после вчерашнего долгого разговора с Шульманом о причине провала американских гастролей. Я был прав в своих заключениях. Конечно, Шульман — м..., но откуда ему было знать коварство Любимова, его абсолютное наплевательство к интересам своих актеров? «С Демидовой я никуда не поеду и не выйду вместе с ней ни на какую встречу...»

13 сентября 1996 г. Пятница. Без молитвы, без зарядки

Вспоминал я, перебирая катаклизмы, путч, расстрел Белого дома, штурм Останкина... Она сказала:

— Благодари Бога, что у тебя все это время была любовь.

— Да, у меня были любовь и Павел I.

А вчера был гениальный «Дом». Я часто ловил себя на том, что благодарю Бога, что даровал мне эту профессию, которой с помощью моего гениального шефа я изрядно владею. А он весь спектакль просидел со своим фонариком. Когда я покидал зал, он крепко сжал мне локоть. Кстати, перед началом он пожал мне руку. Я засмеялся: «Первой скрипке?» Короче, я владел собой, несмотря на его присутствие, и игру вел, и игра шла. Прием был потрясающий, а Таня Жмакова кричала «браво!» и целовала мне принародно руки. А администратор Сорокина Н. К. после спектакля долго не могла в себя прийти, а потом выразилась: «Я теперь понимаю, кому пришла удачная мысль взять вас на Моцарта. Я долго не понимала, в чем дело. И только сегодня поняла: вы — гармоничный человек. Вы — выше пьесы, выше вашего театра».

30 сентября 1996 г. Понедельник. Молитва, бегом

Гуляли по лесу, и в конце концов Надежда предложила: «А почему вам не вступить в Союз российских писателей?.. Во-

первых, получите билет и право работать и отдыхать в Доме творчества. Во-вторых, заявление на сторожку и пр.». И написал я опять заявление в союз.

11 октября 1996 г. Молитва, зарядка. Турботрон. № 936

Прилетел вчера из Польши шеф и сегодня всех собирает опять на «Карамазовых», но мне задержаться-удержаться необходимо три дня, до понедельника. А там — Покров Пресвятой Богородицы и новая жизнь с театром.

18 октября 1996 г. Пятница. Молитва

Ну, вот. Отправляюсь на казнь. Господи, спаси и сохрани! Хочется сказать Любимову: «Вы, очевидно, плохо знаете мою партию в „Живаго“, коль заставляете меня играть. Однажды Эфрос сказал: „Мне плевать на твой голос!“ — и я сделал выводы. Вам плевать тоже. Впрочем, плевать всем, кроме Всевышнего. Он спасет меня молитвою моею».

19 октября 1996 г. Суббота. Молитва, зарядка

Наконец-то лицейская годовщина. У Сережи в дневнике: «Если бы Ньютон, когда ему упало на голову яблоко, сказал: „Это меня Бог наказал“ — он бы ничего не открыл». Моя мысль. Да, Ньютон сказал другое — и открыл.

Какая это любопытная вещь — память!

А моя мысль состоит в сожалении о том, что к 17-летию сына, зайдя в художественный салон, мы проспорили, поругались и не купили Сергею рамку под иконостас, где были бы бабушки-прабабушки, дедушки-прадедушки и прочие близкие родственники, начиная с Лермонтова и кончая Байроном.

Да! Есть горькая правда земли, Подсмотрел я ребяческим оком — Лижут в очередь кобели Истекающую суку соком.

По пути в Черноголовку наблюдал я другую, но похожую по безобразной трагедии картину. Глазам бы не поверил своим, да подруга объяснила: «Некрофилия». На обочине лежала мертвая большая и красивая овчарка. Ее трахал судорожно какой-то затруханный, маленький, замызганный кобелишка, коего, будь она жива, на выстрел бы не подпустила, вернее, его другие кобели не подпустили и лизнуть ее, и он дождался очереди, когда она стала мертва, сшибленная на дороге неосторожным водилой.

А за Лебедя начинают раздаваться голоса, и, я думаю, Куликову таки несдобровать, но Черномырдин силен. Это он еще месяц назад подготовил проект указа об отставке Лебедя. Ну, дружки, ну, генерала подставили!

21 октября 1996 г. Понедельник. Молитва, зарядка. На съезде СТД

Отчитывается Ульянов. Почему он не назвал Любимова, а Гончарова назвал? Эфрос был помянут, а Любимов не назван, хотя бы из дружбы по Театру Вахтангова.

22 октября 1996 г. Вторник. Молитва, зарядка. Кухня

Звонил в Курскую аномалию — не изменил ли приход Руцкого наши планы? Нет, приход Руцкого... может быть, и не изменит общую ситуацию к лучшему, но, во всяком случае, встряхнет. Так что в четверг надо выезжать.

7 ноября 1996 г. Четверг. Молитва и хорошая зарядка. Академическая, на кухне

А ведь когда-то этот день был праздник, да и сегодня, я думаю, «коммуняки» и всякая краснота будут митинговать, гулять и не давать проехать по нужным маршрутам.

10 ноября 1996 г. Воскресенье. Молитва, зарядка. Киев, пансионат «Джерело» («Источник»), № 51

«Ю. П. — гений, но он гений-шестидесятник. Он шел тогда впереди времени, а сейчас он идет в ногу с ним, а это никому не нужно».

Любимов не шибко ласков со мной. Конечно, ему не нравится, что я не на глазах, что меня нельзя по поводу или без повода зацепить репликой, разговорами, увлечь болтовней. Не нравятся ему мои самостоятельность и отдельность. Но я давно не лезу и не ищу общения.

Как эта речка называлась в Б. Истоке, я уже не вспомню сейчас... Петровушка — вот! Мы поехали вечерней зарею купаться. Братья Золотухины, Извеков и моя красавица, жемчужинка привезенная, гордость моя, хвастовство мое, запредельную вызывающая зависть бюстом, лицом, ногами и прочим. Зависть даже у осоки-травы, телят, луны и железного автомобиля. Я поплыл сорвать для нее лилию-кувшинку. «Сорви мне лилию... принеси...» Почему-то они белели у другого берега. Я нырнул, поплыл в восторге счастья исполнить ее желание перед братьями старшими, перед знакомыми кочками и коровами. Каково же было мне, когда белеющий цветок оказался куском поролона. Сначала было смешно.

Кем она была в их глазах, в их понятиях — женой будущей или «ППЖ»? Четыре последних года она имитировала любовь. Хорошую имитацию, хорошую игру я принимал за верную любовь, за настоящее чувство, за судьбу даже... А это была всего

лишь синтетика, химия-алхимия связи, любви, привычки, расчета и пр. — поролон.

«И кто-то камень положил...»

15 ноября 1996 г. Пятница. Поезд № 42. Молитва, кофе

«Невские ведомости». Гнусная рецензия о «Высоцком». «15 лет „Таганка“ зарабатывает деньги на Высоцком... да еще на полчаса задержали спектакль» — общий смысл. С одной стороны, конечно, вранье по заказу (что там можно заработать?), удобное клише для негатива. Расхожая формула — все зарабатывают, кому не лень, и «Таганка» не исключение, а пример тому. К тому же недавно Табаков проехался в Киеве по Любимову: «Настало время свободы, говори что хочешь, делай что умеешь, а сказать-то, оказалось, нечего...» Дескать, в любимовском театре и было-то — политика и кукиш в кармане, а на поверку — искусства-то и не оказалось. Это тоже удобная кочка, с которой можно палить в старого льва, который при нынешней власти, демократии и свободе не может своим искусством заинтересовать публику.

Однако высказывания К. Медведевой: «Зачем эти пожилые люди вышли на сцену?» — и статейка по результату и сути смыкаются. Только слишком коротка память — а давно ли вообще разрешили публично слушать и тем более исполнять Высоцкого? Но тут опять же как бы политика. И вспоминал, думал об этом не раз: а ведь на спектакль не было ни одной рецензии в Москве, никакой, ни положительной, ни другой. При Губенко по моей просьбе написала и напечатала в «Литературной России» Н. Кондакова. Все!! Почему? Многие считают это действо радиопанихидой, радиоспектаклем.

24 ноября 1996 г. Воскресенье — отдай Богу. Молитва, зарядка

Егор Тимурович Гайдар, сын Тимура Аркадьевича Гайдара, считает «Бумбараша» лучшим фильмом по произведениям своего деда, Аркадия Петровича Гайдара. Так он мне сказал, и я с ним согласился. В этом году исполнилось 25 лет, как «Бумбараш» предстал глазам зрителей. За это время сменились поколения, сменялись политики, главы, наконец, сменилась фактически и сама власть, но народ остался. Многие произведения литературы в кино пожухли, потускнели и даже исчезли. А «Бумбараш» остался любимым всеми поколениями и властями. Чудо. А в чем секрет чуда — пусть разбираются другие.

17 декабря 1996 г. Вторник. Мое число, охо-хо...

«Секс мне необходим каждый день, иначе у меня очень голова

болит». Джон Кеннеди.

Фильму «Бумбараш» четверть века стукнуло. Пережил он многие хваленые и награжденные ленты. И по этому поводу вспомнился мне замечательный мастер своего дела пиротехник Микола, фамилию, прости Господи, не помню. И ты прости меня, Микола, тебя уж, поди, давно и в живых нет, так что царство тебе небесное. Профессию свою сапера-взрывателя-миноискателя Микола не только знал, но самозабвенно любил ее и дня прожить не мог, чтобы что-нибудь не «подвзорвать», как он выражался. Режиссера фильма удивительного Колю Рашеева Микола замучивал просьбами и предложениями в каждом кадре пальнуть, взорвать, поджечь, грохнуть, а в «Бумбараше», как известно, взрывов на кинометр изображения полно. И, если не давал ему режиссер, не соглашался на буйные предложения рвануть ни с того ни с сего, Микола не унимался — грохот был ему необходим ежедневный, как Казанове дама. Он уходил в поле, в лес, на окраину, и мы слышали, как страсть свою он удовлетворял-таки несусветным фейерверком-салютом.

18 декабря 1996 г. Среда, мой день. Молитва, зарядка

Вчера показал Антипову кусочек опубликованного текста — тот, где он с ходу заменил Высоцкого в «Живом». Он прочитал, по-доброму усмехнулся:

— А я ведь не видел, как репетировал Володя. Как раз в тот день, когда он упал, я был в зале, и шеф сказал: «Возьмите текст и идите на сцену».

«Когда разведенный женится на разведенной, в кровати оказываются четверо».

Не было вчера Любимова на спектакле, а я хотел с ним о «Чонкине» завести разговор. Подарю ему «ЛО», придумаю какую-нибудь историческую надпись. И Петьке «Дневники» подарю, чтоб прочитал.

В «зеленую тетрадь»

БУМБАРАШ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ, А Я В БОЛОТЕ

С Бумбарашем этим, с дорогим моему сердцу образом, нахлебался не на шутку я в прямом смысле, и в переносном тоже. Много на съемках было забавных и грустных, даже печальных и все-таки счастливых дней. Вы помните, конечно, как Бумбараш на нелепом паровозике-»кукушке», обвешанном солдатней-матросней и бабами, самоварами, утюгами и фикусами, мчится в свое светлое будущее и поет во все горло: «Наплевать, наплевать, надоело воевать!..» А мчался паровозик по узкоколейке, проложенной по той самой насыпи, на которой погиб мой автор

Аркадий Петрович Гайдар, под которой он нашел приют. Первая могила Гайдара, товарищи похоронили его тут же. Вы представляете себе, друзья, мое состояние: мчится паровозик к могиле создателя моего Бумбарашки, и пою я: «Слава тебе, Господи, настрелялся досыта...» И вот он уже рядом, близко могильный столб, и машинист дает мощный печальный гудок, напоминая всей округе, что жив Бумбарашка, а значит — автор жив... А у артиста в горле комок, слезы в глазах, петь невозможно... Но, благо, пою под фонограмму. И снова «кукушка» назад, на исходную отправляется — на второй, третий, седьмой дубли. И снова гудок, и снова комок и благодарение автору. Чудные-чудесные песни к фильму написали поэт Юлий Ким и композитор Владимир Дашкевич. Они определили всю стилистику фильма и подсказали мне интонацию, добрую и печальную, на весь образ-житие Бумбараша, а значит, и на мое собственное житие артиста. Артист, как известно, вне образов своих не живет, и пока созданный им образ люб людям — любим ими и артист. Низкий, низкий тебе поклон, Аркадий Петрович Гайдар! Нахлебался я слезами у твоего столба. Это светло-грустный эпизод...

А вот эпизод комический. Бумбараша посылают на воздушном шаре поглядеть на германские позиции, расположенные за бугром, за горой. Посылают его, очевидно, как самого легкого в строю. Для убедительности зрительской подо мной даже вырыли ямку, чтоб артист еще меньше стал, чем на самом деле. Бумбараш влезает в корзину воздушного шара, отвязывает канат, удерживающий этот самый воздушный шар, а он не поднимает Бумбараша. Тогда командир кричит: «Выбрасывай скатку!» (Шинель скатанную; между прочим, это целая наука, искусство — скатать крепко и аккуратно шинель или намотать обмотки, завернуть портянки.) Бумбараш все выкидывает — шар не летит. «Раздевайся!» — кричит командир. Бумбараш раздевается, выбрасывает гимнастерку, штаны, ботинки, обмотки — не летит шар, хоть тресни. «Облегчайся!» — в отчаянии вопит офицер. Бумбараш отворачивается от строя и кинокамеры, расстегивает подштанники, что-то там делает по малой нужде — писает... Короче — шар полетел, ура!.. Кстати, когда показывали Бумбараша первый раз по ЦТ, этот эпизод с облегчением не показали. Кто-то там из нашего высокого начальства решил, что пока еще советский (а тогда ж были все советскими, а многие и по сей день «совками» остались, и я из них первый — себя не переделаешь так быстро) народ не дорос до такой эстетики — телевизор разобьет к чертям собачьим или жалобу на режиссера-автора напишет, отвернется прочь от такого

похабства... Но потом вступился Тимур Аркадьевич Гайдар, человек военный, авторитетный. Справедливость на тот раз восторжествовала, цензура отступила, и все последующие 25 лет Бумбараш идет уже с этим облегчением злосчастным. Но суть не в нем. Рассказ мой дальше тянется. Летит Бумбараш над германскими позициями, и так низко, что немцы хохочут, забавляются и стреляют по стропам, а офицер немецкий «маузером» поигрывает и какаву пьет. И совсем было отстрелили немцы все стропы, за одну только Бумбараш отчаянно уцепился, но тут, на счастье, дунул ветер и отнес воздушный шар с Бумбарашем от германских позиций. Оборвалась последняя стропа, и летит корзина с Бумбарашем в болото... Выбрали киношники болото... Нормальное наше болото. Впрочем, оно теперь уже не наше, как и Черноморский флот. Флот-то мы еще, может, и выкупим. А болото украинское, за городом Каневом — фильм-то снимался на киностудии имени великого режиссера Александра Петровича Довженко, в Киеве — матери городов русских... Да, времечко любопытное... В этом городе Киеве есть центральная улица, называется Крещатик, по которой когда-то святой князь Владимир вел свой народ к Днепру святое крещение принимать, православную веру христианскую обретать. Так вот, выбрали болото, болото знойное. Сам туда не пойдешь, а уж не вылезешь точно. Меня туда посадили подъемным краном, опустили, как морковку. Просидел я в этом болоте, как в парном молоке, пять часов, не вылезая. Вылезать нельзя было, пока не снимут эпизод, иначе был бы виден след, как человек входил-выходил, — такое замечательное болото попалось, жалко его было разрушать до времени. Когда меня оттуда извлекли после пятичасового дежурства тем же подъемным краном, с меня сняли шесть пиявок. Но товарищи меня успокоили: «Ничего, ничего, с пользой посидел. Они, эти пиявки, дурную кровь отсасывают, а у тебя ее на всю съемочную группу хватит». Я знал, что у человека есть венозная кровь, артериальная, но что дурная есть — не предполагал. Ладно. Сидит Бумбараш в болоте, затягивает его трясина, и должен был бы Бумбараш захлебнуться, но, глядь — перед ним в болоте торчит осинка. Бумбараш должен прицелиться и плюнуть в эту осинку, а та от плевка должна переломиться и упасть в сторону Бумбараша, и он по ней выползет на сушу. Так написано в сценарии. Ладно, воткнули передо мной осинку, в нужном месте ее подпилили, за макушку привязали леску. Леску — мужику, мужика — за кочку, чтоб дернул в нужный момент. «Мотор!» — командуют. Я пригибаюсь, плюю — осинка не падает. Мужик за кочкой не увидел мой плевок. «Стоп! — оператор кричит. — Валерий, чем ты там

плюешь?» Я ему: «Позвольте, в каком смысле?» — «Милый, это же не видно! Чтобы камера зафиксировала, чтобы зритель понял, чтобы на пленке что-то осталось — крупным плюнь!» Видали, калибр моего плевка ему не угодил! Я ему кричу: «Покажи!» Он мне ответ шлет: «Ты за это деньги получаешь, тебя этому в театральной школе учили — ты и плюй!» Резон. Стали думать, чем плевать. Они думают, я сижу в болоте, солнце светит, птички чирикают. «Не бзди, не бзди, артист, не унывай!» А я и не унываю. Придумают — плюну, что мне, жалко, что ли? Слышу: они там своеобразный «совет в Филях» на берегу собрали. Думают, генералы от кинематографа. А я слышу, как они думают. Один пиротехник, старый, конопатый и рябой, под кепкой сидит как гриб, в носу ковыряет и вслух думает: «Может, ему чернил попить или купоросу развести погуще...» Я так понял, что цветом решили изобразить. Думаю: «Отравят, заразы. Мало того, что в болото посадили...» Но опытные кинематографисты меня все-таки выручили. «Знаешь что, Валерий, — говорят, — пожуй хлеб черный». Кинули мне в болото корку, я откусил, остатки вернул. Жую. Они снова проверяют леску, осинку, камеру продувают, мужика заряжают... Но ведь когда долго жуешь — проглотишь, это ж ежу понятно. Когда крикнули «мотор!», я пригнулся... а плевать нечем. Мелькнуло, пронзило током: «Если я сейчас не плюну, еще два дня буду отсюда плевать...» И все, что было у меня под носом, всю эту болотину зеленую, я в себя хоботом хлебанул, полный рот. Как в эту осинку тонкую шарахнул фонтаном, такой мощной струей... Да я бы такой струей дуб срезал одинокий, тот, что про нее тосковал. Смотрю — осинка падает. Я выползаю.

Оператор говорит: «Вот, Валерий, что значит в кино опыт — пожевал хлеб, плюнул, и сняли кадр». «Ах ты... — думаю. — Пожевал бы ты этот мой хлеб, у тебя бы дизентерия через два часа началась». Но, слава Богу, на этот раз у меня закончилось все благополучно, друзья мои.

СПИНОЙ К СПИНЕ — ЛИЦА НЕ УВИДАТЬ 1997

2 января 1997 г. Четверг

Тамара:

— А ты, наверно, ничего не можешь сыграть у Венечки Ерофеева... Как сыграть нежность?! Вы не умеете... Ваша комсомольская гремучая «Таганка»... Ванечка Бортник, такой артист пропал в вашей вонючей «Таганке»... Была одна актриса — Алла Демидова...

3 января 1997 г. Пятница

Поет Митяев про «Таганку»-вдову. И ясно, что «Таганка» — вдова Высоцкого. А эти строчки пишет домовой «Таганки», пытающийся что-то удержать, что-то сохранить...

5 января 1997 г. Воскресенье. Кухня, 14.15

Я стал читать Дарью Асламову, которая в 17.00 придет брать у меня интервью...

8 января 1997 г. Среда, мой день

Ты не нужен этому миру. Сейчас я нужен, быть может, чуть-чуть, только Дарье Асламовой, чтобы закончить «горячее» интервью. Один из вопросов — где я в своей жизни трахался, места совокупления. Почему-то ее заинтересовал тамбур, где я выбил плафон. Историю с Ирбис она назвала поэмой, до того ей это понравилось.

— Подруги завидуют, что бы там ни говорили, поверьте моему опыту... А она счастлива, горда, и это льстит ей, а говорить она может что угодно, и возмущаться, и ножками топать...

Вчера Филатову вручили «Триумф» за цикл передач «Чтобы помнили». Это деньги, и дай Бог здоровья всем тем, кто помогает ему эти деньги получить, собрать. Что же касается того, за что присуждается, кому до этого дело?.. Достойный человек достоин жизни, если это может хоть как-то помочь выжить...

9 января 1997 г. Четверг. Кабинет Снились Любимов, Высоцкий... Было и отчаяние оттого, что нет ничего написанного, чтобы можно было той же «Юности» предложить. Дарья в своей газете 4-миллионным тиражом предлагает запузырить «21-й км», но это...

День сегодня исторический — шеф не вышел на работу по причине болезни. Это что же такое с ним, если он пропустил

репетицию?! Это, значит, старику так худо... Господи! Спаси и помилуй его, грешного. Сохрани его для нас как можно подольше.

Не вешай носа, В. С., и подбивай итоги этого восьмилетнего романа. Не грусти. Ничего нового ждать не надо. Не будет. Новое выдумаешь сам.

10 января 1997 г. Пятница

Селютина:

— Валера! Срочно нужна молодость, нужно омолодиться, подскажи как...

— Мальчика! Положи на себя мальчика, влюби его в себя, посиди на коленях, изобрази течку-страсть. Дима М. годится для этой интрижки весьма. И сама влипнешь, и кровь вскипит.

11 января 1997 г. Суббота

А сейчас на свидание к двум писателям — Войновичу и Асламовой. Был у Войновича, выпили кофе, обменялись книжками, автографами, посмотрел его живопись, поговорили о машинах. Он посетовал, что вот так не может вести дневник, записывать встречи... «Незначительный факт потом становится интереснейшим событием, а ты не записал... Встречи с Твардовским... Что-то я помню, конечно...»

Бывший диссидент в огромной, роскошной квартире за железной дверью, с билетом на Мюнхен. Чудная у нас жизнь пошла...

— Писать не хочется, надоело... А тут мазнул, и уже что-то...

— Или плеснул... на холст...

— Или плеснул... в стакан...

19 января 1997 г. Воскресенье

Интервью с Дарьей приведет к скандалу, катастрофе. Ну, туда нам всем и дорога!

«Не лжет только фантазия».

27 января 1997 г. Понедельник

Помогла мне Асламова освободиться от Ирбис, вернее, не от Ирбис, Ирбис — это мой сконструированный, сфантазированный образ, придуманное существо...

9 февраля 1997 г. Суббота. Академическая

В среду Филатову сделали операцию. Удалили почку. Господи! Спаси и сохрани его. Бедный Леня! Что делать? Как жить, чем поддерживать интерес к жизни?

14 февраля 1997 г. Пятница

Встретил Е. Стишову. Она тут на кинофоруме.

— Какая Нинке судьба выпала! Ведь он давно уже болеет... Две почки удалили? Это что же, он привязан к машине? С его сосудами мозга... и вообще сосудами...

— Нинка надеется, он закончит «Три апельсина».

16 февраля 1997 г. Воскресенье

«Спиной к спине — лица не увидать».

Повертывайся, кукла! Я — выпукл, ты — впукла.

18 февраля 1997 г. Вторник

Мне отчетливо вспомнилась нынче под утро Вена. Как мы шли всем театром по ее музейным улицам и переулкам в какой-то дворец-музей. Мы с шефом шли впереди, и он громко, часто останавливаясь и впиваясь, жестикулируя и пр., рассказывал мне про Живаго — он репетировал со мной роль... Он вспоминал, как то же самое на улицах Парижа и Будапешта он проделывал с Володей над «Гамлетом»... Какое было у него потрясающее вдохновение, какая энергия... Сзади шла с молодежью Катерина... И что творилось со мной... Меня распирала, пьянила радость... и страх... Но, кажется, это было уже после премьеры...

19 февраля 1997 г. Среда, мой день. Дрезден

Вчера мы ездили на Бренера с Никитой в Эберсвальд, где с 1945 по 1948 год жил маленький Володя с отцом майором и т. Женей. Шел дождь, но мы с энтузиазмом исследователей — Никита чем-то напоминал Паганеля — фотографировали дома и перекрестки. В одном из этих домов...

И кинотеатр, и улицу Марианвельдерштрассе, по которой бегал 7-8-9-летний Высоцкий.

Много рассказов Никиты о деде, о бабе Нине, об Аркадии, который стал собственником, бюргером — строит дом в Тарусе, за который уже сейчас дают 60-70 тыс. долларов, иностранная машина... «А мы с Анькой бедные родственники — ни кола ни двора, кроме многочисленной родни Аньки...»

21 февраля 1997 г. Пятница. Нюрнберг, отель «Атриум», № 225

«Прожить скорее день, чтоб его записать». Это Венька про меня.

22 февраля 1997 г. Суббота

Нынче выступление в синагоге. Театр — римский Колизей на 8 тысяч зрителей, открыт 22 июня 1935 г. — ошеломил до дрожи. На какое господство замахивался Адольф! А открыл театр

Геббельс. В университете этого городка учился Мандельштам. Здесь гулял Гёте. Аксенова настаивает, чтоб я начал «Фауста» писать.

26 февраля 1997 г. Среда. Гамбург

Венька — вот принцип и манера жить! — разговаривает при мне с послом: «Юрочка, ну ты же умница... Послушай меня, Юрочка, скажи своему секретарю, чтоб перезвонил по этому телефону, на х... мне тратить свои деньги... За счет Советского Союза поговорим... Выступление вечером... Собери своих, кого ты хочешь... Машина?.. у нас джип серебристый... Юрочка! Две квартиры для гостей и дай кого-нибудь, кто гениально знает Париж... Никите... мы двое дядек с Золотухиным... как бы опекаем его... Город его отца надо ему показать в лучшем виде... Юра! Ты меня понял? До встречи...»

Он ни разу посла не назвал по имени-отчеству... Присутствовали при разговоре Ян и я. Зачем? Показать: вот, мол, и мы не лыком... С послом, посланником на «ты»... Телефон ведь и прослушиваться может... Я понимаю, что посол — живой человек, и выпить может... И все-таки... Нет, это стиль... И тут прежде всего к себе — «позорно, ничего не знача...». А что, собственно, он или я должны значить?! Ну ведь артисты — люди сомнительные, писатели так себе, для разговора. «Тендряков читающий был человек... а Распутин — темный...» Откуда такое убеждение?.. Воистину права Глаша: «Если взять себя за точку отсчета, можно легко со всеми расправиться, всех к себе приравнять и... мысль понятна, можно не продолжать...»

Мы с Никитой у Аллы с Сашей. Никита спит богатырским сном. Вчера он целый день за рулем, и выпили они с Сашей достаточно... Алла — немка из переселенцев. Сестра ее старшая Женя (не самая старшая, с 1945 г.) родилась на Алтае, недалеко от Змеиногорска. А в Бремене подошла ко мне женщина — сестра Лизы Ремхе, с которой я учился в одном классе. Лиза на концерте не была, живет в 100 км от Бремена. Так сужается мир. Эта поездка вообще сказочная: очнешься от сна на заднем сиденье джипа — за рулем Высоцкий, рядом Смехов. Так было на перевале... Только потом соображаешь, что это Никита... и ты — дед.

28 февраля 1997 г. Пятница. Париж

В церкви на улице Рю Кримэ отпевают Синявского, автора одной из моих любимых книг «Прогулки с Пушкиным». Но надо было ехать на метро, без знания языка к 9 утра... Господи! Царство ему небесное и пухом земля...

Никита — замечательный парень, человек развитой души, добрый, застенчивый... но пока неаккуратный в быту — посуду за собой не моет, окурки не убирает, стриженые волосы с бороды в раковине почему-то не смывает. Венька говорит: учи его, говори, наставляй, раз уж дядька, а я не могу, я стесняюсь.

Я больше чем доволен встречей с Никитой. Во-первых, сел за руль в Париже Никита В. и весь его проехал, включая самое опасное место у Арки. Во-вторых, мы накопали моих оставленных в Париже книг — 60 экземпляров. Это хороший навар к гонорару. В третьих, мы сфотографировались у Наполеона — гробница из карельского красного мрамора — и на фоне Эйфеля. В-четвертых, я проехал по Парижу до ворот резиденции за рулем метров двадцать. Жизнь в Париже удалась, и теперь мы ждем посла.

1 марта 1997 г. Суббота

Розанова Мария на похоронах — ни слезинки в глазу.

Вознесенский прилетел с авоськой переделкинской земли. Прилетел специально... А я?!

Тамара:

— Ты был на похоронах?!

— Очень рано была панихида...

— А-а... Ну, понятно... — В интонации глубокий упрек.

2 марта 1997 г. Воскресенье

«Ведь если можно с кем-то жизнь делить, то кто же с нами нашу смерть разделит?»

Вместе с моими книгами, которые мы взяли у Наташи Собри, а потом две пачки и 10 штук у Алика в «Русском магазине» Струве, Никита дал мне 15 штук сборников Бродского... со стихами «Письма римскому другу». И как полемику мою внутреннюю с Кушнером, который как-то безапелляционно и специально заявил: дескать, Иосиф не был христианствующим человеком, верящим в божественность Христа (за точность цитаты не ручаюсь, но он это как-то неприятно подчеркнул), в этом сборнике, в предисловии Владимира Уфлянда, я читаю: «Каждый год Иосиф Бродский обязательно пишет стихотворение только на Рождество. Возможно, будет и сборник рождественских стихов». Тогда зачем? Зачем он пишет? Вера — дело личное и Кушнера не касающееся. Не дано ему знать, что в душе и сердце — как Бог вел Иосифа. Не надо приписывать, навязывать, но и безоговорочно заявлять «он не был христианствующим человеком» не надо, я бы не стал... На мне Никитин крест серебряный. Хотел напомнить ему да забыл.

21 марта 1997 г. Пятница. Академическая

Сегодня день премьеры моего «Павла I». 21 марта 1992 года с перепугу я сыграл моего императора, спасителя моего в этом театральном содоме-дерьме-разделе-расколе. Пять лет, уже пять лет прошло, пронеслось, и ничего не изменилось, кроме того, что... родилась у меня внучка Олька, прибавились болезни... Да нет, был «Живаго», были Греция, Турция... Господи! Была любовь и муки. Благодарю Тебя за все это, Господи!

Вся эта интрига со «СПИД-инфо» — это мой расчет за язву желудка, это месть моя и насмешка над собой и всеми. Надо поражение свое выдать за победу, и, как это ни парадоксально, публикация в этой газетенке и все разговоры вокруг неожиданно принесли мне уверенность и силу. Я могу, а вы — нет.

Видел сон — умер Распутин. Я горько плакал и каялся, что не повидался, не позвонил... Честнее человека и писателя не встречал я в жизни. И вот отсюда позвонил ему, и он, судя по голосу, рад был. «Хоть так теперь, во сне, видимся, и то хорошо... Я уезжаю через два дня, а после 10 мая, пользуясь случаем этого звонка, теперь уж сам разыщу...» Нет, это было 15 марта... не апреля.

Гедонизм целью жизни и высшим благом признает наслаждение; добро определяется как то, что приносит наслаждение, а зло — как то, что влечет за собой страдание.

Я так рад, что позвонил Распутину, и рад больше всего, что он мне рад.

7 апреля 1997 г. Понедельник

Замечательно сказала Демидова: «У меня в театре были два партнера — Высоцкий и Золотухин». Нет, не за эту фразу, хотя то, что она как бы между нами поставила знак равенства... Вы понимаете, господа пр. заседатели, о чем речь идет и кто ее ведет?

14 апреля 1997 г. Понедельник

Слава Богу, я поздравил Матрену Ф. Я люблю свои дневники, они спасают меня... Целый день я все-таки занят делом.

О чем мы говорили с Иваном всю эту неделю — не помню. Да, ему очень понравилась программа Плахова про меня. Сказал, что я предал Кольку (Губенко). Просил его объяснить, в чем это выражается — не стал или не смог. «Ну, предал...» Считает, что я зря опубликовал письмо Филатова. Опять попросил я Ивана сказать почему. И опять ответа не было. «У каждого своя жизнь...» Да, мне нужен скандал «СПИД-инфо». Вам это противно, омерзительно? А мне в самый раз.

24 апреля 1997 г. Четверг

А сегодня на «Петушках» решил попробовать книжками поторговать, один. Это еще одно преступление, и я его переступлю.

26 апреля 1997 г. Суббота

Иногда мне хочется позвонить Дарье Асламовой и поблагодарить ее. «СПИД-интервью» сообщило мне третью космическую скорость — я никогда не чувствовал себя так уверенно и сильно в жизни и на сцене, особенно в общении с партнерами, как после этого интервью. Я могу, а вы — нет, вы — «тварь дрожащая» — где-то оттуда, из подсознания, из этого раскольнического блуждания, теоретического, статейного. Конечно, эта уверенность в сильной мере поддержана фильмом Плахова, который все время вертится-крутится в моей башке то одним кадром, то другим. Памятник он мне, конечно, воздвиг...

«Ему от Бога, от папы с мамой дано было, наверное, очень много». Демидова.

Спокойствие, только спокойствие. Нельзя дневник на секунду без присмотра оставить, все заглядывают, читают, делают выводы и скандалят, потому что программа на скандал заложена заранее и теперь уже навсегда. Да хрен с вами со всеми.

Вчера я, зайдя в буфет пообедать, решил, что я его не заработал. А «заработать» для меня означало — решиться на поход в театр Губенко за книгами, в гримерную 307. И я пошел. Я встретился с Губенко. Я не мог смотреть на него, отводил глаза, не знаю почему — мне было стыдно, а его, тоже не знаю почему, безумно жаль... Ирка принесла ему из буфета какое-то хлебало... Странный, неухоженный быт... Постаревший Николай с потухшим, что называется, взором...

«Они хотят правительственным путем... к 80-летию Любимова сделать ему подарок... Ну что ж, было 27 судов, на этот раз их, может быть, будет меньше, 10... До конца жизни хватит...» (До конца чьей жизни, хотел я уточнить, но не стал.)

Почему нет голоса? От нервов. От скандалов, от выяснений. Не забрала же голос жалость к Коле, которого хотелось обнять и прижать к сердцу со словами «что мы наделали!». У нас одна гримерная с ним в новом здании — 307, ключ от гримерной у него, а ключ от шкафа у меня. Любопытное совпадение-наблюдение.

Нинка не дала досмотреть передачу Леньке. Сказала, что сломался телевизор, что-то случилось... Но сама смотрела все от начала и до конца...

Губенко:

— Четыре года мы не получаем ни копейки бюджетных денег... Ты понимаешь, что такое 4 миллиарда... каждый год по миллиарду... это каждый день по друзьям с протянутой рукой...

— У вас нет учредителя... Найдите...

— Не берет никто. И наши деньги уходят к вам...

— А у нас говорят, что наши деньги уходят к вам.

20 мая 1997 г. Вторник. Вечер. Академическая

Отвратительное было настроение вчера от встречи у Говорухина с его заместителем Губенко. Но, скорее, оно было еще оттого, что Чиков <Чиков Валерий — режиссер фильма «Не валяй дурака, Америка!».> так представлял пышно Леву Дурова — «рюмку не пронесет и всегда трезвый, требовательный», — а про меня двух слов не мог сказать. Я, помня свою вялую, пьяную рожу в кафе, очень хорошо его понимал, но все равно оскорбился... Он до такой степени мял свою аннотацию про меня, что Лева не выдержал: «Да не мучайся ты, отдай микрофон Валерию...» А я разозлился и от того еще больше разозлился на себя и мир... и выглядел бледно...

Гнездо «коммуняк»!..

Колька опять затеял. На вопрос начальника: «Ты когда будешь ходить на работу?» — Коля, показывая на меня:

— Пока эти подлецы будут пытаться отнять у нас театр... Хотят слить... Одних в канаву, а другим — все...

— Коля, ну не надо было начинать...

9 августа 1997 г. Суббота

Я ищу себе оправдание, почему я не могу ее оставить после всего кошмара случившегося — автор не может отказаться от своего персонажа.

Всю хронику последних дней запишу я когда-нибудь, но не в ближайшие дни. А сегодня я должен собраться и улететь на Алтай, где, к счастью, Вовка оказался с Артемом. Только бы дождался он там меня. Дозвонился я только что до Ивана, хоть бы встретил кто меня в Барнауле. Хоть бы отвез меня кто в Домодедово.

11 августа 1997 г. Понедельник. Быстрый Исток

Вчера в Быстром Истоке объехали всю родню и решили вопрос с родительским домом — отдать его под Дом охотника им. В. Золотухина. Алексей Леденев берется этот дом, который, по словам Веры Григорьевны, превратился в дом терпимости (двери

открыты, и девки с ребятами по ночам трахаются там день и ночь), отремонтировать, поставить на фундамент — деньги центр на это выделяет. Дом по нашему с братьями представлению, таким образом, сохранится, а что касается музея, так это дело потомков... Вывеска-табличка сама за себя скажет, а если выполнить и придумать хороший барельеф или портрет, то люди будут интересоваться, кто такой Валерий Золотухин, и память как-то продолжится. Бессмертия мы не заслужили... Грехи наши слишком тяжкие, и увели они нас в сторону.

При первом же застолье-обеде у И. С. выложил я братьям по 500 000 рублей. Володе как бы на день рождения, Ивану — на 65-летие. Отцу Борису в храме 1 миллион отдал. Теперь жду машину, чтоб поехать с отцом Борисом в Белокуриху, к гл. энергетику — просить простить задолженность церкви нашей за электроэнергию (а долг составляет 12 миллионов рублей). И это надо сделать... хоть чем-то помочь храму и приходу.

А фундамент стоит, и строительство заморожено, и надолго, видать по всему... «Храм мы этот не построим никогда», — говорят мне в глаза люди. И этот укол-укор еще не проник в мою позорную голову до такой степени, чтоб готов я бросить всю свою жизнь московскую, взять в руки посох и сумку и пойти по кабинетам, заводам и купцам... Год-два надо потратить жизни, чтоб совсем, целиком и полностью, здесь, на месте, заняться только храмом... как Лужков — воздвигнуть памятник себе на своей земле своими руками, доходами и временем, и баб всех бросить, и детей забыть. Тогда это сделать возможно. А так — нет. И звон колокольный, может быть, услышишь ты при жизни своей еще земной.

До того дело упадка Быстрого Истока дошло, что вопрос встал о расформировании района. Господи! Сохрани нам район, сохрани село... А как? Если даже река отступилась от нас, покинула берега наши, изменила естественное русло, ушла от нас... И суда по реке не ходят, грузы не перевозятся по ней. Железной дороги здесь нет и не будет, производство не развивается, промышленности никакой: сахарный — не поднять, стекольный — не знаю, мебельная фабрика на боку лежит... И совхозы ничего не выращивают, и чем беднее хозяйство, тем богаче директор.

12 августа 1997 г. Вторник. Междуреченск

Матушка Федосеевна, голубушка наша, двигается еще, пельмени варит, угостить норовит, у нее одна забота — чтоб ели люди, гости и все, кто в поле зрения. Плохо слышит — беда.

Охотничий домик им. В. Золотухина! Все было — улицы, переулки, пароходы, библиотеки, но чтобы Дом охотника имени артиста — это хохма!! И построить баню по-черному, чтоб вместо крыши дерн, чтоб дым из щелей и сажа на стенах — экзотика.

14 августа 1997 г. Четверг

Федосеевна до слез довела — сунула в руку 50-тысячную бумажку: «Тамаре на бутылочку... пусть выпьет за маму... Возьми Денису на хлеб-соль...» Свернула кулек с полотном на пеленки, платочек Олечке, полотенчик Танечке... О Господи. «За Сашу тебе спасибо».

Так и расстались, и увидимся ли теперь живыми еще, Бог ведает.

19 сентября 1997 г. Пятница

В театре и в общественной жизни — чего стоит один юбилей Ленкома — Захарова, где я, увидев президента в кулисной темноте, сказал: «Здравствуйте, Борис...» — и забыл отчество от восторга встречи и душевного ликования под названием «холуйство в крови, в генах». И сам засмеялся я горько над собой.

20 сентября 1997 г. Суббота

50 лет Тамаре Владимировне Золотухиной!! Господи! Спаси и сохрани ее и детей ее. Помилуй ее и дай ей до 60-летия дожить, а там и дальше. Храни семью нашу, Господи! Прости меня, Господи! Сейчас я пойду за цветами жене моей единственной и неповторимой по своей глубине совести и ума, и к тому же женственности. А то, что болезни искорежили ее... так что теперь сделать? Другого бы ей мужа. Нет, не надо... другой многое бы, однако, и не вытерпел, не снес... не знаю.

25 сентября 1997 г. Четверг

Ходят слухи, что Ельцин собирается на юбилей к нам... Мне кажется, он обязан мне «Вольво» подарить. Встретил вчера Караченцова, и тут же, не успели мы с ним расцеловаться, как запищал у него в сумке сотовый аппарат... Вот это уровень... А что там нищие таганские артисты?!

25 октября 1997 г. Суббота

У царя Соломона было 1000 жен... А у нас что?! У меня всего четыре: а) главная, б) городская, в) деревенская и г) молодая. Вот ее-то я и не дождусь никак. А приедут они уж скоро...

29 октября 1997 г. Среда, мой день

Да, документики мне Волина передала неслабые!!

«Программа деятельности БФ „Фарватер“ в практическом решении еврейского вопроса в России».

Вот так — ни убавить, ни прибавить, а просто убить президента этого фонда и некоторых авторов этой программы.

«Не тронь дерьмо — и вонять не будет» — такое у меня отношение к «Практическому решению еврейского вопроса в России». Решить мы ничего не решим, а вони вокруг себя поднимем много... Но Галя, неуемная моя Галя... И сноска на оборотной стороне письма хороша: «Помнишь твою мечту о пельменной? Пожалуй, это станет реальностью».

Какая на х... пельменная, когда у меня недоделанный дом под снегом и льдом. Бл... — строители разорили, а сделать не сделали. Хоть ногинскую команду Алексея подключай. Отобрать у них на х... 5000 долларов — штраф... и пусть думают.

30 октября 1997 г. Четверг

Володя! Владимир! Владимир Семенович! Спасибо тебе, что случился ты в судьбе моей, в жизни нашей... Вся моя жизнь после твоего ухода освящена твоим именем, тем, что рядом был много лет я с тобой, что выпала мне честь ругаться, соперничать и любить тебя... Господи! Благодарю Тебя за то, что судьба взяла меня за руку и перевела из «Моссовета» на «Таганку». Ведь только Ты, Господи, сделал это для меня... И за одно это я день и ночь должен славить Тебя. А я-то, грешный, все это себе в заслугу вменял. Прости, Господи! Прости меня, грешного. Сделай что-нибудь, чтоб изменить мне себя и вернуть в сердце смирение и любовь к имени Твоему. Господи, Иисусе Христе, прости меня, грешного. Аминь.

Волина в письме призывает меня к мужской мудрости. Это значит остепениться и развязаться во имя фонда, сиречь пельменной в перспективе, наконец-то, с Ирбис. «Она тянет тебя на дно...» Маша права: «Он никогда не оставит жену... Да, мне надо оставлять Ирбис, но как я смогу жить без тела ее?! Вот беда-то в чем. „Проявить мужскую мудрость и силу“!! Для чего?! Что мне, лучше будет без нее?! Кто знает про это? И как это поле чувственности, а стало быть, зыбкости, решить рациональным, холодным вердиктом?! Это что, я опять уговариваю себя под влиянием стихов и песен Высоцкого, что слышатся со сцены, и словами Марины о любви и нежности, вернуться всем сердцем к Ирбис?! Опять все эти кошмары воспоминаний — танковая атака. Зачем это случилось в моей жизни?! И почему, Господи, не расколошматил Ты меня в моей „Ночке“, когда после этого мчался похмельный, глотающий по трассе пиво, мчался на съемку

в Переславль?! Зачем я не погиб в одночасье?! И Ты, Господи, пролонгировал мои сердечные позорные муки?! Прости за эти бредни, Господи!

2 ноября 1997 г. Воскресенье. Израиль

Хайфа. Не теряй времени, В. С., пиши. Пиши о том, что в Хайфе тепло, что ты выпил бокал пива и закусил солеными оливками, и что весь парк жужжит, скворчит по-русски, и играют пенсионеры в карты и вспоминают минувшие дни... Кажется, что бродячие собачки, бездомные животные — и те тявкают по-русски с еврейским акцентом.

9 ноября 1997 г. Воскресенье

Она не может быть верной никому, ни одному мужу... Вы же читали «Юность». Да, это художественное произведение, но с нее писалось-то. Как же она зацепила меня на 10 лет, что все мысли, слова и чувства вертятся вокруг и около ее имени и нашего романа. Чем же все-таки кончится наша любовь?!

10 ноября 1997 г. Понедельник

По дороге к Мертвому морю, пока чета спала, читал я, наконец-то, книгу Марины. Без зависти и без особого интереса. Никакая это не художественная проза, чистой воды мемуаристика, причем, естественно, женская, лирическая и пр. Но как свидетельство, пусть субъективное, но близкого и любимого, любимой — безусловно замечательно. Читал и думал: а что Ирбис могла бы написать обо мне... Ну, почему эта мысль не отпускала меня на протяжении всего чтения: а что бы вот она могла написать-сказать обо мне?!

12 ноября 1997 г. Среда, мой день

Яша на концерте вчера: «В сердце у меня укоренилось, что ты антисемит. А я в это не верю. Я знаю, что ты потрясающе любишь русских, но у тебя нет причин не любить евреев, народ, который не причинил тебе никакого вреда. Я люблю, как ты поешь баллады русские».

И потом: «Я скажу без свидетелей. Есть Шукшин, Высоцкий, ты. Я не знаю, кто из вас больше великий... больше талантливый... я не знаю, кто был бы лидером. Ты — лидер, который уступает свое лидерство. Есть лидеры, которые отдают свое лидерство другому».

В машине рассказываю, «даже неудобно говорить...».

Черняев: «Причем отдающий весело, легко, намеренно, получая от этого удовольствие, щедрость... Лидер, отдающий

лидерство, — больше, чем лидер».

Нет, моя писанина стоит того, чтобы жертвовать и морем, и солнцем, и прочим. Если бы я принес еще в жертву моих красавиц, сколько бы я освободил времени. И кровь бы в голову пошла, а не в поддержание эрекции. Американцы доказали, что чрезмерный секс высушивает мозги. Со мной, однако, это произошло. Почему же с Толстым этого не случилось?

И запел я для Яши «Мороз», предварив песню его словами о моем «антисемитизме». И стали люди в зале мне подпевать. Вспоминаю Яшу чудесно. Еще не успев двумя словами перемолвиться, как он сказал: «О, у меня с собой случайно бутылка „Ркацители“. Побежал к машине, и вот уже на гримерном столе вино, мандарины, хурма... „Что ты пьешь? Не пьешь? Совсем? Что случилось? Давно? Что ты ешь? Что тебе принести?..“ Короче, через пять минут — шоколад, 5 штук огромных манго, хумус, лепешки... Мой новый друг. С каждым приездом в Израиль у меня появляется здесь все больше и больше друзей. Вот и сейчас познакомился я с Яшей, который без всякого перехода тут же сразу, с ходу: „У меня в сердце укоренилось, что ты антисемит, а я в это не верю. Смотрю на тебя и не верю...“

Как жаль, что не взял я у Яши телефон. Позвонил бы сейчас этому замечательному, грустному, но кипучему человеку.

«Что делают эти верующие — сожгли магазин, в котором продавали свинину. Всякую веру потерял. Бог, конечно, ни при чем, но люди — фанатики».

И все-таки, несмотря на то что не написал я «День жасмина», месяц я прожил счастливо. И грустно покидать эту благословенную землю, где окончательно растерял весь свой антисемитизм, растерял, правда, то, чего не имел. Но развеял даже тот, что приписали. А Господь видит все и устроит мои «женские» дела.

13 ноября 1997 г. Четверг. Израиль. Аэроплан

Убила, сразила меня наповал Марго, подарившая простынь с дырочкой. Так трахаются ортодоксальные евреи, чтоб тела не соприкасались, чтоб не видеть наготу партнера. Дырочку она вышила, отделала кружевами.

1 декабря 1997 г. Понедельник. Пермь

Стыд. За то, что до сих пор я не почтил своим присутствием бедного Швейцера Михаила Абрамовича. Великая красавица, соавтор, жена и подруга его Софья Абрамовна Милькина отошла в мир иной. А ведь ей, собственно говоря, обязан я участием в картинах Швейцера, и в первую очередь Моцартом... И вот пьяная

свинья Золотухин валяется сначала с Сашкой, потом в своей берлоге, душной и проспиртованной, звонит коллега заикающийся, Трофимов, а недостойный тип — актеришка и графоман, продающий свои записки о Высоцком на всех континентах и спектаклях и наживающийся на памяти друга, — плюет на память того, кто его назначил на Моцарта... Негодяй, одним словом, и подлец.

Надо эту ошибку исправить и, приехав в Москву, отдать визит Швейцеру. Беда в том, что я сам, будучи человеком одиноким и неконтактным в каком-то смысле... я не люблю людей, наверное, они мне неинтересны, и, кажется, я сам неинтересен никому. Чего надоедать и навязываться? Где похоронена Соня? Вот к ней надо сходить. Это первый стыд.

Второй — Денис и внучки. Прибежал на три секунды, сунул 300 тысяч, поцеловал Ольгу, Таню, взял фотографию, где Сережа с племянницей, и ускакал... Очевидно, было то после «Тартюфа».

Стыд третий — я не звоню в Междуреченск. Вовка, когда я был в Израиле, звонил на пр. Мира.

Водитель — В. С.:

— Шеф сказал: «Мне неудобно, но, может быть, В. С. нужна девушка?»

— А кто ее оплачивать будет?

— А вот, шеф дал...

— Сколько здесь?

— Миллион.

— А сколько стоит девушка?

— Тысяч 200-300.

— Давай.

Красиво живут кандидаты в депутаты. Как же они будут жить, когда депутатами станут?

Лучшая сцена пьесы — истязание де Сада. А так... это полная хреновина в нынешней ситуации, и перевод хреновый... Наверное, на этот сюжет можно было бы более тонкий текст нарисовать.

2 декабря 1997 г. Вторник

Второй агитационный день. На Юлии 700 тыс. рублей я сэкономил. Ничего нет более омерзительного этого занятия... Или такие попадаются мне? Не везет... И она не знает, кто я и кто такой Бумбараш. Это уж совсем свинство.

10 декабря 1997 г. Среда, мой день

Поехал в Союз писателей Москвы и стал писателем, есть корочки.

И вот назначен я шефом на Мастера и на маркиза де Сада.

Что мне делать — не знаю.

И чего я жду от этой жизни еще?! Вот и членом Союза писателей стал. Для чего я выбрасываю эти несчастные тыщи на взносы и пр.? Ну, когда-то Союз, быть может, и нужен мне был, когда меня не принимали. А теперь-то?!

Столько времени теряю я с этим бл... Вся жизнь прошла в бл...

18 декабря 1997 г. Четверг. Кабинет

В ночь с 13-го на 14-е был открытый эфир с Дибровым и группой СТ-Жан Сагадеев. Я очень волновался за текст «Маши» и все-таки решил написать его крупными буквами на листе и пел по бумажке. Думаю, что сделал правильно, подстраховав и обезопасив себя от позорных накладок. Сергей и Тамара остались довольны... Кроме «Маши», пел «Коней» и пр.

ПРОСТИ МЕНЯ, ГОСПОДИ! 1998

8 января 1998 г. Четверг

Бортник: «Я не заметил, как быстро ты из провинциала превратился в мерзавца».

Мне это очень понравилось. Я даже не успел обидеться, до того я от души хохотал точности постановки вопроса и остроумию.

«Валера! „Мой Эфрос“ — это прекрасно! Так говорить может только независимый художник! Такого откровения никогда не читал. Это подвиг! Оставайся с нами! Твой М. Пуговкин».

Вот такое послание получил я в Киеве от почетного гражданина г. Ялты Михаила Пуговкина. И что мне было делать, как не возгордиться и не напиться?!

10 января 1998 г. Суббота

Рыжий:

— Золотухин сказал, что он де Сада не отдаст.

Любимов:

— Золотухин спился и погиб... «не отдаст»!

— Нет, не погиб. Он будет играть. Для него в этой пьесе есть «стимулиндт».

Это заявление шефа надо мужественно воспринять, вникнуть, пережить, и вывод сделать один — шеф всегда прав, и не обижаться за эти слова на шефа, а попытаться исправить его мнение по этому пункту обо мне. Не озлиться.

11 января 1998 г. Воскресенье

Денис загадал загадку мне. Хочет поступать на юридический факультет гуманитарного государственного университета. Подготовительные курсы стоят 500 тысяч. Но от этой заботы он меня освободил — знакомый священник поздравил его с Рождеством и подарил ему 100 долларов. Денис просит не звонить никуда и не помогать ему. «Это воля Божья — поступлю я или не поступлю. Это — продолжение моей идеи, юридическая стезя, я хочу получить знания и хочу, чтобы путь мой был честным, без отцовской или чьей-то помощи. Я не отказываюсь от отцовского благословения, но пойми меня, папуля, правильно. Это моя вера, это укрепление моей веры... Если я не поступлю, значит, не захотел того Господь...»

Где-то 31-го звонил я Дарье Асламовой, и мы за «СПИД-инфо» расстались друзьями. Поздравили друг друга и пожелали.

12 января 1998 г. Понедельник. Кабинет, вечер

99-й год. Это что! Пушкин родился в 1799-м. Вот так. Если рожать, то Пушкина или Ахматову… Всю дорогу я счастливо смеялся.

15 января 1998 г. Четверг

Любимов сказал: «Золотухин — сложный человек».

Несколькими часами спустя позвал меня к себе шеф, обласкал взором (а я все жду, затаясь, когда он мне скажет про «Мой Эфрос»; когда донесут ему — тогда и скажет) и сказал:

— Хорошо они сделали передачу о тебе, и я там ничего сказал… с юмором. Интересно Плахов придумал… Нет, хорошо. Но эта… Демидова… Я бы на твоем месте сказал: «Вырежьте ее на хрен!» Ну, что это такое… Ну да, я понимаю, ты не вмешиваешься… но что это… Я ведь ей дал крышу с этим ее драным квартетом и спросил: «Алла, неужели вам интересно этим заниматься?»

Я понял: его больше всего возмутил тезис Демидовой «Золотухин — самостоятельный человек». Пора заводить свое дело и уходить из-под Любимова, «досостояться», дескать, Любимов уже дать как бы ничего не может.

16 января 1998 г. Пятница. Мариуполь

Вчера за вечерей вспоминали Иван с шефом Целиковскую.

— Сколько ты прожил с Шацкой?

— 15 лет.

— Да, тоже срок. А я 20… Терпеливые мы с тобой люди, — сказал шеф, усмехаясь.

В «зеленую тетрадь»

— Ты мне скажи: женишься ты на мне или нет.

— Думаю, что не женюсь… — И «ту-ту-ту»…

Но слово сказано. И теперь будь что будет. Но знать она должна. Сейчас там разыграется опять трагедия, слезы, истерика.

В последнюю встречу она прижала меня к себе крепко и выдохнула: «Единственный мой, любимый, неповторимый» — что-то из этой терминологии.

Перезвонила:

— Помнишь, ты говорил в каком-то споре, что этого никогда не случится — мой брак с П.? Так вот, давай заключим пари… Что ты ставишь?

— Руку.

— Рука мне твоя не нужна.

— А что тебе нужно?

— Ну, какая-нибудь сумма, пусть это будет приданое... 500 или 1000 долларов.

— Пятьсот.

— Хорошо... Тебе нужно свидетельство о браке? Только в таком случае ты выплачиваешь?

— Да!

— Принимается. Но у меня сейчас люди... позвони ночью.

Я думаю, никаких перезвонов уже не нужно. Определенность. Это лучше всего. Только не мешай. А с кем ты останешься?

А у меня вариантов нет. Только Тамара. Это всегда была причина № 1. И если я пойду с кем под венец, то только с ней.

18 января 1998 г. Воскресенье

Таисия Владимировна Додина в морге. Кончила жизнь самоубийством. Бросилась под поезд, говорят.

Дальше все страшно писать, невозможно. Уже спал, как постучала Нина Як. и все это мне сообщила.

Выверяю в ресторане «Дневник», тетрадь 44. Оказывается, отец и Эфрос умерли в один год, 1987-й. Почему-то это раньше не соединялось, не приходило в голову.

«Кто же теперь меня материть станет?.. — вопрошала Матрена Ф. — За 50 лет я так к этому привыкла».

19 января 1998 г. Понедельник. Вагон-ресторан

Много интересного узнал я из своего дневника № 44. Бунт 91-го года был заложен Филатовым и Губенко еще тогда. Шацкая была очередной хозяйкой театра и предлагала Бортнику самому — «пока сам» — уйти из театра. Иван возмущался: «Это наша Нинка говорит!»

Молодец я, что взял № 44 на обратную дорогу, и повезло мне с Надеждой Сергеевной — директором вагона-ресторана, который Штейнрайх кабинетом моим назвал. Она кормила и поила меня бесплатно. А я сидел и спокойно работал. И сделал намеченное.

Иван потерял 150 долларов — думаю, провожатые вытащили. Привели его из 17-го вагона невменяемого. Спал в купе на полу — голова в коридоре. Берлиоз.

Трофимов: «Не раздеваясь, в обуви, без постели... Но странно — Иван не орал, не буянил... по крайней мере в своем вагоне... сломался окончательно. Сил не было с пола подняться на лежанку».

Штейнрайх:

— Как-то незаметно ушла Тая...

— Да нет, она, скорее, жила незаметно, негромко... А ушла весьма заметно, если это только так, как говорят.

— Мне в этой ситуации Витьку жалко...

— Да, с таким грузом горя... ему еще жить да жить...

Во всем злые языки могут обвинить театр, и в первую очередь опять шефа.

23 января 1998 г. Пятница

Меня назначили ведущим панихиду по Т. Додиной. Штатный могильщик.

Надо выткать иконостас фотографий рода. От Феклы с Федосеем и ближе, ближе. Прадедов моих нет, но есть прадед Дениса и Сережи. Как это сделать? В какой квадрат собрать это?!

25 января 1998 г. Воскресенье

Вчера была в театре презентация компьютерного диска, я слышал по радиотрансляции в своей гримерной выступление Полоки. Любимов, окруженный сворой фото-кинорепортеров в фойе, под вспышки блицев сказал мне:

— Ты-то как влип в эту кашу?.. Я — старый осел, но и ты немолодой... Что за вертеп они тут устроили... Высасывают Высоцкого...

В это время репортер подталкивает его к портрету В. С. В., тот как будто не замечает — «а вы выстраиваете мизансцену», — все-таки повинуется, становится рядом, снимается, но продолжает возмущаться. Потом идет на сцену и открывает вечер благотворительный. «Выбирайтесь своей колеей...»

На этом вечере вчера пел я «Полчаса до атаки», «Нинку» и читал «Погасло дневное светило». И торговал. В антракте пошел было с книжками снова, но увидел на своем торговом месте Нину Максимовну и ретировался в свою гримерную. Ей о книжке моей наговорили, и не хотел я ей на глаза показываться.

26 января 1998 г. Понедельник

Вот и прошли этот день 60-летия и этот ответственный спектакль.

Были начальники на фуршете — Немцов, Ресин и мой Чернэ с женой. Кажется, все остались довольны друг другом.

Сегодня, сейчас состоится, наконец, моя встреча с Э. Г. Верником и запись на радио повести «Дребезги» в авторском исполнении.

Ресину, Немцову, Караулову подарил «Дневники». Караулов обещал прислать свою книжку. Морда, блин, у него — «с похмелья не упишешь». Что эта фраза можаевская обозначает —

не знаю, но лучше не скажешь. И вот Караулов с правительством в упряжке, и шеф его принимает и обласкивает. Ни хрена не понимаю.

27 января 1998 г. Вторник

Запутался я вчера на радио в собственных словах, ни одного абзаца с ходу прочитать не мог. Вспомнил Распутина, как он читал у нас на Рогожском «Уроки французского». Я тогда пытался записать авторское чтение. После второго-третьего предложения я понял, что это пустое занятие, что никакой пользы я не извлеку от его исполнения, и, чтоб не мучить ни автора, ни свои уши, ни магнитофон, я прекратил этот эксперимент. То же самое произошло со мной вчера, когда я попытался читать «Дребезги».

29 января 1998 г. Четверг. Купе

Семен с упоением и удовольствием рассказывает, как Ресин устроил ему прием у хирурга, что делал президенту операцию на сердце, какое внимание оказал ему Акчурин, сказал, что кладет его к себе на 10 дней и «...почему через Ресина? Если бы вы сами обратились, я что, думаете, вас не принял бы?..».

Бедные, бедные артисты... честолюбие и тщеславие... Вот уж и то, что врач Ельцина к нашему телу прикоснулся, возвышает нас над другими смертными — и мы на особом кремлевском счету.

А солдат солдата застрелил и сбежал с автоматом и двумя магазинами патронов в части, где мы пели с Черняевыми. Кстати, 26-го утренним концертом в ЦДРИ Черняевы сделали себе потрясающую рекламу-отзыв. Нина Максимовна была и сказала, что это лучшая программа, которую она видела. Ребят можно поздравить, а так как они при этом говорят, что это сделал им я... то и пусть говорят — всем хорошо.

1 февраля 1998 г. Воскресенье. Йошкар-Ола

«Жизнь — это практически то, что мы сами себе придумываем», — услышал я по телефону от актрисы Мирошниченко и подивился мудрости и точности изречения.

18 февраля 1998 г. Среда, мой день

«Гришенька» Александров вскоре после смерти Л. Орловой женился на вдове своего сына от первого брака, с которой сделал монтажный фильм «Любовь».

Когда Ю. Завадский хотел ввести на роль миссис Сэвидж больную Марецкую, звезда показала зубки: «Если следующий спектакль не мой, я звоню министру культуры».

Отчего подобного нет в моем характере даже близко?! А у

Володи было, и в избытке.

Орлова — пунктик — боялась потерять молодость и красоту. «Всю жизнь я режимила».

Почему-то просверкнула мысль: надо приготовиться жить без Ирбис, а приготовиться — это значит освоить или начать надежное самостоятельное дело. Может, к тому подспудно призывала меня Алла Демидова по ТВ.

Мы снижаемся. Всю дорогу от В-ка до Москвы душа трудилась. «СПИД-инфо» до корки. О всех женах Высоцкого — и о Тане Иваненко, и о Насте... И о Ксюхе. «Он умер у меня на руках».

20 февраля 1998 г. Пятница. Внуково

Ну и опять — полет. На сей раз — Симферополь.

Я полюбил этот шум турбин, я полюбил это верещанье стюардесс, я полюбил работать как бы в самолетном кресле. Несмотря на 9-часовые перемахи по стране, чувствую я себя превосходно.

7 марта в Орле будет два месяца моему обету воздержания от алкоголя. Алкоголь из крови я выведу, но не выброшу ли вместе с градусами и ум, и талант, и вдохновение? Отчего я опять пополнел?! И когда наступит — или уже наступил? — Великий Пост. И посещают меня мысли уйти в церковь и стать священником. Если бы у Дениса был приход, если бы он был простой поп, не ударялся бы он лбом в эти православные ортодоксальности, я стал бы при нем зажигать свечи.

25 февраля 1998 г. Среда, мой день

Илья:

— Я был начальником Калининградского порта. Приехал театр миниатюр Полякова. Я пригласил весь театр, устроили прием. Там были две потрясающие девки: Томка Витченко и Рысина. У меня разбежались глаза. Они даже смеялись надо мной: «Смотри, он не знает, на ком остановиться!» Ладно. Томка жила в Москве... набережная... там полукругом спускается дом. Лето 1964 года. Я приезжаю в Москву. Прихожу к ней, мы сидим, выпиваем. Где-то поздно ночью звонок, приходит парень... Мы сидим, выпиваем втроем. Три часа ночи. Кто-то должен уйти. Мы ждем, кто это сделает. Она не провожает, не выгоняет никого... нам весело... но мы ждем друг от друга, кто уйдет. В конце концов мы уходим вместе... Прощаемся, берем такси. Он уезжает в одну сторону, я — в противоположную. Через пять минут к ее подъезду подъезжают одновременно два такси. Выходит этот парень, выхожу я... Мы рассмеялись и опять поднимаемся вместе. И до 12 дня выпиваем... Этот парень был Володя Высоцкий. Тогда я,

разумеется, не знал... Хотя он и тогда был с гитарой и пел.

Я помню Тамару Витченко — в нее был влюблен весь факультет музкомедии ГИТИСа, а может быть, и весь институт. Она была недосягаема, старше... и только сладко улыбалась и разрешала себя любить и восхищаться ею.

«...Почему здесь не говорится об Эдит Пиаф, которая кончилась от наркотиков, почему здесь не говорится о нашем гении Владимире Высоцком, который кончил так же...» — услышал я телемост Москва-Бишкек...

26 февраля 1998 г. Четверг

— Знаем вашу страсть, В. С. Но что-то мы вас не видим на пляже, вы не загораете на этот раз. И мы не видим на вас «адидас».

— Тот, кто имеет «адидас», тому любая баба даст! — Антипов изрек.

И не горит под ногами, под пятками вашими не струится огненный песок. Что с вами, В. С.?

22 марта 1998 г. Воскресенье

«Ту-154». Через 20 минут посадка в Симферополе. Дочитал «Шарашку». Последние 200 страниц по косой. В самолет не пускали, ждали, оказывается, Зюганова. Подогнали первый трап. А он вошел, поднялся в самолет по трапу № 2. Проходя мимо, поздоровался, ему никто не ответил.

25 марта 1998 г. Среда, мой день. Симферополь

Однако 29-го я буду молиться за Супрунюка, хотя это не по Божьему закону, но... свой человек и работодатель. Книжек я наподписывал с призывом «Выбирай Супрунюка!» предостаточно, чтоб набить мне морду... Но почему-то подумал: «Выиграет — хорошо, но люди Хорошковского будут иметь прямой повод для преследования моей персоны». «Это твоя подпись?» — и хрясь по морде синей книжкой... А проиграешь — они посмеются, и не заплатит остальное Супрунюк... Вот и выбирай... Но бояться стыдно. Поэтому буду молиться, чтоб выиграл, хотя он агитирует за коммунистов и за возврат к старым, социалистическим нормам... Нет, он оговаривается — «за конкретные личности»... Но я-то, я-то ведь душой за таких, как Валерий Хорошковский — 29 лет, предприниматель, миллионер... Жалко, что он на Украине, а не в России. И еще неизвестно, кто для России полезнее в Крыму. Вот Женя против нынешнего, Кучмы... а Ельцин его поддерживает и будет делать ставку на Кучму, на второй срок, и получается — я продаю своего президента. Так

ведь получается?! Мне внучек кормить... так-то оно так. Вот и получается — фитиль.

2 апреля 1998 г. Четверг. 13 часов

— Ты напрасно рассчитываешь на какую-то другую жизнь. На время, что у тебя будет на растяжки, на занятия голосом... Твоя жизнь — это гастроли, гостиничные номера, условия полевые, и надо к ним приспособиться и в них приучаться жить и держать форму... на одном квадратном метре уметь делать упражнения, не стесняться обстоятельств — брать гитару и заниматься, распеваться, не обращая внимания на перебранку горничных... не ждать, что будет какое-то другое время... его не будет... Вместо Орла будет Брянск... А вместо Брянска — Екатеринбург. Надо возить с собой скалки-скакалки, мячики, прутики...

Это я говорю партнерше. Пойду, проверю — занимается ли?!

В Ельце. На грязной, разухабистой дороге. На перекрестке. Две разухабистые проститутки. В два часа ночи. Одна жгучая блондинка, бестия рыжая и толстая. Другая такая же, но черная. Негатив-позитив. Надо же, куда продвинулась Русь-матушка.

7 апреля 1998 г. Вторник

Все дни я думаю о маме — 89 лет сегодня ей. Надо заскочить на телеграф — поздравить и попытаться до Москвы дозвониться.

11 апреля 1998 г. Суббота

В апреле 1997 г. при загадочных обстоятельствах погиб Денис Дорофеев. Строки в газете застрелили меня на месте. Я собирался ему звонить.

14 апреля 1998 г. Вторник

А позвонить надо Ларисе Григорьевне. Разыскивает она Дерябина, бывшего мужа Прокловой, ныне народного целителя, живущего где-то в деревне.

15 апреля 1998 г. Среда, мой день

24 года исполнилось сегодня любимой моей.

Почему гибель Дениса Дорофеева так пронзила меня?! Почему я прочитал об этом год спустя?!

23 апреля 1998 г. Четверг

Я переживаю успех ночного эфира с Максимовым. Первым позвонил Караченцов:

— Восхищен... как говорил... Я все в восторге толкал жену и кричал: «Ты послушай, как он говорит!.. Умница!..

Талантливый!..» Я снимаю шляпу.

Но на вахте в подъезде меня ждала завернутая в рулон гадость от Бочарова — художника союза. У него картина «Неравный брак». Невеста — Россия. По одну сторону красные — Шолохов, Распутин... По другую — лизоблюды и жиды... «Жалко, что я вас не нарисовал в эту компанию». Потом когда-нибудь я эту его листовочку, записанную тут же, рукой дрожащей онаниста и брызжущего слюной злобного завистника, перепишу в свой дневник как еще один, очередной плевок, вроде присланного когда-то мне гондона со спермой. Бог ему судья, раз он на Бога уповает...

И вот образовался у меня такой своеобразный день. С утра решил я во что бы то ни стало в Донской монастырь попасть, помолиться, Бога попросить, чтоб дал мне сил и вдохновенья начать «Жасмин».

Сегодня день рождения Театра на Таганке, ну ведь праздник!! 34 года назад свершилось великое чудо, был открыт премьерой «Доброго» — спектаклем великим, в котором я имел честь потом долгие годы играть Водоноса — Театр на Таганке, ставший моим домом, моей судьбой, моими открытиями и поражениями, жизнью моей. И как не отмечать этот день, несмотря на наши раздоры, временные ссоры, неурядицы, — день объединения.

26 апреля 1998 г. Воскресенье

Последняя пасхальная седмица — как один день. Мне в Донском яичко подарили и поздравили. Я это яичко любимой моей передам... а любимая моя — Тамара моя милая, перед которой я виноват, которую оскорбил, обидел и унизил... «на спине» которой я выскочил в «Мизантропе». Господи! Спаси и сохрани жену мою.

Когда в моей гримерной Женя Миронов, я ему оставляю какие-то добрые знаки, чтоб ему игралось и хорошо чувствовалось в гримерке и на сцене. Просто, допустим: «Женя! Привет!» Он понял, что мне тоже приятно от него ответ получить, и отвечает: «Привет, Валерий Сергеевич! Сегодня легко игралось, видимо, поэтому долбанулся головой. А в остальном... С уважением Бумбараш-2 Е. Миронов».

Ну что, переписать мне эту гадость с бочаровского «Неравного брака»?

«От автора с уважением к Золотухину, как к земляку и Бумбарашу, и с сожалением, что Вы находитесь в этой помойке предателей (как Вы это сейчас продемонстрировали в программе „Времечко“) русского, именно русского народа. Меня чуть не

вырвало от Вашего мерзкого интервью. Жаль, что я через помойку не написал Вас в этой толпе за столом. Таких, как Вы, великий Шумский называл... (Не разобрал, как называл таких, как я, великий Шумский.) Как человеку, торчащему у „кормушки“, разрешаю порвать эту репродукцию, иначе будет колоть Вашу подленькую совесть. Интервью „Времечко“ у Максимова.

21.03.1998. Извините, но Вы меня достали к этому шагу».

Вот такой хороший человек живет где-то рядом, в соседях у меня. Говорят, у него есть мой портрет его кисти, и хороший. Говорят, «Русь» у него спасают все «коммуняки» — «красно-коричневые». Сумасброд какой-то. Даже, в общем, и не очень обидно, потому что весьма неумно, грубо, зло и бесталанно.

Крымова:

— Это Наташа...

— Ой, добрый день. — Голос поперхнулся, сам как-то снизился и как-то глухо зазвучал.

— Что такой голос?.. Ну, я прочитала...

— Боюсь... оттого и голос...

— Не бойся. (Усмехнулась.) Книга честная, очень честная. Но почему ты делаешь его политиком, таким хитрым? Кроме работы, этот человек ничего не знал. Я даже хотела написать такую главу — репетиции «Мизантропа». Он приходил и валился с ног... Он говорил: «Я из этого человека выволакиваю... Я выворачиваю его наизнанку».

— Об этом в книге есть.

— Да, есть.

Короче, на вторник мы о встрече условились. И получается (см. выше) — положительная реакция Крымовой обеспечит мне гарантию «Жасмина»... Я практически всю половину сегодняшнего дня ждал ее звонка. Еще бы, быть может, час она протянула, и я бы не вытерпел и сам бы позвонил.

27 апреля 1998 г. Понедельник

Второй день переживаю — самый ответственный, страшный экзамен я сдал, рубеж, бастион Крымовой взят, перейден. Теперь мне сам черт-Любимов даже не страшен. Кстати, я его так уж никогда особенно не боялся, я всегда чувствовал за собой высокую правоту.

Шацкая узнала о том, что невестка рожает только в четверг, 23-го. Первая реакция:

— Помогать не будем.

— А и не надо, — ответил Денис, — нам папуля помог.

— Врешь...

Говорят, что это защитная реакция, так ей легче жить, когда она уверена, что отец злодей, плохой и только на ней одной дом держится. У Филатова одно слово молвилось: «До кучи».

Но все ж пришла Нинка на внучек посмотреть, не увидит почти лето все. Уезжают они с Леонидом в Барвиху, Ярмольник устраивает — и слава Богу. Это хорошее предзнаменование — в Барвиху, значит, почечные дела удовлетворительны.

28 апреля 1998 г. Вторник

Любимов подписал контракт с Бугаевым. Шесть лет не подписывал он этот документ, думая и надеясь, что ему вернут театр хотя бы к 80-летию. Этого не случилось. Он выгнал Бориса и теперь сам директор и художественный руководитель. Все документы теперь за его подписью. Через два часа репетиция «Мастера» со мной и Любой. Меня будут уличать в незнании текста, в плохом примере для молодежи.

29 апреля 1998 г. Среда

Крымова:

— Хорошо, хорошо...

Подписал ей книгу, у нее спрашивают, где купить.

— Не стыдно предлагать покупателю?

— Не стыдно, не стыдно, — твердо и решительно сказала Наташа.

Ушел я от нее победителем. Кстати, прочитала она и статью Юдит Аграчевой.

— Ну, понятно... Статья мне пригодится, — сказала она.

30 апреля 1998 г. Четверг

А что в театре? Долго вчера говорил я с Америкой, потом Америка говорила со мной.

1 мая 1998 г. Пятница

Гонорар за вчерашний концерт в воинской части я проговорил с Америкой, с Мариком из Балтимора. Разговор, насколько я понял к утру, бестолковый, у каждого из нас своя правота — правота бизнеса.

Но две вещи для меня полезно было вывести и заключить. Во-первых, он сразу исключил разговор о спектакле «В. Высоцкий» — «этому проекту я не помеха, 4 спектакля на Манхэттене...».

Стало быть, выезду «Таганки» в Америку я никоим образом своими гастролями с группой Черняевых не могу помешать. А вот второе, более и самое главное: Марк решил прокатить по крупным городам Любимова с группой поддержки.

Его идея проста — сделать деньги на 60-летии Высоцкого, заплатить Любимову по максимуму, а он-де со своими дрессированными зверями разберется.

Он как бизнесмен считает на пальцах одной руки. Идея — 60-летие Высоцкого с одной стороны с Золотухиным и 60-летие Высоцкого с другой стороны тоже с Золотухиным + Любимов. Зритель, отметивший 60-летие на одном зрелище, на другое не пойдет. И в этом случае, в этом пункте Марк прав, ну так на то он и рынок. Он спрашивал осторожно об условиях, и, может быть, мне будет выгоднее поработать с Любимовым.

2 мая 1998 г. Суббота

По сообщениям Леши Граббе, на столе у Бугаева давний проект юристов и Любимова о создании международного театрального центра под единым руководством Любимова. Смысл действий — вернуть новое помещение, для этого надо реорганизовать (читай — закрыть и оставить нужных) оба театра (слить в канаву «Содружество» — выражение Губенко).

Кстати, видел я во сне почему-то Никиту Любимова, делал ему со сцены какие-то приветственные знаки, потому что много думаю о нем последнее время и рад был видеть... Никита смотрел на меня более приветливо, чем зло, но не ответил на мои посылы.

3 мая 1998 г. Воскресенье

Любимов:

— Разрешение А. И. получено. Он не возражает. 80 лет, я надеюсь, вы знаете когда — 11 декабря 1998 г.

Бортник:

— Мы день рождения Толстого не знаем...

— Солженицын встретил меня с чертежом «Шарашки»... видимо, он думал... Эта буквалистика нам не нужна.

Катерина увидела в руках у уборщицы заявление на мое имя — материальная помощь.

— Что это у тебя? — Прочитала. — Пусть поставит визу Золотухин, и отдай секретаршам.

Хор изобретен в «Шарашке». Работы много будет этому хору.

К 80-летию Солженицына поставил бы я «Прогулки с Пушкиным» А. Терца. Или Владимова. Кстати, надо прочитать роман «Генерал и его армия».

Любимов цитирует письма В. Шаламова Солженицыну: «В сегодняшней прозе и прозе ближайшего будущего важен выход за пределы и формы литературы. Не описывать новые явления жизни, а создавать новые способы описания.

Проза, где нет описаний, нет характеров, нет портретов, нет

развития характеров... — возможна. (Вайс в «Дознании» — только попытка, проба. Но зерно истины там есть). Любимов и Таганка. Все это должно быть не литературой, а читаться неотрывно».

Новую тетрадку, что купил в лабазике «Новоселам», начну на «Медее» или утром завтра.

Торгую книгами. Чтобы спрятать стыд, чтобы не чувствовать его — спасаюсь за Блока, учу цикл «Кармен». Особенно стыдно, когда за этим занятием тебя застигают коллеги, например Иван Бортник. Или Виталий Шаповалов.

Ну и закончу я этот дневник в мучительных размышлениях стратегических, этических и пр. — говорить с Агаповой об Америке или нет? Дарить ей «Эфроса» или нет?! Прости меня, Господи.

До свиданья, тетрадь № 71!

Здравствуй, тетрадь № 72!

В. Золотухин